

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71). №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол № _____ «__» _____.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать «__» _____. Формат 70x100 1/16

___ усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/3

Дата выхода в свет «__» _____.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 656

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ланцева В. Ю., Кутало Я. Д.

Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

Статья посвящена анализу современных концептуальных основ управления развитием транспортной инфраструктуры РФ через призму ориентированности государственного управления на интерактивность, приоритетность интересов населения. Рассмотрены системы «Открытое правительство» и «Открытый регион». Приводится механизм внедрения принципа открытости деятельности органов исполнительной власти посредством системы «Открытое министерство» на примере Министерства транспорта РФ. Анализ критериев сравнения уровня открытости органов исполнительной власти позволил авторам сделать вывод о необъективности общности таких критериев, так как специфика функционирования отдельных министерств и ведомств не всегда позволяет подходить к вопросу прозрачности их деятельности одинаково.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, открытость, государственное управление, открытое министерство, интерактивность.

Современная практика государственного управления развитых стран в качестве ключевой тенденции позиционирует ориентированность государственного управления на верховенство интересов граждан, систематическое предоставление действительной информации о деятельности органов власти, а также интерактивный характер государственного управления. Обеспечение открытости органов государственной власти стало новым вектором его развития и оптимизации. Повышение информационной открытости деятельности органов государственной власти способствует повышению уровня доверия граждан государству и принимаемым управленческим решениям, формированию гражданского общества и, в конечном счете, укреплению государственного суверенитета.

В Российской Федерации система «Открытое правительство» внедряется поступательно на федеральном, ведомственном («Открытое министерство») и региональном («Открытый регион») уровнях. Данная тенденция получила закрепление посредством принятия стандарта открытости – комплексного документа, в основу которого положена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (далее – Концепция) [6, 9, 10]. Концепция открытости является основополагающим документом рассматриваемого комплекса.

Ее принятию предшествовали два этапа общественных и экспертных обсуждений с участием тридцати трех федеральных органов исполнительной власти, 56 органов исполнительной власти субъектов и общественных организаций страны (Российского союза промышленников и предпринимателей и торгово-промышленных палат), слушания в Общественной палате. По словам председателя Правительства РФ такое предварительное согласование позволило внести изменения, увеличивающие степень прозрачности, подотчетности и информационной открытости государственного управления, возможность непосредственного участия гражданского общества в подготовке и оценке государственных управленческих решений, контроля за их реализацией.

Итак, Концепция декларирует основные принципы открытости в управленческой деятельности исполнительных органов, задачи и механизмы их реализации и содержит систему стратегических ориентиров в области обеспечения открытости, подотчетности и подконтрольности власти гражданскому обществу и формирования эффективного взаимодействия органов власти с гражданами и общественными объединениями.

В качестве обоснования необходимости принятия Концепции приводится 2 блока проблем действующего государственного управления. Первый блок составляет недоработка нормативно-правовой основы в сфере обеспечения открытости государственного управления.

В первую очередь это отсутствие системного подхода в нормативно-правовом закреплении открытости государственного управления, урегулирование законодательством лишь отдельных аспектов (например, деятельность Общественной палаты РФ) [1, 2, 3, 4, 5, 7, 8]. Разработка комплексного подхода к повышению уровня открытости деятельности федеральных органов исполнительной власти должна в определенной степени способствовать разрешению пробелов нормативно-правовой базы, однако не претендует на решение проблем второго блока, хотя указанные проблемы взаимосвязаны, разрешение одних из них неминуемо повлечет разрешение вторых.

Утверждение федеральными органами исполнительной власти ведомственных планов реализации Концепции выступает ключевым методом обеспечения эффек-

тивной реализации декларируемых ее принципов открытости и задач по повышению уровня открытости.

Планы Министерства транспорта Российской Федерации по реализации Концепции направлены, в первую очередь, на оптимизацию взаимодействия Министерства с широкими слоями населения и усиление коммуникационной составляющей с референтными группами.

Привлечение к работе Министерства представителей различных социальных и общественных групп, а также представление им большего количества данных о деятельности позволит увеличить степень доверия к деятельности Министерства. Проведение организационных мероприятий на интернет-площадках Министерства позволяет установить обратную связь с различными социальными группами и учитывать их мнение для дальнейшего формирования и оптимизации плана деятельности Министерства.

В соответствии с утвержденной распоряжением Правительства РФ Концепцией открытости федеральных органов исполнительной власти в Министерстве транспорта России реализуется проект «Открытое министерство», основой которого является внедрение принципов открытости в деятельность федерального органа исполнительной власти в целях повышения эффективности и качества государственного управления.

Ход реализации Концепции также должен быть прозрачен и доступен для ознакомления как федеральным органам власти, так и представителям гражданского общества посредством организации системы мониторинга и оценки открытости в следующих формах: самообследование, экспертная оценка, социологические исследования.

Результатом мониторинга выступает ежегодный доклад Правительству РФ об открытости федеральных органов исполнительной власти. Результаты мониторинга позволяют сформировать комплексный индекс открытости федерального органа исполнительной власти, служащий основанием для составления рейтинга открытости рассматриваемых органов.

Так, например, Министерство транспорта РФ в 2015 году занимало 27 место среди 38 федеральных органов исполнительной власти по комплексному индексу открытости, который составил 45,90, а в 2016 году – 32 место с индексом открытости 45,27. Общий рейтинг формируется из таких показателей как сводный индекс по бизнесу, сводный индекс по населению, сводный индекс по экспертам, сводный индекс по исполнителям.

Однако общность критериев сравнения уровня открытости органов исполнительной власти представляется не вполне объективной, т.к. специфика функционирования отдельных министерств и ведомств не всегда позволяет подходить к вопро-

су прозрачности их деятельности одинаково. В результате становится недостижимой мотивация органа власти к усовершенствованию инструментов открытости и практики их реализации вследствие нерелевантности сравнения. Следует отметить, что в рейтинге самообследования уровня открытости за 2017 год Министерство транспорта занимает 21 место из 60.

Критериями для сравнения выступают: организация внедрения Концепции открытости в федеральных органах исполнительной власти, инициативный проект, информационная открытость, открытые данные, понятность нормативно-правовых актов и др.

Так, например, критерий «Публичная декларация целей и задач» в качестве инструментов реализации предусматривает подготовку проекта публичной декларации целей и задач на текущий год, проведение обсуждения данного проекта с Общественным советом при Министерстве транспорта РФ, организацию представления публичной декларации итоговой коллегии Министерства, размещение декларации на официальном сайте Министерства в доступном для широкого круга заинтересованных лиц формате, а также доведение до сведения своих референтных групп; формирование, предоставление в Общественный и Экспертный советы при Правительстве РФ и размещение отчета о реализации публичной декларации на сайте Министерства, обеспечение пользователей сайта возможностью получения актуальной информации о текущем исполнении публичной декларации, включая статистику, ссылки на документы, интервью, освещение общественного обсуждения результатов исполнения обязательств Министерства из публичной декларации.

В рамках стандарта открытости сформирована библиотека практик открытости федеральных министерств и ведомств. Применительно к Министерству транспорта образцовой практикой является информирование референтных групп. Созданы интернет-ресурсы, используемые министерством для удовлетворения потребности референтных групп в информировании: сайт проекта «Безопасные и качественные дороги» (<http://bkdrf.ru/>), «#назовимост» (<https://назовимост.рф/>), сайт «Инновации в транспортном комплексе» (<https://itk-mdl.asutk.ru/>), проект «Сокращение выбросов парниковых газов от автомобильного транспорта в городах России» (<http://proecotrans.ru/>). Доступ к ресурсам организован с главной страницы сайта Министерства.

Впервые в России официальной приемной обращений граждан 36 регионов страны стала популярная социальная сеть «ВКонтакте». Создано 39 сообществ проекта «Безопасные и качественные дороги», в которые уже вступили более 8000 пользователей. Установленный срок ответа на комментарии – 48 часов.

Функционал сети «ВКонтакте» позволяет увидеть реальную оценку проекта населением агломераций. Уже проведено 7 голосований с охватом более 68 тысяч уникальных пользователей. В июне 2017 года 8 граждан из 10 не верили в успех

проекта. К ноябрю 2017 года количество ничего не знающих о проекте людей сократилось почти на 10%. А активный ремонт дорог заметили порядка 75% граждан.

Также на сайте проекта «Безопасные и качественные дороги» функционирует интерактивная карта проведения ремонтных работ. Это картографический сервис представлен по каждой из 38-ми агломераций-участников проекта «Безопасные и качественные дороги». На карте дорожных работ визуализированы объекты дорожных работ в соответствии с их статусом (работы ведутся, работы планируются, работы завершены). Таким образом получать актуальную отчетность о ходе ремонтных работ может любой житель агломерации.

Результатом внедрения данной практики стало повышение информационной открытости в рамках реализации проекта «Безопасные и качественные дороги», получение актуальной и достоверной обратной связи от конечной целевой аудитории проекта (населения агломераций), выработка корректирующих действий участников проекта (федеральных органов исполнительной власти, Правительства субъектов РФ, а также подрядных организаций), демонстрация максимальной открытости проекта, и, как следствие, повышение доверия граждан к деятельности органов власти.

Концепция внедрения принципов открытости государственного и муниципального управления в субъекте Российской Федерации по своему содержанию практически полностью идентична Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти. Таким образом, ее можно считать типовым рекомендательным документом. Типовой характер Концепции внедрения принципов открытости государственного и муниципального управления в субъекте Российской Федерации подтверждается также возможностью принятия региональной концепции и (или) стандарта открытости.

Реализации принципов открытости в деятельности органов власти может способствовать принятие региональных государственных программ и внедрение пилотных проектов, направленных на внедрение и развитие механизмов (инструментов) открытости, поддержку общественных и гражданских инициатив, институтов гражданского общества, совершенствование государственного и муниципального управления.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.04.2005 N 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения 30.05.2019 г.)

2. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
3. Указ Президента РФ от 04.08.2006 N 842 (ред. от 23.05.2013) «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62060/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 25.09.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011 - 2020 годы)»». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
6. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 N 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
7. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
8. "Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года" (утв. Правительством РФ 31.01.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141585/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
9. "Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти" (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 N АМ-П36-89пр). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164953/ (дата обращения 30.05.2019 г.)
10. "Методика мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти" (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 N АМ-П36-89пр) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165213/ (дата обращения 30.05.2019 г.)

Lantseva Veronika, Kutalo Yana. Conceptual bases of the management of Russian Federation transport infrastructure development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 3-11.

The article is devoted to the analysis of the modern conceptual foundations of managing the development of the transport infrastructure of the Russian Federation through the prism of the focus of government on interactivity, the priority of the interests of the population. Considered the system "Open Government" and "Open Region". A mechanism is introduced for introducing the principle of openness in the activities of executive bodies through the Open Ministry system using the example of the Ministry of Transport of the Russian Federation. The analysis of the criteria for comparing the level of openness of the executive authorities allowed the authors to draw a conclusion about the bias of the generality of such criteria, since the specificity of functioning of individual ministries and departments does not always allow to approach the issue of the transparency of their activities in the same way.

Key words: transport infrastructure, openness, government, open ministry, interactivity.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon ot 04.04.2005 N 32-FZ (red. ot 05.12.2017) «Ob Obshchestvennoj palate Rossij-skoj Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
2. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2012 N 601 «Ob osnovnyh napravleniyah sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
3. Ukaz Prezidenta RF ot 04.08.2006 N 842 (red. ot 23.05.2013) «O poryadke obrazovaniya obshchestvennyh sovetov pri federal'nyh ministerstvah, federal'nyh sluzhbah i federal'nyh agentstvah, ruko-vodstvo deyatel'nost'yu kotoryh osushchestvlyayet Prezident Rossijskoj Federacii, pri federal'nyh sluzhbah i federal'nyh agentstvah, podvedomstvennyh etim federal'nyim ministerstvam». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62060/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
4. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 N 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 N 313 (red. ot 25.09.2018) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Informacionnoe obshchestvo (2011 - 2020 gody)»». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.01.2014 N 93-r «Ob utverzhdenii Konceptii otkrytosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (red. ot 28.09.2018) «O Konceptii dolgo-srochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» (vmeste s «Konceptiej dolgo-srochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
8. "Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2018 goda" (utv. Pravitel'stvom RF 31.01.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141585/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
9. "Metodicheskie rekomendacii po realizacii principov otkrytosti v federal'nyh organah is-polnitel'noj vlasti" (utv. protokolom zaonchnogo golosovaniya Pravitel'stvennoj komissii po koor-dinacii deyatel'nosti otkryto-go pravitel'stva ot 26.12.2013 N AM-P36-89pr). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164953/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)
10. "Metodika monitoringa i ocenki otkrytosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti" (utv. protokolom zaonchnogo golosovaniya Pravitel'stvennoj komissii po koordinacii deyatel'nosti otkry-to-go pravitel'stva ot 26.12.2013 N AM-P36-89pr) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165213/ (data obrashcheniya 30.05.2019 g.)

УДК 347

ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Жинкин С. А.

Кубанский государственный университет

Статья посвящена некоторым актуальным вопросам идеологического воздействия права в контексте его этнических и культурных факторов. Эти факторы необходимо учитывать в формировании и реализации правовой идеологии в современной России. Автор приходит к выводу, что Российскому государству и его правовой системе необходима развернутая и содержательно продуманная концепция общенациональной правовой идеологии, которой в целостном (концептуальном) виде пока нет, что отрицательно сказывается на всем состоянии социально-правового пространства России и не позволяет в достаточной мере применять имеющийся потенциал и традиционных, и инновационных юридических средств. В новой формирующейся правовой идеологии важно учесть, как общечеловеческий, цивилизационный, так и национальный правовой опыт, обосновать ее на началах, с одной стороны, требований нынешнего времени, с другой – национального менталитета и необходимости сохранения национально-культурной идентичности и доказавших свою жизнеспособность прежних политико-правовых решений.

Ключевые слова: влияние, этнические факторы, социальные факторы, идеологическая функция права.

Сегодня стало вполне очевидным, что ни одно государство, не обладающее государственно-правовой идеологией, в которой была бы отражена самобытность культурно-правовой истории его народа, не в состоянии сформировать эффективное законодательство [6, с. 32]. Результативность любой социальной идеологии, в том числе правовой, в огромной мере зависит от ее связанности с культурными основами жизнедеятельности соответствующего общества в конкретный исторический период. Эти культурные особенности в условиях современной России во многом связаны с этническими факторами.

В современных правовых системах возрастает значение правовой идеологии, идеологический компонент занимает значительное место в законодательстве многих государств. Однако следует отметить, что идеологическая функция права, являясь одной из важнейших в современной России, испытывает влияние разнонаправленных условий, тенденций и сил. По мнению М. К. Горшкова, в настоящее время в России «сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеет к патриархально-коллективистской модели ценностей» [4, с. 363]. В связи с этим в современной России особенно необходима гармонизация формирующейся и обновляющейся правовой идеологии с правовой психологией, народным менталитетом, тенденциями и особенностями его развития и содержания. Сегодня, что нередки случаи «столкновения», противоречий правовой идеологии, выраженной в законодательстве государственной воли с проявлениями обыденного правосознания, с массовой правовой психологией и ее специфическими характеристиками.

В данном контексте прежде всего отмечу, что одной из важнейших и недооцененных задач идеологической функции права в современной России является юридическая реализация и защита наполненной конкретным содержанием национальной идеи. По мнению И. Б. Чубайса, дореволюционное российское общество развивалось под знаком русской идеи, включающей такие ценности, как православие, собиранье земель, общинный коллективизм. Однако историческое развитие способствовало постепенному девальвированию этих компонентов русской идеи [10, с. 2]. Таким образом, в содержательном плане эти компоненты русской идеи по сути дела исчезли либо потеряли свою актуальность, однако это не означает, что культурные и идеологические факторы перестали оказывать влияние на развитие правовой системы в современной России, и наше общество больше не нуждается ни в каких идейных основах.

Сегодня в концепцию русской идеи различные авторы содержательно включают такие ценности, как идея экономического прорыва, идея сохранения России в качестве великой, глобальной державы (в том числе в военном отношении), идея демократической страны, имеющей добрые и взаимовыгодные отношения с остальным миром. Немало авторов полагают целесообразным включать в национальную идею такие ценности, как справедливость, социальная защита, гражданственность, доброта, что должно, по их мнению, уравнивать негативные аспекты рыночной экономики и частнособственнических отношений [8, с. 150].

При этом следует иметь в виду, что в социокультурном плане, в том числе и в политико-правовой сфере, конец 20 – начало 21 века осложнены в России новой мощной волной так называемой вестернизации. Результатом этой волны стало не только некое свободное приобщение более или менее образованных слоев общества к мировой, в том числе правовой, культуре и ее различным проявлениям, но и «основательный подрыв нравственных устоев народа, которому навязываются худшие образцы западной культуры» [9, с. 28]. В то же время одной из самых серьезных и неоднозначных проблем современной российской юридической культуры и практики является нерезультативность, с позволения сказать, «прививки» российской правовой культуре либеральных западных политико-правовых ценностей, норм, идей. Многие западные либеральные концепции «бездумно переносились на российскую почву, причем нередко та или иная политико-правовая модель механически копировалась без учета национально-исторических традиций и особенностей правовой культуры России» [5, с. 39].

В этом плане хотелось бы обратить внимание на то, что сегодня крайне необходимо кардинальное изменение идеологии самого взаимодействия народа и властных структур и правовых аспектов такого взаимодействия. Такое изменение должно быть не только идеологическим, но и нормативно-правовым с выработкой соответствующих механизмов реализации. К сожалению, сложившаяся политическая система в современном российском обществе, по данным социологических опросов, ассоциируется в массовом сознании преимущественно «не столько с демократией, сколько с политикой административного диктата и произвольного использования власти высокопоставленными должностными лицами, чиновниками» [2, с. 33]. Поэтому важной задачей является изменение отношения российских граждан к власти, развитие доверия к деятельности государства, в чем большую роль должно сыграть надлежащее совершенствование правовой системы. По справедливому замечанию

Л. М. Ганцевой, власть для современных российских граждан – не определенный набор субъективных прав и, что еще важнее, юридических обязанностей, а конкретная личность, которая осуществляет властные полномочия и проводит политику по своему усмотрению. Для «русского менталитета характерно особое отношение к власти, перевод этого абстрактного понятия в личностную форму» [3, с. 46]. В этом же ключе высказывается и Р. С. Байниязов, который отмечает, что необходимо изменить сущность российского правосознания, менталитета, поскольку российский человек склонен идентифицировать авторитет власти, ее реальную силу с определенным лицом (персонализация государства) [1, с. 17]. Практика государственно-правового строительства 20 века показала, насколько катастрофической может быть цена ошибки, связанной с персонализацией власти и проведения государственной политики на основе «харизматизации» лидера страны, что, к сожалению, относится и к отечественной истории.

Вряд ли стоит отрицать то, что постоянные, имманентные изменения государственных институтов и правовой системы ее элементов в России являются неотъемлемой чертой ее прошлого и, как минимум, весьма вероятны в ее будущем. Этот феномен российской государственно-правовой идентичности обусловлен взаимосвязью двух значимых факторов. В «онтологической части – это установка россиян на непрерывный поиск индивидуального и национального смыслов жизни (личной и национальной идеи). В феноменальной части – это волонтаризм власти, вхождение в которую так немило русскому народу» [7, с. 60]. Важнейшая задача идеологической функции права в этом плане – не просто нормативно упорядочить эти изменения, создать соответствующие эффективные процедуры и механизмы, но и подчинить их единым и четким ценностным основам, аккумулирующим и прошлый социально-правовой и политический опыт, и требования новых исторических реалий.

Нынешнему Российскому государству и его правовой системе необходима развернутая и содержательно продуманная концепция общенациональной правовой идеологии, которой в целостном (концептуальном) виде пока нет, что отрицательно сказывается на всем состоянии социально-правового пространства России и не позволяет в достаточной мере применять имеющийся потенциал и традиционных, и инновационных юридических средств. В новой формирующейся правовой идеологии важно учесть, как общечеловеческий, цивилизационный, так и национальный правовой опыт, обосновать ее на началах, с одной стороны, требований нынешнего времени, с другой – национального менталитета и необходимости сохранения национально-культурной идентичности и доказавших свою жизнеспособность прежних политико-правовых решений.

Список литературы

1. Байниязов Р. С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. №3.
2. Бойков В. Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. №6.
3. Ганцева Л. М. Особенности формирования правового сознания россиян в современных условиях // Вестник Башкирского университета. 2001. №1.
4. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
5. Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002.

6. Колдаева Н. П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые подходы. М., 1995.
7. Курашов В. И. Нация в общечеловеческом и российском измерениях. Казань, 1999.
8. Манченко А. П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.
9. Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. №10.
10. Чубайс И. Мы построили большой дом, и должны вместе его обустроить // Книжное обозрение. 1997. 8 июля.

Zhnkin Sergey. Questions of the influence of ethnic and cultural factors on the implementation of the ideological function of law in modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 10-13.

The article is devoted to some topical issues of ideological impact of law in the context of its ethnic and cultural factors. These factors should be taken into account in the formation and implementation of legal ideology in modern Russia. The author comes to the conclusion that the Russian state and its legal system need a comprehensive and meaningfully conceived concept of a nationwide legal ideology, which does not yet exist in a holistic (conceptual) form, which negatively affects the entire state of the social and legal space of Russia and does not allow sufficiently existing potential and traditional, and innovative legal means. In the new emerging legal ideology, it is important to take into account both universal, civilizational and national legal experience, justify it on the basis of, on the one hand, the requirements of the present time, on the other, the national mentality and the need to preserve the national-cultural identity and the political legal decisions

Key words: influence, ethnic factors, social factors, ideology function of law.

Spisok literatury

1. Bajniyazov R. S. Pravosoznanie: psihologicheskie aspekty // Pravovedenie. 1998. №3.
2. Bojkov V. E.H. Social'no-politicheskie cennostnye orientacii rossiyan: sodержanie i vozmozhnosti realizacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. №6.
3. Ganceva L. M. Osobennosti formirovaniya pravovogo soznaniya rossiyan v sovremennyh usloviyah // Vestnik Bashkirkirskogo universiteta. 2001. №1.
4. Gorshkov M. K. Rossijskoe obshchestvo v usloviyah transformacii (sociologicheskij analiz). M., 2000.
5. Gricenko G. D. Pravo kak sociokul'turnoe yavlenie: sostoyanie problemy i perspektivy razresheniya. Stavropol', 2002.
6. Koldaeva N. P. K voprosu o roli ideologicheskikh faktorov v pravooobrazovanii // Teoriya prava: novye podhody. M., 1995.
7. Kurashov V. I. Naciya v obshchechelovecheskom i rossijskom izmereniyah. Kazan', 1999.
8. Manchenko A. P. Social'naya modernizaciya v sovremennoj Rossii. M., 2000.
9. Martyshein O. V. O nekotoryh osobennostyah rossijskoj pravovoj i politicheskoy kul'tury // Gosudarstvo i pravo. 2003. №10.
10. CHubajs I. My postroili bol'shoj dom, i dolzhny vmeste ego obustrivat' // Knizhnoe obozrenie. 1997. 8 iyulya.

УДК: 340 (470) «199/200»

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПРОКУРАТУРЫ КРЫМА ПО РАБОТЕ С
ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В 1991 – 2014 ГГ.**

Задерейчук А. А., Задерейчук И. П.

***Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Крымский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры Российской Фе-
дерации***

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с организацией и осуществлением работы прокуратуры Автономной Республики Крым с обращениями граждан. В работе проанализировано правовое регулирование этого вида деятельности. Отдельно рассмотрена динамика изменения численности ежегодных обращений граждан, выявлены и проанализированы их причины. Утверждается, что наибольшее количество обращений было связано с нарушениями или бездеятельностью органов дознания и следствия, а также с проблемами, вызванными сложным социально-экономическим положением, которые в свою очередь приводили к закрытию предприятий, невыплатам заработных плат, незаконным увольнениям.

Ключевые слова: прокуратура Крыма, прием граждан, прокурорский надзор.

Среди важнейших направлений работы органов прокуратуры занимает деятельность, направленная на работу с гражданами, которая осуществляется в различных формах. Прежде всего, это прием обращений и жалоб от населения с целью защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, укрепления законности и правопорядка, а также повышения уровня доверия к государственным институтам. Успех в этом направлении прокурорской деятельности возможен лишь только путем обеспечения того, чтобы каждое обращение было своевременным, объективным и в полном объеме рассмотрено и решено.

Организация работы по рассмотрению и решению обращений и личного приема граждан в изучаемый период деятельности прокуратуры Крыма заключалась в первую очередь в обеспечении городскими, районными, межрайонными и другими приравненными к ним прокурорами необходимых условий для реализации гражданами права на обращение и личный прием. Важная роль в этом процессе отводилась аппарату и руководству республиканской прокуратуры. На них лежала ответственность по контролю за работой с гражданами нижестоящих прокуратур, а также решение наиболее сложных заявлений и тех обращений граждан, которые не нашли своего удовлетворения в горрайпрокуратурах.

Работа органов прокуратуры Крыма по организации указанной работы осуществлялась следующими путями: обеспечение рассмотрения обращений и приема граждан в строгом соответствии с требованиями соответствующих Законов Украины и приказов Генерального прокурора Украины; обеспечение полного, объективного и качественного решения каждого изложенного заявителем довода при осуществлении проверки по обращениям и предоставление юридически грамотного, обоснованного и мотивированного ответа; обеспечение неукоснительного соблюде-

ния утвержденного графика и установленного порядка приема граждан; периодического изучения работы по решению обращений и личного приема, причин поступления обоснованных обращений. С целью обеспечения эффективности работы органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий, учреждений прокуроры проводили проверки, направленные на выявление нарушений в работе с обращениями граждан [1, л. 3 – 4].

Порядок рассмотрения и разрешения заявлений, жалоб и иных обращений, поступавших в органы прокуратуры Крыма, регулировались нормами, закрепленными в Законах Украины «О прокуратуре», «Об обращении граждан» и приказами Генерального прокурора Украины. В этих нормативно-правовых актах устанавливались сроки рассмотрения и принятия решения по поступившим обращениям. Заявления и жалобы граждан и должностных лиц, поступающие в прокуратуру, рассматривались и разрешались прокурором в срок не позднее месяца, а не требующие изучения и проверки – 15 дней. Максимальный срок разрешения жалобы не мог превышать касательно обращения граждан и юридических лиц – 45 суток, обращения народных депутатов Украины – 30 суток [2].

Руководство прокуратуры Крыма уделяло большое внимание работе с обращениями граждан, систематически требовало от своих подчиненных надлежащим образом выполнять свои полномочия в этом направлении деятельности. Работая с обращениями и жалобами, прокуроры получали ценную информацию о нарушениях прав и свобод граждан, допускаемых в регионе; о преступлениях и других общественно опасных правонарушениях, совершаемых как лицами, проживающими в регионе, так и другими лицами; об органах и должностных лицах, нарушивших права и свободы граждан и совершивших иные правонарушения. Кроме того, благодаря личному приему граждан прокурором республики и его заместителями, прокурорами управлений и отделов, горрайпрокурорами существовала реальная возможность изучения общественного мнения о прокуратуре в целом и об отдельных ее сотрудниках в частности, что имело важное значение для совершенствования работы прокуратуры Крыма и устранения выявленных недостатков. Проводимая работа с обращениями граждан позволяла руководству прокуратуры Крыма выявлять и предпринимать неотложные меры для устранения наиболее типичных нарушений прав и свобод граждан.

Для понимания ситуации с обращениями граждан необходимо обратиться к статистическим данным, которые каждый год систематизировались и анализировались на коллегии прокуратуры Крыма. В 90-е гг. динамика поступлений письменных жалоб и заявлений граждан выглядела следующим образом: в 1991 г. всего поступило 18 029 [3, л. 4]; в 1992 г. – 11 469; в 1993 г. – 15 628 [4, л. 61]; в 1994 г. – 11 407 [5, л. 4]; в 1995 г. – 11 378; в 1996 г. – 12 978 [6, л. 135]; в 1997 г. – 16 177; в 1998 г. – 19 268 [7, л. 55 – 57]; в 1999 г. – 21 539 [8, л. 49]; в 2000 г. – 22 811 [9, л. 26]. В 200-х гг. динамика обращений граждан в органы прокуратуры имела положительную тенденцию. В 2003 г. поступило 23 771, в 2004 г. 27 565 [10, л. 3], в 2005 г. – 34281; в 2006 г. – 31905; в 2007 г. – 33302 обращений в прокуратуры всех уровней автономии [11, л. 33].

Указанные цифры позволяют сделать вывод, что граждане пользовались своим конституционным правом на обращение. Кроме того, наметившуюся тенденцию к увеличению обращений граждан можно объяснить рядом причин. Во-первых, это

было связано со сложным положением в экономике, падением материального благосостояния значительной части населения, высокой криминогенностью общества; во-вторых, ненадлежащим разрешением заявлений в иных ведомствах; в-третьих, правовой неграмотностью и недостаточным уровнем правовой пропаганды. Если говорить о второй половине 90-х гг. XX в. можно утверждать, что рост обращений был связан с активизацией работы прокуратуры по борьбе с преступностью. Кроме того, прокуроры стали больше внимания уделять вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина, что в сложных условиях социально-экономического и политического развития региона было крайне необходимым [6, л. 135].

Также основными причинами поступления обоснованных жалоб в аппарат прокуратуры Крыма являлось незнание, а зачастую и игнорирование многими руководителями и должностными лицами законов, что свидетельствовало об ослаблении прокурорского надзора в этом направлении. Помимо указанного руководителя прокуратуры В. М. Купцов, а затем и В. В. Шуба требовали от своих подчинённых надлежащим образом проводить работу, направленную на разъяснение законодательства и усиление уровня правовой пропаганды среди населения [12, л. 29 – 30]. Большое значение в этой связи отводилось использованию прокуратурой возможностей СМИ. В своих выступлениях прокуроры всех уровней призывали граждан доверять органам прокуратуры, оказывать содействие в раскрытии преступлений.

При этом стоит отметить и тот факт, что постепенная динамика роста обращений была вызвана и неосведомленностью граждан о необходимости обращаться в другие органы для защиты своих прав. Например, за 1997 г. всего было сделано 4168, а за 1998 г. 4698 обращений граждан, которые были отправлены в иные ведомства для разрешения [7, л. 57], а сами прокуроры рассмотрели, например, в 1996 г. 8988 обращений и жалоб (69,2 %), а в 1997 г. 11491 (71 %) от общего количества поступивших [13, л. 73]. В 2000-х гг. эта тенденция продолжала сохраняться, когда около 30 % обращений граждан продолжали перенаправлялись в другие ведомства для решения их по существу. Например, в 2007 г. из 33 302 жалоб и обращений в производство было принято прокурорами 24 540 (73,7% от поступивших) [11, л. 33]. Такое положение дел было вызвано рядом объективных и субъективных причин. Руководители прокуратур, справедливо считали, что их подчинённые должны были больше внимания уделять повышению уровня праворазъяснительной работы среди населения [7, л. 54]. Значительное число поступивших обращений свидетельствовало об отсутствии упреждающего прокурорского надзора, как показывали проверки, не все горрайпрокуроры должным образом осуществляли надзор за следствием и дознанием, что влекло поступление обоснованных обращений граждан в прокуратуру АР Крыма. В разные периоды исторического развития прокуратуры Крыма эти недоработки в деятельности прокуратуры относились ко всем ее структурным подразделениям, которые функционировали на территории АР Крым. Успех этой работы всецело зависел от руководителя горрайпрокуратуры, его контроля за эффективностью работы своих подчиненных [7, л. 55].

Если проанализировать все обращения граждан, то наиболее их количество поступало по вопросам нарушения в сфере следствия и дознания, а также несоблюдения органами государственной власти, местного самоуправления, руководителями предприятий и организации прав и свобод граждан.

Сложная криминогенная обстановка в республике в 90-е гг. XX в. оказывала влияние на увеличение количества жалоб по вопросам соблюдения законности в органах следствия и дознания. Например, в 1997 г. количество решенных жалоб увеличилось с 3041 до 4090. В целом часть жалоб данной категории была высокой и составляла 35 % от всех обращений граждан. Причинами удовлетворения жалоб по вопросам следствия и дознания была поверхностная проверка заявлений и сообщений о преступлениях, вынесение незаконных постановлений, нарушение следователями и дознавателями норм уголовно-процессуального законодательства [13, л. 74]. Немалое количество жалоб, которые поступали по вопросам следствия, как в прокуратуре, так и в милиции, были направлены на замену предупредительных мер, при этом в обращениях заявителей, их родственников, да и адвокатов сознательно искривлялись факты. При проверках изложенное в обращениях не подтверждалось в связи с тем, что жалобы или отклонялись, или по ним давались разъяснения [13, л. 77].

В 90-е гг. происходило увеличение количества жалоб от населения по трудовому законодательству. Основные причины их поступления были связаны тяжелым экономическим кризисом, вызванным распадом СССР и переходом от командно-административной системы управления экономики к рыночной. Все это привело к невыплате заработной платы, увольнению в связи сокращением штата или ликвидацией предприятия [13, л. 73]. Существовало много нарушений и в области соблюдения жилищных прав граждан. В большей части поступали обращения на судебные решения по жилищным спорам, вопросам трудового законодательства, взыскания материального и морального ущерба, вопросам признания права собственности на жилое строение, на действия государственных органов и должностных лиц [8, л. 50].

В сложных социально-экономических условиях развития Крыма руководство прокуратуры постоянно требовало от своих подчиненных усиливать работу с обращениями граждан. Например, по результатам заседания коллегии, которая проходила в прокуратуре Крыма 18 апреля 1997 г., было отмечено, что после того как в ноябре 1996 г. проверкой были выявлены существенные недостатки и просчеты в организации работы по рассмотрению обращений граждан, руководством республиканской прокуратурой, лично прокурором АР Крым В. В. Шубой, с целью их устранения принимались меры организационного и практического характера, что способствовало улучшению работы на данном направлении [12, л. 29 – 30].

Основными причинами, которые порождали значительное количество жалоб и обращений в органы прокуратуры являлось нарушение законов со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц предприятий, учреждений и организаций, социальная незащищенность граждан, что делало невозможным получение ими надлежащей правовой помощи касательно защиты нарушенных прав и заставляло обращаться по этим вопросам в органы прокуратуры. При этом заявителям сообщались конкретные органы государственной власти и местного самоуправления, в компетенции которых были отнесены вопросы, содержащиеся в обращениях. Разъяснялся механизм обжалования принятых процессуальных документов и судебных решений по уголовным и гражданским делам, действий судей и должностных лиц, а также возможности самостоятельной защиты нарушенных прав и охраняемых законных интересов.

Поступившие в 2004 г. обращения и жалобы по тематике делились следующим образом: следствие и дознание – 8 701 (44,6 %); по вопросам надзора за соблюдением и применением законов – 7 663 (39,2 %); по вопросам законности приговоров и иных судебных решений по уголовным делам – 710 (3,6 %); по вопросам законности судебных решений по гражданским делам – 667 (3,4 %); по вопросам законности решений хозяйственными судами – 149 (0,8%) [10, л. 4].

Спустя три года в 2007 г. по вопросам надзора за соблюдением и применением законов – 10525 или 42,90 %; по вопросам следствия и дознания поступило 9212 жалоб или 37,6 %; по вопросам представительства интересов граждан и государства в суде – 1841 или 7,5 %; по вопросам законности приговоров и других судебных решений по уголовным делам 907 или 3,78 % [11, л. 12].

Интересно будет рассмотреть пример работы с обращением граждан работниками отдела по надзору за расследованием уголовных дел следователями прокуратуры АР Крым за 2002 г. Согласно статистическим данным за 2002 г. работниками отдела разрешено 1069 обращений граждан, за 2001 г. – 737 обращений, за 2000 г. – 763. По характеру обращений в 2002 г. можно выделить многочисленные примеры жалоб: на необъективное ведение следствия 549 из 1069; на отказ в возбуждении уголовного дела 212 из 1069; на необоснованное привлечение к уголовной ответственности 186 из 1069; на прекращение уголовных дел 54 из 1069; на изменение меры пресечения с содержанием под стражей на подписку о невыезде 32 из 1069 [14, л. 25 – 28].

Например, в 1998 г. по результатам обращений граждан было возбуждено 42 уголовных дела (в 1997 г. только 5) внесено 145 представлений и предписаний, принесено 107 протестов (в 1997 г. 247) к дисциплинарной ответственности привлечено 66 человек (в 1997 г. 25) [7, л. 57].

В 2000 г. по результатам 152 проверок соблюдения Закона Украины «Об обращении граждан», было вынесено 15 протестов, 192 представления, привлечено к дисциплинарной ответственности 67 человек, в том числе 43 должностных лица. Прокурорам во время проведения проверок удалось выявить многочисленные факты нарушения сроков рассмотрения обращений граждан, обязательного направления письменных ответов на их жалобы и заявления, бездушного отношения к проблемам людей, грубейшие нарушения в личном приеме граждан руководителями предприятий, организаций [9, л. 32].

Изменения в действующем законодательстве Украины также влияло на рост количества обращений граждан. Внесение изменений в отраслевое законодательство, а также ликвидация институтов опротестования судебных решений способствовало этому. Существенноросло количество обращений граждан касательно привлечения к уголовной ответственности судей в связи с принятыми ими, как считали заявители, неправосудных решений [10, л. 4].

Основным объяснением данного факта, как и раньше, является то, что согласно Конституции Украины, юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, которые возникали в государстве, поэтому граждане активно реализовывали свои процессуальные права на обращение в суд с исками и, соответственно, чаще обращались в органы прокуратуры по вопросам представительства их интересов в суде (в том числе путем подачи прокуратурой апелляционных и кассационных жалоб).

Во многих случаях обращения граждан в прокуратуры с заявлениями о представительстве обусловлено причинами психологическими, поскольку, для заявителей, особенно тех, кто относится к социально незащищенным слоям населения представительство прокуратурой их интересов в суде (в частности, в форме участия прокурора в рассмотрении дел судами первой или апелляционной инстанции) являлось, с их точки зрения, условием законности будущих действий и решений суда или определенным преимуществом над противоположной стороной в гражданско-правовом споре [15].

Нагрузка в работе оперативных работников отдела по разрешению жалоб в 2001-2002 гг. характеризовалось следующими данными [14, л. 29]:

№	Фамилия имя отчество	Нагрузка на работника	
		2001	2002
1	Пелишенко Л. Е.	218	289
2	Дейнеко Л. Э.	244	195
3	Панов И. Л.	136	160
4	Андрусак В. М.	163	139
5	Шуляк В. Н.	39	139
6	Авидзба Д. В.	-	91
7	Чувашлева Н. И.	-	45
8	Любинецкий Н. В.	-	11

За 12 месяцев 2002 г. в отдел надзора за соблюдением законов о правах несовершеннолетних поступило 116 жалоб, в то время как в 2001 г. было всего 34. Руководитель отдела Н.Л. Новикова объясняла такой стремительный рост обращений активизацией работы отдела (освещение вопросов соблюдения прав несовершеннолетних в СМИ; увеличение числа проверок в поднадзорных объектах, в т.ч. учреждениях образования, государственных учреждениях интернатного типа и т.п.). Кроме того, отделом разрешались обращения, в которых не сообщалось о нарушениях прав несовершеннолетних. В частности, работников поднадзорных учреждений о нарушениях их прав (о невыплате им заработной платы, неправомерное увольнение и т.п.). Среди жалоб, разрешенных в отделе, следует выделить: о защите жилищных и имущественных прав – 21; о неправомерных действиях работников МВД – 11 (подтвердилась только одна); о ненадлежащем воспитании детей одним из родителей – 7 [11, л. 113 – 115].

С целью улучшения работы прокуратуры с обращениями и жалобами граждан, принятием передового опыта в системе прокуратуры АР Крыма время от времени организовывались и проводились специальные учебно-методические семинары. Например, согласно плану проведения семинара, в прокуратуре г. Феодосии 24 июня 2008 г. предполагалось пригласить представителей прокуратуры г. Керчи, Судак, Феодосии, Кировского, Ленинского районов, Керченской межрайонной природоохранной и Керченской транспортной прокуратур. Перед собравшимися выступила начальник отдела по вопросам рассмотрения писем и приема граждан Т.Ю. Нелюбов. Она посвятила свое выступление организации работы горрайпрокуратур по выполнению требований приказа ГПУ №9-гн от 28 декабря 2005 г. «Об организации работы по рассмотрению и решению обращений и личного приема в органах прокуратуры Украины» и Инструкции о порядке рассмотрения и решения обраще-

ний и личного приема в органах прокуратуры Украины. Помимо Т. Ю. Нелюбов перед собравшимися также выступили: О. В. Литвина – начальник управления представительства, защиты интересов граждан и государства в судах; Н. Л. Новикова – начальник отдела защиты прав и свобод несовершеннолетних; И. А. Доброрез – начальник управления защиты имущественных, иных личных прав и свобод граждан и интересов государства; С.В. Булгаков – начальник отдела надзора за соблюдением законов органами внутренних дел при проведении дознания и досудебного следствия [14, л. 114 – 115]. Проведение подобных учебных семинаров было направлено на повышение качества работы прокуроров с гражданами, изучение наиболее типичных ошибок, допускаемых прокурорами в ходе работы с обращениями и жалобами. Проведение подобных семинаров было направлено на формирование у прокуроров понимания необходимости искоренения в своей практической деятельности при рассмотрении обращений граждан формализма и бездушности. Кроме того, они должны были давать принципиальную оценку каждому факту недобросовестного отношения к работе с обращениями, нарушением сроков и порядка рассмотрения, ненадлежащего исполнения своих обязанностей со стороны должностных лиц и руководителей предприятий и учреждений.

Осуществление прокуратурой Крыма деятельности, направленной на работу с обращениями и жалобами граждан, в изучаемый период регулировалась Конституцией Украины, Конституцией АР Крым, Законом Украины «О прокуратуре», а также ведомственными приказами. Руководство прокуратуры Крыма систематически требовало от своих подчиненных ответственно подходить к работе с гражданами, оперативно обеспечивать восстановление нарушенных их прав. Именно благодаря постепенному росту доверия граждан к органам прокуратуры, наряду с низкой правовой культурой населения, происходило ежегодное увеличение числа обращений. Естественно, что виной этому было и само безразличие представителей органов государственной власти и местного самоуправления к проблемам человека и гражданина. Именно это становилось одной из главных причин увеличения нагрузки на прокурора, а также системного надзора прокуратурой за выполнением чиновниками соответствующего украинского законодательства об обращении граждан. Результатом этой деятельности являлось принятие соответствующих актов прокурорского реагирования и обеспечения лучшей работы соответствующих органов власти. Только в системной работе прокуроров по надзору за соблюдением прав граждан на обращение, проведением соответствующих выступлений в СМИ возможно было достигать улучшения ситуации в недопущении нарушении прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Государственный архив республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 2718.
2. Об организации работы по обращению граждан в органы прокуратуры [Электронный ресурс]: Приказ Генерального прокурора Украины №5 от 18 марта 1997 г. // Режим доступа : // <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/v0005900-97>. – Заголовок с экрана.
3. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 894.
4. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 947.
5. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 972.
6. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1022.
7. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1094.
8. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1147.

9. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1207.
10. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1496.
11. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1728.
12. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1023.
13. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1052.
14. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1351.
15. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1702.

Zadereychuk A. A., Zadereychuk I.P. Work organization of the Prosecutor's Office of Crimea on dealing with the citizens' appeals in 1991–2014 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 14-21.

The article is devoted to the study of issues related to the organization and implementation of the work of the Prosecutor's office of the Autonomous Republic of Crimea with the appeals of its citizens. The paper analyzes the legal regulation of this type of activity. The dynamics of changes in the number of annual applications of citizens is considered; their causes are identified and analyzed. It is asserted that the largest number of complaints was related to violations or inactivity of the bodies of inquiry and investigation, as well as problems caused by the difficult socio-economic situation, which in its turn led to the closure of enterprises, non-payment of wages and illegal layoffs.

Keywords: prosecutor's office of the Crimea, the reception of citizens, prosecutor supervision.

Spisok literatury:

1. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 2718.
2. Ob organizacii raboty po obrashcheniyu grazhdan v organy prokuratury [Elektronnyj resurs]: Prikaz General'nogo prokurora Ukrainy №5 ot 18 marta 1997 g. // Rezhim dostupa : // <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/v0005900-97>. – Zagolovok s ekrana.
3. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 894.
4. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 947.
5. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 972.
6. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1022.
7. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1094.
8. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1147.
9. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1207.
10. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1496.
11. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1728.
12. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1023.
13. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1052.
14. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1351.
15. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1702.

УДК 345

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОБРОВОЛЬНОГО ФЛОТА В 1878 – 1924 ГГ.

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что историю организации под названием «Добровольный флот», можно разделить, условно, на два основных периода: 1) до советский и, 2) советский. В то же время, на каждом из этих периодов своего существования Добровольный флот практически полностью контролировался государством и в основном выполнял его заказы, а положения, регулирующие деятельность Добровольного флота, разрабатывались соответствующими государственными органами. Значительна роль Добровольного флота в 1922-1924 гг. в деле возврата его судов, оказавшихся за границей, в руках бывших союзников России по Первой Мировой войне, что позволило усилить отечественный торговый флот. С объединением различных хозяйствующих объединений в 1924-1924 гг. в единое акционерное общество Совторгфлот, Добровольный флот прекратил свое существование.

Ключевые слова: Добровольный флот, управление, организация, история, указ, постановление.

История Добровольного флота является интересным примером того, как государством могут быть использованы различные предприятия с его финансовым участием.

Не секрет, что начало истории Добровольного флота относится к 1878 г., и связано оно как с внешнеполитическими факторами, так и с необходимостью скорейшего качественного и количественного усиления отечественного торгового флота.

В связи с усилением дальневосточного вектора политики России в конце XX в. и прорытием Суэцкого канала, который значительно сократил путь между Европой и Дальним востоком, появилась возможность установления соответствующей судходной линии. Учитывая, что частные российские пароходства еще не были способны осуществлять подобные операции, то основным действующим лицом в этих операциях стал Доброфлот.

Для этого предприятия специальным указом от 23 февраля 1881 г. были утверждены описания рисунков: «1) флага для судов Общества Добровольного Флота и 2) обмундирования для чинов, служащих на означенных судах» [1, с. 840].

24 февраля 1886 г. было утверждено «Временное положение о Добровольном флоте». Главной целью этого предприятия устанавливалось поддержание сообщений между портами Черного моря и Дальнего востока. Положением, кроме прочего, предусматривался и порядок управления Добровольным флотом, который теперь состоял в ведении управляющего Морским министерством (ст. 17).

В целом же управление Добровольным флотом вверялось особому комитету, подчиняющемуся непосредственно управляющему Морским министерством и имеющему местопребывание в Санкт-Петербурге, а ближайшее заведывание делами флота поручается инспектору, действующему на основании инструкции, составляемой комитетом и утверждаемой управляющим морским министерством (ст. 18).

Устанавливалось, что комитет Добровольного флота состоит из председателя и двух членов от морского ведомства, одного члена от министерства Финансов и представителя Государственного контроля, без решающего голоса. Инспектор флота числится совещательным членом Комитета.

Председатель назначался, по представлению управляющего Морским министерством, приказом царя; члены от морского ведомства – управляющим Морским министерством, а член от министерства Финансов и представитель Государственного контроля – министром финансов и государственным контролером, по принадлежности. Инспектор утверждался в должности управляющим Морским министерством (ст. 19).

Комитет получил право распоряжаться всеми делами, имуществом и капиталами Добровольного флота, составлять тариф, ежегодный план действий, годовые сметы и отчеты, наблюдать за действиями инспектора и агентов и, вообще, заведовать всеми операциями флота, согласно издаваемой управляющим Морским министерством инструкции, которой определялся подробный порядок действий комитета, пределы прав его и обязанностей (ст. 26).

По имущественным делам Добровольного флота комитет мог выступать в судах в лице особого уполномоченного, которым мог быть один из членов комитета или инспектор Добровольного флота (ст. 27).

Инспектор Добровольного флота, на основании доверенности комитета, получал право заключать с товароотправителями от имени комитета договоры и условия по перевозкам. Контракты, заключаемые на этом основании, подписывались Инспектором Добровольного флота (ст. 31).

Агентства Добровольного флота открывались по мере надобности как в русских, так и в иностранных портах (ст. 32).

Агенты, состоя в подчинении инспектора Добровольного флота снабжались специальной инструкцией, утверждаемой комитетом (ст. 33).

Лица, необходимые для службы на судах добровольного флота и при его агентствах определялись: а) на офицерские должности, а также на должности агентов – управляющим Морским министерством, по представлению комитета, и б) на прочие должности – инспектором Добровольного флота на основании данной ему на это предмет инструкции. Определение лиц на должности по канцелярии комитета предоставлялось председателю комитета (ст. 34). «Временное положение о Добровольном флоте». Главной целью этого предприятия устанавливалось поддержание сообщений между портами Черного моря и Дальнего востока [2, с. 86-90].

6 января 1892 г. было принято новое «Временное Положение о Добровольном флоте», лишь в деталях отличающееся от предыдущего [3, с. 4-9].

Учитывая, что Доброфлот в этот период фактически стал государственной компанией, 31 августа 1899 г. было принято постановление «Об установлении формы и одежды служащих в Добровольном флоте, не имеющих другой присвоенной им формы» [4, с. 978].

В ходе событий Первой мировой и гражданских войн, часть судов Добровольного флота оказалась в руках бывших союзников России, а правление Доброфлота иммигрировало. При этом следует помнить и о том, что 5 февраля 1918 г. председатель СНК РСФСР В. И. Ленин подписал декрет «О национализации торгового фло-

та», по которому все судоходные предприятия объявлялись общенациональной ответственностью Республики [5].

С окончанием основных этапов гражданской войны и иностранной интервенции, переходом к новой экономической политике, а также в условиях внешнеполитической изоляции СССР, возникла идея восстановления Доброфлота, в виде общественной организации, формально не связанной с новым правительством, а потому могущей под собственным флагом посещать иностранные порты, требовать возврата оказавшегося за рубежом имущества.

С этой целью СНК РСФСР принял постановление от 14 июля 1922 г. «Положение о Добровольном флоте». В нем указывалось, что «Добровольный флот есть предприятие, основанное на народные добровольные пожертвования, и имеет своим назначением содержание морских пароходных сообщений для перевозки пассажиров и грузов в целях содействия развитию отечественной торговли и торгового флота» (ст. 1). В то же время, Доброфлот ставился под контроль комиссариата внешней и внутренней торговли (ст. 2).

Добровольный флот объявлялся коммерческой организацией с признаками юридического лица (ст. 3), однако, в зависимости от обязательств, возлагаемых на него правительством, он получил право на государственные пособия (ст. 4).

Отдельно оговаривались права и обязательства Добровольного флота по отношению к правительству (ст. ст. 7-9), его операции (ст. ст. 10-18), особенности ревизии дел (ст. 19-20), отчетность и распределение прибылей (ст. ст. 21-27), а также особенности управления Добровольным флотом.

Так, в частности, устанавливалось, что Управление Добровольным флотом возлагалось на специальное правление (ст. 28), которое состояло из председателя и пяти членов. Председатель и 3 члена правления назначались СНК по представлению комиссара внешней и внутренней торговли, а остальные 2 члена правления назначались в том же порядке по представлению комиссара путей сообщения. Один из членов правления назначался комиссаром внешней и внутренней торговли по соглашению с комиссаром путей сообщения, заместителем председателя правления. Правление избирало директора-распорядителя, принимающего участие в заседаниях правления с правом совещательного голоса (ст. 29).

При рассмотрении правлением дел, касающихся других ведомств или общественных организаций, в заседания правления должны были приглашаться представители подлежащих комиссариатов и общественных организаций (ст. 31).

На правление возлагалось заведывание всеми делами, имуществом и капиталом добровольного флота и в частности:

1) рассмотрение и утверждение проектов условий, заключаемых правлением Добровольного флота с поставщиками, а также установление общих оснований, на которых заключение означенных условий, как равно и другого рода договоров, может быть предоставляемо служащим флота по уполномочию от правления;

2) наблюдение за местными учреждениями Добровольного флота и аудит через своих членов имущества и хода дел флота на местах деятельности;

3) составление упомянутых в ст. 12 Положения правил;

4) установление порядка производства продажи товаров по комиссионным поручениям, утверждение таксы, вознаграждение за произведенные флотом операции и составление правил о выдаче и возврате ссуд под товары (ст. ст. 16 - 17);

5) выдача и принятие к платежу векселей и других срочных обязательств в пределах, утверждаемых комиссаром внешней и внутренней торговли;

6) представление к учету векселей, Добровольным флотом полученных;

7) заключение от имени Добровольного флота договоров и условий;

8) снабжение доверенностями лиц: а) определяемых на службу добровольного флота и б) уполномоченных правлением на заключение и совершение договоров, условий, актов;

9) совершение актов на приобретение и отчуждение недвижимой собственности, а также судов в соответствии с подлежащими узаконениями;

10) покупка для Добровольного флота процентных бумаг, валюты русской и иностранной, а также продажа и заклад их в соответствии с подлежащими узаконениями;

11) составление и изменение тарифов;

12) капитальный ремонт судов;

13) установление норм снабжения и расходов на судах флота;

14) заключение соглашений о вступлении добровольного флота в прямые сообщения с другими судоходными предприятиями и железными дорогами;

15) составление плана действий, проекта, сметы, отчета и баланса;

16) сдача в аренду судов добровольного флота (все виды чартеров), а также фрахтование судов, не принадлежащих добровольному флоту;

17) продажа судов добровольного флота с разрешения СНК. Приобретение, отчуждение, наем и сдача в аренду недвижимого имущества Добровольного флота в согласии с действующими законоположениями;

18) открытие и закрытие управлений делами, агентств и представительств;

19) открытие новых линий и закрытие действующих;

20) изменение и распределение рейсов в действующих линиях;

21) установление необходимого для службы по Добровольному флоту штата служащих с назначением им предметов занятия, а также и содержания в размерах не ниже норм, установленных действующими тарифами;

22) установление и изменение в согласии с действующими узаконениями форм отчетности;

23) распределение добавочного вознаграждения и назначение пособий служащим Добровольного флота;

24) ведение судебных дел;

25) предложения об отнесении расходов предприятия на счет запасного капитала;

26) составление инструкций директору-распорядителю.

27) представительство во всех отношениях Добровольного флота, осуществление от его имени всех действий, присущих Добровольному флоту как юридическому лицу (ст. 34).

Отдельно определялись вопросы порядка действия правления и его прав (ст. 35), взаимоотношения с госбанком (ст. 36), особенности назначения и права директора - распорядителя правления (ст. ст. 38-39); вопросы, относящиеся к личному составу правления, судовых и береговых служащих Добровольного флота (ст. ст. 40-41) [6].

Как видно из анализа Положения о Добровольном флоте, данная организация скорее носила характер государственного предприятия с признаками самостоятельного юридического лица.

С момента организации Доброфлота и до 1924 г. он не получал от государства никаких дотаций и приступив к работе без какого-либо фонда, тем не менее, вырос в мощную транспортную организацию всесоюзного и международного значения с разветвленной сетью своих оперативных органов, числом свыше 250.

За эти годы можно констатировать в качестве неопровержимого факта возврата многочисленных судов бывшего Добровольного флота иностранными государствами.

Однако, для организации Доброфлота, отношений с иностранными государствами, ведения судебных иностранных процессов, а также для восстановления и ремонта возвращаемых судов его правлению были нужны существенные денежные средства. Не пользуясь поддержкой государства, Доброфлоту, в целях изыскания средств, предоставлено было право заниматься, помимо морских операций, также железнодорожной экспедицией, погрузочно-разгрузочными работами, складными операциями и гужем.

К 1924 г. советское государство по-прежнему испытывало огромные трудности, вызванные недостаточным количеством торговых судов, а потому вынужденно было фрахтовать иностранные.

Одним из средств выхода из создавшейся ситуации, было принято решение организовать акционерное общество «Совторгфлот» в которое должны были войти Доброфлот, Госторгфлот, ГОСЧАП и некоторые иные подобные структуры. Перед этим обществом ставилась задача создания торгового флота СССР, ремонт существующего, постройку доков, верфей, мастерских и развитие торгового дальнего и каботажного плавания на судах Совторгфлота [7, л. 1].

Уже в сентябре 1924 г. началась работа по предстоящему слиянию [7, л. 3].

Можно указать и следующее. В этот период правление Добровольного флота находилось по адресу г. Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 1-5. Его отделения располагались в таких городах, как: Москва, Ленинград, Харьков, Одесса, Ростов на Дону, Ташкент, Тифлис, Архангельск, Екатеринбург, Владивосток, Ревель, Гельсингфорс, Рига, Варшава, Тавриз, Мурманск, Шанхай, Чифу, Нагасаки и др. Конторы: Петропавловск, Екатеринослав, Верхнеудинск, Н.-Новгород, Царицин, Саратов, Хайлар, Пенза, Омск, Уфа, Зей, Семипалатинск, Благовещенск, Николаевск, Астрахань, Иркутск, Самара, Казань, Минск, Киев, Баку и др.

Общее количество агентства достигло 40, в том числе Таганрог, Туапсе, Ялта, Новороссийск, Севастополь, Симферополь, Евпатория, Николаев, Ромны, Баку.

А еще конторы Доброфлота были в Западной Европе и Америке.

Сам же Доброфлот в этот период занимался срочным ответственным транспортированием грузов морскими, речными и железнодорожными путями по СССР и за границей; погрузочно-разгрузочными и гужевыми операциями; хранением грузов на собственных оборудованных складах; выдачей ссуд под товары; выполнением таможенных обрядностей; страхованием от случайностей в пути и огня; комиссионными поручениями; выдачей справок тарифного характера об условиях экспорта-импорта грузов [7, л. 7].

Московская контора Доброфлота имела счета в следующих банках: В Московской конторе госбанка №41, в правлении внешнеторгового банка СССР №1027; в правлении Российского Торгово-Промышленного банка №9141; в московском городском банке №6225 [7, л. 69].

С созданием в 1925 г. Совторгфлота, Доброфлот, как самостоятельная организация перестал существовать.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Историю организации под названием «Добровольный флот», можно разделить, условно, на два основных периода: 1) до советский и, 2) советский. В то же время, на каждом из этих периодов своего существования Добровольный флот практически полностью контролировался государством и в основном выполнял его заказы, а положения, регулирующие деятельность Добровольного флота, разрабатывались соответствующими государственными органами. Значительна роль Добровольного флота в 1922-1924 гг. в деле возврата его судов, оказавшихся за границей, в руках бывших союзников России по Первой Мировой войне, что позволило усилить отечественный торговый флот. С объединением различных хозяйствующих объединений в 1924-1924 гг. в единое акционерное общество Совторгфлот, Добровольный флот прекратил свое существование.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XL. Отделение первое. С 19 февраля 1880 г. по 28 февраля 1881 г. – СПб., 1884. – 966 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI. 1886. – СПб., 1888. – 595 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. 1892. – СПб., 1895. – 734 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. 1899. – СПб., 1902. – 1324 с.
5. Декрет СНК 5 февраля 1918 г. «О национализации торгового флота / Исторические материалы. – URL: istmat.info/node/28618 (дата обращения – 22.05.2019).
6. Постановление от 14 июля 1922 г. Положение о Добровольном флоте / Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1358.htm (дата обращения – 22.05.2019).
7. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 3.

Zmerzly B. Legal basis for the activities of the Voluntary Fleet in 1878-1924 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 22–27.

The article states that the history of the organization called “Voluntary Fleet” can be divided, conditionally, into two main periods: 1) before the Soviet and 2) Soviet. At the same time, at each of these periods of its existence, the Voluntary Fleet was almost completely controlled by the state and basically carried out its orders, and the provisions governing the activities of the Voluntary Fleet were developed by the relevant state bodies. The role of the Voluntary Fleet in 1922-1924 is significant. In returning his ships abroad, in the hands of the former allies of Russia in the First World War, which strengthened the domestic merchant fleet. With the union of various business associations in 1924-1924. into the joint stock company Sovtorgflot, the Voluntary Fleet ceased to exist.

Keywords: voluntary fleet, management, organization, history, decree, decree.

Spisok literatury:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie vtoroe. T. XL. Otdelenie pervoe. S 19 fevralya 1880 g. po 28 fevralya 1881 g. – SPb, 1884. – 966 s.

2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. VI. 1886. – SPb., 1888. – 595 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. III. 1892. – SPb., 1895. – 734 s.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XIX. 1899. – SPb., 1902. – 1324 s.
5. Dekret SNK 5 fevralya 1918 g. «O nacionalizacii torgovogo flota / Istoricheskie materialy. – URL: istmat.info/node/28618 (data obrashcheniya – 22.05.2019).
6. Postanovlenie ot 14 iyulya 1922 g. Polozhenie o Dobrovol'nom flote / Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. – URL: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1358.htm (data obrashcheniya – 22.05.2019).
7. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym. F. R-1619. Op. 1. D. 3..

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Казарян К. В.

Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются особенности государственно-правового регулирования миграционной деятельности в Древнерусском государстве. Рассматриваются русско-византийские договоры 907, 911 (912) и 944 (945) гг., являющиеся не только первыми международными документами Древнерусского государства, но и одним из первых правовых актов, содержащих нормы миграционного права. Проведенный историко-правовой анализ содержания и сущности положений договоров 907, 911 (912) и 944 (945) гг. показывает, что одним из основных вопросов, отраженных в них, является вопрос о лицах, перемещающихся из одной страны в другую (из Руси в Византию и из Византии на территорию Руси). Автор констатирует, что заключение международных договоров не оставило прежним устоявшийся уровень обычного права восточных славян, а также внесло разнообразие в уяснении многих правовых норм и поставило перед необходимостью «согласования» внутригосударственного права с иностранным правом путем принятия ряда международных актов, прогрессивных для исследуемого периода и как следствие рецепция иностранного права стала неизбежной.

Проводится сравнительно-правовой анализ заключенных с Византией договоров 911 и 944, в котором наблюдается дальнейшая детализация административно-правовых норм, направленных на ужесточение контроля за иностранными гражданами.

Ключевые слова: Древнерусское государство, Византия, международные договоры, миграция, миграционная политика, свобода передвижения, миграционное законодательство, миграционный учет, миграционный контроль.

Многовековую историю России можно рассматривать как историю миграции. При проведении ретроспективного анализа видим, что в России миграционные процессы играли значительную роль, что находит подтверждение в работе «Курс русской истории» В. О. Ключевского, где указано, что «*Вся история России есть история страны, которая колонизируется*», «*колонизация страны – основной урок русской истории*», а «*периоды русской истории – главные моменты колонизации*» [1, с. 167-168].

В одном из самых древних источников русского права – в Повести временных лет, которая включала в себя временной период, датированный с 852 года по 1117 года, получили свое отражение факты об имеющихся миграционных процессах на территорию восточнославянских земель, а также об активном участии иностранцев в различных сферах Древнерусского государства, в частности на военной и государственной службе.

Примером могут служить и тот факт, что воеводой у князя Владимира был норвежский конунг О. Трюггвасон, который был куплен рабом в новгородских землях и передан на воспитание семье князя (X в.) [2, с. 121–122, 132–138]. Русские князья (например, князь Игорь в 915, князь Святополк в 1019 г.) активно использовали в военных походах варягов, печенегов, половцев, хазар и кософов. Еще В. О. Ключевский отмечал, что самым видным явлением во внешней истории Руси до половины XI в. были военные походы киевских князей на Царьград [1, с. 167–168].

X в. качестве, как военной силы, так и трудовых ресурсов в Древнерусском государстве заслуживает отдельного внимания [3, с. 144–146].

На формировании международных связей Руси с иными государствами, а в первую очередь с Византией, оказали большое влияние события, связанные с установлением в качестве государственной религии православия, несмотря на то, что имелся вопрос в выборе государственной религии в связи с тем, что Русь посещали различные религиозные представители от «болгар магометанской веры», посланцев папы Римского – «иноземцев из Рима», «хазарских евреев», философа из Византии; переселение корсунских священников в Киев, участие византийцев в строительстве церквей, переводе книг и т.д.» [4, с. 7–129].

М. Ф. Владимирский-Буданов, подтверждая колоссальную важность сложившихся миграционных процессов для формирования государственной политики Древнерусского государства, отмечал, что уже с X в. восточные славяне были вовлечены в столкновение с отдаленными государствами, в первую очередь с Византией, а также с Западноевропейским государствами, а «весь X век есть век периодических движений целых масс восточных славян на Византию» [4, с. 96–97].

Данное обстоятельство явилось катализатором унификации внутригосударственных и иностранных норм и как следствие принятию ряда договоров с иностранными государствами, к которым можно отнести русско-византийские договоры 907, 911 (912) и 944 (945) гг., являющиеся не только первыми международными документами Древнерусского государства, но и правовыми актами, содержащие нормы, регулирующие внешнюю миграцию [4, с. 96–97].

Первыми законодательными памятниками, положившими начало урегулированию публичных и частных отношений у славян, традиционно принято считать договоры Руси с греками 907, 911, 944 гг. [5, с. 96–97]. Как замечали А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин, «...славяне вступили в соприкосновение с Восточной Римской империей, когда у них еще не сложилось классовое общество, а эксплуатация рабов носила патриархальный характер. Война, которую прежде вели для того, чтобы отомстить за нападение соседей, стала промыслом, обогащала знать» [6, с. 40].

Данное правовое явление с одной стороны не оставило прежним устоявшийся уровень обычного права восточных славян, а с другой стороны внесло разнообразие в уяснение многих правовых норм и поставило перед необходимостью «согласования» внутригосударственного права с иностранным путем принятия ряда международных актов, прогрессивных для изучаемого периода времени и как следствие рецепция иностранного права стала неизбежной.

Ряд ученых-историков, юристов, в том числе М. Ф. Владимирский-Буданов акцентировали свое внимание на том, что, наблюдается естественная взаимосвязь вышеуказанных международных договоров с формированием норм, регулирующих миграционные отношения [7, с. 591].

Поэтому всего подробнее и точнее определен в договорах порядок ежегодных торговых сношений Руси с Византией, а также порядок частных отношений русских в Константинополе с греками: с этой стороны договоры отличаются замечательной выработкой юридических норм, особенно международного права [1, с. 167–168].

В. Т. Пашуто писал, что установлению межгосударственных договорных отношений Руси с Византией предшествовали очень давние, вековые связи с ней от-

дельных земель восточнославянской конфедерации, что позволяет думать о наличии у князей некоторых русских земель определенных договоров с Византией, касающихся торговли и войны. А, к примеру, русско-византийский договор 907 г. лишь зафиксировал и объединил нормы, уже бытовавшие в прежних соглашениях отдельных восточнославянских земель с Византией [8, с. 60-61].

Об уровне правового регулирования внешней миграции в русско-византийских договорах X в. можно судить по оценке, которую дал Н. М. Карамзин договору 911 (912) г.: «Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний» [9, с. 142].

Анализ Договора 907 года с Византией позволяет сделать вывод, о том, что данный договор определял тенденции развития миграционной политики государства, с одной стороны, делая акцент на внешней трудовой миграции, а с другой стороны обеспечивал национальные интересы, в том числе экономические, обеспечивал безопасность государства, осуществляя противодействия угрозам общественному правопорядку.

Всем лицам, которые прибывали из русских городов в Константинополь представлялось место жительства, представителям посольских миссий – полное обеспечение, купцам (лицам, занимающиеся предпринимательской деятельностью) – налоговые льготы сроком на 6 месяцев и возможность безвозмездного пользования баней, а при возвращении домой вышеуказанные лица получали т.н. набор «на дорогу», который состоял из всех предметов, необходимых в пути.

Однако, получения всех льгот было связано с обязательным условием прибывать и проживать лишь в строго установленных местах – за пределами столицы и зарегистрироваться по месту жительства, то есть усматриваются зачатки зарождения института миграционного учета населения. Лица, которые пребывали из Древнерусского государства могли попасть в Константинополь лишь через одни ворота, группой не более 50 чел. и без оружия, и в сопровождении лица государственного [10, с. 64-66].

Позже в 911 году был подписан договор, который детализировал правовой статус иностранных граждан (например, в части реализации семейных и наследственных прав), наделяя их большими полномочиями в гражданском и уголовном судопроизводстве, (в частности, права на предъявления доказательств в суде).

Статья 8 Договора 911 года была модернизирована, несмотря на то, что уже имела сложившаяся практика в отношении определения дальнейшей судьбы иностранцев при кораблекрушении.

В договоре нашли отражения формирования административно-правового аспекта урегулирования внешней миграции, в части, борьбы с незаконной миграцией. Статья 12 Договора 911 года предусматривала розыск и возврат с Византии на Русь «украденных, бежавших или насильственно проданных русских челядинов, депортация в страну проживания «различных «людях», ходящих в Грецию и остающихся в долгу», а также беглых преступников (ст. 14)» [11, с. 6-14].

В договоре 944 г. получают дальнейшее развитие административно-правовые меры, направленные на ужесточение контроля за иностранными гражданами.

Исходя из смысла ст. 2 Договора 944 г., лица, которые прибывали обязаны были иметь при себе для предъявления специальный разрешительный документ – грамоту, содержащую полную информацию о цели, сроках визита, а также количества кораблей, если таковые имелись. Это своего рода въездная виза необходимая для того: «Чтобы из таких грамот узнали и мы, что приходят они с мирными намерениями» [12, с. 30-41].

В случае отсутствия у иностранного гражданина специальной грамоты, при пересечении границы Древнерусского государства нелегально получал статус нелегального мигранта. Если при задержании иностранный гражданин оказывал сопротивление представителям власти, к нему применялись меры наказания вплоть до смертной казни. Одновременно направлялась информация в страну проживания о выявлении нелегального мигранта.

Если иностранный гражданин незаконно находящийся на территории Древнерусского государства без разрешительных документов возвратиться в страну проживания, то также об этом направляется информация для принятия мер по усмотрению страны проживания. Данная норма о наличии обязательном разрешительном порядке была внесена по инициативе русской стороны.

При проведении сравнительно-правового анализа Договора 907 и Договора 944 г. наблюдаем введение ограничение относительно территории проживания прибывающих лиц из Руси в зимнее время. Отсюда и высказывания «А у святого Мамона зимовать они не имеют права». Данные запреты были, прежде всего, связаны с тем, что торговли в зимнее время не было и соответственно и не было необходимости пребывания иностранных купцов с вооруженной охраной. При возникновении какой-либо ситуации, связанной с нарушением правопорядка, как русским, так и греком данный инцидент рассматривался чиновником, который охранял иностранных купцов.

Договор также устанавливал общие меры, превентивного характера, направленных как на профилактику миграционных правонарушений в отношении иностранных граждан, так и обеспечивал защиту культурных основ принимающего общества.

Так, Договор 944 устанавливал обязанность русского князя вводить запреты в отношении граждан, которые отправляются из Руси в Византию для бесчинства на территории империи. А термин «бесчинство» («бесчиние») имеет довольно широкую трактовку. Это и отсутствие «чинности», своеволие, недостойное, скандальное поведение, невоздержанность, беспорядочность, беспутство, буйство. И нарушение чина, приличия, пристойности, нравственности, покоя и порядка, «вежества», обычая. Если коротко говорить, то это грубое нарушение общественного порядка, общепринятых норм поведения [12, с. 193].

Согласно статье 3 право возврата челядинов (рабов), бежавших от владельцев-мигрантов, что равнозначно возврату имущества: «Если убежит челядин от русских, пришедших в страну нашего царского величества и живущих около святого Мамона, и если найдется он, то пусть его возьмут» [14. С. 30-41]. Статья 4 вводила обязанность договаривающихся государств возвращать как сбежавших челядинов (в данном случае – мигрантов), так и имеющееся у последних имущество. Статья 10 учреждала определенные меры усиления безопасности, как запрет на «проживание

русских в определенное время года в определенных местностях, затрагивающих интересы Византии» [14. С. 30-41].

Г. Г. Литаврин в отношении Византийского государства указывал, что «формы организации торговых экспедиций русов в империю представляли собой сложившуюся и четко отработанную за многие годы во всех своих звеньях систему» [13, с. 77-81].

Как видно, уже в период Древнерусского государства миграционные процессы получили на его территории достаточное для того времени развитие. Они инициировали появление первых писанных норм, регулирующих вопросы внешней миграции. Эти нормы нашли отражение в русско-византийских договорах X в. Анализ содержания и сущности положений договоров 907, 911 (912) и 944 (945) гг. показывает, что одним из основных вопросов, отраженных в них, является вопрос о лицах, перемещающихся из одной страны в другую (из Руси в Византию и из Византии на территорию Руси).

Если исходить с точки зрения современного миграционного законодательства, то в условиях Древнерусского государства начали формироваться отдельные институты международного миграционного права, получившее свое нормативное регулирование посредством заключения международных договоров. В зачаточном виде можно констатировать становления статуса мигранта со всеми присущими признаками. В роли мигрантов выступали иностранцы (представители посольских и торговых миссий, лица, приезжающие без цели торговли, потерпевшие кораблекрушение, беглые рабы и преступники), покинувшие свое прежнее место жительства или места пребывания, и цель их переезда, как правило, было связано с получением специального правового статуса, который был урегулирован законодательством либо принимающего государства, либо международными актами.

Нормы, касающиеся мигрантов, закреплены в источнике международного права – международно-правовом договоре, и, естественно, сами эти нормы можно охарактеризовать как договорные [14, с. 49]. Заключенные Древнерусским государством договоры с Византией показали прогрессивный уровень развития законодательства в области урегулирования международной миграции.

Таким образом, в договорах ясно просматривается начало развития норм, касающихся особо актуальных и в наше время вопросов миграционного учета и миграционного контроля за иностранными гражданами (подданными) и лицами без гражданства; введения различных режимов миграционного благоприятствования; борьбы с незаконной миграцией; противодействия угрозам общественному порядку, в том числе, связанным с концентрацией большого количества мигрантов в одном компактном месте проживания, а также пренебрежительному отношению к нравственным устоям, традициям и обычаям населения принимающей страны.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 167–168.
2. Большая сага об Олаве Трюгвасоне / Джаксон Т.Н. // Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993. С. 121 - 122, 132 - 138.
3. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и ком. Д.С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 7–129, 143 - 268.
4. Обзор истории русского права. Издание третье. Съ дополнениями / Проф. М.Ф. Владимирский-Буданов. Киев-С.-Петербург, 1900. С. 96 - 97.

5. Трифионов С.Г. Договоры Руси и Византии в системе участников наследственного права Киевской Руси // *Lex Russica* №7.2017 (128). С.186-194
6. Каждан А. П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 40.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом "Территория будущего", 1995. С. 591.
8. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 60–61.
9. Николай Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Томъ I. Изданіе четвертое. СПб., 1833. С. 142.
10. 907 год. Договор Руси с Византией. Приложение // Памятники русского права. Вып. первый. М., 1952. С. 64–66.
11. 911 год. Договор Руси с Византией // Памятники русского права. Вып. первый. М., 1952. С. 6–14.
12. 944 год. Договор Руси с Византией // Памятники русского права. Вып. первый. М., 1952. С. 30–41.
13. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительное дополненное издание, под редакцією проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Томъ первый. А - З. СПб., 1903. С. 193; Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М., 1986. С. 42.
14. Литаврин Г. Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии (Предварительные замечания) / Отв. ред. Г. Г. Литаврин // *Византийские очерки*. М., 1991. С. 77 - 81.
15. Зинченко Н. Н. Международное миграционное право: основы теории и практики. М., 2011. С. 49; Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. М., 2008. С. 80–81.

Kazaryan K.V. Legal regulation of migration activity in the ancient Russian state // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science.* – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 29–35.

The content of the article discusses the features of state-legal regulation of migration activities in the Old Russian state. The Russian-Byzantine treaties 907, 911 (912) and 944 (945) are considered, which are not only the first international documents of the Ancient Russian state, but also one of the first legal acts containing immigration law. Conducted historical and legal analysis of the content and essence of the provisions of contracts 907, 911 (912) and 944 (945). Shows that one of the main issues reflected in them is the question of people moving from one country to another (from Russia to Byzantium and from Byzantium to the territory of Russia).

The author states that the conclusion of international treaties did not leave the established level of customary law of Eastern Slavs as before, and also diversified the interpretation of many legal norms and confronted the need to "harmonize" domestic law with foreign law by adopting a number of international acts progressive for the period under study and As a consequence, the reception of foreign law became inevitable. A comparative legal analysis of the 911 and 944 treaties concluded with Byzantium is being conducted, in which there is a further detailed elaboration of administrative legal norms aimed at tightening the control over foreign citizens.

Keywords: Old Russian state, Byzantium, international treaties, migration, migration policy, freedom of movement, migration legislation, migration registration, migration control.

Spisok literatury

1. Klyuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii. CH. I. M., 1987. S. 167–168.
2. Bol'shaya saga ob Olave Tryggvasonе / Dzhakson T.N. // *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope (s drevnejshih vremen do 1000 g.)*. М., 1993. S. 121 - 122, 132 - 138.
3. Povest' vremennyh let po Lavrent'evskoj letopisi. 1377 g. / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kom. D.S. Lihacheva; Pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. SPb., 1996. S. 7–129, 143 - 268.
4. *Obzor" istorii russkago prava. Izdanie tret'e. S" dopolneniyami / Prof. M.F. Vladimirskij-Budanov. Kiev"-S.-Peterburg"*, 1900. S. 96 - 97.
5. Trifonov S.G. Dogovory Rusi i Vizantii v sisteme uchastnikov nasledstvennogo prava Kievskoj Rusi.//*Lex Russica* №7.2017 (128).S.186-194
6. Kazhdan A. P., Litavrin G.G. Ocherki istorii Vizantii i yuzhnyh slavyan. – М.: Gospolitizdat, 1958. – С. 40.
7. Vladimirskij-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava*. М.: Izdatel'skij dom "Territoriya budushchego", 1995. S. 591.
8. Pashuto V. T. *Vneshnyaya politika Drevnej Rusi*. М., 1968. S. 60–61.
9. Nikolaj Karамzin". *Istoriya gosudarstva Rossijskago. Tom" I. Izdanie chetvertoe*. SPb., 1833. S. 142.
10. 907 god. Dogovor Rusi s Vizantiey. Prilozhenie // *Pamyatniki russkogo prava*. Vyp. pervyj. М., 1952. S. 64–66.
11. 911 god. Dogovor Rusi s Vizantiey // *Pamyatniki russkogo prava*. Vyp. pervyj. М., 1952. S. 6–14.
12. 944 god. Dogovor Rusi s Vizantiey // *Pamyatniki russkogo prava*. Vyp. pervyj. М., 1952. S. 30–41.

13. Tolkovyy slovar' zhivogo Velikorusskago yazyka Vladimira Dalya. Tret'e, ispravlennoe i znachitel'noe dopolnennoe izdanie, pod" redakcieyu prof. I.A. Boduehna-de-Kurteneh. Tom" pervyj. A - Z. SPb., 1903. S. 193; Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / Pod red. N.YU. SHvedovoj. 18-e izd. M., 1986. S. 42.
14. Litavrin G. G. O yuridicheskom statuse drevnih rusov v Vizantii v X stoletii (Predvaritel'nye zamechaniya) / Otv. red. G. G. Litavrin // Vizantijskie ocherki. M., 1991. S. 77 - 81.
15. Zinchenko N. N. Mezhdunarodnoe migracionnoe pravo: osnovy teorii i praktiki. M., 2011. S. 49; Habrieva T.YA. Migracionnoe pravo Rossii: teoriya i praktika. M., 2008. S. 80–81.

УДК 352/354

**ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ
С СООТНОШЕНИЕМ ПОНЯТИЙ «МУНИЦИПАЛЬНОЕ»
И «ГОСУДАРСТВЕННОЕ» УПРАВЛЕНИЕ**

Костюченко Н. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В научной статье автор рассматривает проблемы государственного управления, связанные с определением и соотношением понятий государственное (федеральное) и муниципальное управление. В настоящее время единство научных мнений относительно этих феноменов социальных систем, их взаимосвязи и взаимозависимости отсутствует. В сфере государственного и муниципального управления ученые определяют эти виды управления как самостоятельные, полагая, что управление в государстве должно быть децентрализовано. При этом за основу берется опыт управления муниципальными образованиями иностранных государств, который экстраполируется на государственную систему РФ, без учета особенностей ее функционирования в современных условиях. Такая ситуация обусловлена отсутствием в процессе исследований системного и диалектического подходов. Как следствие, рассмотрение государственного, и муниципального образований как видов социальных систем, а «управления», как их подсистемных образований отсутствует. Автор обосновывает ошибочность: применения таких подходов и выводов относительно необходимости децентрализации системы управления государством. При этом констатируется, что нарушение принципа непрерывности управленческого процесса приводит к возникновению проблем в части эффективности государственного управления и функционирования системы государства в целом.

Ключевые слова: государственное управление, федеральное управление, региональное управление, муниципальное управление, муниципальное образование, социальная система, система и структура управления.

Проблемы соотношения понятий государственного и муниципального управления в РФ не новы для ученых, занимающихся теорией и практикой социального и государственного управления. По своей сути эти проблемы обусловлены отсутствием научного обоснования функционирования взаимосвязей и взаимозависимостей феноменов государственного, регионального и муниципального управлений как видов социального управления.

Эти проблемы характерны и для государств, в которых муниципальные образования уже существуют на протяжении более ста лет. Последнее обстоятельство связано с индивидуальными особенностями государственных систем. Вследствие этого подходы к формированию и функционированию муниципальных образований в этих государствах имеют существенные различия.

Обращаясь к истории развития муниципальных образований, можно видеть, что проблемы взаимоотношений муниципальных образований и государства так и не нашли своего разрешения.

Создание в Российской Федерации нового государственного института – «муниципальных образований» было основано на формировании ряда нормативно-правовых актов, начиная с Закона РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

Следует отметить, что при подготовке закона системный характер взаимосвязи и взаимозависимости «системы государства» и «системы муниципальных образований» остался вне поля зрения ученых и практиков управления. Это привело к тому, что с момента принятия этого Закона в него неоднократно (более 50 раз) вносились дополнения и изменения. Однако, как показала практика функционирования государства, решить научные и практические проблемы, связанные с эффективностью управления муниципальными образованиями и соотношением феноменов государственного и муниципального управления, так и не представилось возможным.

Последнее обстоятельство обусловило обращение многих российских ученых к исследованию проблем эффективности и взаимосвязи государственного, регионального, и муниципального управления. В большинстве случаев эти проблемы рассматривались учеными с точки зрения децентрализации государственного управления. При этом для разрешения существующих проблем предлагалось «разграничение» государственного, регионального и муниципального управления под предлогом предоставления большей самостоятельности региональным и муниципальным образованиям. Однако, как констатируют ученые, такой подход не принес желаемых результатов в плане повышения эффективности управления государством и «снятия» теоретической неопределенности в части решения указанных проблем.

Например, к указанным проблемам обеспечения эффективности государственного и муниципального управления еще в 2007 г. обращались В. Н. Лексин, И. В. Лексин, и Н. Н. Чучелина в работе «Качество государственного и муниципального управления и административная реформа» [1].

Рецензируя эту работу, как представляющую несомненный интерес, Б. З. Мильнер подчеркнул: «Для осуществления радикальных перемен в обществе, для решительных экономических преобразований необходима адекватная им система управления, которая смогла бы на базе рыночных отношений, государственного регулирования и новых морально-этических позиций обеспечить эффективность производства, удовлетворить потребности населения... **Неоднократные попытки сокращения аппарата управления, слияния и разделения ведомств, перераспределения полномочий и ответственности не сделали правительство и его органы ни более компактными, ни более эффективными. Все еще не удалось устранить неопределенность, неустойчивость и субъективизм в определении функций и властных полномочий федеральных и региональных органов, муниципальных образований.** Неслучайно поэтому последние годы отмечены резко критическим отношением к качеству государственного управления, высказываемым Президентом Российской Федерации, политиками, бизнесменами, рядовыми гражданами» [2, с. 121-126].

Эта ситуация с «неопределенностью функций» и «властных полномочий» федеральных, региональных и муниципальных образований, остается актуальной до сегодняшнего дня.

В справедливости этого тезиса можно убедиться, обратившись к мнениям ученых, относительно неоднозначности определения понятия «управления муниципальными образованиями». Одни авторы определяют его как муниципальное управление, другие как местное самоуправление, третьи – как «управление социальными общностями на основе территориального принципа» [3, с. 167]. Рассматривая эту неоднозначность, Ю. Н. Лапыгин отмечал: «Не вдаваясь в полемику, необходимо

заметить, что полного и научно-обоснованного понятия и сущности местного самоуправления в его взаимосвязи с целями и задачами государственного и общественного развития России еще не выработано» [4, с. 9].

В связи с этим возникает вполне обоснованный вопрос: как в условиях отсутствия научного обоснования феномена «местное самоуправление» и наличия неоднозначности связанного с ним понятийного аппарата можно обеспечить эффективность муниципального и регионального видов управления?

Такая неоднозначность в определении основных понятий в сфере управления «муниципальными образованиями» вызвана, в основном, двумя причинами.

Во-первых, «механическим» переносом понятийного аппарата и практики муниципального управления, существующего в Германии, Великобритании, Франции, Испании и других странах западной Европы, на систему управления нашего государства, которые по своей сути имеют существенные различия, обусловленные государственными системами этих стран.

Во-вторых, отсутствием системного и диалектического подходов при исследовании учеными этих явлений и практической адаптации их в системе государства РФ. В результате эти феномены (федеральные, региональные, муниципальные образования) не рассматривались с точки зрения диалектики, теории систем и теории управления. Как следствие, вне поля зрения ученых осталось главное обстоятельство – «объективность» существования этих явлений. Все они являются элементами одной системы – системы государства Российской Федерации. Другими словами – подсистемными образованиями одной социальной системы государства. В результате системные взаимосвязи и взаимозависимости этих подсистем государства не исследовались. При этом функциональная структура муниципальных образований формировалась в нарушение законов теории управления не на основе функций государственной системы и функций подсистемных образований, а на основе норм, которые были разработаны до формирования структуры новой государственной системы.

В результате, при практическом реформировании государственного управления в сфере управления муниципальными образованиями, субъекты управления столкнулись с проблемами, пути решения которых не найдены до настоящего времени. Например, отмеченная Б. З. Мильнером проблема неопределенности и субъективизма в определении функций и властных полномочий федеральных, региональных и муниципальных образований остается не решенной в течение десяти лет после ее определения. При этом, как свидетельствует практика управления, количественный состав функций муниципального управления остается весьма ограниченным и, самое главное, в полной мере не соотносится с функциями государства.

Таким образом, сказанное наглядно подтверждает, что основной причиной, по которой не удалось решить эту проблему, является отсутствие в исследованиях, посвященных взаимосвязи и соотношению государственного (федерального) и муниципального управлений, диалектического и системного подходов.

С точки зрения теории систем, теории управления и диалектики для решения этой проблемы необходимо, прежде всего, определить место, взаимосвязи и взаимозависимости этих видов «управления» в социальной системе, именуемой государством. Для этого необходимо рассмотреть явления «система государства» и «муни-

ципальная система» и их соотношение, а затем их подсистемы управления как элементы этих видов социальных систем.

В соответствии с теорией социальных систем государство является одним из видов социальных систем, который имеет в своем составе множество подсистемных образований: «функциональных» – министерства, ведомства, организации и «территориальных» – республики, края, области. В свою очередь функциональные и территориальные подсистемы могут иметь в своем составе подсистемы более низкого уровня. Например, в республике могут быть, области, города, районы. В области – районы, города, села и т.д. В свою очередь все эти подсистемные образования в соответствии с теорией социальных систем должны рассматриваться как системные образования более низкого уровня системы государства. Опираясь на сказанное, при исследовании и решении проблем управления этими феноменами следует исходить из того, что муниципальные образования (структурные элементы системы государства) являются подсистемами государства более низкого уровня государственной системы, а их подсистемы управления одновременно являются подсистемными элементами всей подсистемы управления государством.

Таким образом, можно утверждать, что муниципальное образование — это не самостоятельное образование, находящееся в государстве, а структурный элемент системы государства, призванный, прежде всего, обеспечивать достижение целей и решения задач государства, за счет реализации своих функций и функций системы государства на своей территории. Таким образом, муниципальное образование как структурный элемент системы производно от системы государства и является неотъемлемым элементом этой системы.

Справедливость этого тезиса подтверждается положениями диалектики, которая определяет «управление» как элемент, функцию любой социальной системы [5]. Как общая функция социальных систем, «управление» будет являться элементом (функцией) государственной системы и любой ее подсистемы [6]. В процессе реализации функции управления должны создаваться структурные подразделения, призванные обеспечить управление, как в системе государства, так и в любой ее подсистеме. Это обусловлено общепринятой научной детерминацией элементов социальных систем: цели – задачи – функции – структура.

Поскольку подсистема управления является элементом любой социальной системы, ее существование определяется видом системы. Например, в функциональных системах государства эти подсистемы определяются как: управление в ОВД, управление экономикой, управление производством. В территориальных системах государства эти подсистемы определяются как федеральное управление, региональное управление, муниципальное управление. С точки зрения теории систем, отличие этих подсистем управления государством обусловлено их принадлежностью к разным уровням системы государства.

Одним из свойств системы является иерархичность, то есть соподчиненность элементов в системе, в нашем случае функциональных и территориальных элементов в системе государства. В связи с этим муниципальное управление не может быть самостоятельным видом управления, поскольку в силу свойства иерархичности систем муниципальное управление производно от федерального управления. Кроме того, в силу наличия функциональных подсистем государства и федеральное, и региональное, и муниципальное управления являются подсистемными образова-

ниями одной функциональной системы государства – подсистемы государственного управления.

Из сказанного следует, что эти виды государственного управления не могут рассматриваться как независимые и в силу иерархичности: региональное и муниципальное управления производны от федерального, а в совокупности они образуют систему государственного управления.

Таким образом, функции муниципального управления должны быть производны от функций федерального управления, а вот их состав, содержание и процессы реализации должны конкретизироваться с учетом целей и задач, «делегированных» государством конкретной муниципальной подсистеме (муниципальному образованию).

Справедливость этих тезисов подтверждают и мнения ряда ученых. Например, В. Е. Чиркин полагал, что: «Местное самоуправление существует и действует в системе общих связей и отношений по управлению обществом в рамках данного государства. Как часть целого, оно в соответствии с принципами теории систем и синергетики *не может не подчиняться общесистемным качествам*» [7, с. 25].

Таким образом, «субъективизм в определении функций и властных полномочий федеральных и региональных органов, муниципальных образований», о которых вел речь Б. З. Мильнер, можно преодолеть только при условии рассмотрения этих «органов и образований государства» с точки зрения системного подхода. Кроме того, необходимо восстановление в теории управления понятийного аппарата, связанного с «функциями» социальных систем и их подсистем управления, которые на протяжении последнего времени даже не упоминались в понятийном аппарате теории управления (подробно эти проблемы рассмотрены в монографиях автора [6, 8]).

Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение для науки и практики управления. Игнорирование объективности существования феномена «функция» и исключение понятия «функция» из теории и практики управления социальными системами может привести к критическому состоянию в сфере социального, государственного и других видов управления, вплоть до возникновения необратимых процессов в том или ином виде системы.

Например, Р. Друкер, *несмотря на отрицание им существования феномена «функция»*, полагал, что: «Экономическое и социальное развитие является результатом управления. Можно сказать без лишнего упрощения, что не существует «слаборазвитых стран». Есть только «слабо управляемые» страны» [9, с. 35].

Более детально обосновывал возможные последствия указанных проблем управления В. Д. Перевалов: «*Функции государства по своей сути объективны. Поэтому у государства нет выбора, выполнять их или не выполнять. Невыполнение государством той или иной функции неизбежно вызывает цепную реакцию негативных (кризисных) последствий в общественной жизни. Если, например, государство перестанет выполнять функцию по обеспечению правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос, ведущие к его разрушению*» [10, с. 70].

Аналогичного мнения придерживался и Е. Б. Кубко при рассмотрении теории социальных систем: «*Если будет отсутствовать объективная возможность для реализации эволюционно необходимой функции, то система погибнет*» [11, с. 33].

Характерно, что задолго до мнений приведенных авторов в начале прошлого века эту особенность управления, связанную с функциями управления, отмечал и А. Файоль: *«правление держится на развитии и выполнении шести существенных функций; если одна из этих функций не выполняется, предприятие может погибнуть, или во всяком случае – зачахнет»* [12, с. 21].

Таким образом, приведенные мнения относительно проблем, имеющих место в теории и практике управления, прежде всего, относительно объективно существующих функций (элементов системы управления), свидетельствуют, что их существование может привести к разрушению социальной системы, в рамках которой функции системы и управления не были реализованы. В связи с этим системно-функциональный подход к решению проблем теории и практики управления приобретает особое значение.

Подводя итог рассмотрению проблем государственного управления связанных с соотношением феноменов «муниципальное» и «государственное» управление, можно утверждать:

- основная причина существования рассмотренных проблем управления муниципальными образованиями обусловлена тем, что эти феномены не исследуются как элементы системы государства в силу отсутствия системного и диалектического подходов при исследовании их как системных образований;
- муниципальное управление является подсистемой системы государственного управления и не может рассматриваться как самостоятельный, обособленный вид управления в системе государства;
- все функции системы государства должны реализовываться и муниципальным образованием с учетом функциональных особенностей муниципальной системы;
- процесс управления государством должен в полной мере осуществляться и в части муниципальных образований как подсистем государственной системы.

Список литературы

1. Качество государственного и муниципального управления и административная реформа. В. Н. Лексин, И. В. Лексин, Н. Н. Чучелина – М.: «Европроект» – 2006. – 352 с.
2. Мильнер Б. З. На пути к высокому качеству государственного управления. Проблемы теории и практики управления. Международный научно-исследовательский институт проблем управления. Международный журнал. № 4. 2007. – С. 121–126.
3. Рой О. М. Система государственного и муниципального управления. – СПб.: Питер, 2004. – С. 167.
4. Государственное и муниципальное управление: разработка и реализация стратегии / Под ред. проф. Ю. Н. Лапыгина – Владимир: ВлГУ, 2005. – С. 9.
5. Ср. Философская Энциклопедия. Т. 5.
6. Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: монография / Н. И. Костюченко – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2016. – 352 с.
7. Чиркин В. Е. Государственное и муниципальное управление: учебник. – М.: Юристъ, 2004. – С. 25.
8. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами: монография / Н. И. Костюченко – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2018. – 158 с.
9. Druker P. Technology, Management and Society. – L., 1970. P. 35.
10. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. 2008. – С. 70.
11. Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / под общей ред. Е. Б. Кубко. – К.: Юринком, 1997. – С. 33.
12. Файоль А. Общее и промышленное управление. Центральный институт труда. М.: 1923. – С. 21.
13. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / Под ред. В. П. Сальникова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, Щит-М, 2002.

14. Лидер Ф. В. Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел: социологический аспект / Ф. В. Лидер. : автореф. дис. ... на соискание учёной степени кандидата социологических наук: 12.00.08 / Академия управления МВД России. – М., 2012.

Kostiuchenko N. I. State management problems connected with correlation between the notions «municipal» and «state» management // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 36–42.

In a scientific article, the author examines the problems of public administration associated with the definition and correlation of the concepts of state (federal) and municipal government. At present, the unity of scientific opinions regarding these phenomena of social systems, their interconnection and interdependence is absent. In the field of state and municipal government, scientists define these types of government as independent, believing that government should be decentralized. At the same time, the experience of managing municipalities of foreign states, which is extrapolated to the state system of the Russian Federation, without taking into account the peculiarities of its functioning in modern conditions, is taken as a basis. This situation is due to the lack of a systemic and dialectical approach in the research process. As a result, consideration of the state and municipal formations as types of social systems, and the “management” as their subsystem formations is absent. The author justifies the fallacy: the application of such approaches and conclusions regarding the need for decentralization of the system of government. In this case, it is stated that the violation of the principle of continuity of the management process leads to problems in terms of the effectiveness of public administration and the functioning of the state system as a whole.

Keywords: public administration, federal government, regional government, municipal government, municipality, social system, system and management structure.

Spisok literatury:

1. Kachestvo gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya i administrativnaya reforma. V. N. Leksin, I. V. Leksin, N. N. Chuchelina – М.: «Evroproekt» – 2006. – 352 s.
2. Mil'ner B. Z. Na puti k vysokomu kachestvu gosudarstvennogo upravleniya. Problemy teorii i praktiki upravleniya. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij institut problem upravleniya. Mezhdunarodnyj zhurnal. № 4. 2007. – S. 121–126.
3. Roj O. M. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. – SPb.: Piter, 2004. – S. 167.
4. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: razrabotka i realizaciya strategii / Pod red. prof. YU. N. Lapygina – Vladimir: VIGU, 2005. – S. 9.
5. Sr. Filosofskaya EHnciklopediya. T. 5.
6. Kostyuchenko N. I. Klassifikaciya funkcij social'nyh sistem: teoreticheskie i pravovye osnovy: monografiya / N. I. Kostyuchenko – Krasnodar: Krasnodar. un-t MVD Rossii, 2016. – 352 s.
7. CHirkin V. E. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: uchebnik. – М.: YUrist", 2004. – S. 25.
8. Kostyuchenko N. I. Problemy teorii i praktiki upravleniya social'nymi sistemami: monografiya / N. I. Kostyuchenko – Krasnodar: Krasnodar. un-t MVD Rossii, 2018. – 158 s.
9. Druker P. Technology, Management and Society. – L., 1970. P. 35.
10. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. V. D. Perevalov. – 3-e izd., pererab. i dop. – М.: Norma. 2008. – S. 70.
11. Vvedenie v teoriyu gosudarstvenno-pravovoj organizacii social'nyh sistem / pod obshej red. E. B. Kubko. – К.: YUrinkom, 1997. – S. 33.
12. Fajol' A. Obsheee i promyshlennoe upravlenie. Central'nyj institut truda. М.: 1923. – S. 21.
13. Osnovy upravleniya v organah vnutrennih del: uchebnik / Pod red. V. P. Sal'nikova. – М.: IMC GUK MVD Rossii, SHCHit-M, 2002.
14. Lider F. V. Osobennosti ispol'zovaniya strukturno-funktional'nogo podhoda v upravlenii organami vnutrennih del: sociologicheskij aspekt / F. V. Lider. : avtoref. dis. ... na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata sociologicheskikh nauk: 12.00.08 / Akademiya upravleniya MVD Rossii. – М., 2012.

УДК 340

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Маслов В. А.

Уральский юридический институт МВД России

Статья посвящена анализу злоупотребления правом как феномена правовой действительности. Последовательно рассматриваются законодательный и доктринальный подходы к данной правовой категории. В заключение делается вывод о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения: данное поведение является противоправным, что обосновывается следующим: данное поведение общественно вредно; субъект лишь формально (внешне) действует в рамках правовых установлений, в действительности же происходит нарушение конституционных и иных законоположений; субъект действует вопреки интересам других лиц; за злоупотребление правом к лицу применяются, пусть и специфические, но все-таки меры юридической ответственности. Формулируется авторская дефиниция, содержащая, с точки зрения автора, наиболее существенные признаки рассматриваемой конструкции. Предлагается собственное видение относительно вопроса уместности, такой формы злоупотребления правом как злоупотребление обязанностью.

Ключевые слова: правовое поведение, противоправное поведение, злоупотребление правом, правонарушение, шикана, принцип добросовестности, злоупотребление обязанностью, последствия злоупотребления правом

Злоупотребление правом – юридическая категория, во все времена приковывающая взгляды теоретиков права и цивилистов ввиду своего особого места в структуре правового поведения.

Со времен появления данного феномена, ученые занимаются его исследованием на основе законодательного установления, правоприменительного опыта и научных представлений о данном правовом явлении. Используя такой метод научного познания как юридическая компаративистика, можно проанализировать данную категорию, исследовав, к примеру, шикану в германском законодательстве; проведя историко-правовой анализ, можно восстановить исторический путь развития положений законодательства, регулирующих вопросы злоупотребления правом. Однако, как показывают исследования, по-прежнему остается немало вопросов, ответить на которые представляется необходимым.

В данной публикации мы попытаемся найти ответы на вопросы о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения, проанализировав законодательный и доктринальный подходы к данной категории, попытаемся сформулировать наиболее корректную дефиницию, включающую все сущностные признаки данного явления (что актуально, поскольку законодатель не счел необходимым ее определение надлежащим образом), а также определимся с формами злоупотребления правом, по вопросу которых в науке также нет единства.

Об актуальности рассматриваемых вопросов свидетельствует и правоприменительная практика, значимо изменившаяся за последнее время, на что справедливо указывает А. Я. Ахмедов, говоря, «...злоупотребление правом, являвшееся исклю-

чительным инструментом, применимым только в тех случаях, когда посредством обращения к другим институтам гражданского права невозможно было добиться принятия справедливого решения по делу, стало достаточно распространенным механизмом защиты участников гражданского оборота» [1].

Итак, начать поиск ответов на поставленные вопросы имеет смысл, обратившись к законодательству. Инструментальный подход к праву позволяет нам привести некоторые нормы отечественного позитивного права, очерчивающие пределы законодательного подхода к злоупотреблению правом. Так, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Данная норма имеет огромное правовое значение и, по сути, отражает нормативное закрепление такой черты (свойства) права как возможность определения *меры* свободы управомоченных лиц. Данное положение высшего правового акта Российской Федерации раскрывает, в частности, ст. 10 Гражданского кодекса РФ, говоря о пределах осуществления гражданских прав, и указывая, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Можно отметить, что данная юридическая конструкция фактически отдана на откуп науки гражданского права. Мы отдаем себе отчет в том, что злоупотребление правом исследуется фактически в равной мере теоретиками права и цивилистами, но мы обязаны указать, что нормативное закрепление данной конструкции нашло именно в гражданском законодательстве. Данное обстоятельство объективно предопределено тем фактом, что именно гражданское законодательство регулирует отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. При этом справедливости ради нужно указать, что существует также точка зрения о возможности злоупотребления правом и в публичных правоотношениях (к примеру, злоупотребление своими правами со стороны должностных лиц).

Отмеченная норма гражданского законодательства не позволяет в полной мере раскрыть характерные признаки данного правового феномена. Данный недостаток, в целях единообразного правоприменения, вынужденно пытается исправить Верховный суд РФ.

Так, высшая судебная инстанция отмечает, что злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность [2]. Далее, в этом же определении, говорится о том, что «злоупотребление субъективным правом имеет место в случае с любыми негативными последствиями, явившимися прямым или косвенным результатом осуществления этого права» [3]. Кроме того, Верховный суд РФ, в свое время указал и то, что «под злоупотреблением правом понимается ситуация, когда лицо реализует принадлежащее ему право недозволенным образом» [3].

Анализируя изложенные в интерпретационном акте формулировки мы, опять же, сталкиваемся с невозможностью уяснения сути исследуемой конструкции, поскольку:

Во-первых, используемый оборот «злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает «вопреки» норме» требует пояснений. Раскрывая значение слова «вопреки» словари (в том числе этимологические) чаще всего проводят параллели с такими выражениями, как «несмотря на что-нибудь», «не считаясь с чем-нибудь», «наперекор». Выбранная формулировка вполне может свидетельствовать о том, что при злоупотреблении правом лицо поступает противоправно, вопреки правовому предписанию.

Во-вторых, высшая инстанция, указала, что признаком злоупотребления правом является то, что субъект не соотносит поведение с интересами общества и государства, а также «не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность». По вопросу уместности того, что злоупотребление правом может быть в форме злоупотребления «обязанностью» единого мнения в науке теории права нет, тогда как, по всей видимости, Верховный суд РФ считает, что такая ситуация возможна. К данному вопросу мы вернемся после определения дефиниции и признаков рассматриваемой категории.

В-третьих, можно сказать о том, что закрепленное указание высшего суда на «имеющие место последствия», также вызывает ряд вопросов. Оборот «имеет место» должен быть понят как то, что, указанные негативные последствия «должны быть» во всех случаях злоупотребления правом? Либо же, как то, что они лишь «возможны (допустимы)»? Кроме того, о каких именно *косвенных* результатах осуществления права идет речь?

Приведем пример из практики Верховного Суда РФ: истец обратился в суд с требованием о вселении в квартиру, в которой имел 1/40 долю права собственности. Данные требования были удовлетворены судами, как первой, так и апелляционной инстанции и лишь высшая судебная инстанция указала, что вселение истца приведет к существенному нарушению прав иных собственников оспариваемого помещения (к примеру, прав собственника, имеющего 1/2 в праве собственности) [4]. При данных обстоятельствах налицо злоупотребление правом со стороны истца, но большой вопрос стоит с оценкой причиненного вреда.

Таким образом, можно заключить, что высшая судебная инстанция несколько расширяет для правоприменителя и конкретизирует положения законодательства по вопросу злоупотребления правом, однако по-прежнему говорить о том, что данная категория однозначно и ясно определена не приходится.

Позволим себе привести точки зрения авторов по вопросу дефиниции «злоупотребление правом».

Так, С. Д. Радченко, указал, что «злоупотребление субъективным гражданским правом – это осуществление принадлежащего управомоченному лицу права в противоречии с имеющимся у данного лица признанным законом интересом в его осуществлении» [5, с. 202].

Стоит отметить терминологическую неопределенность данной дефиниции: поскольку, исходя из буквального толкования, лицо осуществляет свое право в противоречии «с имеющимся у данного лица» интересом (получается, что лицо, по каким-то причинам, действует вопреки собственному интересу). На наш взгляд, дан-

ный речевой оборот («с имеющимися у данного лица») следовало бы исключить из определения. Нам представляется, что, исключив указанный оборот, можно будет проследить специфику злоупотребления правом в том, что лицо при осуществлении предоставленного ему права действует в противоречии с интересом, установленным управомочивающей нормой.

Н. А. Дурново, в свою очередь, говорит о том, что «Правомерное злоупотребление правом – это поведение управомоченного лица в границах субъективных прав, осуществляемое хоть и в пределах их осуществления, но причиняющее вред другим субъектам и неохраняемое государством» [6, с. 7].

Определяя место злоупотребления правом в структуре правового поведения, указанный автор отмечает, что корректно относить рассматриваемый вариант поведения ни к правонарушению, ни к правомерному поведению, поскольку злоупотребление правом представляет собой юридически допустимые действия субъекта по осуществлению своего права в границах принадлежащего ему субъективного права. Данную точку зрения Н. А. Дурново обосновывает тем, что злоупотребление правом нарушает пределы осуществления субъективного права, либо же не нарушает данные пределы, но является социально вредным и общественно порицаемым и причиняющим вред правам, свободам и интересам других участников общественных отношений. При этом указанный автор считает, что исследуемая категория может носить как противоправный, так и правомерный характер» [6, с. 8].

Говоря о вышеуказанной позиции, можно отметить, что мы не считаем оправданным, деление злоупотребления права на правомерное и противоправное (как утверждает автор – в зависимости от характера). При данном подходе мы неизбежно столкнемся с проблемой разграничения противоправного злоупотребления правом и правонарушения как такового.

Кроме того, не совсем понятно, о какой «юридической допустимости» поведения идет речь. Отсутствие нормы-запрета, устанавливающего ответственность за подобное поведение, на наш взгляд, недостаточно для вывода о юридической допустимости поведения. Такой подход сводит на нет как конституционные положения, так и положения гражданского законодательства, в своей совокупности, требующие от лиц действовать добросовестно, не выходя за «рамки» им предоставленных правомочий. Кроме того, о какой юридической допустимости может идти речь, когда законодательство предусматривает конкретные негативные последствия для лиц, злоупотребивших своим субъективным правом. Несомненно, что данные меры существенно отличны от «традиционных» мер воздействия в рамках привлечения к юридической ответственности, но их негативный характер, как нам представляется, неоспорим.

В целом же с предложенной точкой зрения можно согласиться, с той лишь оговоркой, что не представляется возможным говорить о том, что в результате злоупотребления причиняется вред другим субъектам. Наверное, более корректно говорить, что злоупотребляющее правом лицо, как вариант – «действует с намерением причинить вред другим лицам». Данное замечание основано на том, что объективно не всегда в результате злоупотребления правом причиняется вред, чаще подобными действиями создается угроза причинения вреда, но не более того. На данное обстоятельство, к примеру, указывает В. И. Червонюк [7, с. 168].

Раскрывая признаки рассматриваемой категории, А. Е. Наумов отмечает, что таковыми выступают: правомерность поведения; противоречие поведения субъекта назначению норм, в целях удовлетворения личного интереса; последствия в виде причинения вреда другим субъектам; умышленный характер действий злоупотребляющих правом лиц. Данный автор включает в определение, с одной стороны, субъективную направленность лица, злоупотребляющего правом, указывая, что данное лицо действует в целях удовлетворения личных интересов, с другой стороны, отмечает, что данная цель идет вразрез с назначением тех или иных правовых предписаний [8, с. 10].

Данная дефиниция также имеет определенную научную ценность, но назвать ее корректной в полной мере не представляется возможным по следующим причинам: во-первых, равно как и указанный чуть выше автор, в качестве признака злоупотребления правом названо причинение вреда другим лицам, что нам представляется существенным сужением рассматриваемой категории; во-вторых, говорить о том, что злоупотреблением правом причиняется вред лицам, обществу или государству значит, в очередной раз размывать границы между злоупотреблением правом и правонарушением; в-третьих, относительно указанной автором *правомерности*, наша аргументация уже звучала чуть выше, применительно к анализу указанного Н. А. Дурново признака «юридическая допустимость», поскольку мы считаем, что смысл авторы вкладывали один и тот же, повторяться мы не будем.

На наш взгляд злоупотребление правом потому и закреплено нормативно в гражданском законодательстве, поскольку выступает явлением в сфере, *преимущественно*, гражданских правоотношений (права собственности, иных вещных прав, результатов интеллектуальной деятельности, имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников). *Преимущественно* – постольку, поскольку мы допускаем злоупотребление правами в правоотношениях семейных, трудовых и т.п.

Но, в любом случае, говорить о том, что при злоупотреблении правом может быть причинен существенный вред государству – на наш взгляд необоснованно. Данная трактовка лишь затруднит необходимое и желаемое понимание злоупотребления правом как явления отличного от классических правонарушений, требующих мер административной и уголовной репрессии.

Нам представляется, что, в случае, когда лицо злоупотребляет правом таким образом, что причиняется вред государству, в его действиях наверняка содержатся признаки, как минимум, правонарушения, что исключает квалификацию данных действий как злоупотребление правом (правоприменение со ссылкой на гражданское законодательство), а требует оценки действий уже со ссылкой на охранительные нормы законодательства уголовного (реже – административного).

Говоря об обществе, как адресате причиняемого в результате злоупотребления правом вреда, можно отметить дискуссионность данного вопроса. Дело в том, что, теоретически, допустимо считать, что любое без исключения злоупотребление правом, в результате которого лицу был причинен вред будет и вредом обществу (обосновывая данный вывод тем, что любое лицо — это член общества, а поскольку общество состоит из отдельных лиц – вред данным лицам выступает и вредом обществу). Вопрос в данном случае стоит в целесообразности таких умозаключений.

Определяя место исследуемой категории в структуре правового поведения, Е. А. Одегнал говорит, что злоупотребление субъективным правом не является разновидностью правонарушения, поскольку представляет собой самостоятельное явление правовой действительности, имеющее особую правовую природу [9, с. 11].

С. Г. Зайцева, в свою очередь относит злоупотребление правом к противоправным действиям, обосновывая это тем, что происходит нарушение принципа недопустимости злоупотребления правом [10, с. 13].

Стоит отметить точку зрения Н. Н. Вопленко, отмечающего, что злоупотребление правом обладает признаками либо латентного, либо явного правонарушения [11, с. 14].

С данной позицией можно согласиться, поскольку, действительно, злоупотребление правом в том и заключается, что лицо выходит (либо стремится выйти) за рамки тех возможностей, которые предоставлены нормой права, нарушает права и свободы других лиц.

С. Д. Радченко, разграничивая злоупотребление правом от иных действий субъектов правоотношений, отмечает: «... в качестве злоупотребления правом не должны считаться действия, направленные на осуществление права взыскания процентов по договору займа (кредита), вне зависимости от того, насколько высок размер процента ..., а также длительная задержка кредитора с предъявлением иска о взыскании денежного долга, приведшая к увеличению времени начисления процентов» [5, с. 7].

Достаточно интересное умозаключение, требующее пояснений. Согласимся, что в подавляющем большинстве случаев действительно предъявление требований о возврате долга в последние дни срока не будет являться основанием считать данные действия злоупотреблением правом. Данные лица изначально вступили в правоотношения (заключили договор, определили взаимные права и обязанности относительно всех существенных условий), и, в дальнейшем, лицо предъявляющее требование о возврате займа (пусть и в последние дни срока) действует в рамках достигнутой ранее договоренности.

Но, что важно, практика свидетельствует нам о том, что, к примеру, относительно кредитных отношений, ситуация в ряде случаев имеет несколько иной характер. Так, нередки случаи, когда лицо, выплатившее кредит, спустя несколько лет получает информацию о наличии достаточно большой задолженности, и, в последующем, выясняется, что лицо, к примеру, досрочно выплатившее кредит, не выплатило несколько сотен рублей процентов. Что важно, кредитная организация в течение указанного срока ни разу не обращается к лицу с напоминанием о том, что у него остались невыполненные обязательства. На сколько, данные действия можно назвать добросовестными с точки зрения *нормальных* правоотношений?

К примеру, А. В. Волков, не считает необходимым признаком злоупотребления правом наличие материальных последствий [12, с. 423], с чем мы склонны согласиться, поскольку, действительно, при наличии умысла у лица на причинение конкретного имущественного ущерба чаще приходится говорить о наличии оснований для возмещения вреда (гл. 59 ГК РФ) либо же, при наличии общественной вредности в действиях лица еще и о привлечении его к иным видам юридической ответственности. Данные меры значительно отличаются от мер, реализуемых в результате признания деяния злоупотребления правом. Однако же корректно автор указал что

«материальные последствия не являются *необходимым* признаком...», тогда как в ряде случаев данные последствия при злоупотреблении правом могут и отсутствовать.

Сразу ответим на еще один важный вопрос – может ли результатом злоупотребления правом быть признание сделки недействительной? Ряд авторов категорически против данного подхода, утверждая, что «злоупотребление правом не может влечь за собой такое последствие, как признание совершенной сделки недействительной» [13, с. 184]. В то же время Верховный Суд РФ считает, что, если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной [14]. Правовую основу такому выводу дает формулировка, указанная в п. 2 ст. 10 ГК РФ устанавливающая что, по общему правилу, последствием злоупотребления правом выступает полный или частичный отказ в защите права, которым лицо злоупотребило, а также *иные меры*, предусмотренные законом.

Стоит отметить внутреннюю противоречивость указанных законоположений, отметив, что нам импонирует точка зрения В.В. Витрянского. Дело в том, что для иных мер, предусмотренных законом, существуют самостоятельные основания (к примеру, для того же признания сделки недействительной) и смешивать данные основания недопустимо. Правовые последствия должны быть определены исключительно в ст. 10 ГК РФ, и должны состоять в отказе лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично.

Иной подход не позволяет однозначно разграничивать злоупотребление правом и иные действия, направленные на совершение противоправных действий, как и определить корректную меру воздействия на поступающих таким образом лиц.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что, согласно нашей точке зрения, для злоупотребления правом свойственны следующие признаки:

- использование лицом субъективных прав вопреки назначению нормы права;
- намерение злоупотребляющего причинить вред другому лицу (либо же сознательное допущение ущемлений чьих-либо прав и безразличное к данному факту отношение);
- отсутствие признаков уголовно и административно-наказуемого правонарушения.

Единственно допустимым правовым последствием злоупотребления правом является полный или частичный отказ в защите принадлежащего лицу права. Однако же, справедливости ради, добавим, что логичным предположением будет следующее: если адекватной реакцией государства на злоупотребление будет отказ в защите субъективного права, то фактически получается допустимо кому-либо эти права лица нарушать (ведь в любом случае при возникновении спора правоприменитель будет не на стороне злоупотребившего правом лица)? Получается, что государство, хоть и специфическим образом, но «санкционирует» ограничение субъективного права злоупотребляющего им лица.

Считаем необходимым рассмотреть формы злоупотребления правом, поскольку вопрос отнесения к злоупотреблению правом случаи злоупотребления обязанностью в науке остается дискуссионным.

Высшая судебная инстанция, как мы уже отмечали, говорит о том, что злоупотреблением права можно считать случаи, когда лицо «...не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность» [2].

По всей видимости, речь идет о случаях, когда реализации субъективного права неизбежно сопутствует необходимость выполнения юридической обязанности, когда лицо реализует право, но не считает нужным исполнить связанную с ним (корреспондирующую) обязанность. Допустимо, как нам представляется говорить о том, что лицо злоупотребляет данным правом, поскольку законодательство связывает с ним дополнительные действия, от выполнения которых лицо уклоняется. Либо же возможно предположить, что речь идет об определенной *альтернативности* (наличии выбора) вариантов исполнения обязательства.

По данному вопросу, А. Е. Наумов указывает на то, что ввиду отсутствия императивного установления относительно формы осуществления обязанности потенциально существует возможность ее исполнения вредоносным способом [8, с. 11].

Несколько иная точка зрения у Е. А. Одегнал, утверждающей, что «злоупотребление правом и неисполнение субъективной юридической обязанности представляют собой совершенно разные явления правовой действительности» [9, с. 12]. С данной позицией можно согласиться в той части, в какой «классическое» содержание шиканы связывается действительно исключительно со злоупотреблениями своими субъективными правами во вред иным лицам.

На указанную проблематику указывает и В. В. Витрянский, отмечая то, что в ст. 10 ГК РФ отсутствует указание на недопустимость злоупотребления правом при осуществлении обязанностей и ряд авторов считают допустимым расширительно толковать ст. 10 ГК РФ [13, с. 184]. Сторонником такого (расширительного) толкования можно считать и А. В. Волкова, который утверждает, что «Термин «злоупотребление правом» включает в себя равным образом и осуществление права, и исполнение обязанности, и бездействие» [12, с. 207].

Как нам представляется, верный ответ будет состоять в том, что трудно себе представить правоотношения, состоящие исключительно из прав, либо же исключительно из обязанностей, особенно говоря о праве гражданском. Чаще всего отношения между субъектами как раз и состоят во взаимных (корреспондирующих) правах и обязанностях. Гипотетически можно представить ситуацию, когда лицо злоупотребляет исключительно лежащей на нем юридической обязанностью, однако, это будет скорее исключение из общего правила о том, что злоупотребить можно лишь субъективным правом.

Подтверждает указанную нами точку зрения и то, что следствием злоупотребления правом должно быть ограничение возможности субъекта защищать данное право (сознательно не описываем вариант «иных» мер предусмотренных п. 2 ст. 10 ГК РФ), тогда как не представляется возможным говорить о данном правовом последствии в случае со злоупотреблением обязанностью. По всей видимости, допустимо лишь предположить, что суд должен будет устранить альтернативность выбора варианта исполнения обязанности, по сути – ограничить право выбора в рамках исполнения обязанности.

Итак, подытоживая, отметим следующее:

Злоупотребление правом – не содержащее признаков административно- или уголовно-наказуемых деяний, использование лицом субъективных прав вопреки

назначению нормы права, влекущее полный или частичный отказ в защите принадлежащего лицу права.

Злоупотребление правом не может быть отнесено к поведению правомерному, несмотря на то, что субъект внешне действует, реализуя предоставленные ему правом полномочия. Субъективная сторона действий лица, его направленность на причинение вреда другим участникам правоотношений (а равно пренебрежительное отношение к правам иных лиц) говорят о том, что нарушается принцип добросовестности, закрепленный как в Конституции РФ, так и в Гражданском кодексе РФ, и, как следствие, данные действия не могут быть признаны правомерными.

Необходимо понимать, что смысл дифференциации правового поведения состоит в том, чтобы определиться с поведением, которое для общества *нормально* (как минимум, с точки зрения перспектив существования общества) и поведением, которое сказывается на общественных отношениях негативно. Первое поведение именуется правомерным, в отношении второго используются термины «неправомерное» или «противоправное», но суть остается неизменной – данное поведение пагубно для общества. Злоупотребление правом, на наш взгляд, справедливо причислять ко второму варианту. Более того можно именовать его не просто «неправомерным» (противоправным), а правонарушением.

Кратко аргументируем нашу точку зрения:

Во-первых, злоупотребление асоциально (общественно-, или социально-вредно) по своей природе, с неизбежностью негативно сказывается на общественных отношениях (что уже не позволяет причислять данный вид поведения к правомерному);

Во-вторых, данное поведение является соответствующим правовой норме лишь *внешне* (с существенным уточнением указанным абзацем ниже), тогда, как известно, что для правоотношений определяющим является субъективная составляющая, определяющая направленность действий лица. В нашем же случае субъект действует вопреки интересам иных участников общественных отношений;

В-третьих, злоупотребление правом *противоправно* уже постольку, поскольку противоречит, как минимум, нормам Конституции РФ (ст. 17) и Гражданского кодекса РФ (ст. 10);

В-четвертых, закономерной реакцией на злоупотребление является как раз привлечение к юридической ответственности – обязанность лица претерпевать лишение своего субъективного права. Фактически санкционировано, что любое лицо может ограничить злоупотребляющее правом лицо в осуществлении его права, а судебная инстанция удостоверить правовой характер данного ограничения. Дело здесь еще и в том, что гражданское право не содержит как такового исчерпывающего перечня правонарушений (деликтов), как и мер ответственности. В каждом конкретном случае правоприменитель, разрешая спор, определяет характер правонарушения и выбирает необходимую меру ответственности.

Таким образом, нет необходимости использовать формулировки «правомерное злоупотребление правом» и «неправомерное злоупотребление правом», поскольку любое злоупотребление правом является неправомерным. Однако особо подчеркнем, что в случае, когда злоупотребление правом содержит в себе признак «классического» правонарушения (деяния, за которое предусмотрены последствия, отличные от описанных в ст. 10 ГК РФ), то, данное деяние не должно признаваться злоупотреблением права.

Как нам представляется злоупотребление права — это вид правонарушения, существующий не просто наряду с преступлениями и проступками, а существующий в качестве исключительной меры реакции за совершение наименее асоциального, но, тем не менее, достаточно вредоносного (по крайней мере, потенциально) деяния.

Терминологическое сходство конструкций «злоупотребление правом» и различными формами уголовно-наказуемых деяний именуемых, к примеру, «злоупотребление полномочиями», не должно вводить в заблуждение. Признаком, среди прочего, позволяющим градировать злоупотребления выступает сфера и субъектный состав правоотношения. Злоупотребления правом — сфера частных правоотношений, в первую очередь — гражданских, во вторую — семейных, трудовых и т.п. Злоупотребления полномочиями (равно как должностными полномочиями и т.п.) — сфера деятельности организаций, государственных органов и т.д., отличающихся публичным характером и наличием в качестве субъектов лиц, наделенных специальными полномочиями. Злоупотребления указанных лиц, ввиду значимости выполнения возложенных на них функций (в различных организациях, и, особенно, в государственных органах) существенно негативнее сказываются на общественных отношениях, что требует адекватной реакции со стороны государства — привлечение к уголовной ответственности. Считать данные случаи также злоупотреблением правом на наш взгляд — неоправданно.

Правовые последствия признания действий в качестве злоупотребления правом должны заключаться исключительно в ограничении полностью или частично злоупотребившего правом лица в защите данного права. Если в наличии признаки, позволяющие говорить, к примеру, о наличии оснований для признания договора недействительным — должны применяться положения относительно недействительности, но не положения, закрепленные в п. 2 ст. 10 ГК РФ (до слов «а также иные меры, предусмотренные законодательством»).

Данную формулировку законодателя нельзя признать корректной, поскольку она размывает границы злоупотребления правом (и без того достаточно прозрачные), позволяет, в случае со злоупотреблением правом, применять меры, для которых существуют самостоятельные правовые основания.

Список литературы:

1. Ахмедов А.Я. Влияние практики применения норм Гражданского кодекса РФ о злоупотреблении правом на правовую культуру субъектов гражданского права // Правовая культура. — 2018. — № 1. — С. 77-83.
2. Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 N 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 N 52-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс»
4. Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2013 N 4-КГ13-32 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России / дисс. канд. юрид. наук. — Москва. — 2007. — 202 с.
6. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ / дисс. канд. юрид. наук. — Нижний Новгород. — 2006. — 170 с.
7. Червонюк В.И. Злоупотребление правом в сфере действия частного и публичного права // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. — 2017. — № 3. — С. 166-170.
8. Наумов А.Е. Злоупотребление правом // дисс. канд. юрид. наук. — Москва. — 2010. — 144 с.
9. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности / практики / дисс. канд. юрид. наук. — Ставрополь. — 2009. — 189 с.
10. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория: вопросы теории и практики / дисс. канд. юрид. наук. — Коломна. — 2003. — 198 с.
11. Вопленко Н.Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1. С. 7-15

12. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики / дисс. докт. юрид. наук. – Москва. – 2010. – 423 с.
13. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут. – 2018. – 431 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015.

Maslov V. A. To the question of the place of violation in the right to the structure of legal behavior // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 3. – P. 43–53.

The article is devoted to the analysis of abuse of law as a phenomenon of legal reality. The legislative and doctrinal approaches to this legal category are consistently considered. In conclusion, a conclusion is made about the place of abuse of law in the structure of legal behavior: this behavior is unlawful, which is based on the following: this behavior is socially harmful; the subject only formally (externally) acts within the framework of legal regulations, in reality, there is a violation of constitutional and other legal provisions; the subject acts against the interests of others; for the abuse of the right, even specific measures of legal liability are applied to the person. The author's definition is formulated, containing, from the point of view of the author, the most essential features of the construction under consideration. It offers its own vision regarding the issue of relevance, such a form of abuse of the right as an abuse of duty.

Keywords: legal behavior, illegal behavior, abuse of right, offense, shikana, principle of good faith, abuse of duty, consequences of abuse of right

Spisok literatury:

1. Akhmedov A.YA. Vliyaniye praktiki primeneniya norm Grazhdanskogo kodeksa RF o zloupotreblenii pravom na pravovuyu kul'turu sub'yektov grazhdanskogo prava // Pravovaya kul'tura. – 2018. – № 1. – S. 77-83.
2. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 03.02.2015 N 32-KG14-17 // SPS «Konsul'tantPlyus»
3. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 14.06.2016 N 52-KG16-4 // SPS «Konsul'tantPlyus»
4. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 03.12.2013 N 4-KG13-32 // SPS «Konsul'tantPlyus»
5. Radchenko S.D. Zloupotrebleniye pravom v grazhdanskom prave Rossii / diss. kand. jurid. nauk. – Moskva. – 2007. – 202 s.
6. Durnovo N.A. Zloupotrebleniye pravom kak osobyby vid pravovogo povedeniya: teoretiko-pravovoy analiz / diss. kand. jurid. nauk. – Nizhniy Novgorod. – 2006. – 170 s.
7. Chervonyuk V.I. Zloupotrebleniye pravom v sfere deystviya chastnogo i publichnogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii im. V.YA. Kikotya. – 2017. – № 3. – S. 166-170.
8. Naumov A.Ye. Zloupotrebleniye pravom // diss. kand. jurid. nauk. – Moskva. – 2010. – 144 s.
9. Odegnal Ye.A. Zloupotrebleniye pravom kak yavleniye pravovoy deystvitel'nosti / praktiki / diss. kand. jurid. nauk. – Stavropol'. – 2009. – 189 s.
10. Zaytseva S.G. Zloupotrebleniye pravom kak pravovaya kategoriya: voprosy teorii i praktiki / diss. kand. jurid. nauk. – Kolomna. – 2003. – 198 s.
11. Voplenko N.N. Zloupotrebleniye pravom kak rodovoye ponyatiye yuridicheskoy nauki / Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya. 2011. № 1. S. 7-15
12. Volkov A.V. Zloupotrebleniye grazhdanskimi pravami: problemy teorii i praktiki / diss. dokt. jurid. nauk. – Moskva. – 2010. – 423 s.
13. Vitryanskiy V.V. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnyye itogi. 2-ye izd., ispr. i dop. – M.: Statut. – 2018. – 431 s.
14. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 «O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // Rossiyskaya gazeta, № 140, 30.06.2015.

УДК 340.141:347.97

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ВЛАДЕТЕЛЬНОГО АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА

Логинов А. В.

Московский государственный институт международных отношений

Статья посвящена анализу судебной системы Владетельного Абхазского Княжества. Автор отмечает, что абхазская судебная система в рассматриваемый период состояла из трех судов: Княжеского суда, Совета старейшин, Народных судов. Автором отмечается, что особенность данной системы заключается в одновременном действии феодального и демократических органов правосудия, что объясняется переходным этапом развития системы государственного правления абхазского княжества. Автор выявил, что абхазцы в дороссийский период обладали собственной развитой судебной системой, принципы функционирования которой свойственны современным судам.

Ключевые слова: Абхазское Владетельное Княжество, Княжеский суд, Совет старейшин, Народный суд, принципы гласности и открытости судебного процесса, принцип равенства и состязательности участвующих в деле сторон.

До присоединения к России Абхазское Княжество по своему развитию находилось на переходном этапе между военной демократией и феодальной властью. Таким образом, ее судебной системе были присущи формы обеих формаций: типичным представителем феодального правосудия выступает Княжеский суд, который позволял Владетельному князю Абхазии выступать в качестве высшей судебной власти фактически на ограниченной подконтрольной ему территории (*прим. автора: фактически в дороссийский период ограниченной лично его вотчиной*). В то же время остальная часть Абхазии выступает ему подконтрольной лишь частично либо вовсе номинально. В демократических общинах судьи были выборными. Всего стоит назвать два таких органа: Народный суд и Суд старейшин. При этом характерно было, что все данные суды могли осуществлять правосудие и по нормам обычного права, и по шариату (который, впрочем, на практике применялся на территории Абхазии весьма ограниченно) [1, с. 3].

Княжеский суд располагался близ княжеской резиденции в селе Лыхны в специально отведенном для того месте [2, с. 147]. Занимался он в основном рассмотрением значимых уголовных дел (в первую очередь, воровства на княжеской территории, так как с виновных Владетельный князь взыскивал штраф в свою казну), а также дел, имеющих высокую важность для всего народа (таких, как, например, война и мир).

Помимо князя, в состав Княжеского суда избирались судьи из числа свободных крестьян анхаю (самой сильной и многочисленной социальной прослойки), князей (аутад), дворян (аамста) и духовенства, отобранные по принципу авторитетности, мудрости и владения ораторским искусством.

Сохранилось составленное А. А. Миллером описание судебного процесса в данном органе правосудия: «старейшины садились кругом, на земле, князь занимал скамью. В Лыхнах, где была столица Абхазии, на поляне, под громадным деревом,

до сих пор стоит большая каменная скамья, на которой сидел князь во время совещаний» [3]. Современные исследователи также отмечают тот факт, что князь восседал на возвышении в окружении старейшин «в тени священной липы» [4, с. 63]. На князя были возложены функции председательствующего на суде, а также за ним оставалось право решающего голоса при равном количестве голосов судей. Однако, несмотря на это, правом ведения дела обладал «самый старший и более опытный медиатор» [5, с. 15].

Князь также мог не присутствовать лично в суде, возложив свои обязанности либо на своего представителя (из числа близких кровных родственников), либо вынося свое решение заочно, основываясь на решениях и мнении рассматривающих данное дело судей [6].

Совет старейшин состоял из числа самых мудрых и уважаемых в народе лиц и рассматривал следующие категории дел: конфликты между общинами, кровную месть, брачно-семейные, уголовные и гражданские споры и иные общественно значимые дела. Совет старейшин также следил за должным правоприменением норм обычного права [7, с. 10].

Членов Совета старейшин избирали на неограниченный (пожизненный) срок путем всеобщего голосования на общинном собрании (*прим. автора: к голосованию не допускались женщины, рабы и изгнанные/исключенные из общины*). Председательствовал в Совете старейшин глава общины, по чьему решению и собирался данный орган в различном составе ввиду различной сложности дел. Однако минимальное количество участвующих в рассмотрении дел старейшин обычно равнялось десяти.

Уже упомянутый нами ранее А. А. Миллер так охарактеризовал деятельность Совета старейшин: «В важных вопросах, касавшихся края и общих интересов, князь созывал совет старейшин, непременно под деревом. ... На таких советах говорить мог каждый. Неоднократно я наблюдал, как собирались сходы. Старики садились кругом, князь или ближайший влиятельный дворянин садился на скамью. Обычное право до сих пор сохраняет в быту и судах абхазцев свою силу. Старики, выборные судьи, судят на основании того, как бывало в старину и как принято было поступать в аналогичных случаях» [3].

Народные суды разрешали уголовные и гражданские споры малой тяжести, совершенные на территории конкретной сельской общины.

Народные суды вели свою деятельность гласно и открыто. Заседания судов происходили в специальных местах, «расположенных вблизи священных мест» [8; 9; 10, с. 179; 11, с. 39; 12; 13; 14]. Показательно, что в абхазской религии отдельные сорта древесины имели сакральное значение, в связи с чем зачастую судебные заседания проводились в дубовых рощах либо под одним вековым дубом, который позже начали украшать иконами либо крестами; у подобных традиционно языческих священных мест христиане зачастую возводили свои церкви. Однако иногда народные суды созывались прямо в селениях, в специально отведенных для подобных собраний местах. Впрочем, зачастую такие места в народе ранее были священными: например, в селе Джгерда народный суд собирался на фундаменте разрушенной православной церкви.

Состав Народного суда зависел от тяжести разбираемого дела; при краже он состоял из пяти судей, а, например, при убийстве – из пятнадцати. Стороны судебного

разбирательства сами выбирали участвующих в деле судей. Притом, как отмечают М. М. Ковалевский и Ф. Дюбуа де Монпере, потерпевшая сторона имела преимущество на одного судью перед виновной [15; 12].

Состав суда также был различным и зависел от того, к каким сословиям принадлежали истец и ответчик. В случае принадлежности сторон к разным сословиям необходимо было участие равного количества представителей от их сословий.

Кроме того, как указывает Р. Ш. Зельницкая, был установлен запрет на участие в качестве судей лиц, состоящих со сторонами спора в родственных отношениях «по крови и по воспитанию» и имеющих неприязнь в случае, «если об их вражде известно всем» [16, с. 126].

Таким образом, все судьи трех судов (за исключением Владетельного князя Абхазии в Княжеском суде и председателя в Совете старейшин) выбирались в ходе общего собрания из числа пользующихся всеобщим уважением лиц.

Акты правосудия, как мы видим, осуществлялись в ходе судебных заседаний, в которых в качестве судей участвовали представители всех сословий [17; 18, с. 137-138]. Как отмечает Т. А. Ачугба, «активное участие в жизни сельской общины представителей практически всех слоев населения, объективное и беспристрастное служение избранников народа, приверженность и глубокое уважение самого народа к своим традициям и нравам, обычному праву предков во многом обусловили правопорядок в обществе и высокую нравственную чистоту его членов» [19, с. 66]. Однако в число судей не входили представители из числа рабов и зависимых крестьян, которые не относились к вольным сословиям.

Интерес также представляет тот факт, что все три суда одновременно осуществляли правосудие на основании норм обычного и мусульманского права [20, с. 2]. Данное обстоятельство указывает на то, что абхазской системе права был присущ плюрализм. Кроме того, после вхождения Абхазии в состав Российской Империи на ее территории начинает действовать и третий источник права – российские общеимперские законы [21, с. 407].

В заключение отметим, что в Абхазии в дороссийский период существовала собственная самобытная судебная система, многие принципы которой присущи и современной, такие, как, например, принципы гласности, равенства и состязательности сторон. Суд функционировал в определенном нормами обычного права порядке и имел следующие стадии судопроизводства: принесение присяги судьями (судить честно и непредвзято) и сторонами (говорить правду и исполнить решение суда). Исполнение судебного решения было общеобязательным не в силу института принуждения в виде службы судебных приставов, а, в первую очередь, в силу общественных морально-нравственных устоев (*прим. автора: в истории Абхазии существует случай, когда суд вынес решение против Владетельного князя Абхазии, и тот, несмотря на несогласие, был вынужден ему подчиниться*).

К личности судей в Абхазии также были установлены особые требования – знатность и богатство рода не играли никакого значения, приоритет отдавался авторитету, знаниям, возрасту, жизненному опыту, а также ораторскому искусству (*прим. автора: высокий возраст судей был, в первую очередь, продиктован верованиями абхазов, что старики близки к смерти и Богу, а значит – к истине*).

Список литературы:

1. Логинов А.В. Адат и Шариат на территории Кавказа, Центральной И Юго-Восточной Азии // Современный мусульманский мир. 2018. № 3. С. 3. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id40/>
2. Джордж Эллис. Описание местности между Черным и Каспийским морями / Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, из-во: М. и В. Котляровых, 2010. С. 147.
3. Миллер А. А. Материалы абхазской этнографии (альбом фотографий и рисунков) 1907. Ед. хр. 404. Л. №5.
4. Гуажба А. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции Март, 1999. Сочи, С. 63.
5. Авидзба В.В. Традиционный суд и судопроизводство абхазов в конце XVIII - первой половине XIX вв. Автореф. Дисс. ... к-та ист. наук. Сухум, 2008 г. С. 15.
6. Архив Абхазского Государственного Музея. №28. Ф.4. д. 5.
7. Логинов А.В. Возникновение и развитие судов и квазисудебных органов в Республике Абхазия // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2018. № 3. С. 10.
8. Аверкиев И. С Северо-Восточного побережья Черного моря // Газета «Кавказ» №70. 1866 г.
9. Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994-2000 гг.). Москва, 2001. URL: http://apsnyteka.org/949-krylov_a_religiya_i_traditsii_abhazov.html
10. Кулова М. Л. К вопросу о традиционной языческой религии абхазов в современной Абхазии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №65. 2008. С. 179.
11. Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, из-во: Дом печати, 2008. С. 39.
12. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Том I. (Грузинский филиал АН СССР. Труды института абхазской культуры. Выпуск VI. Свидетельства иностранцев об Абхазии). Сухуми, из-во: Абгиз. 1937. URL: http://apsnyteka.org/648-dubua_frederic_de_monpere_puteshestvie_vokrug_kavkaza.html
13. Хотко Б.С. Современные священные рощи и священные деревья у абхазов: к вопросу о традиционном и новационном. URL: http://apsnyteka.org/1621-khotko_b_sovremennye_sviaschennye_roschi_i_sviaschennye_derevia_u_abkhazov.html
14. Эдмонд Спенсер. Путешествия в Черкессию / пер. Н. Нефляшевой. Майкоп, из-во РИПО «Адыгея», 1994. URL: http://apsnyteka.org/file/Spenser_Puteshestviya_v_Cherkessiyu.pdf
15. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.2. М., 1890. С. 159–160.
16. Зельницкая Р.Ш. Трансформация социальных отношений в Абжуйской Абхазии на примере села Джгерда (Середина XIX–начало XXI века): Дисс. ... к-та ист. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 126.
17. Ашхацава С.М. Внутреннее управление древней Абхазии // Газета «Сухумский листок». №196. 1912.
18. Анчабадзе Ю.Д. «Остракизм» на Кавказе // Советская этнография. №5. 1979. С. 137-138.
19. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX-XX вв. Сухум, из-во: АИГИ им. Д. И. Гулиа, 2010. С. 66.
20. Логинов А.В. Суды по обычному праву и по шариату на территории Республики Абхазии: история и перспективы // Современный мусульманский мир. 2018 № 2. С. 2. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id32/>
21. Логинов А.В. К вопросу о реализации принципа «осуществления правосудия только судом» на территории Российской Федерации и Республики Абхазия // Общественные науки. 2017. № 5. С. 407.

Loginov A. Judicial system of the Owned Abkhazian Principality // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 54–58.

The article is devoted to the analysis of the judicial system of the Sovereign Abkhazian Principality. The author notes that the Abkhaz judicial system in the period under review consisted of three courts: the Princely Court, the Council of Elders, the People's Courts. The author notes that the peculiarity of this system is the simultaneous action of the feudal and democratic bodies of justice, which is explained by the transitional stage of development of the system of government of the Abkhaz principality. The author revealed that the Abkhazians in the pre-Russian period had their own developed judicial system, the principles of operation of which are characteristic of modern courts.

Keywords: Sovereign Abkhazian Principality, Princely Court, Council of Elders, People's Court, principles of publicity and openness of the judicial process, principle of equality and competition of the parties involved in the case.

Spisok literatury

1. Loginov A.V. Adat i Shariat na territorii Kavkaza, Tsentral'noy I Yugo-Vostochnoy Azii // *Sovremennyy musul'manskiy mir*. 2018. № 3. S. 3. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id40/>
2. Dzhordzh Ellis. Opisaniye mestnosti mezhdru Chernym i Kaspiyskim moryami / Kavkaz: yevropeyskiye dnevniki XIII–XVIII vekov. Nal'chik, iz-vo: M. i V. Kotlyarovykh, 2010. S. 147.
3. Miller A.A. Materialy abkhazskoy etnografii (al'bom fotografii i risunkov) 1907. Yed. khr. 404. L. №5.
4. Guazhba A. Obychnoye pravo abkhazov kak vozmozhnyy istochnik metodov narodnoy diplomatii // *Rol' neofitsial'noy diplomatii v mirotvorcheskom protsesse. Materialy gruzino-abkhazskoy konferentsii Mart*, 1999. Sochi, S. 63.
5. Avidzba V.V. Traditsionnyy sud i sudoproizvodstvo abkhazov v kontse XVIII - pervoy polovine XIX vv. Avtoref. Diss. ... k-ta ist. nauk. Sukhum, 2008 g. S. 15.
6. Arkhiv Abkhazskogo Gosudarstvennogo Muzeya. №28. F.4. d. 5.
7. Loginov A.V. Voznikoveniye i razvitiye sudov i kvazisudebnykh organov v Respublike Abkhaziya // *Nauchnoye obozreniye. Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2018. № 3. S. 10.
8. Averkiyev I. S Severo-Vostochnogo pribrezh'ya Chernogo morya // *Gazeta «Kavkaz» №70*. 1866 g.
9. Krylov A.B. Religiya i traditsii abkhazov (po materialam polevykh issledovaniy 1994-2000 gg.). Moskva, 2001. URL: http://apsnyteka.org/949-krylov_a_religya_i_traditsii_abhazov.html
10. Kulova M.L. K voprosu o traditsionnoy yazycheskoy religii abkhazov v sovremennoy Abkhazii // *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. №65. 2008. S. 179.
11. Kuprava A.E. Voprosy traditsionnoy kul'tury abkhazov. Sukhum, iz-vo: Dom pečati, 2008. S. 39.
12. Frederik Dyubua de Monpere. Puteshestviye vokrug Kavkaza. Tom I. (Gruzinskiy filial AN SSSR. Trudy instituta abkhazskoy kul'tury. Vypusk VI. Svidetel'stva inostrantsev ob Abkhazii). Sukhumi, iz-vo: Abgiz. 1937. URL: http://apsnyteka.org/648-dubua_frederic_de_monpere_puteshestvie_vokrug_kavkaza.html
13. Khotko B.S. Sovremennyye svyashchennyye roshchi i svyashchennyye derev'ya u abkhazov: k voprosu o traditsionnom i novatsionnom. URL: http://apsnyteka.org/1621-khotko_b_sovremennyye_sviaschennyye_roschi_i_sviaschennyye_derevia_u_abkhazov.html
14. Edmond Spenser. Puteshestviya v Cherkessiyu. / per. N. Neflyashevoy. Maykop, iz-vo RIPO «Adygeya», 1994. URL: http://apsnyteka.org/file/Spenser_Puteshestviya_v_Cherkessiyu.pdf
15. Kovalevskiy M.M. Zakon i obyчай na Kavkaze. T.2. M., 1890. S. 159–160.
16. Zel'nitskaya R.SH. Transformatsiya sotsial'nykh otnosheniy v Abzhuyskoy Abkhazii na primere sela Dzhgerda (Seredina XIX–nachalo XXI veka): Diss. ... k-ta ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2017. S. 126.
17. Ashkhatsava S.M. Vnutrenneye upravleniye drevney Abkhazii // *Gazeta «Sukhumskiy listok»*. №196. 1912.
18. Anchabadze YU.D. «Ostrakizm» na Kavkaze // *Sovetskaya etnografiya*. №5. 1979. S. 137-138.
19. Achugba T.A. Etnicheskaya istoriya abkhazov XIX-XX vv. Sukhum, iz-vo: AIGI im. D. I. Gulia, 2010. S. 66.
20. Loginov A.V. Sudy po obychnomu pravu i po shariatu na territorii Respubliki Abkhazii: istoriya i perspektivy // *Sovremennyy musul'manskiy mir*. 2018 № 2. S. 2. URL: <https://islamjournal.ru/2018/id32/>
21. Loginov A.V. K voprosu o realizatsii printsipa «osushchestvleniya pravosudiya tol'ko sudom» na territorii Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Abkhaziya // *Obshchestvennyye nauki*. 2017. № 5. S. 407.

УДК 342.5

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ
ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ, СУДАМИ, МЕСТАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ЗАДЕРЖАННЫХ ЛИЦ: ОПЫТ
ПРОКУРАТУРЫ КРЫМСКОЙ АССР (1920 - 1930-е ГОДЫ)**

Хаяли Р. И.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы организации прокурорского надзора за органами дознания, следствия, судами, местами предварительного заключения и содержания задержанных лиц в Крымской АССР. Анализируются различные факторы, определившие систему и практику прокурорского надзора по данному направлению. Сделан вывод, что прокурорский надзор обеспечил соблюдение законности и правопорядка в республике.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, органы дознания и следствия, суды.

Одним из важных направлений в работе прокуратуры республики был надзор за органами, осуществляющими дознание и следствие. В поле зрения прокуратуры также находилась работа ревтрибуналов, судов и мест заключения.

В процессе советского национально-государственного строительства в Крымской АССР главной задачей правоохранительных органов также была борьба с лицами, уклоняющимися от призыва в армию и случаями дезертирства, а также с бандитизмом, охватившим как города, так и сельскую местность. На заседании КрымЦИК 9 ноября 1922 года было принято решение о создании при ревтрибуналах чрезвычайных сессий и троек в Симферополе и Севастополе. В частности, Симферопольскую тройку возглавил В. Ибраимов. Решения чрезвычайных троек считались окончательными и обжалованию не подлежали [1, л. 61].

В Симферополе «рассадником» бандитского и уголовного элемента являлся городской рынок. На основании протокола Чрезвычайной сессии от 8 ноября 1922 года, под руководством председателя КрымЦИК В. Ибраимова принимается постановление об организации облав. В связи с этим прокурору республики было направлено прошение о том, чтобы все дела по уголовным преступлениям были изъяты из ведения нарсудов, органов следствия и дознания с последующей передачей в срочном порядке для рассмотрения на Чрезвычайной сессии. Прокуратура приняла по данному вопросу соответствующее распоряжение [2, л. 85].

При Главном суде Крымской АССР прокурорский надзор осуществлял помощник прокурора республики Кобленц, проводивший ревизию следственных участков. В его компетенцию также входило выявление нарушений, учет, ведение и рассмотрение уголовных дел в судах. На основе действующего законодательства по всем выявленным нарушениям он давал указания по их устранению.

В силу различных факторов при рассмотрении уголовных дел «волокита на всех стадиях» была обычным явлением. Термин эпохи «залежь дел» в органах дознания, следствия и в судах ярко отражает сложившееся положение дел. В связи с этим на

заседании Крымского областного комитета РКП(б) 10 января 1923 года было рекомендовано прокурору республики обратить особое внимание на более быстрое ведение предварительного следствия, соблюдение сроков судопроизводства, особенно по делам иностранноподданных [3, л. 19].

Несмотря на трудности в течение первых лет своей деятельности органам прокуратуры удалось организовать надзор как в центре, так и в округах республики за органами дознания, следствия, судебными органами и местами заключения. В задачи окружных прокуроров входило осуществление прокурорского надзора в округе и представление ежеквартального отчета по установленной форме. При этом прокурорам в округах прокуратура республики систематически рекомендовала принять меры по улучшению прокурорского надзора по данному направлению.

В 1923 году был «налажен» прокурорский надзор за уголовным розыском и милицией, а также усилен надзор за деятельностью должностных лиц. На качество работы органов прокуратуры в системе НКЮ Крымской АССР существенное влияние оказывала господствующая идеология. В этом плане классическим примером может служить обращение заместителя НКЮ старшего помощника прокурора республики Гурова, направленное 29 сентября 1924 года всем районным прокурорам и уполномоченным Главного суда республики с грифом «совершенно секретно», в котором указывалось, что целью и задачами органов прокуратуры является приближение советского аппарата и особенно суда на основе директив партии к трудящимся массам. Всем прокурорам рекомендовалось усилить надзор за судами, которые не рассматривали в установленные сроки дела, и трудящие были вынуждены по несколько месяцев, а то и до полугода ждать решение судебных инстанций. Также прокурорам рекомендовалось в кратчайшие сроки организовать надзор и к январю 1925 года ликвидировать «залежь дел в судах» республики. Главный лозунг момента, в соответствии с классовой политикой: «К 1 января 1925 года – ни одного лишнего дела в производстве Народного суда, которое могло бы влиять на приближение суда к трудящимся» [4, л. 231 – 231 об.].

В работе прокуратуры в 1924 году наиболее резонансным делом было обращение Красного Креста Германии через германское посольство в Наркомат иностранных дел СССР по судебному решению Крымсуда, вынесенному по искам предприятий Хлебопродукт и Губакторг. На основании данного решения имущество Красного Креста Германии было продано с торгов. Причем при продаже, как считала обратившаяся сторона, были допущены процессуальные нарушения – не была составлена оценка продаваемого имущества, отсутствовал акт продажи. Учитывая, что такие действия могли оказать негативное влияние на отношения с Германией, прокуратура РСФСР за подписью прокурора республики Д.И. Курского потребовала от прокуратуры Крымской АССР проверить и выслать заключение, с последующим направлением его в Наркомат иностранных дел СССР и соответственно в посольство Германии. Речь шла о медицинском оборудовании, рентгеновском аппарате, которые были завезены в Крым Красным Крестом Германии в период голода 1921–1923 годов для медицинского обследования и обслуживания немецкого населения. По данному обращению прокуратурой Крымской АССР была осуществлена проверка, о чем было доложено прокурору РСФСР. В частности, за подписью временно исполняющего обязанности прокурора Крымской ССР А. М. Гурова сообщалось,

что «жалоба Германского Красного Креста является необоснованной» [5, л. 338, 390–390 об.].

Правопонимание и правоприменение в 1920-е годы, основанные на революционной законности, имели классовую специфику и направленность. Это видно на примере циркуляра наркома НКЮ и прокурора Крымской АССР районным прокурорам и уполномоченным Главного суда республики от 29 сентября 1924 года. В документе отмечалось, что по имеющимся данным в ряде районов и главным образом горном, где бандитизм имел высокую организованность в период голода 1921-1922 годов и где по призыву советской власти крестьянское население приняло активное участие в его ликвидации, ныне на местах против них судебными органами возбуждены преследования. К участникам ликвидации бандитизма в качестве меры пресечения избирается содержание под стражей. НКЮ, считая подобные действия со стороны судебных органов не соответствующими нынешней обстановке, НКЮ и Главсуд предложили все дела, имеющиеся в производствах народных судов и народных следователей по членам судебных комиссий, созданных до 1 января 1923 года, дальнейшим производством приостановить и направить прокурору республики. Там, где по данным делам были произведены аресты, и обвиняемые содержатся под стражей, меру пресечения немедленно заменить, запретив этим лицам выезд из пределов Крыма [6, л. 33].

В действительности по мере установления советской власти на полуострове, в условиях голода и разрухи, роста бандитизма в 1921-1923 годах отсутствовали возможности создать в короткие сроки судебную систему. Поэтому Крымревком, для рассмотрения дел, связанных с воровством, грабежами, с учетом, что в них войдут бедняки, санкционировал создание судебных комиссий в селах. Однако практика показала, что в эти «суды» вошли, как правило, представители зажиточного элемента, что привело к массовому произволу.

Со временем политика властей в отношении судебных комиссий изменилась. Они были ликвидированы. В конце 1920-х годов и особенно в 1930-е годы в связи с самосудами над беднотой, имевшими место в 1921-1922 годах, ОГПУ Крыма, а затем НКВД провели массовые аресты лиц, главным образом из кулацкого элемента, квалифицируя действия обвиняемых по ст. 58-8 УК РСФСР. Дела указанных лиц направлялись во внесудебном порядке на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ. Действия «самосудчиков» судебные органы стали квалифицировать по ст. 136 УК РСФСР с передачей в суд в общем порядке.

В период организации прокурорского надзора в республике, ввиду отсутствия опыта, отдельные прокуроры при осуществлении прокурорского надзора превышали свои полномочия. Так, в 1925 году один из районных прокуроров усмотрел в работе районного суда недостаточную подготовку в осуществлении судебных функций. Мнение прокурора было необоснованным. В связи с этим заместителем НКЮ старшим помощником Прокурора Крымской АССР Алешиним было принято решение: по всем возникающим вопросам необходимо изучить работу работников судебно-следственных органов и прокуратуры, а в случае разногласий информировать об этом НКЮ для дачи разъяснений и указаний [7, л. 8].

Организация прокуратуры и прокурорского надзора в республике проходили одновременно с созданием органов милиции, уголовного розыска, ОГПУ, между которыми возникали определенные трения, как на районном, так и на республикан-

ском уровнях. Перед прокуратурой встала задача координации деятельности этих органов, особенно в части борьбы с преступностью. В связи с этим в 1925 году участковым прокурорам были даны следующие указания. Каждый объявленный розыск необходимо было осуществлять с санкции местного прокурора, которая дается при наличии мотивированного постановления с кратким содержанием преступления. Орган дознания, в обязанностях которого лежала розыскная функция, получив отдельное требование о розыске, прежде чем приступить к розыску, был обязан получить разрешение от районного прокурора. Повестки органами суда и дознания разыскиваемым лицам необходимо было посылать строго через прокурора [8, л. 46].

В исследуемый период внимание общественности было привлечено к уголовному делу по обвинению лиц, участников бандитского движения в годы Гражданской войны. По делу банды Шнейдера, которое рассматривалось Главным судом Крымской АССР, обвинялось двадцать шесть человек. Участники банды в 1919 – 1920-е годы совершили особо тяжкие уголовные преступления в отношении гражданского населения, занимаясь грабежами, разбоем и убийствами. В частности, при белых бандиты расстреляли пять и повесили на трамвайных столбах Симферополя восемь членов Мусульманского бюро Крымского областного комитета РКП(б) и подпольной организации РКСМ. В суд из различных районов полуострова было вызвано около ста свидетелей, пострадавших от действий бандитов. Крымский обком партии дважды подтвердил необходимость применения высшей меры наказания в отношении главаря Фердинанда Шнейдера.

Действия преступной группы были квалифицированы по ст. 64 УК РСФСР. Однако в ходе судебного разбирательства возникли процессуальные трудности. Суд встал перед препятствием в виде примечания 2 к ст. 33 УК РСФСР. То есть с момента совершения преступления прошло 5 лет, и, соответственно, истек срок давности уголовного преследования. В связи с этим заместитель прокурора республики Г. П. Плинокос и прокурор, поддерживающий обвинение при Уголовной судебной коллегии Главного суда Крымской АССР Филиппов, 20 ноября 1925 года обратились с письмом в адрес заместителя НКЮ РСФСР Н.В. Крыленко, в котором просили согласовать указанный вопрос с надлежащими органами и «в срочном порядке поставить нас в известность... дабы избежать отмены приговора, что произведет неблагоприятное впечатление на общественное мнение рабочих и крестьянских масс Крыма, в памяти которых еще живы все кровавые события данного периода» [9, л. 2–2 об.].

Приговором Главного суда Крымской АССР 10 ноября 1925 года главарь банды Фердинанд Шнейдер был приговорен к расстрелу. Верховным судом РСФСР приговор был оставлен в силе, с заменой 10 годами ИТЛ со строгой изоляцией и с конфискацией имущества за контрреволюционные деяния. На различные сроки были осуждены и другие участники банды.

24 ноября 1927 года комиссия при Крымизоляторе, в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции, рассмотрела вопрос о применении к Ф. Шнейдеру амнистии. Решение комиссии было однозначным – «не применять амнистии в отношении Ф. Шнейдера». Это постановление осужденным было обжаловано в НКЮ РСФСР, где ему также было отказано. Однако 6 марта 1928 года рабочая комиссия при Крымизоляторе, ввиду отбытия половины срока наказания, решила вынести

амнистию в отношении Ф. Шнейдера, одновременно сняв дополнительные виды наказания (строгую изоляцию). 16 марта 1928 года он был переведен в средний разряд, а именно на работу в сельхозколонию. По данному вопросу 25 июня 1928 года прокурор при Главном суде республики Бажин доложил заместителю НКЮ Крымской АССР старшему помощнику Алешину [10, л. 11]. Решение комиссии при Крымизоляторе было отменено прокуратурой республики. Также были приостановлены неправомерные действия должностных лиц в отношении других членов банды – Рейнгольда и Альберта Шнейдеров.

На прокурорский надзор в уголовном процессе негативно влияла, словами эпохи, «кампанейщина», связанная с внутренними и международными политическими событиями. В качестве примера можно привести предложение прокурора Джанкойского района Кузнецова, который в 1927 году на одном из совещаний правоохранительных органов предложил в деле борьбы с преступностью, учитывая международное положение, «вести дела в боевом порядке и передавать их во внесудебном порядке». На это отреагировал старший помощник прокурора Крымской АССР Алешин, потребовавший разъяснение [11, л. 10]. Вместе с тем прокурорам, участвующим в уголовном процессе, рекомендовалось обратить пристальное внимание на качество выступлений в судах, особенно в выездных сессиях, а также регулярное ознакомление с делами.

Во второй половине 1920-х годов значительная работа была проведена в прокуратуре Ялты. Если говорить о городских прокуратурах республики прокуратура в этом курортном городе была создана одной из последних. Учитывая, что в городе был высокий уровень детской беспризорности и преступности, прокуратура первостепенное значение уделила осуществлению надзора за работой комиссий по делам несовершеннолетних. В связи с этим значительно был усилен надзор за работой органов милиции. Также особое внимание было обращено на укрепление дисциплины в её рядах, и на правовую подготовку работников милиции. Прокуратуре города также была поставлена задача – завершить работу по формированию института общественных обвинителей с общим составом рабочих не менее 50% [12, л. 28].

В начале 1930-х годов качество прокурорского надзора значительно улучшилось. В это время, исходя из указаний, прокуроры на местах один раз в месяц производили проверку следственных дел, находящихся в производстве, а также органов милиции, должным образом составляя акт проверки. В акте обязательно указывались статья обвиняемого, сроки расследования и причины задержки, имеются ли по делу арестованные. Копии актов представлялись вышестоящим прокурорам с месячным статистическим отчетом.

Важным направлением прокурорского надзора были места предварительного заключения и содержания задержанных лиц. Подход в организации прокурорского надзора осуществлялся на классовых принципах. В целом при арестах правоохранительным органам рекомендовалось не лишать свободы лиц до суда. Так, рабочих, не имеющих имущества, необходимо было отпускать под поручительство профсоюза или коллектива. Крестьян рекомендовалось отпускать под залог или имущественное поручительство отдельных лиц или сельских общин. Лиц, принадлежащих к классу буржуазии, нужно было отпускать до судебного разбирательства под денежный залог, который исчислялся в золоте и подлежал внесению банкнотами, либо облигациями в сбербанк и непременно от имени обвиняемого. Залог или имущественное

поручительство не должны были быть ниже суммы гражданского иска и судебных издержек.

В соответствии с инструктивным письмом прокурора Крымской АССР Г. П. Плинокоса 13 января 1931 года, в целях повышения организации прокурорского надзора, всем районным и городским прокурорам, предписывалось в своей повседневной работе по руководству следствием осуществлять надзор за тем, чтобы расследование уголовных дел проводилось с фактическими обстоятельствами дела, решительным образом пресекая случаи неправомерного вмешательства в ход следствия различных организаций и лиц. С этой целью прокурорам рекомендовалось периодически созывать ежемесячные производственные совещания следователей уголовного розыска и милиции. Районным прокурорам необходимо было усилить надзор по вопросу возвращения дел судами на дознание, а также за сроками дознания и следствия. Руководство наблюдения за следственными органами прокуратура должна была осуществлять путем подачи письменных указаний [13, л. 98-99].

В 1920-е годы прокурорский надзор за местами лишения свободы имел существенные недоработки. Прокуроры, ответственные за данное направление, не всегда имели возможность обследовать лагеря и положение заключенных. Вместе с тем по результатам имеющихся проверок прокурорами были выявлены такие характерные нарушения норм ИТК РСФСР 1924 года: проживание осужденных с нарушением норм жилищной площади, скученность, некачественное питание и медико-санитарное обеспечение, неблагоприятное состояние помещений, что приводило к недовольству, а порой и неорганизованным выступлениям осужденных.

Осуществляя прокурорский надзор за местами лишения свободы, работники прокуратуры отмечали наличие голодовок со стороны заключенных, нарушение сроков содержания отдельных лиц, отбывающих наказание. Также в местах лишения свободы необходимо было поднять трудовую дисциплину, не допускать побегов заключенных, ликвидировать наличие огнестрельного оружия и колющих средств [14, л. 75].

В 1930-е годы прокурорский надзор в данной отрасли был выведен на новый качественный уровень. Прокуроры, в соответствии с действующим законодательством (не реже двенадцати раз в году), ежемесячно проверяли места предварительного заключения и содержания задержанных лиц. Например, в 1931 году, в результате проверок мест лишения свободы, прокуратурой было обнаружено всего лишь шесть лиц, содержащихся под стражей свыше двух месяцев без предъявления обвинения [15, л. 12-15].

В соответствии с решением коллегии НКЮ Крымской АССР от 22 декабря 1930 года на городских и районных прокуроров было возложено общее руководство всеми органами юстиции, в том числе и народными судами. Одновременно прокуроры были предупреждены о том, что их руководство не должно превращаться во вмешательство в оперативную работу судов [16, л. 17].

На основании циркуляра Народного комиссара НКЮ РСФСР №14с от 27 апреля 1931 года прокурорам автономных республик в условиях обострения классовой борьбы вменялось применение такого вида наказания, как высшая мера социальной защиты. Также НКЮ РСФСР рекомендовал всем судам и прокурорам к неуклонному исполнению следующего: полностью изжить вынесение необоснованных приговоров и искусственное отягчение приговоров; высшую меру социальной защиты

применять в исключительных случаях; районным прокурорам по делам указанных категорий обвинительные заключения пересылать в областную прокуратуру; облпрокурорам установить жесткий контроль за сроками прохождения обвинительных заключений райпрокуроров в облпрокуратуры (в течение 24 часов) [17, л. 24].

Следует обратить внимание на то, что по закону «О судеустройстве СССР» 1938 года прокуроры района, города, области, края, автономной республики были лишены права выносить протесты на судебное решение, вступившее в законную силу, приостановив при этом исполнение приговора. Этим правом обладали Прокурор СССР и прокурор союзной республики [18. С. 104-105]. Вместе с тем, как отмечалось в Приказе Народного комиссара НКЮ и Прокурора СССР №77/1251 от 19 сентября 1938 года, «Закон о судеустройстве» не освобождает районных, окружных и областных, краевых и прокуроров АССР от наблюдения за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями. Прокуроры всех уровней имели право на вынесенный приговор, обращение или определение, вступившее в законную силу, проверить эти данные путем истребования дела [19, л. 11-11 об.].

1 декабря 1938 года принимается постановление, которым запрещались аресты лиц без санкции прокурора. Также были ужесточены требования к прокурорам при выдаче санкций на арест граждан по решению НКВД [20, с. 51]. Это соответствовало принципам Конституции СССР 1936 года, в частности статье 127, в которой закреплялась норма: «Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Таким образом, организация прокурорского надзора в республике за органами дознания, следствия, судами, местами предварительного заключения и содержания задержанных лиц прошли сложный этап от революционной законности с принципами классового подхода к социалистической, с защитой прав и интересов трудящихся.

Список литературы:

- Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАРК. Ф. Р-1100. Оп. Д. 28.
5. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 73.
7. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 71.
8. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 66.
9. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 59.
10. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 184.
11. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 129.
12. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 201.
13. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 51.
15. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 51.
16. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 222.
18. Шифман М. Л. Прокурор в уголовном процессе. М.: Юридическое издательство министерства юстиции СССР. 1948. – 248 с.
19. ГАРК. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 252.

20. Шобухин В. Ю. Прокуратура России: проблемы, тенденции и закономерности развития (историко-правовой аспект): Монография / В. Ю. Шобухин. — Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УМП». 2013. 110 с.

Khayali R. I. Organization of the prosecutor's supervision for the authorities of research, consequences, courts, places of preliminary conclusion and content of detained persons: experience of the prosecutor of the Crimean ASSR (1920 – 1930-S) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 59–66.

The article deals with the organization of prosecutorial oversight of the bodies of inquiry, investigation, courts, places of preliminary detention and the detention of persons in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic. Analyzed various factors that determined the system and practice of prosecutor's supervision in this area. It is concluded that the prosecutor's supervision ensured the observance of law and order in the republic.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, bodies of inquiry and investigation, courts.

Spisok literatury:

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. R-1110. Op. 1. D. 4.
2. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 4.
3. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 9.
4. GARK. F. R-1100. Op. D. 28.
5. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 30.
6. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 73.
7. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 71.
8. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 66.
9. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 59.
10. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 184.
11. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 129.
12. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 201.
13. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 1.
14. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 51.
15. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 51.
16. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 1.
17. GARK. F. R-1110. Op. 1. D. 222.
18. SHifman M. L. Prokuror v ugovolnom processe. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo ministerstva yusticii SSSR. 1948. – 248 s.
19. GARK. F. R-703. Op. 1. D. 252.
20. SHobuhin V. YU. Prokuratura Rossii: problemy, tendencii i zakonomernosti razvitiya (istoriko-pravovoj aspekt): Monografiya / V. YU. SHobuhin. — Ekaterinburg: ООО «Izdatel'stvo UMC UMP». 2013. 110 s.

УДК 342.9

**РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**

Шкляр Т. А., Коноплев В. В.

*Верховный Суд Республики Крым
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского*

В статье исследовано развитие современных научных взглядов в сфере осуществления административного судопроизводства в Российской Федерации. Автором определены теоретические и практические вопросы, оставшиеся без внимания ученых и требующие теоретического и практического решения с целью усовершенствования научного обеспечения осуществления административного судопроизводства. Автором установлено, что существующие исследования в сфере осуществления административного судопроизводства можно объединить в несколько групп, в частности: исследования, посвященные анализу общетеоретических аспектов осуществления административного судопроизводства; исследования, посвященные анализу процессуального статуса участников административного судопроизводства; исследования, посвященные анализу реализации принципов административного судопроизводства; исследования, посвященные анализу особенностей рассмотрения отдельных категорий административных дел.

Ключевые слова: административное судопроизводство, научные исследования, научное обеспечение, развитие, судопроизводство.

Непрерывное развитие государства приводит к появлению новых актуальных теоретических и практических вопросов, которые в силу своей важности и сложности становятся предметом дискуссии, как среди научных, так и среди политических деятелей, а также практических работников. Одним из таких вопросов является осуществление административного судопроизводства в Российской Федерации, ведь принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации обусловило постановку ряда вопросов. Именно это и определило проведение различных научных исследований данного вопроса. Кроме того, данная проблематика требует не только теоретического, но и практического «подкрепления» участников административного судопроизводства, поскольку именно административное судопроизводство призвано обеспечить соблюдение баланса между интересами конкретного гражданина и государства.

Переходя к непосредственному предмету исследования, следует отметить, что любое научное исследование невозможно без анализа соответствующей «научного наследия», которое было «оставлено» предыдущими исследователями.

На сегодня, в научной литературе проведен ряд исследований, в которых уделено внимание различным аспектам осуществления административного судопроизводства. Однако, значительное количество теоретических аспектов рассмотрено в рамках широкой правовой проблематики без комплексного подхода.

Необходимо отметить, что системность и комплексность административного судопроизводства обусловили наличие ряда научных работ, выполненных в рамках научных специальностей 12.00.01 – «Теория и история права и государства; история

учений о праве и государстве», 12.00.02 – «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»; 12.00.14 – «Административное право; административный процесс»; 12.00.15 – «Гражданский процесс; арбитражный процесс». В рамках указанных научных специальностей проведены исследования следующих вопросов: понятие и содержание судопроизводства; научные подходы к пониманию понятия «административная юстиция», «административное судопроизводство»; содержание принципов административного судопроизводства, особенно в отношении рассмотрения отдельных категорий административных дел; особенности реализации процессуального статуса участников административного судопроизводства, оценка Кодекса административного судопроизводства как нового этапа в развитии административно-процессуального права.

Итак, анализируя указанные вопросы отметим, что фундаментальные исследования различных аспектов осуществления административного судопроизводства были проведены Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Ю. Н. Стариковым. Автор на протяжении 15 лет исследует проблемы реформирования административного права России, проведение судебной реформы, теоретические основы административного процесса и обеспечение прав и свобод граждан в публичном праве со стороны судебной власти, развитие административной юстиции [1]. Ю. Н. Стариков является автором следующих работ: «От административной юстиции к административному судопроизводству»; «Чем может закончиться в 2009 г. дискуссия об учреждении в России административных судов и развитии административного правосудия»; «Административная юстиция в России в 2012 г.: начало нового этапа дискуссии и реализации конституционной правовой нормы об административном судопроизводстве»; «Однозначное указание» последовало в эпоху модернизации: логичное завершение дискуссии о необходимости формирования административного процессуального законодательства (административного судопроизводства) в России» [2].

Следует отметить, что вопросы относительно развития административно-процессуального законодательства неоднократно являлись предметом научных исследований. Ю.Н. Стариков в исследовании «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации – надлежащая основа для развития административно-процессуальной формы и формирования нового административного процессуального права» справедливо указывает, что принятие КАС РФ является весьма значимым и важным событием в развитии судебной системы страны, улучшении правовой системы России, расширении границ правовой государственности, приведении структуры правосудия в надлежащий порядок, соответствующий стандартам обеспечения прав, свобод, законных интересов физических лиц и организаций. Действие КАС РФ обеспечит дальнейшее развитие административно-процессуальной формы, основные контуры которой сегодня зафиксированы в данном процессуальном законе. КАС РФ – система процессуальных норм, принципов, правил, которые дают возможность для формирования новых научных представлений и теоретической модели административного процесса как судебного процесса [3, с. 31].

В то же время, Э. Г. Гамидова отмечает, что Кодекс административного судопроизводства, как новый этап в развитии административного процесса в России КАС РФ, можно рассматривать как промежуточный итог, который дал небольшой толчок развитию административного процессуального законодательства, не адми-

нистративного судопроизводства. Административное судопроизводство можно считать оформленным при наличии системы административной юстиции, а пока КАС вынужден функционировать в рамках гражданского судопроизводства [4].

Важное теоретическое и практическое значение имеют научные исследования состояния доступности правосудия в сфере публичных правоотношений. Е.В. Власов в диссертационном исследовании «Доступность правосудия в административном судопроизводстве» указывает, что: «одной из причин, допускаемых нарушений права на доступ к суду при рассмотрении в российских судах административных дел, является отсутствие у правоприменителей четких представлений о существовании этого права и возможностях частных лиц, связанных с его реализацией». Кроме того, автором обосновывается, что «особенности в доступе к суду и в обеспечении доступности правосудия в административном судопроизводстве обусловлены природой материальных публичных правоотношений, предопределяющих различные возможности их участников в инициировании судебной процедуры для разрешения административных споров, активную роль суда в процессе. В административном судопроизводстве предусмотрены специальные правовые процессуальные средства, такие, например, как административный иск, приостановление действия оспариваемых ненормативных актов органов публичной власти, сокращенные сроки на обжалование судебных постановлений, позволяющие эффективно устранять допускаемые нарушения в публично-правовой сфере» [5].

Важное методологическое значение в исследовании особенностей осуществления административного судопроизводства являются исследования, посвященные анализу реализации принципов данного судопроизводства. Различные аспекты реализации принципов административного судопроизводства рассматривали С. А. Майорова [6]; А. П. Яковлева [7]; Е. Г. Зинков [8]. В. Н. Андриянов в своем исследовании справедливо отмечает, что принципы административного судопроизводства, с учетом искового порядка возбуждения административного судопроизводства призваны помочь судье решить сложную двойную задачу: проверка законности и обоснованности обжалуемого управленческого акта и с учетом этого разрешение административного спора; а при удовлетворении иска – защита прав и свобод гражданина, при отказе в иске – подтверждение корректности принятого управленческими структурами решения [9].

Н. Г. Деменкова, М. С. Игнатова, А. В. Минбалеев, анализируя принципы административного судопроизводства, обосновывают позицию о необходимости выделения многоуровневой системы принципов административного судопроизводства. Первую группу составляют общеправовые принципы, применяемые исходя из общих закономерностей всех правовых явлений, а также фундаментальных положений Конституции Российской Федерации. Вторая группа включает в себя межотраслевые (общепроцессуальные) принципы, характерные и для иных видов судопроизводства. В третью группу объединены специальные принципы, которые определяют специфику административного судопроизводства и обусловлены характером и особенностями административных дел [10]. В то же время, А.Н. Балашов отмечает, что основная задача суда в административном судопроизводстве – создание равных условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Состязательность не может рассматриваться в отрыве от объективной истины и не может противопоставляться ей. Задача суда не констатировать процессуальную истину, которая, как известно, носит вероятный характер, а установить объективную истину, т.е. вынести законное, обоснованное и справедливое решение [11].

Важное место в изучении теоретических и практических аспектов указанной научной проблематики является влияние цифровых технологий на осуществление административного судопроизводства. Указанное обусловлено рядом факторов: во-первых, утверждением Концепции развития информатизации судов до 2020 года [12]; во-вторых, созданием и реализации структурных элементов цифровой экономики [14].

Следует отметить, что в самом общем виде внедрение информационных технологий в административное судопроизводство имеет целью повышение гарантий надлежащей защиты прав граждан и организаций в публично-правовой сфере за счет достижения нового уровня доступности, прозрачности и своевременности такой защиты. Информационные технологии должны способствовать реализации обозначенной цели как приоритетной, иначе фактическое неравенство в материальных правоотношениях только усилится в ходе судопроизводства.

В административном судопроизводстве право подавать документы в суд в электронном виде, заполнять формы документов, размещенных на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в порядке, установленном Верховным Судом Российской Федерации, закреплено в ч. 2 ст. 45 КАС РФ. Документы, которые могут быть поданы в электронном виде, прямо названы в ряде норм Кодекса (ч. 8 ст. 125, ч. 2 ст. 126, ч. 7 ст. 299, ч. 3 ст. 319, ч. 4 ст. 347). Исходя из приведенной общей нормы ст. 45 КАС РФ в электронном виде могут быть поданы и иные документы, связанные с рассмотрением административного дела.

В то же время, анализ практики реализации указанных положений показывает, что в настоящий момент отдельные электронные сервисы судов общей юрисдикции не обеспечены возможностями подачи документов в суд в электронном виде.

Кроме того, остаются фрагментарно исследованы вопросы относительно использования электронных документов в качестве доказательства, использование электронных подписей, участие в рассмотрении административного дела по видеоконференц-связи. В связи с указанным, справедливо указывают В. И. Решетняк, Е. С. Смагина, что Кодекс административного судопроизводства отражает наиболее прогрессивные тенденции развития электронного правосудия, вводя непосредственно в процесс новейшие информационные технологии.

В целом необходимо заметить, что достигнутый уровень развития информационных технологий получил достаточно полное отражение в нормах Кодекса административного судопроизводства РФ. Кодекс закрепил новые средства электронного взаимодействия суда и участников процесса, став еще одним этапом на пути формирования электронного правосудия в Российской Федерации [13].

Подводя итог, следует отметить, что проведенное исследование развития современных научных взглядов по вопросам осуществления административного судопроизводства не претендует на полноту и исчерпанность, ведь данный вопрос является очень содержательным и требует проведения дополнительного исследования. Приведенные в исследовании работы являются наиболее близкими к определенной проблематике.

Однако, несмотря на такое большое количество научных исследований в данной сфере, ряд вопросов остались вне поля зрения ученых. Кроме того, стремительное развитие законодательства в этой сфере, принятие стратегических документов обуславливает необходимость в проведении исследования по данной проблематике, анализа современной практики осуществления административного судопроизводства. В то же время, без соответствующего научного анализа остаются вопросы относительно направлений внедрения современных информационных технологий в административное судопроизводство.

Проведенный анализ показывает, что существующие исследования в сфере осуществления административного судопроизводства можно объединить в несколько групп, в частности:

- исследования, посвященные анализу общетеоретических аспектов осуществления административного судопроизводства;
- исследования, посвященные анализу процессуального статуса участников административного судопроизводства;
- исследования, посвященные анализу реализации принципов административного судопроизводства;
- исследования, посвященные анализу особенностей рассмотрения отдельных категорий административных дел и др.

Список литературы:

1. Стариков Ю. Н. Административная юстиция: проблемы теории. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. унта, 1998. - 197 с.
2. Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. – Сер.: Юбилей, конференции, форумы. – Вып. 7 / отв. ред. Ю.Н. Стариков. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2013.– 1060 с.
3. Стариков Ю. Н. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации – надлежащая основа для развития административно-процессуальной формы и формирования нового административного процессуального права // Журнал административного судопроизводства. – 2016. - № 1. – С. 29-39.
4. Гамидова Э. Г. Кодекс административного судопроизводства как новый этап в развитии административного процесса в России // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2017. №7 (40).
5. Власов Е.В. Доступность правосудия в административном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2017. – 32 с.
6. Майорова С. А. Принципы административного судопроизводства // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. №1 (33).
7. Яковлева А. П. Активность суда как принцип кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // *Юридическая наука*. 2015. №3.
8. Зинков Е. Г. Проблемы понимания принципов административного судопроизводства в правовом пространстве России // *Общество и право*. 2016. №1 (55).
9. Андриянов В. Н. Сущность и принципы административного судопроизводства: узаконенная модель // *Известия БГУ*. 2015. №3.
10. Деменкова Н. Г., Игнатова М. С., Минбалеев А. В. О законодательном закреплении принципов современного административного судопроизводства // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*. 2015. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zakonodatelnom-zakreplenii-printsipov-sovremenno-administrativnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 19.03.2019).
11. Балашов А. Н. Принципы состязательности и равноправия сторон в административном судопроизводстве // *Вестник СГУОА*. 2017. №5 (118).
12. Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. N 439) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/71062432/#ixzz5ifkwx2sB> (дата обращения: 19.03.2019)

13. Решетняк В. И., Смагина Е. С. Применение информационных технологий в административном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/20799> (дата обращения: 19.03.2019).

14. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р URL <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 19.03.2019).

Shkliar T. A., Konoplev V. V. Development of scientific views in the sphere of implementation of administrative legal manufacture in Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 67–72.

The article explores the development of modern scientific views in the field of administrative proceedings in the Russian Federation. The author identifies theoretical and practical issues left unattended by scientists and requiring theoretical and practical solutions in order to improve the scientific support for the implementation of administrative court proceedings. The author found that existing research in the field of administrative proceedings can be grouped into several groups, in particular: studies on the analysis of the general theoretical aspects of the implementation of administrative proceedings; studies on the analysis of the procedural status of participants in administrative proceedings; studies devoted to the analysis of the implementation of the principles of administrative proceedings; studies on the analysis of the features of the consideration of certain categories of administrative cases.

Key words: administrative legal proceedings, research, scientific support, development, legal proceedings

Spisok literatury:

1. Starilov YU. N. Administrativnaya yusticiya: problemy teorii. - Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. unta, 1998. - 197 с.
2. Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: razvitie teorii i formirovanie administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva. – Ser.: YUbilei, konferencii, forumy. – Vyp. 7 / otv. red. YU.N. Starilov. – Voronezh : Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013.– 1060 s.
3. Starilov YU. N. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii – nadležashchaya osnova dlya razvitiya administrativno-processual'noj formy i formirovaniya novogo administrativnogo processual'nogo prava // ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2016. - № 1. – S. 29-39.
4. Gamidova E. G. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva kak novyj etap v razvitiu administrativnogo processa v Rossii // Universum: ekonomika i yurisprudenciya. 2017. №7 (40).
5. Vlasov E. V. Dostupnost' pravosudiya v administrativnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.15. – M., 2017. – 32 s.
6. Majorova S. A. Principy administrativnogo sudoproizvodstva // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. №1 (33).
7. Yakovleva A. P. Aktivnost' suda kak princip kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii // YUridicheskaya nauka. 2015. №3.
8. Zinkov E. G. Problemy ponimaniya principov administrativnogo sudoproizvodstva v pravovom prostanstve Rossii // Obshchestvo i pravo. 2016. №1 (55).
9. Andriyanov V. N. Sushchnost' i principy administrativnogo sudoproizvodstva: uzakonennaya model' // Izvestiya BGU. 2015. №3.
10. Demenkova N.G., Ignatova M.S., Minbaleev A.V. O zakonodatel'nom zakreplenii principov sovremennogo administrativnogo sudoproizvodstva // Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo. 2015. №4. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zakonodatel'nom-zakreplenii-printsipov-sovremennogo-administrativnogo-sudoproizvodstva> (data obrashcheniya: 19.03.2019).
11. Balashov A.N. Principy sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon v administrativnom sudoproizvodstve // Vestnik SGYUA. 2017. №5 (118).
12. Koncepciya razvitiya informatizacii sudov do 2020 goda (utv. postanovleniem Prezidiuma Soveta sudej RF ot 19 fevralya 2015 g. N 439) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/71062432/#ixzz5ifkwx2sB> (data obrashcheniya: 19.03.2019)
13. Reshetnyak V.I., Smagina E.S. Primenenie informacionnyh tekhnologij v administrativnom sudoproizvodstve [Elektronnyj resurs]. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/20799> (data obrashcheniya: 19.03.2019).
14. Programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii»: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r URL <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (data obrashcheniya 19.03.2019).

УДК 347.1

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРАВОВОГО СТАТУСА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Щербаков М. Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме правового статуса искусственного интеллекта. Целью статьи является анализ природы искусственного интеллекта. Статья подводит к пониманию необходимости определения правового статуса искусственного интеллекта в качестве субъекта права. В статье анализируются признаки искусственного интеллекта. Автором рассматриваются возможность признания искусственного интеллекта в качестве цифрового лица, обладающего автономностью в принятии решений. В статье проводится аналогия дефиниции юридического лица и цифрового лица как юридической фикции. Автором подчеркивается необходимость, с одной стороны, определить права и обязанности искусственного интеллекта, с другой стороны определить степень ответственности. Предлагается включение в гражданское законодательство норм, посвященных цифровому лицу.

Ключевые слова: искусственный интеллект, статус цифрового лица, нейронная сеть, права и обязанности цифрового лица, юридическая ответственность цифрового лица, гибрид, андронд.

В современном мире объем информации растет экспоненциально, в результате чего, возникает режим не извлеченных смыслов. Ф. И. Гиренок указывал, что в мире антропологической катастрофы скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть, поэтому каждому из нас приходится жить в режиме не извлечённого смысла [1]. Вместе с тем необходимость извлечения смыслов явлений, обуславливается познавательной деятельностью человека. В этой связи возникает объективная потребность в создании искусственных инструментариев, позволяющих получать, обрабатывать и хранить огромный массив информации, т.е. средств извлечения смыслов. Этими средствами стали цифровые технологии, основанные на искусственном интеллекте, который правовая доктрина относит к объектам гражданских прав.

Между тем все чаще стали появляться предложения отнести искусственный интеллект к субъектам права. Ф. В. Ужов отмечал, что в случае если теория «мыслящих машин» (или же «сильного» искусственного интеллекта, т.е. искусственного интеллекта, способного мыслить соответственно и сообразно такой способности, присущей человеку) превратится в практику, перед законодателем неизбежно будет поставлен вопрос о наличии или же об отсутствии необходимости наделения носителя искусственного интеллекта правами [2]. Что же представляет собой субъект права? Правовая доктрина понимает под субъектом права лицо, обладающее способностью осуществлять субъективные права и юридические обязанности, а также нести ответственность. Субъектами права выступают индивидуальные лица (физические лица) и коллективные лица (юридические лица, государство и т.д.). В связи с этим необходимыми и достаточными признаками субъекта права являются способ-

ность осуществлять права и выполнять обязанности, а также нести юридическую ответственность.

Вместе с тем, чтобы определить статус искусственного интеллекта необходимо ответить на вопрос: что представляет собой искусственный интеллект? Искусственный интеллект представляет собой человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека. Основой искусственного интеллекта являются нейронные сети, которые представляют собой технологию, способную к обучению. Обучение нейронной сети – это процесс определения весов соединений между нейронами таким образом, чтобы сеть приближала необходимую функцию с заданной точностью. Л. С. Болотова определяла искусственный интеллект как некую искусственную систему, способную имитировать интеллект человека, то есть способность получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми разные действия, совокупно называемые мышлением [3]. Н. Нильсон сравнивал искусственный интеллект с антропогенным продуктом [4]. П. М. Морхан отмечал, что искусственный интеллект является инструментом расширения и усиления возможностей человеческого интеллектуального потенциала, а также призванный под контролем и воле человека заменить его при выполнении определенных функций и в решении определенных задач [5]. Макаров И. М. утверждал, что роботы – это лишь особая вещь, требующая особого регулирования с определенной встроенной автономностью [6].

Ручкин В. А. отмечал, что искусственный интеллект не может быть сравним в полной мере с человеком, поскольку не имеет души, сознания, чувств, интересов и свободы воли [7]. Г. А. Гаждиев указывал, что роботы не смогут в ближайшее время рассматривать и разбирать уголовные и гражданские дела, поскольку они не способны учесть все детали, в том числе и прежде всего - «человеческий фактор» [8]. М. Дельво указывал, что роботы никогда не будут людьми [9]. М. А. Булгаков писал, что уметь говорить – это еще не значит быть человеком [10]. Таким образом, способность искусственного интеллекта решать сложные задачи, оперируя большими данными, а также способность к самообучению не предполагает наличие у него сознания, которое выражается в субъективном переживании событий внешнего мира. С. Гудман отмечал, что сила человека заключается в способности признавать свои слабости. В способности принимать помощь других людей и оказывать помощь нуждающимся. В способности преодолевать жизненные препятствия и преграды [11]. Таким образом, сопереживание и взаимопомощь образует так называемый человеческий фактор личности, который связывают с моральным духом, способностью противостоять тяготам и склонности людей к ошибкам (лат. «errare humnnum est» [12]).

Между тем необходимо отметить, что в юриспруденции сознание не является необходимым условием правосубъектности. С. Чопра и Л. Уайт справедливо указывали, что в праве сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности [13].

В настоящее время искусственный интеллект способен самостоятельно принимать решение, которые не были предварительно одобрены их разработчиками или владельцами, что ставит их на одну сторону с субъектами права. Э. Уайтценбоук отмечал, что сегодня компьютеры являются не только средством коммуникации, которое обеспечивает и облегчает ведение электронной торговли, но и сами способ-

ны инициировать такую коммуникацию [14]. Способность искусственного интеллекта к самообучению и самостоятельному принятию решения, обуславливается наличием определённой степени свободы, а также его способностью своими действиями осуществлять права и обязанности. П. Черка отмечал, что права и обязанности атрибутируются субъектам права, следовательно, если возобладает точка зрения о том, что юнит искусственного интеллекта должен и будет нести ответственность за свои действия, его придётся сделать субъектом права [15]. Таким образом, способность искусственного интеллекта осуществлять права и обязанности, а также нести юридическую ответственность позволит выделить его в качестве субъекта права (цифрового лица).

Вместе с тем необходимо различать различные формы взаимодействия человека и искусственного интеллекта, которые дифференцируются степенью автономности действия искусственного интеллекта. Под автономностью необходимо понимать способность выполнять поставленные задачи в зависимости от текущего состояния и восприятия окружающей среды без вмешательства человека [16]. Так, можно выделить следующие формы коллаборации человека и машины: цифрового агента (андроида), гибрида человека и машины (киборга), цифрового лица (унитарного и корпоративного электронного лица).

К неавтономным формам взаимодействия человека и машины относятся цифровые агенты и гибриды человека и машины, в которых действия искусственного интеллекта обусловлены прямым волеизъявлением человека, поэтому все действия цифрового юнита априори будут считаться действиями человека, а к автономным системам искусственного интеллекта можно отнести цифровые лица (индивидуальные и коллективные электронные лица). Отличительной особенностью цифровых лиц является способность осуществлять права и обязанности, которая обуславливается автономным характером их функционирования. Практика применения цифровых юнитов на фондовом рынке показывает, что машины совершенно самостоятельно принимают те или иные инвестиционные решения, следовательно, самостоятельно осуществляют свои права и обязанности в качестве цифрового субъекта. Применение электронных технологий является одной из характерных особенностей фондового рынка: технологии обеспечивают высокую динамику операций, существенно ускоряют расчеты, расширяют круг участников и уменьшают риски. Например, Aidyia, гонконгский хедж-фонд, использующий «общий искусственный интеллект», более точно имитирующий человеческий мозг, в 2015 году запустил фонд длинных и коротких инвестиций, торгующий акциями США и совершающий все биржевые сделки без вмешательства человека. В связи с этим необходимо различать автономные и неавтономные технологии искусственного интеллекта. И. В. Понкин указывал, что правовое положение искусственного интеллекта зависит от меры и природы автономности искусственного интеллекта [17]. Так, если неавтономные технологии, выраженные в программно-аппаратных средствах, представляют собой объекты гражданских прав, которые являются продолжением личности в гражданско-правовых отношениях, то автономные юниты, наоборот, являются субъектами гражданских правоотношений (электронные лица).

Впервые термин «электронные лица» (electronic persons) был предложен Комитетом по правовым вопросам Европейского парламента в проекте отчета о правилах гражданского права в области робототехники от 31 мая 2016 года [18]. В соответ-

ствии с позицией Европейского парламент этот термин используется для выделения потенциального правового статуса роботов с высокой степенью автономности, так что они могут иметь определенные права и обязанности, в том числе возможность возмещения любого ущерба, который они могут нанести, а также применение электронной личности в случаях, когда роботы принимают умные автономные решения или иным образом независимо взаимодействуют с третьими лицами [19]. П. М. Морхат указывал, что наделение юнита искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица должно быть направлено на непризнание автономности и самостоятельности такого юнита и освобождение физических и юридических лиц от ответственности за его действия, а, наоборот, на укрепление такой подотчетности и решение проблем идентификации юнитов искусственного интеллекта и стоящих за ним реальных людей [5]. В пояснительной записке Секретариата Комиссии ООН по праву международной торговли об использовании электронных средств связи в международных соглашениях сказано, что лицо (как физическое, так и юридическое), от имени которого компьютер был запрограммирован, должно нести ответственность за любое сообщение, сегрегированное машиной.

Вместе с тем правовой статус субъекта права не ограничивается способностью иметь права и обязанности, не менее важной характеристикой является способность нести юридическую ответственность за свои действия. В связи с особенностями искусственного интеллекта были выдвинуты предложения относительно прямой ответственности определенных систем [20]. Ф. В. Ужов обоснованно увязывает с зонами наделения юнитов искусственного интеллекта рядом обязанностей, в том числе – обязанностью нести ответственность за совершённые ими деяния [2]. В связи с этим необходимо на теоретическом и практическом уровнях решить вопрос ответственности цифрового лица. Действия собственника (владельца) автономного искусственного интеллекта, обуславливаются исключительно определением начальных параметров (целей) цифрового лица, например, извлечение прибыли в конкретной сфере, а способы реализации данной цели самостоятельно определяются непосредственно цифровым лицом (автономным искусственным интеллектом). С. де Шрайжвера отмечал, что электронное лицо может иметь сходство с юридическим лицом в том смысле, что оба являются для владельцев средствами достижения определенной цели и существуют исключительно в интересах их владельцев [21]. П. М. Морхат утверждал, что институт электронного лица схож с институтом юридических лиц, однако с еще большей нацеленностью на достижение конкретных практических целей [5]. Таким образом, практические цели применения цифрового лица, обусловленные его участием в коммерческом обороте, подразумевают наделение его обособленным имуществом, а также наличие органов управления. Д. И. Мейер указывал, что юридическое лицо – бесплотная идея; каким же образом проявит оно гражданскую деятельность? Средство состоит в том, что создается орган юридического лица, действия которого считаются действиями самого юридического лица: признавая существование юридического лица, законодательство в то же время определяет орган, через который оно должно проявлять свою гражданскую деятельность [22]. Д. В. Мурзин отмечал, что органы юридического лица – особая юридическая конструкция, позволяющая, юридическому лицу реализовывать свою правоспособность [23]. В связи с этим можно предположить, что правосубъектность

цифрового лица осуществляется через постоянно действующий орган управления – искусственный интеллект.

Между тем собственник (учредитель) цифрового лица осуществляет лишь общий контроль за деятельностью цифрового лица. Таким образом, цифровое лицо представляет собой юридическую фикцию, схожую с фикцией юридического лица, в которой искусственный интеллект является постоянно действующим органом. В пункте «Z» введения к Резолюции Европейского Парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента от 16.02.2017 г. указывается, что роботы сейчас способны не просто выполнять действия, которые обычно присущи и типичны для человека, но и способны учиться на собственном опыте и принимать квазинезависимые решения, и в таком контексте проблема определения юридической ответственности за вредные действия робота становится решающей [24]. Кроме того, в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2102 (2017) от 28.04.2017 «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека» было отмечено, что ответственность за деяние лежит на человеке независимо от обстоятельств, и ссылки на независимые решения юнитов искусственного интеллекта не могут освобождать их создателей, владельцев и операторов от ответственности за нарушение прав человека, совершенное с использованием таких систем, даже в тех ситуациях, когда само действие не было совершено по прямому указанию человека [25]. В связи с этим необходимо отметить, что решения искусственного интеллекта носит квазинезависимый характер. Между тем собственники, определяя цели и задачи искусственного интеллекта, формируют повестку цифрового лица. Следовательно, собственники (учредители) цифрового лица, должны нести субсидиарную ответственность за его действия цифрового лица.

Кроме того, практически важным является момент возникновения правоспособности цифрового лица (автономного искусственного интеллекта). Так, некоторые авторы предлагают считать моментом возникновения цифрового лица момент его регистрации в специальном реестре. В связи с этим возникает необходимость введения специального реестра цифровых лиц, который будет отражать информацию как о владельцах цифровых лиц, так и полномочиях самих цифровых лиц. Э. Уайтценбоук указывал, что одна из существенных проблем заключается в сложности надлежащей идентификации такого юнита, в особенности если аппаратное и программное обеспечение распределено по разным сайтам и поддерживается разными лицами. В таком случае необходимо будет создание и ведение соответствующего реестра, по аналогии с реестрами юридических лиц [14]. И. Баймилоплу отмечал, что система реестра электронных лиц может использоваться для предотвращения использования таких технологий в противоправных целях [26].

Кроме того, необходимо отметить, что в коллективных цифровых лицах практически важно определить доли участников цифровых лиц. Следовательно, отражение в реестре цифровых лиц сведений об их участниках, размерах долей, а также сделок, связанных переходом, обеспечить прозрачность деятельности цифрового лица и надлежащий корпоративный контроль. Вместе с тем предоставление искусственному интеллекту правосубъектности в качестве цифрового лица неоднозначно оценивается разными учеными. С. М. Солайман указывал, что предоставление ро-

ботам правосубъектности может быть не панацеей, скорее, это может оказаться ящиком Пандоры [27].

Между тем искусственный интеллект – это сложившийся факт эмпирической действительности, который в современных условиях является определяющей силой развития общества. С. Хасслер справедливо задавал вопрос: вместо того, чтобы предположить, что этически спорное будущее с разумными машинами неизбежно, мы не можем выбрать управление машинами, которые мы строим, и бросить вызов технологическому императиву. Или мы на столько в плену идеи создания искусственной жизни, монстров и големов, что это невозможно [28]. В связи с этим, теоретически важно и практически необходимо, определить правовой статус искусственного интеллекта, а также установить над ним надлежащий контроль. С. де Шрайжвера отметил, что создание отдельного правового статуса электронного лица приведет к созданию нового правового института, в рамках которого действия роботов будут контролироваться и управляться отдельно от его владельца или эксплуатанта, а также позволит прояснить, что происходит при вступлении в правоотношения с роботами, и определить отношения между роботом и третьей стороной, а также между роботом и его владельцем [21]. П. М. Морхат отметил, что концепт правосубъектности «электронное лицо» может быть в некоторой перспективе внедрен, но пока для весьма ограниченного числа случаев сложных роботизированных систем с искусственным интеллектом [5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что автономный искусственный интеллект, способный к самообучению, находящийся под контролем оператора, а также приносящий выгоды его владельцу может быть признан субъектом права в виде цифрового лица. Так, например, нами предлагается дополнить часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации новой главой 4.1, посвященной цифровым лицам, в которой закрепить «понятие цифрового лица» следующего содержания: «Цифровым лицом признаётся роботизированная система или иная человекоподобная система, обладающая автономным искусственным интеллектом, которая по решению и контролем собственника (владельца) и в силу конструктивных особенностей предназначена для участия в гражданском обороте. Цифровое лицо имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В случаях, установленных законом, цифровое лицо может выступать в качестве участника гражданского процесса. 2. Цифровое лицо должно быть зарегистрировано собственником (владельцем) в едином государственном реестре цифровых лиц. Порядок создания и ведения реестра цифровых лиц, а также орган, уполномоченный в области создания и ведения такого реестра, определяются в соответствии с федеральным законодательством о робототехнике. 3. Роботизированная система или иная человекоподобная система, обладающая автономным искусственным интеллектом, признаётся цифровым лицом и наделяется правоспособностью при условии регистрации ее модели (алгоритма, исходного кода) в едином государственном реестре цифровых лиц».

Кроме того, необходимо отметить, что признание искусственного интеллекта субъектом права приведет к смене парадигмы, устанавливающей фундаментальное положение, что право регулирует исключительно отношение между людьми. М. Карлюк указал, что наше отношение к автономным системам (будь то роботы или что-то еще) и наше переосмысление их роли в обществе и их места среди нас

может оказать трансформационный эффект [29]. В связи с этим, научному сообществу необходимо разработать обоснованную теоретическую базу, а также конкретные практические предложения по регулированию процесса трансформации правового статуса искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Гиренок Ф. И. Фигуры и складки. - М.: Академический проект, 2014. - 249 с.
1. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. - 2017. - № 3. - С. 357 - 360. - С. 358.
3. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии основанные на знаниях: Учебник. - М., 2012. - 664 с.
4. Нильсон Н. Искусственный интеллект: методы поиска решений: Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. С.В. Фомина. - М.: Мир, 1973. - 272 с.
5. Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. - 2018. - № 4. - С. 1 - 8
6. Макаров И. М., Топчиев Ю. И. Робототехника: История и перспективы. - М.: Наука; Изд-во МАИ, 2003. - 349 с.
7. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы / В. Н. Ручкин, В. А. Фулин. - СПб.: БХВ - Петербург, 2009. - 240 с.
8. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15 - 30.
9. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [Проект Отчёта с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники] (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // . - 22 p. - P. 6 - 7.
10. Булгаков, М. А. Белая гвардия : Роман ; Дьяволиада ; Роковые яйца ; Собачье сердце : повести / М.А. Булгаков - Л. : Лениздат, 1989. - 768с
11. Гутман С. Жемчужины мысли. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inpearls.ru/407877>. Дата обращения 10.06.2018.
12. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.
13. Chopra S., White L. Artificial Agents - Personhood in Law and Philosophy [Электронный ресурс] // Brooklyn College: [сайт]. URL: [http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/ agentlawsub.pdf](http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf) (дата обращения: 02.04.2018)
14. Weitzenboeck E. M. Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204 - 234.
15. Cerka P., Grigienė J., Širbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence [Ответственность за ущерб, вызванный искусственным интеллектом] // Computer Law & Security Review. - 2015, June. - Vol. 31. - Issue 3. - P. 376 - 389.
16. ГОСТ Р 60.0.2.1 - 2016 «Роботы и робототехнические устройства. Общие требования по безопасности» / Утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.11.2016 № 1843-ст. - М.: Стандартинформ, 2016.
17. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91 -109.
18. EU: Robot Workers Are Electronic Persons [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pcmag.com/news/345515/eu-robot-workers-are-electronic-persons. Дата обращения 10.06.2018.
19. European Parliament [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu>. Дата обращения 10.06.2018.
20. Хейдж Дж. Теоретические основы ответственности автономных агентов // Право искусственного интеллекта. 2017, № 25 (3), с. 255 - 271.
21. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots [Электронный ресурс] // Who's Who Legal. [2018]. URL: [http:// whos who legal.com/news/features/article/34313/future - now - legal - conse quence selectronic - personality-autonomous-robots](http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequence-selectronic-personality-autonomous-robots) (дата обращения: 02.04.2018).
22. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. - М.: Статут, 2003. - 831 с.
23. Мурзин, Д. В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Учебно - практический. К части 2 / Д. В. Мурзин, Н. Ю. Мурзина, С. А. Степанов. - Москва: Мир, 2016. - 512 с.
24. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies. Дата обращения 10.06.2018.
25. Recommendation № 2102 (2017) of Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Technological convergence, artificial intelligence and human rights», 28 April 2017.
26. Bayamlioplu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. №. 1. P. 46 - 54.
27. Solaiman S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. №. 2. P. 155-179.

28. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? [Электронный ресурс] // IEEE Xplore. URL: <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=7864739> (дата обращения: 02.04.2018).
29. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД) является основанной на членстве российской некоммерческой организацией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-skusstvennogo-intellekta/>. Дата обращения 10.06.2018.

M.G. Sherbakov. Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: problem statement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 73–81.

The article is devoted to the actual today the problem of the legal status of artificial intelligence. The purpose of the article is to analyze the nature of artificial intelligence. The article leads to an understanding of the need to determine the legal status of artificial intelligence as a subject of law. The article analyzes the signs of artificial intelligence. The author considers the possibility of recognizing artificial intelligence as a digital entity with autonomy in decision making. The article draws an analogy of the definition of a legal entity and a digital entity as a legal fiction. The author emphasizes the need, on the one hand, to define the rights and duties of artificial intelligence, on the other hand, to determine the degree of responsibility. It is proposed to include in the civil law regulations on a digital person.

Keywords: artificial intelligence, digital face status, neural network, rights and obligations of a digital face, legal liability of a digital face, hybrid, android.

Spisok literatury:

1. Girenok F. I. Figury i skladki. - M.: Akademicheskij proekt, 2014. - 249 s.
2. Uzhov F.V. Iskusstvennyj intellekt kak sub"ekt prava // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - 2017. - № 3. - S. 357 - 360. - S. 358.
3. Bolotova L. S. Sistemy iskusstvennogo intellekta: modeli i tekhnologii osnovannye na znaniyah: Uchebnik. - M., 2012. - 664 s.
4. Nil'son N. Iskusstvennyj intellekt: metody poiska reshenij: Per. s angl. V.L. Stefanyuka; pod red. S.V. Fomina. - M.: Mir, 1973. - 272 s.
5. Morhat P. M. K voprosu o pravosub"ektnosti «ehlektronnogo lica» // YUridicheskie issledovaniya. - 2018. - № 4. - S. 1- 8
6. Makarov I. M., Topcheev YU. I. Robototekhnika: Istoriya i perspektivy. - M.: Nauka; Izd-vo MAI, 2003. - 349 s.
7. Universal'nyj iskusstvennyj intellekt i ehkspertnye sistemy / V. N. Ruchkin, V. A. Fulin. - SPb.: BHV - Peterburg, 2009. - 240 s.
8. Gadzhiev G.A. YAvlyaetsya li robot-agent licom? (Poisk pravovyh form dlya regulirovaniya cifrovoj ehkonomiki) // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 1 (253). S. 15 - 30.
9. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [Proekt Otchyota s rekomendacijami Komissii po grazhdansko-pravovomu regulirovaniyu v sfere robototekhniki] (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // . - 22 p. - P. 6 - 7.
10. Bulgakov, M. A. Belaya gvardiya : Roman ; D'yavoliada ; Rokovye jajca ; Sobach'e serdce : povesti / M.A. Bulgakov - L. : Lenizdat, 1989. - 768s
11. Gutman S. ZHemchuzhiny mysli. 2018. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.inpearls.ru/407877>. Data obrashcheniya 10.06.2018.
12. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'. - M.: Sovetskaya ehnciklopediya. Gl. redakciya: L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. 1983.
13. Chopra S., White L. Artificial Agents - Personhood in Law and Philosophy [EHlektronnyj resurs] // Brooklyn College: [sajt]. URL: [http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/ agentlawsub.pdf](http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf) (data obrashcheniya: 02.04.2018)
14. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204 - 234.
15. Cerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence [Otvetstvennost' za usherb, vyzvannyj iskusstvennym intellektom] // Computer Law & Security Review. - 2015, June. - Vol. 31. - Issue 3. - P. 376 - 389.
16. GOST R 60.0.2.1 - 2016 «Roboty i robototekhnicheskie ustrojstva. Obshchie trebovaniya po bezopasnosti» / Utverzhdyon i vvedyon v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 29.11.2016 № 1843-st. - M.: Standartinform, 2016.
17. Ponkin I. V., Red'kina A. I. Iskusstvennyj intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki. 2018. T. 22. № 1. S. 91 -109.
18. EU: Robot Workers Are Electronic Persons [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.pcmag.com/news/345515/eu-robot-workers-are-electronic-persons. Data obrashcheniya 10.06.2018.
19. European Parliament [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.europarl.europa.eu>. Data obrashcheniya 10.06.2018.
20. Hejdzh Dzh. Teoreticheskie osnovy otvetstvennosti avtonomnyh agentov // Pravo iskusstvennogo intellekta. 2017, № 25 (3), s. 255 - 271.
21. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots [EHlektronnyj resurs] // Who's Who Legal. [2018]. URL: [http:// whos who le-](http://whoswholegal.com)

- gal.com/news/features/article/34313/future – now – legal – consequence selectronic - personality-autonomous-robots (data obrashcheniya: 02.04.2018).
22. Mejer, D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo / D. I. Mejer. - M. : Statut, 2003. - 831 s.
23. Murzin, D. V. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Uchebno -prakticheskij. K chasti 2 / D. V. Murzin, N. YU. Murzina, S. A. Stepanov. - Moskva: Mir, 2016. - 512 c.
24. Issledovatel'skij centr problem regulirovaniya robototekhniki i iskusstvennogo intellekta [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies. Data obrashcheniya 10.06.2018.
25. Recommendation № 2102 (2017) of Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Technological convergence, artificial intelligence and human rights», 28 April 2017.
26. Bayamlıorlu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. №. 1. P. 46 - 54.
27. Solaiman S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. №. 2. P. 155–179.
28. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? [EHlektronnyj resurs] // IEEE Xplore. URL: <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=7864739> (data obrashcheniya: 02.04.2018).
29. Nekommercheskoe partnerstvo «Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam» (NP RSMD) yavlyaetsya osnovanoj na chlenstve rossijskoj nekommercheskoj organizacii [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-skusstvennogo-intellekta/>. Data obrashcheniya 10.06.2018.
- .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 3. – С. 82–87.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 338.4 : 343.8

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АВТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ВНЕДРЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ
ОСУЖДЕННЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ НАУЧНОЙ
ПРОДУКЦИИ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Бармашов В. И., Бармашов И. Н.

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
(Академия ФСИН России)*

В научной статье анализируется статистика внедрения в центры трудовой адаптации исправительных колоний научной продукции, подготовленной научно-исследовательскими и образовательными организациями уголовно-исполнительной системы, на основании чего делается вывод об относительно невысоком уровне использования подобной продукции в производственном секторе уголовно-исполнительной системы. Подчеркивается, что проблема внедрения научной продукции научно-исследовательских и образовательных организаций в практику также встречается в деятельности органов внутренних дел. Авторы полагают, что повышению эффективности использования научной продукции в центрах трудовой адаптации исправительных колоний может способствовать совершенствование сопровождения ее внедрения работниками научно-исследовательских и образовательных организаций уголовно-исполнительной системы. Предложены организационно-правовые меры авторского сопровождения внедрения научной продукции в деятельность центров трудовой адаптации осужденных, применение которых будет содействовать интеграции научной и производственной сфер деятельности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: трудовая адаптация, исправительная колония, внедрение, авторское сопровождение, научно-исследовательская организация, образовательная организация, уголовно-исполнительная система.

Центры трудовой адаптации осужденных создаются на базе исправительных колоний и в соответствии со ст. 18 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» осуществляют инициативную самостоятельную производственную деятельность в целях исполнения требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации об обязательном привлечении осужденных к труду [1]. Одной из функций центров трудовой адаптации, осужденных является подготовка предложений и организация освоения и выпуска конкурентоспособной продукции, работ по совершенствованию технологии производства, повышению качества изделий, внедрению передового опыта [2]. Для этого в центрах трудовой адаптации осужденных

осуществляется внедрение научной и научно-технической продукции, в том числе подготовленной научно-исследовательскими и образовательными организациями уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Ежегодное увеличение заявок на проведение научно-исследовательских работ (2015 г. – 5 заявок, 2016 – 6, 2017 – 7, 2018 – 10) со стороны федерального органа УИС в лице Управления организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) свидетельствует о повышении интереса развития института внедрения научной и научно-технической продукции в производственной сфере деятельности УИС.

Несмотря на очевидное расширение практики взаимодействия производственного сектора УИС и научно-исследовательских и образовательных организаций УИС, последними на сегодняшний день создается исключительно научная продукция, так как указанные организации не имеют собственных производственных площадей, необходимых для разработки научно-технической продукции. Вместе с тем, оставляет желать лучшего и уровень внедрения подобной научной продукции в деятельность центров трудовой адаптации осужденных, о чем свидетельствует собранный на период с января 2014 г. по май 2016 г. эмпирический материал о количестве и результатах внедрения в производственную деятельность территориальных органов УИС научной продукции, подготовленной сотрудниками научно-исследовательских и образовательных организаций УИС. Только на территории 14 из 81 территориальных органов УИС за 2,5 года зафиксировано лишь 24 случая внедрения научной продукции в деятельность центров трудовой адаптации исправительных колоний. Наибольший интерес вызвали всего 2 научные разработки: методические рекомендации «Организация применения технически обоснованных норм выработки, разработанных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, на различных видах производств в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (подготовлены в научно-исследовательском институте УИС и внедрены в деятельность 6 территориальных органов УИС) и практические рекомендации «Методика использования результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых осужденными в процессе трудовой адаптации» (подготовлены в образовательной организации УИС и внедрены в деятельность 4 территориальных органов УИС).

Из анализа представленных сведений видно, что внедрение в деятельность центров трудовой адаптации осужденных исправительных колоний научной продукции, подготовленной научными и образовательными организациями УИС, носит локальный и несистемный характер. Характерно, что научные разработки внедрялись только на территории центральной части России, в связи с чем можно констатировать, что в настоящее время должным образом не налажен организационно-правовой механизм их внедрения. Предполагаем, что даже те немногочисленные факты внедрения научной продукции – инициатива отдельных работников научно-исследовательских и образовательных организаций УИС.

Проблема эффективности использования в практической деятельности научной продукции научно-исследовательских и образовательных организаций не является новой, с ней также сталкиваются сотрудники других правоохранительных органов, например, органов внутренних дел. Так, Р. С. Мацкевич отмечает, что «до настоя-

щего времени не удалось преодолеть существующий разрыв между результатами научно-исследовательской деятельности и потребностью в них практических органов, часть из которых по-прежнему не использует в своей работе современные инновационные технологии и методики борьбы с преступностью [3, с. 6]. Система внедрения научной продукции практически не работает, так как не имеет четкого механизма и сроков реализации соответствующих этапов, не определяет ответственности руководителей органов внутренних дел всех уровней за его результаты, сводит весь процесс внедрения в лучшем случае к простому доведению научных разработок до практических работников» [4, с. 15].

Не последнюю роль в организационно-правовом механизме внедрения научной продукции играет авторское сопровождение. Так, С. И. Гирьков в качестве одного из элементов системы научного обеспечения линии работы органов внутренних дел по профилактике правонарушений причисляет алгоритм авторского сопровождения научно-методических материалов и получение информации об эффективности внедрения той или иной разработки в практику [5, с. 4].

В связи с изложенным считаем возможным предложить применение следующих организационно-правовых мер, направленных на совершенствование авторского сопровождения внедрения научной продукции в деятельность учреждений и органов УИС в целом и в деятельность центров трудовой адаптации осужденных исправительных колоний в частности:

1. Мацкевич Р.С. и Степаненко Ю.В. высказывают справедливое суждение, что «эффективное авторское сопровождение в принципе невозможно обеспечить без обратной связи, без информации о внедрении научной продукции, поэтому для разработчика таковой представляет интерес информация любого уровня обобщения, вплоть до сведений о внедрении конкретного научного продукта» [6, с. 12]. Дронова О. Б. также подчеркивает, что «по результатам внедрения научной продукции должны подводиться итоги, анализироваться эффективность ее использования в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД России, приниматься решения о целесообразности проведения дополнительных научных исследований, планироваться мероприятия по распространению положительного опыта по использованию научной продукции» [7, с. 120].

В этой связи в нормативных правовых актах о научной и научно-технической деятельности в УИС предлагается предусмотреть обязанность пользователей направлять исполнителю отчет (с приложением акта внедрения или без такового) о результатах внедрения научной продукции, в связи с чем определить максимально допустимые сроки внедрения (6 месяцев с момента получения разработки) и периодичность информирования разработчика о ходе и эффективности внедрения продукции, возникающих при этом проблемах, мнениях и пожеланиях (ежемесячно). При направлении научной продукции через структурное подразделение федерального органа УИС (например, через Управление организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России) рекомендовать управлению устанавливать учреждениям и органам УИС конкретные сроки отчета об их внедрении.

2. В инструкциях по нормированию труда профессорско-преподавательского состава образовательных организаций УИС и научных работников научно-

исследовательских институтов УИС предусмотреть отведение рабочего времени разработчикам на авторское сопровождение внедрения научной продукции в случае документального подтверждения затраченного времени.

3. Организовывать авторское сопровождение внедрения научной продукции посредством командирования авторов научных разработок к местам апробации (например, в конкретные исправительные колонии). При этом при командировании в территориальные органы УИС других работников научно-исследовательских и образовательных организаций УИС (в том числе для работы в составе комиссий при проведении инспектирований территориальных органов УИС) в их служебные задания надлежит включать пункт об изучении практики использования результатов научных исследований, подготовленных в их организациях, востребованности указанных разработок, необходимости дополнительного научно-методического сопровождения их внедрения;

4. При подготовке научных разработок надлежит обязать авторов составлять письменные рекомендации (пояснительные записки) по их применению, что позволит упростить понимание сути данных разработок практическими работниками УИС и в итоге приведет к увеличению качества внедренной продукции в целом;

5. После создания научной продукции обязать ее авторов обеспечить доведение сведений о данной научной продукции до большого количества потребителей (исправительных колоний, территориальных органов УИС) посредством размещения о ней сведений на интернет-сайтах федерального органа УИС, территориальных органов УИС, научно-исследовательских и образовательных организаций УИС, в том числе путем создания электронных баз данных отдельных видов научных материалов.

6. Поручить авторам научных разработок проведение обучающих семинаров, лекций (в том числе посредством организации видеоконференцсвязи) с потребителями научной продукции из числа практических работников УИС по разъяснению форм и методов ее использования.

Наряду с тем оспорим мнение Р. С. Рыжова о том, что «повышению эффективности взаимодействия между наукой и практикой может способствовать заключение договоров о сотрудничестве образовательных, научно-исследовательских организаций и территориальных органов УИС, позволяющих конкретизировать формы сотрудничества в сфере научно-исследовательской деятельности, в том числе внедрения ее результатов» [8, с. 17]. По нашему мнению, заключение подобных договоров никак не скажется на уровне внедрения научной продукции, так как ее потребители, территориальные органы УИС, и так заинтересованы в освоении новых технологий, вот только авторы научных разработок из научно-исследовательских и образовательных организаций УИС не всегда могут заинтересовать своей научной работой конечного потребителя, к примеру, те же центры трудовой адаптации осужденных исправительных колоний.

Таким образом, совершенствование авторского сопровождения внедрения научной продукции, подготовленной в научно-исследовательских и образовательных организациях УИС, может повысить уровень ее использования в центрах трудовой адаптации осужденных исправительных колоний. Считаем, что применение предложенных нами организационно-правовых мер авторского сопровождения

внедрения научной продукции в УИС в конечном итоге должно привести к интеграции научной и производственной сфер деятельности УИС, что качественно отразится на эффективности работы производственного сектора УИС в целом.

Список литературы

1. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316.
2. Об утверждении примерного Положения о Центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и примерного Положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы: Приказ Минюста РФ от 01.04.2008 № 80 // Рос. газ. – 2008. – 16 апр.
3. Мацкевич Р. С. Административно-правовое регулирование внедрения научной продукции в практику деятельности органов внутренних дел: проблемы и пути их решения // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 6 – 8.
4. Мацкевич Р.С. О некоторых проблемах научного обеспечения МВД России и мерах по их решению // Юридический мир. № 8. 2009. С. 14 – 18.
5. Гирько С. И. Деятельность ВНИИ МВД России по научному обеспечению профилактики правонарушений // Административное право и процесс. 2006. № 4. С. 2-5.
6. Мацкевич Р. С., Степаненко Ю. В. О правовых проблемах научного обеспечения деятельности органов внутренних дел и способах их решения // Административное право и процесс. 2008. № 3. С. 11 – 13.
7. Дронова О. Б. Современные проблемы планирования, проведения и внедрения научной продукции Волгоградской Академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26). С. 117 – 121.
8. Рыжов Р. С. Роль Академии ФСИН России в научном обеспечении деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 11 (150). 2014. С. 11 – 17.

Barmahov V.I., Barmashov I.N. Improvement of author's maintenance of introduction in activity of the centers of labour adaptation of the condemned corrective colonies of the scientific products prepared by the research and educational organizations of penal system // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 82–87.

In the scientific article statistics of introduction in the centers of labor adaptation of corrective colonies of the scientific products prepared by the research and educational organizations of penal system is analyzed on the basis of what the conclusion about rather low level of use of similar products in a manufacturing sector of penal system is drawn. It is emphasized that the problem of introduction of scientific products of the research and educational organizations in practice also meets in activity of law-enforcement bodies. Authors believe that increase in efficiency of use of scientific products in the centers of labor adaptation of corrective colonies can be promoted by improvement of maintenance of its introduction by employees of the research and educational organizations of penal system. Organizational and legal measures of author's maintenance of introduction of scientific products in activity of the centers of labor adaptation of convicts which application will promote integration of scientific and production fields of activity of penal system are proposed.

Keywords: labor adaptation, corrective colony, introduction, author's maintenance, research organization, educational organization, penal system.

Spisok literatury

1. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody : Zakon RF ot 21.07.1993 № 5473-1 // Vedomosti SND i VSRF. 1993. № 33, st. 1316.
2. Ob utverzhdenii primernogo Polozheniya o Centre trudovoj adaptacii osuzhdennyh i liuchebno-proizvodstvennoj (trudovoj) masterskoj uchrezhdeniya, ispolnyayushchego ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody, i primernogo Polozheniya o lechebno-proizvodstvennoj (trudovoj) masterskoj uchrezhdeniya, ispolnyayushchego ugovolnyenakazaniya v vide lisheniya svobody : Prikaz Minyusta RF ot 01.04.2008 № 80 // Ros. gaz. – 2008. – 16 apr.

3. Mackevich R.S. Administrativno-pravovoe regulirovanie vnedreniya nauchnoj produkcii v praktiku deyatel'nosti organov vnutrennih del: problem i puti ih resheniya // Administrativnoe pravo i process. 2011. № 12. S. 6 – 8.
4. Mackevich R.S. O nekotoryh problemah nauchnogo obespecheniya MVD Rossii i merah po ih resheniyu // Yuridicheskij mir. № 8. 2009. S. 14 – 18.
5. Gir'ko S.I Deyatel'nost' VNII MVD Rossii po nauchnomu obespecheniyu profilaktiki pravonarushenij // Administrativnoe pravo i process. 2006. № 4. S. 2 – 5.
6. Mackevich R.S., Stepanenko Yu.V. O pravovyh problemah nauchnogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennih del i sposobah ih resheniya // Administrativnoe pravo i process. 2008. № 3. S. 11 – 13.
7. Dronova O.B. Sovremennye problem planirovaniya, provedeniya I vnedreniya nauchnoj produkcii Volgogradskoj Akademii MVD Rossii // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 3 (26). S. 117 – 121.
8. Ryzhov R.S. Rol' Akademii FSIN Rossii v nauchnom obespechenii deyatel'nosti uchrezhdenij i organov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. № 11 (150). 2014. S. 11 – 17.

УДК 343.21

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК КРИТЕРИЙ,
ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

Бодаевский В. П.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется специфика общественной опасности деяний, совершаемых военнослужащими, а также понятие, содержание и значение воинского правопорядка, как родового объекта этих преступлений. Исследуется влияние общественной опасности деяния на логику построения системы Особенной части действующего уголовного закона России и систематизацию нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность военнослужащих. Обосновывается мнение, согласно которого уголовно-правовая охрана воинского правопорядка должна осуществляться исходя из приоритета интересов личности и общества. Констатируется, что законодатель, соблюдая этот приоритет при установлении уголовной ответственности за совершение воинских преступлений общего характера, отдает предпочтение универсальному способу правового регулирования. Предлагается авторская классификация нормативных предписаний УК РФ об ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: общественная опасность преступления, воинские преступления, военнослужащие, объект уголовно-правовой охраны, приоритет личности, нормативные предписания, универсальный способ правового регулирования

В доктрине уголовного права практически общепризнанным считается мнение, что общественная опасность деяния лежит в основе построения Особенной части действующего уголовного закона (далее – УК РФ), поскольку влияет на процесс и результат признания определенных видов деяний преступными и наказуемыми, а также на дифференциацию уголовной ответственности [1, с. 23–25]. Поясняется это тем, что общественная опасность относится к определяющим признакам преступления, является его социальным свойством, указывающим на общественные отношения, как объект уголовно-правовой охраны, которым такое общественно опасное деяние причиняет или создает угрозу причинения существенного вреда [2, с. 33–34].

Применительно к преступлениям, совершаемым военнослужащими, общественная опасность имеет свою специфику, которая детерминирована особенностями воинских отношений, возникающих между субъектами военного права в процессе повседневной жизни и боевой деятельности войск, в результате реализации ими нормативных предписаний военного законодательства. Система указанных общественных отношений образует воинский правопорядок [3, с. 409], который включает: порядок поведения военнослужащих в обществе и в быту; порядок подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими; порядок пребывания военнослужащих на военной службе; порядок осуществления своих полномочий военными должностными лицами; порядок управления военным имуществом; порядок использования и эксплуатации военной техники; порядок несения специаль-

ных (охранных) видов военной службы; порядок хранения государственной тайны; порядок исполнения воинского долга в особых условиях, а также в военное время или в боевой обстановке; порядок соблюдения обычаев войны и правил ведения войны.

Строгое и точное соблюдение каждым военнослужащим всех составляющих воинского правопорядка представляет собой суть воинской дисциплины (ст. 1 Дисциплинарного Устава ВС РФ) [4], которая устанавливается в целях обеспечения выполнения задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, другие воинские формирования, боеготовности и боеспособности войск – важнейших факторов военной безопасности государства (п/п. «а» п. 8 Военной доктрины РФ) [5].

Соответственно, общественную опасность представляет не само по себе нарушение той или иной составляющей воинского правопорядка, а существенный вред, который в результате этого наступил либо может наступить. Негативно воздействуя на один или несколько элементов воинского правопорядка преступление причиняет существенный вред всему воинскому правопорядку, а в итоге, как указывалось, военной безопасности государства, от которой зависит безопасность, жизнь и здоровье, всех граждан государства.

В юридической литературе достаточно распространенным является мнение, что законодатель при построении Особенной части действующего УК РФ не учитывает в полной мере общественную опасность воинских преступлений, что проявляется: во-первых, в тенденции к ограничению перечня специально-воинских запретов, имеющих аналоги в общеуголовном законодательстве (например, в настоящее время не относятся к специально-воинским такие преступления, как: должностные, хищение военного имущества)²[6, с. 342], что не позволяет надлежащим образом обеспечить охрану всех составляющих воинского правопорядка; во-вторых, в установлении за совершение воинских преступлений менее строгих или равных по строгости санкций по отношению к общеуголовным преступлениям. В частности, Ермолович Я. Н. указывает, что: «... установление более строгого наказания за воинское преступление должно стать принципом военно-уголовной политики» [6, с. 262].

Вместе с тем, по-нашему мнению, военная специализация общеуголовных преступлений и усиление санкций за их совершение на современном этапе развития системы уголовного законодательства не имеет ни теоретических, ни правовых оснований.

Отечественная теория уголовного права выработала правило, согласно которого система Особенной части УК РФ строится, прежде всего, исходя из характера общественной опасности (ее качественной характеристики), – значения, ценности, охраняемых уголовным законом объектов. Эта градация общественных отношений зависит от иерархии ценностей и выглядит следующим образом: личность, общество и государство. Как правильно отметил по данному поводу Кругликов Л. Л., она продиктована идеологией превосходства общечеловеческих ценностей, отраженной в положениях Конституции РФ (ст. 2) и закрепленной в ст. 2 УК РФ [7, с. 17].

Все преступления сгруппированы в УК РФ, по разделам, главам и статьям. Согласно изложенного правила, все разделы в Особенной части УК РФ размещаются в порядке приоритета родового объекта, образующих их преступлений. Главы, в пределах этих разделов, размещаются в зависимости от значения их видового объекта, образующих их преступлений. Статьи, в пределах главы, размещаются в порядке

приоритета непосредственного обязательного объекта, предусмотренных в них составов преступлений [8, с. 115–116].

Статьи, закрепляющие составы с одинаковым непосредственным обязательным объектом (имеющие один характер общественной опасности), должны размещаться в зависимости от степени общественной опасности (ее количественной характеристики) – от предусматривающих более высокую степень общественной опасности до предусматривающих менее высокую. Хотя законодатель часто и не соблюдает это правило (например, в случае кражи, грабежа и разбоя). В статье составы преступлений по степени общественной опасности располагаются в порядке: основной, квалифицированный и особо квалифицированный. Если статья содержит два самостоятельных состава, то они располагаются в зависимости от приоритета их непосредственных объектов.

Согласно анализируемого правила, чем выше характер и степень общественной опасности преступления, тем более строгий перечень наказаний должен предусматриваться санкцией статьи. В санкции, как отмечают Бриллиантов А. В. и Четверткова Е. Ю., «... находит отражение оценка законодателем характера и степени общественной опасности преступления, что выражается в установлении преступлению соразмерного наказания. Поэтому не случайно одним из основных критериев категоричности преступлений (ст. 15 УК РФ) является именно срок наказания в виде лишения свободы» [7, с. 46].

Преступления, посягающие на воинский правопорядок, сконцентрированы в разделе XI «Преступления против военной службы» УК РФ, после раздела X «Преступления против государственной власти», что указывает на отнесение законодателем рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны к специальному виду государственных общественных отношений. Это утверждение прямо следует из положений Конституции РФ, где в ч. 3 ст. 4 отмечается: «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» [9], что собственно, согласно ч. 2 ст. 10 ФЗ «Об обороне» от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ (далее – ФЗ «Об обороне»), является предназначением Вооруженных Сил РФ (далее – ВС РФ) [10], специального силового органа исполнительной власти государства. Соответственно, за совершение этих преступлений законодатель установил, в целом, менее строгие наказания, чем за преступления, предусмотренные предыдущими разделами. Уменьшение строгости санкций достигнуто, в том числе, и путем увеличения числа специально-воинских наказаний. Иное означало бы противоречие логике построения Особенной части уголовного закона и положениям Конституции РФ.

Все составы воинских преступлений, совершаемых в военное время или в боевой обстановке, были исключены из действующего законодательства. Уголовная ответственность за их совершение должна определяться законодательством РФ военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ) [11], которое еще только разрабатывается.

Как представляется, уменьшение числа специальных военно-уголовных нормативных предписаний вызвано, прежде всего, стремлением законодателя обеспечить уголовно-правовую охрану всех элементов воинского правопорядка и при этом учесть характер общественной опасности посягающих на них преступлений, совершаемых военнослужащими, исходя из приоритета общественных отношений, сообразности соразмерности строгости уголовно-правовой репрессии.

Во многом, по-нашему мнению, этому способствовала проводимая, во время принятия в 1996 году УК РФ, военная реформа, внесшая существенные изменения в структуры военной организации государства и военного управления, заключающиеся в введении разного уровня должностей, занимаемых федеральными государственными гражданскими служащими или работниками, на которых так же, как и на военнослужащих, возложены обязанности, связанные с обеспечением военной безопасности государства. Их численность, например, только по Министерству обороны России в 2018 г. (согласно Указа Президента РФ от 17.11.2017 г.), составила 889 тыс. 130 человек, при численности военнослужащих в 1 млн. 13 тыс. 628 человек [12]. Эти лица, в соответствии со ст. 12 ФЗ «Об обороне», вместе с военнослужащими, относятся к личному составу ВС РФ, они трудятся в центральных органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях, военных комиссариатах, военно-медицинских, научно-исследовательских, культурно-просветительских, образовательных и иных организациях ВС РФ в целях обеспечения выполнения ими возложенных на них задач [10]. В отличие от военнослужащих такие лица не являются субъектами воинского правопорядка, но также, как и они, относятся к субъектам (участникам) общественных отношений по обеспечению военной безопасности государства, т.е. являются вместе с военнослужащими однотипными субъектам в указанных отношениях. Нарушения данными лицами своих должностных и общегражданских обязанностей могут причинить не меньший, а порой и больший вред военной безопасности государства, чем если бы их совершили военнослужащие, но за указанные преступления они несут уголовную ответственность по общеуголовным предписаниям. Уголовный кодекс РФ позволяет полностью учесть общественную опасность этих преступлений, что находит свое проявление в соответствующих санкциях его нормативных предписаний, и обеспечить надлежащую охрану военной безопасности государства. Соответственно, исходя из принципов равенства граждан перед законом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 4 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ), уголовный закон должен обеспечить равную охрану равных по социальной значимости объектов, а в рамках уголовно-правовых отношений все однотипные субъекты должны обладать равным статусом [13, с. 23], следовательно, нет и необходимости дублировать общеуголовные составы для военнослужащих.

Надо отметить, что идея установления общеуголовной ответственности военнослужащих за совершение ими преступлений общего характера не является новой. Например, в свое время, начальник Военно-юридической академии Г. Н. Пуговкин отмечал, что: «... принципы применения уголовного законодательства к военнослужащим не могут являться иными, чем по отношению ко всем гражданам» [14, с. 3–7]. По мнению А. А. Тер-Акопова, такой способ уголовно-правового регулирования, когда одно уголовно-правовое предписание охраняет две сферы общественных отношений, получил название универсального. Исходя из этого, он выделял две группы воинских преступлений: специально воинские (предусмотренные законодательством о воинских преступлениях) и общевоинские (общеуголовные преступления, посягающие на воинский правопорядок) [15, с. 113–122]. Военно-уголовное законодательство, по его мнению, может существовать и без специальной противоправности. Данная позиция, в той или иной мере, поддерживается и совре-

менными учеными, например, Я. Н. Ермоловичем [1, с. 41] и О. К. Зателепиным [16, с. 77].

Мы считаем, что необходимо согласиться с этим мнением. Однако, на наш взгляд, оно требует некоторых уточнений. Как отметил в свое время В. М. Чхиквадзе, «... на военнослужащих возложены двоякого рода обязанности: одни, возникающие из гражданского быта и общего правопорядка, другие, вытекающие из воинского быта и воинского правопорядка» [17, с. 136].

Их суть заключается в неукоснительном соблюдении Конституции и законодательства РФ. Общие обязанности военнослужащих корреспондируются с обязанностями, вытекающие из порядка поведения военнослужащих в обществе и быту, которые, в свою очередь, основываются на специальных уставных требованиях: «... дорожить воинской честью и боевой славой Вооруженных Сил, своей воинской части, честью своего воинского звания и войсковым товариществом, с достоинством нести высокое звание защитника народа Российской Федерации» (ст. ст. 16–23 Устава внутренней службы ВС РФ) [18]. Военнослужащий обязан соблюдать эти требования независимо от того выполняет ли он в соответствующий момент обязанности военной службы или же временно их не выполняет (находится в отпуске, госпитале и т.д.) [17, с. 136].

Следовательно, совершение военнослужащим любого общеуголовного преступления, образует его многообъектность, которая по-разному влияет на квалификацию этих преступлений.

На наш взгляд, в преступлениях против военной службы существенный вред причиняется воинскому правопорядку непосредственно, а в общеуголовных – как непосредственно, так и опосредованно, наряду с основным их непосредственным объектом.

В общеуголовных преступлениях первого вида их объект относится к так называемым универсальным общественным отношениям, которые охватывают, в том числе, и соответствующие элементы воинского правопорядка. Например, общественные отношения, составляющие основу информационной безопасности государства, охватывают воинский порядок хранения государственной тайны. Механизм причинения вреда непосредственному обязательному объекту в данных преступлениях осуществляется через включенный в этот объект элемент воинского правопорядка. Наука уголовного права, как констатирует Ермолович Я.Н., к таким преступлениям относит: убийство лица или его близких, в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в отношении лица или его близких, в связи осуществлением данным лицом служебной деятельности (п. «а» ч. 2 ст. 111 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ); преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ); преступления против государственной власти и интересов государственной службы (гл. 30 УК РФ); преступления против установленного порядка оборота оружия (ст. 222-226 УК РФ); побег из места лишения свободы, из-под ареста или из под стражи (ст. 313 УК РФ) – речь идет о побегах военнослужащих, содержащихся на гауптвахте; посягательство на жизнь военнослужащего (ст. 317 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ); пре-

ступления против мира и безопасности человечества (ст. 353-360 УК РФ) [1, с. 42-43].

В других общеуголовных преступлениях, совершаемых военнослужащими, соответствующие элементы воинского правопорядка возникают отдельно от основного обязательного объекта и претерпевают вред совместно с ним, они не указываются в диспозициях статей, и не влияют на квалификацию этих деяний.

В последнем случае, указанные общественные отношения учитываются законодателем через их участников, – военнослужащих, путем закрепления в Общей части УК РФ ряда специально-воинских нормативных положений, которые правоприменитель обязан принимать во внимание всякий раз при привлечении этих лиц к уголовной ответственности за совершение любого вида преступлений. Например, действующий уголовный закон содержит ряд ограничений применения к военнослужащим некоторых видов общеуголовных наказаний и возможность их замены на специально-воинские уголовные наказания, либо иные общеуголовные наказания, не имеющие ограничений применения к военнослужащим (ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 6 ст. 52, ч. 7 ст. 53.1, ч. 5 ст. 50, п. п. «а», «в» ч. 1, ч. 2 ст. 71, ч. ч. 1–3 ст. 72 УК РФ). К таким нормативным предписаниям также относятся положения: об особенностях действия уголовного закона в пространстве (ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 12 УК РФ); об исполнении приказа или распоряжения, как обстоятельстве, исключающем преступность деяния (ст. 42 УК РФ); о специально воинских видах наказаний (ст. ст. 48, 51, ч. 3 ст. 54, ст. 55 УК РФ); об обстоятельствах, отягчающих наказание в виде совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ); об условном осуждении военнослужащих (ст. 73 УК РФ); о порядке освобождения от специальных видов наказаний (ч. ч. 1 и 6 ст. 79; ст. 80, ч. 3 ст. 81 УК РФ).

Таким образом, подводя итоги изложенному мы можем заключить, что законодатель, принимая во внимание характер и степень общественной опасности преступлений, совершаемых военнослужащими, все больше отдает предпочтение универсальному способу регулирования их уголовной ответственности.

Это вызвано, прежде всего, необходимостью соблюдения логики построения Особенной части уголовного закона, в основе которой лежит характер общественной опасности преступлений, ценность объекта уголовно-правовой охраны (основанная на приоритете личности), и дифференциацией строгости уголовно-правовой репрессии.

Исходя из направленности воздействия преступлений, совершаемых военнослужащими, на воинский правопорядок предлагается градация нормативных предписаний Особенной части УК РФ, согласно которой их можно условно разделить на следующие виды: а) о специально-воинских преступлениях; б) о преступлениях, не относящихся к специально-воинским, но непосредственно посягающих на воинский правопорядок; в) о преступлениях, не относящихся к специально-воинским, но опосредованно посягающих на воинский правопорядок, что не влияет на их квалификацию. Воинский правопорядок в этом случае учитывается путем применения к военнослужащим специально-воинских предписаний Общей части УК РФ.

Список литературы

1. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих: монография / Я. Н. Ермолович. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Бодаевского, В.М. Зимина, А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2018. 272 с.
3. Правоведение: учебник для военных вузов / Под ред. О.Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2015. 464 с.
4. Дисциплинарный Устав Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 г. № 1495 (в ред. от 21.02.2019 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 ноября 2007 г. № 47 (часть I) ст. 5749.
5. Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014 г. № Пр. 2976 [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://docs.cntd.ru/document/420246589>.
6. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: монография // Я. Н. Ермолович. М.: Юрлитинформ, 2012. 572 с.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета, 25.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6 ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 ФКЗ).
10. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (в ред. от 03.08.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 июня 1996 г. Ст. 2750.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 12 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Указ Президента Российской Федерации от 17 ноября 2017 года № 555 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации» // Российская газета, 17.11.2017 г.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) // Под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2019. 1536 с.
14. Труды Военно-юридической академии. Вып. 23. М., 1956. 214 с.
15. Тер-Акопов А. А. Развитие системы советского военно-уголовного законодательства // 50 лет военно-юридического образования в СССР: сборник докладов научн.-практич. конференции. М., 1987. С. 113–122.
16. Ахметшин Х. М. Военно-уголовное право: учебник / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008. 384 с.
17. Советское военно-уголовное право // В. М. Чхиквадзе. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1945 г. 446 с.
18. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержден Указом Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 (в ред. от 21.02.2019 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 ноября 2007 г. № 47 (часть I) ст. 5749.

Bodaevsky V.P. Of public danger of an act as the criterion determining the peculiarities of legal regulation of criminal liability of servicemen // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 88–95.

The article analyzes the specifics of the public danger of acts committed by servicemen, as well as the concept, content and importance of military law and order as a generic object of these crimes. The influence of public danger of the act on the logic of building a system of Special part of the current criminal law of Russia and the systematization of regulations establishing criminal liability of military personnel is studied. The author substantiates the opinion that the criminal law protection of military law and order should be based on the priority of the interests of the individual and society. It is stated that the legislator, observing this priority in establishing criminal liability for military crimes of a General nature, prefers a universal method of legal regulation. The author's classification of normative prescriptions of the criminal code of the Russian Federation on the responsibility of servicemen is proposed.

Keywords: public danger of crime, military crimes, military personnel, the object of criminal law protection, the priority of the individual, regulations, universal method of legal regulation

Spisok literatury

1. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti voennosluzhashchih: monografiya // J.N. Ermolovich. M.: Yrlitinform, 2014. 288 s.
2. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. V.P. Bodaevskogo, V.M. Zimina, A.I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2018. 272 s.
3. Pravovedenie: uzbeknik dlya voennyh vuzov / Pod red. O.J. Efremova. SPb.: Piter, 2015. 464 s.
4. Disziplinaryj Ustav Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacij, utverchden Ukazom Prezidenta RF ot 10.11.2007 g. № 1495 (v red. ot 21.02.2019 g.) «Ob utverzhenii obshchevoinskih ustavov Vooruzhennyh Sil Rossij» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacij ot 19.11.2007 g. № 47 (chast' I) st. 5749.
5. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacij, utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacij 25.12.2014 p. № Pr. 2976 [Elektronij resurs]. Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/420246589>.
6. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacij: monografiya // Y.N. Ermolovich. M.: Yrlitinform, 2012. 572 s.
7. Ugolovnoe pravo Rossij. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik / pod red. A.V. Brilliantova. M.: Prospekt, 2015. 1184 s.
8. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacij. Obshchaya chast': Uchebnik dlya vuzov / Pod red. V.S. Komissarova, N.E. Krylovoj, I.M. Tyachkovej. M.: Statut, 2012. 879 s.
9. Konstituziya Rossijskoj Federacij (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12/12/1993) // Rossijskaya gazeta, 25.12.1993 g. (s uchetoj popravok, vnesenyh Zakonom RF o popravkah k Konstitucij RF ot 30.12.2008 № 6 FKZ, ot 30.12.2008 № 7 FKZ, ot 05.02.2014 № 2 FKZ, ot 21.07.2014 № 11 FKZ).
10. Federal'nyj zakon ot 31 maya 1996 g. № 61 FZ «Ob oborone» (v red. ot 03.08.2018 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacij ot 03.06.1996 g. St. 2750.
11. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacij ot 12.06.1996 g. № 63 FZ (v red. ot 27.12.2018 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacij, 1996. № 25. St. 2954.
12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacij ot 17.11.2017 g. № 555 «Ob ustanovlenij chtatnoj chislennosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacij» // Rossijskaya gazeta, 17.11.2017 g.
13. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacij (nauchno-prakticheskij) // Pod red. A.I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2019. 1536 s.
14. Trudy Voенно-yridicheskoy akademij. Vyp. 23. M., 1956. 214 s.
15. Ter-Akopov A.A. Razvitie sistemy sovetskogo voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva // 50 let voenno-yridicheskogo obrazovaniya v SSSR: sbornik dokladov nauchn.-praktich. konfirencij. M., 1987. S. 113–122.
16. Ahmetchin H.M. Voенно-ugolovnoe pravo: uchebnik / pod red. H.M. Ahmetchina, O.K. Zatelepina. M., 2008. 384 s.
17. Sovetskoe voenno-ugolovnoe pravo // V.M. Chikvadze. M.: Yrid. izd-vo MY SSSR, 1945 g. 446 s.
18. Ustav vnutrennej sluzhby Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacij, utverchden Ukazom Prezidenta RF ot 10.11.2007 g. № 1495 (v red. ot 21.02.2019 g.) «Ob utverzhenii obshchevoinskih ustavov Vooruzhennyh Sil Rossij» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacij ot 19.11.2007 g. № 47 (chast' I) st. 5749.

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: НАЧАЛО ДЕЙСТВИЯ И МОМЕНТ ПРЕКРАЩЕНИЯ

Бондаренко В. Е., Долгополов К. А.

Институт Дружбы народов Кавказа, Ставропольский филиал РАНХ и ГС

Рассмотрены границы уголовно-правовой охраны, момент начала уголовно-правовой охраны и момент ее прекращения. Границы действия уголовно-правовой охраны определяются моментом принятия и вступления в силу уголовно-правовых норм, которые определяют, какие деяния являются преступлениями и могут причинить вред объектам охраны, и действует до тех пор, пока эти объекты обозначены в качестве охраняемых, до момента признания нормы, утратившей юридическую силу. Делается вывод о том, что законодатель является субъектом введения и снятия режима уголовно-правовой охраны путем введения в действие уголовно-правовых норм и признания их утратившими силу.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, границы уголовно-правовой охраны, территориальный аспект, темпоральный аспект, содержательный аспект, объект охраны, момент прекращения уголовно-правовой охраны.

Уголовный закон обозначает уголовно-правовую охрану в качестве первой задачи. Для того, чтобы понять и обозначить момент начала и прекращения охраны, необходимо очертить границы ее действия.

На наш взгляд, уголовно-правовая охрана – явление измеряемое. Прежде всего, в обозначенных уголовным законом объектах и распространяется лишь на них. Если тот или иной объект не обозначен уголовным законом в качестве охраняемого им, то на этот объект не распространяется действие уголовно-правовой охраны [1]. Именно для обеспечения целостности объекта и создаются уголовно-правовые нормы. Объект, таким образом, составляет содержание уголовно-правовой охраны. Поэтому границы уголовно-правовой охраны можно рассматривать в содержательном аспекте.

Содержательный объем составляет совокупность четко обозначенных объектов, которые поставлены под охрану уголовным законом. Именно перечисленные объекты охраны определяют границы ее действия в соответствии со статьей 2 Уголовного закона. Согласно ей, объектами уголовно-правовой охраны являются: права и свободы человека и гражданина; собственность; общественный порядок и общественная безопасность; окружающая среда; конституционный строй; мир и безопасность человечества.

«Между тем адекватность уголовного законодательства современным российским социальным реалиям на уровнях как формулирования уголовно-правовых норм, так и их применения, соответствия совершенным преступлениям и надежной защищенности интересов общества и потерпевшего всецело зависят от степени точности отражения и оценки в уголовном праве содержания и значения охраняемых им общественных отношений – объекта преступления (охраны). Ведь, по сути, только ради охраны общественных отношений как объекта от посягающих на них

общественно опасных деяний создается и существует уголовное законодательство» [4, с. 3].

Только полный и исчерпывающий перечень объектов охраны в статье 2 Уголовного кодекса позволит четко определить границы ее действия. «То, что не определено в качестве объекта, уголовным правом не охраняется, а потому причинение ему ущерба, его уничтожение находится вне действия уголовного права» [7, с. 57]. При установлении необходимости поставить то или иное отношение под охрану уголовным законом законодатель вводит этот объект в перечень объектов охраны и создает соответствующую уголовно-правовую норму.

Следующим аспектом измерения может выступать территория действия уголовно-правовой охраны. Территориальный аспект охраны указывает на какое пространство она распространяется.

Пространственный аспект действия уголовно-правовой охраны определяется территорией Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 статьи 67 Конституции Российской Федерации «1. территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними». В то же время ч. 2 статьи 67 Конституции Российской Федерации гласит «2. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права». Так, в соответствии со статьей 11 УК РФ «1. Лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу. 2. Преступления, совершенные в пределах территориального моря или воздушного пространства Российской Федерации, признаются совершенными на территории Российской Федерации. Действие настоящего Кодекса распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации. 3. Лицо, совершившее преступление на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. По настоящему Кодексу уголовную ответственность несет также лицо, совершившее преступление на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации независимо от места их нахождения. 4. Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права».

Эта же логика позволяет выделить и временной аспект действия уголовно-правовой охраны. Темпоральные границы позволяют определять конкретное время возникновения и прекращения уголовно-правовой охраны.

Уголовно-правовая охрана охватывает правотворческий процесс. Следовательно, начало действия охраны совпадает с моментом начала действия уголовно-правовой нормы. Уголовно-правовая норма вводится в действие Федеральным законом, который вступает в законную силу в соответствии с ч. 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации одновременно на всей территории Российской Федерации по исте-

чении 10 дней со дня официального опубликования, если иной порядок вступления в силу не прописан в самом законе. Утрата нормой своей юридической силы происходит также путем вступления в законную силу Федерального закона, объявляющего конкретную норму утратившей силу.

Необходимо понимать, что все три аспекта уголовно-правовой охраны (содержательный, территориальный и темпоральный) действуют одновременно и не должны рассматриваться отдельно, а лишь в совокупности. Так, каждый объект уголовно-правовой охраны, подпадает под режим удержания лиц от совершения преступных посягательств на определенной территории и действует определенный период времени.

Таким образом, начало действия уголовно-правовой охраны, с точки зрения выделенных нами аспектов (содержательный, территориальный и темпоральный), сводится к установлению режима удержания лица от совершения преступных посягательств на обозначенные уголовным законом объекты посредством введения в действие уголовно-правовых норм на территории Российской Федерации. Что же представляет собой момент прекращения уголовно-правовой охраны?

Моментом прекращения уголовно-правовой охраны можно считать момент снятия режима удержания лица под угрозой уголовного наказания от совершения преступных посягательств на обозначенные уголовным законом объекты. Такое прекращение связано с утратой нормой своей юридической силы и выведением объекта (объектов) из числа охраняемых. Субъектом прекращения уголовно-правовой охраны может выступать только законодатель.

Можно утверждать, что на уровне каждой уголовно-правовой нормы Особенной части уголовного закона действует непосредственная охрана, общая же охрана реализуется как совокупность норм, т.е. начало ее действия совпадает с действием самого уголовного закона. Такое выделение видов охраны считается возможным именно с точки зрения деления объектов охраны: общий, родовой (видовой), непосредственный. Тогда утрата юридической силы уголовно-правовой нормой является прекращением непосредственной уголовно-правовой охраны. Общий режим охраны прекращает действовать в связи с утратой уголовным законом юридической силы. В последнем случае речь может идти о случае принятия нового Уголовного кодекса. Ведь в настоящее время часть ученых и политиков высказывается о необходимости полного пересмотра действующего Уголовного закона или принятия его в новой редакции [2,3,5].

Прекращение уголовно-правовой охраны связано с изменением границы ее действия одновременно в трех аспектах. С утратой нормой своей юридической силы на всей территории Российской Федерации, меняется, соответственно, и ее (уголовно-правовой охраны) содержательный объем. Например, на уровне одной нормы (непосредственная охрана), целой главы или раздела (родовая/видовая охрана), всего уголовного закона (общая охрана).

Как уже отмечалось, уголовно-правовая охрана имеет границы действия. Необходимо понять, а только ли законодательное снятие режима удержания лиц от совершения преступных посягательств на обозначенные уголовным законом объект (объекты) является прекращением охраны?

Раз уж мы обозначили охрану как режим удержания лиц от совершения преступных посягательств на обозначенные объекты, то получается, что при соверше-

нии такого посягательства охрана тоже прекращается. Устанавливает факт совершения преступного посягательства, вступивший в законную силу приговор суда. Именно с этого момента деяние, совершенное лицом, признается преступлением, за которое назначается соответствующее наказание. Можно считать, что после отбытия наказания и погашения / снятия судимости вновь начинает действовать охрана. На наш взгляд, это не совсем так.

Статья 8 УПК РФ гласит: «1. Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом. 2. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим Кодексом». В момент вступления в законную силу обвинительного приговора суда устанавливается факт того, что уголовно-правовая охрана не сработала, оказалась неэффективной. В этом случае разрывается уголовно-правовое отношение, на смену ему приходит пенитенциарное [7, с. 184]. Но уголовно-правовая охрана продолжает существовать, так как норма права не прекращает свое действие. На наш взгляд, не совсем верно совершение конкретного преступления связывать именно с прекращением охраны.

Факт совершения преступления – это вступление в законную силу обвинительного приговора суда [8, с.188]. Таким образом, до вступления в силу приговора суда речь идет об эффективной уголовно-правовой охране, так как факт преступления еще не установлен, проводится только правовой контроль посредством уголовного преследования и уголовного судопроизводства, значит нельзя говорить о том, что лицо нарушило обязанность по воздержанию от совершения преступного посягательства и должно быть подвергнуто наказанию. С момента установления факта преступления уголовное отношение просто перестает существовать, оно переходит в сферу действия другой отрасли права – пенитенциарного. Уголовно-правовая охрана оказывается просто неэффективной в этом конкретном случае.

«Прекратить» – значит «положить конец чему-нибудь, перестать делать что-нибудь; прийти к завершению, к концу, кончиться» [6].

Обратим внимание еще раз, что уголовно-правовая охрана при совершении конкретного преступления становится неэффективной, конкретный объект охраны пострадал, но охрана не прекратилась, так как абстрактный объект все еще обозначен в числе охраняемых действующим уголовным законом. Возложенная уголовным законом на лиц обязанность воздерживаться от преступных посягательств на него не снята, правоохранительные органы обязаны в каждом случае проверять соблюдение этой обязанности посредством правового контроля.

Так, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, совершенное в крупном размере, предусмотрено статьей 198 УК РФ. При совершении этого преступления и назначении наказания возникшее уголовно-правовое отношение разрывается. Однако сама уголовно-правовая охрана на уровне этой нормы продолжает существовать, так как норма является действующей и обязывает лицо предоставлять налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, и не включать в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений.

Таким образом, факт совершения преступления не является фактом прекращения уголовно-правовой охраны.

Границы действия уголовно-правовой охраны определяются моментом принятия и вступления в силу уголовно-правовых норм, которые определяют, какие деяния являются преступлениями и могут причинить вред объектам охраны, и действует до тех пор, пока эти объекты обозначены в качестве охраняемых, до момента признания нормы, утратившей юридическую силу.

Вступивший в законную силу обвинительный приговор суда свидетельствует о том, что непосредственная охрана не сработала (на уровне нормы или ряда норм), лицо должно претерпеть негативные последствия в виде назначенного наказания. При этом режим удержания от совершения преступных посягательств в виде общей охраны обозначенных объектов от преступных посягательств продолжает на него распространяться. Лицо даже в период реализации назначенного ему наказания подпадает под действие уголовного закона и обязано воздерживаться от совершения преступлений под угрозой наказания.

В соответствии со статьей 313 УК РФ лицо может совершить преступление против правосудия, хотя к этому моменту уже может отбывать наказание в виде лишения свободы за ранее совершенное преступление.

Даже при реализации наказания лицо обязано воздерживаться от совершения преступных посягательств на обозначенные законом объекты. В таком случае может поменяться лишь его статус, предусмотренный уголовно-правовыми нормами. Например, в соответствии со статьей 18 УК РФ совершение лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, умышленного преступления признается рецидивом, что в конечном счете влияет на вид и размер наказания (в худшую для этого лица сторону), которое будет ему назначено. Как только судимость считается погашенной или снятой, на лицо не распространяется эта норма, т.е. статус снова меняется, но оно по-прежнему попадает под режим удержания от совершения преступных посягательств на обозначенные уголовным законом объекты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что только законодатель является субъектом введения и снятия режима уголовно-правовой охраны путем введения в действие уголовно-правовых норм и признания их утратившими силу.

Список литературы

1. Бондаренко В. Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: дисс... канд. юрид. наук. Саратов., 2014. 243 с.
2. Елинский А. В. Некоторые направления конституционализации Российского уголовного законодательства с точки зрения разработки нового Уголовного кодекса / Юридический мир. 2012, № 4. 24-31 с.
3. Коваленко О. Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права: автореф. дис. ...канд.юрид. наук. Самара, 2012. 188 с.
4. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления: моногр. в 2-х т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград: ВА МВД России, 2010. 280 с.
5. Наумов А. В. проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Общество и право. 2010. № 5. 29-34 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1989. 748 с.
7. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 196 с.
8. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. 278 с.
9. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 541 с.

10. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997. 592 с.

Bondarenko V. E., Dolgoplov K. A. Some aspects of measurement of criminal protection: beginning of action and moment of the termination // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 96–101.

Considered the boundaries of criminal law protection, the beginning of the criminal law protection and the time of its termination. The boundaries of the criminal law protection are determined by the moment of adoption and entry into force of criminal law norms that determine which acts are crimes and can cause harm to the objects of protection, and remain valid until these objects are designated as protected until the moment the norms are recognized, which has lost legal force. It is concluded that the legislator is the subject of the introduction and removal of the regime of criminal law protection by introducing criminal law norms and recognizing them as invalid.

Key words: criminal protection, borders of criminal protection, territorial aspect, temporal aspect, substantial aspect, object of protection, moment of the termination of criminal protection.

Spisok literatury

1. Bondarenko V. E. Osnovanie ugovolno-pravovoj ohrany i ee prekrashchenie: diss... kand. jurid. nauk. Saratov., 2014. 243 s.
2. Elinskij A. V. Nekotorye napravleniya konstitucionalizacii Rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva s točki zreniya razrabotki novogo Ugovolnogo kodeksa / YUridicheskij mir. 2012, № 4. 24-31 s.
3. Kovalenko O. N. Zadachi i funkcional'nye vozmožnosti ugovolnogo prava: avtoref. dis. ...kand.yurid. nauk. Samara, 2012. 188 s.
4. Mal'cev V. V. Uchenie ob ob'ekte prestupleniya: monogr. v 2-h t. T. 1. Ob'ekt prestupleniya: konceptual'nye problemy. Volgograd: VA MVD Rossii, 2010. 280 s.
5. Naumov A.V. problemy kodifikacii rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva: novyj Ugovolnyj kodeks ili novaya redakcija kodeksa? // Obščestvo i pravo. 2010. № 5. 29-34 s.
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. 20-e izd. M., 1989. 748 s.
7. Razgil'diev B. T. Zadachi ugovolnogo prava Rossijskoj Federacii i ih realizacija. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. 196 s.
8. Razgil'diev B. T. Ugovolno-pravovye otnosheniya i realizacija imi zadach ugovolnogo prava RF. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1994. 278 s.
9. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova i A.V. Mal'ko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: YUrist, 2000. 541 s.
10. Ugovolnoe pravo. Obščaya chast' / pod red. N. I. Vetrova, YU. I. Lyapunova. M., 1997. 592 s.

УДК 343.9.018:316.4.066

**ПОРТРЕТ КРЫМСКОГО ЭКСТРЕМИСТА И ТЕРРОРИСТА
(КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье систематизированы результаты социологического опроса, посвященного составлению криминологического портрета лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности и террористического характера на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. На основании проведенного анализа обоснована авторская позиция по отдельным вопросам предупреждения проявлений экстремизма и терроризма в регионе. Результаты исследования могут быть использованы в криминологической теории, дальнейших научных исследованиях феноменов экстремизма и терроризма, а также контрэкстремистской и антитеррористической деятельности органов безопасности и правопорядка.

Ключевые слова: город Севастополь, криминологическая обстановка, криминологическая характеристика, предупреждение экстремизма и терроризма, психологические признаки, Республика Крым, социологическое исследование.

Пятая годовщина воссоединения Республики Крым и города федерального значения Севастополя с Российской Федерацией ознаменована не только интеграцией полуострова в общероссийское политико-правовое и социально-экономическое пространство, реализацией масштабных инфраструктурных проектов, значительными улучшениями во всех сферах жизнедеятельности общества, но и оздоровлением криминологической обстановки в регионе. Последнее во многом коснулось сдерживания внешних и внутренних экстремистских и террористических угроз, нейтрализации их детерминант, что и обусловило актуальность проведенного исследования. Вместе с тем провокации в Керченском проливе, агрессивная предвыборная президентская кампания на Украине и грядущие выборы в украинский парламент в контексте антироссийской риторики также подчеркивают значимость и своевременность научной разведки по данной проблематике.

В этих целях в 2019 г. было проведено анкетирование курсантов 4-го и слушателей 5-го курсов очной формы обучения, а также слушателей, проходивших профессиональное обучение в Крымском филиале Краснодарского университета МВД России и освоивших более 75 % образовательных программ. Выбор категорий респондентов можно объяснить следующими причинами: во-первых, это жители Крымского региона, имеющие представление о криминологической обстановке на полуострове; во-вторых, обучающиеся обладают необходимым уровнем специальных знаний и умений, требуемых для выполнения служебных обязанностей по конкретной должности в подразделениях МВД по Республике Крым, УМВД России по г. Севастополю, Крымского линейного управления МВД России на транспорте, а также Главном управлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, но еще не имеют доста-

точных навыков их применения. Общее количество опрошенных составило 599 человек.

Выбор Крымского полуострова в качестве предмета и объекта исследования поясняем геополитической, этноконфессиональной и социально-экономической спецификой региона, а также последствиями его пребывания в составе Украины (1991-2014 годы), частично или полностью ликвидированными после событий «Крымской весны». В анкету вошло 22 вопроса, касающихся возрастных, гендерных, демографических, морально-нравственных и этнонациональных особенностей, мотиваций, религиозных убеждений, семейного и материального положений, образа жизни, темперамента и других социально-психологических характеристик личности, которая может быть причастна к экстремизму или терроризму на территории региона.

Стоит указать, что задачей исследования являлось не составление некоего фоторобота, типажа, кальки крымского экстремиста или террориста и шаблонных типологий их поведенческой психологии на основании мнений будущих правоохранителей, а наоборот – анализ и развенчание сложившихся стереотипов, корректировка устоявшихся заблуждений о таких девиантах, в том числе при реализации соответствующих учебных дисциплин (модулей) и специальных курсов. Кроме того, в ходе социологического опроса были подтверждены, опровергнуты или поставлены под сомнение некоторые теоретические модели осуществления экстремистской и террористической деятельности.

Прежде всего отметим, что 3 из 4 опрошенных (75,5 %) считают, что таким лицом является мужчина. А половина из выбравших в качестве экстремистов и террористов женщин (79 из 147) отметила, что внешними признаками последних может быть имитация беременности, наличие детской коляски (как правило, для транспортировки взрывных устройств) или отсутствие макияжа. Участники опроса посчитали, что такие лица являются представителями наиболее социально активной части общества – молодежи: почти 81 % респондентов указали, что их возраст составляет от 14 до 30 лет (14-19 лет – 11,2 %, 20-25 лет – 37,2 %, 26-30 лет – 32,6 %). Полагаем, что помимо общественной инициативности данных возрастных групп сделанный выбор обусловлен еще и тем, что их представители стремятся к самореализации, самоутверждению, общественному одобрению своей деятельности (в том числе в виртуальном мире), у них присутствуют романтизм, увлеченность, честолюбие и конформизм, желание быть в центре внимания. С другой стороны, у лиц, потенциально привлекательных для экстремистских и террористических организаций, могут присутствовать психологическая незрелость, заниженная самооценка, ограниченный или неполноценный круг общения. Именно эти моменты активно и зачастую успешно используются их вербовщиками и идеологами.

Исследуя смежные вопросы, Р. Р. Абдулганеев и С. Н. Миронов выделяют такие особенности генезиса целей экстремистов для разных возрастных категорий: от 18 до 24 лет – получение поддержки и уважение среди «соратников», повышение личного авторитета; от 25 до 29 лет – неустроенность личной жизни, наличие уголовного опыта, непостоянство источников доходов [1, с. 43]. Согласны с перечисленными параметрами, за исключением наличия криминального прошлого. Аргументация нашей позиции будет приведена ниже.

Что касается социального положения таких лиц, то преимущественное большинство опрошенных высказало мнение о том, что они являются безработными либо не имеют постоянного источника доходов (61,9 %). Стоит указать, что, несмотря на определенное «омоложение» проявлений современного экстремизма [2, с. 401], терроризма и их суррогатов, только 7,4 % респондентов допустили возможную причастность учащихся к такой деструктивной деятельности. В то же время, учитывая (псевдо)религиозную подоплеку последней, 18,2 % считают возможным совершение исследуемых видов преступлений работниками религиозных организаций. Ввиду неурегулированности украинским законодательством контрэкстремистской и анти-террористической деятельности в конце 1990-х – начале 2000-х годов на полуостровном Крымском полуострове эта проблема стояла особенно остро [3, с. 116–117]. Так, неоднократно фиксировались факты нетрадиционного толкования ислама, в том числе иностранными эмиссарами и имамами-самоучками, активность идеологов международных террористических организаций, деструктивная деятельность тоталитарных сект, псевдорелигиозных течений и т.д. Но из-за отсутствия правовой базы не было оснований для прекращения их деятельности, изъятия экстремистской литературы и привлечения к ответственности виновных лиц. Как следствие, 6 из 10 респондентов (59,9 %) посчитали, что крымские экстремисты и террористы придерживаются именно исламского вероисповедания, а больше трети (34,6 %) склонились в сторону идейно-религиозного типа личности таких индивидуумов («боевики за веру»). Поскольку абсолютное большинство деструктивных проявлений в современном Крыму носит выраженную этнополитическую окраску, считаем, что на этот результат анкетирования в большей степени повлияли массмедиа, сформировавшие в общественном сознании неотвратимость угрозы тотального распространения исламского терроризма (фундаментализма, радикализма и т.п.). Впрочем, нельзя исключать возможность превращения религии из инструмента социального контроля в технологию управления индивидуальным и групповым сознанием, средство манипуляции массами.

По мнению опрошенных, уровень материального положения лиц, причастных к экстремизму, терроризму, и их семей – ниже среднего (31,9 %), средний (26,9 %) и низкий (24,4 %). Вместе с тем интересно отметить, что некоторые из участников опроса указывали, с одной стороны, низкий уровень жизни крымских экстремистов и террористов (безработный или без постоянного источника доходов), а с другой – высокий уровень или выше среднего их материального положения. На наш взгляд, это можно объяснить получением ими неофициальных доходов, в том числе благодаря финансированию экстремизма и терроризма, или средств от иной противоправной деятельности. Наряду с этим, ни в коем случае не исключая меркантильную составляющую у членов экстремистских и террористических организаций, акцентируем внимание на активное участие в их деятельности и лиц, которые получают или получили образование в престижных вузах, являются выходцами из благополучных, обеспеченных и полных семей [4]. Допускаем, что это связано с романтическим восприятием неких таинственных сообществ и законспирированных организаций (даже преследующих заведомо противоправные цели), духом авантюризма, жаждой риска, протестными настроениями в подростковой и молодежной среде, а также пресыщением жизнью.

По мнению респондентов, большинство лиц, причастных к экстремистской или террористической деятельности, практикуют несемейный образ жизни: не замужем (не женат) – 55,9 %, вдова (вдовец) – 8,5 %, разведен (а) – 8,4 %. Аналогичные выводы делают и другие исследователи [5, с. 25]. Только 27,2 % опрошенных посчитали, что такие лица могут быть замужем (женаты) либо проживать в гражданском браке. Данные результаты можно объяснить традиционно уединенным, скрытным образом жизни таких лиц, их замкнутостью, закрытостью и нелюдимостью (интроверты). Эти лица нередко одиноки, не имеют близких родственников или потеряли связь с семьей. И все же считаем, что, отвечая на этот вопрос, большинство респондентов подразумевало личности «рядовых» экстремистов и террористов-смертников.

Некоторые из опрошенных в анкете справедливо указывали, что национальность и отношение экстремистов и террористов к религии и верованиям значения не имеют. И все же, размышляя о национальности лиц, причастных к экстремизму или терроризму на территории региона (с возможностью выбора до 3-х вариантов), участники опроса отдали предпочтение крымским татарам (23,1 %), дагестанцам (19,3 %), украинцам (17,2 %), чеченцам (15,9 %) и ингушам (8,9 %). Наименьшую опасность, по мнению опрошенных, в контексте рассматриваемых вопросов представляют русские (7 %). Стоит отметить, что, выбирая варианты ответа на этот вопрос анкеты, респонденты неоднократно склонялись в пользу этносов Северо-Кавказского (дагестанцы, ингуши, чеченцы) либо Крымского (крымские татары, украинцы, русские) регионов. Выбор национальностей Северо-Кавказского федерального округа можем объяснить общей картиной восприятия экстремистских и террористических угроз в России, в том числе их религиозной составляющей, но не спецификой региона исследования и его криминологической обстановкой. При этом отдельные участники опроса в графе «свой вариант» писали «араб», очевидно, подразумевая выходцев из государств Ближнего Востока и Северной Африки, но ни один из вариантов не был связан со Средней Азией, представителей этносов которой периодически задерживают правоохранители за причастность к экстремизму и терроризму на территории «материковой» России.

Среди национальностей неожиданным для нас стал выбор респондентами турок (8,6 %). Поскольку с момента воссоединения Крыма с Российской Федерацией не было зафиксировано ни одного резонансного преступления экстремистской направленности или террористического характера, к которому был бы причастен гражданин Турецкой Республики, полагаем, что данное предпочтение объяснимо финансированием и иным содействием странами Арабского мира этническим общинам, псевдоблаготворительным фондам и (пара)религиозным объединениям мусульманского мира Крыма в период его пребывания в составе Украины. В частности, благодаря распространению на полуострове деструктивной идеологии и догмат «истинного» ислама, на рубеже веков сформировались не только очаги этнонациональной напряженности и религиозной нетерпимости, но и развертывались тренировочные лагеря по подготовке боевиков для международных террористических организаций. Вместе с тем каждый четвертый опрошенный посчитал, что и крымчане могут осуществлять экстремистскую или террористическую деятельность за пределами России – в Турецкой Республике и странах Арабского Востока (16,4 %), непризнанных и частично признанных государствах (9,2 %). Указанные результаты объясняем участием отдельных жителей полуострова в деятельности незаконных вооруженных

формирований на юго-востоке Украины (проведении так называемой «антитеррористической операции»), террористических организаций на Северном Кавказе, Сирийской Арабской Республике и др.

Почти половина респондентов посчитала, что лица, причастные к экстремизму и терроризму, имеют гражданство Российской Федерации (49,8%), практически каждый 4-й – стран ближнего зарубежья (23,9%), каждый 10-й – стран дальнего зарубежья (10,5%). По нашему мнению, такой выбор можно объяснить: во-первых, определенной международной изоляцией полуострова; во-вторых, неоднократными попытками дестабилизации криминологической обстановки и эскалации напряженности в регионе украинскими националистами и радикалами; в-третьих, непосредственным участием или содействием экстремистской и террористической активности в регионе проукраински настроенными крымчанами. В то же время 15,8% респондентов высказали мнение о том, что такие лица не имеют гражданства либо имеют статус беженца. Это свидетельствует о том, что опрошенные не видят реальных экстремистских или террористических угроз от различных миграционных процессов (прежде всего речь идет о значительных миграционных потоках граждан с юго-востока Украины в 2014-2015 годы), что также обосновано и в других наших исследованиях. Предполагаем, что игнорирование внешних угроз безопасности региона также связано с достаточно эффективной работой сотрудников органов безопасности и правопорядка по их нивелированию.

Бытующее мнение о низком уровне образования и общей культуры экстремистов и террористов констатировали и опрошенные. Так, отвечая на вопрос об образовательном уровне данных лиц, указывалось: неоконченное среднее общее – 11%, среднее общее, среднее профессиональное – 51,9%, неоконченное высшее – 14,2%, высшее – 22,9%. Полагаем, что низкий социальный статус таких категорий девиантов в обществе, обусловленный необразованностью, малообеспеченностью, невосприимчивостью и неустроенностью в личной жизни, является не причиной, а следствием их примыкания к деструктивным религиозным, национальным и политическим течениям. Именно последние истинные (противоправные, асоциальные) приоритеты и цели деятельности маскируют и подводят под потребности человека в самореализации, самоутверждении, самоуважении, коллективизме и удовлетворении других амбиций, тем самым обеспечивая консолидацию и лжесолидарность членов преступных групп и ячеек, формируя магнетизм и привлекательность экстремистских и террористических организаций.

Обратим внимание на то, что каждый 4-й респондент высказал мнение о том, что лицо, причастное к экстремизму и терроризму, ранее не привлекалось к уголовной ответственности, а каждый 5-й – к административной. Другими словами, участники опроса подтверждают наши выводы о пребывании большинства таких категорий граждан за пределами правоохранительного контроля. Об этом свидетельствуют и факты совершения террористических актов в России и за ее пределами лицами, которые никогда не состояли на профилактических учетах, не были фигурантами оперативных разработок или уголовных преследований. Поэтому утверждение Н. И. Журавленко о наличии потенциальных террористов исключительно в криминальной среде [6, с. 131] выглядит более чем дискуссионным.

Считаем, что приведенные выше данные обусловлены не только законспирированностью и автономностью террористических ячеек, виртуализацией информации

онного обеспечения экстремистской активности и вербовок новых адептов, осторожностью исполнителей террористических актов и дистанцированием от них их организаторов, но и отсутствием эффективных механизмов межведомственного взаимодействия, определенной закостенелостью современной правоохранительной системы, нежеланием многих руководителей смещать акценты с ликвидации (минимизации) последствий экстремизма и терроризма на предупреждение проявлений такой деструктивной активности, устранение ее детерминант.

Что касается нравственных и психологических признаков, характерных для исследуемых лиц (с возможностью выбора до 3-х вариантов), то среди них респонденты выделили: агрессию, жестокость, цинизм (21,2 %); злость, враждебность (12,2 %); безволие, слабохарактерность, повинование (10,6 %); ненависть, гнев, презрение (10,4 %); фанатизм, склонность к суициду (10 %); апатию, равнодушие (6,6 %); конфликтность, равнодушие к инакомыслию (6,4 %). Наименее типичными, по мнению опрошенных, для экстремистов и террористов являются такие черты, как: прямолинейность, бескомпромиссность (1,1 %); мнительность, недоверчивость (1,4 %); независимость, уединенность (2,2 %). В целом результаты ожидаемые, но в отношении темпераментов нами были получены следующие результаты: 42,6 % интервьюируемых отнесли экстремистов и террористов к холерикам, 21,5 % – к флегматикам, 19,5 % – сангвиникам и 16,4 % – меланхоликам. Безусловно, в чистом виде темпераменты не существуют, но выделенные респондентами черты характера не соответствуют наиболее популярному типуажу, выбранному при опросе (например, импульсивность и иррациональность холерика выбрали всего 2,6 % опрошенных). Возможно, это свидетельствует о противоречивости, нестабильности и алогичности характера действий, диссоциативном расстройстве идентичности и эмоциональной лабильности таких индивидуумов. Подтверждением наших предположений служат и результаты опроса: 28,6 % респондентов считают, что заинтересованность лиц в последствиях экстремистской или террористической деятельности обусловлена психопатологией. К схожим заключениям приходят философы и психологи [7, с. 58-59].

Проанализировав возможные цели деятельности лиц, причастных к экстремизму или терроризму, большинство из участников опроса (58,8 %) склонились к различным видам фанатизма (идейный, религиозный, расовый, спортивный и др.). 21,5 % респондентов посчитали, что проявления экстремизма и терроризма обусловлены политическими целями, 13 % – требованиями социальной справедливости и 6,7 % – желанием самореализации. Однако, как уже указывалось, при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности и террористического характера при декларации стремлений исключения социального неравенства либо самоутверждения идеологами деструктивного мировоззрения манипулятивно осуществляется подмена понятий. То есть под лозунгами достижения всеобщего мира и благополучия, восстановления исторической справедливости, укрепления национального самосознания, обеспечения религиозного согласия или политической стабильности в социуме организаторами экстремистских и террористических сообществ осуществляется политическое преследование оппонентов, реализуются идеи джихада (газавата), превосходства либо ущербности отдельных членов общества или их групп по этническому, национальному, территориальному или какому-нибудь другому признаку.

Среди причин асоциального поведения экстремистов и террористов участники опроса назвали указанных девиантов жертвами неблагополучных семей (11,2 %) и экстремистского окружения (34,5 %). Но большая часть респондентов (54,3 %) склонилась к обоим вариантам. Убеждены, что институт семьи может играть ключевую роль как в привитии подрастающему поколению деструктивного мировоззрения, вплоть до склонения к совершению актов суицидального терроризма, так и превенции потенциальных девиаций в подростковом возрасте, сублимации и ремиссии юношеского максимализма. При этом уверены, что положительный синергетический эффект будет давать связка семьи и образовательных организаций (в том числе высшего образования [8]).

Что касается внешних признаков террориста (с возможностью выбора до 3-х вариантов), то наибольшее количество анкетированных указало обязательное наличие религиозной, этнонациональной, нацистской и другой символики и атрибутики, ярко выраженной национальной одежды (18,5 %). Также участники исследования отметили: наличие растительности на лице, татуировок, шрамов (17,3 %); неадекватное поведение, отсутствие реакции на окружающих, отрешенный, неподвижный взгляд, повышенное потоотделение (16,7 %); отсутствие ярких, заметных деталей, наличие головного убора, несоответствие одежды погоде, сезону и размеру, чистая обувь (16,2 %); наличие багажа (14,6 %). Однако, как уже подчеркивалось выше, большинство лиц, причастных к террористической деятельности, не выделяются из толпы ни поведением, ни внешним видом, а существующие штампы, в том числе тиражируемые в буклетах, проспектах и памятках («Как распознать террориста-смертника в толпе?», «Как обнаружить террориста и защититься от нападения?» и др.), оставляют у правоохранителей и граждан устойчивое искаженное восприятие действительности.

В целом обобщенные данные социологического опроса коррелируют с результатами современных исследований проявлений экстремизма и терроризма на Крымском полуострове. Тем не менее, некоторые из полученных данных о личностях крымских экстремистов и террористов (национальность, вероисповедание, тип личности и др.) сформированы у участников опроса благодаря клише, используемых средствами массовой информации и в интернет-публикациях, или вследствие проецирования на регион «эталонной» симптоматики экстремизма, терроризма и их эрзацев в общероссийском или глобальном масштабах. Проведенное изыскание носит прикладной характер, его результаты могут быть использованы в криминологической теории, дальнейших научных исследованиях феноменов экстремизма и терроризма, а также контрэкстремистской и антитеррористической деятельности органов безопасности и правопорядка.

Список литературы:

1. Абдулганеев Р. Р., Миронов С. Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста / Р. Р. Абдулганеев, С. Н. Миронов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (31). – С. 42–47.
2. Пестрецов М. А., Зоз В. А. Факторы, влияющие на распространение экстремизма в России / М. А. Пестрецов, В. А. Зоз // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 399–402.
3. Скребец Е. С. Основные направления и особенности противодействия экстремизму в Крымском федеральном округе / Е. С. Скребец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – С. 114–118.

4. См.: Глава Ингушетии о ваххабитах: «На 80% – это выходцы из благополучных семей» <<https://eadaily.com/ru/news/2016/07/11/glava-ingushetii-o-vahhabitah-na-80-eto-vyhodcy-iz-blagopoluchnyh-semey>> (последнее обращение – 25 апреля 2019 г.).
5. Алиев Б. М., Танага И. В. Криминологический портрет личности террориста-смертника / Б. М. Алиев, И. В. Танага // в сб. науч. статей «Уголовное право, уголовный закон: теория и практика». – СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2017. – С. 21–25.
6. Журавленко Н. И. Криминологическая характеристика личности террористов / Н. И. Журавленко // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 116–132.
7. Коноплева А. А., Никитина Л. Н., Чудина-Шмидт Н. В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе / А. А. Коноплева, Л. Н. Никитина, Н. В. Чудина-Шмидт // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 53–60.
8. Смирнова М. И. Формирование информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД как условие противодействия информационному экстремизму / М. И. Смирнова // материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики» (г. Симферополь, 8 октября 2015 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 285–287.

Butkevich S. The Profile of the Crimean extremist and terrorist (criminological aspects) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 102–109.

The article systematizes the results of a sociological survey on compiling a criminological profile of persons involved in crimes of an extremist and terrorist nature on the territory of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. Based on the analysis carried out, the author's vision of certain issues of preventing extremism and terrorism in the region is grounded. The results of research can be used in criminological theory, further scientific studies of the phenomena of extremism and terrorism, as well as counter-extremist and anti-terrorist activities of the security and law enforcement agencies.

Key words: the city of Sevastopol, criminological situation, criminological features, prevention of extremism and terrorism, psychological signs, the Republic of Crimea, sociological research.

Spisok literatury:

1. Abdulganeev R. R., Mironov S. N. Kriminologicheskij portret lichnosti sovremennogo ekstremista / R. R. Abdulganeev, S. N. Mironov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1 (31). – S. 42–47.
2. Pestrecov M. A., Zoz V. A. Faktory, vliyayushchie na rasprostranenie ekstremizma v Rossii / M. A. Pestrecov, V. A. Zoz // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2018. – № 10 (125). – S. 399–402.
3. Skrebec E. S. Osnovnye napravleniya i osobennosti protivodejstviya ekstremizmu v Krymskom federal'nom okruge / E. S. Skrebec // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – S. 114–118.
4. См.: Глава Ингушетии о ваххабитах: «На 80% – это выходцы из благополучных семей» <<https://eadaily.com/ru/news/2016/07/11/glava-ingushetii-o-vahhabitah-na-80-eto-vyhodcy-iz-blagopoluchnyh-semey>> (последнее обращение – 25 апреля 2019 г.).
5. Алиев Б. М., Танага И. В. Криминологический портрет личности террориста-смертника / Б. М. Алиев, И. В. Танага // в сб. науч. статей «Уголовное право, уголовный закон: теория и практика». – СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2017. – С. 21–25.
6. Журавленко Н. И. Криминологическая характеристика личности террористов / Н. И. Журавленко // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 116–132.
7. Коноплева А. А., Никитина Л. Н., Чудина-Шмидт Н. В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе / А. А. Коноплева, Л. Н. Никитина, Н. В. Чудина-Шмидт // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 53–60.
8. Смирнова М. И. Формирование информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД как условие противодействия информационному экстремизму / М. И. Смирнова // материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики» (г. Симферополь, 8 октября 2015 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 285–287. .

УДК 343.914

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСТАВЛЕНИЕ МЕСТА ДТП: АДМИНИСТРАТИВНАЯ ИЛИ УГОЛОВНАЯ?

Волошин А. И., Деревянкина С. А.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; Московский государственный
юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

В статье поднимается вопрос о необходимости введения в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы об установлении уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Авторами проанализированы статистические данные по количеству возбужденных дел об административных правонарушениях, связанных с невыполнением обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, а также показатели демографических потерь от смертности и травматизма в результате аварий. В статье также выявляются мотивационные аспекты поведения участников ДТП, побуждающие к оставлению места происшествия и неоказанию помощи пострадавшим лицам. Кроме того, рассматриваются проблемы правильной квалификации действий лиц, совершивших оставление в опасности при ДТП, криминалистические методики расследования данных правонарушений, а также возможные последствия ужесточения ответственности за данные действия.

Ключевые слова: оставление места дорожно-транспортного происшествия, оставление в опасности, безопасность дорожного движения, ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия.

Все чаще средства массовой информации сообщают нам о шокирующих случаях жестокости и безразличия водителей, виновных в дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП) и скрывшихся с места правонарушения. Тем самым они не только оставляют пострадавших в беспомощном состоянии, но и подвергают опасности остальную машинопоток. Повышение безопасности дорожного движения давно является одним из приоритетных направлений государственной политики.

Аварийность на российских дорогах превратилась в серьезную социально-экономическую проблему, которая ежедневно наносит непоправимый материальный, травмирующий ущерб и забирает десятки жизней людей. Причем более тяжелых последствий можно было бы избежать, если бы виновные водители оставались на месте ДТП и оказывали посильную своевременную помощь пострадавшим.

Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по контролю и регламенту О. А. Нилов на встрече с представителями Парламентской газеты 4 февраля 2019 года представил статистику по количеству возбужденных дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 12.27 КоАП. За 2016 год зафиксирован 168271 случай, за 2017 – 167388, за 2018 – 167255. Хотя ежегодные показатели не возрастают, их стабильность также не свидетельствует о повышении безопасности на дорогах. В каждом десятом от общего количества случаев ДТП водитель-виновник скрывался: в 2016 году произошло 17100 таких происшествий, в которых погибло 958 человек, ранено – 17200. В 2017 году – 16191 ДТП, погибших – 910 человек, ранено – 16394. В 2018 году – 15729 ДТП, с мест которых виновник сбежал, при этом погибло 736, а ранено 16129 чело-

век. По статистике 70% пострадавших погибали до прибытия в медицинское учреждение [1].

С целью снижения отрицательных показателей ежегодной статистики в октябре 2018 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) активно поступали различные законопроекты, связанные с уголовной ответственностью. При этом многие были направлены на ужесточение уголовной ответственности или условий назначения наказания. Среди них числились законопроекты, разработанные Министерством внутренних дел Российской Федерации, которые на данный момент находятся на рассмотрении Государственной Думы и уже прошли первое чтение [2]. Документ вносит поправки в ст. 264 и 264¹ Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и ст. 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), усиливая уголовную ответственность водителей, оставивших место ДТП, если наступили последствия в виде тяжкого вреда здоровью или смерти одного и более лица. «Беглецам» теперь будет грозить наказание в виде принудительных работ на срок до 3 лет либо лишение свободы на срок от 4 до 9 лет.

Интересно то, что до весны 2018 года среди законодателей обсуждалась идея о смягчении существующей административной нормы (ст. 12.27 КоАП РФ), устанавливающей наказание за оставление места ДТП. Так, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству В. И. Лысаков утверждал, что лишение права управления транспортными средствами на срок от 1 года до 1,5 лет или административный арест на срок до 15 суток – мера «излишняя», а целесообразнее всего назначить возмещение материального вреда [3]. Однако теперь практически решено – быть уголовной ответственности.

Поводом такой кардинальной смены политики послужило принятое Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) Постановление от 25.04.2018 г. № 17-П, установившее неконституционность ст. 264 УК РФ в связи с запросом Ивановского суда [4]. Суд увидел нарушение конституционных принципов равенства и справедливости: оспариваемая норма не позволяет признать водителя находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если он скрылся с места ДТП, так как делать подобный вывод можно только исходя из результатов медицинского освидетельствования либо отказа от его прохождения (ст. 12.26 КоАП). Следовательно, пьяному водителю выгоднее покинуть место аварии, нежели дожидаться сотрудников ГИБДД. Своим постановлением КС РФ, по сути, обязал федерального законодателя внести в действующее правовое регулирование соответствующие изменения.

Стоит напомнить, что до 2003 г. в УК РФ содержалась отдельная статья 265, которая устанавливала уголовную ответственность за оставление места ДТП. По мнению И. В. Танаги, причинами утраты силы данной нормой являлись ее несовершенство, неточность и неэффективность, а судебная практика того времени лишь подтверждала неопределенность в истолковании содержания ее диспозиции [5, с. 52].

После внесенных изменений ст. 264 УК РФ стала применяться по совокупности со ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в своем постановлении от 09.12.2008 г. № 25 разъяснил,

что ст. 125 УК РФ должна вменяться, если виновник ДТП своими действиями поставил потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние и скрылся с места аварии, не оказав ему посильную необходимую помощь [6]. Однако и здесь имеются недостатки в описании признаков преступного поведения и связанные с этим проблемы квалификации деяния.

Так, довольно сложно определить, действительно ли потерпевший находился в беспомощном состоянии, когда, например, имел возможность самостоятельно передвигаться или свидетели-очевидцы своевременно оказали ему требуемую помощь. Кроме того, как заметили Н. А. Бояркина, А. Е. Денисова, С. С. Корсакова, должно быть установлено, что «потерпевший в результате ДТП остался жив либо же скончался в последствии [7, с. 26]. Если же смерть наступила мгновенно, то состав преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, отсутствует, так как фактически виновник ДТП не оставлял потерпевшего в заведомо опасном для жизни и здоровья состоянии. Пострадавший уже был мертв, и помочь ему все равно бы не удалось. С этой позицией можно не согласиться, ведь скрывшийся с места ДТП водитель не мог знать наверняка о состоянии жертвы, что, по сути, можно приравнять к оставлению его в опасности.

В связи со сложившейся неопределенностью необходимо разобраться в сущности понятия «оставление места ДТП». Законодательно определение не закреплено, однако исходя из п. 2.5, 2.6 Правил дорожного движения (далее – ПДД), его можно сформулировать в широком и узком смыслах. В широком смысле оставление (покидание) места дорожно-транспортного происшествия – это удаление причастного к нему водителя с места аварии на значительное расстояние и время. В узком смысле – отсутствие водителя, причастного к ДТП, на месте происшествия к моменту прибытия сотрудников ГИБДД, за исключением случаев, признанных законом уважительными причинами. К таковым относятся перемещение транспортного средства на обочину с целью освобождения проезжей части, а также самостоятельное доставление экстренных пострадавших в ближайшую медицинскую организацию, с последующим возвращением на место аварии [8].

Пункт 2.5, 2.6 ПДД, кроме того, устанавливают обязанности и порядок действий водителей в случаях ДТП. Так, водитель обязан остановить транспортное средство или не трогать его с места, включить аварийную сигнализацию и выставить знак аварийной остановки. Не следует менять местоположение предметов, которые могут иметь значение для дальнейшего расследования происшествия, определить наличие пострадавших. В случае обнаружения последних участник ДТП должен обеспечить оказание им медицинской помощи (самостоятельно или вызвать бригаду скорой помощи), вызвать сотрудников полиции, установить фамилию, имя, отчество и адреса свидетелей-очевидцев, а в случае необходимости освобождения проезжей части – зафиксировать положение транспортных средств, следов и предметов аварии путем фото- или видеосъемки либо иными способами. Эти элементарные правила выполняет основная масса водителей, попавших в ДТП. Однако есть и те, кто не только пренебрегает ими, но и всячески пытается избежать ответственности за содеянное, скрываясь от сотрудников полиции.

Обстоятельства, которые толкают водителей на побег, довольно разнообразны. Чаще всего автомобилисты таким образом стараются скрыть свое состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения на момент управления транспорт-

ным средством. Ведь уже через непродолжительный промежуток времени определить наличие опьяняющих веществ в организме становится затруднительным, что, как уже было сказано, помогает водителям избежать более строгого наказания. Кроме того, страх ответственности за содеянное может оказаться сильнее совести и здравого смысла. Сложно понять, чем руководствуется человек на тот момент, ведь с развитием современной техники и систем дорожного видеонаблюдения становится все сложнее скрыться и остаться совершенно незамеченным. Есть множество других причин оставления виновниками места ДТП: срочная встреча, опоздание на работу, необходимость экстренной госпитализации пассажира и т.д. Однако какими бы экстремальными ни были обстоятельства, водитель обязан найти способ оказать помощь и содействие пострадавшим.

Если же нарушитель все-таки сбегает, то в дело вступают следователь (дознатель), сотрудники ОВД. Расследование уголовных дел, возбужденных по фактам ДТП, с мест которых водители скрылись, представляет определенную сложность с точки зрения криминалистической методики. Во-первых, имеет важное значение установление способа покидания виновным места аварии. Если автомобилист скрылся на собственной машине, то необходимо допросить возможных свидетелей-очевидцев, потерпевших на наличие сведений об основных характеристиках транспортного средства: государственный номер, цвет, модель и т. д., по возможности организовать преследование. Если нарушитель оставил свой автомобиль и скрылся в неизвестном направлении, то спектр возможных следственных действий значительно расширяется.

По мнению В. В. Сергеева и А. А. Канова, в первую очередь следует произвести осмотр транспортного средства на предмет обнаружения следов лица, управлявшего автомобилем [9, с. 58]. Если автомобиль был угнан, то возникает проблема отграничения следов водителя и законного владельца машины. Её решение помогает установить лицо, причастное к совершению преступления. Для этого в состав оперативно-следственной группы могут быть включены криминалисты, специалисты-автотехники, специалисты-трасологи, эксперты и др. Следы могут носить биологический (отпечатки пальцев, кровь, слюна и др.), вещественный (одежда или ее части, личные вещи, предметы) характер. Благодаря им возможно идентифицировать человека по генетическим признакам.

Не стоит забывать и о таком эффективном способе розыска лица, как выемка записей с камер видеонаблюдения и видеофиксации. Это могут быть стационарные, мобильные дорожные видеокамеры; системы наружного наблюдения магазинов, производственных, служебных и иных зданий; записи с видеорегистраторов автомобилей, в зону обзора которых могло попасть место аварии.

Но не смотря на всю эффективность вышеперечисленных способов расследования ДТП, с мест которых водитель скрылся, по статистике 6-10 % таких преступлений не раскрывается. Ведь, к сожалению, не в каждом случае свидетели происшествия дожидаются сотрудников полиции, чтобы дать показания. Их может не быть вовсе, как и любых иных источников сведений, если авария произошла вне населенного пункта или ином пустом участке дороги. Оставление места ДТП именно в таких условиях приводит к наиболее опасным последствиям, начиная от смерти пострадавших и заканчивая образованием новых ДТП (например, в случае плохой ви-

димости на дороге автомобилист не заметил аварии) и, как следствие, увеличение количества жертв.

Именно поэтому принятие закона, ужесточающего ответственность за оставление места ДТП – верный шаг в борьбе с произволом на российских дорогах. Во-первых, принимаемая норма устранил существующий пробел в уголовно-правовом регулировании, который был выявлен КС РФ. Во-вторых, поправка позволит дисциплинировать водителей в будущем, убедит, что соблюдение правил дорожного движения в случаях ДТП – наилучший вариант поведения виновника относительно его дальнейшей ответственности. В-третьих, снизится тяжесть последствий аварий, особенно в случаях причинения тяжкого вреда жизни и здоровью людей, которым медицинская и иная помощь будет оказана более своевременно. В-четвертых, повысится состояние защищенности иных участников дорожного движения и его безопасности в целом.

В современном обществе проблема оставления человека в опасности, неоказание помощи ближнему требует не только четкого правового регулирования, но и повышения уровня морально-нравственного воспитания граждан. Нам нужны человечность, доброта, умение сочувствовать. Без этих качеств наша жизнь превратиться в одно насилие, и тогда обществу не помогут ни законы, ни суд.

Список литературы

1. Что ждёт водителя за оставление места ДТП? Электронное периодическое издание «Парламентская газета» – 04.02.2019. < <https://www.pnp.ru> > (последнее посещение – 3 марта 2019 г.).
2. Законопроект № 575754-7 «О внесении изменения в статью 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (об уточнении административной ответственности за оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся); Законопроект № 575472-7 «О внесении изменений в статьи 264 и 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об уточнении уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). < szrf.km.duma.gov.ru/ASOZD > (последнее посещение – 3 марта 2019 г.).
3. Малютина Д. Новые правила при ДТП: в тюрьму за попытку к бегству. Сбежавших с места ДТП водителей могут приравнять к пьяным лихачам // «Газета.Ру» – Главные новости дня – 24.07.2018. < <https://www.gazeta.ru> > (последнее посещение – 3 марта 2019 г.).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 N 17-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда" // СПС «КонсультантПлюс». < www.consultant.ru > (последнее посещение – 3 марта 2019 г.).
5. Танага И. В. Нужна ли в Уголовном Кодексе Российской Федерации специальная норма уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия? // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 4 (26). – С. 50-54.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" // СПС «КонсультантПлюс». < www.consultant.ru > (последнее посещение – 3 марта 2019 г.).
7. Н. А. Бояркина, А. Е. Денисова, С. С Корсакова. Квалификация действий виновных лиц, совершивших оставление в опасности при дорожно-транспортном происшествии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 3. – С. 25-29.
8. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 04.12.2018) "О Правилах дорожного движения" (вместе с "Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения") // СПС «КонсультантПлюс». < www.consultant.ru > (последнее посещение – 3 марта 2019 г.).

9. В. В. Сергеев, А. А. Канов. О некоторых проблемах установления лиц, скрывшихся с мест совершения дорожно-транспортных преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – С. 57-62.

Voloshin A. I., Derevyankina S. A. Responsibility for leaving the scene of an road accident: administrative or criminal? // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 110–115.

The article raises the question of the need to introduce in the Criminal Code of the Russian Federation rules on criminal liability for leaving the scene of a road accident. The authors analyzed statistical data on the number of initiated cases of administrative offenses related to the failure to perform duties due to a traffic accident, as well as indicators of demographic losses from mortality and injuries as a result of accidents. The article also identifies the motivational aspects of the behavior of the participants in the accident, leading to the abandonment of the scene and the failure to provide assistance to injured persons. In addition, problems of correct qualification of actions of persons committed to remain in danger in an accident, forensic methods of investigating these offenses, as well as the possible consequences of stricter responsibility for these actions are considered.

Key words. Leaving the scene of a road accident, a leaving in danger, road safety, responsibility for leaving the scene of an road accident.

Spisok literatury

1. Chto zhdyot voditelya za ostavlenie mesta DTP? EHlektronnoe periodicheskoe izdanie «Parlamentskaya gazeta» – 04.02.2019. < <https://www.pnp.ru> > (poslednee poseshchenie – 3 marta 2019 g.).
2. Zakonoproekt № 575754-7 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 12.27 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» (ob utochnenii administrativnoj otvetstvennosti za ostavlenie voditelem mesta dorozhno-transportnogo proisshestiya, uchastnikom kotorogo on yavlyalsya); Zakonoproekta № 575472-7 «O vnesenii izmenenij v stat'i 264 i 264-1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (ob utochnenii ugolovnoj otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya) // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). < szrf.km.duma.gov.ru/ASOZD > (poslednee poseshchenie – 3 marta 2019 g.).
3. Maljutina D. Novye pravila pri DTP: v tyur'mu za popytku k begstvu. Sbezhasvshih s mesta DTP voditelej mogut priravnyat' k p'yanyam lihacham // «Gazeta.Ru» – Glavnye novosti dnya – 24.07.2018. < <https://www.gazeta.ru> > (poslednee poseshchenie – 3 marta 2019 g.).
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.04.2018 N 17-P "Po delu o provere konstitucionnosti punkta 2 primechanij k stat'e 264 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Ivanovskogo oblastnogo suda" // SPS «Konsul'tantPlyus». <www.consultant.ru> (poslednee poseshchenie – 3 marta 2019 g.).
5. Tanaga I. V. Nuzhna li v Ugolovnom Kodekse Rossijskoj Federacii special'naya norma ugolovnoj otvetstvennosti za ostavlenie mesta dorozhno-transportnogo proisshestiya? // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 4 (26). – S. 50-54.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.12.2008 N 25 (red. ot 24.05.2016) "O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ehkspluatacii transportnyh sredstv, a takzhe s ih nepravomernym zavladeniem bez celi hishcheniya" // SPS «Konsul'tantPlyus». <www.consultant.ru> (poslednee poseshchenie – 3 marta 2019 g.).
7. N. A. Boyarkina, A. E. Denisova, S. S. Korsakova. Kvalifikaciya dejstvij vinovnyh lic, sovershivshih ostavlenie v opasnosti pri dorozhno-transportnom proisshestvii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2012. – № 3. – S. 25-29.
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 N 1090 (red. ot 04.12.2018) "O Pravilah dorozhnogo dvizheniya" (vmeste s "Osnovnymi polozheniyami po dopusku transportnyh sredstv k ehkspluatacii i obyazannosti dolzhnostnyh lic po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya") // SPS «Konsul'tantPlyus». <www.consultant.ru> (poslednee poseshchenie – 3 marta 2019 g.).
9. V. V. Sergeev, A. A. Kanov. O nekotoryh problemah ustanovleniya lic, skryvshih s mest soversheniya dorozhno-transportnyh prestuplenij // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2015. – С. 57-62.

УДК 34.096

АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТА О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ЧАСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Губанова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье дается определение конфликта интересов как важнейшего механизма противодействия коррупции, как элемента прозрачности и открытости работы органов государственной и муниципальной власти, закрепленного в антикоррупционном законодательстве различных государств, не урегулирование которого, наряду с неисполнением иных антикоррупционных запретов и ограничений, является коррупционным правонарушением и влечет юридическую ответственность для определенного круга лиц, также рассматриваются предложения органов исполнительной власти о внесении изменений и дополнений в антикоррупционное законодательство Российской Федерации в части освобождения от юридической ответственности лиц при несоблюдении антикоррупционных запретов и ограничений при наличии объективных обстоятельств, не позволяющих данным лицам исполнить законодательные запреты и ограничения, а также анализируются мнения представителей юридического сообщества по данному вопросу.

Ключевые слова: конфликт интересов, антикоррупционные запреты и ограничения, законопроект, противодействие коррупции, коррупционные правонарушения, освобождение от ответственности.

Международное право рассматривает механизмы выявления и разрешения конфликтов интересов в государственной службе, запретов и ограничений, налагаемых на данную категорию граждан, в качестве одного из важнейших механизмов противодействия коррупции и как один из элементов прозрачности и открытости работы органов государственной и муниципальной власти, судебных и правоохранительных органов. Статья 7 Конвенции ООН против коррупции, принятой в 2003 году, сказано, что «прозрачность и открытость деятельности органов власти является фундаментальным принципом, на котором должно основываться национальное законодательство государств-участников Конвенции [1]. В нашем государстве длительный период времени категории запретов и ограничений, а также понятие «конфликт интересов» не были законодательно регламентированы и конкретизированы в достаточной степени. Это связано с тем, что указанные понятия практически не являлись предметом изучения юридической науки.

Нормативное определение понятия «конфликт интересов» как ситуации, в которой личный интерес влияет или может повлиять на объективное исполнение служебных обязанностей, впервые было закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 12 августа, 2002 № 885 «Об утверждении Общих принципов служебного поведения государственных служащих» [2]. Однако всесторонние исследования этого вопроса началось практически с 2004 года. Именно тогда понятие «конфликт интересов» нашло свое нормативное закрепление в статье 19 Федерального закона от 27 июля 2004 года. № 79-ФЗ «О государственной службе» [3]. По мнению А. М. Цирина «в России научно-методическое исследование по предупреждению и

разрешению конфликтов интересов постоянно запаздывает» [4, с. 191], данное обстоятельство не может не способствовать «ситуации неадекватных механизмов реализации антикоррупционных стандартов, закрепленных в законе о государственной и муниципальной службе» [4, с. 191].

Следует отметить, что в зарубежных странах социальные и юридические науки уделяли внимание изучению концепции и возможных направлений предотвращения и урегулирования конфликтов интересов на государственной службе с начала 1990-х годов. Так, 12 декабря 1996 г. на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принят Международный кодекс поведения для государственных служащих (Резолюция 51/59). Данный нормативный акт закрепил, что лица, занимающие государственные (муниципальные) должности, а также «государственные и муниципальные служащие обязаны:

- передать в доверительное управление ценные бумаги, доли (доли участия, доли) капитала организаций;
- уведомлять о склонении лица к совершению коррупционных правонарушений;
- заблаговременно уведомлять о намерении лица выполнить другую оплачиваемую работу.

Кроме того, заинтересованным лицам в целях предотвращения конфликта интересов запрещается:

- получать подарки, денежные вознаграждения, займы, услуги, развлечения, отдых и другое вознаграждение, связанное с выполнением служебных обязанностей, осуществлением полномочий;
- заниматься предпринимательской деятельностью лично или через посредников;
- участвовать в управлении хозяйствующими субъектами;
- открывать и иметь счета (депозиты), хранить денежные средства в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) использовать иностранные финансовые инструменты;
- быть адвокатами или представителями по делам третьих лиц;
- занимать должности государственной (муниципальной) службы или должность в организации в случае родственных отношений или свойства с работниками, если эта должность связана с прямым подчинением» [5].

Элементы предотвращения и разрешения конфликта интересов также содержатся в гораздо более ранних документах. Например, в 1958 году США принят Кодекс этики в форме резолюции Конгресса США. В современной Великобритании в рамках антикоррупционной стратегии действует Программа по закреплению принципов честности и добросовестности на государственной службе. Как и в США, принят и действует Моральный кодекс государственных служащих. Хочется отметить, что правила, регулирующие понятие «конфликт интересов» в данном государстве с 1890 года, практически не изменились [6].

Сегодня в специальном антикоррупционном законе Российской Федерации закреплены соответствующие нормы, касающиеся запретов и ограничений, в том числе, направленных на предотвращение и разрешение конфликта интересов. Совершенствование данных стандартов, логично, является динамичным процессом. Мы

согласны с мнением ученых, утверждающих, что «государственные и муниципальные служащие, вступая в должность, возлагают определенные обязательства, которые существенно отличают их статус от статуса рядового гражданина, ввиду их социальных ролей и содержания государственной службы» [7].

А.М. Цирин в своей работе о предотвращении и урегулировании конфликтов интересов в публичной и частной сферах говорит, что «государственный служащий добровольно принимает условия, ограничения и преимущества своего публичного правового статуса и выполняет соответствующие требования в соответствии с процедурами, установленными законом. При законодательном закреплении этих вопросов достигается соответствие критериям ограничения прав граждан. Однако необходимо избегать чрезмерного раздувания системы запретов, ограничений и обязательств» [4, с. 192]. Да, конечно, «возникновение конфликта интересов у государственного служащего должно быть строго предотвращено и преодолено, но такие действия должны быть законными» [4, с. 191] и соответствовать принципам права, в том числе ответственности индивид при наличии вины.

25 января 2019 г. Министерство юстиции России представило на рассмотрение законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер ответственности за коррупционные правонарушения», в пояснительной записке к которому сказано: «во исполнение подпункта «б» пункта 1 Национального антикоррупционного плана на 2018–2020 годы, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 [8], Минюст России совместно с Министерством труда, МВД России при участии Генерального прокурора и Следственного комитета Российской Федерации возникает вопрос о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих рассмотрение дел, когда нарушение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции в результате форс-мажорных обстоятельств, не является правонарушением. В результате проведенного исследования правительство Российской Федерации представило отчет с предложением внести необходимые изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» и соответствующие поправки в законодательство Российской Федерации» [9].

Поскольку коррупционное правонарушение, как и любое другое правонарушение, является виновным деянием лица, оценка обстоятельств его совершения должна проводиться исключительно в ходе соответствующей проверки. В связи с этим авторы законопроекта предлагают внести изменения в законодательные акты, в силу которых в случае установления в ходе такой проверки обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии вины, деяние лица не может квалифицироваться как коррупционное правонарушение.

При определенных обстоятельствах государственные и муниципальные служащие не могут, не имеют возможности, соблюдать ограничения и запреты, в том числе требования по предотвращению или урегулированию конфликта интересов и выполнению обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, по объективным причинам. Однако сегодня антикоррупционное законодательство Российской Федерации не предусматривает освобождение от ответственности. Так, нормы, устанавливающие дисциплинарную ответственность государственных служащих и работников государственных корпораций за коррупционные правонару-

шения, не содержат требований учета наличия вины или обстоятельств, из-за которых соблюдение требований закона лицом был невозможно по независящим от него причинам. Например, в соответствии с Законом «О противодействии коррупции» дисциплинарное взыскание, вплоть до увольнения, возможно из-за того, что лицо не предпринимает меры по предотвращению или разрешению конфликта интересов, стороной которого оно является, или же не предоставляет необходимую информацию, или предоставляет неполные/недостоверные сведения о своих доходах, имуществе или обязательствах имущественного характера супруга и несовершеннолетних детей. Но на практике встречаются случаи, когда человек не знает и не может знать по ряду объективных причин факты о наличии какого-либо имущества супруга, о преступлениях, совершенных ранее близкими родственниками либо предоставление лицом информации, связанной с требованиями ст. 8, 8.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» [10], не может быть осуществлено в сроки, указанные в законе, в связи с серьезным заболеванием или наличием обстоятельств непреодолимой силы. В своих комментариях представители Министерства юстиции дают пояснения относительно ситуаций, когда данные нормы закона будут действовать. В частности, это отсутствие объективных возможностей соблюдения запрета осуществления должностными лицами или их родственниками трудовой деятельности в тех сферах, которые курировал чиновник в силу малонаселенности или закрытости района проживания [11].

Разумеется, указанные должностные лица являются специальными субъектами, наделенными властью или другими не менее значительными полномочиями, и должны нести повышенную ответственность за коррупционные правонарушения, но данная ответственность должна наступать исключительно при наличии доказательств их вины в совершении таких действий [12].

Адвокат Московской городской коллегии адвокатов Павел Гейко отмечает, что предлагаемые изменения логичны и последовательны: «Национальное уголовное законодательство, в первую очередь, основанное на принципе невиновности, содержит институт невиновного причинения вреда, и предусматривает ряд обстоятельств, исключающих преступность деяния ... крайняя необходимость, исполнение приказа или распоряжения, физическое и психическое принуждение и т. д. Законодательство об административных правонарушениях ... содержит институт крайней необходимости. Институт освобождения от гражданской ответственности также содержится в гражданском законодательстве. Например, освобождение от ответственности за нарушение обязательств, если их надлежащее исполнение невозможно из-за форс-мажорных обстоятельств. Трудовое законодательство также содержит требование при решении вопросов о привлечении сторон трудовых отношений к дисциплинарной или материальной ответственности необходимо учитывать их виновность и обстоятельства непреодолимой силы» [12]. Таким образом, освобождение от ответственности за коррупционные правонарушения, являющиеся преступлением или административным правонарушением, при отсутствии вины или при наличии определенных обстоятельств, представляется вполне логичным.

Юридическое сообщество, анализируя рассматриваемую нами инициативу Министерства юстиции, отмечает, что эта инициатива соответствует базовым принципам права, в то же время выражает неоднозначное отношение к нему. В частности, подчеркивается, что привязка к обстоятельствам непреодолимой силы сомнительна

из-за неопределенности этой дефиниции в тексте антикоррупционного закона (предлагаемых изменений). Так, адвокат АП Санкт-Петербурга Дмитрий Салыкин отметил, что «исходя из сегодняшней социально-экономической и политической ситуации, наиболее вероятными обстоятельствами непреодолимой силы, вызвавшие обеспокоенность инициаторов проекта, могут быть признаны соответствующими нормативными актами: война, общественно-политические массовые беспорядки населения в стране, серьезный экономический кризис и, в меньшей степени, техногенные и природные катаклизмы» [12]. В то же время автор считает, что в связи с неопределенностью таких ситуаций, поправки к закону направлены на защиту существующих рычагов государственной власти, а при возникновении таких ситуаций, их последствия отойдут на задний план по сравнению с интересами государства. И мы не можем не согласиться с этим.

Ведущий юрист группы юридических компаний «ИНТЕЛЛЕКТ-С» Анатолий Зазулин считает, что «одно дело, когда деяние вообще не является правонарушением, и совсем другое - когда доказывается наличие обстоятельств, являющихся основанием для освобождения лица от ответственности. В первом случае государство дает добро должностным лицам: если существуют обстоятельства форс-мажора - нарушайте столько, сколько хотите ... во втором случае проверка обстоятельств должна проводиться в любом случае, а отсутствие вины должностного лица должно быть доказано. И если будет доказано, что правонарушение было совершено, но в силу наличия определенных обстоятельств (которые должны быть регламентированы законом), должностное лицо не может нести ответственность за его совершение» [13].

Советник ФПА Евгений Рубинштейн отметил, что «идея законопроекта не ограничивает возможность освобождения чиновника от ответственности за неисполнение обязанностей, несоблюдение запретов, невыполнение требований недопустимости конфликта интересов, но необходимо доказать наличие «объективных обстоятельств» (это термин, используемый автором законопроекта), которые не позволяют должностному лицу воздерживаться от совершения определенных действий или наоборот – совершать их» [12].

По мнению экспертов, наиболее вероятно законодательные изменения коснутся ограничений, связанных с конфликтом интересов, в части совместной трудовой деятельности близких родственников на должностях прямого подчинения и контроля, а также соблюдения требований к служебному поведению государственных служащих и требований к урегулированию конфликт интересов в течение двух лет после увольнения лица.

Подводя итог, следует отметить, что мы не можем не согласиться с мнением тех экспертов, которые говорят о важности четкой формулировки терминов, используемых авторами законопроекта, поскольку любая двусмысленность в формулировках, основаниях и комментариях может привести к неоднозначности толкования и к ошибкам в правоприменительной практике.

Необходимо всесторонне проанализировать и изучить практику привлечения лиц к юридической ответственности, случаи, когда лицо при наличии определенных обстоятельств не имело объективной возможности соблюдения ограничений и запретов, установленных в целях борьбы с коррупцией.

Кроме того, по нашему мнению, предлагаемые изменения послужат гарантией того, что сотрудник правоохранительных органов сможет избежать несправедливых решений по обвинению. Эти изменения, так или иначе, связаны с противодействием социальной и правовой несправедливости, а также защитой лиц, вовлеченных в коррупционные механизмы, против их воли.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года//веб-сайт ООН. – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. N 885 "Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих" (с изменениями и дополнениями)// Гарант. Информационно-правовой портал – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://base.garant.ru/184842/>
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)// Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://base.garant.ru/12136354/#ixzz5iSTAMfGi>
4. Цирин А. М. Предотвращение и урегулирование конфликтов интересов в публичной и частной сферах//А.М. Цирин, Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (м., 24-25 апреля 2014 г.), под ред. Т.Я. Хабриева – М., 2015 – 222 с.
5. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (принят 12 декабря 1996 г. Резолюцией 51/59 на 82м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения № 4 — 2016.
6. Моральный кодекс государственных служащих США – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: [\[https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-na-gosudarstvennoy-sluzhbe-opyt-rossii-i-zarubezhnyh-stran\]](https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-na-gosudarstvennoy-sluzhbe-opyt-rossii-i-zarubezhnyh-stran).
7. Коррупция: природа, проявление, противодействие. Монография/отв. Ред. Академик РАН Т.Я. Хабриева. М. 2012. – 352 с.
8. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы”// Гарант. Информационно-правовой портал – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/#ixzz5iSb4vhV1>
9. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов - Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения – [Электронный ресурс] – точка доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#>
10. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ // КонсультантПлюс - [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
11. Официальный портал ТАСС – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6054250>
12. Адвокатская газета Орган Федеральной палаты адвокатов РФ – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://www.advgazeta.ru/>
13. Зозулин А. Прощение для коррупционеров Минюст предлагает освободить от ответственности за «вынужденную» коррупцию//Официальный сайт ГПК «ИНТЕЛЛЕКТ-С» – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: https://www.intellectpro.ru/press/commenters/proshenie_dlya_korrupsionerov/

Gubanova E. V. Analysis of the law on the introduction of the anti-corruption legislative changes in the part of securing the circumstances of exemption from liability // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 116–122.

The article defines the conflict of interests as the most important mechanism of corruption counteraction, as an element of transparency and openness of the work of state and municipal authorities, enshrined in the anti-corruption legislation of various nations, non-regulation of which, along with the failure to comply with other anti-corruption prohibitions and restrictions, is a corruption offense and entails legal liability for certain people. The article also considers the proposals of the executive authorities on amendments and additions to the anti-corruption legislation of the Russian Federation in terms of exemption persons from legal liability in

case of non-compliance with anti-corruption prohibitions and restrictions under objective circumstances that do not allow these persons to comply with legislative prohibitions and restrictions. The opinions of representatives of the legal community on this issue have been also analyzed.

Keywords: conflict of interest, anti-corruption prohibitions and restrictions, draft law, corruption counteraction, corruption offenses, exemption from liability.

Spisok literatury:

1. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv korrupcii Prinyata rezolyuciej 58/4 General'noj Assamblei ot 31 oktyabrya 2003 goda//veb-sajt OON. – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. Ukaz Prezidenta RF ot 12 avgusta 2002 g. N 885 "Ob utverzhdenii obshchih principov sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih" (s izmeneniyami i dopolneniyami)// Garant. Informacionno-pravovoj portal – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL:dostupa: <http://base.garant.ru/184842/>
3. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. N 79-FZ "O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)//Sistema GARANT [Elektronnyj resurs] – rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/12136354/#ixzz5iSTAMfGi>
4. Cirin A.M. Predotvrashchenie i uregulirovanie konfliktov interesov v publichnoj i chastnoj sferah//A.M. Cirin, Materialy Tret'ego Evrazijskogo antikorrupcionnogo foruma (m., 24-25 aprelya 2014 g.), pod red. T.YA. Habrieva – M., 2015 – 222 s.
5. Mezhdunarodnyj kodeks povedeniya gosudarstvennyh dolzhnostnyh lic (prinyat 12 dekabrya 1996 g. Rezolyuciej 51/59 na 82m plenarnom zasedanii 51-j sessii General'noj Assamblei OON)//ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya № 4 — 2016.
6. Moral'nyj kodeks gosudarstvennyh sluzhashchih SSHA – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-na-gosudarstvennoj-sluzhbe-opyt-rossii-i-zarubezhnyh-stran>].
7. Korrupciya: priroda, proyavlenie, protivodejstvie. Monografiya/otv. Red. Akademik RAN T.YA. Habrieva. M. 2012. – 352 s.
8. Ukaz Prezidenta RF ot 29 iyunya 2018 g. № 378 “O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018 - 2020 gody”// Garant. Informacionno-pravovoj portal – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/#ixzz5iSb4vhV1>
9. Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov - Oficial'nyj sajt dlya razmeshcheniya informacii o podgotovke federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti proektov normativnyh pravovyh aktov i rezul'tatah ih obshchestvennogo obsuzhdeniya – [Elektronnyj resurs] – tochka dostupa: <https://regulation.gov.ru/projects#>
10. Federal'nyj zakon "O protivodejstvii korrupcii" ot 25.12.2008 N 273-FZ// Konsul'tantPlyus - [Elektronnyj resurs] – rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
11. Oficial'nyj portal TASS – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL:<https://tass.ru/obschestvo/6054250>
12. Advokatskaya gazeta Organ Federal'noj palaty advokatov RF – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL: <https://www.advgazeta.ru/>
13. Zozulin A. Proshchenie dlya korrupcionerov Minyust predlagaet osvobodit' ot otvetstvennosti za «vynuzhdennyu» korrupciyu//Oficial'nyj sajt GPK «INTELLEKT-S» – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – URL:https://www.intellectpro.ru/press/commenters/proshenie_dlya_korrupcionerov/

УДК 343.326:351.74

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ И СОДЕРЖАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ВЗРЫВОВ

Губков С. И.

Феодосийская финансово-экономическая академия

В статье проведен анализ справочной, научной и учебно-методической литературы с целью определения научных подходов к организации деятельности специалистов правоохранительных органов в сфере предотвращения криминальных взрывов. Установлено, что внезапный рост преступлений с использованием взрывных устройств и веществ представляет существенную опасность для национальной безопасности страны, а значит требует дополнительного углубленного научного анализа с целью обеспечения эффективной деятельности (тактики действий) соответствующих правоохранительных органов. Отдельное внимание уделено анализу объектов деятельности взрывотехнических подразделений.

Ключевые слова: взрывотехнические подразделения; взрыв; деятельность; предотвращение; правоохранительные органы.

Во времена существования СССР количество криминальных взрывов была настолько незначительным, что деятельность правоохранительных органов по их выявлению и предупреждению не являлась приоритетной. Однако, в начале 90-х гг., на территории стран бывшего СССР, и в частности, – в России, произошел значительный рост преступлений, совершенные с использованием взрывчатых веществ. Так, например, с 1998 по 2000 гг. на территории России было зарегистрировано более 2500 криминальных взрывов. Кроме того, за последующие пять лет на территории России было совершено более 40 тыс. преступлений с использованием взрывчатых веществ. В то же время, нельзя оставить без внимания террористические акты, совершенные на протяжении всей истории независимости нашей страны. Начиная с 1991 года на территории Российской Федерации было совершено более 200 террористических актов, в результате которых погибли более 2 тыс. человек и пострадало более 10 тыс. человек. Начиная с 1998 года предметом преступной деятельности стали: жилые дома (взрывы в 1999 году в жилых домах в городах Буйнакск, Волгодонск, Москва), железнодорожные поезда (взрыв 30 ноября 2009 в поезде «Невский экспресс» в результате которого погибли 25 человек, пострадали более 120 человек), станции метрополитена (29 марта состоялись взрывы в г. Москва на станциях метрополитена, в результате которых погибли 39 человек, пострадали 89 человек), аэропорты (24 января 2011 года в аэропорту Домодедово произошел взрыв, в результате которого погибли 35 человек, пострадали 116 человек). Все вышесказанное свидетельствует о значительной общественной опасности, как для населения, так и для государства в целом, преступной деятельности с применением взрывчатых веществ.

Следует заметить, что рост преступлений совершенных с использованием взрывчатых веществ связан с несколькими факторами, а именно:

- во-первых, развитие организованной преступности – члены данных групп осознавали преимущества использования взрывчатых веществ в преступной деятельно-

сти. Проведенный в МВД России анализ показал, что такие акции, как правило, осуществляются криминальными группировками в процессе борьбы за раздел сфер влияния, с целью устранения конкурентов в незаконной предпринимательской деятельности, убийства или запугивания представителей органов государственной власти. Например, на территории полуострова Крым с 1995 по 1998 год было совершено 570 криминальных взрывов членами организованных преступных групп [1, с. 3-12].

- во-вторых, ослаблением деятельности правоохранительных органов, что обусловлено различными факторами, в частности: распадом бывшего СССР, экономическим кризисом в стране, ростом в геометрической прогрессии уровня коррупции;

- в-третьих, увеличение количества вооруженных (социально-политических) конфликтов и территории стран бывшего СССР. Учитывая указанное, в гражданский оборот беспрепятственно попали большое количество взрывчатых веществ, боеприпасов. В то же время, часть населения, которая приняла активное участие в подобных конфликтах, приобрела необходимые навыки обращения с взрывчатыми веществами [2, с. 37-39].

Анализ научных работ, справочной литературы, а также практики деятельности правоохранительных органов дает возможность к указанным факторам отнести и дополнительные, такие как: рост влияния религиозных течений, основной деятельностью которых является борьба с «неверными» путем их физического уничтожения [3]. Мировой опыт показывает, что распространение соответствующих радикальных религиозных направлений являются очень опасными для страны и ее населения в целом, ведь основным способом осуществления своей деятельности является совершение преступлений с использованием взрывчатых веществ.

В связи с вышеизложенным, а именно значительным ростом числа криминальных взрывов в различных правоохранительных органах (МВД России, Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации) были созданы подразделения, основными задачами которых являются выявление, обезвреживание и уничтожение взрывных устройств, а также в их криминалистическое исследование.

Отметим, что отдельные аспекты деятельности взрывотехнических подразделений были проанализированы такими учеными, как: А.В. Басовым, В. П. Бахиным, М. А. Михайловым, И. Д. Моторным, А. А. Топорковым, Ю. В. Дубко и др [4]. Анализ теоретических взглядов, указанных ученых позволил оценить состояние исследуемых проблем, определить круг вопросов, которые в общем не были предметом научного поиска. В то же время, отсутствие исследований по указанной проблематике негативно сказывается на развитии теоретических и практических аспектов, направленных на совершенствование нормативно-правового обеспечения деятельности правоохранительных органов по данному направлению.

Начиная анализ сущности деятельности взрывотехнических подразделений считаем необходимым отметить, что анализ научных работ показывает, что впервые данный вид деятельности был исследован в криминалистическом аспекте. По мнению А. А. Топоркова, криминалистическая взрывотехника определяется как отрасль криминалистики, изучающая закономерности использования информации о взрывчатых веществах, способы взрыва, а также лиц, связанных с совершением взрыва. Эта деятельность, отмечает автор, осуществляется с целью выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия криминальных взрывов. Однако, указанная науч-

ная позиция раскрывает исключительно криминалистический аспект, однако предоставляет возможность выделить определенные объекты и цели такой деятельности [5, с. 214].

По нашему мнению, указанное определение нуждается в некотором уточнении. Так, во-первых, автор отмечает, что криминалистическая взрывотехника изучает закономерности использования информации о взрывчатых веществах, способах взрыва, а также лицах, связанных с совершением взрыва. По нашему мнению, в перечень закономерностей следует дополнительно включить вопрос о тактике получения такой информации, определить субъектов, осуществляющих эту деятельность, а также вопросы организации и тактики деятельности подразделений по реагированию на сообщения о взрыве, выявления, уничтожения и т.п.

Отдельные научные разработки, проведенные учеными криминалистами, безусловно служат фундаментальной основой для анализа деятельности взрывотехнических подразделений. Попытки А. А. Топоркова перечислить объекты криминалистической взрывотехники позволяет в дальнейшем сформулировать объекты деятельности взрывотехнических подразделений.

Проведенный выше анализ дает основания выделить структуру деятельности взрывотехнических подразделений. В эту структуру считаем целесообразным отнести следующие элементы: объекты данной деятельности, субъектов данной деятельности и содержание данной деятельности. Перейдем к анализу указанных элементов.

Отметим, что в теории государства и права под объектом следует понимать, вследствие чего возникает и осуществляется деятельность субъектов [6, с. 348]. Российский ученый А. А. Топорков относит к объектам деятельности взрывотехнических подразделений такие, как: во-первых, взрывчатые вещества и взрывные устройства; во-вторых, следы взрыва; в-третьих, материалы, средства и приспособления, используемые для изготовления взрывчатых веществ и взрывных средств [5, с. 213]. Некоторые ученые отмечают, что к объектам взрывотехнической деятельности правоохранительных органов относят: деятельность, связанную с совершением действий по подготовке преступления с использованием взрывчатых веществ и устройств; процессы, происходящие при взрыве; деятельность правоохранительных органов по раскрытию и пресечению преступлений с использованием взрывчатых веществ и устройств [7, с. 236].

Итак, проведенный обзор научных взглядов по определению объектов деятельности взрывотехнических подразделений свидетельствует, что подавляющее большинство авторов к ним относит взрывчатые вещества и следы, которые они оставляют. Однако, стоит заметить, что перечень объектов данной деятельности значительно шире. По этому поводу И. Д. Моторный отмечает, что на современном этапе развития взрывотехнических подразделений к объектам их деятельности можно отнести такие, как: во-первых, взрывные устройства, их детали и составные части; во-вторых, взрывчатые вещества и взрывные смеси, их компоненты, а также средства их промышленного и «кустарного производства»; в-третьих, различные материалы, средства, инструменты, оборудование, используемое с целью изготовления взрывчатых веществ и устройств; в-четвертых, остатки и фрагменты взрывчатых веществ и устройств; в-пятых, следы воздействия взрыва на предметы материального оснащения места происшествия; в-шестых, взрывные повреждения на вещах и одежде

пострадавших; в-седьмых, ранения взрывного происхождения на теле людей и животных [7, с. 15-16]. Однако, анализ практики деятельности правоохранительных органов позволяет к объектам деятельности взрывотехнических подразделений отнести предметы, имитирующие взрывные устройства.

Следующим элементом является субъекты деятельности взрывотехнических подразделений. Анализируя субъектов отметить, что в общей теории государства и права под субъектами любой деятельности или любых правоотношений понимают совокупность лиц, участвующих в этой деятельности или правоотношениях [5, с. 348]. Отметим, что всех субъектов, привлеченных к данной деятельности, можно разделить в зависимости от объема компетенции на следующие группы: основные и дополнительные. Кроме того, можно вывести группу субъектов деятельность которых способствует эффективной реализации задач указанными субъектами.

Анализируя деятельность основных субъектов, следует отметить, что полного их перечня в научной и справочной литературе не приводится. Однако, проведенное исследование содержания нормативных правовых актов, регулирующих эту деятельность, позволяет к таким субъектам отнести должностных лиц экспертно-криминалистического центра МВД России, специальных подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Следует отметить, что каждый из указанных субъектов отвечает за реализацию четко определенных в действующем законодательстве задач.

Раскрывая деятельность дополнительных субъектов, отметим, что в научной литературе не уделено должного внимания вопросу определения особенностей деятельности данных субъектов. По нашему мнению, эту группу субъектов можно определить, как субъектов, участвующих в выполнении специальных мероприятий при сообщении об угрозе взрыва или непосредственно при взрыве, однако не относящихся к специалистам взрывотехнических подразделений. К такой группе можно отнести: во-первых, работники полиции, во-вторых, работники следственного комитета, в-третьих, работники аварийно-спасательных служб.

Подытоживая сказанное выше, следует отметить, что перечисленные субъекты активно участвуют в специальных мероприятиях по выявлению и обезвреживанию взрывчатых веществ и устройств, где основной целью такой деятельности является содействие эффективной реализации задач взрывотехнических подразделений.

Кроме указанных дополнительных субъектов, в реализации задач взрывотехнических подразделений участвуют учреждения, обеспечивающие жизнедеятельность жилых домов, учреждений, предприятий, организаций, а именно: служба газа, водоканал, теплокомунэнерго, предприятия электроснабжения, водоотведения и др. Следовательно, в случае получения сообщения об угрозе взрыва или непосредственно взрыв указанные службы осуществляют специальные меры по отключению объекта от соответствующих сетей жизнеобеспечения. С целью эффективного взаимодействия данных служб с соответствующими взрывотехническими подразделениями разрабатываются планы взаимодействия.

Учитывая содержание деятельности взрывотехнических подразделений, отметим, что в общей теории права содержание деятельности определяется как субъективные права, обязанности, полномочия, ответственность субъектов деятельности [6, с. 348]. Анализ действующего законодательства, а также правоприменительной показывает, что к правам и обязанностям специалистов данных подразделений сле-

дует отнести: во-первых, получать от следователя информацию о характере события с вопросов, подлежащих решению с его участием; во-вторых, проводить предварительные исследования изъятых следов и вещественных доказательств; в-третьих, обращать внимание следователя на обстоятельства и факты, связанные с выявлением, закреплением, изъятием и предыдущим исследованием следов и вещественных доказательств, имеющих значение для расследования преступления; в-четвертых, вносить предложения по соблюдению правил безопасности при обращении с взрывоопасными предметами, ядовитыми и сильнодействующими веществами; в-пятых, реализация иных мероприятий, направленных на предотвращение гибели или ранению людей.

В обязанности можно отнести: во-первых, участвовать в проведении следственных действий; во-вторых, проведения мероприятий по обнаружению, закреплению и изъятию следов и вещественных доказательств; в-третьих, применять необходимые технико-криминалистические средства, предназначенные для обнаружения, закрепления и изъятия следов и вещественных доказательств; в-четвертых, обращать внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением и закреплением доказательств; предоставлять следователю информацию для использования в розыске «по горячим следам»; в-пятых, выявлять причины, способствующие совершению преступлений, и в установленном порядке предоставлять в соответствующие инстанции предложения по их устранению.

К запретам относятся такие, как: во-первых, решать вопросы, которые не входят в его компетенцию; во-вторых, проводить на месте происшествия исследования следов и вещественных доказательств, давать заключения в письменной форме о выявленных обстоятельствах и изъятых следов, и вещественных доказательств; в-третьих, получать изъятые с места происшествия следы и вещественные доказательства без соответствующих сопроводительных документов.

Отметим, что при реализации прав и обязанностей, определении в действующем законодательстве, специалисты взрывотехнических подразделений осуществляют определенные виды деятельности, к которым следует отнести криминалистическую, тактическую, профилактическую и организационную деятельность.

1. Криминалистическая деятельность. Указанная деятельность включает в себя участие специалистов в проведении соответствующих следственных действий (осмотре места происшествия в случае сообщения об угрозе взрыва или непосредственно взрыва, проведенные экспертизы). При таких условиях речь идет о деятельности, связанной с выявлением и исследованием взрывчатых веществ и устройств.

Следует отметить, что этот вид деятельности имеет существенное значение в деятельности взрывотехнических подразделений, ведь именно во время реализации криминалистической деятельности специалисты обеспечивают реализацию одного из направлений деятельности подразделений - это проведение экспертных исследований взрывчатых веществ, боеприпасов и самодельных взрывных устройств и тому подобное.

2. Тактическая деятельность включает в себя вопросы тактики поиска, обнаружения, обезвреживания, транспортировки, а также порядок обращения с взрывчатыми веществами и устройствами. Отметим, что специалисты взрывотехнических подразделений должны владеть информацией не только о взрывных устройствах, способы изготовления взрывчатых веществ и устройств, но и способы их установки

и маскировки, вероятные места установки взрывных устройств. То есть такие специалисты должны иметь представление о способах подготовки, совершения, сокрытия преступлений, связанных с использованием взрывчатых веществ и устройств. Кроме указанного, специалисты взрывотехнических подразделений должны иметь представление о времени совершения преступлений с использованием взрывчатых веществ и устройств. Анализ статистических материалов о совершении взрывов на территории Российской Федерации показывает, что большинство случаев совершения подобных действий совершается в таких временных промежутках: с 0 до 6 времени – 40%, с 6 до 12:00 – 13%, с 12 до 18 часов – 14%, с 18 до 24 часов – 33% [8].

3. Содержание организационной деятельности заключается в том, что специалисты взрывотехнических подразделений при реализации задач, осуществляют их в процессе взаимодействия с другими подразделениями обеспечивающих организацию поиска, обезвреживания и транспортировки взрывчатых веществ и устройств.

Подытоживая сказанное выше следует отметить, что внезапный рост преступлений с использованием взрывных устройств и веществ представляет существенную опасность для национальной безопасности страны, а значит требует дополнительного углубленного научного анализа с целью обеспечения эффективной деятельности (тактики действий) соответствующих правоохранительных органов.

Установлено, что структура деятельности взрывотехнических подразделений состоит из таких элементов, как: объекты, субъекты и содержание данной деятельности.

Проведенный анализ научных взглядов по объектам деятельности взрывотехнических подразделений свидетельствует, что на сегодня в литературе нет единого подхода к определению их перечня. Такая ситуация снижает эффективность деятельности данных органов, поскольку указанные объекты определяют объем деятельности этих подразделений. Итак, к объектам деятельности взрывотехнических подразделений можно отнести: во-первых, взрывные устройства, их детали и составные части; во-вторых, взрывчатые вещества и взрывные смеси, их компоненты, а также средства их промышленной и кустарной упаковки; в-третьих, различные материалы, средства, инструменты, оборудование, используемые в целях изготовления взрывчатых веществ и устройств; в-четвертых, остатки и фрагменты взрывчатых веществ и устройств; в-пятых, следы воздействия взрыва на предметы материальной обстановки места происшествия; в-шестых, взрывные повреждения на вещах и одежде пострадавших; в-седьмых, ранения взрывного происхождения на теле человека и животных; в-восьмых, предметы, имитирующие взрывные устройства; в-девятых, документы (схемы, эскизы, расчеты) и литературу, содержащую информацию о взрывчатых веществах и взрывных устройствах.

Список литературы

- 1.Кобец Н. В. Борьба с проявлениями терроризма, связанными с использованием взрывных устройств: учебно-методическое пособие / [под общ ред. канд. юрид. наук проф. Я. Ю. Кондратьева]. - К.: Нац. академия внутр. дел, 2000. - 72 с.
- 2.Асташов М. А. Использование специальных познаний эксперта-взрывотехника при расследовании преступлений : монография / М. А. Асташов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та внутр. МВД России, 2002. – 176 с.
- 3.Сотни погибших: опубликована статистика кровавых терактов в Европе за последние 14 лет [Электронный ресурс] URL: <https://apostrophe.ua/news/world/europe/2017-08-19/sotni-pogibshih-opublikovana-statistika-krovavyyih-teraktov-v-evrope-za-poslednie-14-let/104634> (дата обращения: 02.03.2019).
- 4.Бахин В.П., Михайлов М.А. Анализ криминальных взрывов.- Симферополь: РИО ТЭИ, 1999.- 44с.

5. Топорков А. А. Собирање и исследование объектов взрывотехники : сб. науч. работ «Записки криминалистов». – Вып. 4. – М., 1994. – С.210–218.
5. Скакун О. Ф. Теория государства и права : учебн. / О. Ф. Скакун. – Х. : Консум, Ун-т внут.дел, 2000. – 704 с.
6. Криминалистика / [под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Образцова]. – М. : Юрист, 1997. – 744 с.
7. Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом : монография / И. Д. Моторный. – М. : Издатель «Шумилова И.И.», 1999. – 199 с.
8. Глава МВД России Рашид Нургалиев поручил в кратчайшие сроки подготовить предложения по повышению безопасности на транспорте [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.mvd.ru/news/show_84874/ (дата обращения: 02.03.2019).

Gubkov S. I. Methodological approaches to the organization and content of the activity of specialists of law enforcement bodies in the sphere of prevention of criminal explosions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 123–129.

The article analyzes the reference, scientific and educational literature to determine the scientific approaches to the organization of the work of law enforcement specialists in the field of preventing criminal explosions. It has been established that a sudden increase in crimes with the use of explosive devices and substances constitutes a significant danger to the national security of the country, and therefore requires additional in-depth scientific analysis in order to ensure effective activity (tactics of actions) of the respective law enforcement agencies. Special attention is paid to the analysis of the objects of activity of explosive units.

Keywords: explosive units; explosion; activity; prevention; law enforcement agencies.

Spisok literatury

1. Kobec N. V. Bor'ba s proyavleniyami terrorizma, svyazannye s ispol'zovaniem vzryvnykh ustrojstv: uchebno-metodicheskoe posobie / [pod obshch red. kand. jurid. nauk prof. YA. YU. Kondrat'eva]. – K.: Nac. akademiya vnutr. del, 2000. – 72 s.
2. Astashov M. A. Ispol'zovanie special'nykh poznanij eksperta-vzryvotekhnika pri rassledovanii prestuplenij : monografiya / M. A. Astashov. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. in-ta vnutr. MVD Rossii, 2002. – 176 s.
3. Sotni pogibshih: opublikovana statistika krovavykh teraktov v Evrope za poslednie 14 let [EHlektronnyj resurs] URL: <https://apostrophe.ua/news/world/europe/2017-08-19/sotni-pogibshih-opublikovana-statistika-krovavyih-teraktov-v-evrope-za-poslednie-14-let/104634> (data obrashcheniya: 02.03.2019).
4. Bakhin V.P., Mikhailov M.A. Analysis of criminal explosions. - Simferopol: RIO TEI, 1999. - 44p.
5. Toporkov A. A. Sobiranie i issledovanie ob"ektov vzryvotekhniki : sb. nauch. rabot «Zapiski kriminalistov». – Вып. 4. – М., 1994. – С.210–218.
6. Skakun O. F. Teoriya gosudarstva i prava : uchebn. / O. F. Skakun. – H. : Konsum, Un-t vnutr.del, 2000. – 704 s.
7. Kriminalistika / [pod red. d-ra jurid. nauk, prof. V. A. Obrazcova]. – М. : YUrist", 1997. – 744 s.
8. Motornyj I. D. Teoretiko-prikladnye osnovy primeneniya sredstv i metodov kriminalisticheskoy vzryvotekhniki v bor'be s terrorizmom : monografiya / I. D. Motornyj. – М. : Izdatel' «SHumilova I.I.», 1999. – 199 s.
9. Glava MVD Rossii Rashid Nurgaliev poruchil v kratchajshie sroki podgotovit' predlozheniya po povysheniyu bezopasnosti na transporte [EHlektronnyj resurs] // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.mvd.ru/news/show_84874/ (data obrashcheniya: 02.03.2019).

УДК: 342.95

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИЦИЕЙ ПОЛНОМОЧИЙ ПО
СОСТАВЛЕНИЮ ПРОТОКОЛОВ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЗАКОНОМ РЕСПУБЛИКИ
КРЫМ ОТ 25.06.2015 № 117-ЗРК/2015 «ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ»**

Заброда Д. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования реализации полицией полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных Законом Республики Крым от 25.06.2015 № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым». Проанализированы закономерности развития административно-деликтного законодательства Республики Крым. Выявлены основные факторы, препятствовавшие реализации таких полномочий в 2015-2018 гг. Изучены научные подходы, характеризующие понимание категорий «общественного порядка и безопасности», как основы для отраслевого закрепления соответствующих групп правонарушений.

Позитивно оценена роль соглашения между МВД России и Советом министров Республики Крым о передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных Законом Республики Крым от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым», подписанного 04.07.2018 г. С целью предотвращения признания неправомерности применения полицией Крыма составления протоколов по ст. 2.1 ЗРК №117/2015 предложено: осуществить корректировку положений Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2018 № 1761-р путем уточнения перечня составов, по которым полиция наделяется правом составлять протоколы; внесение изменений в ЗРК №117/2015 путем переноса ст.2.1 из Главы 2 в Главу 7. Обоснована целесообразность принятия за основу второго варианта решения этого вопроса.

Ключевые слова: полномочия полиции, протокол об административных правонарушениях, административное законодательство, Республика Крым, общественный порядок, общественное спокойствие, тишина.

Обеспечение правопорядка на территории Республики Крым (далее – РК) характеризуется оптимизацией правового регулирования административно-деликтных отношений, совершенствованием форм и методов деятельности полиции по выявлению, пресечению и фиксации административных правонарушений.

Создание административно-деликтного законодательства Крыма началось с формирования правовых основ функционирования нового субъекта Российской Федерации в марте 2014 г. В течение 2014-2015 гг. усилиями депутатского корпуса Государственного Совета РК, представителей других государственных органов, органов местного самоуправления, научной общественности создан был разработан и принят Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (25.06.2015 № 117-ЗРК/2015).

Им установлена административная ответственность по вопросам, не отнесенным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) к ведению Российской Федерации, в том числе за нарушение норм и

правил, предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами РК, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления муниципальных образований в РК, а также определяет органы и должностных лиц, которые уполномочены составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных этим Законом и КоАП РФ.

Анализ Закона Республики Крым от 17.06.2015 №117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (далее – ЗРК №117/2015) показывает, что в нем учтены опыт законодательного регулирования этой группы правоотношений, имеющийся в других субъектах Российской Федерации, крымские реалии (социально-экономические, природно-рекреационные), в том числе, и обусловленные переходным периодом, а также организация органов власти в регионе.

Для обеспечения эффективности применения норм этого законодательного акта, соответствия его положений изменяющимся общественным отношениям в Крыму, структуре органов власти, в 2015-2018 гг. он претерпевал изменения более 15 раз. Они касались, в первую очередь, дополнения новыми составами административных правонарушений, уточнения содержания их диспозиций, корректировки размеров административных наказаний, в сторону увеличения размеров штрафов, исключения некоторых составов, утративших актуальность, уточнения полномочий должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях и составлять протоколы об административных правонарушениях.

Оценивая состояние научной разработки указанной проблематики, следует отметить, что вопросы совершенствования административно-деликтного законодательства Крыма неоднократно становились предметом научного поиска ученых административистов России и Крыма. Среди них можно выделить публикации А. В. Басова, С. А. Буткевича, В. В. Денисенка, Ю. В. Дубка, Е. В. Евсиковой, В. В. Коноплева, А. В. Руденка, С. А. Трофимова и др. В научных статьях указанных ученых осуществлен не только анализ научных и практических подходов к формированию этой отрасли административного законодательства в регионе, но и изложены конкретные предложения по совершенствованию отдельных его составляющих (общих положений об административной ответственности в Республике Крым, структуре основного законодательного акта об административных правонарушениях), содержания конкретных норм ЗРК №117/2015, а также дальнейших путей совершенствования его применения.

Мною также уделено внимание юридическому анализу ряда норм ЗРК №117/2015, в ходе которого очерчены закономерности формирования соответствующих групп правоотношений и необходимости в их защите путем установления административной ответственности [3].

В тоже время, утверждение соглашения между МВД России и Советом министров Республики Крым о передаче МВД России от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым», подписанное 4 июля 2018 года, актуализирует ряд вопросов, связанных с практической реализацией норм этого закона сотрудниками полиции.

В частности, пункт 2 части 2 статьи 9.1 в редакции Закона Республики Крым от 30 октября 2017 года № 424-ЗРК/2017 указывает, что «...должностные лица органов внутренних дел (полиции), в случае если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральным органом исполнительной власти, осу-

ществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и высшим исполнительным органом государственной власти Республики Крым о передаче осуществления части полномочий – об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 2.1, 7.2 настоящего Закона».

Однако, реализация ряда положений этого закона в 2015-2018 гг. усложнялась в связи с отсутствием такого соглашения между МВД России и Советом министров РК о передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях.

Например, возникали проблемы привлечения к административной ответственности граждан за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 2.1, 7.2 ЗРК №117/2015, которыми предусмотрена ответственность за нарушение тишины и покоя граждан (ст. 2.1) и приставание к гражданам в общественных местах (ст. 7.2).

Так, по данным муниципалитетов за период с 01 января 2017 года по 25 мая 2018 года составлено 164 протокола об административных правонарушениях за нарушения тишины и покоя граждан (160 - должностными лицами органов местного самоуправления; 4 – органов внутренних дел). По информации МВД России по РК за 2017 год поступило 1265 сообщений о нарушении тишины и покоя, из них в дневное время – 266 (из них 660 материалов было направлено по подведомственности для принятия решений, а 454 – не подтвердились).

Приведенные данные, с учётом корреляции, свидетельствуют о существенном расхождении между количеством сообщений, поступивших в полицию и числом лиц, привлечённых к административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан.

Исследователи также отмечают, что, несмотря на имеющиеся материалы проверок полиции по фактам приставания к гражданам в общественных местах, в Республике Крым ст. 7.2 ЗРК №117/2015 не применяется, а виновные избегают административной ответственности [1].

Кроме, длительной неурегулированности полномочий органов внутренних дел (полиции) по составлению протоколов об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ЗРК №117/2015, эффективность реагирования на такие противоправные деяния снижают и отсутствие у исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований полномочий по применению необходимых мер административного принуждения в отношении нарушителей тишины и покоя граждан, соответствующий режим работы муниципальных органов не позволяет реагировать на преимущественно ночные их проявления, 89 % из которых совершаются в период с 23.00 до 07.00 часов, отсутствие у лиц, заявляющих и фактах нарушениях их права и органов, реагирующих на нарушение тишины и покоя, технических средств, необходимых для фиксации действий нарушителя, что приводит к неполноте сбора необходимых доказательств и др.

Решению указанных проблем должно содействовать утверждение Правительством Российской Федерации соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Советом министров Республики Крым о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный

порядок и общественную безопасность, предусмотренных Законом Республики Крым от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым», подписанное 4 июля 2018 г. [4].

К сожалению, формулировка «...об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность», использованная в указанном Распоряжении Правительства, может привести к определённой правовой коллизии, а в дальнейшем – и к постановке вопроса о правомочности действий сотрудников полиции.

Это связано с тем, что правонарушение, предусмотренное ст. 2.1 ЗРК №117/2015, размещено в Главе 2 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», что при буквальном толковании, исключает возможность составления полицией протоколов об этом административном правонарушении.

По сути, полиция наделяется правом составлять протоколы лишь по одному правонарушению в области охраны общественного порядка – приставание к гражданам в общественных местах (Глава 7). Более того правонарушения, посягающие на «общественную безопасность», ЗРК №117/2015 отдельно не выделяются.

В связи с этим следует согласиться с мнением Е. В. Евсиковой, указавшей, что «...ст. 2.1 следует поместить в гл. 7 Закона РК № 117-ЗРК/2015». Обосновывая свою позицию, автор справедливо отмечает совпадение объектов правовой охраны в указанных составах правонарушений, а также ссылается на ряд аналогичных законов субъектов Российской Федерации [4].

Например, спокойствие граждан в законодательных актах субъектов Российской Федерации рассматривается преимущественно в контексте нарушения тишины, а законодательство некоторых государств – членов СНГ (Республики Беларусь, Республика Молдова, Республика Узбекистан, Республика Казахстан, Республика Украина) включает «спокойствие граждан (физических лиц)» в признаки состава мелкого хулиганства, посягающего на общественный порядок.

Кроме этого, на территории Республики Крым только подразделения полиции наделены полномочиями по принудительному пресечению противоправных действий, нарушающих тишину и спокойствие граждан, в том числе и в ночное время, а также оперативно реагирую на другие правонарушения, сопровождающиеся нарушением спокойствия граждан.

Устранения указанной коллизии, а также предотвращение признания неправомочности применения полицией Крыма составления протоколов по ст. 2.1 ЗРК №117/2015, может быть устранено: 1) изменением положений Распоряжения Правительства РФ от 27.08.2018 № 1761-р путем уточнения перечня составов, по которым полиция наделяется правом составлять протоколы; 2) внесением изменений в ЗРК №117/2015 путем переноса ст.2.1 из Главы 2 в Главу 7.

Более рациональным, на наш взгляд, является второй вариант решение этой проблемы. Аргументами в его пользу могут выступать: соответствие положениям Федерального Закона «О полиции», предусматривающего, что «...полиция в своей деятельности руководствуется также законами субъектов Российской Федерации по вопросам *охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности*, изданными в пределах их компетенции» (ч. 2 ст.3) [5]; признание в научной литературе «спокойствия граждан», являющегося объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 2.1 ЗРК №117/2015, частью отношений об-

щественного порядка; включение правонарушений, связанных с нарушением тишины в законодательных актах иных субъектов Российской Федерации (гг. Москва, Санкт-Петербурга, Липецкой области, Республики Мордовия), в число правонарушений, посягающих на общественный порядок; сложившейся практикой реагирования полиции на правонарушения, сходные с нарушением тишины и спокойствия граждан – мелкого хулиганства, семейно-бытового дебоширства и др.

В связи с этим предлагается Государственному Совету Республики Крым, рассмотреть возможность внесения в ЗРК №117/2015 соответствующих изменений.

Кроме этого, считаем необходимым учитывать наличие рассматриваемого нами соглашения между МВД России и Советом министров РК о передаче МВД России части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях при формулировании перечня должностных обязанностей сотрудников полиции (в первую очередь, участковых уполномоченных полиции и сотрудников патрульно-постовой службы полиции), а также для подготовки сотрудников полиции, и лиц, обучающихся по соответствующим программам высшего профессионального образования в Республике Крым.

Список литературы

1. Информация о результатах проведения мониторинга статей 2.1, 6.1, 6.1-1, 7.2 Закона Республики Крым от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: Комитет Государственного Совета Республики Крым по вопросам государственного строительства и местного самоуправления, Симферополь, 2018, 26 с.
2. Заброда Д. Г. Воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, их должностных лиц, а также лиц, замещающих государственные должности Республики Крым: характеристика состава административного правонарушения // Научные исследования: теория, методика и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 27 авг. 2017 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 358-362; Заброда Д. Г. Классификация административных правонарушений, посягающих на институты государственной власти и местного самоуправления и установленный порядок управления // Научные исследования: теория, методика и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 мая 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 273-277; Заброда Д. Г. Нарушение порядка предоставления государственных и муниципальных услуг, установленного нормативными правовыми актами Республики Крым: характеристика состава административного правонарушения // Научные исследования: теория, методика и практика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 нояб. 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 399-403; Заброда Д. Г. Незаконное изготовление или ношение государственных наград Республики Крым: характеристика состава административного правонарушения // Научные исследования: теория, методика и практика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 19 нояб. 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 408-411.
3. Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2018 n 1761-р «Об утверждении соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Советом Министров Республики Крым о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях». - URL: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-27.08.2018-N-1761-r/>.
4. Евсикова Е.В. Закон «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: теоретические аспекты и проблемы правоприменения // Общество и право, 2016, № 4 (58), С.153-157.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/be5174410343ab0203ede74c3d07156a0377aa49/.

Zabroda D.G. Problems related to the implementation by the police of their powers to draw up protocols on administrative offences provided for by the law of the Republic of Crimea no. 117-ZRK/2015 dd. 25.06.2015 "on administrative offences in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 130–135.

The article deals with the issues of improving the legal regulation of the implementation by the police of the powers to draw up protocols on administrative offences provided by the Law of the Republic of Crimea dated 25.06.2015 № 117-Zrk/2015 "On Administrative Offences in the Republic of Crimea". The regularities of development of administrative and tort legislation of the Republic of Crimea are analyzed. The main factors preventing the implementation of such powers in 2015-2018 were identified. Scientific approaches characterizing the understanding of the categories of "public order and security" as the bases for the sectoral consolidation of the relevant groups of offenses are studied.

The role of the agreement between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Council of Ministers of the Republic of Crimea on the transfer to the Ministry of Internal Affairs of Russia of a part of the authority to draw up protocols on administrative offences infringing on public order and public safety, provided by the Law of the Republic of Crimea dated June 25, 2015 No. 117-ZRK/2015 "On Administrative Offences in the Republic of Crimea", signed on 04.07.2018, was positively assessed. In order to prevent the Crimean police from recognizing the illegitimacy of the use of protocols under Art. 2.1 of the LRK No. 117/2015, it was proposed: to adjust the provisions of the Order of the Government of the Russian Federation of 27.08.2018 No. 1761-r by specifying the list of compositions for which the police are entitled to draw up protocols; to amend the LRK No. 117/2015 by transferring Art. 2.1 from Chapter 2 to Chapter 7. It is reasonable to adopt the second option to address this issue as a basis.

Keywords: police powers, protocol on administrative offences, administrative legislation, the Republic of Crimea, public order, public tranquillity, silence.

Spisok literatury

1. Informatsiya o rezul'tatax provedeniya monitoringa statej 2.1, 6.1, 6.1-1, 7.2 Zakona Respubliki Kry`m ot 25 iyunya 2015 goda № 117-ZRK/2015 «Ob administrativny`x pravonarusheniyaх v Respublike Kry`m»: Komitet Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m po voprosam gosudarstvennogo stroitel'stva i mestnogo samoupravleniya, Simferopol', 2018, 26 s.
2. Zabroda D.G. Vosprepyatstvovanie zakonnoj deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti, in`x gosudarstvenny`x organov, ix dolzhnostny`x licz, a takzhe licz, zameshchayushhix gosudarstvenny`e dolzhnosti Respubliki Kry`m: xarakteristika sostava administrativnogo pravonarusheniya // Nauchny`e issledovaniya: teoriya, metodika i praktika : materialy` II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 27 avg. 2017 g.) / redkol.: O.N. Shirokov [i dr.] – Cheboksary`: CzNS «Interaktiv plyus», 2017. – S. 358-362; Zabroda D.G. Klassifikatsiya administrativny`x pravonarushenij, posyagayushhix na instituty` gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya i ustanovlennyy`j poryadok upravleniya // Nauchny`e issledovaniya: teoriya, metodika i praktika : materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 21 maya 2017 g.). V 2 t. T. 2 / redkol.: O.N. Shirokov [i dr.] – Cheboksary`: CzNS «Interaktiv plyus», 2017. – S. 273-277; Zabroda D.G. Narushenie poryadka predostavleniya gosudarstvenny`x i municipal'ny`x uslug, ustanovlennogo normativny`mi pravovy`mi aktami Respubliki Kry`m: xarakteristika sostava administrativnogo pravonarusheniya // Nauchny`e issledovaniya: teoriya, metodika i praktika : materialy` III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 19 noyab. 2017 g.). V 2 t. T. 2 / redkol.: O.N. Shirokov [i dr.] – Cheboksary`: CzNS «Interaktiv plyus», 2017. – S. 399-403; Zabroda D.G. Nezakonnoe izgotovlenie ili noshenie gosudarstvenny`x nagrad Respubliki Kry`m: xarakteristika sostava administrativnogo pravonarusheniya // Nauchny`e issledovaniya: teoriya, metodika i praktika : materialy` III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 19 noyab. 2017 g.). V 2 t. T. 2 / redkol.: O.N. Shirokov [i dr.] – Cheboksary`: CzNS «Interaktiv plyus», 2017. – S. 408-411.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27.08.2018 n 1761-r «Ob utverzhdenii soglasheniya mezhdu Ministerstvom vnutrennix del Rossijskoj Federacii i Sovetom Ministrov Respubliki Kry`m o peredache Ministerstvu vnutrennix del Rossijskoj Federacii chasti polnomochij po sostavleniyu protokolov ob administrativny`x pravonarusheniyaх». - URL: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-27.08.2018-N-1761-r/>.
4. Evsikova E. V. Zakon «Ob administrativny`x pravonarusheniyaх v Respublike Kry`m»: teoreticheskie aspekty` i problemy` pravoprimereniya // Obshhestvo i pravo, 2016, № 4 (58), S.153-157.
5. Federalnyj zakon ot 07.02.2011 N 3-FZ «O policii» - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/be5174410343ab0203ede74c3d07156a0377aa49/.

УДК: 343.9

РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ МЕСТ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ КАК ФАКТОР ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Игнатов А. Н., Абисова К. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается проблема религиозной радикализации современного общества, актуальность которой обусловлена тем, что в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием человеком. В процессе религиозной радикализации человек приобретает экстремистские взгляды, основываясь на радикальном вероучении у него происходит коренное деструктивное изменение сознания человека, формируется мотивация совершения противоправных насильственных актов, оправдываемых верой. Используя псевдорелигиозные ценности идеологи экстремизма и терроризма манипулируют как отдельными индивидами, так и массовым сознанием людей. Опасной тенденцией современности является религиозная радикализация мест принудительного содержания, происходящая на фоне стабильного роста количества лиц, осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Опасность религиозной радикализации заключенных состоит в возможности дестабилизации ими ситуации в местах лишения свободы, в возможности пополнения рядов экстремистов и террористов после освобождения из мест принудительного содержания. Детерминация религиозной радикализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, находится в прямой зависимости от состояния пенитенциарной системы каждого государства. Настаивается на необходимости усовершенствования деятельности ФСИН России в части изучения радикальных религиозных течений, выработке методик выявления радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, предотвращения и пресечения религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов.

Ключевые слова: религия, радикализация, места принудительного содержания, лишение свободы, экстремизм, терроризм.

Сегодня экстремизм и терроризм являются одной из основных угроз национальной безопасности нашего государства. При этом одной из наиболее массовых форм проявления данных деструктивных явлений выступает, так называемый, религиозный экстремизм и терроризм.

Как известно, именно кризисные явления в духовной сфере современного общества являются одной из основных актуальных проблем, несущих сегодня наибольший криминогенный потенциал, который все чаще проявляется в преступлениях экстремистской направленности и терроризме. Особую опасность скрывает в себе тот факт, что в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием, побочным эффектом или же прямым результатом чего являются проявления преступного насильственного поведения, процветание ксенофобии, экстремизма и терроризма. А само развитие технологий манипуляции сознанием конституирует насильственное поведение человека [1, с. 48-49]. Используя псевдорелигиозные ценности идеологи экстремизма и терроризма манипулируют как отдельными индивидами, так и массовым сознанием людей.

При этом наибольшую опасность несут в себе радикальные течения, возникающие в границах различных религиозных традиций и отделившиеся от них через критику и противопоставления основному вероучению. Религиозные радикалы стремятся бескомпромиссно доводить свои взгляды до логических и практических выводов.

Религиозный радикализм таит в себе большой деструктивный потенциал, поскольку ставит под сомнение значимые для общества ценности и отношения, и служит питательной средой для социального и религиозного фанатизма, который в свою очередь приводит людей к совершению противоправных действий [2, с. 8-26; 3, с. 151-156]. Религиозные организации или организации с отдельными чертами религиозности, ориентированные на религиозно мотивированный политический радикализм, ставят своей целью силовое изменение основ конституционного строя, разжигание национальной и религиозной ненависти и вражды и иную экстремистскую деятельность.

Религиозную радикализацию можно определить, как процесс, в ходе которого лицо приобретает экстремистские взгляды, основываясь на радикальном вероучении, предполагающем коренное деструктивное изменение сознания человека, сопровождающееся идеей о необходимости совершения противоправных актов насильственного характера, оправдываемых верой.

Радикализации, к сожалению, подвержены все религиозные традиции и учения. Однако ввиду исторических предпосылок и иных, прежде всего, социально-политических факторов, наиболее актуально сегодня стоит проблема радикализации ислама. Категорически недопустимо огульно отождествлять ислам с экстремизмом и терроризмом или иной противоправной деятельностью. В то же время, ислам – самая молодая религия из числа мировых и одна из самых многочисленных по количеству приверженцев.

Религия, в частности ислам, играет важную ключевую роль в социально-политических, социально-экономических, социально-культурных и иных процессах в государствах ближневосточного и среднеазиатского регионов. Ислам в государствах указанных регионов является традиционной, «коренной» и исконной религией, которая имеет свои политические тенденции и направления, а также политические способы и приёмы выражения и реализации. Религия, политика и государственная власть в государствах указанных регионов за многие годы научились сосуществовать, взаимодополнять и взаимодействовать друг с другом. Чего нельзя сказать о процессах, связанных с исламизацией светских государств. В последнее время прослеживается тенденция с экспансией исламистских ценностей в государствах, где ислам не является традиционной религией, к увеличению мусульманского населения как в Европе, так и в России, что, несомненно, приводит к эскалации исламского радикализма не только в европейских государствах и России, но и во всем мире, что даёт нам основание утверждать, что современная теория криминологии, к сожалению, не успевает за интенсивно развивающимися, как количественно, так и качественно, процессами криминализации социального пространства исламского радикализма, весьма активного проникновения их в сопредельные, не связанные до сих пор с исламом, области социальных взаимодействий [4, с. 79-83]. Кроме того, в последнее время во многих государствах и даже отдельных регионах некоторых держав отмечается политизация исламистского движения, создаются политические

партии и общественные движения радикального исламистского толка и направленности, основная цель которых инкорпорирование исламских ценностей в современный светский социум, придание исламу статуса государственной религии, создание панисламистского государства [5; 6].

Именно популярность ислама в мире, а также вовлеченность населения нашей планеты, исповедующего ислам, во множество региональных и глобальных конфликтов и войн, способствует радикализации ислама и проявлениям данного направления религиозного радикализма в экстремистской и террористической деятельности.

Для наибольшего понимания вышесказанного, требуется обратиться к истории, а именно к истокам зарождения таких идей. Распространённой ошибкой является представление салафизма¹ как некоего «космополитического», «вненационального» течения в исламе, оторванного от каких-либо этнических и национальных корней, как возврата к якобы «чистому исламу» без этнических примесей. Сама логика возникновения теоретического салафизма в трудах Ибн Таймии² и практического салафизма у Мухаммада ибн Абдул-Ваххаба³ и их последователей указывает на гипернациональную основу этого течения с приоритетом именно первоначально, то есть «аравийского» ислама, как его восприняли кочевые племена ещё в XVII веке с их менталитетом и традициями. Данное радикальное религиозное направление – это не ислам через чистую призму науки, а ислам через идеологическую призму арабских националистов, пытающихся воссоздать собственную интерпретацию веры через быт, традиции и культуру аравийских кочевых племён средневековья и зацементировать эту интерпретацию как якобы данную всем и на все времена.

Стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность не обладают достаточными познаниями арабского языка, ввиду чего не имеют реальной возможности воспринимать тексты Корана и Хадисов пророка. Существует правило, что Коран необходимо изучать исключительно на арабском языке, а не на каком-либо другом по причине потери его «Божественной сущности» при переводе. Следуя данному правилу, большая часть экстремистов доверяется толкованиям Сур и аятов Корана своих «наставников-учителей». Многие из таких лиц не знают, что при жизни пророка Мухаммеда с его слов было записано отнюдь не такое количество Хадисов (изречений пророка), которые после его смерти стали приписываться ему. Многие из Хадисов являются выдумкой и не имеют ничего общего с изречениями самого пророка, и поэтому входят в явное противоречие с фундаментальными мировоззренческими основами Корана [7, с. 22-25].

Так, нередко приходится слышать от мнимых приверженцев «ислама», что поскольку Коран – это последнее по времени ниспослания Священное Писание, а Мухаммед является последним пророком Единого Бога (печать пророков), то все люди земли обязаны строго следовать тем нормам и правилам, которые в нём изложены. А те, которые отвергают законодательство (шариат) Корана, должны считаться безбожниками и отношение к ним должно быть, как к лицам, отвергающим волю истинного Бога, т.е. как к язычникам («неверным»). Требования Корана также категоричны в части навязывания веры. Категорично сказано: «не разрешил в религии Он принуждения». Данные слова можно назвать одним из важнейших мировоззренче-

ских положений Корана, который пронизывают всё его содержание, однако реальность диктует иные условия восприятия изречений святого писания, вследствие чего радикалы-проповедники имеют реальную и оправданную по их взглядам возможность воздействия на других.

Следует сказать, что всех «врагов» Коран нередко объединяет в единое целое, называя их словом «неверные», т.е. неверными Единому Богу. Однако, изучивши основы Корана, можно заметить, что и иудеи и христиане считаются «людьми писания». Соответственно истинное толкование понятия «неверные» противоречит тому, что внедряют в мировоззрение масс лица исповедующие радикальный ислам. Приведём пример из Корана. «Но не человеку решать, кто из людей «верен» Богу, а кто нет, а тем, более, наказывать за кажущееся ему «неверие» (Сура 4:94; 7:198). Такое право не было предоставлено даже пророку Мухаммеду, которому рекомендовано лишь предостерегать «неверных» Днём Господнего Суда (Сура 2:139; 6:159, 160; 30:52,53) [8].

Отсутствие у человека фундаментального религиозного образования, или наличие не качественного образования приводит к отходу от истинной религиозной культуры и нередко приводит к фанатизму, что не позволяет религиозному человеку критично обратиться в свой духовный мир, даже напротив предполагает критичное обращение к реальному миру. Данное положение со временем предполагает радикальные взгляды. Радикальные взгляды в свою очередь имеют возможность превращения в лозунги и призывы экстремистского толка. На основе этих призывов и лозунгов нередко осуществляются террористическая деятельность. Важно отметить, что разница между этими ступенями находится не в религии, а в идеологии, которая использует религию в качестве оружия для достижения определенных целей. Необходимо также отметить, что разница между ними зависит от индивидуального психического восприятия, и переход от одного уровня на другой уровень может длиться от нескольких дней до нескольких лет.

Религиозные радикалы осуществляют свою деятельность по образу и подобию adeptов сект и используют самые разнообразные психологические приемы. Например, активное подкрепление, яркое одобрение нужных суждений, поступков – и осуждение нежелательных. Предугадывание реакций, «чтение мыслей», необыкновенная убедительность могут достигаться типичными методами нейролингвистического программирования. Дело в том, что установления, законы и заповеди, данные в Торе, а следом, в Новом Завете и Коране, со временем перестали удовлетворять запросам и велениям новых условий жизнедеятельности. И поэтому появилось множество толкований тех или иных норм Священных Писаний, направленных на их приспособление к изменившимся запросам общества, политической и геополитической надобности. А любое толкование предполагает наличие инакомыслия, которое отнюдь не способствует единству общественного сознания. И этим вполне закономерным процессом не могли столь же закономерно воспользоваться в отнюдь не в поисках духовных истин самые различные личности, политические, государственные и религиозные деятели, которые обещанием справедливости и благоденствия увлекали за собой массы людей на борьбу с «неверными».

Опасной тенденцией современности является религиозная радикализация мест принудительного содержания. В целом за последние годы мы можем наблюдать рост количества лиц, осужденных за преступления террористического характера и

экстремисткой направленности. Так, за преступления террористического характера (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ) было осуждено в 2014 году – 57, в 2015 году – 79, в 2016 году – 167, 2017 году – 262, за первое полугодие 2018 года – 124 человека. За преступления экстремисткой направленности (ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ) было осуждено в 2014 году – 375, в 2015 году – 483, в 2016 году – 545, в 2017 году – 605, за первое полугодие 2018 года – 259 человек [9].

Как уже отмечалось, в большинстве случаев совершение данных преступлений имеет религиозную мотивацию. Находясь (преимущественно длительные сроки) же в местах лишения свободы (и иных местах принудительного содержания) данные лица, как правило, не только не отказываются от своих взглядов, продолжают псевдорелигиозное обучение и самообучение, но и втягивают в орбиту своей преступной деятельности все больше количество новых лиц.

Ситуация в отечественной пенитенциарной системе соответствует мировой тенденции – увеличению количества лиц, находящихся в местах принудительного содержания, исповедующих ислам. При этом в пенитенциарных учреждениях появляется все больше религиозных общин – джамаатов, которые приобретают все большее влияние на осужденных. Представители данных общин не посягают на устоявшуюся в местах лишения свободы систему ценностей и авторитетов, существуя как бы отдельно, сами по себе. Главная опасность тюремных джамаатов в том, что исповедуется в них преимущественно радикальный ислам, представляющий реальную угрозу, причем не местного, а мирового масштаба. Воровские понятия девальвируются, и на смену им постепенно приходят положения исламского фундаментализма. Идеологию, процветающую сейчас в местах лишения свободы специалисты называют «упрощенный ислам». Используя его положения, нарушителю закона легко объяснить и оправдать свои действия борьбой с «кяфирским государством», то есть государством неверных, и жизнью по шариату. В таких джамаатах делается все для популяризации радикального ислама и увеличения количества его приверженцев. Следует отметить, что данная тенденция затронула не только Кавказ, но и большинство тех регионов России, в том числе Поволжье и Урал, Подмосковье и север страны [10].

В своей сущности религия должна играть роль средства исправления осужденных, их дерадикализации, однако данный механизм сегодня, к сожалению, не работает. Говорят, в местах принудительного содержания на самом деле нет атеистов. И с этим, наверняка, стоит согласиться, учитывая потребность человека в вере, прямо пропорционально возрастающую в условиях ограничения свободы и воли человека.

Лица, исповедующие радикальные направления ислама, ставят своей целью вербовку в местах лишения свободы наибольшего количества последователей учений богословов, призывающих к возвращению к «чистому исламу». Цель такой религиозной радикализации широких масс лиц, находящихся в местах принудительного содержания – не только увеличение количества адептов радикального ислама, но и вовлечение их в дальнейшем, после освобождения (а также и во время отбывания наказания, путем использования материальных ресурсов, служебного положения и прочих возможностей их родственников и близких), в экстремистскую и террористическую деятельность.

Опасность религиозной радикализации заключенных состоит в возможности дестабилизации ими ситуации в местах лишения свободы, в возможности пополнения рядов экстремистов и террористов после освобождения из мест принудительного содержания. Заключённые, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, общественной безопасности и общественного порядка являются по сути дела готовым «материалом» для использования его после освобождения в целях осуществления террористической деятельности, т.е. люди ранее совершавшие соответствующие преступления не требуют такой подготовки, как люди, не имеющие преступного опыта.

Следует учитывать, что активная «проповедническая» деятельность может начинаться ещё в следственном изоляторе, где большое количество подследственных по различным статьям находятся в одной камере и завербовавши определённое количество людей на этапе нахождения в СИЗО радикал делает большую часть своей работы, ведь в последующим уже осужденные распределяются по разным учреждениям, где они будут продолжать деятельность по вербовке новых последователей радикальных религиозных идей.

Детерминация религиозной радикализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, находятся в прямой зависимости от состояния пенитенциарной системы каждого государства.

К основным объективным факторам, связанным с особенностями функционирования отечественной пенитенциарной системы, на наш взгляд, следует отнести, прежде всего, следующие:

- разнородные социальные группы лиц, находящиеся в местах принудительного содержания. Наличие обширного, разнородного контингента в местах лишения свободы весьма в числе которых немало людей, считающих себя незаслуженно осужденными и обиженными, униженными и оскорбленными обществом, властью и социальным устройством страны, обеспечивает благоприятна для вербовочной деятельности;

- «отрядные» условия содержания осужденных, создающих возможность постоянного контакта большого количества лиц;

- отсутствие надлежащего мониторинга религиозного и идеологического критериев количественно-качественного состава лиц, находящихся в местах принудительного содержания, их распределения по соответствующим учреждениям ФСИН и дальнейшего оперативного сопровождения;

- недостаточная работа по выявлению радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, недостаточная квалификация и подготовка оперативных сотрудников ФСИН и штатных психологов, отсутствие научных и методических разработок по профилактике, предотвращению и пресечению религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов и пр.

К субъективным детерминантам религиозной радикализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, следует отнести, прежде всего, следующие:

- нарушение критического мировосприятия в связи с нахождением в условиях изоляции, лёгкая внушаемость осужденного, невозможность оказания психологического противостояния;

- повышенная подверженность психологическому заражению в силу угнетенного психического состояния лица, длительного, изолированного от внешнего воздействия, контакта с определенным кругом лиц;
- низкий уровень образованности, отсутствие общего образовательного знания о вере и религии;
- правовой нигилизм, установка на отрицательное отношение к законодательству, правоохранительным органам и государству;
- духовный и информационный «голод»;
- возможность оправдания преступного образа жизни, прежде всего, экстремистской и террористической деятельности, верой, в том числе посредством «недоступного» большинству «правильного» толкования Священного Писания;
- заманчивость идеологической и духовной составляющей жизни адептов того или иного радикального вероучения, возможность моментально стать членом единого «духовного братства», где существуют взаимовыручка, поддержка, четкий порядок и справедливость, причем, справедливость не по человеческому разумению, а по Божественному закону, данному в Священных Писаниях;
- поиск защиты в принятии радикального вероучения для заключенных с низким социальным статусом. Отличительной чертой религиозных радикалов в пенитенциарных учреждениях является возможность принятия в свои ряды лиц с низким социальным статусом. С одной стороны, это не приемлемо для традиционного криминального сообщества, с другой это единственная возможность для таких осуждённых обрести защиту;
- необходимость психологической разгрузки лица, который находит такую возможность в религии и пр.

Значительную роль в выявлении радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, предотвращении и пресечении религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов принадлежит играющая деятельность, осуществляемая сотрудниками ФСИН совместно с представителями различных признанных религиозных конфессий.

Однако радикально настроенные заключённые считают таковыми сотрудниками правоохранительных органов и, как правило, в категорической форме не воспринимают возможность конструктивного контакта с ними. По факту, к сожалению, многие священнослужители признанных религиозных конфессий, откровенно слабы в проповедническо-вербовочной деятельности по сравнению с религиозными «наставниками» экстремистских течений.

В связи с этим есть необходимость проведения со спецконтингентом работы сотрудниками ФСИН, с привлечением священнослужителей и специалистов в области теологии, по обличению ошибочности мировоззренческих позиций радикально настроенных осужденных.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что религиозная радикализация является одной из глобальных проблем для нашей страны. И сегодня данная проблема является крайне актуальной для пенитенциарной системы. Остро стоит вопрос о необходимости усовершенствования деятельности ФСИН России в части изучения радикальных религиозных течений, выработке методик выявления радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, предотвращения и пресечения религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстре-

мистов и террористов. Обоснованной является необходимость введения в штат теологов, с целью квалифицированного анализа деятельности приверженцев тех или иных религиозных воззрений, повышения эффективности выявления лиц, исповедующих радикальные религиозные взгляды, обличению ошибочности их мировоззренческих позиций, а также выработке адресных мер по их дерадикализации.

Список литературы:

1. Игнатов А. Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (41). – С. 48-49.
2. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А. Н. Игнатов, А. А. Кашкаров, Д. В. Новиков. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – 208 с.
3. Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти // В сборнике: Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Игнатова А.Н. – 2012. – С. 151-156.
4. Кашкаров А. А., Штехбарт А. Л. К вопросу об общественной опасности исламского радикализма в современном светском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 79-83.
5. Кашкаров А.А. Политизация исламского радикализма, как фактор распространения экстремистской идеологии и террористических убеждений // Крымские юридические чтения. Преступность и общество. Сборник материалов научно-практической конференции. В 2-х томах. Под общей редакцией Н.Н. Колюки. – 2018. – С. 49-52.
6. Кашкаров А. А. Радикализация ислама в Крыму, как угроза криминологической безопасности юга России // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 65-66.
7. Оганесян С. С., Годованец О. Г. Проблемы, задачи и методы противодействия религиозному экстремизму в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (окончание) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 10(173). – С. 22-25.
8. Коран. Перевод смыслов и комментарии иман Валерии Пороховой. Изд. десятое, дополненное. – М., Рипол Классик, 2008. – 800 с.
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014-2017 годы, первое полугодие 2018 года (форма № 10-а) / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.04.2019).
10. Пронин И. Ислам в авторитете // Совершенно секретно. № 19/348. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4826/> (дата обращения: 01.04.2019).

Ignatov A.N., Abisova K.S. Religious radicalization of places of detention as a factor of extremism and terrorism // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 136–144.

The article deals with the problem of religious radicalization of modern society, the relevance of which is due to the fact that in the conditions of an ideological vacuum and cultural impoverishment of a person, there is an active manipulation of his human consciousness. In the process of religious radicalization, a person acquires extremist views, based on radical dogma, a radical destructive change in the human consciousness occurs in him, a motivation is being formed to commit unlawful violent acts justified by faith. Using pseudo-religious values, the ideologists of extremism and terrorism manipulate both individuals and the mass consciousness of people. A dangerous tendency of modernity is the religious radicalization of places of detention, which takes place against the background of a steady increase in the number of persons convicted of crimes of a terrorist nature and extremist orientation. The danger of religious radicalization of prisoners is the possibility of their destabilization of the situation in places of detention, the possibility of replenishing the ranks of extremists and terrorists after being released from detention. The determination of the religious radicalization of persons in places of detention is directly dependent on the state of the penitentiary system of each state. Insists on the need to improve the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the study of radical reli-

gious movements, the development of methods to identify radical people in places of detention, to prevent and suppress religious radicalization of special contingent by extremists and terrorists.

Keywords: religion, radicalization, places of detention, imprisonment, extremism, terrorism.

Spisok literatury:

1. Ignatov A. N. Krizis duhovnoj sfery kak faktor determinacii ekstremizma, terrorizma i kriminal'nogo nasiliya v celom // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 3 (41). – S. 48-49.
2. Kriminologicheskij analiz ugroz ekstremistskogo haraktera v Krymskom federal'nom okruge: monografiya / A. N. Ignatov, A. A. Kashkarov, D. V. Novikov. Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2016. – 208 s.
3. Ignatov A.N. Latentnost' prestuplenij, sovershaemyh na pochve nenavisti // V sbornike: Protivodejstvie ksenofobii, ekstremizmu i terrorizmu v sovremennom obshchestve. Nauchnye trudy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshchej redakciej Ignatova A.N. – 2012. – S. 151-156.
4. Kashkarov A. A., SHtekhbart A. L. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti islamskogo radikalizma v sovremennom svetskom obshchestve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2018. – № 2. – S. 79-83.
5. Kashkarov A.A. Politizaciya islamskogo radikalizma, kak faktor rasprostraneniya ekstremistskoj ideologii i terroristicheskikh ubezhdenij // Krymskie yuridicheskie chteniya. Prestupnost' i obshchestvo. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah. Pod obshchej redakciej N.N. Kolyuki. – 2018. – S. 49-52.
6. Kashkarov A. A. Radikalizaciya islama v Krymu, kak ugroza kriminologicheskoy bezopasnosti yuga Rossii // Problemy primeneniya ugolovnogogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2018. – S. 65-66.
7. Oganessian S. S., Godovanec O. G. Problemy, zadachi i metody protivodejstviya religioznomu ekstremizmu v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii (okonchanie) // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2011. – № 10(173). – S. 22-25.
8. Koran. Perovod smyslov i kommentarii iman Valerii Porohovoj. Izd. desyatoe, dopolnennoe. – M., Ripol Klassik, 2008. – 800 s.
9. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014-2017 gody, pervoe polugodie 2018 goda (forma № 10-a) / Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii // Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 01.04.2019).
10. Pronin I. Islam v avtoritete // Sovershenno sekretno. № 19/348. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4826/> (data obrashcheniya: 01.04.2019).

УДК 343

О ПРАВОВОМ НИГИЛИЗМЕ СУБЪЕКТА ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Колосовский В. В.

Челябинский государственный университет

Правосознание субъекта применения норм уголовного права – система рациональных компонентов, включающих знания, мышление, с его представлениями, чувствами, взглядами, которые выражают целостную картину правовой реальности, несовместимые с отрицательным отношением к праву, закону и нормативному порядку. На формирование правосознания субъекта большое влияние оказывает то обстоятельство, обладает ли он юридическими знаниями, насколько устойчивы они и совершенствует ли он свои знания. Вместе с тем насущной проблемой, как в прошлые годы, так и в настоящее время является правовой нигилизм среди субъектов применения норм уголовного права. В среде субъектов применения уголовно-правовых норм носителями правового нигилизма выступают как недостаточно квалифицированные специальные субъекты, так и имеющие высокий интеллектуальный уровень, что должно вызывать особую тревогу в нашем обществе, так как от них во многом зависит качество правосудия в нашей стране.

Ключевые слова: правосознание субъекта применения уголовно-правовых норм, правовой нигилизм, деформация, классификация правосознания, отрицание права.

Правовой наукой к настоящему времени созданы основы теории правосознания [8] [3] [10], однако это не означает, что все проблемы, связанные с исследованием правосознания, разрешены. Одна из таких проблем связана с исследованием правосознания специального субъекта применения норм уголовного права.

В юридической литературе можно встретить публикации, в которых освещены некоторые вопросы правосознания судей, а также других участников уголовного процесса [11] [6]. В то же время отсутствуют глубокие исследования, затрагивающие вопросы исследования правосознания специальных субъектов, которые применяют нормы уголовного права. Прежде всего, это касается правосознания судей, так как они не только осуществляют уголовно-правовую квалификацию, но и применяют санкцию нормы в отношении нарушителей уголовного запрета. Данный пробел в исследованиях вопросов правосознания резко снижает возможности более глубоко затронуть проблематику, связанную с правильным применением этими субъектами норм уголовного права; ведь в деятельности названных субъектов первостепенное значение принадлежит правосознанию. Высказанное замечание настоятельно требует обратиться к исследованию феномена правосознания субъекта применения норм уголовного права, рассмотрение которого позволит наметить шаги, позволяющие хоть немного приблизиться к разрешению проблемы о его правосознании.

Представление о нормах уголовного права, сложившееся в сознании индивидуума, а не конкретный текст с уголовно-правовыми нормами, в то время, когда он совершает юридически значимые действия, составляет основу формирования правосознания. Вместе с тем на формирование правосознания субъекта большое влияние оказывает то обстоятельство, обладает ли он юридическими знаниями, насколько

ко устойчивы они и совершенствует ли он свои знания. Профессионально ориентированный в правовых вопросах носитель правосознания имеет иной взгляд на юридически значимые события, нежели субъект, не обладающий такими знаниями. Поэтому не у всех субъектов правосознание находится на одинаковом уровне. Различие в уровне правосознания можно обнаружить, не только сравнивая правосознание субъектов, которые не обладают профессиональными навыками, но и у тех, кто имеет юридическую специальность.

В этой связи уместной представляется классификация правосознания субъекта в уголовном праве на бытовое, близкое к профессиональному, профессиональное и научное. В формировании правосознания второго уровня принимают участие близкие к правовым знаниям, например, в области философии, которые не могут заменить собой юридические знания, однако способствуют приобретению таких знаний. К третьему уровню относится правосознание, складывающееся на основании юридических знаний, к четвертому уровню относится правосознание, которое формируется на основании теоретических разработок и исследований в области права, а к первому – все остальное, т. е. не относящееся к трем названным уровням правосознания.

Бытовое правосознание субъекта формируется на основании его личного жизненного опыта, под воздействием чувств, эмоций, взглядов, оценок, установок, которые формируются в непосредственных условиях жизни. Поэтому такое правосознание может допускать некоторое отступление от правомерного поведения, нашедшего отражение в законодательных нормах, препятствующих совершению деяний, запрещенных уголовным законом. Преодоления таких дефектов в бытовом правосознании возможно добиться широкой разъяснительной работой заинтересованных государственных органов и общественных организаций с привлечением ученых и специалистов в области уголовного права.

Близкое к профессиональному правосознание складывается как на основании личного жизненного опыта, так и отдельных правовых знаний, взглядов, оценок, а также установок людей, участвующих в правоохранительной деятельности.

Научное правосознание формируется на основе комплекса теоретических и практических знаний, включающих в себя как правовые, так иные знания, позволяющие более полно понять и раскрыть в своих научных трудах правовые явления.

Профессиональное правосознание формируется на основе системы взглядов, правовых знаний, установок, представлений субъектов, которые профессионально применяют нормы уголовного и иных отраслей права. Структура правосознания субъекта применения норм уголовного права включает уровень, возникающий под воздействием окружающей правовой действительности, а также иной уровень, характеризующийся высоким осмыслением этим субъектом правовых явлений общественной жизни, составляющих комплекс правовых идей, систему юридических знаний, взглядов, представлений, чувств, позволяющих ему правильно ориентироваться среди норм о различных категориях преступных посягательств.

Профессиональное правосознание не представляет собой односложное явление; отличительная черта некоторых носителей профессионального правосознания – наличие правового нигилизма. Проблема заключается в том, что правовой нигилизм наблюдается как в среде слабо профессионально подготовленных субъектов, так и имеющих высокий уровень профессиональной подготовки.

Начиная с девяностых годов прошлого столетия у абитуриентов значительно расширились, по сравнению, например, с семидесятыми-восемидесятыми годами прошлого столетия, возможности стать студентом ВУЗа и получить юридическое образование; что явилось результатом увеличения количества учебных заведений с профилем подготовки по направлению юриспруденция. В то же время все чаще приходится убеждаться в том, что коммерциализация высшего образования негативно сказывается на его качестве. Поэтому носители правосознания не всегда соответствуют той модели, которую должен олицетворять выпускник ВУЗа, имеющий полный багаж знаний, как это предусматривают программы подготовки людей с высшим юридическим образованием.

Обретение статусного положения – специального субъекта правоприменения, для многих из них сопровождается стремлением к повышению уровня знаний и, соответственно, правосознания, что положительно сказывается на результатах их деятельности. Вместе с тем на практике можно встретить и субъектов применения норм уголовного права, не отличающихся должным багажом профессиональных знаний, которые в дальнейшей своей деятельности не занимаются самосовершенствованием. Таким субъектам характерен и низкий уровень правосознания. Хотя профессиональная юридическая подготовка во много формализована, однако многие её элементы основаны на субъективных оценках, что, несомненно, оказывает влияние на правосознание этих субъектов. Государство реагирует на указанную проблему в образовании, отзывая лицензии у «нерадивых» ВУЗов, контролируя программные образовательные продукты, однако качество образовательного уровня отдельных выпускников остается крайне низким.

Высокий интеллектуальный уровень носителя профессионального сознания не всегда служит гарантом уважительного отношения к праву, что образует явление, никак не согласующееся с моделью построения правового государства. Правовой нигилизм в среде высоко интеллектуальных субъектов применения норм уголовного права зародился не сегодня, и даже не год и не два назад, а имеет давнюю историю. Весьма «вольное» отношение к праву наблюдалось на протяжении нескольких веков на российском пространстве, что не способствовало широкому развитию в российском обществе уважению к праву. Идейними вдохновителями правового нигилизма выступали представители интеллигенции; ярким примером может служить деятельность вождя российского пролетариата (который был представителем интеллигенции и имел юридическое образование) и его сподвижников из среды интеллигенции в событиях вековой давности, названными одними наблюдателями исторических свершений пролетарской революцией, а другими государственным переворотом, которые попросту игнорировали все правовые нормы, существующие на момент ниспровержения в Российской империи легитимной государственной власти. Неуважение к праву, в той или иной мере, можно проследить на протяжении всего двадцатого века; подобное отношение к праву тяжело отразилось на людях, например, во время репрессий в нашей стране, однако не послужило основанием к кардинальному пересмотру со стороны субъектов правоприменения психологически негативного отношения к праву. На протяжении всего двадцатого века, а также в двадцать первом веке российская интеллигенция, и среди них – специальные субъекты применения норм уголовного права (по крайней мере значительная её часть), не отличилась осознанием социальной ценности и значимости права как регулятора

общественных отношений, которое является средством их совершенствования и преобразования, то есть на протяжении указанного времени в ее рядах наблюдалось негативное явление – правовой нигилизм.

«Русская интеллигенция, – писал в начале прошлого века Б. А. Кистяковский – состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло сформироваться прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне» [7]. Исторически сложившееся построение профессионального правосознания, его низкий уровень, в качестве насущной проблемы тревожит наше общество, так как низкий уровень профессионального правосознания не позволяет его носителям правильно определить линию должного поведения, верно соизмерив с требованиями правовых норм; особенно ярко это проявляется в отношении тех, кто своим примером должен быть образцом соблюдения норм права. В СМИ можно встретить описание негативного поведения отдельных представителей юридического сообщества – судей, прокуроров, следователей, которые совершили деяния, запрещенные нормами уголовного законодательства [4], подобное негативное поведение не является единичным, а с некоторой периодичностью [5] повторяется [12].

Субъект применения уголовного права осуществляет деятельность не в комфортной среде; ему приходится постоянно сталкиваться с обостряющимися либо затихающими конфликтами между добром и злом, существующими в обществе; не воспринимать, полностью от них абстрагироваться он не может, так как это не позволяет человеческая природа, поэтому осознание того, с чем ему приходится в правоприменительной практике сталкиваться, оказывает влияние на формирование правосознания. Не у всех субъектов оно проявляется одинаково: у кого-то противоречия, преломляясь в сознании, не позволяют мыслить себя субъектом применения уголовного права, и склоняют его ко злу. У таких субъектов нарушается баланс жизненных ценностей, идей, вторгаясь в правовые интересы, обнажаются противоречия с нормами позитивного права, и в особенно нормами уголовного права, происходит частичное либо полное игнорирование норм морали; возникает феномен правового нигилизма, который «разъедает» его сознание, сопровождая деформацией правосознания субъекта применения норм уголовного права. Содержательная сторона правосознания других субъектов удерживает их в рамках действующего позитивного права, не позволяя им переступить черту, за которой находится зло.

Право, как явление действительности, отражаясь в сознании индивидуума, получает определенную оценку – позитивную или негативную – вне зависимости от того, обладает ли он статусным положением, представляющим полномочия для применения норм уголовного права или нет. Сознание позволяет индивидууму определить свое отношение как к праву действующему, так и желаемому, а в отдельных случаях – бывшему (не действующему, так как утратило правовую силу). Человек может позитивно оценивать уголовное право; он понимает необходимость защиты жизненных интересов и благ, например, защиту жизни и здоровья или собственности. Оценка им норм уголовного права может быть отрицательной, поскольку, к примеру, по его мнению, были взяты под уголовно-правовую защиту общественные отношения, которые не нуждаются в такой защите. Представляется, что в

качестве такого примера можно рассматривать ситуацию, которая сложилась вокруг уголовно-правовой нормы о клевете. В течение нескольких месяцев положение о клевете законодателями сначала было декриминализовано [1], а затем – в несколько иной редакции – деяние с признаками клеветы вновь было криминализовано [2]. В приведенном примере отрицательная оценка представленных изменений в уголовный закон правоприменителей во многом объясняется как скоропалительностью, непродуманностью изменений в уголовном законе положения о клевете, так и тем, что эти отношения должны регулироваться гражданским законодательством, а не находиться под защитой уголовного закона. Такие представления лишней раз указывают на то, что уголовный закон носит конфликтный характер, в независимости от качества законодательных конструкций. Грубое нарушение баланса между представлениями о должном в уголовном праве, идейным носителем которых может выступать субъект применения норм уголовного права, с реальной действительностью указывает на то, что его правосознание действительно только как отражение, идейное и духовное содержание которого зависит не только от него самого, но и от внешней среды, которая позволяет обогатиться правовыми знаниями, способствует правильному формированию взглядов, установок и представлений.

Как известно, правовые предписания Конституции РФ имеют высшую юридическую силу, законодательные нормы, противоречащие им, не имеют юридической силы; решение конфликта между тем, как должно быть и тем, что не должно содержаться в нормах закона, находит отражение в решениях КС РФ. Отрицание, неприятие законодательной нормы – нормы уголовного закона или иного закона, может выразить, например, судья, рассматривающий конкретное уголовное дело, в своем обращении в высокую судебную инстанцию. Отрицание нормы закона, которая по мнению субъекта противоречит конституционным положениям, не сопоставимы с понятием «правовой нигилизм», так как «сущность его – в общем негативном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин – в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности» [9, с. 689]. Отрицание, при котором происходит неприятие противоречащих как естественному праву, так и принципиальным положениям позитивного права отдельной законодательной нормы или даже нескольких норм, по существу есть противоположность правовому нигилизму, так как идейный настрой его направлен на преобразование, улучшение действующих норм права, и в тоже время оно далеко от правового идеализма.

Итак, правосознание субъекта применения норм уголовного права – система рациональных компонентов, включающих знания, мышление, с его представлениями, чувствами, взглядами, которые выражают целостную картину правовой реальности, несовместимые с отрицательным отношением к праву, закону и нормативному порядку. Насущными проблемами, как в прошлые годы, так и в настоящее время является правовой нигилизм среди субъектов применения норм уголовного права. В среде субъектов применения уголовно-правовых норм носителями правового нигилизма выступают как недостаточно квалифицированные специальные субъекты, так и имеющие высокий интеллектуальный уровень, что должно вызывать особую тревогу в нашем обществе, так как от них во многом зависит качество правосудия в нашей стране.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета (Федеральный выпуск). № 278. 2011. 9 декабря.
2. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета (Федеральный выпуск). № 174. 2012. 1 августа.
3. Бельский К. Т. Социалистическое правосознание (диалектика, формирование и развитие). Ярославль, 1979.
4. «Взятка или заговор против правосудия». <<https://pravo.ru/story/201322>> (последнее посещение – 16.03.2019)
5. «За совершение должностных преступлений сотрудники полиции предстанут перед судом». <<http://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1405114>> (последнее посещение – 16.03.2019).
6. Иванченков Ю. В. Деформация правосознания адвоката в условиях современной России как фактор некачественной юридической помощи // Адвокатская практика. 2011. № 4 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. Кистьяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 122 – 123.
8. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.
9. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 2007.
10. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988.
11. Чуйков Д. Понятие правосознания судьи // Российский судья. 2008. № 7 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
12. Шмарова Е. Судья всегда прав <https://zona.media/article/2015/22/07/codex-305> (последнее посещение – 16.03.2019).

Kolosovski. V. On the legal nihilism of the subject of application of criminal legal norms // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 145–150.

Legal awareness of the subject of application of criminal law norms is a system of rational components, including knowledge, thinking, with its ideas, feelings, and views that express a complete picture of legal reality that are incompatible with a negative attitude to law, law, and regulatory order. The formation of the legal consciousness of the subject is greatly influenced by the fact whether he has legal knowledge, how stable they are and whether he is improving his knowledge. However, a pressing problem, both in previous years and now, is legal nihilism among the subjects of the application of criminal law. Among the subjects of application of criminal law norms, the carriers of legal nihilism are both insufficiently qualified special subjects and having a high intellectual level, which should cause particular concern in our society, since the quality of justice in our country largely depends on them.

Keywords: legal consciousness of the subject of application of criminal law, legal nihilism, deformation, classification of legal conscience, denial of law.

Spisok lyteraturyi:

1. Federal'nyj zakon ot 7 dekabrya 2011 g. № 420-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta (Federal'nyj vypusk). № 278. 2011. 9 dekabrya.
2. Federal'nyj zakon ot 28 iyulya 2012 g. № 141-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta (Federal'nyj vypusk). № 174. 2012. 1 avgusta.
3. Bel'skij K.T. Socialisticheskoe pravosoznanie (dialektika, formirovanie i razvitie). Yaroslavl', 1979.
4. «Vzyatka ili zagovor protiv pravosudiya». <<https://pravo.ru/story/201322>> (poslednee poseshchenie – 16.03.2019)
5. «За совершение должностных преступлений сотрудники полиции предстанут перед судом». <<http://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1405114>> (poslednee poseshchenie – 16.03.2019).
6. Ivanchenkov YU.V. Deformaciya pravosoznaniya advokata v usloviyah sovremennoj Rossii kak faktor nekachestvennoj yuridicheskoj pomoshchi // Advokatskaya praktika. 2011. № 4 // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Kistyakovskij B.A. V zashchitu prava (intelligenciya i pravosoznanie) // Vekhi. Iz glubiny. M., 1991. S. 122 – 123.
8. Lukasheva E. A. Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'. M., 1973.
9. Matuzov N. I. Pravovoj nigilizm i pravovoj idealizm // Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lekcij / Pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. M.: YUrist", 2007.
10. Sokolov N. YA. Professional'noe soznanie yuristov. M., 1988.
11. Chujkov D. Ponyatie pravosoznaniya sud'i // Rossijskij sud'ya. 2008. № 7 // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
12. SHmaraeva E. Sud'ya vsegda prav <https://zona.media/article/2015/22/07/codex-305> (poslednee poseshchenie – 16.03.2019).

УДК: 342.9

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ СУДАМИ О ГОСПИТАЛИЗАЦИИ
ГРАЖДАНИНА В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ В
НЕДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ**

Колюка Н. Н., Басов А. В.

**Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации**

В статье осуществлен анализ правовых и процессуальных аспектов участия прокурора в рассмотрении административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке. Установлено, что правовое регулирование участия прокурора в данной категории дел имеет целостный характер, то есть, нормы, которые закрепляют процессуальные особенности участия прокурора содержатся в различных, по юридической силе, нормативных правовых актах, а также в актах, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики. Кроме того, раскрыты процессуальные особенности участия прокурора в рассмотрении данной категории административных дел. На основе проведенного анализа установлено, что данное участие осуществляется в двух формах, а именно: посредством подачи административного иска; вступления в инициированные другими субъектами дела в целях заключения по административному делу.

Ключевые слова: административное судопроизводство, госпитализация гражданина, медицинская организация, недобровольный порядок правовой аспект, процессуальные особенности, процессуальный статус.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Данное положение в полной мере применимо к гражданам, которые нуждаются в госпитализации в недобровольном порядке, с целью оказания психиатрической или противотуберкулезной помощи в стационарных условиях. Важной особенностью подобного вида госпитализаций является, прежде всего то, что в данных случаях происходит легальное ограничение конституционных прав человека на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), а также на свободу передвижения (ст. 27) и др.

Итак, действующий Кодекс административного судопроизводства (далее – КАС РФ) предусматривает два вида госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке, а именно:

- госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке;
- госпитализация гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Актуальность указанной проблематики не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, общеизвестно, что туберкулез – это социальное явление, корни которого «кроются» в низком уровне качества жизни людей. Случаи заболевания туберкулезом чаще фиксируются в местах лишения свободы. Инфекция заразна: один больной передает туберкулезную инфекцию 10–20 людям. Кроме того, рост заболеваемости среди взрослых провоцирует увеличение подросткового туберкулеза. Статистика туберкулеза в России показывает, что в 2014 на 100 тыс. человек выявлено 87 случаев заболевания среди мужчин и 35 случаев у женщин. В 2015 году данный показатель составил 85 случаев у мужчин и 34 – у женщин. Соответственно 2016 году выявлено 77 случаев заболевания среди мужчин и 32 случая у женщин [2].

Во-вторых, по прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2020 году психические расстройства войдут в первую пятерку болезней, ведущих к потере трудоспособности. Не исключением является и Российская Федерация [3]. Так, по официальным статистическим данным о заболеваемости психическими расстройствами в нашей стране в 2016 году на 100 тыс. человек населения приходилось 2697,3 случаев психических заболеваний; взято под наблюдение пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни 60,1 тыс. человек; психические расстройства непсихотического характера 16,8 тыс. человек; обратилось пациентов за консультативно-лечебной помощью 374,7 тыс. человек [4, с 44].

Кроме того, по данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. Бехтерева общее количество больных психическими расстройствами в 2017 году составило около 3,96 миллионов человек к регионам с высоким числом впервые установленных диагнозов по психическим расстройствам относятся: Чукотский автономный округ (91,7 случаев на 100 тысяч населения); Республика Крым (84,5 случаев на 100 тысяч населения); Санкт-Петербург (83,5 случаев на 100 тысяч населения); Оренбургская область (81,2 случаев на 100 тысяч населения); Саратовская область (77,7 случаев на 100 тысяч населения). Самая низкая первичная заболеваемость зафиксирована в Мурманской, Курганской, Ивановской и Волгоградской областях, а также в Бурятии. Наиболее распространены случаи психических расстройств в Алтайском крае, Чукотском и Ямало-Ненецком Автономных Округах, а также в Пермском и Красноярском краях [5].

Неутешительные статистические данные обуславливают значительное количество административных дел о госпитализации в медицинскую организацию в недобровольном порядке ¹.

Вышеуказанное обусловило постановку ряда вопросов как теоретического, так и практического характера. К одним из таких можно отнести правовые и процессуальные аспекты участия прокурора в рассмотрении судами указанных категории административных дел.

Отдельные аспекты осуществления административного судопроизводства в своих работах исследовали такие ученые: О.В. Боброва, С.Л. Басов, А.Ю. Винокуров, С. Выскуб, М.В. Маматов, Ю.Г. Насонов, Е.И. Лощина, В. Радченко, Н.Г.Салищева, И.В. Семенова, О.Г. Синатрова И.Н. Сенякин, М. С. Студеникина, Ю.Н.Старилов, Ю.А.Тихомиров, В.В. Яркова и др.

Итак, переходя к непосредственному анализу первой категории дел отметим, что участие прокурора в производстве по административным делам о госпитализации

гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке регулируются нормами главы 30 КАС РФ. Важно подчеркнуть, что участие прокурора в данной категории административных дел служит важной гарантией обеспечения прав лица в отношении которого рассматривается дело, а особенно в тех случаях, когда госпитализируемое лицо не может по состоянию здоровья лично присутствовать в судебном заседании.

Правовой основой для реализации указанного направления деятельности, являются ряд нормативных правовых актов, нормы которых регулируют общественные отношения в сфере оказания психиатрической помощи. К ним можно отнести: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [6]; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7]; Постановление Правительства РФ от 28.04.1993 № 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (вместе с «Перечнем медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности») [8]; Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 522 (ред. от 24.11.2014) «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» [9].

Итак, в ч. 1 ст. 274 КАС РФ определена категория административных дел, которые рассматриваются по правилам главы 30, а именно: о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке или о продлении срока такой госпитализации; о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке; иные административные дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию непсихиатрического профиля, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, если федеральным законом предусмотрен судебный порядок рассмотрения соответствующих требований.

Ст. 277, 280 КАС РФ закрепляют, что данная категория дел рассматривается с участием прокурора. В данном случае прокурор реализует свои полномочия посредством вступления в процесс для дачи заключения. В то же время, руководствуясь ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным иском заявлением по категории дел перечисленных в ч. 1 ст. 274 КАС РФ. Однако, независимо от формы участия прокурора в данной категории административных дел, прокурору необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) в административном исковом заявлении дополнительно необходимо указать основания для госпитализации гражданина, а именно: непосредственная опасность для себя или окружающих; беспомощность и др. [6], а также сослаться на мотивированное и обоснованное заключение комиссии врачей-психиатров;

2) основываясь на положениях ст. 62 КАС РФ бремя доказывания возложено на административного истца – прокурора, предъявившего административный иск. В связи с указанным, при подготовке административных исковых заявлений необходимо обеспечить их качество (полноту и аргументацию), представить в суд надлежащую доказательственную базу.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показывает, что необходимыми доказательствами по делу являются: мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь; документы, на основании которых составлено заключение комиссии врачей-психиатров; документы, свидетельствующие об отказе гражданина от госпитализации; мотивированное и надлежащим образом оформленное заключение комиссии врачей-психиатров о том, позволяет ли гражданину его психическое состояние лично участвовать в судебном заседании, в том числе в помещении суда; обстоятельства первичной госпитализации лица, предварительный диагноз, который был поставлен при первичной госпитализации; какие действия, опасные для него или окружающих совершал и в какой временной период; различные письменные доказательства; личная оценка госпитализируемым своего поведения и происходящих события; объяснения госпитализируемого; показания свидетелей и т.д.

В соответствии с КАС РФ данные административные дела рассматриваются в течение пяти дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда, а дела о психиатрическом освидетельствовании – в течение трех дней со дня принятия административного искового заявления. Необходимо отметить, что п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 гласит, что сроки рассмотрения и разрешения данных административных дел не подлежат продлению [10].

Делая промежуточный вывод, следует отметить следующие особенности: наличие соответствующей доказательственной базы; специфический состав участников, а именно, прокурор, комиссия врачей-психиатров; подготовка комиссией врачей-психиатров мотивированного заключения; установленные сроки рассмотрения дела.

Продолжая исследование, отметим, что участие прокурора в делах о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке регулируются нормами главы 31 КАС РФ. В то же время, различные аспекты связанные с помещением гражданина противотуберкулезную организацию регулируют ФЗ от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [11]; ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12]; Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22.10.2013 №60 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза» [13].

Руководствуясь ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным иском о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке в интересах неопределенного круга лиц [14].

Отметим, что ст. 284 КАС РФ закрепляет, что при рассмотрении административного дела о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке суду необходимо выяснить:

1) имеется ли у гражданина, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, заболевание заразной формой туберкулеза;

2) имелись ли факты неоднократного нарушения гражданином, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, санитарно-противоэпидемического режима либо умышленного уклонения от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза.

Анализ практики рассмотрения данной категории дел показывает, что доказательствами по данной категории дел являются: истории болезни гражданина; заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации с указанием диагноза, тяжести заболевания, обязанности диспансерного наблюдения; иные материалы, подтверждающие необходимость госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; документы, на основании которых составлено заключение комиссии врачей противотуберкулезной медицинской организации о помещении гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; документы, подтверждающие неоднократное нарушение гражданином, в отношении которого подано административное исковое заявление о госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, санитарно-противоэпидемического режима либо умышленное уклонение гражданина от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза.

Важной процессуальной особенностью является то, что административное дело по административному исковому заявлению о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке подлежит рассмотрению в течение пяти дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда.

Делая выводы, следует отметить, что:

– нормы регулирующие процессуальные особенности участия прокурора в рассмотрении дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке содержатся в Конституции РФ, федеральном законодательстве, а также в актах, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики;

– нормы, регулирующие различные аспекты участия прокурора в рассмотрении дел о помещении гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке имеют полиаспектную юридическую природу и относятся к различным отраслям права: к конституционному, административному, гражданскому. Данные нормы имеют «двойную прописку»;

– детальная конкретизация процессуальных особенностей рассмотрения указанных категории дел в КАС РФ является важной гарантией соблюдения и защиты установленных Конституцией РФ прав и свобод человека, а также снижает возможность применения необоснованного административного и судебного усмотрения при рассмотрении данных категорий дел.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 15.02.2019)
2. Туберкулез в России - статистика заболевания туберкулезом легких [Электронный ресурс]. URL: <https://no-tuberculosis.ru/tuberkulez-legkih/v-rossii/> (дата обращения 10.02.2019).
3. Россия лидирует по числу психических расстройств» [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html> (дата обращения 05.02.2019).
4. Здравоохранение в России. 2017: Стат.сб./Росстат. - М., 3-46 2017.
5. Количество психических расстройств у россиян уменьшилось с 2010 года [Электронный ресурс] URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/04072018/37584?utm_source=CopyBuf (дата обращения 05.02.2019).
6. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения 21.02/2019)
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 21.02.2019).
8. Постановление Правительства РФ от 28.04.1993 N 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (вместе с «Перечнем медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1918/ (дата обращения 21.02.2019).
9. Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 522 (ред. от 24.11.2014) «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3822/ (дата обращения 21.02.2019).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (дата обращения 23.02.2019).
11. Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32131/ (дата обращения 10.02.2019).
12. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 10.02.2019).
13. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22.10.2013 №60 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164061/ (дата обращения 10.02.2019).
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216093/ (дата обращения 10.01.2019).

Kolyuka N. N., Basov A. V. Some aspects of public prosecution participation in the review of administrative affairs of the courts on the hospitalization of the citizen in the medical organization in smallly order // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 151–157.

The article analyzes the legal and procedural aspects of the participation of the prosecutor in the consideration of administrative cases concerning the hospitalization of a citizen in a medical organization in stationary conditions in an involuntary manner. It has been established that the legal regulation of the participation of the prosecutor in this category of cases is of a holistic nature, that is, the norms that establish the procedural features of the participation of the prosecutor are contained in various, in legal force, normative legal acts, as well as in acts the provisions of which clarify certain issues of jurisprudence. In addition, procedural features of the participation of the prosecutor in the consideration of this category of administrative cases are disclosed. On the basis of the analysis it was established that this participation is carried out in two forms, namely: through

the filing of an administrative claim; entering into initiated by other subjects of the case for the purpose of giving an opinion on an administrative case.

Key words: administrative proceedings, citizen hospitalization, medical organization, involuntary order, legal aspect, procedural peculiarities, procedural status.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 // pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 15.02.2019)
2. Tuberkulez v Rossii - statistika zabolevaniya tuberkulezom legkih [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://no-tuberculosis.ru/tuberkulez-legkih/v-rossii/> (data obrashcheniya 10.02.2019).
3. Rossiya lidruet po chislu psihicheskikh rasstrojstv» [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html> (data obrashcheniya 05.02.2019).
4. Zdravoohranenie v Rossii. 2017: Stat.sb./Rosstat. - M., Z-46 2017.
5. Kolichestvo psihicheskikh rasstrojstv u rossijan umen'shilos' s 2010 goda [EHlektronnyj resurs] URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/04072018/37584?utm_source=CopyBuf (data obrashcheniya 05.02.2019).
6. Zakon RF ot 02.07.1992 № 3185-1 «O psihiatricheskoj pomoshchi i garantiyah prav grazhdan pri ee okazanii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (data obrashcheniya 21.02/2019)
7. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashcheniya 21.02.2019).
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.04.1993 N 377 «O realizacii Zakona Rossijskoj Federacii «O psihiatricheskoj pomoshchi i garantiyah prav grazhdan pri ee okazanii» (vmeste s «Perechnem medicinskih psihiatricheskikh protivopokazanii dlya osushchestvleniya otdel'nyh vidov professional'noj deyatel'nosti i deyatel'nosti, svyazannoj s istochnikom povyshennoj opasnosti») [EHlektronnyj resurs]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1918/ (data obrashcheniya 21.02.2019).
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.05.1994 № 522 (red. ot 24.11.2014) «O merah po obespecheniyu psihiatricheskoj pomoshch'yu i social'noj zashchite lic, stradayushchih psihicheskimi rasstrojstvami» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3822/ (data obrashcheniya 21.02.2019).
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2016 № 36 «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (data obrashcheniya 23.02.2019).
11. Federal'nyj zakon ot 18.06.2001 № 77-FZ «O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossijskoj Federacii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32131/ (data obrashcheniya 10.02.2019).
12. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashcheniya 10.02.2019).
13. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha Rossijskoj Federacii ot 22.10.2013 №60 «Ob utverzhenii sanitarno-ehpidemiologicheskikh pravil SP 3.1.2.3114-13 «Profilaktika tuberkuleza» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164061/ (data obrashcheniya 10.02.2019).
14. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 2 (2017) [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216093/ (data obrashcheniya 10.01.2019).

УДК 343.132

ЗАДАЧИ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

Патраш И. Ф.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются задачи осмотра места происшествия по убийствам, совершенным в условиях неочевидности. Обосновывается необходимость тщательного осмотра места происшествия с целью обнаружения, фиксации и изъятия вещей и предметов для их дальнейшего исследования и возможного их приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Раскрываются основные положения тактики осмотра места происшествия.

Ключевые слова: следственный осмотр, место происшествия, расследование, убийство, следы, вещественные доказательства.

Понятие следственного осмотра – следственное действие, направленное на непосредственное восприятие, фиксацию и исследование его участниками свойств, состояний, характеристики признаков объектов материального мира в целях:

- установления места происшествия, изучения его обстановки (в том числе и поиск вещественных доказательств);
- вероятностного выяснения механизма преступления;
- обнаружения следов преступления, а равно иных обстоятельств, предположительно связанных с совершением и сокрытием преступления и имеющих значение для дела.

На основе уголовно-процессуального закона можно выделить следующие виды осмотра:

- места происшествия, местности, помещения;
- жилища;
- трупа (обязательным требованием является участие в осмотре трупа судебно-медицинского эксперта или врача);
- предметов и следов;
- документов.

До возбуждения уголовного дела можно производить осмотр места происшествия. Осмотр документов, предметов, трупа как самостоятельное действие до возбуждения уголовного дела возможен только в том случае, если эти предметы, документы, объекты были обнаружены при осмотре места происшествия (ст. ст. 176, 177, УПК РФ) [1].

Осмотр места происшествия – это следственное действие, которое состоит из познавательных и удостоверительных операций следователя, выполняемых на месте обнаружения признаков совершенного или предполагаемого преступления с целью отыскания и закрепления следов, предметов и других объектов, позволяющих уяс-

нить механизм происшедшего события и установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Общей задачей осмотра места происшествия является получение фактических данных об обстоятельствах произошедшего события, объектах и лицах (имеющих к нему отношение), связях и взаимодействиях.

Нами предлагается новое понятие места происшествия. «Место происшествия, – это место или участок местности, где обнаружена информация, свидетельствующая о наличии признаков состава преступления».

Место преступления, – это место непосредственного совершения преступления или наступления преступного результата. Причем надо иметь в виду, что место преступления всегда является местом происшествия, а место происшествия не всегда может совпадать с местом совершения преступления. По одному и тому же уголовному делу или одному эпизоду преступления – убийства, мест происшествия могут быть несколько. Например, при убийстве с расчленением трупа и с целью скрыть следы преступления, части трупа могут быть обнаружены в разных местах и все эти места будут местом происшествия, ибо там обнаружена информация, свидетельствующая о наличии признаков состава преступления.

Осмотр трупа на месте его обнаружения, почти всегда, за редким исключением, производится в ходе осмотра места происшествия. В таком случае ход и результаты осмотра трупа фиксируются в протоколе осмотра места происшествия. Осмотр трупа вне места происшествия является самостоятельным следственным действием, ход и результаты которого фиксируются в протоколе осмотра трупа.

Как в науке криминалистике, так и криминалистической практике имеются немало технических средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств при расследовании преступлений.

Особенно важно использовать все имеющиеся возможности для расследования таких особо тяжких преступлений, как убийства.

Одним из важнейших следственных действий, направленных на фиксацию обстановки происшествия, обнаружение, фиксацию и изъятие материальных следов убийства, является следственный осмотр, и в частности такая его разновидность, как осмотр места происшествия

Осмотр места происшествия – неотложное следственное действие, заключающееся в исследовании места совершения расследуемого деяния или

проявления его следов путем личного его восприятия и аналитического изучения всего выявленного и воспринятого и последующей фиксации выявленных данных с целью использования для раскрытия и расследования преступления. Подобное научное определение дано Н. П. Яблоковым и на наш взгляд оно является верным [2].

Уголовно-процессуальный закон наделяет следователя определенными полномочиями, необходимыми ему для установления истины по делу. К числу таких полномочий относится, прежде всего, его процессуальное положение, предусмотренное ст. 38 УПК РФ [3].

Как абсолютно верно отмечал в своих лекциях И. Е. Быховский, «своевременно и качественно проведенный осмотр места происшествия может предоставить в распоряжение следователя важные фактические данные, относящиеся ко всем обстоятельствам, входящим в предмет доказывания. Полученные при осмотре

сведения позволяют выдвинуть обоснованные версии, наметить целесообразные пути их проверки, определить круг лиц, среди которых нужно искать преступника, и, в конечном счете, раскрыть преступление и изобличить виновного» [4].

Не будет преувеличением сказать, что тщательно проведенный осмотр места происшествия по количеству и качеству доказательств, полученных при его производстве, представляет собой одно из наиболее эффективных следственных действий.

Качественное проведение осмотра места происшествия и разрешение при этом возникших проблем, своего рода искусство, требующее от следователя умения действовать методически и целеустремленно, аккуратно и последовательно. На месте происшествия необходимо правильно и тщательно анализировать всю обстановку преступления, владеть научно-техническими средствами обнаружения и фиксации следов и предметов, правильно строить свои отношения со всеми участниками осмотра.

Все это приходит не само собой, этот стереотип действий вырабатывается с годами работы и, конечно же, является результатом систематической учебы и повышения профессионального мастерства.

Прокурор-криминалист прокуратуры Магаданской области Борис Андреевич Пискарев, (автор данной статьи работал под его руководством) [5], в 1981-1983 годах учил нас, молодых следователей, тактике осмотра места происшествия и разработал следующие основные положения, которые весьма актуальны и сегодня и способствуют эффективности и результативности этого следственного действия:

1. Выезжай на место происшествия немедленно. Завтра уже не найдешь того, что бы мог найти сегодня.
2. До начала осмотра ознакомься со всей информацией о случившемся.
3. Удали посторонних, в том числе и сотрудников СМИ. Обеспечь сохранность следов.
4. Ты руководишь осмотром.
5. Создай нормальные условия для работы.
6. Распредели обязанности среди участников осмотра.
7. Приготовься действовать планомерно и методично
8. Прежде всего оцени обстановку в целом.
9. Пытайся понять механизм события, мысленно выдвигай и проверяй версии.
10. Не высказывай свои предположения.
11. Не вступай в дискуссии с окружающими.
12. Осмотр не самоцель, а средство раскрытия преступления.
13. Немедленно используй установленные факты для работы «по горячим следам».
14. Тщательно фиксируй все обнаруженное. Лучше зафиксировать лишнее, чем упустить нужное.
15. Не спеши с выводами. Они приходят в конце, а не в начале расследования.

Таким образом, проблемы эффективности осмотра места происшествия и пути их решения находятся в прямой зависимости от своевременности его производства, всесторонности и полноты исследования материальной обстановки, целеустремленности действий участников на месте происшествия под единым руководством следователя, широкого использования криминалистической техники,

тактических приемов и методов, помощи специалистов. В значительной степени эта эффективность определяется также уровнем профессиональной и теоретической подготовки следователей, всех лиц, принимающих участие в осмотре, и целиком зависит от взаимной заинтересованности, настойчивости, знания современных возможностей исследования информационной сущности и перспектив использования следов преступления для установления и изобличения лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние.

Е. Р. Россинская подразделяет осмотр места происшествия на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный [6]. Однако Н. П. Яблоков несколько иного мнения и полагает, что предшествующая осмотру подготовка осуществляется главным образом до выезда на место происшествия и сводится к организационно-техническим действиям (подбор участников осмотра, необходимых технических средств, инструктаж участников и т. д). В этапы осмотра подготовка не входит [7].

Эффективным, на наш взгляд, следует признать тот осмотр, в результате которого достигнута запланированная цель: обнаружены материальные следы, вещи и предметы, могущие быть впоследствии вещественными доказательствами, т.е. добыта полезная информация, независимо от наличия или отсутствия подготовительного этапа. В каждом конкретном случае эту проблему решает сам следователь, нужен ли ему подготовительный этап, если да, то в каком объеме.

Проблемы эффективности и результативности осмотра места происшествия, а также средства и пути их разрешения мы находим в научных трудах таких знаменитых ученых – криминалистов, как Белкин Р. С., Бертовский Л. В., Быховский И. Е., Ищенко Е. П., Россинская Е. Р., Яблоков Н. П. и мн. др.

В качестве критериев эффективности следственного действия принято рассматривать его результативность и оптимальность. Под результативностью надо понимать получение доказательственной информации, необходимой для установления истины по уголовному делу. Под оптимальностью следственного действия понимается наилучший, соответствующий целям и задачам уголовного судопроизводства порядок выполнения этого действия: соблюдение при производстве следственного действия норм процессуального права; организация, подготовка, планирование и тактически правильное проведение, полнота фиксации его результатов.

Конечно же, проблемы эффективности осмотра места происшествия обусловлены следующими факторами. Прежде всего, это квалификация следователя. Осмотр места происшествия требует хороших знаний уголовно-процессуального законодательства, тактических приемов осмотра, умения применять технико-криминалистические средства.

В связи с данным обстоятельством важно, чтобы следователь постоянно совершенствовал свои знания, по мере необходимости посещал экспертно-криминалистические подразделения для ознакомления с новыми техническими средствами и научными методами выявления, фиксации, изъятия следов.

Кроме того, в процессе осмотра места происшествия, как уже упоминалось, недопустимо фиксировать какие-либо и чьи-либо суждения, независимо от должности и звания по поводу времени и способа совершения преступления, оценки других обстоятельств, обнаруженных при осмотре.

Важнейшим средством обеспечения достоверности и допустимости доказательств, является не только соблюдение тактических приемов и технических рекомендаций обнаружения, фиксации и изъятия предметов, могущих быть впоследствии вещественными доказательствами по делу, но и безусловное и точное соблюдение уголовно-процессуального законодательства при производстве следственного осмотра.

Выявленные в ходе осмотра места происшествия фактические данные, относящиеся к расследуемому событию, становятся доказательствами только при правильном их закреплении, осуществляемом в установленном законом порядке.

Обязательным процессуальным документом, в котором фиксируются ход и результаты этого следственного действия, является протокол. При его составлении необходимо руководствоваться ст. ст. 166, 167 и 180 УПК РФ и соблюдать ряд требований, разработанных криминалистической наукой. Основные из них состоят в том, что протокол должен полно и точно отражать фактическую картину, обнаруженную на месте происшествия.

Следователь должен мысленно и критически анализировать, и обобщать информацию, которая впоследствии может стать доказательством по делу, сопоставлять детали, устанавливая взаимосвязь фактов и фиксировать все данные, которые могут иметь отношение к преступлению. Как к предметам, так и к информации, лучше фиксировать в протоколе и ту, которая впоследствии окажется излишней, чем не фиксировать обстоятельства, имеющие значение для дела.

Точность протокола обеспечивается и общеупотребительной терминологией, простым, ясным, кратким и грамотным текстом, не требующим дополнительных разъяснений и исключающим возможность его различного толкования.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г, с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 февраля 2019 г.
2. Белкин Р. С., Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Москва, «Юридическая литература», 1988
3. Бертовский Л. В. Тактика следственных действий. Москва, «ЭКЗАМЕН», 2011.
4. Быховский И. Е. Осмотр места происшествия. М., 1973.
5. Михайлов М.А., Патраш И.Ф. Прокурор-криминалист из Магадана//Эксперт-криминалист. М.: - 2010. - №2 - С.35-37.
6. Ищенко Е. П. Криминалистика. Учебник. Москва. Юр.фирма «Контракт» 2006
7. Россинская Е. Р. Криминалистика. Курс лекций. М., 2010.
8. Яблоков Н. П. Криминалистика. Учебник. М., «Юрайт», 2016.

Patrash I. F. Tasks of an investigative examination in criminal cases of murder // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 158–162.

The article considers the tasks of inspection the scene of murder incidents committed under conditions of unobviousness. It establishes the necessity of careful examination of the scene in order to display, fix and seize things and objects with a purpose to their further investigation and their possible adduction to the criminal case as the material evidence. The basic positions of the tactic of inspection of the scene are discovered.

Key words: investigative examination, scene, investigation, murder, traces, material evidence.

Spisok literatury:

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001g, s izmeneniyami i dopolnениями na 10 fevralya 2019 g.
2. Belkin R. S., Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. Moskva, «YUridicheskaya literatura», 1988
3. Bertovskij L. V. Taktika sledstvennyh dejstvij. Moskva, «EKZAMEN», 2011.
4. Byhovskij I. E. Osmotr mesta proisshestiya. M., 1973.
5. Mikhailov M.A., Patrash I.F. Forensic prosecutor from Magadan // Forensic expert. M.: - 2010. - No. 2 - p.35-37.
6. Ishchenko E. P. Kriminalistika. Uchebnik. Moskva. YUr.firma «Kontrakt» 2006.
7. Rossinskaya E. R. Kriminalistika. Kurs lekcij. M., 2010.
8. Yablokov N. P. Kriminalistika. Uchebnik. M., «YUrajt», 2016.

УДК 34

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ
ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНЫХ МЕР ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРИНУЖДЕНИЯ**

Пикина Т. В.

Юридический факультет ВЮИ ФСИН России

В современном обществе обеспечение безопасности и правопорядка является центральной задачей в деятельности государства. Обеспечение безопасности граждан и государства в целом представляется возможным с помощью реализации мер принуждения. С одной стороны меры принуждения ограничивают правовой статус отдельных категорий личностей, с другой – делают безопасней общество. Меры принуждения разделяют на разные виды, но вопрос о том, какой именно вид эффективнее и как именно указанные меры принуждения в данной статье влияют на правовой статус личности остается дискуссионным. В данной статье исследуется формирование классификации мер государственного принуждения и их влияние на ограничения правового статуса личности, в зависимости от применяемого вида мер государственного принуждения. Процесс влияния мер государственного принуждения на правовой статус личности обусловлен появлением определённых правоограничений, которые нашли отражение в данной статье. Объем правоограничений для отдельных категорий лиц в данной статье разделяется на различные виды. Однако указанное в статье деление, не в полной мере отражает особенности специальных прав и свобод отдельных категорий лиц, так как не содержит индивидуальность и дифференцированность правового статуса лиц данной категории. Проведенный анализ ограничений правового статуса личности при применении мер государственного принуждения, возникающие в связи с таким воздействием правоограничения отдельных категорий лиц, подводит автора к выводу о несоизмеримости мер и наступивших последствий.

Ключевые слова: правовой статус личности, меры государственного принуждения, правоограничения, классификация.

Обеспечение общественной безопасности и правопорядка в обществе осуществляется государством по средствам целенаправленной деятельности государственных органов путем применения, таких способов и методов, как убеждение и принуждение граждан. Данные методы управления обществом являются частью государственной политики при помощи которого происходит психологическое, материальное или физическое (путем правомерного применения насилия к гражданам, которые своим действием или бездействием ставят под угрозу определенные охраняемые законом правоотношения) воздействие полномочных органов и должностных лиц государства на личность с целью заставить (принудить) ее действовать по воле властвующего субъекта, в интересах государства.

К. М. Сарсенов, рассматривая данный вопрос указывал, что под государственным принуждением следует понимать «внешнее (физическое, имущественное или иное) публично-правовое, обладающее формальной определенностью воздействие уполномоченных на то органов государства, должностных лиц и представителей общественности на сознание и поведение субъектов, совершающих антиобщественные поступки, которые влекут установленные правовыми актами в целях борьбы с

правонарушениями и иными нежелательными для общества деяниями, охраны прав человека и гражданина, общественной безопасности и правопорядка отрицательные последствия морального, физического, имущественного или организационного характера» [1].

Анализируя вопросы государственного принуждения П. В. Глаголев утверждал, что государственное принуждение необходимо рассматривать как государственно-правовое средство защиты общественных отношений, складывающихся в различных сферах жизни общества от противоправных посягательств в целях предупреждения и предотвращения наступления обстоятельств, угрожающих личной и общественной безопасности граждан, юридических лиц и всего общества, и государства в целом [2].

То есть, мы наблюдаем схожие мнения авторов, которые государственное принуждение рассматривают как средство, направленное на выполнение функций защиты общественных отношений, складывающихся практически во всех сферах общественной жизни, имеющих своей целью предупреждение от любого рода посягательств, противоправных деяний, предупреждение совершения различного рода посягательств, а также снижение уровня нежелательных обстоятельств для общественной жизни.

По нашему мнению, государственное принуждение необходимо рассматривать как, сложную систему принудительных мер, образующих целостную систему, которая в качестве основной своей задачей ставит нормальное функционирование государственных органов и общества в целом, используя такие методы воздействия на субъекты правоотношения как убеждение и принуждение.

Так же, стоит, отметить, что изучение влияния мер государственного принуждения на формирование правового статуса личности необходимо начать с рассмотрения различных подходов к классификации указанных мер.

Вопросам классификации мер государственного принуждения в последние годы было посвящено достаточно большое количество научных работ и исследований, однако по сей день, нет единого мнения о дифференциации государственного принуждения на формы. Подобное положение мнений в данном вопросе ведет отнесение одних и тех же принудительных мер к различным формам государственного принуждения.

В отечественной литературе довоенного периода ученые обращали внимание на многогранность и неоднородность государственного принуждения. К таковым можно отнести И. И. Евтихиева, В. А. Власова, С. С. Студеникина. Подобной проблематикой в своих работах занимались М. И. Еропкин, Л. Л. Попов, А. П. Шергин, И. И. Верременко, Д. Н. Бахрах.

В своей работе Д. Н. Бахрах утверждал, что принуждению свойствен характер системности, что позволяет провести его классификацию [5].

Относительно классификации мер государственного принуждения весьма интересно мнение К. М. Сарсенова [6], который, рассматривал формы принуждения по фактическим основаниям в зависимости от конкретных юридических фактов и в то же время классифицировал принуждение по данному основанию на предупредительные, пресекательные, восстановительные формы, меры юридической ответственности.

По нашему мнению, предупредительные и пресекательные меры достаточно близки по направленности и содержанию, и их объединение было бы весьма логичным и обоснованным. Что касается объединения восстановительных мер и мер юридической ответственности в самостоятельные группы представляется нам оправданным, так как их направленность указывает, на стремление указанных групп к достижению при реализации той или иной принудительной меры.

Подобная классификация позволяет не только провести анализ мер принуждения, но и предположить их воздействие на противоправные действия и негативные последствия, а также, спрогнозировать тот результат, который должен наступить в результате применения указанных мер.

Свое видение классификации мер принуждения в зависимости от способов охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности рассматривает в своей работе А. И. Каплунов [4], классификация правового принуждения в зависимости от целевой направленности рассматривал в своем исследовании П. В. Демидов [3].

Подобные точки зрения также являются на наш взгляд обоснованными и имеющими в большей степени практическую направленность, что еще больше придает им значения.

При этом в теории права общепринято подразделять меры государственного принуждения на предупредительные, пресекательные и меры защиты (правовосстановительные), а также меры юридической ответственности. Ряд ученых выделяет также меры процессуального обеспечения.

Рассмотренные выше положения в значительной степени способствуют определению правового статуса при реализации иных мер государственного принуждения.

В теории государства и права принято рассматривать правовой статус личности с трех основных позиций:

- общий правовой статус граждан;
- специальный правовой статус какой-либо категории граждан;
- индивидуальное правовое положение гражданина.

Правовое положение лиц, в отношении которых применяются меры государственного принуждения, является разновидностью специального правового статуса, в свою очередь подразделяемого на правовые статусы лиц, в отношении которых применяются меры государственного принуждения, связанного с лишением или ограничением свободы, лица в отношении которых применяются наказания, не связанные с лишением или ограничением свободы и лица в отношении, которых применяются иные меры государственного принуждения.

Правовой статус лиц, в наибольшей степени подвергнутых правоограничениям относится к лицам, в отношении которых реализуются меры ограничительного характера связанного с привлечением лица к уголовной ответственности, а также к лицам, в отношении которых вступил в законную силу приговор суда о назначении уголовного наказания. Причем правоограничения лиц, в отношении которых вступил в силу приговор суда также можно разделить в зависимости от назначенного наказания, а именно связанного с лишением свободы или не связанного с лишением свободы.

Как видно из законодательной регламентации видов наказания, лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением или ограничением свободы, в основном ограничены в имущественных правах (например, к штрафу), трудовых правах (например, осужденные к исправительным и обязательным работам, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), в определенной степени – в свободе передвижения (например, осужденные к ограничению свободы).

Более значительными правоограничениями подвергнуты осужденные к наказаниям, связанным с изоляцией от общества. Для данной категории лиц правоограничения зависят также от вида исправительного учреждения, условий содержания, а также предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством условий отбывания наказания.

Объем правоограничений для данной категории лиц также можно разделить на различные виды. Наиболее распространенным в данном случае является общепринятое деление на личные (к примеру, право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения), политические (право на обращение к органам государственной власти различного уровня с жалобами и предложениями), социально-экономические и культурные права и свободы (право пользования библиотекой исправительного учреждения и др.). Однако и подобное деление, не в полной мере отражает особенности специальных прав и свобод осужденных, т.к. не содержит индивидуальность и дифференцированность правового статуса лиц данной категории.

Правовой статус лиц, в отношении которых реализуются иные меры государственного принуждения можно, по нашему мнению, также разделить в зависимости от объема принуждения и от его цели.

Рассматривая иные меры государственного принуждения в зависимости от объема применяемых мер необходимо уточнить, что их реализация связана с совершением, как правило, незначительных проступков, не относящихся к правонарушениям или отклонениям от норм морали. Объем ограничения правового статуса в подобных случаях будет связан, например, с выполнением тех или иных обязанностей, которые не были выполнены (например, возврат взятой в долг незначительной суммы денег или возврат ошибочно взысканной суммы).

Что касается цели применения иных мер государственного принуждения, то они могут осуществляться и без согласия лиц, и направлены на подчинение предписанным правилам, дабы воздержаться от каких-либо действий, которые в той или иной степени способны ограничить права других людей, и которые реализуются уполномоченными на то органами и должностными лицами в интересах общества, государства, а также в интересах самого потенциального нарушителя. Ограничения правового статуса в подобных случаях, будет зависеть от конкретных оснований их применения (например, будет связано с административным надзором за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, связано с помещением алкозависимых и наркозависимых и лечебное учреждение, и т.д.).

Проведенный нами анализ ограничений правового статуса личности при применении мер государственного принуждения и применения иных мер государственного принуждения можно сделать вывод, что они не соизмеримы по объему ограничительных мер и наступивших последствий для их субъекта.

Список литературы:

1. Бахрах, Д. Н. Административное право России: учеб / Д.Н. Бахрах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2006. – С. 517.
2. Глаголев, П. В. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Орел, 2007. – С. 6.
3. Демидов, П. В. Частное правовое принуждение как категория современной теории права: научные и практические проблемы : Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. – С. 101.
4. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 72.
5. Сарсенов, К. М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. – С. 8–9.
6. Сарсенов, К. М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. – С. 97.

Pikina T. V. Some aspects of the formation of restrictions on the legal status of the individual in the implementation of other measures of state coercion // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 163–167.

In modern society, ensuring security and law and order is a Central task in the activities of the state. Ensuring the security of citizens and the state as a whole is possible through the implementation of coercive measures. On the one hand, coercive measures limit the legal status of certain categories of individuals, on the other – make society safer. Coercive measures are divided into different types, but the question of what kind of effective and how these coercive measures in this article affect the legal status of the individual remains controversial. This article examines the formation of the classification of measures of state coercion and their impact on the limitation of the legal status of the individual, depending on the type of measures of state coercion. The process of influence of measures of state coercion on the legal status of the individual is due to the emergence of certain legal restrictions, which are reflected in this article. The scope of restrictions for certain categories of persons in this article is divided into different types. However, the division indicated in the article does not fully reflect the peculiarities of the special rights and freedoms of certain categories of persons, as it does not contain the individuality and differentiation of the legal status of persons in this category. The analysis of the limitations of the legal status of the individual in the application of measures of state coercion arising in connection with the impact of restrictions on certain categories of persons leads the author to the conclusion about the incommensurability of measures and the consequences.

Key words: legal status of the person, measures of state coercion, legal restrictions, classification.

Spisok literatury:

1. Bahrah, D. N. Administrativnoe pravo Rossii: ucheb / D.N. Bahrah. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Eksmo, 2006. – S. 517.
2. Glagolev, P. V. YUridicheskaya otvetstvennost' v sisteme mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Orel, 2007. – S. 6.
3. Demidov, P. V. CHastnoe pravovoe prinuzhdenie kak kategoriya sovremennoj teorii prava: nauchnye i prakticheskie problemy : Dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2005. – S. 101.
4. Kaplunov A. I. Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennih del (sistemno-pravovoj analiz): dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 2005. – S. 72.
5. Sarsenov, K. M. Gosudarstvennoe prinuzhdenie i ego realizaciya v deyatel'nosti organov vnutrennih del : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 1996. – S. 8–9.
6. Sarsenov, K. M. Gosudarstvennoe prinuzhdenie i ego realizaciya v deyatel'nosti organov vnutrennih del : dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 1996. – S. 97.

УДК 341.343

КОНТРАБАНДА ОРУЖИЯ

Робак В. А.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

В статье рассматривается понятие контрабанды. Акцентируется внимание на особенностях контрабанды взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники. Приводятся статистические данные указанного преступления. Исследуются вопросы становления и развития контрабанды указанных предметов на территории Российской Федерации. Анализируются основные направления контрабанды данных предметов в Российской Федерации на современном этапе. Приводятся примеры выявления фактов анализируемого явления на современном этапе. Формулируется вывод о необходимости установление каналов ввоза и вывоза данных предметов, с целью разработки эффективных мер борьбы с контрабандой.

Ключевые слова: контрабанда, таможенная граница, оружие, незаконный оборот оружия, основные пути контрабанды оружия.

Под термином «контрабанда» понимается – ввоз либо вывоз с таможенной территории одного государства на таможенную территорию другого государства товаров и иных материальных средств с нарушением установленных государством правил [1, с. 38].

1. Контрабанда взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники выражается в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза. В соответствии с п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» под используемыми в статье 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза»), «Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать соответственно «таможенная граница Евразийского экономического союза», «Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза» [2].

2. Единую таможенную территорию ТС составляют территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств –

членов ТС искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией. Пределы таможенной территории таможенного союза являются таможенной границей таможенного союза. В соответствии с международными договорами государств – членов таможенного союза таможенной границей могут являться пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств – членов таможенного союза.

3. Государственная граница Российской Федерации есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета РФ.

4. В соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) под ввозом товаров на таможенную территорию Союза понимается совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза и в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до выпуска таких товаров таможенными органами. В соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 2 данного документа под вывозом товаров с таможенной территории Союза понимается совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Союза любым способом, в том числе пересылка в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, включая пересечение таможенной границы Союза [3].

Криминальный рынок оружия, в мировом масштабе, занимает второе место, уступая криминальному рынку незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, по обороту и доходности. Легальный экспорт оружия из России составляет порядка 21 % от общемирового, экспортные поставки вооружений и военной техники осуществляются в более шестидесяти стран мира [4]. По экспертным оценкам, экспорт черного и серого оружия составляет от 5 до 15% общего экспорта оружия из России [5]. Контрабанда вооружения и военной техники рассматривается как угроза экономическим интересам России и как угроза стабильности ее внешнеполитических позиций. В связи с важностью целей экономической и военной безопасности страны, контрабанда вооружения и военной техники рассматривается как одна из основных внутренних угроз [6, с. 135].

На территории России было зарегистрировано следующее количество случаев контрабанды взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники: 1997 г. – 127; 1998 г. – 177; 1999 г. – 176; 2000 г. – 159; 2001 г. – 130; 2002 г. – 144; 2003 г. – 123; 2004 г. – 98; 2005 г. – 136; 2006 г. – 140; 2007 г. – 138; 2008 г. – 144; 2009 г. – 198; 2010 г. – 134; 2011 г. – 81; 2012 г. – 129; 2013 г. – 194; 2014 г. – 208; 2015 г. – 328; 2016 г. – 243; 2017 г. – 279.

Существенное развитие контрабанды оружия имело место с начала 90-х годов прошлого века. В данный период, помимо контрабандных поставок оружия из/в Афганистана, имело место развитие таких поставок из стран Содружества Независимых Государств, в которых находились группы российских войск, направленных для поддержания правопорядка, из иных зарубежных стран, в первую очередь, стран Ближнего Востока (исследователи указанного периода, отмечают, что в Ближнем Востоке магазины для АК лежат на одной витрине с детским питанием, при этом, детское питание не редко стоит дороже, а патроны 7.62*39 мм увидеть так же легко, как трещины в доме в Филадельфии [7]), Прибалтийских государств, которые осуществлялись под видом гуманитарной помощи, под эгидой «официальных» закупок. В частности, такие поставки активно использовались незаконными вооруженными формированиями в Чеченской республике. Необходимо отметить, что контрабандный ввоз/вывоз оружия возрос в результате этнических, религиозных и националистических всплесков, которые в некоторых случаях переросли в открытую войну в таких регионах как Балканский полуостров, район Карпат, Кавказ, Восточная и Западная Африка, и Западная Азия. Огромные склады оружия вышли из-под контроля правительств и попали в руки организованных преступных элементов, которые быстро наладили необходимые пути поставок [8, с. 44].

По оценкам специалистов более 70 % незаконного оружия, в указанный период, поступало с территории Северного Кавказа. Наиболее распространенными источниками поступления оружия являлись объекты его хранения и производства [9, с. 157; 10, с. 211]. В последующем нахождение большого количества оружия в «горячих точках» привело к его использованию против федеральных сил и к распространению по всей России. При этом оружие из «горячих точек» вывозится как преступниками, так и служащими федеральных военизированных организаций. Помимо отмеченных поставок в «горячие точки» боевого оружия из зарубежных стран и стран СНГ большую опасность для России создавала контрабанда оружия в Псковскую и Ленинградскую области из Прибалтийских государств. Во второй половине 2000-х годов основным источником нелегальной поставки оружия иностранного производства, по мнению исследователей, являлся так называемый «балтийский канал» [11]. В результате исследования мы пришли к выводу, что в настоящее время география мест, с которых поступает оружие и его компоненты в незаконный оборот, довольно широка.

Одним из основных направлений контрабанды оружия в Российскую Федерацию является Псковская и Ленинградская области, где ежегодно изымается сотни единиц оружия зарубежного производства, поступающего в Россию из стран Европы, чему, безусловно, способствует пограничная территория данных областей с иными странами Европы (крупными перевалочными пунктами из стран Европы являются Латвия, Литва и Эстония). В качестве примера можно указать: 13 августа 2016 г., когда в ходе совместной операции следственных органов и подразделений УФСБ была выявлена преступная группа (состоявшая из работника УФСИН, сотрудника СОБРа и пятерых гражданских лиц), которая осуществляла контрабанду оружия с территории Евросоюза. В ходе обысков, прошедших накануне, с мест проживания подозреваемых изъяты пистолеты «Вальтер П99», «Star SA», «Глок», большое количество боеприпасов различных калибров, а также множество основных частей огнестрельного оружия: стволов для пистолетов, рамок и других частей [12]. Также

в настоящее время, в течение уже довольно продолжительного периода времени, в данном направлении лидирующее место занимают российско-латвийская граница и российско-финская граница. Как показывает судебная и следственная практика, относительно анализа предметов, изъятых при контрабанде, в данные страны оружие поступает с территории большинства стран Европы.

Также, в качестве одного из основных направлений является Калининградская область, что характеризуется некоторой отдаленностью данного региона и его пограничная территория с иными странами Европы. В качестве примера можно указать: 18 июня 2017 г. сотрудниками ФСБ и работниками калининградской таможни, а также службы почтовой безопасности с «целью пресечения незаконного оборота оружия, боеприпасов, исторических и культурных ценностей на почтовом канале» была проведена специальная операция. Благодаря слаженным действиям были обнаружены 12 посылок, в которых находились «револьверы и пистолеты, магазины, боеприпасы и другие составные части огнестрельного оружия» [13].

В качестве одного из основных направлений также является граница Россия-Украина. Необходимо отметить, что сухопутная граница между Россией и Украиной составляет порядка двух тысяч километров. Как уже указывалось, активизация данного направления, имеет место с 2014 г., поскольку с данного периода, обстановка на Украине, характеризуется тем, что отсутствует легитимная власть, а правоохранительные органы практически лишены полномочий, что создает благоприятные условия для активизации преступной деятельности, в том числе и контрабанды. Также данному явлению способствуют военные действия в юго-восточной Украине, где практически отсутствует контроль за оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, а также должный пограничный контроль со стороны Украины, что создает реальные предпосылки для контрабанды огнестрельного оружия в нашу страну [14, с. 90]. В связи с чем, начиная с указанного периода, на территории Украины, имеет место значительное увеличение криминального рынка оружия (относительно контрабанды оружия, через границу нашего государства, то по неофициальным данным ее объем, в данном направлении, составляет порядка 2-3 млн. единиц оружия ежегодно). В ходе исследования установлено, что большинство фактов контрабанды, порядка 60-65 % имеет место на территории Белгородской, Воронежской и Ростовской областей (данный факт объясняется тем, что данные области граничат с территориями Луганской народной республики и Донецкой народной республики, где имеют место военные действия). В качестве примера можно привести следующее: 16 апреля 2017 г. сотрудники ФСБ перекрыли крупный канал контрабанды оружия и взрывчатки с Украины и из стран Евросоюза, по делу проходят 54 человека, у которых изъяли 230 единиц оружия и 21 кг взрывчатки (43 автомата, 18 пулеметов, 45 карабинов, винтовок и ружей, 29 пистолетов-пулеметов, 97 пистолетов и револьверов, авиационная пушка времен Великой Отечественной войны; а также более 16 тысяч боеприпасов, 15 гранат, наркотики и поддельные разрешения на покупку оружия) [15]. 28 сентября 2017 г. сотрудники ФСБ пресекли деятельность группы подпольных оружейников, причастных, в том числе, к контрабанде оружия с Украины. «В 21 регионе страны (от центральной части России до Урала) проведены обыски у 62 граждан, причастных к приобретению, изготовлению, модернизации и сбыту вооружения, а также его контрабандным поставкам с территории Украины» [16]. На основе анализа сведений, полученных в ходе интервьюиро-

вания сотрудников правоохранительных органов, данное направление, в настоящее время, занимает лидирующее место по латентным фактам контрабанды, чему, как указывалось, способствуют военные действия в Украине.

Целесообразно указать, что в качестве одного из основных направлений контрабанды оружия, до недавнего времени, являлся Северо-Кавказский федеральный округ, в частности такие субъекты, как Чеченская республика, Республика Дагестан и Республика Ингушетия, которое составляло порядка 80-90 %. Контрабандный трафик, в основном, проходил на российско-азербайджанском и российско-грузинском рубежах. Большая часть оружия в том регионе сохранилась еще со времен боевых действий на Кавказе в многочисленных тайниках боевиков, разбросанных по всему региону, в виду того, что с самого начала боевых действий в их руках оказались значительное количество складов вооружения, принадлежащих вооруженным силам (целесообразно отметить, что даже эксперты и авторы, которые занимались исследованиями незаконного оборота оружия, как в тот период, так и современности не могут даже приблизительно указать данную цифру, поскольку помимо прямого захвата боевиками указанных объектов, на них имели место многочисленные случаи чрезвычайных происшествий, вследствие которых установить имело ли место похищение указанных предметов либо их уничтожение не представлялось возможным). Необходимо также указать, что контрабанде в данном направлении содействовало то обстоятельство, что в период военных действий государственная граница России, на данных участках, была практически открыта, и, имели место многочисленные «тропы», как пешие, так и автомобильные, которыми пользовались боевики, которые в большинстве своем и не были известны сотрудникам правоохранительных органов. Однако необходимо отметить, что, вследствие смены, в 2012 г., руководства Чеченской республики, которое осуществило значительные меры относительно укрепления правопорядка, в том числе и по усилению контроля на границе, контрабанда оружия, в данном направлении через данный субъект практически пресечена и фиксируются единичные факты. В данном субъекте имела место массовая «чистка кадров» правоохранительных органов, что повлекло смену большинства руководителей, в частности таможенных органов, смену руководителей органов, которые осуществляют контроль таможенной службы, модернизированы пункты контроля, укреплена пограничная зона и, в целом, руководство региона установило жесткий контроль за данной сферой.

В настоящее время, в данном направлении, основной канал составляет российско-азербайджанская, граница через Республику Дагестан, который составляет порядка 70-80 % от количества фактов, зарегистрированных в данном регионе. Отмечается стойкая тенденция, поступления контрабандного оружия и его основных частей, из Китая (через Азербайджан), которые характеризуются сниженными ценами, по сравнению с предметами, поступающими из стран Европы.

Также, в качестве одного из направлений контрабанды можно выделить российско-казахстанскую границу. Необходимо указать, что данное направление, исходя из официальной статистики, не занимает существенную нишу, однако, интервьюирование сотрудников правоохранительных органов показывает, что данное направление занимает одно из лидирующих мест по латентным фактам контрабанды, чему способствует, как указывалось, ненадлежащая организация пограничного контроля на данной территории. Необходимо также указать, что, в современности, контра-

банде оружия, на данном направлении, в определенной мере содействуют боевые действия в Сирии, способствующие контрабанде оружия, через территорию соседних государств, что, в том числе подтверждается интервьюированием работников правоохранительных органов. То обстоятельство, что Россия непосредственно принимает участие в миротворческой миссии в Сирии, также благоприятно влияет на увеличение фактов исследуемого явления, поскольку, к сожалению, помимо благих намерений, которые преследует наше государство, многие используют данный факт для личного обогащения. Содействие данному направлению, в частности, оказывает, наличие и иностранного контингента на территории указанной страны, о чем свидетельствует устойчивая тенденция относительно поступления на территорию нашей страны, с указанного направления оружия иностранного производства.

Раскрывая данный вопрос, необходимо указать, что на основе интервьюирования работников правоохранительных органов было установлено, что контрабанда оружия характеризуется чрезвычайно высоким уровнем латентности, который, на основе полученных данных, составляет 1:25-1:30, т.е. количество фактически имеющих место фактов в 25-30 раз превышает количество зарегистрированных фактов, что, безусловно, подтверждает факт отнесения незаконного оборота оружия к одному из ведущих криминальных рынков современности.

На основании указанного, можно сделать вывод, что для разработки эффективных мер борьбы с контрабандой оружия, одним из необходимых условий является установление каналов ввоза и вывоза данных предметов.

Список литературы:

1. Мокринский О. А. Контрабанда огнестрельного оружия и боеприпасов к нему: правовые и технико-криминалистические проблемы расследования: дисс... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. – С. 258.
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/71665790/> (дата обращения 20.03.2018.).
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/84654882a47691ab62b0afd4460001310215ce3c/ (дата обращения 02.04.2018).
4. National reports on arms exports. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sipri.org/databases/national-reports> (дата обращения 11.03.2019).
5. Черный рынок вооружений. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rosinvest.com/acolumn/blog/guns/524.html> (дата обращения: 14.07.2018).
6. Хритошин И. А. Концептуальные аспекты борьбы с контрабандой вооружения и военной техники // Вестник Московского университета МВД России. – № 5. – 2014. – С. 135-138.
7. James G. Civilian contractors-guns: the AK-47 and the M-4 in security contracting-a comparison [Электронный ресурс]. Death Valley Magazine. URL: <http://www.deathvalleymag.com/2012/07/23/civilian-contractors-guns-the-ak-47-and-the-m-4-in-security-contracting-a-comparison/> (дата обращения 28.08.2018.)
8. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / под ред.: Овчинский В. С., Эминов В. В., Яблоков Н. П. – М.: Инфра-М, 1996. – 400 с.
9. Мусаев М. М. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконного изготовления оружия: по материалам Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Махачкала, 2004. – 24 с.
10. Организованная преступность – 4 / под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая ассоциация, 1998. – 280 с.
11. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006.
12. В Петербурге по факту контрабанды оружия из Евросоюза возбудили уголовное дело. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/08/14/1429499.html> (дата обращения 12.10.2016).
13. 12 посылков с боеприпасами ФСБ обнаружило в Калининградской области. [Электронный ресурс]. – URL: <http://фсб.рф/> (дата обращения 19.06.2017).

14. Сушко А.Д. Уголовная ответственность за контрабанду огнестрельного оружия в государствах – участниках СНГ // Закон и право. – № 11. – 2014. – С. 90-99.
15. ФСБ перекрыла крупный канал контрабанды оружия с Украины. [Электронный ресурс]. – URL: <http://фсб.рф/> (дата обращения 17.04.2017).
16. ФСБ пресекла деятельность подпольных оружейников в 21 регионе России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://фсб.рф/> (дата обращения 29.09.2017).

Robak V. A. Smuggling weapons // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 168–174.

The article deals with the concept of smuggling. Attention is focused on the features of smuggling explosives, firearms or its main parts, explosive devices, ammunition, weapons of mass destruction, their means of delivery, other weapons, other military equipment, as well as materials and equipment that can be used to create weapons of mass destruction, means of delivery, other weapons, other military equipment. Statistics of the crime is provided. Questions of formation and development of smuggling of the specified subjects in the territory of the Russian Federation are investigated. The main directions of smuggling of these objects in the RF at the present stage are analyzed. Examples of revealing the facts of the analyzed phenomenon at the present stage are given. The conclusion is formulated about the necessity of the establishment of channels of import and export data objects, with the aim of developing effective measures to combat smuggling.

Key words: smuggling, customs border, weapons, arms trafficking, the main ways of weapons smuggling.

Spisok literatury:

1. Mokrinskij O. A. Kontrabanda ognestrel'nogo oruzhiya i boepripasov k nemu: pravovye i tekhniko-kriminalisticheskie problemy rassledovaniya: diss... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2004. – S. 258.
2. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.04.2017 № 12 «O sudebnoj praktike po delam o kontrabande». [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://base.garant.ru/71665790/> (data obrashcheniya 20.03.2018.).
3. Tamozhennyj kodeks Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza (prilozhenie № 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza). [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/84654882a47691ab62b0afd4460001310215ce3c/ (data obrashcheniya 02.04.2018).
4. National reports on arms exports. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.sipri.org/databases/national-reports> (data obrashcheniya 11.03.2019).
5. Chernyj rynek vooruzhenij. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://rosinvest.com/acolumn/blog/guns/524.html> (data obrashcheniya: 14.07.2018).
6. Hritoshin I. A. Konceptual'nye aspekty bor'by s kontrabandoy vooruzheniya i voennoj tekhniki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – № 5. – 2014. – S. 135-138.
7. James G. Civilian contractors-guns: the AK-47 and the M-4 in security contracting-a comparison [Elektronnyj resurs]. Death Valley Magazine. URL: <http://www.deathvalleymag.com/2012/07/23/civilian-contractors-guns-the-ak-47-and-the-m-4-in-security-contracting-a-comparison/> (data obrashcheniya 28.08.2018.)
8. Osnovy bor'by s organizovannoj prestupnost'yu. Monografiya / pod red.: Ovchinskij V.S., Eminov V.V., Yablokov N.P.. – M.: Infra-M, 1996. – 400 s.
9. Musaeu M. M. Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij analiz nezakonnogo izgotovleniya oruzhiya: po materialam Respubliki Dagestan: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. – Mahachkala, 2004. – 24 s.
10. Organizovannaya prestupnost' – 4 / pod red. A.I. Dolgovoj. – M.: Kriminologicheskaya asociaciya, 1998. – 280 s.
11. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov / pod red. prof. V.D. Malkova – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: ZAO «YUsticinform», 2006.
12. V Peterburge po faktu kontrabandy oruzhiya iz Evrosoyuza vzbudili ugovnoe delo. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/08/14/1429499.html> (data obrashcheniya 12.10.2016).
13. 12 posylok s boepripasami FSB obnaruzhilo v Kaliningradskoj oblasti. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://fsb.rf/> (data obrashcheniya 19.06.2017).
14. Sushko A.D. Ugolovnaya otvetstvennost' za kontrabandu ognestrel'nogo oruzhiya v gosudarstvah – uchastnikah SNG // Zakon i pravo. – № 11. – 2014. – S. 90-99.
15. FSB perekryla krupnyj kanal kontrabandy oruzhiya s Ukrainy. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://fsb.rf/> (data obrashcheniya 17.04.2017).
16. FSB presekla deyatel'nost' podpol'nyh oruzhejnikov v 21 regione Rossii. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://fsb.rf/> (data obrashcheniya 29.09.2017)..

УДК 343.98

**БЕСПИЛОТНЫЕ СРЕДСТВА ДОСТАВКИ
ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ КАК ОРУДИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Рудик М. В., Торопов С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются причины использования беспилотных воздушных судов преступниками для совершения террористических актов. Анализируются способы борьбы с БВС в случае возникшей необходимости, которые могут быть использованы сотрудниками правоохранительных органов. Приводится обзор некоторых отечественных технических разработок, направленных на борьбу с БВС. Даются предложения по совершенствованию законодательства с учетом новых орудий преступного деяния, определяются перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, дрон, перехват, террористический акт, взрывное устройство, правоохранительные органы.

Террористическая деятельность давно уже не является проблемой единичных государств. Мировое сообщество в начале XXI столетия признало терроризм «глобальной чумой», которая проникла не только в страны ближнего востока, но и стала угрозой национальной безопасности большинства европейских высокоразвитых государств.

С развитием технологий и улучшений повседневной жизни в наш быт внедряются разнообразные механические и электронные устройства, облегчая выполнения всевозможных бытовых задач и просто реализуя развлекательную функцию. Общество привыкло к тому, что больше нет необходимости писать друг другу письма на материальных носителях (бумаге), так как быстрее это сделать при помощи электронной почты и глобальной телекоммуникационной сети Интернет. Достаточно много граждан практически не пользуются средствами проводной связи, а используют средства мобильной коммуникации, которые давно уже совместили в себе не только устройство связи, но и мощные компьютеры с большим разнообразием мультимедийных функций. Наши автотранспортные средства теперь не только выполняют функцию доставки из одного населенного пункта в другой, но и благодаря установленным электронным системам приобрели возможность сообщать пользователю оптимальный маршрут, предупреждать о возможных заторах на дороге, самостоятельно контролировать свое положение на дорожном полотне, а также наше физическое состояние за рулем, сигнализируя о необходимости остановки и отдыха.

Террористические группы и сообщества активно внедряют средства научно-технического прогресса для облегчения реализации механизма преступного деяния. Так, мобильный телефон в руках преступника-террориста не только способен обеспечить ему связь, но и при незначительном вмешательстве в конструкцию аппарата может стать дистанционным детонатором взрывного устройства, что предоставляет возможность не находиться рядом с местом подрыва.

У любителей фото и видео съемки появился незаменимый помощник – дрон (квадрокоптер). В ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации закреплено, что «беспилотное воздушное судно – воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)» [1]. Это техническое устройство позволяет при помощи фото-видеокамеры производить снимки в высоком разрешении с высоты подъема в 500 метров от точки взлета, доставлять небольшие грузы на расстояние 1-2 километра и снабжены системой передачи изображения. Кроме того, благодаря внедрению более совершенных технологий, технические характеристики таких аппаратов постоянно улучшаются. Сегодня беспилотное воздушное судно (далее – БВС) стоимостью около шестидесяти тысяч рублей способно находиться в воздухе около тридцати минут и отлетать от оператора на несколько километров [2]. Основными лидерами на рынке производителей гражданских БВС считаются DJI и Yuneec (Китай), 3D Robotics (Франция, США). К 2010 году Федеральное управление гражданской авиации США прогнозировало количество используемых населением гражданских БВС на уровне 15 000 штук, но уже к 2016 году увеличили их количество до 550 000 штук [3].

Использование БВС в преступных целях может быть вызвано следующими причинами: отсутствие оператора на самом воздушном объекте и возможность дистанционного управления; возможность переноски различного оборудования и предметов; способность работать автономно определенное время (в зависимости от модели и технических характеристик); для моделей винтокрылых летательных аппаратов имеется возможность вертикального взлета и посадки без использования дополнительных приспособлений; доступность, ввиду низкой стоимости (в зависимости от модели и технических характеристик); низкие человеческие потери среди операторов, управляющих аппаратами в случаях применения в зонах вооруженных конфликтов; способность подлета к цели, не доступной с наземной поверхности; возможность организации преступного деяния с большим количеством потерпевших; недостаточное количество методик противодействия БВС, применяемых сотрудниками правоохранительных органов [4, с. 75-79].

Все выше обозначенные причины делают их достаточно удобным и доступным «инструментом» для реализации преступных целей террористов. Так боевики «Исламского государства» (организация признана террористической и запрещена в России) начали использовать модифицированные версии обычных гражданских БВС в качестве «бомбардировщиков». Как сообщает BBC News, с помощью таких аппаратов террористы доставляют и сбрасывают на правительственные войска гранаты для 40-миллиметровых гранатометов. Указанные БВС боевики использовали для защиты своих позиций во время операции правительственных войск Ирака по освобождению Мосула [5]. Надо отметить, что основным отличием многовинтовых винтокрылых летательных аппаратов (мультикоптеров), является то, что ввиду их компактных размерных характеристик переносимый груз невозможно расположить внутри фюзеляжа, либо под него изготавливается контейнер, от которого ухудшается часть летных свойств. Это помогает оценить визуальным наблюдением в ряде случаев имеет ли БВС вооружение или иные элементы, не являющиеся элементами конструкции завода-изготовителя [6, с. 349-350]. Наибольшую опасность представляют небольшие БВС, весом от трех до двадцати килограммов, связано это с тем, что вес полезной нагрузки, которую они могут поднимать составляет 10-30% от об-

щей массы [7, с. 100-1011]. Также в октябре 2016 года стало известно, что боевики «Исламского государства» используют БВС для разведки и координации своих действий, на них закрепляются фотокамеры, способные передавать изображение по беспроводной связи в достаточно хорошем качестве.

Угроза использования БВС при совершении преступных деяний становится реальной и на территории нашего государства. Так, в Московском городском суде было заслушано дело в отношении бывшего сотрудника Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству 39-летнего Игоря П. Его обвиняют в подготовке террористического акта и изготовлении оружия. Атаковать он намеревался одного из самых охраняемых лиц государства – Президента России при помощи квадрокоптера. Как стало известно правоохранительным органам, Игорь П. в социальных сетях зарекомендовал себя как ярый противник действующей власти, называл себя негласным вождем новой русской революции. Неоднократно при помощи групп в социальных сетях указанное лицо призывало к акциям гражданского неповиновения. Позже он активно занимался производством взрывчатых веществ и в 2013 году во время обыска на его квартире оперативники обнаружили целую «лабораторию» по производству взрывчатых веществ. Во время производства допроса от него были получены показания, относительно планов по закреплению взрывного устройства на квадрокоптере, который по замыслу последнего должен был приблизиться к транспортному средству главы государства и причинить ему повреждения [8]. Известны также случаи, использования БВС при облетах митингов, приближении к политикам, режимным объектам (посольства), при доставке запрещенных объектов в места лишения свободы.

Указанные факты говорят о повышенной опасности данных устройств и возможности использования их в качестве возможных средств доставки взрывных устройств к потенциальной цели. Вызывает также беспокойство, что правоохранительными органами в недостаточной мере производится анализ степени угрозы БВС, а также слабо выработана методика противодействия последним.

Обнаружение БВС тоже вызывает ряд трудностей, что вызвано следующими особенностями конструкции последних: малые габариты, компактные двигатели, недостаточное для обнаружения тепловое излучение и шумность, композитные применимые материалы изготовления.

Горелов В. И., Ковылов О. В. выделяют следующие способы противодействия БВС: контролируемая продажа (в особенности реализации БВС с большой полезной нагрузкой) операторам, имеющим навыки использования такой техники, или прошедшим краткосрочные курсы; установка на летательные аппараты, поступающие в свободную продажу программного обеспечения с определенными ограничениями относительно высоты подъема и пролета над режимными объектами; обязательное нанесение обозначений, позволяющих идентифицировать владельца; оснащение летательных аппаратов аэронавигационными огнями; создание технических средств для борьбы с БВС и оснащение ими работников правоохранительных органов (возможно создание специализированных подразделений). Также ученые предлагают следующий способ борьбы с БВС: путем создания помех на каналах частотой 2.4-2.5 ГГц лишить БВС возможности управления оператором, т.к. после потери связи часть аппаратов (в зависимости от первичных настроек) останется в воздухе без

дальнейших перемещений (это позволит их перехватить) или вернется в точку старта. Для того, чтобы аппарат не вернулся в точку старта надо лишить его возможности перемещаться по системам спутниковой навигации и иным ориентирам, последние также должны подвергаться подавлению [7, с.1012].

Из отечественных разработок, которые можно выделить для борьбы с БВС – блокиратор систем управления БПЛА ШТОРА-2, производимый АО «Кобра». Вышеуказанное устройство предназначено для «противодействия каналам связи навигационных систем GLONASS, NAVSTAR, GALILEO и COMPASS и каналам управления беспилотных летательных аппаратов», а также способно работать автономно и со стационарными источниками питания 220 В [9]. Также можно отметить комплекс «Шиповник-АЭРО», производителя НИИ «Эталон», который позволяет создать мощные помехи для подавления сигнала оператора БВС, затем перехватывает сигнал управления, дешифровывает его и подменяет своим с полной передачей управления оператору комплекса [10].

К основным способам противодействия БВС можно отнести следующие: акустические, лазерные, микроволновые сети, противодрон, системы вмешательства в управление и смена оператора.

При акустическом способе воздействия на БВС гироскоп, который служит средством стабилизации последнего в полете, повреждается резонансными частотами ультразвука (источник звука мощностью 140 дБ способен повредить БВС на расстоянии до 40 метров). При лазерном способе нейтрализации БВС применяется луч, выделяемый твердотельным лазером, работающий в инфракрасном диапазоне, который способен поражать цель путем ее механического нагрева на расстояниях до 1.6 км. Микроволновые способы создают в электроприборах наведенные токи, которые разрушают электрооборудование. Сети имеют механический способ действия и размещаются на пути (выстреливаются с учетом траектории полета) движения БВС, фиксируя и удерживая его (ячейки сети входят в зацепление конструктивными элементами фюзеляжа). Противодроны представляют собой БВС, которые могут использовать сеть для улавливания других летательных аппаратов (в развернутом виде, либо выстреливать с помощью дополнительных устройств) [11, с. 2-3; 12, с. 64-67].

Существуют также определенные проблемы, связанные с установлением владельца БВС, т.к. регистрационные обозначения на фюзеляже последнего отсутствуют. Необходимо учитывать, что в соответствии со ст.33 п.3.2 ВК РФ «беспилотное воздушное судно с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенные в Российскую Федерацию или произведенные в Российской Федерации, подлежат учету в порядке, установленном Правительством Российской Федерации». Для реализации этих положений Минтранс России ведет разработку проекта постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации», однако документ еще не утвержден [1; 13].

Уголовное законодательство предусматривает ответственность за незаконное приобретение, изготовление, передачу, хранение, ношение и сбыт взрывчатых

устройств в ст.ст. 222-1, 223-1 УК РФ. Однако в выше обозначенных статьях не закреплены положения о средствах доставки указанных предметов.

Принимая во внимание важность охраняемых общественных отношений, характер общественной опасности, который исходит от указанных действий и масштаб возможного ущерба, считаем необходимым:

1) дополнить часть 3 статьи 222-1 словами: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или с использованием беспилотных воздушных судов или иных беспилотных средств доставки»;

2) проводить дальнейшие научные разработки в части подготовки методических рекомендаций по противодействию БВС сотрудниками правоохранительных органов и гражданским населением (с учетом изменяющихся технико-конструктивных характеристик);

3) разработка нормативно-правового обеспечения, регулирующего возможность применения мер реагирования сотрудниками правоохранительных органов в отношении пресечения преступных действий пользователей с использованием БВС;

4) разработка и совершенствование технических средств противодействия БВС и комплектование ими подразделений правоохранительных органов с проведением инструктажей, в т.ч. с участием представителей производителя.

Список литературы:

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 05.05.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018).
2. См.: Модель квадрокоптера DJI Phantom 1-4. URL: <<https://infocopter.ru/model-kvadrokoptera-dji-phantom-1-i-drugie/>> (последнее обращение – 05 мая 2019 г.).
3. См.: Охота на беспилотник: как военные борются с гражданской угрозой с воздуха. URL: <https://военное.рф/2018/%C1%EF%EB%E029/> (последнее обращение – 05 мая 2019 г.).
4. Голубев С.В., Кирьянов В.К. О подходе к подготовке в высшем военном учебном заведении специалистов радиоэлектронной борьбы с системами управления беспилотными летательными аппаратами и робототехническими средствами иностранных армий / С.В. Голубев, В.К. Кирьянов // Военная мысль. 2017. № 4. С. 74-80.
5. Атака с неба <<https://nplus1.ru/news/2017/01/19/bombers.>> (последнее обращение – 20 октября 2018 г.).
6. Головнев А. А., Фимушин Е. С., Степанов Р. Н., Короленко В. В., Кровяков В. Б. Конструкция винтокрылого беспилотного летательного аппарата с расширенными функциональными возможностями / А. А. Головнев, Е. С. Фимушин, Р. Н. Степанов, В.В. Короленко, В.Б. Кровяков // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. №12. С. 349–351.
7. Горелов В. И., Ковылов О. В. Актуальные вопросы противодействия применению беспилотных воздушных судов в противоправных целях / В. И. Горелов, О. В. Ковылов // Инженерный вестник. 2016. № 8. С. 1008–1013.
8. См.: Использование дронами оружия. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26354/3237036/> (последнее обращение – 20 октября 2018 г.).
9. См.: ШТОРА-2, блокиратор систем управления БПЛА. URL: <https://www.arms-expo.ru/armament/samples/1767/91270/> (последнее обращение – 05 мая 2019 г.).
10. См.: В РФ испытывается новейший комплекс РЭБ «Шиповник-АЭРО». URL: <https://topwar.ru/100400-v-rf-ispityvaetsya-noveyshiy-kompleks-reb-shipovnik-aero.> (последнее обращение – 05 мая 2019 г.).
11. Теодорович Н.Н., Строганова С.М., Абрамов П.С. Способы обнаружения и борьбы с малогабаритными беспилотными летательными аппаратами / Н.Н. Теодорович, С.М. Строганова, П.С. Абрамов // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 9, №1 (2017) С. 1–7.

12. Кавецкий Д. Б., Денисов В. В. О защите жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов от угроз, которые могут возникнуть при использовании правонарушителями беспилотных летательных аппаратов/ Д.Б. Кавецкий, В.В. Денисов // В сборнике: Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности Сборник научных статей Материалы межвузовской научно-практической конференции. 2017. С. 63-68.

13. См.: Закон о беспилотниках в РФ 2019. Нужно ли регистрировать квадрокоптер? URL: <https://profpv.ru/zakon-o-bespilotnikah-v-rf-nuzhno-li-reg/> (последнее обращение – 05 мая 2019 г.).

Rudik M., Toropov S. Unlimited delivery means explosive substances as an instrument of crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 175–180.

The article discusses the reasons for the use of unmanned aircraft by criminals to commit terrorist acts. Analyzed ways to deal with UA in case of need, which can be used by law enforcement officers. A review of some domestic technical developments aimed at combating UA is given. Proposals for improving legislation in the light of new instruments of criminal act, promising areas for further research are identified.

Key words: unmanned aircraft, drone, interception, terrorist act, explosive device, law enforcement agencies.

Spisok literaturey:

1. Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 19.03.1997 N 60-FZ (red. ot 05.05.2019) (s izm. i dop., vstup. v silu s 14.08.2018).
2. См.: Model' kvadrokoptera DJI Phantom 1-4 <<https://infocopter.ru/model-kvadrokoptera-dji-phantom-1-i-drugie/>> (poslednee obrashchenie – 05 maya 2019 g.).
3. См.: Ohta na bespilotnik: kak voennye boryutsya s grazhdanskoj ugrozoi s vozduha <<https://voennoe.rf/2018/%C1%EF%EB%E029/>> (poslednee obrashchenie – 05 maya 2019 g.).
4. Golubev S.V., Kir'yanov V.K. O podhode k podgotovke v vysshem voennom uchebno-metodicheskom zavedenii specialistov radioelektronnoj bor'by s sistemami upravleniya bespilotnymi letatel'nymi apparatami i robototekhnicheskimi sredstvami inostrannykh armij / S.V. Golubev, V.K. Kir'yanov // Voennaya mysl'. 2017. № 4. S. 74-80.
5. См.: Ataka s neba <<https://nplus1.ru/news/2017/01/19/bombers.>> (poslednee obrashchenie – 20 oktyabrya 2018 g.).
6. Golovnev A. A., Fimushin E. S., Stepanov R. N., Korolenko V. V., Krovnyakov V.B. Konstrukciya vintokrylogo bespilotnogo letatel'nogo apparata s rasshirennyimi funkcional'nymi vozmozhnostyami / A. A. Golovnev, E. S. Fimushin, R. N. Stepanov, V. V. Korolenko, V. B. Krovnyakov // Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki. 2016. №12. S.349–351.
7. Gorelov V. I., Kovylov O.V. Aktual'nye voprosy protivodejstviya primeneniyu bespilotnykh vozdushnykh sudov v protivopravnykh celyah / V. I. Gorelov, O.V. Kovylov // Inzhenernyj vestnik. 2016. № 8. S. 1008–1013.
8. См.: Ispol'zovanie dronami oruzhiya. <<https://www.msk.kp.ru/daily/26354/3237036/>> (poslednee obrashchenie – 20 oktyabrya 2018 g.).
9. См.: SHTORA-2, blokirator sistem upravleniya BPLA. < <https://www.arms-expo.ru/armament/samples/1767/91270/>> (poslednee obrashchenie – 05 maya 2019 g.).
10. См.: V RF ispytyvaetsya novejsij kompleks REB «SHipovnik-AERO» < <https://topwar.ru/100400-v-rf-ispytyvaetsya-novejsiy-kompleks-reb-shipovnik-aero.>> (poslednee obrashchenie – 05 maya 2019 g.).
11. Teodorovich N.N., Stroganova S.M., Abramov P.S. Sposoby obnaruzheniya i bor'by s malogabaritnymi bespilotnymi letatel'nymi apparatami / N. N. Teodorovich, S.M. Stroganova, P.S. Abramov // Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» Tom 9, №1 (2017) S.1–7.
12. Kaveckij D. B., Denisov V.V. O zashchite zhizni i zdorov'ya sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov ot ugroz, kotorye mogut vozniknut' pri ispol'zovanii pravonarushitelyami bespilotnykh letatel'nyh apparatov/ D.B. Kaveckij, V.V. Denisov // V sbornike: Aktual'nye voprosy taktiki ohrany obshchestvennogo porjadka i obshchestvennoj bezopasnosti Sbornik nauchnykh statej Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 63-68.
13. См.: Zakon o bespilotnikah v RF 2019. Nuzhno li registrirovat' kvadrokoptery? <<https://profpv.ru/zakon-o-bespilotnikah-v-rf-nuzhno-li-reg/>> (poslednee obrashchenie – 05 maya 2019 g.).

УДК 345.5

СРАВНИТЕЛЬНО–ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОХРАНЫ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Скворцова О. В., Зитулаева Д. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследованы нормы, регламентирующие ответственность за совершение преступлений, направленных против интересов семьи и несовершеннолетних, отдельные аспекты их правоприменения. Проведен сравнительно-правовой анализ отечественного уголовного законодательства и законодательной базы ФРГ, Испании, Швейцарии, Голландии, Польши, государств-участников Содружества, на основании которого выявлены некоторые пробелы уголовно-правовой защиты интересов семьи и несовершеннолетних в Российской Федерации и предложены возможные пути их устранения.

Ключевые слова: сравнительно-правовой анализ, уголовная охрана, уголовная ответственность, общественные отношения, преступления против семьи и несовершеннолетних, двоебрачие, тайна усыновления, подмена ребенка, торговля детьми, похищение, подкидывание.

Семья и связанные с ней отношения являются приоритетными направлениями охраны как в России, так и в зарубежных странах. Основной закон – Конституция, провозглашая Российскую Федерацию (далее – РФ) демократическим правовым государством, в ст. 38 определяет, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1, с. 19]. Обеспечивая полноценное воспитание детей, охрану их прав и законных интересов, всестороннее физическое, умственное, нравственное и духовное развитие, семья нуждается в особой правовой защите, существенную роль в которой играет уголовно–правовая. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи и несовершеннолетних предусмотрена главой 20 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ. Перечень преступлений, содержащихся в ст. ст. 150 – 157 УК РФ, не является исчерпывающим. Посягательства на интересы несовершеннолетних выступают квалифицирующими обстоятельствами в ряде статей Особенной части (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 2 ст. 133 УК РФ), что связано с неспособностью несовершеннолетнего в силу физического и психического развития защитить себя, оказать активное сопротивление виновному [2, с. 65].

Защита интересов и прав несовершеннолетних в зарубежных странах варьируется в зависимости от присущих каждому обществу юридических традиций. При этом, на подходы к урегулированию уголовно–правовой охраны семьи, материнства и детства внутри каждого суверенного государства оказывают влияние международные правовые акты, которые отражают единую правовую позицию мирового сообщества по отношению к ценности семьи. Согласно ч. 3 ст. 16 Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., провозглашается, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту, как со стороны общества, так и со стороны государства [3]. Декларация прав ребенка, провозглашенная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г., закрепляет обязанность государств–участников обеспечивать законом и другими средствами специальную защиту ребенка и предоставлять

возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, духовно, нравственно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем [4].

Изучение зарубежного опыта уголовно–правовой охраны ценно тем, что, сопоставляя одноименные правовые нормы, принципы и институты, можно определить общие закономерности развития и перспективы совершенствования отечественного уголовного права, что и обуславливает актуальность данного исследования. Как справедливо отмечал в работе «Очерки сравнительного права» известный французский юрист М. Ансель, изучение иностранного опыта открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, поскольку специфические черты его (права) отчетливо выявляются при сравнении с другими системами. Сравнение способно предоставить юристу те аргументы, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права [5].

Таким образом, целью исследования является изучение перспектив развития института уголовно–правовой защиты интересов семьи и несовершеннолетних на основе сравнительно–правового анализа отечественного и зарубежного опыта с учетом специфики законодательной техники и правоприменительной деятельности каждого государства. Рассматривая тенденции становления и развития уголовно–правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних в зарубежных государствах, можно отметить, что, несмотря на исторические особенности и специфику социального уклада, государства объединены общностью личных благ, поставленных под охрану уголовного закона. К их числу можно отнести жизнь, здоровье, половую свободу, честь и достоинство. В зависимости от встречающихся вариантов общественно опасных посягательств на упомянутые блага статьи зарубежных УК можно систематизировать на 3 группы.

К первой группе отнесены нормы, направленные на уголовно–правовую охрану института брака. Зарубежные УК предусматривают два состава преступлений, посягающих на поставленные под защиту уголовным законом интересы лиц, вступающих в брак или состоящих в законном браке: двоебрачие и инцест. УК ФРГ содержит статью «Двоебрачие», согласно которой тот, кто заключает брак, состоя в браке, или кто вступает в брак с лицом, состоящим в браке, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом [6]. Схожие составы содержатся в УК иных европейских государств: в частности, УК Испании предусмотрена ответственность для лиц, «вступивших во второй и последующий брак, зная, что уже состоит в законном браке» [7]. Согласно санкции ст. 218, к лицу применяется наказание в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 1 года. В УК Голландии в качестве квалифицирующего обстоятельства применительно к данному виду преступлений предусмотрено умышленное вступление лица в двоебрачие, при котором лицо скрыло от другой стороны тот факт, что уже состоит в браке. В таком случае лицу может быть назначено тюремное заключение до 6 лет, в то время как при совершении преступления, объективную сторону которого составляет только вступление во второй брак, УК Голландии предусматривает в качестве наказания тюремное заключение не более 4 лет [8]. УК Швейцарии предусматривает ответственность за инцест. В ст. 213 законодателем закреплено, что тот, «кто сожительствует с кровными родственниками по прямой линии, наказывается тюремным заключением» [9]. УК ФРГ, предусматривая уголовную ответственность за такое общественно

опасное деяние, как инцест, дифференцирует уголовное наказание в зависимости от линии родства: для лица, сожительствующего с кровным родственником по нисходящей линии, предусмотрено более строгое наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, в то время как лицо, которое сожительствует с кровным родственником по восходящей линии, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет. В современном УК РФ состав инцеста не криминализован, но содержатся нормы, устанавливающие ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет. При этом, не защищены права лиц в возрасте от 16 до 18 лет, которые, согласно ст. 1 ратифицированной в России Конвенции о правах ребенка 1989 г., признаются детьми [10]. Целесообразно криминализовать преступление, посягающее на половую неприкосновенность лиц в возрасте от 16 до 18 лет, устранив тем самым пробел в УК РФ.

Следующая группа норм направлена на уголовно-правовую охрану института усыновления и удочерения. К числу общественно опасных посягательств относят: незаконное усыновление (удочерение), подмена ребенка, нарушение тайны усыновления. В УК Испании незаконное усыновление наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до двух лет и лишением родительских прав на срок от четырех до десяти лет, в отличие от РФ, где в санкции ст. 154 наказание в виде лишения свободы на определенный срок не предусмотрено. Ст. 223 УК Испании предусматривает ответственность учителей, медицинских работников, должностных лиц, которые при исполнении своих профессиональных обязанностей участвуют в совершении преступления.

Особое внимание по отношению к охране права ребенка на свободу и применению превентивных мер для предотвращения подмены как преступления, посягающего на общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации ребенком права проживать с родителями и воспитываться в семье, вызвано закреплением обязанности государств-участников ООН обеспечивать возможность ребенка не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с законом, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка, для его полноценного развития (ст. 9 Конвенции о правах ребенка 1989 г.) [10].

УК Испании предусмотрена уголовная ответственность за подмену ребенка, под которой подразумевается замена одного ребенка другим. В отличие от диспозиции ст. 153 УК РФ, где в качестве мотива преступления выступают корыстные и иные побуждения лица, УК Испании не называет каких-либо мотивов в качестве обязательных. При этом, к уголовной ответственности привлекаются лица, ответственные за охрану детей в медицинских и социально-медицинских учреждениях, если вследствие грубой неосторожности подменили ребенка.

УК Польши предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет применительно к лицу, которое «вопреки воле лица, на которого возложены обязанности по осуществлению опеки, уводит или задерживает малолетнего, не достигшего 15 лет» [11].

В УК Латвийской Республики, а также УК государств-членов Содружества Независимых Государств (далее-Содружества) деяние сконструировано законодателем как «умышленная подмена ребенка», а корыстные или иные низменные побуждения, в отличии от отечественного УК, выделены в качестве квалифицирующих при-

знаков квалифицированного состава преступления [12]. Например, если в качестве санкции за умышленную подмену ребенка ст. 180 УК Республики Беларусь предусмотрено наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет или лишения свободы на тот же срок, то за те же действия, совершенные из корыстных или иных низменных побуждений, в качестве санкции предусмотрено ограничение свободы на срок до пяти лет или лишения свободы на срок от трех до шести лет при назначении дополнительного наказания в виде штрафа [13].

Исходя из анализа зарубежного опыта урегулирования уголовно-правовой защиты общественных отношений, складывающихся в процессе реализации права ребенка проживать с родителями и воспитываться в семье, существует необходимость изменения действующей редакции ст. 153 УК РФ. Так, целесообразно: 1) сконструировать простой и квалифицированный состав подмены в ч. 1 и 2 ст. 153 УК РФ соответственно; 2) в качестве простого состава ч. 1 ст. 153 УК РФ определить умышленную подмену ребенка, в качестве квалифицирующего признака квалифицированного состава ч. 2 – подмену ребенка, совершенную из корыстных или низменных побуждений.

Особенностью уголовного законодательства европейских государств является отсутствие специальной нормы, охраняющей отношения по обеспечению тайны усыновления. Если в УК РФ содержится ст. 155, которая устанавливает ответственность за разглашение тайны усыновления вопреки воле усыновителя, то в УК Голландии содержится лишь общая норма, предусматривающая наказание в виде тюремного заключения или штрафа лицу, которое умышленно разглашает тайну, которую оно обязано хранить в силу своей должности [8]. Ст. 321 УК Швейцарии предусматривает уголовную ответственность для духовников, защитников, нотариусов, адвокатов, врачей, акушеров, аптекарей, которые разглашают тайну, доверенную им вследствие профессиональной деятельности, если они при ее осуществлении должны сохранять эту тайну. Примечательным является то, что доверенную им тайну перечисленные выше лица обязаны хранить после прекращения профессиональной деятельности [9].

Третью группу общественно опасных посягательств составляют посягательства на законные права и интересы несовершеннолетних. Как было упомянуто ранее, Декларация прав ребенка возлагает на государств-участников соглашения обязанность обеспечивать законом и другими средствами специальную защиту ребенка и предоставлять возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, духовно, нравственно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства [4]. Нормы Декларации имплементированы в национальную правовую систему России, в связи с чем наравне с государственными гарантиями обеспечения полноценного развития ребенка, предусмотрена обязанность родителей или иных лиц, на которых возложены эти обязанности, а равно педагогических работников образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, по воспитанию несовершеннолетних. При неисполнении или ненадлежащем исполнении указанной обязанности к лицам, перечисленным в ст. 156 УК РФ, предусмотрено применение мер уголовной ответственности. Положения, идентичные нормам УК РФ, содержатся во всех уголовных законах иностранных государств, но со своими особенностями: если УК РФ ограничивает ответственность лиц за неисполне-

ние обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего только жестоким обращением, то УК ФРГ в качестве основания для привлечения лица к уголовной ответственности усматривает нарушение обязанностей по попечению или воспитанию несовершеннолетнего, если такое неисполнение создает опасность для физического или психического здоровья опекаемого, приводит к преступному образу жизни или к занятию проституцией [6]. УК Швейцарии наказывает тюремным заключением того, кто нарушает обязанности по попечению или воспитанию по отношению к несовершеннолетнему лицу, и тем самым создает угрозу для их физического или духовного развития (ст. 219). При этом УК Швейцарии разграничивает умышленную и неосторожную форму вины при совершении упомянутого деяния. Ч. 2 ст. 219 УК предусматривает назначение лицу наказания в виде штрафа вместо тюремного заключения в случае, если оно действует по неосторожности [9].

Уголовные законы ФРГ, Испании, Швейцарии предусматривают запрет на похищение, торговлю и подкидывание детей. Совершая преступления, отнесенные к данной группе общественно опасных деяний, лицо, в первую очередь, нарушает гарантируемое государством и мировым сообществом право ребенка на личную свободу и неприкосновенность, которое является, согласно ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, неотъемлемым правом каждого ребенка без всяких исключений и без различия или дискриминации по признаку расы, пола, цвета кожи, языка, религии, национального или социального происхождения, политических или иных убеждений, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, касающегося самого ребенка или его семьи [14].

Простая диспозиция ч. 1 ст. 126 УК РФ не раскрывает содержания похищения человека как общественно опасного посягательства на охраняемые законом интересы, за совершение которого предусмотрено применение мер уголовного наказания. Таким образом, легальное определение похищения ребенка и отграничение его от смежных составов отсутствует как в действующем уголовном законе, так и в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (далее - ВС РФ), разъяснения которого обязательны для применения судами при рассмотрении конкретных дел. Доктринальный подход отечественной уголовно-правовой науки к толкованию нормы, содержащейся в ст. 126, в своем труде «Русское уголовное право» раскрыл Н. С. Таганцев, который под похищением человека понимал «противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте» [15, с. 67].

Признавая похищение человека в качестве международного преступления против человечности, Международный уголовный суд в п. 1 ст. 7 Римского статута 1998 г. установил правовой запрет на «насильственное исчезновение людей». Под насильственным исчезновением людей, согласно п. 2, понимается арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией, или с их разрешения, при их поддержке, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного времени [16].

Аналогичные положения Римского статута Международного уголовного суда подходы к определению противоправного деяния, выражающегося в форме похищения ребенка, содержатся в УК европейских государств: УК Голландии преду-

смотрено наказание в виде заключения сроком до 6 лет лицу, которое умышленно забирает несовершеннолетнего из-под опеки лица или лиц, имеющих законные полномочия по отношению к нему, или из-под надзора лица, законным образом наделенного такой надзорной функцией (ст. 279). Следует отметить специфику уголовно-правового урегулирования при привлечении лица к ответственности за похищение несовершеннолетнего женского пола. Специальная норма УК Голландии устанавливает более строгое, по сравнению с санкцией ст. 279, наказание лицу, которое забирает несовершеннолетнее лицо женского пола против воли ее родителей или опекунов, но с ее согласия, с целью овладеть ею в браке или вне брака. При наличии указанного квалифицирующего признака лицу может быть назначено уголовное наказание в виде тюремного заключения сроком до 9 лет [8].

УК ФРГ определяет необходимые условия ответственности за похищение несовершеннолетнего у родителей или у одного из родителей, опекуна или попечителя:

1) похищаемое лицо должно быть моложе 18 лет и не состоять в отношениях родства с похитителем; 2) выполнение объективной стороны невозможно без применения насилия или угрозы причинения ощутимого вреда здоровью. Диспозиция § 235 содержит указание на альтернативные формы похищения несовершеннолетнего: 1) похищение ребенка для переправки его за границу; 2) сокрытие несовершеннолетнего за границей после того, как тот был доставлен туда, или после того, как отправился за границу.

К отягчающим обстоятельствам для исполнителя, предусмотренным § 235 УК ФРГ в качестве признаков состава преступления, отнесены: причинение тяжкого вреда здоровью жертвы или ее физическому или духовному развитию; совершение деяния за вознаграждение или с намерением получить материальную выгоду для себя или третьего лица [6].

УК Швейцарии квалифицирующими обстоятельствами квалифицированного состава похищения лица, не достигшего 16 лет, признает: требование выкупа за освобождение; жестокое обращение с потерпевшим; лишение свободы более десяти дней; причинение существенного вреда здоровью потерпевшего.

Время продолжительности незаконного удержания несовершеннолетнего по испанскому законодательству играет существенную роль при назначении наказания лицу, совершившему похищение. Общая норма ст. 163 УК устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 6 лет в случае, если частное лицо удерживает несовершеннолетнего в заточении, лишая его свободы. Специальная норма предусматривает возможность суда при вынесении приговора назначить наказание на степени ниже в случае, если виновный освобождает удерживаемого в течение первых трех дней заточения, не добившись поставленной цели. В случае удержания потерпевшего более 15 дней, верхний предел санкции увеличивается до 8 лет.

Ч. 2 ст. 126 УК РФ предусматривает в п. «д» в качестве отягчающего обстоятельства, включенного в состав квалифицированного похищения человека, совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего. Существенным недостатком, на наш взгляд, является отсутствие специальной нормы, дифференцирующей ответственность в зависимости от времени продолжительности незаконного удержания несовершеннолетнего [2].

Исходя из правоприменительного опыта Швейцарии и Испании, представляется целесообразным в целях предупреждения совершения преступлений включение в ч.

2 ст. 126 в качестве квалифицирующего обстоятельства квалифицированного похищения продолжительностью лишения свободы более десяти дней.

Согласно п. «с» ч. 1 ст. 7 Римского статута 1998 г., порабощение рассматривается Международным уголовным судом как преступление против человечности, представляющее собой умышленное насильственное деяние, совершаемое в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданских лиц [17, с. 581]. Под порабощением, согласно разъяснениям Международного уголовного суда, следует понимать «осуществление правомочий, связанных с правом собственности в отношении личности, включающее в себя осуществление таких правомочий в ходе торговли людьми, и в частности, женщинами и детьми» [16].

На рубеже XIX-XX вв. государства-акторы международных отношений, будучи обеспокоенными растущими масштабами торговли людьми, а особенно – международной контрабандной перевозки детей в целях торговли детьми, для принятия эффективных мер по предупреждению и борьбе с преступлениями против человечности, посягающими на защиту права ребенка от экономической эксплуатации, приняли Конвенцию против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. с Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, где дано международное определение торговли людьми, под которой понимается «осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, передачу, перевозку, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо». Эксплуатация, согласно положениям Конвенции, включает: эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [18].

В целях исполнения РФ международно-правовых обязательств, закрепленных Конвенцией относительно рабства от 25 сентября 1926 г., Конвенцией о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г., Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 25 мая 2000 г., Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 15 ноября 2000 г., в УК РФ была включена статья 127.1. Объективную сторону преступления, согласно диспозиции ч. 1 ст. 127.1 УК, образует купля-продажа человека, совершение иных сделок в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение.

Развивая положения, заложенные в ратифицированном Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, УК РФ в примечании 2 к ст. 127.1 раскрывает следующие формы эксплуатации: 1) использование занятия проституцией другими лицами; 2) иные формы сексуальной эксплуатации; 3) рабский труд (услуги); 4) подневольное состояние. Подневольным состоянием Дополнительной конвенцией об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 г., признается: а) долговая кабала, то есть состояние, возникающее вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда

или труда зависимого от него лица; б) крепостное состояние, то есть пользование землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого лица, или за вознаграждение или без такового, и не может изменить свое состояние по собственной воле; с) любой институт или обычай, в силу которых ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями либо своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда.

В отличие от УК РФ, составы торговли людьми некоторых иностранных государств ограничиваются только склонением к занятию проституцией. УК Швейцарии признает лицо виновным, если оно заставляет несовершеннолетнего, ее или его, заниматься проституцией или предпринимает любое действие относительно этого лица, если оно знает или должно обоснованно предполагать, что это действие заставит это лицо заняться проституцией. Большое влияние оказывает на квалификацию деяния лица возраст потерпевшего: квалифицированный состав торговли людьми, за совершение которого предусматривается наказание в виде тюремного заключения до восьми лет, в отличие от простого состава, где за совершение аналогичного деяния предусматривается тюремное заключение до шести лет, образует склонение к занятию проституцией несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет.

Сходные по своему содержанию составы преступлений содержатся в УК Голландии и ФРГ, но с особенностями разграничения наказания в зависимости от возраста потерпевшего. Например, ч. 2 § 180b УК ФРГ признает потерпевшим лицо, не достигшее двадцати одного года, хотя согласно Гражданскому кодексу ФРГ полная гражданская дееспособность лица наступает по достижении им 18 лет. Юридическая коллизия возникает в связи с историческими особенностями: до 1975 г. в ФРГ действовало положение о наступлении совершеннолетия в 21 год.

Стоит отметить, что как в УК РФ, так и в уголовных законах иностранных государств отсутствует специальная уголовно-правовая норма о привлечении лица к ответственности за торговлю, осуществленную в отношении несовершеннолетнего. Данный признак выступаетотягчающим обстоятельством, наряду с совершением деяния в отношении двух или более лиц, лицом с использованием служебного положения, с применением насилия или угрозой его применения и иными обстоятельствами, предусмотренными в ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, образуя тем самым квалифицированный состав преступления, включенного в главу «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

В УК РФ отсутствует норма, устанавливающая уголовно-правовой запрет на подкидывание ребенка как на преступление, посягающее на жизнь и здоровье малолетнего лица. Вместе с тем, при совершении подобных преступлений перед правоприменителем в зависимости от того, наступила ли смерть малолетнего лица, стоит задача разграничить между собой составы преступлений, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 105, ст. 106 и ст. 125 УК РФ. Квалификация деяния осуществляется, преимущественно, по субъективной стороне: следует выяснить, на что был направлен преступный умысел. О направленности умысла могут свидетельствовать такие факультативные признаки объективной стороны преступления, как: место и время оставления ребенка, погодные условия, а также иные обстоятельства, которые учитываются судом при назначении наказания. Например, новорожденный ребенок по

небрежности родителей оставлен в безлюдном месте. Квалификация содеянного возможна по ст. 125 УК РФ, если жизнь и здоровье ребенка поставлены в опасность, но при этом отсутствуют основания полагать, что родители намеревались убить его таким способом. В данном случае может возникнуть необходимость оказания ребенку неотложной помощи в связи с влиянием холода или других природных сил, способных причинить смерть или вред его здоровью, поскольку само лицо в силу малолетства лишено возможности принять меры к самосохранению [2].

УК Голландии регламентирует меры ответственности лицу, которое подкидывает ребенка младше 7 лет и оставляет его, дифференцируя наказания в зависимости от последствий, наступивших в результате совершения лицом общественно опасного деяния. Санкция статьи, предусматривающей простой состав подкидывания ребенка, определяет наказание в виде тюремного заключения сроком до четырех лет и шести месяцев с назначением дополнительного наказания в виде штрафа четвертой категории. Квалифицированный состав образует причинение тяжких телесных повреждений оставленному малолетнему лицу в результате оставления лица в бедственном положении. В соответствии со ст. 257 УК Голландии, за совершение такого деяния к лицу применяется уголовное наказание в виде тюремного заключения сроком до семи лет. Законодателем сконструирован и особо квалифицированный состав подкидывания, в результате которого ребенку причиняется смерть. Санкция предусматривает в виде основного наказания тюремное заключение до девяти лет, а в качестве дополнительного – штраф пятой категории.

Диспозицией ст. 258 УК Голландии предусмотрен особый субъектный состав совершения квалифицированного убийства. Специальным субъектом выступают отец или мать ребенка, которые подкинули ребенка младше 7 лет или оставили его. При привлечении родителя к уголовной ответственности, ему может быть назначено наказание в виде тюремного заключения на срок, превышающий предписанный в ст. 257 на одну треть.

Ст. 259 УК Голландии предусматривает смягчающее обстоятельство, при наличии которого состав подкидывания является привилегированным. В случае, если мать под влиянием страха раскрытия факта, что она родила ребенка, подкидывает или оставляет его, максимальные сроки тюремного заключения, должны быть сокращены в половину, а штраф, упомянутый в ст. 257, должен быть снижен до штрафа четвертой категории [8].

Изучив уголовно-правовые запреты на подкидывание и оставление ребенка, влекущее причинение тяжких телесных повреждений или смерти, в Голландии, на наш взгляд, существует необходимость во включении в систему Особенной части УК РФ, в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», ряда статей, предусматривающих: 1) привлечение к уголовной ответственности лица, подкинувшего или оставившего ребенка, вследствие чего ребенку были причинены тяжкие телесные повреждения либо смерть с соответствующей дифференциацией наказания в зависимости от наступивших последствий; 2) предусмотреть в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение деяния отцом либо матерью; 3) предусмотреть в качестве смягчающего обстоятельства привилегированного состава совершение деяния матерью с целью скрыть факт рождения ребенка.

Анализ законодательного и правоприменительного опыта РФ и зарубежных стран в области охраны интересов семьи и несовершеннолетних свидетельствует как об общности подходов к уголовно-правовой охране, так и о национальной спе-

цифике законодательной техники и правоприменительной деятельности каждого государства. В целом, нормы УК РФ соответствуют требованиям международных стандартов и отражают общие направления современного уголовно-правового развития. Но для преодоления пробелов в праве, на наш взгляд, необходимо: 1) включить в УК РФ в качестве уголовно-правовой категории инцест как преступление, посягающее на интересы семьи и несовершеннолетних; 2) сконструировать простой и квалифицированный состав подмены в ч. 1 и 2 ст. 153 УК РФ соответственно; в качестве простого состава ч. 1 ст. 153 УК РФ определить умышленную подмену ребенка, в качестве квалифицирующего признака квалифицированного состава ч. 2 – подмену ребенка, совершенную из корыстных или низменных побуждений; 3) включить в ч. 2 ст. 126 УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства квалифицированное похищение продолжительностью лишения свободы более 10 дней; 4) включить в систему Особенной части УК РФ, в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», статьи, предусматривающие привлечение к уголовной ответственности лиц, подкинувших или оставивших ребенка, вследствие чего ребенку были причинены тяжкие телесные повреждения либо смерть.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Проспект, 2018. – 62 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] – М.: Проспект, 2018. – 318 с.
3. Декларации [Электронный ресурс]: Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Декларации [Электронный ресурс]: Декларация прав ребенка: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.
5. Очерки сравнительного права / М. Ансель [и др.]; под общ. ред. Л.-Ж. Константинеско. – М.: Прогресс, 2014. – 256 с.
6. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: [принят Бундесратом 15 мая 1871 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=5854>.
7. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Испании: [принят Генеральными Кортесами в 1995 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923>.
8. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Голландии: [принят 3 марта 1881 г.; одобрен 5 марта 1881 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100458,100100510,100101139>.
9. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Швейцарии: [принят 21 декабря 1937 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241950>.
10. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: Конвенция о правах ребенка: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.
11. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Республики Польша: [принят 1 января 1997 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817>.
12. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Латвийской Республики: [принят 8 июля 1998 г.; одобрен 1 апреля 1999 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243424&subID=100106935,100106943,100106966,100107157>.
13. Кодексы [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Республики Беларусь: [принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://уголовный-кодекс.бел>.
14. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
15. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. В 2 ч. Ч. 1. Общая часть / Н. С. Таганцев. – М.: Наука, 2015. – 380 с.
16. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: Римский статут Международного уголовного суда: [принят 17 июля 1998 г.; вступил в силу 1 июля 2002 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).
17. Толстых, В. Л. Курс международного права / В. Л. Толстых. – М.: Проспект, 2018. – 712 с.
18. Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: [принят Гене-

ральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г.]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml.

Skvortsova O.V., Zitulayeva D.A. Rather-legal analysis of criminal safe-keeping of the family and juveniles in Russian Federation and foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 181–191.

The legal rules regulating liability for commission of household crimes and crimes against juveniles, certain aspects of their enforcement are analyzed. Rather-legal analysis of national criminal legislation and regulatory framework of FRG, Spain, Switzerland, Holland, Poland, States members of the Commonwealth, on the basis of which sole gaps of criminal defense of interests of family and juveniles in Russian Federation are educed and possible ways of their elimination are proposed, is conducted.

Key words: rather-legal analysis, criminal defense, liability to prosecution, social relations, household crimes and crimes against juveniles, bigamous marriage, secrecy of adoption, substitution of child, child trafficking, kidnaping, exposing.

Spisok literary:

1. Rossiyskaya Federatsiya. Konstitutsiya (1993). Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: ofits. tekst. – M.: Prospekt, 2018. – 62 s.
2. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: [prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 24 maya 1996 g.; odobren Sovetom Federatsii 5 iyunya 1996 g.] – M.: Prospekt, 2018. – 318 s.
3. Deklaratsii [Elektronnyy resurs]: Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: [prinjata General'noy Assambleey OON 10 dekabrya 1948 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
4. Deklaratsii [Elektronnyy resurs]: Deklaratsiya prav rebenka: [prinjata General'noy Assambleey OON 20 noyabrya 1959 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.
5. Ocherki sravnitel'nogo prava / M. Ansel' [i dr.]; pod obshch. red. L.-Zh. Konstantinesko. – M.: Progress, 2014. – 256 s.
6. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya: [prinyat Bundesaratom 15 maya 1871 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <https://constitutions.ru/?p=5854>.
7. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Ispanii: [prinyat General'nymi Kortesami v 1995 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923>.
8. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Gollandii: [prinyat 3 marta 1881 g.; odobren 5 marta 1881 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100458,100100510,100101139>.
9. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Shveysarii: [prinyat 21 dekabrya 1937 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241950>.
10. Konventsii i soglasheniya [Elektronnyy resurs]: Konventsiya o pravakh rebenka: [prinjata General'noy Assambleey OON 20 noyabrya 1989 g.]. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.
11. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Respubliki Pol'sha: [prinyat 1 yanvarya 1997 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817>.
12. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Latviyskoy Respubliki: [prinyat 8 iyulya 1998 g.; odobren 1 aprelya 1999 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243424&subID=100106935,100106943,100106966,100107157>.
13. Kodeksy [Elektronnyy resurs]: Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' : [prinyat Palatoy predstaviteley 2 iyunya 1999 g.; odobren Sovetom Respubliki 24 iyunya 1999 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <http://ugolovnyy-kodeks.bel>.
14. Konventsii i soglasheniya [Elektronnyy resurs]: Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: [prinyat General'noy Assambleey OON 16 dekabrya 1966 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
15. Tagantsev, N. S. Russkoe ugovnoe pravo. V 2 ch. Ch. 1. Obshchaya chast' / N. S. Tagantsev. – M.: Nauka, 2015. – 380 s.
16. Konventsii i soglasheniya [Elektronnyy resurs]: Rimskiy statut Mezhdunarodnogo ugovnogo suda: [prinyat 17 iyulya 1998 g.; vstupil v silu 1 iyulya 2002 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).
17. Tolstykh, V. L. Kurs mezhdunarodnogo prava / V. L. Tolstykh. – M.: Prospekt, 2018. – 712 s.
18. Konventsii i soglasheniya [Elektronnyy resurs]: Protokol o preduprezhdenii i presechenii trgovli lyud'mi, osobenno zhenshchinami i det'mi, i nakazanii za nee, dopolnyayushchiy Konventsiyu Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy protiv transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti: [prinjata General'noy Assambleey OON 15 noyabrya 2000 g.]. – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml.

УДК 345.5

**ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОСТАВООБРАЗУЮЩИХ И
КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Хациев М. Р.

юридический факультет КБГУ

В данной статье, обосновывая и критически оценивая непоследовательность и бессистемность положений ч. 1, 2 и 4 ст. 303 УК Российской Федерации в части регламентации составообразующих признаков субъективной стороны и отягчающих обстоятельств фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности, автором формулируются предложения о внесении изменений и дополнений в обозначенные нормы УК России.

Ключевые слова: преступления против правосудия; Статья 303 УК РФ; фальсификация доказательств; фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности; систематизация уголовного закона; составообразующие признаки; субъективная сторона преступления; цель совершения преступления; отягчающие обстоятельства; категории преступлений; совершенствование уголовного законодательства.

Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств регламентируется системой уголовно-правовых норм об ответственности за общий (ст. 303 УК РФ) и специальные виды фальсификации доказательств (ст. ст. 299, 300, 302, 304-307, 309 УК РФ).

Бессистемность и несогласованность в уголовно-правовом регулировании ответственности за перечисленные деяния, безусловно, приводят к нарушению принципа справедливости в процессе практического правоприменения, как основополагающей идеи правосудия, на причинение вреда интересам которого, в конечном итоге, и направлены все данные преступления.

Анализируя содержание общей уголовно-правовой нормы о фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), можно отметить, что она содержит, по сути, три самостоятельных основных состава преступления: 1) Фальсификация доказательств по гражданскому, административному делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ); 2) Фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) и 3) Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности (ч.4 ст. 303 УК РФ). При этом отметим, что ч.4 не входила в первоначальную редакцию ст. 303 УК РФ и была «дописана» в рассматриваемую норму в результате принятия Федерального закона РФ от 29.11.2012 N 207-ФЗ [7].

Последнее представляется действительно необходимым дополнением статьи 303 УК РФ. Регламентация ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности в самостоятельном составе преступления, ранее, в первоначальной редакции УК РФ, по сути, не подлежала уголовно-правовому регулированию в главе УК РФ о преступлениях против правосудия, поскольку результаты ОРД (Оперативно-розыскной деятельности) на этапе их фальсификации (до призна-

ния их следователем доказательствами в процессуальном порядке) не являются доказательствами.

Обозначенные нововведения получили позитивные оценки со стороны научной общественности. В частности, канд. юрид. наук В. С. Минская отмечает, что «Нельзя не подчеркнуть, что этот запрет актуален и значим, так как обладает потенциалом для оздоровления ситуации, связанной с негативными процессами, имеющими место в деятельности органов правоохранительной системы, для укрепления законности. Его наличие в целом повышает защиту прав и законных интересов граждан» [11, с. 13-14]. Критикуя содержание данной нормы, В. С. Минская говорит лишь о поспешности редактирования санкции за фальсификацию доказательств по уголовному делу (ч.2 ст. 303 УК РФ): «такие «лоскутные» изменения нарушают стабильность и системность законодательства» [11, с. 14].

Вместе с тем, с нашей точки зрения, обозначенный недостаток уголовно-правового регулирования ответственности за фальсификацию доказательств является далеко не единственным, характеризующим «лоскутность» (по В. С. Минской), нарушающим стабильность и влекущим бессистемность уголовного законодательства России о преступлениях против правосудия.

Обозначенное дополнение УК России специальной нормой о фальсификации результатов ОРД, на наш взгляд, было осуществлено с излишней правовой регламентацией составообразующих признаков субъективной стороны преступления. В частности, мы имеем ввиду признаки, характеризующие обязательно-альтернативные цели фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, закрепленные в качестве составообразующих признаков в ч.4 ст. 303 УК РФ: либо цель «уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления», либо цель «причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации» потерпевшего.

Исходя из конструкции рассматриваемого состава преступления, отсутствие ссылки на какие-либо иные цели совершения фальсификации результатов ОРД исключает возможность расширительного толкования целенаправленности преступной деятельности и, как следствие, существенно ограничивает пределы уголовно-правового регулирования, а точнее, исключает ответственность за причинение вреда интересам правосудия в процессе фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности с иными, нежели указанными, целями. Таким образом, преступность фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, на основании которых принимаются весьма значимые процессуальные решения, зависит не только от самого факта их фальсификации, как, безусловно, умышленного деяния, априори посягающего на интересы правосудия, но и от целей, преследуемых виновным в процессе фальсификации результатов ОРД. Наличие целей «уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации» потерпевшего позволяет привлечь виновного к уголовной ответственности, но отсутствие данных целей (даже при осознании виновным неизбежности наступления перечисленных последствий) – исключает преступность фальсификации результатов ОРД. С нашей точки зрения, обозначенный подход не вполне оправдан.

Необходимо отметить, что рассматриваемая норма явилась результатом обсуждения законопроекта №53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

сийской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы)» [8]. Представляется, что, вышеназванные недостатки и замечания к конструкции рассматриваемого состава явились результатом именно того, что последний не подлежал самостоятельной разработке и обсуждению со стороны законодателя, а явился сопутствующим результатом обсуждения антимошеннического законопроекта. Так, в частности, предложения о дополнении ст. 303 УК РФ частью 4 об ответственности за фальсификацию результатов ОРД изначально отсутствовали в тексте законопроекта №53700-6 и в пояснительной записке[9] к проекту обозначенного «антимошеннического» закона, а появились в нем в процессе обсуждения законопроекта только лишь во втором чтении, благодаря предложению депутатов Государственной Думы П.В. Крашенинникова, Р. М. Мандаршина, А. А. Ремзкова, В. В. Пинского, А. И. Скоробогатько, О. И. Аршбы, В. П. Машкарина, Ю. А. Напсо, А. С. Кропачева, И. К. Сухарева и члена Совета Федерации А. П. Торшина [10, с. 23-24]. При этом, не смотря на принципиальную значимость и целесообразность самого предложения о дополнении УК РФ нормой об ответственности за фальсификацию результатов ОРД, законодатель, на наш взгляд, не уделил должного внимания оценке его проработанности с позиций логической и правовой обоснованности и систематизации в ряду иных норм об ответственности за фальсификацию, как способ посягательства на интересы правосудия.

С нашей точки зрения, цели «уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации», безусловно, могут обуславливать преступное поведение фальсификатора результатов оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем, представляется, что ни само наличие, ни отсутствие какой-либо в отдельности или даже совокупности вышеперечисленных целей не влияет на содержание характера общественной опасности фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, обуславливающего преступность данного деяния, зависящего лишь от самого факта фальсификации результатов ОРД, которая безусловно, т.е. в любом случае, посягает на интересы правосудия.

Так, в частности, в соответствии со ст. 15 УПК РФ «Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон». В соответствии со ст. 17 УПК РФ «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». В соответствии с п.36.1 ст. 5 УПК РФ «результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда». Исходя из смысла ст. 89 УПК РФ, если результаты оперативно-розыскной деятельности отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам, то они могут быть использованы в процессе доказывания. Таким образом, сфальсифицированные результаты оперативно-розыскной деятельности, формально отвечая требованиям, предъявляемым к доказательствам, будучи использованными в процессе доказывания, не просто ни-

чем не отличаются, а, фактически и даже юридически являются сфальсифицированными доказательствами.

При этом, в соответствии с ч. 1, 2 и 3 ст. 303 УК РФ регламентация преступности фальсификации доказательств (будь то любое – гражданское, административное или уголовное дело) не зависит от целей фальсификатора. В то же самое время регламентированные в ч.4 ст. 303 УК РФ обязательно-альтернативные цели фальсификации результатов ОРД непосредственным образом влияют на юридическую оценку преступности посягательства на интересы правосудия посредством фальсификации «сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суд».

С нашей точки зрения, обозначенные непоследовательность и бессистемность в регламентации преступности фальсификации сведений, на основе которых осуществляется правосудие в состязательном судопроизводстве, противоречит самой идее криминализации антиправосудных деяний со стороны должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность. Коль правосудие осуществляется на основе совокупности представленных доказательств, которыми могут быть признаны результаты оперативно-розыскной деятельности, то и алгоритм криминализации фальсификации последних, как преступлений против правосудия, с нашей точки зрения, не должен отличаться от алгоритма криминализации фальсификации доказательств: в частности, не должен зависеть от целей, преследуемых виновным в процессе фальсификации.

Более подробный анализ содержания одной из рассматриваемых целей сквозь призму презумпции невиновности, с нашей точки зрения, вообще, если не исключает, то практически сводит к минимуму возможность обоснованного уголовного преследования за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

В частности, в соответствии с буквальным толкованием действующей редакции ч. 4 ст. 303 УК РФ лицо подлежит ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности «в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления».

Учитывая, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [6, ст. 14] и конституционным [4, ст. 49] принципом презумпции невиновности причастность или непричастность к совершению преступления, как и любое другое из обстоятельств, подлежащих доказыванию, устанавливается приговором или решением суда, т.е. актом, априори, последующим осуществлению оперативно-розыскной деятельности, можно сделать вывод о том, что лицо, осуществляющее фальсификацию результатов ОРД, может лишь с той или иной степенью уверенности предполагать, причастно ли лицо. В отношении которого осуществляется фальсификация, к совершению преступления или нет.

Кроме того, обвинительный приговор суда и признание лица виновным в совершении преступления, исходя из формулировки ч.4 ст. 303 УК РФ, исключает преступность фактически совершенной фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, поскольку в рассматриваемом случае преступность фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности напрямую зависит от заведомой непричастности потерпевшего к преступлению, инкриминируемому ему на основе, в числе прочего, сфальсифицированных результатов ОРД.

Таким образом, получается замкнутый круг: фальсификация результатов ОРД, признанных доказательствами, на основе которых потерпевшего признают виновным в преступлении, не является преступлением против правосудия, поскольку виновность потерпевшего установлена приговором суда на основе (в числе прочего) сфальсифицированных результатов ОРД.

Используемое в составе ч.4 ст. 303 УК РФ словосочетание «заведомо непричастного к совершению преступления», описывающее, по сути, субъективную сторону поведения фальсификатора результатов ОРД, исключает преступность их фальсификации при искренней убежденности фальсификатора в причастности потерпевшего к совершению инкриминируемого преступления (тем более в случаях действительного наличия достаточных данных полагать о такой причастности). С нашей точки зрения, подобный подход нарушает право каждого на справедливое и законное судебное разбирательство, и защиту от незаконного уголовного преследования [1, 2, 3].

Фактическая легализация фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности в отношении лица, действительно причастного к совершению преступления, с нашей точки зрения, сродни оправданию поведения Жеглова, подбросившего кошелек в карман Кирпичу, описанному в известном произведении братьев Вайнеров [12]. Такой подход, подобный моральному оправданию поступков героя романа, с нашей точки зрения, не может находить реализации в уголовном законодательстве России, поскольку попросту противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, и российскому уголовно-процессуальному законодательству. Кроме того, с нашей точки зрения, преступность фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, равно как и преступность фальсификации доказательств по какой бы то ни было категории дел, не может и не должна зависеть ни от судебной перспективы дела на досудебных стадиях производства, ни от фактических результатов рассмотрения дела судом. Представляется, что в процессе оценки характера и степени общественной опасности (и, как следствие, преступности) фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности едва ли применимо правило «Цель оправдывает средства»: цель принятия правосудного решения, априори, не может быть достигнута неправосудными методами.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, считаем, что цели уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, а также причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации, как обязательно-альтернативные составообразующие признаки фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, являясь, безусловно, наиболее типичными целями, преследуемыми виновными в рассматриваемом преступлении, включены в рассматриваемую норму не вполне обоснованно. Их отсутствие в поведении фальсификатора не исключает общественной опасности посягательства на интересы правосудия в процессе фальсификации результатов ОРД, т.е. сведений, «о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

При этом, безусловно, мы согласны с законодателем, обратившим внимание на данные признаки, как типичные альтернативные цели, преследуемые фальсификаторами результатов ОРД, существенно влияющие на общественную опасность рас-

смаатриваемого преступления. С нашей точки зрения, наличие таких целей в поведении виновного существенно повышает общественную опасность фальсификации результатов ОРД, влияя на характер и степень общественной опасности преступления. При этом, в конструкции рассматриваемого состава преступления такие цели, на наш взгляд, могли бы быть признаны отягчающими обстоятельствами, заняв место квалифицирующих признаков, соответственно, будучи исключенными из признаков основного состава. При этом рассматриваемые отягчающие обстоятельства, с нашей точки зрения, оказывают существенное влияние на общественную опасность не только фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, но и на общественную опасность фальсификации доказательств по уголовному делу.

С другой стороны, исходя из содержания рассматриваемого состава преступления, категория преступления, по которому осуществляется фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, не влияет на квалификацию преступной деятельности фальсификатора, как, к примеру, в процессе дифференциации ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении. С нашей точки зрения, тяжкая или особо тяжкая категория преступления, по которой осуществляется фальсификация доказательств или результатов ОРД, безусловно, влияет не только на общественную опасность фальсификации доказательств, но и повышает общественную опасность фальсификации результатов ОРД.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем внести следующие изменения и дополнения в статью 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности»:

1. Часть 4 исключить;
2. Дополнить частью 2.1. в следующей редакции: «2.1. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, - наказывается...»;
3. Часть 3 дополнить ссылкой на фальсификацию результатов ОРД и специальные цели фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности, изложив ее в следующей редакции (предлагаемые изменения подчеркнуты): «Фальсификация доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсификация доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, либо повлекшая тяжкие последствия, – наказывается...».

С нашей точки зрения, предлагаемые изменения и дополнения будут способствовать систематизации положений уголовного законодательства об ответственности за фальсификацию доказательств, а также справедливой регламентации и дифференциации ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскных мероприятий и ее квалифицированных видов.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), ст. ст. 8, 10, 11 // <http://www.consultant.ru>.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), ст.14 // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.
3. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств, утв. 24.09.1993), ст.6// Бюллетень международных договоров, N 6, 1999.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ), ст. 49 // <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // <http://www.consultant.ru>.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019), // <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», N 278, 03.12.2012.
8. Проект Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru>.
9. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» №53700-6 // <http://www.consultant.ru>.
10. Приложение 1 к проекту федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы)/ Таблица поправок № 1, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству к принятию, поправка № №23 // <https://docviewer.yandex.ru>.
11. Минская В. С. Поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации и их значение для противодействия преступности // Вестник академии генеральной прокуратуры Российской Федерации, №3(35) 2013, с. 9-14.
12. Вайнер А., Вайнер Г. Эра милосердия. Изд. АСТ, М., 2012 г., 384 с.

Khatsiyev M. R. The problem of systematization costanovamusic and qualifying signs of falsification of the results of operational-investigative activity and evidence in the criminal case // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 192–199.

Justifying and critically evaluating the inconsistency and unsystematic nature of the provisions of Part 1, 2 and 4 of Art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of the regulation of the constituent features of the subjective side and the aggravating circumstances of falsification of evidence and results of operational investigative activities, the author formulates proposals for amendments and additions to the designated norms of the Criminal Code of Russia.

Key words: Crimes against justice; Article 303 of the Criminal Code; Falsification of evidence; Falsification of results of operational investigative activities; Systematization of criminal law; Constituent signs; The subjective side of the crime; The purpose of the crime; Aggravating circumstances; Categories of crimes; Improvement of criminal law.

Spisok literatury

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948), st. st. 8, 10, 11 // <http://www.consultant.ru>.
2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON), st.14 // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 12, 1994.
3. Konvenciya Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv o pravah i osnovnyh svobodah cheloveka (zaklyuchena v Minske 26.05.1995) (vmeste s Polozheniem o Komissii po pravam cheloveka Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv, utv. 24.09.1993), st.6// Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov, N 6, 1999.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ), st. 49 // <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 27.12.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 08.01.2019) // <http://www.consultant.ru>.
6. Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 06.03.2019) // <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Federal'nyj zakon ot 29.11.2012 № 207-FZ «O vnesenii izmenenij v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // «Rossijskaya gazeta», N 278, 03.12.2012.
8. Proekt Federal'nogo zakona № 53700-6 «O vnesenii izmenenij v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii i inye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // <http://www.consultant.ru>.
9. Poyasnitel'naya zapiska «K proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii i inye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» №53700-6 // <http://www.consultant.ru>.
10. Prilozhenie 1 k proektu federal'nogo zakona № 53700-6 «O vnesenii izmenenij v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii i inye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (v chasti differenciacii moshennichestva na ot del'nye sostavy)/ Tablica popravok № 1, rekomenduemyh Komitetom Gosudarstvennoj Dumy po grazhdanskomu, uголовnomu, arbitrazhnomu i processual'nomu zakonodatel'stvu k prinyatiyu, popravka № №23// <https://docviewer.yandex.ru>.
11. Minskaya V. S. Popravki v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ih znachenie dlya protivodejstviya prestupnosti // Vestnik akademii general'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, №3(35) 2013, s. 9-14.
12. Vajner A., Vajner G. Era miloserdiya. Izd. AST, M., 2012 g., 384 s.

УДК 343.963

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРАТУРОЙ
НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И
ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Шадрин И. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации г. Симферополь

В работе исследованы особенности функций и задач органов прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности за исполнением органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, законодательства, направленного на предупреждение и профилактику преступлений, антиобщественных действий несовершеннолетних. С учетом практических наработок обобщены и приведены наиболее характерные примеры нарушений, допускаемые указанными органами и учреждениями в своей деятельности. Проанализированы условия и обстоятельства, способствующие совершению несовершеннолетними общественно опасных деяний. При изучении вопросов, изложенных в статье, использовались статистические и аналитические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также данные результатов работы прокуратуры Республики Крым в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, система профилактики, преступность среди молодежи, безнадзорность, права несовершеннолетних, учреждения образования, профилактический учет, профилактическая работа, комиссия по делам несовершеннолетних, профилактические меры, субъекты профилактики.

Вопрос повышенной преступности среди молодежи в настоящее время стоит довольно остро. Несовершеннолетние, молодежь являются наиболее уязвимыми социальными группами. Усложнение экономической обстановки, искажение и деформация семейных, нравственных и духовных ценностей, экранное насилие вносят ощутимый вклад в ухудшение криминальной обстановки в современной жизни, особенно влияя на детей, подростков и молодежь, создавая благоприятные условия для распространения преступности в подростковой и молодежной среде.

Преступность среди молодежи характеризуется высокой степенью активности, динамичностью. Практика показывает, что лица, совершающие преступления в юном возрасте, зачастую трудно поддаются исправлению и перевоспитанию, что безусловно влечет за собой высокую вероятность совершения ими преступлений повторно, а в дальнейшем и во взрослом возрасте. Предотвращение и своевременная профилактика преступлений среди молодежи – залог уменьшения и искоренения преступлений в будущем.

В январе – декабре 2018 г. на территории России зарегистрировано 1 991 532 преступления, что на 66 944 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-3,3 %). Снизилась на 3,8 % (с 45 288 до 43 553) преступность среди несовершеннолетних. Удельный вес таких преступлений от числа предварительно расследованных деяний составляет 4 % (АППГ – 4,1 %). Из 931 107 (-3,7%) выявленных лиц, совершивших преступления, 40 860 (-3,9%) несовершеннолетних.

На 17,0% снизился количественный показатель выявленных преступлений, предусмотренных ст. 151 Уголовного кодекса Российской Федерации «Вовлечение несо-

вершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий» количество которых составило 1 662 преступления.

Согласно статистическим данным, по результатам 2018 года, регионами с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, а также наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления стали Ненецкий автономный округ, республики Тыва, Карелия, Бурятия, Саха (Якутия) Забайкальский и Хабаровский край, Костромская, Свердловская, Калининградская, Новосибирская и Иркутская области [1].

В решении проблем предупреждения беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних органам прокуратуры всех уровней отведена важная роль. В силу особенности своего положения прокуроры имеют возможность располагать обширной информацией по данному вопросу и немалыми средствами воздействия на органы и учреждения, которые осуществляют деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Качественному повышению степени предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних существенно способствует деятельность прокурора по надзору за исполнением законодательства, регулирующего профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, координации деятельности правоохранительных органов и осуществлению профилактических мер, взаимодействию с государственными органами, органами местного самоуправления, средствами массовой информации.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 № 120 - ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее ФЗ № 120) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий возложено на органы и учреждения системы профилактики, перечень которых указан в ст. 4 настоящего Федерального закона [2].

Тем не менее, как показывает практика прокурорского надзора, нарушения в данной сфере носят распространенный характер.

Приказ Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» (далее — приказ № 188) [3], а также принятый в его развитие приказ прокурора Республики Крым от 20.10.2014 № 268 «Об организации надзора и порядке взаимодействия структурных подразделений прокуратуры Республики Крым, городских, районных и межрайонных прокуроров по исполнению приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» [4] обязывают регулярно (не реже 1 раза в полугодие) проверять исполнение законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Более детально конкретизированы задачи, поставленные перед прокурорами Республики Крым, в Указании прокурора Республики Крым от 04.07.2017 № 160/21 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о про-

филактиве безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних и в отношении них» [5]. Согласно данного документа, в целях повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних, реализации требований приказов Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188, а также от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности», и надлежащего исполнения требований Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должен осуществляться комплексно и систематически на основании анализа состояния законности и преступности. Необходимо организовать должное взаимодействие и системный обмен информацией с правоохранительными органами по актуальным проблемам борьбы с преступностью и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, преступностью в отношении детей. Не реже одного раза в полугодие проводить анализ состояния преступности среди несовершеннолетних и направленной против несовершеннолетних, ее причин и условий, а также выполнять ряд иных действий, направленных на улучшение криминогенной обстановки среди несовершеннолетних.

Работа, проделанная прокурорами Республики Крым в 2018 году в сфере соблюдения прав и интересов несовершеннолетних, по сравнению с показателями работы 2017 года качественно улучшилась. В частности, по вопросам, связанным с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних выявлено 1 211 нарушений требований законодательства (876), принесено 80 протестов на незаконные правовые акты (55), направлено 23 исковых заявления (14), внесено 341 представление (217), по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 417 лиц (297), объявлено 2 предостережения (2), в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следственные органы направлено 9 материалов (6), по результатам рассмотрения которых возбуждено 8 уголовных дел (6).

Непосредственно в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних выявлено 186 нарушений (253), на устранение которых принесено 15 протестов на противоречащие закону правовые акты (23), направлено 8 исковых заявлений (2), внесено 40 представлений (48), к дисциплинарной ответственности привлечено 18 лиц (23), объявлено 1 предостережение (1).

В органах образования выявлено 5151 нарушение (3462), опротестовано 451 правовой акт (323), направлено 129 исковых заявлений (35), внесено 836 представлений (572), 1135 лиц привлечено к дисциплинарной ответственности (824), к административной ответственности по материалам прокурорских проверок привлечено 108 лиц (24), 63 лица предостережено о недопустимости нарушения закона (45), направлено 6 материалов в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (1), по результатам рассмотрения которых возбуждено 5 уголовных дел (1).

В деятельности МВД по Республике Крым, направленной на защиту прав несовершеннолетних, выявлено 350 нарушений (343), опротестовано 9 правовых актов (11), внесено 77 представлений (71), к дисциплинарной ответственности привлечено 132 лица (135) [6].

Неэффективная работа органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, круг которых определен Федераль-

ным законом № 120 ФЗ, а зачастую их бездействие приводит к тому, что жизнь и здоровье детей ставится под угрозу.

Так, органы внутренних дел (далее - ОВД) в нарушение требований ст. 21 Закона № 120-ФЗ зачастую некачественно выполняют задачи по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений среди несовершеннолетних, выявлению их причин и условий, способствующих их совершению.

Профилактическая работа с подростками, состоящими на учёте в органах внутренних дел, не только не регулярна, не носит системного и последовательного характера, но и проводится формально.

Практически во всех подразделениях по делам несовершеннолетних МВД (далее - ПДН) учёт несовершеннолетних правонарушителей надлежаще не обеспечен.

Несовершеннолетние, состоящие на учёте в территориальных ПДН, в том числе, судимые, совершают преступления или общественно опасные деяния. При этом анализ статистических данных, свидетельствует о том, что значительное количество несовершеннолетних, совершивших преступления, необоснованно остаются вне поля зрения ПДН.

Изучением сведений о результатах работы по выявлению и пресечению административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними установлено, что территориальными ПДН составляется значительное количество административных протоколов за потребление (распитие) несовершеннолетними алкогольной продукции, наркотических средств, а на профилактический учёт по указанным категориям ставиться значительно меньшее количество несовершеннолетних.

Формальное проведение профилактической работы либо её отсутствие, безответственное отношение к исполнению должностных обязанностей сотрудников органов внутренних дел приводит к тому, что число преступлений, совершенных несовершеннолетними повторно, а также количество преступлений, совершенных ранее судимыми подростками существенно не снижается.

Так, прокурорами устанавливаются факты, когда, несовершеннолетние привлечены к административной ответственности за распитие алкогольной продукции в запрещенных местах, за появление в общественных местах в состоянии опьянения, однако ни один из указанных подростков не поставлен на учет в ПДН. Меры, направленные на предупреждение распространения алкоголизма, наркомании и токсикомании, кроме выявления, сотрудниками ПДН не приняты.

Также выявлялись факты необоснованной постановки на профилактический учёт несовершеннолетних, в связи с, якобы, неоднократным совершением административных правонарушений, связанных с употреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Вместе с тем проверками устанавливалось, что указанные административные правонарушения несовершеннолетними не совершались.

В нарушение требований п. 51 Приказа МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении инструкции по организации деятельности ПДН ОВД Российской Федерации» [7] несовершеннолетние привлекаются к административной ответственности за употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, и при этом на основании лишь одной характеристики из образовательной организации, не поставлены на учет ПДН, профилактическая работа с несовершеннолетними не проведена, причины и условия, способствующие совершению ими антиобщественных деяний,

не устранены. В результате несовершеннолетние повторно совершают употребление алкогольных и наркотических средств и в некоторых случаях поступают в медицинские учреждения для оказания помощи.

Аналогично, не ставятся на профилактический учет несовершеннолетние, которые поступали в медицинские учреждения с диагнозами: алкогольное опьянение, отравление этанолом, наркотическое опьянение, отравление дурманом.

Также имеют место факты повторного совершения общественно опасных деяний или преступлений несовершеннолетними, которые не поставлены своевременно на профилактический учёт в ПДН.

Выявлялись факты необоснованного снятия с профилактического учета подростков, склонных к совершению преступлений. В результате отсутствия профилактической работы, несовершеннолетние повторно совершают преступления.

Самоустраиваются от профилактической работы с родителями несовершеннолетних, не исполняющими обязанности по их воспитанию, обучению и содержанию и отрицательно влияющими на их поведение либо жестоко обращающимися с ними участковые уполномоченные полиции, работники органов дознания, предварительного следствия. Не отвечает предъявляемым требованиям деятельность органов внутренних дел по выявлению детского неблагополучия, семей, находящихся в социально опасном положении. В результате отсутствия профилактической работы со стороны органов и учреждений образования, органов внутренних дел, а также других субъектов профилактики становится возможным совершение несовершеннолетними противоправных деяний и преступлений.

Отсутствие взаимодействия между субъектами профилактики с детьми и семьями, оказавшимися в социально опасном положении, приводит к трагическим последствиям, а именно обстоятельствам при которых несовершеннолетние оказываются в опасных условиях и подвергают свою жизнь и здоровье опасности.

Не редко органами внутренних дел, в нарушение пп.1 п. 1 ст. 21 Закона № 120-ФЗ, не принимаются достаточные меры по выявлению фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений в сфере распространения наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних, а также склонение подростков к употреблению наркотических веществ и алкогольных напитков.

Так, сотрудниками ПДН данные о преступлениях, общественно-опасных деяниях, совершенных несовершеннолетними, не устанавливаются обстоятельства, связанные с приобретением и употреблением несовершеннолетними наркотических средств или психотропных веществ, изучаются эпизодически и бессистемно.

Иные подразделения органов внутренних дел, которые в соответствии со ст. 23 Закона № 120-ФЗ осуществляют меры по противодействию участия несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, своевременно не информируют ПДН о выявленных правонарушениях в указанной сфере, не устанавливают причины и условия, способствовавших совершению преступлений.

Материалы в отношении родителей, не исполняющих обязанности по воспитанию детей, по инициативе ОВД в суд для решения вопроса о лишении родительских прав направляются крайне редко. В ходе проверок соблюдения ОВД административного законодательства выявляются многочисленные нарушения. Так, сотрудниками ПДН допускаются факты необоснованного возбуждения административных

дел в отношении родителей по ст. 5.35 КоАП РФ. Кроме того, устанавливаются факты нарушения сроков при составлении протоколов о совершении административных правонарушений. Выявляются факты необоснованного прекращения сотрудниками ПДН административного производства. Множество вопросов возникает и по исполнению органами и учреждениями образования, по делам молодёжи законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Не смотря на то, что большинство несовершеннолетних, совершивших преступления, являлись учащимися образовательных организаций, их должностными лицами и должностными лицами органов управления образованием вопреки требованиям п.п. 1, 2 ст. 14 Федерального закона № 120-ФЗ зачастую действенных профилактических мер, направленных на работу с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении, не принимается, эффективные программы и методики, направленные на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, не внедряются, что во многих случаях приводит к длительному нахождению детей в психотравмирующей обстановке, представляющей опасность для их жизни и здоровья, совершению ими и в отношении их противоправных действий.

Требования Закона № 120-ФЗ в части оказания социально-психологической и педагогической помощи несовершеннолетним с отклонениями, либо имеющими проблемы в обучении, указанными органами выполняются также не в полной мере.

Как пример, по результатам проверки по факту совершения попытки суицида воспитанником приёмной семьи, установилось, что ребенок длительное время состоит на учете у детского врача-психиатра, часто пропускает уроки в школе, неоднократно совершал самовольные уходы из дома по причине нежелания проживать в приёмной семье.

Несмотря на неоднократные заявления приемных родителей об отсутствии контакта с ребенком, органом опеки и попечительства принимается решение о выводе ребенка из семьи и направлении в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей только после суицидального проявления.

Также в ходе проверки по факту попытки суицида несовершеннолетнего установлено, что несовершеннолетний паспорта гражданина Российской Федерации, полиса медицинского страхования и других документов не имеет. Администрация образовательной организации имела информацию о тяжелой болезни матери и бабушки подростка, которые после перенесенных инсультов парализованы, не передвигаются, обслуживать себя самостоятельно не могут.

Вместе с тем, в нарушение требований Закона № 120-ФЗ школой информация о выявлении указанной семьи в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав не направлена, меры по оказанию социально психологической и педагогической помощи подростку в обучении и воспитании не приняты. Указанное явилось одним из факторов ухудшения психологического состояния ребенка и совершения им попытки суицида.

Выявлялись факты совершения попытки суицида в период проведения урока вследствие отсутствия контроля со стороны педагога.

Недостаточна работа образовательных организаций по вовлечению подростков во внеурочную деятельность. Несовершеннолетние, в том числе состоящие на внутришкольном учете в общеобразовательных организациях к занятиям в художе-

ственных, технических, спортивных и других клубах, кружках, секциях не привлекаются.

Изучение уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, материалов об отказе в их возбуждении свидетельствует, что лишь в единичных случаях подростки, совершившие преступления или общественно опасное деяние, были привлечены к участию во внеурочной деятельности.

Имеют место факты не постановки учащихся, склонных к противоправному поведению, на внутришкольный учёт.

Так, учащийся средней школы после совершения противоправных действий дважды направлялся в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, однако, несмотря на то, что согласно характеристики, выданной школой, несовершеннолетний склонен к противоправному поведению, имеет пропуски занятий по неуважительным причинам на внутришкольном учете он не состоит, профилактическая работа с ним не проводится.

В результате отсутствия профилактической работы со стороны органов и учреждений образования, а также других субъектов профилактики становится возможным совершение такими несовершеннолетними преступлений.

Одной из причин такого положения является то, что органы образования не надлежаще организовали выполнение требований ст. 14 Закона № 120-ФЗ.

Вопреки требованиям ст. 17 Закона № 120-ФЗ органы по делам молодёжи и учреждения органов по делам молодёжи не организывают работу в пределах своей компетенции по разработке целевых программ по профилактике безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, осуществлению организационно-методического обеспечения и координации деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, находящихся в их ведении социальных учреждений, клубов и иных учреждений, оказанию содействия детским и молодёжным общественным объединениям, социальным учреждениям, фондам и иным учреждениям и организациям, деятельность которых связана с осуществлением мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Исполнение комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних также требует особого внимания органов прокуратуры.

В деятельности муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее-комиссия, КДН) выявлены нарушения нормативно-правового регулирования, при применении административного законодательства в отношении несовершеннолетних. Комиссиями не в полном объёме принимаются меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению несовершеннолетними правонарушений. Имеют место недостатки в организации комплексной индивидуально-профилактической работы с подростками, совершившими правонарушения и их родителями, а также отсутствие координирующей роли в деятельности органов и учреждений системы профилактики.

Например, в положении о КДН, утверждаемом решением исполнительного органа местного самоуправления, вопреки требованиям постановления Правительства Российской Федерации от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» [8], зачастую отсутствуют полномочия по координации проведения индивидуальной профилактиче-

ской работы органов и учреждений системы профилактики в отношении несовершеннолетних и семей с несовершеннолетними детьми, находящихся в социально опасном положении; по предупреждению случаев насилия и всех форм посягательств на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность несовершеннолетних; по участию в реализации целевых программ, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактику их безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий.

Отдельными комиссиями не организована работа по предупреждению безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, индивидуальные программы профилактики, реабилитации и адаптации несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении формальны по своему содержанию, а в некоторых случаях вообще не разрабатываются. Работа с несовершеннолетними и их родителями зачастую сводятся к проведению с ними только бесед.

Индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних, их родителей не проводится, индивидуальные программы реабилитации не разрабатываются, постановления о постановке семей на учет, находящихся в социально опасном положении, о снятии с учета, за частую отсутствуют.

Функции координации деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, между всеми субъектами профилактики, возложенные на комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав Федеральным законом 120-ФЗ, надлежащим образом не выполняются.

Об отсутствии координирующей роли комиссий свидетельствуют факты невыполнения комплексных планов мероприятий по профилактике безнадзорности, беспризорности, наркомании, токсикомании, алкоголизма, суицидов, правонарушений несовершеннолетних.

Комиссиями муниципальных образований не осуществляется контроль за выполнением комплексных планов, в связи с чем проверки в образовательных организациях по ведению профилактической работы, торговых объектах по соблюдению законодательства в части запрета продажи алкогольных напитков и табака несовершеннолетним не проводятся, отчёты органов и учреждений системы профилактики на заседаниях КДН не рассматриваются.

В ходе проверок соблюдения комиссиями административного законодательства выявлены такие типичные нарушения, как привлечение к ответственности при отсутствии бесспорных доказательств вины и без выяснения обстоятельств, необходимых для вынесения законного постановления по делу, непринятия мер по установлению причин и условий, способствующих безнадзорности, правонарушениям несовершеннолетних, неосуществление контроля за исполнением принимаемых решений, в том числе и по взысканию штрафов.

В результате допущенной волокиты разбирательства по административным делам прекращаются за истечением срока давности. Лица не обосновано освобождаются от административной ответственности.

В нарушение ст. 29.10 КоАП РФ комиссиями не соблюдаются требования к составлению постановлений по делу об административном правонарушении.

Так, вопреки требованиям указанной нормы, в постановлениях не отражаются обстоятельства, установленные при рассмотрении дела и основания его прекращения.

Также имеют место факты привлечения к административной ответственности по истечению срока давности привлечения к ответственности за совершение административного правонарушения.

Устанавливаются факты не проведения сверок статистических данных о количестве, составленных органами внутренних дел протоколов об административном правонарушении в отношении несовершеннолетних, их родителей (законных представителей) с лицами привлеченными комиссиями к административной ответственности.

Одной из причин такого положения является то, что выполнение полномочий в сфере административного производства требует от должностных лиц КДН высоких знаний норм административного права, которыми они зачастую не обладают.

Проверкой полноты и своевременности внесения сведений в банк данных семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении выявлены существенные нарушения.

Отдельные категории детей и семей, в нарушение требований ст. 5 Закона № 120-ФЗ не учитываются в указанном банке данных, соответственно профилактическая работа с детьми не проводится.

В нарушение положений ст. 11 Закона № 120-ФЗ комиссии не в полном объеме обеспечивают осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствовавших физическому или психическому насилию, оскорблению либо грубому обращению с детьми.

Учитывая особую актуальность данного направления работы прокуратуры, с целью максимально эффективной реализации возложенных законодателем и Генеральным прокурором Российской Федерации полномочий и обязанностей в обсужденной сфере, прокурорам необходимо сосредоточить усилия на выполнении надзорных функций за исполнением органами МВД, органами и учреждениями образования, по делам молодежи, комиссиями по делам несовершеннолетних и другими органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, законодательства, направленного на предупреждение и профилактику преступлений, антиобщественных действий несовершеннолетних. При проведении проверок по фактам совершения несовершеннолетними правонарушений прикладывать все усилия для того чтобы установить причины и условия, способствовавшие таким фактам, давать принципиальную оценку деятельности ответственных должностных лиц.

Кроме того, необходимо принципиально реагировать на нарушения прав несовершеннолетних и мерами прокурорского реагирования добиваться их восстановления.

Список литературы

- 1 Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] <https://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/aab> [Дата обращения 01.04.2019].
- 2 Федеральный закон от 24.06.1999 № 120 - ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Дата обращения 01.04.2019].
3. Приказ Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Дата обращения 01.04.2019].
4. Приказ прокурора Республики Крым от 20.10.2014 № 268 «Об организации надзора и порядке взаимодействия структурных подразделений прокуратуры Республики Крым, городских, районных и

межрайонных прокуроров по исполнению приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Дата обращения 01.04.2019].

5. Указания прокурора Республики Крым от 04.07.2017 № 160/21 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних и в отношении них» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Дата обращения 01.04.2019].

6. Портал правовой статистики прокуратуры Республики Крым [Электронный ресурс] <http://www.rkproc.ru/ru/materials/pravovaya-statistika?page=1> [Дата обращения 01.04.2019].

7. Приказа МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении инструкции по организации деятельности ПДН ОВД Российской Федерации» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Дата обращения 01.04.2019].

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Дата обращения 01.04.2019].

Shadrin I. A. Some of the features of the implementation of the prosecutor's office supervisory powers in the implementation of the law on the prevention of child neglect and juvenile delinquency // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 200–209.

The paper investigates the features of the functions and tasks of the Prosecutor's office in the implementation of Supervisory activities for the execution of bodies and institutions of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency, legislation aimed at the prevention and prevention of crimes, antisocial actions of minors. Taking into account practical developments, the most typical examples of violations committed by these bodies and institutions in their activities are summarized and given. Analysis of conditions and circumstances conducive to the Commission of juvenile crimes. Statistical and analytical data of the Prosecutor General's office of the Russian Federation, as well as data of the results of the Prosecutor's office of the Republic of Crimea in this area were used in the study of the issues set out in the article.

Keywords: public Prosecutor's supervision, prevention, youth crime, child neglect, juvenile law, education, preventive care, preventive work, the Commission for minors, preventive measures, preventive.

Spisok literatury

1. Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs] <https://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/aab> [Data obrashcheniya 01.04.2019].

2. Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120 - FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Data obrashcheniya 01.04.2019].

3. Prikaz General'nogo prokurora RF ot 26.11.2007 № 188 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o nesovershennoletnih i molodezhi» [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Data obrashcheniya 01.04.2019].

4. Prikaz prokurora Respubliki Krym ot 20.10.2014 № 268 «Ob organizacii nadzora i poryadke vzaimodejstviya strukturnyh podrazdelenij prokuratury Respubliki Krym, gorodskih, rajonnyh i mezhrajonnyh prokurorov po ispolneniyu prikaza General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii № 188 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o nesovershennoletnih i molodezhi» [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Data obrashcheniya 01.04.2019].

5. Ukazanii prokurora Respubliki Krym ot 04.07.2017 № 160/21 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o profilaktike beznadzornosti, pravonarushenij i prestuplenij nesovershennoletnih i v otnoshenii nih» [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Data obrashcheniya 01.04.2019].

6. Portal pravovoj statistiki prokuratury Respubliki Krym [EHlektronnyj resurs] <http://www.rkproc.ru/ru/materials/pravovaya-statistika?page=1> [Data obrashcheniya 01.04.2019].

7. Prikaza MVD Rossii ot 15.10.2013 № 845 «Ob utverzhdenii instrukcii po organizacii deyatel'nosti PDN OVD Rossijskoj Federacii» [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Data obrashcheniya 01.04.2019].

8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 06.11.2013 № 995 «Ob utverzhdenii primernogo polozheniya o komissiyah po delam nesovershennoletnih i zashchite ih prav» [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Data obrashcheniya 01.04.2019].

УДК 343.3

**МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО
ХАРАКТЕРА В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» НА ПРИМЕРЕ БЛОКИРОВКИ
ИНТЕРНЕТ-МЕССЕНДЖЕРА «TELEGRAM»**

Шатохин С. А.

Кемеровский государственный университет

В данной статье обозревается и исследуется эффективность мер государственного противодействия распространению экстремистских материалов в сети интернет как в целом, так и на примере такого мероприятия, как блокировка интернет-мессенджера «Telegram». В частности, исследуется статистика в части совершенных и выявленных преступлений экстремистского характера, её динамика, исследуется эффективность принимаемых государством мер по борьбе с экстремизмом. Также более подробно раскрывается содержание такой меры, как блокировка интернет-мессенджера «Telegram». Так, обозревается история данного вопроса в целом, принятые государством меры, механизм их реализации и определенные проблемы, связанные с этим. В настоящем исследовании предлагаются меры, позволяющие, по мнению авторов, сделать борьбу с распространением в сети «Интернет» экстремистских материалов, более эффективной.

Ключевые слова: экстремизм, интернет, Telegram, мессенджер, блокировка, экстремистские материалы.

В настоящее время борьба с экстремизмом, как таковым, а также с экстремистскими материалами, распространяемыми в глобальной компьютерной сети «Интернет» является одной из самых приоритетных задач органов и ведомств, обеспечивающих государственную безопасность Российской Федерации. Акцентирование внимания органов госбезопасности на сети «Интернет» вполне обосновано. Как указывают в одной из своих работ В. Н. Шелесюков и Р. Г. Драпезо, сеть «Интернет» является наиболее привлекательной площадкой для реализации определенных преступных намерений в силу высокой скорости распространения информации, возможности одновременно причинить вред неограниченному и неопределенному кругу лиц, более высокая экономическая «эффективность» совершения преступлений, а также наличие ряда способов сокрытия следов преступления, в частности, так называемого «шифрования» [1, с. 65]. Экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает государственную целостность и общественную безопасность, покушается на конституционный строй и на без того весьма хрупкое межнациональное и межконфессиональное согласие в обществе. Так, положениями Федерального закона от 25.07.2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Указа президента Российской Федерации от 12.5.2009 года №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, как деятельность, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обста-

новки в стране, признана одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации [2; 3].

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 28.11.2014 г., одной из целей ее разработки и внедрения является формирование в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей [4]. С реализацией вышеуказанной нетерпимости в обществе зачастую возникают значительные проблемы, так как экстремизм, как чрезвычайно сложное явление, имеет множество проявлений, а состав экстремистских организаций, целью которых является, в частности, расшатывание обстановки в стране и обществе, имеют неоднородный состав. Экстремизм проявляет себя совершенно по-разному, от открытых призывов к свержению существующего в стране строя до скрытых, на первый взгляд незаметных элементов, содержащихся, к примеру, в литературе, формирующих, в итоге, у читателя целостное искаженное мнение о существующем государственном строе. Выработка общественного менталитета, содержащего в себе в том числе нетерпимость к экстремизму, задача чрезвычайно сложная, так как борьба с явлением, которое проявляет себя практически во всех сферах жизни общества, требует привлечения огромных материальных и человеческих ресурсов. Выполнение данной задачи усложняется тем фактом, что становится очевидной поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации. Государства, поддерживающие экстремистскую деятельность внутри Российской Федерации, не видят и не хотят видеть, что современный экстремизм вышел за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества. Зачастую экстремизм используется некоторыми государствами как инструмент для решения геополитических вопросов и передела сфер экономического влияния. Современный экстремизм не только открыто призывает к свержению существующего государственного строя, к нетерпимости, но также стремится косвенно воздействовать на сознание граждан, пытаясь исказить историю, умышленно возродить идеи нацизма и фашизма.

Среди мер государственного противодействия экстремизму в сети «Интернет» ярко выделяется блокировка мессенджера Telegram.

06 апреля 2018 года Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций обратилась в суд с заявлением об ограничении на территории Российской Федерации доступа к информационным ресурсам, функционирование которых обеспечивается «Telegram Messenger Limited Liability Partnership», указывая в обоснование требований, на нарушение норм действующего законодательства, в частности ч. 4.1 ст. 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В сущности, вышеуказанная правовая норма предполагает, что в случае, если организатор распространения информации в сети «Интернет» при обмене информации между пользователями использует так называемое кодирование, на него налагается обязанность представлять в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности информацию, необходимую для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений [5].

14 декабря 2017 года в адрес «Telegram Messenger Limited Liability Partnership» было направлено требование о представлении в Управление ФСБ Российской Федерации информации, необходимой для декодирования электронных сообщений пользователей сети «Интернет», со сроком исполнения до 19.07.2017 года. Данное требование администрация популярного интернет-мессенджера не исполнила, что в своем итоге привело к инициированию со стороны Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций судебного разбирательства.

20 марта 2018 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в адрес «Telegram Messenger Limited Liability Partnership» были направлены уведомления на русском и английском языках о неисполнении установленных обязанностей, в котором последнему был предоставлен срок 15 дней с момента получения уведомления для исполнения обязанности, предусмотренной указанной выше правовой нормой.

В ответ на вышеуказанное уведомление, 03 апреля 2018 года в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от представителя «Telegram Messenger Limited Liability Partnership» поступило письмо № 46855, в котором было сообщено, что исполнение обязанностей, установленных ч. 4.1 ст. 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», не представляется технически возможным.

Неисполнение указанной выше обязанности повлекло за собой последствия, предусмотренные ч. 2 ст. 15.4 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предусматривающего возможность ограничения доступа к информационным системам и программам для электронных вычислительных машин, которые предназначены и используются для приема, передачи, доставки и обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и функционирование которых обеспечивается организаторам распространения информации в сети «Интернет», до исполнения таких обязанностей.

13 апреля 2018 года Таганский районный суд г. Москвы вынес решение по делу №2-1779/2018, суть которого заключается в установлении на территории Российской Федерации ограничения доступа к информационным системам и программам, которые предназначены и используются для приема, передачи, доставки и обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и функционирование которых обеспечивается «Telegram Messenger Limited Liability Partnership», до исполнения указанным организатором распространения информации в сети «Интернет» обязанности по представлению в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений [6]. Решение Таганского районного суда, согласно его резолютивной части, обращено к немедленному исполнению с момента принятия. Таким образом, мессенджер «Telegram» юридически был заблокирован. На данное решение суда ответчиком была подана апелляционная жалоба, которая была оставлена Московским городским судом без удовлетворения [7]. Согласно информации, представленной на официальном сайте Московского городского суда, на решение суда второй

инстанции была подана кассационная жалоба, которая была оставлена без рассмотрения, что, впрочем, не препятствует повторному обращению в суд третьей инстанции с указанной жалобой.

Спустя полгода после блокировки указанного мессенджера хотелось бы подвести некоторые итоги относительно эффективности данного мероприятия в контексте противодействия экстремистской деятельности на территории Российской Федерации.

Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 года судами общей юрисдикции рассмотрено и окончено 661 уголовное дело по преступлениям экстремистской направленности, в том числе по ст. 282 Уголовного Кодекса РФ. В 2017 году данный показатель практически не изменился и был вынесен приговор по 657 уголовным делам указанной направленности. За первое полугодие 2018 года, то есть уже после блокировки «Telegram» было выявлено и доведено до судебного решения 284 преступления, что при сравнимых обстоятельствах приведет к примерно 560-570 судебным решениям по указанной категории дел по итогам года [8]. Невозможно отрицать, что в отношении количества преступлений экстремисткой направленности, в том числе совершаемых на просторах глобальной компьютерной сети «Интернет» имеет место положительная динамика. Однако, нельзя однозначно утверждать, что уменьшение количества указанных преступлений состоит в прямой причинно-следственной связи с решением Таганского районного суда от 13.04.2018 года, так как Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» предполагает в целях усиления борьбы с распространением экстремизма мобилизацию всех внутренних ресурсов Российской Федерации и положительная статистика говорит лишь об успешном исполнении указанных нормативных актов в целом, но никак не об эффективности такого мероприятия, как блокировка конкретного интернет-мессенджера.

В то же время, у данного мероприятия имеется ряд отрицательных сторон, негативно сказывающихся на рядовых пользователях сети «Интернет», не имеющих отношения к такому явлению, как экстремизм. Так, 16 апреля 2018 года Роскомнадзор, как орган, уполномоченный давать операторам связи указания, обязательные к исполнению, обязал интернет-операторов блокировать IP-адреса, через которые обеспечивается доступ пользователей к «Telegram». Большинство из более, чем 20 миллионов заблокированных адресов принадлежат международным интернет-компаниям, включая «Google», «Amazon», «Digital Ocean» и «Microsoft» и, таким образом, заблокированным оказался не только доступ к «Telegram», но и к сторонним ресурсам, права на которые принадлежат указанным компаниям. Эта массовая блокировка IP-адресов оказала пагубное влияние на широкий круг интернет-сервисов, которые не имеют ничего общего с «Telegram». Десятки предприятий понесли и продолжают нести убытки, не говоря о рядовых пользователях сети «Интернет», которые попросту не могут или сталкиваются с проблемами с получением доступа к множеству Интернет-ресурсов. Более того, система блокировки, используемая в данный момент, крайне неэффективна. В настоящее время используется метод блокировки по так называемому «географическому» принципу. То есть любой пользователь, намеренный получить доступ к Интернет-ресурсу, заблокирован-

ному на территории Российской Федерации, осуществляющий переход на ресурс опять же с территории Российской Федерации, получит отказ в указанном переходе, так как ресурс на территории России заблокирован. В сложившейся обстановке способ обхода блокировки предельно прост. Многие интернет-пользователи для доступа к запрещенным ресурсам используют метод так называемого VPN (Virtual Private Network), позволяющий скрывать от оператора все данные о месте направления интернет-запроса и перехода по ссылке, что делает используемую систему блокировки Интернет-ресурсов попросту бесполезной в данных обстоятельствах.

27 июня были опубликованы ранее принятые поправки к Кодексу об Административных Правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ), предусматривающие ответственность операторы интернет-ресурсов и сервисов, в том числе сервисов VPN, обеспечивающие доступ к запрещенным сайтам, в виде наложения административного штрафа в размере 700 000 рублей за каждое нарушение [9]. Данная мера не представляется нам достаточно эффективной и обоснованной, так как ст. 13. 39 КоАП РФ предполагает умышленную форму вины оператора связи, в то время, как многие операторы обеспечивают доступ к определенным Интернет-ресурсам и мессенджерам без привязки в телефонному номеру или IP-адресу, что позволяет конкретному гражданину использовать тот или иной ресурс в обход какой-либо санкции оператора. Таким образом, зачастую факт использования пользователем запрещенных ресурсов не состоит в прямой причинно-следственной связи с действиями или бездействием оператора связи, однако ответственность предусмотрена именно для лица, обеспечивающего доступ в сеть «Интернет». Считаем целесообразным и необходимым ввести в КоАП РФ ответственность для физических лиц, непосредственно использующих запрещенные ресурсы, а также сервисы, позволяющие обходить блокировки Интернет-ресурсов, так как именно умышленные действия конкретного гражданина будут состоять в прямой причинно-следственной связи с правонарушением.

Также хотелось бы отметить, что сразу же после начала исполнения решения суда от 13 апреля 2018 года о блокировке «Telegram», по информации, представленной на сайте сервиса аналитики TGSstat.ru в день ограничения доступа к сервису количества его пользователей возросло на 270 тысяч, а интенсивность использования мессенджера возросла примерно на 17% [10]. Таким образом, введение ограничительных мер по использованию «Telegram» наряду с отсутствием в достаточной степени эффективных способов реализации указанных мер привело только лишь к увеличению популярности ресурса и навряд ли к уменьшению числа случаев его использования в экстремистских целях. Считаем, что блокировка интернет-мессенджера «Telegram» не является эффективной мерой государственного противодействия экстремизму, так как статистически количество пользователей ресурса только увеличилось. Данная мера лишь препятствует доступу рядовых граждан к информации, размещенной на просторах глобальной компьютерной сети «Интернет».

Также обращаем внимание, что доступ к «Telegram» был ограничен фактически по причине того, что, как указано выше, администрация интернет-мессенджера не исполнила требование Управления ФСБ от 14 декабря 2017 года и не предоставила в Федеральную Службу Безопасности так называемые «ключи для дешифрации», которые позволили бы сотрудникам уполномоченных ведомств получать доступ к

личной информации конкретных пользователей. Обоснованность данного требования ясна и неоспорима, однако сложившаяся ситуация на рынке обмена информацией такова, что с 2017 года подавляющее большинство интернет-сервисов, предоставляющих услуги по обмену информацией и текстовыми сообщениями, для защиты персональных данных используют так называемый метод «оконечного шифрования», суть которого заключается в том, что ключ для дешифрации конкретного сообщения находится исключительно на принимающем устройстве, то есть фактически в распоряжении конкретного субъекта, что попросту лишает администрацию того или иного сервиса возможности положительного ответа на запросы уполномоченных органов в силу того, что в их ведении отсутствуют какие-либо «ключи для дешифрации».

Подводя итоги следует отметить, что уменьшение количества преступлений экстремистского характера по итогам первого полугодия 2018 года позволяет надеяться и рассчитывать на схожую статистику по итогам всего года, означающую существенное сокращение количества такого рода преступлений. В то же время, приведенные выше факты и статистика говорит о том, что не все меры, принимаемые компетентными органами в целях борьбы с экстремизмом, в достаточной степени эффективны. Так, ограничение доступа в интернет-мессенджер «Telegram» привело лишь к увеличению числа его пользователей, а отсутствие методов и средств для технической блокировки доступа к сервису приводит к тому, что лица, намеревающиеся или уже использующие «Telegram» в противоправных целях, не имеют к тому никаких препятствий. Единственным способом ограничить доступ к запрещенным ресурсам, помимо полной блокировки сети «Интернет» на территории Российской Федерации, по нашему мнению, является введение в законодательные и нормативные акты положений, предусматривающих ответственность непосредственно граждан за использование запрещенных интернет-сервисов.

Список литературы:

1. Дραπεзо Р. Г., Шелестюков В. Н. «Особенности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации»//Российский следователь, №9, 2018, с. 65-72.
2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности от 25.07.2002 №114-ФЗ, принят Государственной Думой РФ 27.06.2002 г.// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г.// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669
4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Президентом РФ 28.11.2014 года//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/
5. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ, принят Государственной Думой 08.07.2006//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
6. Решение №2-1779/2018 от 13.04.2018//Официальный сайт Таганского районного суда г. Москвы, <http://tagansky.msk.sudrf.ru>
7. Информация по делу №33870/2018//Официальный сайт Московского городского суда, <https://www.mos-gorsud.ru>
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации//<http://www.cdep.ru>
9. Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», принят Государственной Думой 05.06.2018 г.// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301055/

10. Telegram-каналы, статистика, аналитика, рейтинг // <https://tgstat.ru> (дата обращения – 30.11.2018 г.)
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, №195-ФЗ от 30.12.2001, принят Государственной Думой 20.12.2001 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

Shatokhin S. A. Measures of the state counteraction of information distribution of extremist character in the internet network on the example of internet-messenger telegram // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 210–216.

This article reviews and examines the effectiveness of government measures to counteract the spread of extremist materials on the Internet both in general and as an example of such an event as blocking the Internet-messenger "Telegram". In particular, statistics on the committed and identified crimes of an extremist nature, its dynamics are investigated, the effectiveness of measures taken by the state to combat extremism is investigated. The content of such a measure as blocking the Internet messenger Telegram is also disclosed in more detail. So, the history of this issue as a whole, the measures taken by the state, the mechanism for their implementation and certain problems related to this are reviewed. This study proposes measures that, in the authors' opinion, make the fight against the spread of extremist materials on the Internet more effective.

Key words: extremism, internet, Telegram, messenger, blocking, extremist materials.

Spisok literatury:

1. R. G. Drapezo, V. N. Shelestyukov «Osobnosti ispolzovaniya rezultatov operativno-razysknogo mero-priyatiya Polucheniye kompyuternoy informacii» // Rossijskij sledovatel, №9, 2018, s. 65-722.
2. Federalnyj zakon «O protivodejstvii ehkstremskoy deyatelnosti» ot 25.07.2002 114-FZ, prinyat Gosudarstvennoj Dumoj RF 27.06.2002 g. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_37867/
3. Strategiya nacionalnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda, utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.12.2015 g. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669
4. Strategiya protivodejstviya ehkstremsizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda, utverzhdena Prezidentom RF 28.11.2014 goda // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/
5. Federalnyj zakon «Ob informacii informacionnyh tekhnologiyah i zashchite informacii» ot 27.07.2006 149-FZ, prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 08.07.2006 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
6. Reshenie 2-1779/2018 ot 13.04.2018 // Oficialnyj sajt Taganskogo rajonnogo suda g Moskvyy // <http://tagansky.msk.sudrf.ru>
7. Informaciya po delu №33870/2018 // Oficialnyj sajt Moskovskogo gorodskogo suda // <https://www.mosgorsud.ru>
8. Oficialnyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom sude Rossijskoj Federacii // <http://www.cdep.ru>
9. Federalnyj zakon «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah», prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 05.06.2018g. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301055/
10. Telegram-kanaly, statistika, analitika, rejting // <https://tgstat.ru> (data obrashcheniya-30.11.2018 g.)
11. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah №195-FZ ot 30.12.2001, prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 20.12.2001 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

УДК 347.191.6

**ПРОБЛЕМАТИКА ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РАМКАХ ДЕЛА
О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)**

Аблятипова Н. А., Еремин В. Ю.

*Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
ГБОУДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического об-
разования»*

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения и неоднозначности категории добросовестности действий арбитражного управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве). Исследованы трудности правоприменения принципа добросовестности на основе анализа определения данного термина, его законодательного урегулирования и практической реализации в судебной практике, выявлено, что вопросы добросовестности поднимаются неоднократно, однако единого критерия при принятии решений и применении принципа нет, следовательно, и толкование различное. Исходя из анализа практики принятия арбитражными судами решений о применении мер ответственности к арбитражному управляющему, установлено, что проблемным аспектом являются критерии оценки деятельности арбитражного управляющего, разграничение добросовестной и недобросовестной реализации прав и обязанностей. Проанализированы меры ответственности в случае недобросовестных действий и злоупотребления правом. Предлагаются и обосновываются возможные варианты разрешения обозначенных проблем и противоречий.

Ключевые слова: добросовестность, арбитражный управляющий, несостоятельность, банкротство, субъекты предпринимательства, меры ответственности, отстранение.

Гражданское право является составительной отраслью современного права, в которой стороны правоотношений равны и их равенство предполагается законом. Но для построения отношений между субъектами права для каждой отрасли необходимо построить собственную систему принципов, благодаря которым образуются руководящие начала, дающие толчок для дальнейшего развития, как и правоотношений, так и правовых норм. Одним из составляющих построения правомерных отношений между субъектами в гражданском праве является общепризнанный принцип добросовестности.

Вопрос о применении и неоднозначности категории добросовестности на сегодняшний день встречается во многих гражданских правоотношениях, однако в свете актуализации вопросов предпринимательства в российском правовом поле, полагаем, что совершенствование процедуры банкротства должно быть направлено в первую очередь именно на проблемы соблюдения принципа добросовестности арбитражными управляющими в рамках дел о несостоятельности. Однако, комплексных исследований института арбитражного управляющего, его функций, теоретических и практических аспектов, включая принцип добросовестности в его деятельности, а также правоотношений с его участием на данный момент не проводилось. В связи с этим необходимо исследовать особенности понятия добросовестности дей-

ствий арбитражного управляющего, что усложняется отсутствием универсальной дефиниции и невозможностью единообразного применения на практике в делах о несостоятельности (банкротстве) субъектов предпринимательства.

В российской правовой доктрине данный принцип возымел свое закрепление в пункте 3 и пункте 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] и в дальнейшем прокомментирован в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2]. Судом было установлено, что под добросовестностью субъекта правоотношений понимается такое поведение, которое ожидается от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы других участников, содействует им, в том числе в получении необходимой информации. Благодаря указанному толкованию Верховный суд дает разрешение на применение принципа добросовестности в случае явного недобросовестного поведения сторон, а также дальнейшее пресечение недобросовестных субъектов. При этом устанавливается презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, пока не доказано иное (п. 5 ст.10 ГК РФ).

Как было указано выше, в российском законодательстве не определена терминология «добросовестность», поэтому для понимания ее сущности необходимо обратиться к истории, а также к мнениям российских ученых-цивилистов. Впервые понятие «добросовестность» как правовой термин возник в римском праве. Так правоприменители того времени считали, что добросовестностью субъекта права является отсутствие у него умысла, нивелирующего чужие права. Более того, всем участникам гражданского оборота в римском праве рекомендовалось устанавливать правоотношения так, как принято среди честных и добропорядочных людей [3]. Например, на уровне закона принцип добросовестности был закреплен в Гражданском кодексе Франции 1904 года и использовался не столько для регулирования гражданских правоотношений, а для смягчения установленных правовых норм, их изменения и толкования. Важный вклад в становление института принципа добросовестности вносит международное частное право, благодаря которому на данный момент существуют два значения добросовестности: объективная добросовестность и субъективная добросовестность. Под объективной добросовестностью мы понимаем внешний критерий, который при идеальных обстоятельствах должен существовать не только для законодателя и правоприменителя, но также и для участников процесса. Под субъективной же добросовестностью международные частные цивилисты рассматривают незнание лицом обстоятельства, с наличием которых буква закона связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Определение добросовестности в большей мере связано с философскими понятиями. В литературе добросовестностью является такие духовно-нравственные качества личности как: ответственность, справедливость, честность, открытость. Добросовестность является тем критерием человеческой личности, который показывает отношение человека и гражданина к обществу и миру в целом. Анализируя взгляды ученых, отметим, что например, Е. Е. Богданова считает, что под добросовестностью понимается некая система чувств и интуиции, этическая система представлений о нравственном поведении при реализации прав и обязанностей, которая опре-

деляет категории добра и зла в обществе [4]. С.А. Иванова позиционирует добросовестность как составляющую (грань) принципа социальной справедливости и не выносит её в отдельный принцип гражданского права [5]. В.П. Грибанов указывает, что при рассуждении о юридическом значении данного понятия стоит учесть, что он в буквальном смысле выражает обязанность соблюдения правил морального порядка в общественной жизни [6]. Но вот, например, И.Б. Новицкий пишет, что принцип добросовестности обязывает участников гражданских правоотношений находится в поиске компромисса между ними, а также в интересах общества в целом [3]. Как видим, российские ученые-цивилисты по-разному понимают понятие добросовестности и, соответственно, по разному его трактуют, в следствие чего возникает беспорядок в применении данного принципа в гражданских правоотношениях.

Несостоятельность (банкротство) (далее также – банкротство) является неотъемлемым элементом любых рыночных отношений в развитых государствах, и Российская Федерация не является исключением. Институт несостоятельности (банкротства) создан для справедливого и оперативного обеспечения баланса между имущественным интересом кредиторов и правами и обязанностями должников, в котором принцип добросовестности занимает, если не главенствующее, то, как минимум, одно из руководящих положений.

Статьей 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [7] установлено понятие банкротства, которое определяется как признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам. Закон о банкротстве прямо устанавливает, что арбитражный управляющий должен действовать исходя из принципа добросовестности. Так согласно пункту 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в делах о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества в целом.

Принцип добросовестности в процедуре несостоятельности (банкротства) означает необходимость добросовестного осуществления своих прав и обязанностей всеми участниками данного процесса: должником, кредиторами, уполномоченными органами, а также арбитражным управляющим.

На современном этапе развития российской правовой доктрины о процессе несостоятельности (банкротства) отсутствуют узконаправленные исследования о деятельности арбитражного управляющего, включая принцип добросовестности в деятельности последнего. Большинство авторов рассматривают лишь конкретные составы правонарушений арбитражного управляющего и не затрагивают тематику недобросовестных действий, которые таковой может случайно либо преднамеренно допустить. Следовательно, для раскрытия заявленной темы научной статьи необходимо обратиться к комплексным научно-практическим исследованиям ученых-цивилистов.

Впервые тематика института банкротства, в том числе элемент участия арбитражных управляющих была рассмотрена и заложена Г. Ф. Шершеневичем в труде «Учение о несостоятельности» [8]. Из исследований, проводившихся на данный момент можно выделить работу Кравченко А.А. «Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства)» [9], а также Кузнецова С.

А. «Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства)» [10]. В указанных трудах раскрывается принцип добросовестности применительно к институту банкротства и приводятся примеры его несоблюдения на практике. Но, как в современных, так и в дореволюционных трудах авторы ограничивались лишь изучением основных прав и обязанностей арбитражных управляющих, анализом их правового статуса, позиции в делах о несостоятельности (банкротстве) и ответственности арбитражного управляющего. Вышеуказанное позволяет сказать, что вопросы добросовестности арбитражного управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве) остаются детально не исследованными.

Рассматривая правовое регулирование принципа добросовестности, следует отметить, что основой являются правоустанавливающие положения ГК РФ, в частности, согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники правоотношений должны действовать добросовестно; пунктом 5 статьи 10 ГК РФ установлено, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Конкретизируют данные нормы положения Закона о банкротстве: пункт 5 статьи 20.3 устанавливается обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно при проведении процедур, применяемых в делах о банкротстве; пункт 4 статьи 20 управомочивает саморегулируемую организацию арбитражных управляющих устанавливать дополнительные требования к компетентности, добросовестности и независимости арбитражного управляющего.

Для реализации указанных норм права высшими судебными инстанциями были приняты рекомендательные положения, способствующие правильному применению вышеперечисленных норм, которые содержатся в следующих актах:

– Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 г. N 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», в котором ВАС РФ дал разъяснения по некоторым процессуальным вопросам, возникающим при рассмотрении дел о банкротстве, в числе которых есть вопросы о назначении арбитражного управляющего и о его правах и обязанностях [11];

– Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.05.2012 N 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих». Данный акт направлен именно на обеспечение добросовестной реализации арбитражными управляющими своих прав и обязанностей, уточнены порядок и основания их отстранения [12];

– Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.05.2006 N 108 «О некоторых вопросах, связанных с назначением, освобождением и отстранением арбитражных управляющих в делах о банкротстве» [13] и т.п.

Указав лишь основные элементы правового закрепления проблематики, и анализируя обзоры судебной практики арбитражных судов по вопросам деятельности арбитражных управляющих в делах о банкротстве, можно отметить, что аспект добросовестности поднимается неоднократно, однако единого критерия при принятии решений и применении принципа нет, следовательно, и толкование различное.

Арбитражный управляющий должен разумно и добросовестно исполнять возложенные на него права и обязанности, что обеспечивается возможностью заинтере-

ресованных лиц оспорить его действия в судебном порядке, если таковые действия могут повлечь за собой нарушение прав и интересов заинтересованных лиц.

Нарушение арбитражным управляющим при осуществлении своих полномочий, а именно – неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, вызывает обоснованные сомнения в способности арбитражного управляющего к надлежащему ведению процедур банкротства. Таким образом, при рассмотрении дел о банкротстве суд с целью недопущения злоупотребления правом не должен допустить ситуации, при которых лицо, наделенное полномочиями арбитражного управляющего, вызвало у суда существенные и обоснованные сомнения в наличии должной компетенции, добросовестности или независимости. Подтверждением наличия существенных и обоснованных сомнений в добросовестности действий арбитражного управляющего являются неоднократные грубые умышленные нарушения, например, подтвержденные вступившими в законную силу судебными решениями (об отстранении, о признании его действий незаконными или о признании необоснованными понесенных им расходов и т.д.).

Указанная позиция подтверждена разъяснениями ВАС РФ. Собрание кредиторов обратилось в арбитражный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего, а именно заявлением о его отстранении в связи с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей. В указанном заявлении приведены следующие нарушения: конкурсным управляющим направлены уведомления о предстоящем собрании кредиторов за 12 дней до проведения собрания кредиторов, а не за 14 дней, как того требует пункт 1 статьи 13 Закона о банкротстве; уведомление работников должника о предстоящем увольнении было сделано позднее месяца с даты открытия конкурсного производства, что противоречит статье 129 Закона о банкротстве. Установив наличие допущенных нарушений, арбитражный суд в удовлетворении заявления об отстранении конкурсного управляющего отказал, мотивируя свое решение тем, что управляющий не может быть отстранен в связи с нарушениями, которые не являются существенными. Отстранение должно применяться в той мере, в какой оно позволяет восстановить нарушенные права или устранить угрозу их нарушения. Указанное означает, что допущенные нарушения могут стать основанием для его отстранения в случае, если существуют обоснованные сомнения в дальнейшем надлежащем ведении им конкурсного производства. С учетом изложенного, не имеет значения то обстоятельство, что такие сомнения возникли в связи с недобросовестным предшествующим поведением арбитражного управляющего либо в связи с допущенными им нарушениями в силу неготовности к надлежащему ведению конкурсного производства (недостаточного опыта управляющего, специфики конкурсного производства и т.д.). Из указанного следует также, что для отстранения арбитражного управляющего не могут служить основанием для отстранения управляющего нарушения, которые не привели к возникновению сомнений в дальнейшем надлежащем ведении им дел. [12]

В другом случае суд отстранил конкурсного управляющего, неоднократно необоснованно возмещавшего за счет конкурсной массы расходы на свой проезд к месту нахождения должника от своего места жительства (для участия в судебных процессах по установлению требований; в собраниях кредиторов и т.п.). Напомним, что положениями закона закреплена возмездность характера работы арбитражного управляющего в делах о банкротстве, состоящая в фиксированной сумме возна-

граждения, процентов, а также права на возмещение фактически понесенных расходов в полном объеме. То есть при анализе добросовестности и разумности, необходимо установить обоснованность затрат, а также помнить, что приступать к выплате собственного вознаграждения в виде процентов возможно только после погашения иных видов текущих платежей (Определение N 306-ЭС17-782).

Положения Закона о банкротстве предусматривают определенный комплекс прав и обязанностей арбитражного управляющего, а также определенный объем действий, который последний должен произвести, для их правомерной и добросовестной реализации. При анализе прав и обязанностей управляющего, возникает вывод об оценочности категории добросовестности в данных действиях. Понимается, что при оценке степени или уровня добросовестности следует применять критерий достаточности реализации правомочий, что не всегда будет оправдывать те или иные действия. То есть, изучая материалы дела, необходимо установить, что управляющий в достаточной мере: защитил имущество должника; произвел все необходимые действия для того, чтобы реабилитировать платежеспособность предприятия; проанализировал финансовое состояние должника, сделки с его участием; произвел взыскание дебиторской задолженности; выявил признаки преднамеренного и фиктивного банкротства и сообщил об этом; разумно и обоснованно осуществлять расходы, связанные с исполнением возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве и т.д.

Анализируя обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 2017 г. [14], считаем необходимым, выделить интересные моменты. Так, арбитражный управляющий, не представив в налоговый орган по месту учета налогоплательщика соответствующую налоговую декларацию, распределил конкурсную массу без учета текущих обязательств перед бюджетом и ходатайствовал о завершении процедуры конкурсного производства (Определение N 305-ЭС17-1599). Конкурсный управляющий знал о фактической реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу и, как следствие, свидетельствующей о наличии текущих налоговых обязательств, однако не предпринял действий. ВС РФ отмечает, что конкурсный управляющий, осуществляя на постоянной основе профессиональную деятельность в качестве арбитражного управляющего, должен был знать данную норму, следовательно, подтверждается презумпция добросовестности – знал или мог знать в силу осуществления профессиональной деятельности.

В другом примере конкурсный управляющий, по собственной инициативе, не располагая первичными документами, выявил дебиторскую задолженность завода, на основе анализа движения денежных средств должника и систематизации его контрагентов (Определение N 301-ЭС17-834). Итогом претензионной работы стало добровольное погашение контрагентом своих долгов. В рассматриваемом случае такое поведение конкурсного управляющего является добросовестным и разумным, у него отсутствовала обязанность выставлять спорную дебиторскую задолженность на торги.

Таким образом, следует отметить, что именно принцип добросовестности в работе арбитражного управляющего является основополагающим при оценке его действий и необходимо для обратного установить, что неправомерные действия привели к непосредственному причинению имущественного вреда кредиторам и должнику, или иным нарушающим права заинтересованных лиц последствиям. Однако на

практике проверить действительно ли проводились все указанные действия арбитражным управляющим и выявить недобросовестность последнего очень сложно, так как процесс несостоятельности банкротства является крайне емким и трудозатратным. Значительная часть действий арбитражного управляющего не документируются, что при рассмотрении дел о недобросовестности арбитражного управляющего в рамках дела о банкротстве приводит к затягиванию рассмотрения данного дела и рассмотрению субъективных доказательств, используемых сторонами спора, что противоречит принципам судебного процесса. Учитывая изложенное, установление недобросовестности действий управляющего, а также злоупотребления правом возможно лишь в тех исключительных случаях, когда эти обстоятельства доказаны, что усложняется фактом презумпции добросовестности. Для того чтобы правильно решить вопрос о существенности нарушения, нужно понять, вызывает ли характер допущенного нарушения обоснованные сомнения в дальнейшем надлежащем осуществлении управляющим своих прав и обязанностей, в том, что он будет действовать добросовестно и разумно, в интересах должника, кредиторов и общества.

Российское законодательство содержит ряд мер, направленных на обеспечение добросовестности арбитражного управляющего. На данный момент существуют следующие меры ответственности, которые возлагают на арбитражного управляющего: отстранение от исполнения обязанностей в деле о банкротстве (Например, Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-47466/17-70-67 «Б» от 04.12.2017 г.); привлечение к административной ответственности (Решение Арбитражного суда Ростовской области по делу № А53-36984/2017 от 08.05.2018 г.); возмещение убытков, понесенных вследствие его действий (Определение Арбитражного суда Ульяновской области по делу № А72-1861/2011 от 19.03.2015 г.); исключение из саморегулируемой организации арбитражных управляющих.

На современном этапе развития института несостоятельности (банкротства), исходя из анализа практики принятия арбитражными судами решения о применении мер ответственности к арбитражному управляющему, становится ясно, что проблемным аспектом являются критерии оценки деятельности арбитражного управляющего, разграничение добросовестной и недобросовестной реализации своих прав и обязанностей.

Исследовав теоретическую, нормативную и практическую основы проблематики нашей статьи можно сделать следующие выводы.

Банкротство один из самых динамичных институтов права в современном мире, что подчеркивает его значимость для исследования учеными-цивиристами. Но, так как в российском законодательстве на данный момент отсутствует механизм определения добросовестного и качественного взаимодействия арбитражного управляющего с другими участниками дела о банкротстве дальнейшее внесение изменений в действующее законодательство не представляется возможным. Решением данной проблемы является внесение законодателем изменений не отдельных норм, а блоками, с детализированной научной и практической проработкой каждого положения не только в рамках воздействия данных норм на правоотношения, но и в их взаимодействии с уже действующими положениями законодательства о несостоятельности (банкротстве). Кроме этого, разъяснения судов касательно добросовестности должны содержать более точные формулировки, не допуская двоякого толкования и применения на практике.

Формы ответственности, предусмотренные законодателем для обеспечения добросовестного поведения арбитражного управляющего, все больше показывают свою неэффективность к правоотношениям в рамках рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве). Отсутствует широкая практика по привлечению к ответственности недобросовестных арбитражных управляющих, отказывающихся от выполнения возложенных на них обязательств. Отсутствуют механизмы проверки добросовестных и качественных действий арбитражного управляющего, что на практике приводит к сложностям в защите своих прав у других участников процесса банкротства. Для преодоления данной проблематики представляются следующие пути решения: ужесточение санкций за неправомерные недобросовестные действия арбитражного управляющего вне зависимости от наступивших неблагоприятных последствий; утверждение практики и механизмов привлечения арбитражных управляющих к мерам ответственности, как к дисциплинарным и праввосстановительным, установленным Законом о несостоятельности (банкротстве), так и к более суровым, установленными административными и уголовными нормами.

В статье 2 Закона о несостоятельности (банкротстве) установлено понятие «федеральных стандартов», но кодифицированного нормативного правового акта, устанавливающего данные стандарты во всех сферах деятельности арбитражных управляющих, не утверждено, а стандарты, устанавливаемые саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих, зачастую касаются лишь деятельности самой саморегулируемой организации. Вышеуказанное позволяет сказать, что разработка и утверждение единого федерального стандарта деятельности арбитражного управляющего, позволяющего в частности определить добросовестное поведение последнего должно является важнейшей целью для законодателя.

Подводя итог, отметим, что в настоящий момент законодательство о несостоятельности (банкротстве) не может обеспечивать неукоснительное соблюдение арбитражным управляющим принципа добросовестности, как одним из основ гражданских правоотношений, в своей деятельности. Для изменения сложившейся ситуации требуется оперативное и комплексное совершенствование правового регулирования процесса несостоятельности в вышеуказанных направлениях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 8, август, 2015.
3. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Научный журнал. - М.: ООО "Издат. дом В. Ема", 2006, № 1: Т. 6. - С. 124-181.
4. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография / Богданова Е.Е. - М.: Юрлитинформ, 2014. - 344 с.
5. Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. М., 2005, № 4. С. 29-34.
6. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / Науч. ред.: Ем В.С.; Редкол.: Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А. - 2-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2001. - 411 с.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 28.11.2018) "О несостоятельности (банкротстве)" // "Собрание законодательства РФ", 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
8. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности / Шершеневич Г.Ф. - Казань: Тип. Ун-та, 1890. - 461 с.
9. Кравченко А.А. Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. - М.: Юрист, 2015, № 2. - С. 10-17.

10. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография / С.А. Кузнецов. – Науч.изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 304 с.
11. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 35 (ред. от 21.12.2017) "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" // "Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации", 2012 г., N 8.
12. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.05.2012 N 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/54866.html
13. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 мая 2006 г. N 108 "О некоторых вопросах, связанных с назначением, освобождением и отстранением арбитражных управляющих в делах о банкротстве" // "Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации", 2006 г., N 7.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 11, ноябрь, 2018.

Ablyatipova N. A., Eremin V. Yu. Problems of the principle of good faith in the activities of the arbitration manager in the framework of the insolvency (bankruptcy) case // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 217–225.

The article deals with topical issues of application and ambiguity of the category of good faith actions of an arbitration manager in insolvency (bankruptcy) cases. The difficulties of enforcement of the principle of good faith based on an analysis of the definition of this term, its legislative regulation and practical implementation in judicial practice are investigated. It is revealed that issues of good faith are raised repeatedly, but there is no single criterion when making decisions and applying the principle, and there is a different interpretation. Based on the analysis of the practice of arbitration courts making decisions on the application of measures of responsibility to the arbitration manager, it has been established that the criteria for evaluating the activity of the arbitration manager, distinguishing between fair and unfair realization of rights and obligations are a problematic aspect. Analyzed the measures of responsibility in case of unfair actions and abuse of the right. Possible solutions to the indicated problems and contradictions are proposed and justified.

Keywords: integrity, arbitration manager, insolvency, bankruptcy, business entities, liability measures, suspension.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 03.08.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2018) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 05.12.1994, N 32, st. 3301.
2. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 "O primeneniі sudami nekotorykh položenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" // "Byulleten' Verkhovnogo Suda RF", N 8, avgust, 2015.
3. Novitskii I.B. Printsip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. Nauchnyi zhurnal. - M.: OOO "Izdat. dom V. Ema", 2006, № 1: Т. 6. - S. 124-181.
4. Bogdanova E.E. Printsip dobrosovestnosti i evolyutsiya zashchity grazhdanskikh prav v dogovornykh otnosheniyakh: monografiya / Bogdanova E.E. - M.: YurLitinform, 2014. - 344 с.
5. Ivanova S.A. Nekotorye problemy realizatsii printsiipa sotsial'noi spravedlivosti, razumnosti i dobrosovestnosti v obyazatel'stvennom prave // Zakonodatel'stvo i ekonomika. - M., 2005, № 4. - S. 29-34.
6. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav / Nauch. red.: Em V.S.; Redkol.: Kozlova N.V., Korneev S.M., Kulagina E.V., Pankratov P.A. - 2-e izd., stereotip. - M.: Statut, 2001. - 411 с.
7. Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 N 127-FZ (red. ot 28.11.2018) "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)" // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 28.10.2002, N 43, st. 4190.
8. Shershenevich G.F. Uchenie o nesostoyatel'nosti / Shershenevich G.F. - Kazan': Tip. Un-ta, 1890. - 461 с.
9. Kravchenko A.A. Ob otvetstvennosti za nedobrosovestnost' v otnosheniyakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) // Predprinimatel'skoe pravo. - M.: Yurist, 2015, № 2. - S. 10-17.
10. Kuznetsov S.A. Osnovnye problemy pravovogo instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva): monografiya / S.A. Kuznetsov. – Nauch.izd. – М.: Infotropik Media, 2015. – 304 с.
11. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 22.06.2012 N 35 (red. ot 21.12.2017) "O nekotorykh protsessual'nykh voprosakh, svyazannykh s rassmotreniem del o bankrotstve" // "Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii", 2012 g., N 8.
12. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 22.05.2012 N 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/54866.html
13. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 4 maya 2006 g. N 108 "O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s naznacheniem, osvobozhdeniem i otstraneniem arbitrazhnykh upravlyayushchikh v delakh o bankrotstve" // "Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii", 2006 g., N 7.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // "Byulleten' Verkhovnogo Suda RF", N 11, noyabr', 2018.

УДК 342.951

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ТЕХНОГЕННОГО И ПРИРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Басова Ю. Ю.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье осуществлен анализ научных работ, норм действующего законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера. Автором установлено, что динамичное развитие законодательства и правовых отношений в данной сфере, изменение правового статуса органов государственной власти, появление новых субъектов правоотношений, обуславливает актуальность исследования указанной научной проблематики. На основе проведенного исследования установлено, что усовершенствование нормативно-правовой базы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций связана не только с разработкой и принятием новых нормативных актов, в том числе для восполнения существующих пробелов, но и с деятельностью по упорядочению системы законодательства, а именно, проведение кодификации. Обосновано, что результатом данной работы должен стать единый, юридически и логически цельный акт – Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательство, нормативный правовой акт, кодекс, защита, население, усовершенствование, общественная безопасность, чрезвычайные ситуации.

Одним из приоритетных направлений государственной политики и значимым условием дальнейшего социально-экономического развития Российской Федерации является обеспечение соблюдения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, защита материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) природного и техногенного характера [1].

Актуальность проблематики обусловлена тенденциями роста числа ЧС в Российской Федерации, количеством пострадавших и размером ущерба территориям, который причиняется опасными природными явлениями, авариями на промышленных предприятиях. Так, за последние 15 лет в Российской Федерации зарегистрировано свыше 12 тыс. ЧС, в которых пострадало свыше 150 тыс. человек, из которых погибло 14 тыс. человек; материальный ущерб составляют 6 % внутреннего валового продукта за указанный период. Так, в 2012 г. зарегистрировано 437 ЧС, в результате которых погибло 819 чел., пострадало 95 105 человек. В 2013 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 335 ЧС, в результате которых погибло 640 человека, пострадало 218177 человек. В 2014 г. зарегистрировано 262 ЧС, в результате которых погибло 260 человек, пострадало 129869 человек. Тем не менее, не смотря на снижение количества ЧС число пострадавших и материальных убытков остаются значительными [2].

Кроме того, в последние годы прослеживается тенденция к увеличению количества событий, которые могут обусловить возникновение чрезвычайных обстоятельств различного характера. Так, в 2014 году количественные показатели преступлений террористического характера составили 1128, в 2015 году данный показатель составил 1538 [3]. В 2016 году при общем снижении количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации количество преступлений террористического характера возросло на 44,8 %, что составило 2227 [4]. Несмотря на то, что в 2017-2018 годах отмечена динамика снижения количества данных преступлений, их количество остается значительным (2017 год – 1 871 [5], 2018 год – 1566 [6]). В то же время, ежегодно в Российской Федерации проводится более 130 тыс. массовых мероприятий различной направленности, имеют место блокирование транспортных коммуникаций, акции протеста и др.

Указанные статистические данные свидетельствуют о том, что вопросы предупреждения ЧС не случайно включены практически во все разделы как первой, так и последующих редакций Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Обозначенные в данных стратегических документах положения получили свое развитие в основополагающем документе стратегического планирования – Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, в которой ЧС отнесены к источникам угроз общественной безопасности.

С целью эффективной реализации указанных направлений, государство принимает необходимые меры, среди которых важное место занимают те, которые направлены на разработку и принятие соответствующей нормативно-правовой базы. В то же время, основным требованием современности является не только разработка и принятие необходимого законодательства, но его системность и эффективность.

В настоящее время в Российской Федерации вопросы, связанные с эффективным правовым обеспечением различных направлений деятельности государства, занимают одно из ключевых мест, о чем свидетельствует постоянное внимание Президента России В. В. Путина. В Послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года Президент России В. В. Путин подчеркнул о необходимости принятия более радикальных мер в сфере пересмотра правовой базы, нормы которой регулируют контрольно-надзорную деятельность [7].

Профессор А. В. Мелехин, ссылаясь на мнение председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькина, отмечает, что для повышения качества системы законодательства России необходимо решить ряд проблем. К некоторым из них можно отнести такие: преодоление бессистемности при разработке законодательства, устранение несогласованности между различными законодательными актами, снизить частоту изменений действующих законов, устранить нечеткость формулировок норм законодательных актов [8, с. 45].

Следует отметить, что вопросы предупреждения ЧС в нашем государстве были актуальными с первых лет независимости, что обусловило существованием ряда угроз для ее обеспечения. Именно такая ситуация привела к появлению значительного количества вопросов теоретической направленности, в свою очередь обусловило потребность в проведении научных исследований в этой сфере. Кроме того, данная проблематика требует не только теоретического, но и практического «осмысления»,

так как стабильная общественная безопасность напрямую зависит от эффективности деятельности уполномоченных субъектов.

В научных исследованиях последних лет отдельные вопросы деятельности государственных органов в ЧС рассматривали такие представители отечественной юридической науки, в частности: С. С. Алексеев, Г. В. Атаманчук, Д. Н. Бахрах, А.В. Виноградов, Д. Власов, И. Т. Голяков, И. В. Гончаров, В. Григорьев, А.В. Грязнов, В.В. Гушин, Г. И. Демин, А. Л. Дубовик, Г. Г. Зуйков, Ю.В. Иванов, Н. М. Касаткин, М. П. Киреев, А. П. Коренев, А. М. Ларин, С. Лебедь, В. В. Лозбинец, С.С. Маилян, А. Ф. Майдыков, А. В. Мелехин, И. Л. Петрухин, М. М. Полянский, Б. Порфирьев, С. В. Пчелинцев, В. Б. Рушайло, Ю. А. Тихомиров, В. Ю. Ухов, С. Д. Хазанов, В. С. Четвериков, С. К. Шойгу и др.

Переходя к непосредственному предмету исследования, следует отметить, что в настоящее время в исследуемой сфере действует более 40 федеральных законов, десятки указов Президента РФ, более 100 постановлений Правительства РФ, значительное количество нормативных актов субъектов РФ, приказов МВД России и органов межотраслевого управления. Такая высокая активность в сфере нормотворчества свидетельствует о повышенном внимании со стороны уполномоченных субъектов к вопросам предупреждения ЧС. Одновременно, такой массив нормативного материала, во-первых, достаточно сложно применять на практике, во-вторых, обуславливает возможность появления правовых коллизий и противоречий в их содержании. Указанное и обуславливает возникающие сложности в правоприменительной деятельности. Ведь одним из необходимых условий постоянного развития правовых норм является непрерывный анализ их состояния, выявления недостатков и формирование приоритетных направлений дальнейшего их развития.

Анализ научных исследований в данной сфере показывает, что одним из эффективных способов усовершенствования правовой базы является ее кодификация. Отметим, что законодательство в сфере обеспечения общественной безопасности целесообразно классифицировать по определенным направлениям деятельности субъектов предупреждения в ЧС. В частности: в области закрепления правового статуса субъектов предупреждения и ликвидации в ЧС; в области международно-правового регулирования ликвидации ЧС; в области применения ограничений прав и свобод граждан в ЧС; в области обеспечения проведения мероприятий по гражданской обороне населения; в области обеспечения защиты населения от ЧС природного и техногенного характера; в области определению порядка осуществления различных видов обеспечения в ЧС (информационного, материально-технического); в области обеспечению социальной защиты населения, принимающий участие в ликвидации ЧС.

Говоря о проблеме кодификации законодательства, исследователи отмечают сложность этого процесса, обусловленного его комплексным характером. Во-первых, специфика полиаспектных отношений в сфере предупреждения и ликвидации ЧС отражается на содержании регулирующих эти отношения законодательных актов и составляющих их норм права. Во-вторых, законодательство в указанной сфере характеризуется значительным числом актов, издаваемых различными органами. Традиционно ведомственное нормотворчество в нашей стране развивалось очень интенсивно, поскольку была слаба законодательная база. Однако, в различных сферах государственного управления можно наблюдать парадоксальный обрат-

ный процесс: развитие законодательства не сократило, а стимулировало нормотворческую деятельность органа управления, а многие вопросы по-прежнему остаются вне сферы действия закона или ему не соответствуют [9]. Кроме того, различные аспекты предупреждения и ликвидации ЧС регулируются актами органов межотраслевой компетенции. В-третьих, наличие значительного количества актов в данной сфере обуславливает появление «дублирующих норм, которых регулируют однородные общественные отношения. Так, основным нормативным правовым актом в сфере защиты населения и территорий от ЧС является ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10], который определяет общие для Российской Федерации организационно-правовые нормы в области защиты населения, всего земельного, водного, воздушного пространства в пределах Российской Федерации или его части, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от ЧС природного и техногенного характера. Одновременно, Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федеральный закон от 17.09.1998 №157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», Федеральный закон 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» также регулируют различные аспекты обеспечения защиты населения от ЧС природного и техногенного характера.

Вследствие указанного, рассматривая проблемы кодификации законодательства в сфере предупреждения и ликвидации ЧС, следует иметь в виду состояние всей системы национального законодательства.

В связи с указанным, в рамках широкой научной дискуссии предлагаем проведение кодификации нормативных актов, действующих в сфере предупреждения и ликвидации ЧС техногенного и природного характера. Таким актом может стать – Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации.

В данном случае Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации, подобно Уголовному кодексу Российской Федерации должен выступать в качестве «юридического монополиста» (выражение В.Д. Сорокина). Такой подход в наибольшей степени отвечает требованиям эффективного регулирования общественных отношений в рассматриваемых условиях, а также является необходимым условием соблюдения базовых положений в процессе строительства правового государства [8, с. 483].

Разработка и принятие данного кодекса позволит включить в него положения федерального законодательства, которые регулируют близкие по своей правовой природе общественные отношения. Предложенная кодификация позволит упразднить значительное количество нормативных актов, нормы которых регулируют общественные отношения в указанной сфере.

Подводя итог, следует отметить, что усовершенствование нормативно-правовой базы в сфере предупреждения и ликвидации ЧС связана не только с разработкой и принятием новых нормативных актов, в том числе для восполнения существующих пробелов, но и с деятельностью по упорядочению системы законодательства.

По нашему мнению, одним из таких направлений должна стать кодификация законодательства в сфере предупреждения и ликвидации ЧС, результатом которой должен стать единый акт, юридически и логически цельный, внутренне согласованный по содержанию – Кодекс гражданской защиты населения Российской Федерации.

Список литературы

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения 29.01.2019).
2. Сравнительная характеристика чрезвычайных ситуаций, происшедших на территории Российской Федерации в 2014/2013 годах [Электронный ресурс] URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2014/Sravnitel'naja_harakteristika_chrezvichaj (дата обращения 29.01.2019).
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf (дата обращения 29.01.2019).
4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f8b/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202016.pdf> (дата обращения 29.01.2019).
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf> (дата обращения 29.01.2019).
6. Состояние преступности в России за январь – октябрь 2018 года: Статистический сборник // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс] URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (дата обращения 29.01.2019).
7. Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2019 года [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 29.01.2019).
8. Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные проблемы его реализации. Монография / А.В. Мелехин. - М.: Академия управления МВД России. 2013. 491 с.
9. Барабанова С. Образовательное законодательство (проблемы кодификации) // Высшее образование в России. 2004. №9. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-zakonodatelstvo-problemy-kodifikatsii> (дата обращения: 02.03.2019).
10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200121&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3906050873649023> (дата обращения: 02.03.2019).

Basova J. J. Scientific approaches to the improvement of the regulatory and legal framework in the field of prevention and elimination of emergency situations of technological and natural character // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 226–231.

The article analyzes the scientific work, the current legislation in the field of prevention and liquidation of emergency situations of man-made and natural nature. The author has established that the dynamic development of legislation and legal relations in this area, a change in the legal status of state bodies, the emergence of new subjects of legal relations, determines the relevance of the study of this scientific issue. Based on the study, it was established that the improvement of the regulatory framework in the field of prevention and liquidation of emergency situations is associated not only with the development and adoption of new regulations, including to fill the existing gaps, but also with activities to streamline the legislation system, namely carrying out codification. It is proved that the result of this work should be a single, legally and logically integral act – the Code of Civil Protection of the Population of the Russian Federation.

Keywords: legislation, regulatory legal act, code, protection, population, improvement, public safety, emergency situations.

Spisok literatury

1. Koncepciya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (data obrashcheniya 29.01.2019).
2. Sravnitel'naya harakteristika chrezvychajnyh situacij, proisshehdshih na territorii Rossijskoj Federacii v 2014/2013 godah [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2014/Sravnitel'naja_harakteristika_chrezvichaj (data obrashcheniya 29.01.2019).
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2015 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury RF. [EHlektronnyj resurs] URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf (data obrashcheniya 29.01.2019).
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2016 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury RF. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f8b/Ezhemesyachnyj%20sbornik%20dekabr'%202016.pdf> (data obrashcheniya 29.01.2019).
5. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2017 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury RF. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ezhemesyachnyj%20sbornik%20dekabr'%202017.pdf> (data obrashcheniya 29.01.2019).
6. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – oktyabr' 2018 goda: Statisticheskij sbornik // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury RF. [EHlektronnyj resurs] URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (data obrashcheniya 29.01.2019).
7. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 29 fevralya 2019 goda [EHlektronnyj resurs] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (data obrashcheniya 29.01.2019).
8. Melekhin A.V. CHrezvychajnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: teoreticheskie, pravovye i organizacionnye problemy ego realizacii. Monografiya / A.V. Melekhin. - M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 2013. 491 s.
9. Barabanova S. Obrazovatel'noe zakonodatel'stvo (problemy kodifikacii) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2004. №9. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-zakonodatelstvo-problemy-kodifikatsii> (data obrashcheniya: 02.03.2019).
10. O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodnogo i tekhnogennogo haraktera: Federal'nyj zakon ot 21.12.1994 g. № 68-FZ [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200121&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3906050873649023> (data obrashcheniya: 02.03.2019).

УДК 340.13; 347.421

**К ПРОБЛЕМЕ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОЙ НОРМЫ
- СТ. 333 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ УМЕНЬШЕНИИ НЕУСТОЙКИ СУДОМ**

Бахриева З. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена проблеме толкования и применения правовой нормы - ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющей право суда уменьшать подлежащую уплате неустойку в случаях, когда она является явно несоразмерной последствиям, наступившим в результате нарушения обязательства. Автором доказывается, что инициатором снижения неустойки должен быть не суд, а сам должник. Доказывание факта «явной несоразмерности» неустойки последствиям нарушения обязательства должником является исключительно обязанностью самого должника.

В статье анализируется, как толкует правовую норму - ст. 333 ГК РФ судебная практика: суд апелляционной инстанции по жалобе соответствующей стороны решает вопрос о соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, исходя из имеющихся и дополнительно представленных доказательств. Однако судами общей юрисдикции при рассмотрении исков о взыскании неустойки иногда по собственной инициативе затрагивается вопрос о снижении суммы неустойки, подлежащей взысканию, чтобы своевременно избежать в будущем ситуацию истребования должником возврата полученной кредитором необоснованной выгоды.

Ключевые слова: толкование, правовая норма, неустойка, убытки, Верховный суд РФ, судебная практика.

Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков (ст. 330 ГК РФ).

В приведенном законодательном положении содержится определение одного из важнейших способов обеспечения исполнения обязательств – неустойки. Более того, здесь же указываются собственно сами способы исчисления неустойки (штраф или пеня), а также подчеркивается отсутствие связи неустойки с убытками.

В то же время, в юридической литературе всё чаще обращается внимание на то, что размеры неустойки должны быть соразмерны целям защиты прав и законных интересов граждан. При этом возникает множество спорных вопросов относительно практики толкования и применения судами Российской Федерации правовой нормы - ст. 333 ГК РФ, позволяющей суду уменьшить неустойку, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, что, в свою очередь, подтверждает актуальность настоящего исследования.

Так, на первый взгляд, правовое предписание, содержащееся в ст. 333 ГК РФ, противоречит самому существованию неустойки, поскольку обязанность доказывания, в том числе и факта «явной несоразмерности» неустойки последствиям нарушения обязательства должником является исключительно обязанностью самого должника,

согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ кредитор не обязан доказывать причинение ему должником каких-либо убытков. Однако, при таких условиях, когда кредитор выступает лицом, не заинтересованным в уменьшении неустойки, он вынужден по запросу суда предоставлять доказательства наступивших неблагоприятных последствий, в том числе, и размер причиненных ему убытков.

Так, при более детальном анализе п. 1 ст. 333 ГК, прежде всего, необходимо сделать вывод о том, что законодатель дифференцирует субъектов, выступающих должниками. В частности, в указанном правовом положении упоминается специальный субъект – лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, и говорится о том, что суд вправе принять решение об уменьшении неустойки только при условии заявления об этом самим должником. Следовательно, суд не вправе принимать подобные решения по собственной инициативе.

Из указанного правового предписания также следует вывод о том, что в иных случаях, когда должник не является субъектом предпринимательства, суд вправе инициировать вопрос об уменьшении неустойки даже при отсутствии заявления самого должника, то есть, суд уполномочен действовать в решении вопроса об уменьшении подлежащей уплате неустойки по собственной инициативе, без ходатайства должника, что, по логике соответствующих правовых явлений, является неверным, поскольку инициатором в решении такого вопроса должен быть не суд, а сам должник.

Представляется вполне объяснимым намерение законодателя не допустить превращение неустойки из способа обеспечения исполнения обязательств в способ обогащения. Отмеченную тенденцию можно увидеть и в деятельности самих судов, и в разъяснениях, которые давались высшими судебными инстанциями.

Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, предоставленная суду возможность снижать размер неустойки в случае ее чрезмерности по сравнению с последствиями нарушения обязательств – это один из способов, направленных против злоупотребления правом свободно определять ее размер. Но при этом также отмечалось, что снизить неустойку суд может лишь при наличии такого волеизъявления со стороны ответчика и предоставлении им доказательств ее несоразмерности [1].

Л. Чулкова обращает внимание, что ранее Конституционный Суд РФ по собственной инициативе защищал должника, указывая на то, что снижение неустойки является не правом, а обязанностью суда устранять «явную несоразмерность» неустойки наступившим последствиям, а теперь Конституционный Суд РФ защищает именно кредитора от снижения до возможного минимума размера неустойки, как и процентов, взыскиваемых с должника в его пользу [2].

Отметим, что в п. 2 Постановления упраздненного ныне Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. N 81 «О некоторых вопросах применения ст. 333 ГК РФ» отмечалось, что судам необходимо учитывать тот факт, что из-за неисполнения (ненадлежащего исполнения) денежного обязательства должник неправомерно пользуется, так сказать, «чужими денежными средствами», и, по сути, - он не имеет никакого права извлекать какое-то ни было преимущество из своего поведения, которое не соответствует закону, используя, таким образом, более выгодные для себя условия, нежели, такие условия, которые участниками оборота получают правомерно (имеются ввиду интересы кредитора). Что касается снижения судом неустойки, в Постановлении также указывалось, что оно

может допускаться только в исключительных случаях, но тогда та денежная сумма, которая в результате присуждена, не должна быть меньше той суммы, которая могла быть начислена на сумму долга, исходя уже не из двукратной, а из однократной учетной ставки Банка России. Кроме того, указывалось и на то, что неустойка может быть снижена судом только при наличии заявления со стороны ответчика [3].

В частности, можно сделать вывод о том, как толкует правовую норму - ст. 333 ГК РФ судебная практика: суд апелляционной инстанции по жалобе соответствующей стороны решает вопрос о соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, исходя из имеющихся и дополнительно представленных доказательств.

В юридической литературе отмечалось, что можно довольно четко проследить позицию Европейского Суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) в Постановлении от 13.05.2008 г. по делу «Галич против России», из которого следует вывод о том, что применение судами ст. 333 ГК РФ является лишь прерогативой суда, но не его обязанностью. Так, в указанном деле суд посчитал невозможным снижать неустойку, ввиду того, что от ответчика не поступало заявления с соответствующей просьбой [4].

Таким образом, подчеркнем, что возможность снижения неустойки – это право, а не обязанность суда. При этом, анализируя практику судов общей юрисдикции на территории Российской Федерации, можно сказать, что, разрешая конкретные дела, суды общей юрисдикции не воспринимают опыт ЕСПЧ. Они как бы «идут другим путём», продолжая по собственной инициативе снижать размер неустойки. Такой подход невозможно оправдать нечеткостью положений ГК РФ, либо незнакомством с позицией, которую занимают высшая судебная инстанция РФ, а также Европейский суд по правам человека. При этом хотелось бы предполагать, что, поступая таким образом, судьи руководствуются исключительно целью защиты должника, принимая во внимание его неграмотность, либо неосведомленность о своих правах, ведь не секрет, что для отдельных категорий граждан оказание правовой помощи непосильно в силу затруднительного финансового положения.

Необходимо отметить, что в п. 2 ст. 333 ГК, как раз, предусматривается своего рода ограничение для суда снижать размер неустойки. В частности, указанным пунктом установлено правило, согласно которого если должник является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, то снижение судом неустойки допускается только в исключительных случаях, при условии доказывания должником того, что кредитор получит необоснованную выгоду.

При этом отметим, что в гражданском законодательстве РФ отсутствует легальная дефиниция необоснованной выгоды, лишь в ст. 1102 ГК РФ говорится о неосновательном обогащении. На наш взгляд, ответ на вопрос, является ли «неосновательное обогащение» синонимом понятию «необоснованная выгода», неоднозначен.

В п. 1 ст. 1102 ГК РФ раскрывается сущность неосновательного обогащения. Согласно указанного правового положения это - приобретение или сбережение имущества одним лицом за счет другого лица без оснований, установленных законом, иными правовыми актами или сделкой. В частности, правовые последствия неосновательного обогащения заключаются в обязанности возратить такое неосновательно приобретенное (сбереженное) имущество.

В.И. Чернышев в своей работе, посвященной исследованию обязательств, возникающих из неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, пишет о том, что главным и единственным признаком, по которому следует отличать такие правоотношения, является «вина обязанного лица». То есть, по его мнению, если одно лицо приобретает выгоду за счет другого, то его действия следует квалифицировать как причинившие вред, следовательно, - его можно привлечь к гражданско-правовой ответственности. И напротив, если лицо, получившее имущество за счет другого лица вследствие случайных обстоятельств, – невиновно, то такое поведение следует считать неосновательным приобретением имущества, подлежащего возврату [5, с. 101].

Следую логике В. И. Чернышева, поведение кредитора, взыскивающего неустойку, нельзя считать противоправным, причинившим ущерб должнику, то есть, нет оснований для привлечения кредитора к гражданско-правовой ответственности. С другой стороны, правоотношения, касающиеся взыскания неустойки, и под действие норм о неосновательном приобретении (сбережении) не подпадают, так как получение денежной суммы в качестве неустойки нельзя считать неосновательным. Кроме того, в отношении необоснованной выгоды неприменимы и правовые последствия, установленные для неосновательного обогащения в виде возврата приобретенного, иначе взысканная неустойка подлежала бы возврату.

Следовательно, не смотря на схожесть понятий «необоснованная выгода» и «неосновательное обогащение», в отличие от неосновательного обогащения, выгода, которую получает кредитор в результате взыскания неустойки, изначально была предусмотренной либо законом, либо соглашением сторон.

Если предположить, что должник докажет, что взысканная с него сумма в качестве неустойки является явно завышенной, несоизмеримой тем последствиям, которые наступили в результате неисполнения им обязательства, то представляется вполне логичным и допустимым применение по аналогии ст. 1102 ГК РФ.

Возможно, что суд при рассмотрении исков о взыскании неустойки по собственной инициативе затрагивает вопрос о снижении суммы неустойки, подлежащей взысканию, чтобы своевременно избежать в будущем ситуацию истребования должником возврата полученной от него кредитором необоснованной суммы неустойки (необоснованной выгоды).

Тем не менее, отметим, что судебной практикой не предусматривается возможность снижения уже уплаченной неустойки, за исключением некоторых случаев. Так, в п. 79 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» предусматривается только два таких фактора: 1) когда сумма неустойки была списана в безакцептном порядке; 2) перечисление суммы не было добровольным [6].

Исходя из этого, следует, что если перечисление было добровольным, то должник уже не вправе ставить вопрос о возврате даже части суммы, уплаченной кредитору. Следовательно, если при рассмотрении дела о взыскании неустойки своевременно не решался вопрос о снижении неустойки, то в последствие это лишает должника права ссылаться на необоснованную выгоду кредитора или неосновательное обогащение последнего.

Для вынесения правильного справедливого решения суду необходимо выяснить соотношение причиненных убытков и размера неустойки. При более тщательном рассмотрении указанной проблемы отметим, что неустойка и убытки имеют разную правовую природу.

В доктрине гражданского права под убытками понимают ущерб или имущественный вред, а также, любые имущественные потери, причинение которых влечет обязанность их возмещения. При этом из п. 2 ст. 15 ГК прямо следует, что под убытками следует понимать, во-первых, такие расходы, которые необходимо произвести с целью восстановления нарушенного права, во-вторых, убытки также могут выглядеть в виде утраты или повреждения имущества. Оба указанных пункта относятся к понятию реального ущерба. Но также из правового положения п. 2 ст. 15 ГК следует, что к убыткам следует относить и неполученные доходы, то есть, такие доходы, получение которых реально предполагалось одной стороной, если бы второй стороной не было нарушено обязательство. Речь идет о так называемой «упущенной выгоде».

Что касается вопроса соотношения неустойки и убытков, то в зависимости от того, какой вид неустойки предусматривался соглашением сторон (законом), соответственно так и решается вопрос о том, что именно должник обязан выплатить в пользу кредитора. Напомним, что если устанавливалась штрафная неустойка, то взыскиваются как убытки, так и сама неустойка; при альтернативной неустойке взыскиваются либо убытки, либо неустойка; при зачетной неустойке – убытки в части, не покрытой неустойкой; исключительная неустойка устраняет возможность взыскания убытков.

Ю.В. Долматова в своем диссертационном исследовании отмечает, что законодатель предусмотрел одинаковые основания освобождения от ответственности, как в отношении взыскания неустойки, так и относительно убытков. Далее, обращаясь к проблеме соотношения неустойки и убытков, по её мнению, нельзя применять неустойку и убытки независимо друг от друга, иначе это может привести «к нарушению принципа компенсационной гражданской ответственности». При этом среди различий, существующих между убытками и неустойкой, Ю.В. Долматова подчеркивает, что возмещение убытков – это общая форма ответственности, применимая при любом нарушении обязательства, даже тогда, когда это не предусмотрено ни законом, ни самими участниками, а неустойка выступает в виде частной формы ответственности, её можно применить только в таких случаях и объеме, которые установлены законом, либо предусмотрены договором в письменной форме. Причем, как подчеркивает автор, «размер неустойки от суммы ущерба не зависит» [7, с. 119-120].

Действительно, согласимся, что для выплаты неустойки необязательно наличие убытков, которые могли возникнуть, но не возникли в результате ненадлежащего поведения должника, то есть для взыскания неустойки не требуется установление размера убытков. И не будет являться нарушением, если, например, причиненные убытки будут в меньшем размере, нежели размер самой неустойки. Должны быть удовлетворены оба требования кредитора, как о возмещении убытков, так и о взыскании неустойки. При этом должник, естественно, имеет право доказывать, что неисполнение (ненадлежащее исполнение) им обязательства не причинило вовсе никаких убытков и прочее, с целью уменьшения размера неустойки. Но при этом, как

отмечают юристы-практики, отсутствие убытков у кредитора иногда очень трудно доказать, так как никто не предоставит ему материалы экономической деятельности контрагента. Без доказательств недостаточно одного только заявления о том, что размер убытков в меньшем размере, чем неустойка, начисленная за нарушение обязательства.

На основе анализа судебной практики можно констатировать, что также «довольно сложно бывает ответчику доказать вину кредитора для того, чтобы потребовать снижение неустойки согласно ст. 404 ГК РФ [8].

Рассмотрим сказанное подробнее. Дело в том, что неустойка может быть уменьшена как на основании правового положения, содержащегося в ст. 333 ГК РФ, так и на основании правовой нормы - ст. 404 ГК, если в том, что произошло, виновны обе стороны. При этом не исключаем возможное применение одновременно двух указанных правил. Сказанное подтверждается тем, что из п. 3 ст. 333 ГК РФ прямо следует, что правила ст. 333 ГК не затрагивают права должника, предусмотренные ст. 404 ГК РФ. А в ст. 404 ГК, в свою очередь, устанавливается правило, контекст которого позволяет сделать вывод о том, что «суд имеет право уменьшить установленный для должника размер ответственности, если в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательства - вина обеих сторон, а также, если увеличению размера убытков содействовал сам кредитор (умышленно, либо по неосторожности), либо если кредитор мог, но не принял разумных мер для уменьшения убытков».

Что касается применения ст. 404 ГК РФ на практике, нужно понимать, что не так просто, ссылаясь на указанное правовое положение, предусматривающее вину кредитора, добиться снижения неустойки. Хотя иногда вина кредитора очевидна в случаях, предусмотренных законом. К примеру, согласно п. 1 ст. 719 ГК РФ подрядчик имеет право не только не приступать к выполнению работ, а также и начать работу приостановить в случаях, если заказчик нарушает свои обязанности по договору подряда, то есть не предоставил ему материал, оборудование, техническую документацию или необходимые вещи, а также когда заказчик сам препятствует надлежащему (своевременному, в том числе) исполнению подрядчиком договора. Далее, п. 2 ст. 719 ГК РФ прямо предусматривается при установлении таких обстоятельств, свидетельствующих о вине кредитора (заказчика), право подрядчика на отказ от исполнения договора, а также его право потребовать возмещения убытков.

Юристы-практики подчеркивают, что расчет неустойки должен быть соразмерным и добросовестным. При этом анализируются положительные и отрицательные тенденции сложившейся судебной практики в России. В частности, Л. Огников, сравнивая российские суды с судами в Великобритании, указывает, что, в отличие от российских судов, обязательно анализируются сама цель неустойки, а также другие обстоятельства, в частности, отношения между сторонами, специфика их бизнеса, возможность ведения переговоров и другое. При этом Верховный суд в Великобритании никогда не вмешивается в вопросы, касающиеся начисления неустойки. А отмечая плюсы судебной практики в России, он пишет о том, что все чаще судами с должников взыскивается неустойка в полном размере, во много превышающем сумму по основному долгу, что на его взгляд, делает более предсказуемыми и стабильными судебные решения [8].

В юридической литературе также подчеркивается необходимость признания того факта, что какая бы ни была сумма неустойки, она всегда будет несоизмеримо великой в сопоставлении с нулевой величиной суммы убытков. Тем самым, возможность реализации прав кредитора напрямую зависит от волеизъявления должника понизить размер неустойки, чем снижается и сама эффективность неустойки, как способа обеспечения. Отмечая высокий процент субъективизма, в то же время, подчеркивается отсутствие каких-либо оценочных критериев в определении последствий нарушения обязательств, не связанных с имуществом, а также, – отсутствие расчетного механизма [9].

Разрешая вопрос о снижении неустойки, требует осмысления проблема четкого определения тех критериев, по которым суд все же может снизить размер неустойки, а также относительно понимания «явной несоразмерности» неустойки убыткам. Так, для того, чтобы установить несоразмерность, в качестве таких критериев в каждом конкретном случае выступают, например, установление чересчур высокого процента неустойки; превышение в значительной мере суммы неустойки над суммой убытков; длительный срок неисполнения должником обязательств и другие факторы.

Отдельные критерии для снижения неустойки, а также ответы на многие другие вопросы относительно неустойки можно найти в Постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (далее по тексту - Постановление № 7). Так, согласно п. 73 указанного Постановления не являются основанием для снижения неустойки, в частности:

- доводы со стороны ответчика о невозможности исполнить обязательство из-за его тяжелого финансового положения;
- наличие у ответчика иной задолженности, то есть наличие других кредиторов;
- наложение на денежные средства ответчика или на иное его имущество ареста;
- отсутствие бюджетного финансирования;
- неисполнение контрагентами ответчика обязательств перед ним;
- добровольное погашение ответчиком на день рассмотрения спора своего долга как полностью, так и в части;
- выполнение социально значимой функции ответчиком;
- наличие обязанности должника уплатить проценты за пользование денежными средствами.

Каждый из перечисленных пунктов представляет собой такой фактор, который не может повлиять на снижение размера неустойки. Считаем необходимым пояснить последнее из указанных оснований, суть которого в том, что проценты и неустойка являются самостоятельными требованиями кредитора, хотя, в юридической литературе в последнее время прослеживается иная точка зрения, в частности, исследователи пытаются доказать, что проценты относят к законной неустойке [9]. В свою очередь, считаем необходимым прокомментировать и приведенное утверждение.

С одной стороны, проценты не являются способом обеспечения исполнения надлежащего исполнения обязательств, и если мы, например, говорим о годовых

процентах, установленных за пользование денежными средствами, то должны предлагать, что в таком случае проценты выступают не формой ответственности, а платой за пользование деньгами, установленной сторонами. С другой стороны, путаница появляется из-за того, что в ст. 395 ГК РФ, посвященной ответственности за неисполнение денежного обязательства, также говорится и о процентах. В том числе, из п. 6 указанного правового положения следует, что суд имеет право на основании заявления должника уменьшить проценты, предусмотренные сторонами в договоре, в случаях, когда сумма процентов является несоразмерной наступившим в результате нарушения обязательства последствиям. Нельзя не заметить сходство приведенного правила с анализируемой нами правовой нормой - ст. 333 ГК РФ, из чего следует, что законодатель не видит разницы между процентами и законной неустойкой, устанавливаемой законом или иными нормативно-правовыми актами. Кроме того, в п. 5 ст. 395 ГК РФ прямо запрещается начисление сложных процентов, то есть - процентов на проценты. Следовательно, применяя указанное правило по аналогии к неустойке, приходим к выводу, что нельзя начислять неустойку на неустойку, в связи с чем необходимо на законодательном уровне также ввести запрет начисления сложной неустойки.

Таким образом, посредством взыскания процентов (ст. 395 ГК), как и взысканием убытков, осуществляется защита различных «правовых активов», и при этом не может быть и речи о двойном взыскании, так как цель иска о взыскании убытков и начисленных на них процентов по ст. 395 ГК РФ – в компенсации, а не в том, чтобы наказать два раза за одно нарушение. Сказанное можно отнести также и к штрафной неустойке, предусматривающей не только возмещение убытков, но и взыскание неустойки сверх убытков.

В целом, иные положения, посвященные уменьшению неустойки, изложенные в Постановлении № 7, лишь повторяют общие положения гражданского законодательства (ст. 333, 404 ГК), то есть в них, в действительности не определены какие-либо существенные критерии несоразмерности неустойки причиненным убыткам, а также отсутствует сам механизм взыскания неустойки. Единственное правило, которое предусматривает какой-то алгоритм действий – это п. 80, где упоминается о том, что в случае заявления требований о неустойке, которая установлена в договоре как сочетание штрафа и пени, решая по ходатайству ответчика вопрос о соразмерности неустойки последствиям нарушения должником обязательств, исходить необходимо из общей суммы штрафа и пени.

По мнению Э. М. Маликовой, в ст. 333 ГК РФ необходимо установить минимальный и максимальный пределы уменьшения неустойки, а также, следующие показатели: «сумму нарушенного обязательства; характер нарушения: неисполнение полностью обязательства (более строгие меры) или исполнение части обязательства и т.п.; принятие мер кредитором для предотвращения нарушения; период нарушения; бездействие по предотвращению нарушения со стороны должника и другие» [10].

По этому вопросу Ю.В. Долматова считает, что одним из заслуживающих обстоятельство, учитываемых при снижении неустойки, является «социальное значение предприятия, являющегося ответчиком, так как при взыскании с него неустойки могут наступить неблагоприятные последствия в виде невыплаты зарплаты, а это бу-

дет новым правонарушением, влекущим ответственность работодателя (ст. ст. 142 и 236 Трудового кодекса РФ)» [7, с. 136].

В свою очередь, в разрешении указанной проблемы также попытаемся сформулировать собственные рекомендации.

Во-первых, при оценке действительного размера ущерба в каждом конкретном случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своего обязательства должником суду необходимо учитывать в совокупности все виды убытков, то есть, не только реальный ущерб, возникший в результате такого неисполнения, но и упущенную выгоду, иные имущественные права, на которые кредитор рассчитывал в случае надлежащего исполнения должником обязательства по договору. При этом суд должен руководствоваться принципом разумности, добросовестности, справедливости.

Во-вторых, понятие «явная несоразмерность», на наш взгляд, необходимо понимать, как существенный разрыв, а не любую разницу между суммой неустойки и теми последствиями, которые возникли из-за неисполнения (ненадлежащего исполнения) должником обязательства. В связи с этим, считаем, что, принимая решение о снижении размера неустойки, суд должен учитывать все возможные обстоятельства и факты. В частности:

- причины нарушения обязательства, характер и длительность неисполнения (ненадлежащего) исполнения должником обязательства;

- степень вины должника (какая часть исполненного им по договору, а также меры, предпринятые должником для своевременного исполнения, его добросовестность и проч.);

- размер договорной неустойки, предусмотренной сторонами, её соотношение с основным обязательством (срок и размер задолженности, цена имущества, работ, услуг по договору), а также размер неустойки, устанавливаемый обычно на практике;

- деловую репутацию кредитора (истца);
- материальное положение ответчика, а также, возможные последствия применения к нему неустойки в полном размере;
- действия истца, благоприятствовавшие увеличению размера неустойки, а также иные случаи отсутствия вины ответчика;
- все виды убытков кредитора, с учетом уровня инфляции, средних банковских ставок и прочие объективные факторы.

В заключение настоящего исследования сделаем ещё некоторые логические выводы, основанные на теоретическом анализе правовой нормы - ст. 333 ГК РФ:

1. Если в силу правового положения, закрепленного в ст. 333 ГК РФ, допустимо требование снижения неустойки в случаях её явной несоразмерности последствиям нарушенного обязательства, то в случаях незначительного размера убытков, либо в случаях отсутствия убытков полностью, тем более, суд вправе уменьшить неустойку по инициативе заинтересованной стороны (должника);

2. Из контекста правовой нормы - ст. 333 ГК РФ непрямо следует, что судам позволено уменьшать все виды неустоек (договорную, законную), а также в тексте указанного правового положения не содержится каких-либо ограничений по кругу объектов неустойки. В свою очередь, считаем, что правило о снижении неустойки не должно затрагивать область законной неустойки, размер которой установлен норма-

тивно-правовыми актами, тем более, что законная неустойка и так имеет заниженный размер, например, в отношении органов связи и транспорта. Относительно снижения товарной неустойки, отметим, что такое требование также может иметь место, так как ст. 333 ГК РФ о денежной неустойке может применяться по аналогии к иным видам неустоек, но только при условии, что предметом такой товарной неустойки являются делимые вещи, определенные родовыми признаками.

В целом, учитывая всё вышесказанное, хочется отметить, что только в том случае неустойка будет действительно действенным и эффективным юридическим способом обеспечения исполнения обязательств, когда не только суд, но и законодатель с учетом принципа разумности, добросовестности и справедливости будет гарантировать обеспечение интересов как кредитора, так и должника, иначе неустойка просто потеряет свою стимулирующую функцию, либо, наоборот, превратится в источник накопления.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рычковой Т.А. на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70758248/> (Дата обращения 10.03.2019)
2. Чулкова Л. Неустойка: правоприменительная практика / Л. Чулкова // Налоговый вестник. - 2016. № 2. - С. 106 - 113. - То же: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7013> (Дата обращения 11.03.2019).
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 ГК РФ». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70114574/> (Дата обращения 11.03.2019).
4. Титов Н. Д. Статья 333 гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы правоприменения / Н.Д. Титов // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 390. - С. 146 - 149.
5. Чернышев В. И. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества: Учебное пособие / В.И. Чернышев. - Ярославль: Ярославский государственный университет. – 1977. – 104 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (Дата обращения 10.03.2019).
7. Долматова Ю. В. Неустойка в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ю.В. Долматова. – Москва, 2006. - 166 с.
8. Огников Л. Уменьшение неустойки: свежая судебная практика / Л. Огников. - Журнал «Юридический справочник руководителя». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=23141> (Дата обращения 10.03.2019).
9. Кукин А. В., Пугачев А. В. Особенности применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к неустойке, обеспечивающей исполнение обязательства неимущественного характера / А. В. Кукин, А. В. Пугачев // Современная наука. - 2014. - № 2. – С. 4 – 7.
10. Маликова Э. З. Правовое регулирование неустойки на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Э.З. Маликова. – Казань, 2001. - 191 с.

Bakhrieva Z. The problem of interpretation and practice use of the legal norm - article 333 of the Civil Code of Russian Federation that a court has the right to reduce the penalty // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 232–242.

This article is dedicated to the problem of interpretation and practice use of the legal norm - article 333 of the Civil Code of Russian Federation which says that a court has the right to reduce the penalty in cases where it is clearly disproportionate to the consequences which had place due to the violation of the obligation. The author proves that it is not the court, but the debtor himself who should demand the reduction of the penalty.

Proving the fact of «obvious disproportion» of the penalty to the consequences of the violation of an obligation is the duty of the debtor himself.

The article analyzes how to interpret the norm of article 333 of the Civil Code of Russian Federation from the side of judicial practice. The court of appeal on the complaint of the relevant side make a decision about the proportionality of the penalty to the consequences of the violation of the obligation on the evidence which were presented. However, courts of general jurisdiction during the process of considering claims for the recovery of a penalty can sometimes on their own initiative raise the issue of reducing the amount of the penalty in order to timely avoid in future the situation when the debtor will claim a refund received by the creditor unreasonable benefit.

Keywords: interpretation, the legal norm, the penalty, the loss, the Supreme Court of the Russian Federation, arbitrage practice.

Spisok literatury

1. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15 yanvarya 2015 g. № 6-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Rychkovoj T. A. na narushenie ee konstitucionnyh prav chastyu pervoj statii 333 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70758248/> (Data obrasheniya 10.03.2019).
2. Chulkova L. Neustojka: pravoprimenitel'naya praktika / L. Chulkova // Nalogovyj vestnik. - 2016. № 2. - S. 106 - 113. - To zhe: [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7013> (Data obrasheniya 11.03.2019)
3. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 22 dekabrya 2011 g. № 81 «O nekotoryh voprosah primeneniya statii 333 GK RF». [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/70114574/> (Data obrasheniya 11.03.2019).
4. Titov N. D. Statya 333 grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: problemy pravoprimeneniya / N.D. Titov // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. - 2015. - № 390. - S. 146 - 149.
5. Chernyshev V. I. Obyazatelstva iz neosnovatel'nogo priobreteniya ili sberezheniya imushestva: Uchebnoe posobie / V.I. Chernyshev. - Yaroslavl: Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet. – 1977. – 104 s.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 g. N 7 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatelstv». [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (Data obrasheniya 10.03.2019).
7. Dolmatova Yu.V. Neustojka v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Yu.V. Dolmatova. – Moskva, 2006. - 166 s.
8. Ognikov L. Umenshenie neustojki: svezhaya sudebnaya praktika / L. Ognikov. - Zhurnal «Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya». [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=23141> (Data obrasheniya 10.03.2019).
9. Kukin A. V., Pugachev A. V. Osobennosti primeneniya st. 333 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii k neustojke, obespechivayushej ispolnenie obyazatelstva neimushestvennogo haraktera / A.V. Kukin, A.V. Pugachev // Sovremennaya nauka. - 2014. - № 2. – S. 4 – 7.
10. Malikova E. Z. Pravovoe regulirovanie neustojki na sovremennom etape: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / E.Z. Malikova. – Kazan, 2001. - 191 s.

УДК 347.998.74

**ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ
СТОРОНАМИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Борецкая Л. Р.

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры РФ

В статье осуществлен анализ правовых и процессуальных аспектов применения сторонами института медиации в цивилистическом процессе. Проанализированы нормативные правовые акты, регламентирующие институт медиации в РФ. Проиллюстрированы преимущества обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре медиации. На основе проведенного анализа выявлены ряд проблем обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса, к процедуре медиации как альтернативного способа урегулирования спора. Выработаны предложения по усовершенствованию норм, регламентирующих применения института медиации сторонами, как гражданского, так и арбитражного процесса.

Ключевые слова: медиатор, медиация, медиативное соглашение, институт медиации, преимущества медиации, права сторон, цивилистический процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, ведения переговоров, совместные интересы, урегулирование спора, разрешение спора.

Развитие альтернативных институтов разрешения споров в целом, и института медиации в частности, является одним из направлений судебной политики.

Возможность альтернативного разрешения споров предусмотрена частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации [1] которая предусматривает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

При рассмотрении споров, как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды принимают меры для примирения сторон, что предусмотрено в п. 5 ч. 1 ст. 150, ст. 172 и п. 2 ч. 1 ст. 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГПК РФ), а также в ст. 138 и п. 9 ч. 2 ст. 153 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – АПК РФ).

Одной из форм примирения сторон в цивилистическом процессе является обращения к процедуре медиации, которая и относится к альтернативным институтам разрешения споров.

Свое закрепление в российском законодательстве медиация получила сравнительно недавно, а именно с введением в действие с 1 января 2011 года Федерального закона №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» (далее ФЗ №193-ФЗ). [4].

Проблемные аспекты реализации права сторон на обращение к процедуре медиации в цивилистическом процессе исследовались преимущественно в рамках работ, посвященных вопросам альтернативного разрешения споров и примирения, в своих работах исследовали такие ученые: О. В. Исаенкова, Е. А. Добролюбова, Е. И. Носырева, А. Н. Кузбагаров, С. И. Калашникова, В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев, Т. В. Худойкина, В. С. Жеребин и др.

Переходя к анализу применения сторонами института медиации в цивилистическом процессе, необходимо отметить, что право сторон на обращение к процедуре урегулирования спора при помощи института медиации, относится к общим правам сторон и применяется уже в более 30 странах мира.

Так, институт медиации получил значительное развитие в странах Европы, Австралии, США и, пока, активно развивается на территории стран постсоветского пространства.

В частности, в Республиках Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Беларусь были приняты законы об альтернативных способах разрешения споров, в которых, в частности и предусмотрены процедура медиации.

Т. В. Геворкян в исследовании различных аспектов медиации, как одного из альтернативных способов разрешения споров отмечает, что одним из инструментов совершенствования правовой культуры общества является развитие альтернативных способов урегулирования споров, одним из которых и выступает медиация, которая может осуществляться только при осознании целесообразности участия медиатора в разрешении споров [5, с. 155].

По мнению Г. Ф. Похмелкиной, медиация – это урегулированный способ внесудебного разрешения конфликта, в котором нейтральная третья сторона, называемая медиатором, или посредником, способствует выработке добровольного взаимовыгодного соглашения между конфликтующими сторонами [6, с. 94].

Е. В. Вавилин, А. В. Чекмарева при анализе современного вектора развития цивилистического процесса отмечают, что в основные контуры модели гражданского процесса входят помимо доступности правосудия, реализации активности сторон, направляющей, координирующей и контролирующей роли суда, усиление роли примирительных процедур и развитие альтернативных форм урегулирования споров [7, с. 39].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о преимуществах обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре медиации, к которым, по нашему мнению, относятся:

- во-первых, спорящие стороны сами выбирают медиатора и сами определяют процесс ведения переговоров;
- во-вторых, отсутствие стрессового состояния, необходимых элементов процессуальной формы и судебной атрибутики. Каждая из сторон предлагает свое решение имеющегося спора в доброжелательной, неформальной атмосфере при психологическом комфорте создаваемым медиатором;
- в-третьих факт обращения к медиатору, содержание процедуры является конфиденциальным, не подлежащим разглашению без разрешения на то сторон;
- в-четвертых к достоинствам обращения сторон цивилистического процесса к процедуре медиации можно отнести оперативность данной процедуры, то есть значительная экономия времени, при положительном завершении переговорного процесса в сравнении с судебным разбирательством;
- в - шестых при заключении сторонами медиативного соглашения возвращается 50 процентов государственной пошлины. Следовательно, стороны несут низкие издержки процесса. Использование примирительной процедуры не влечет за собой обязанность несения судебных расходов;

- в - седьмых более высокий процент исполняемости договоренностей, выработанных с помощью процедуры медиации, нежели чем исполнения судебных решений;

- в – восьмых, спорящие стороны, прибегая к институту медиации, могут решить не только имеющийся спор, но и согласовать свои интересы, сохранить деловые связи и деловые отношения. При положительном завершении переговорного процесса деловые отношения не только сохраняются, но и станут еще крепче.

И наконец, развитие, и применение института медиации позволяет разгрузить суды, снизить нагрузку на судей.

В то же время, не смотря на наличие преимуществ медиативных процедур, в гражданском и арбитражном процессе возможны злоупотребления процессуальными правами недобросовестными сторонами с целью затягивания процесса.

Также необходимо указать, что не единичными являются случаи, когда сторона ходатайствует об отложении рассмотрения спора с целью его урегулирования в рамках процедуры медиации, но к компромиссному соглашению так и не приходят. В итоге такая процессуальная пассивность приводит к затягиванию разрешения спора и после длительного отложения дела стороны начинают выдвигать свои возражения, что влечет продолжение судебного разбирательства по делу.

С целью пресечения практики затягивания рассмотрения споров, суды применяют положения ч. 2 ст. 111 АПК РФ, которая позволяет отнести все судебные расходы по делу на сторону, которая отказывается или уклоняется от участия в примирительной процедуре, которую сама же и инициировала. Если причины таких отказов или уклонения суд признает неуважительными, направленными исключительно на затягивание судебного разбирательства либо свидетельствующими об ином злоупотреблении процессуальными правами, недобросовестному участнику спора придется взять на себя все расходы.

Несмотря на преимущества обращения сторон цивилистического процесса к процедуре медиации, статистические данные свидетельствуют о том, что в период с 2011 по 2017 год применялись примирительные процедуры с участием медиатора крайне редко. Так в судах общей юрисдикции процент обращений к медиаторам составил 0,008, а при рассмотрении дел арбитражными судами 0,002.

Указанные данные свидетельствуют о наличии проблем применения процедуры медиации, как в гражданском, так и в арбитражном процессе.

К таким можно отнести следующие:

1. Медиативное соглашение, согласно п. 4. ст. 12 ФЗ № 193-ФЗ представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменения или прекращение прав и обязанностей сторон, однако в случае неисполнения медиативного соглашения необходимо обратиться в суд, а не в ФССП РФ.

2. В случае если медиативное соглашение сторонами гражданского или арбитражного процесса достигнуто после обращения в суд только лишь тогда оно может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения. Однако часть 2 статьи 39 ГПК РФ и часть 6 статьи 141 АПК РФ, регламентирует, что суд утвердит мировое соглашение, если оно не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц. Таким образом, медиатор должен уметь оценивать проблему с правовой точки зрения. В связи с этим, следовало бы закрепить в ФЗ №193-ФЗ в качестве обязательного требования к медиатору наличие у него высшего юридического образования.

3. Отсутствие нормативно закрепленного порядка применения данного института. Так, ФЗ № 193-ФЗ не содержит четко регламентированных стадий, этапов и сроков каждого этапа проведения процедуры медиации. Кроме того, данный закон не регламентирует право заявления отвода и самоотвода медиатору. (Такое право, например, предусмотрено ст.12 Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV «О медиации» [8]).

4. Отсутствие достаточного информирования о процедуре медиации, ее преимуществах перед судебным разбирательством. Необходимо дополнительное информирование как физических, так и юридических лиц об альтернативных способах разрешения споров в целом и медиации в частности, как о доступной и выгодной альтернативе судебному разбирательству, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах. В связи с указанным, следует согласиться с Р. А. Шамановой, которая предлагает создать систему стимулирующих мер, которые приведут к более широкому применению института медиации [9, с. 65].

5. Отсутствие обязательных помещений (кабинетов, комнат примирения) для медиации как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах.

6. Отсутствие обязательных стендов, расположенных в зданиях суда, содержащих информацию о сущности процедуры медиации и списка медиаторов в данном регионе.

С целью разрешения указанных проблем предлагается:

1. Комплексная интеграция института медиации в систему правосудия РФ. Именно суды, должны, руководствуясь задачами судопроизводства и интересами сторон, принимать меры для примирения сторон и содействовать им в урегулировании спора.

Необходимо согласиться с мнением профессора О. В. Исаенковой которая, проводя анализ проекта Концепции Кодекса гражданского судопроизводства, полагает, необходимым закрепить, примирение как одну из задач гражданского судопроизводства [10, с. 9].

2. Законодательно закрепить в судах общей юрисдикции и арбитражных судах:

- наличие обязательных помещений (кабинетов, комнат примирения) для медиации, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах оборудованных компьютерной техникой для обеспечения заключения сторонами соглашения;

- установить обязательные стенды, расположенные в зданиях суда, содержащих информацию о сущности процедуры медиации.

3. Внесения изменений и дополнений в ФЗ № 193-ФЗ, а именно:

- дополнить ФЗ № 193-ФЗ нормой, которая устанавливает право стороны на заявление отвода медиатору, то есть закрепить, что стороны медиации вправе выбрать другого медиатора по взаимному согласию, а медиатор в свою очередь обязан заявить самоотвод в случае возникновения обстоятельств, препятствующих медиатору осуществлять свои функции в соответствии с принципами медиации;

- нормативно закрепить стадии, этапы и сроки каждого этапа проведения процедуры медиации.

По нашему мнению, изложенные выше предложения по дополнению действующего законодательства позволят разрешить ряд проблем, возникающих при реали-

защиты прав сторон как гражданского и арбитражного процесса на обращение к процедуре медиации и будут способствовать повышению эффективности применения института медиации.

Таким образом, преимущества развития института медиации имеются как для государства в целом, так и для стороны в цивилистическом процессе в частности. Государство должно популяризировать альтернативные способы разрешения споров, в частности медиативные. Поскольку медиация обладает рядом преимуществ не только на микроуровне, но и на макроуровне. Развитие данного института не только позволит существенно разгрузить судебную систему РФ, но и будут способствовать развитию гражданского общества и формированию культуры мирного цивилизованного разрешения конфликтов на принципах взаимных интересов сторон.

Спорящие стороны как гражданского, так и арбитражного процесса обращаясь к процедуре медиации, имеют ряд положительных для себя преимуществ. Так как: возможность самим выбирать медиатора, самим определять процесс ведения переговоров, на основе совместных интересов, быстро и эффективно разрешить спор путем проведения переговоров и достижения взаимного соглашения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. - 2010. № 31. Ст. 4162.
5. Геворкян Т. В. Медиация как один из альтернативных способов разрешения споров и ее влияние на правовую культуру общества // Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 5, Юриспруденция 2014. - № 4 (25). - С.155-157
6. Похмелкина Г. Медиация — искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методами и профессиональными технологиями. — М.: Изд-во «Verte», 2017. — 215 с.
7. Вавилин Е. В., Чекмарева А. В. Современный вектор развития цивилистического процесса // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 1 (41). С. 35-40
8. Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV «О медиации» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376#pos=74;-53 (дата обращения 08.02.2019).
9. Шаманова Р. А. Некоторые проблемы реализации медиации в России // Вопросы российского и международного права. 2014. № 8 - 9. С. 59 – 69
10. Исаенкова О. В. Цивилистический процесс в России - основные тенденции // Вестник ТГУ, выпуск 1 (5), 2016. С. 5-10.

Boretzkaya L. R. Institute of mediation: current state and practice of the parties in civil proceeding // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 243–248.

The article analyzes the legal and procedural aspects of the use by the parties of the institution of mediation in the civil proceeding. Laws and regulations, governing the institute of mediation in the Russian Federation are reviewed. The advantages of applying by the parties of civil and arbitration proceedings to the mediation procedure are illustrated. Based on the analysis, a number of problems in request by the parties of the civil and arbitral proceedings to the mediation procedure as an alternative way to resolve the dispute are identified.

Suggestions for improving the rules governing the use of the institution of mediation by the parties of the civil and the arbitration process are developed.

Keywords: mediator, mediation, mediation agreement, institute of mediation, advantages of mediation, rights of parties, civil proceeding, arbitration proceeding, negotiation, common interests, settlement of a dispute, dispute resolution.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchedom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 31. St. 4398.
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 27.12.2018) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
3. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 25.12.2018) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3012.
4. Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednikov (procedure mediacii)» (red. ot 23.07.2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 2010. № 31. St. 4162.
5. Gevorkyan T.V. Mediaciya kak odin iz al'ternativnyh sposobov razresheniya sporov i ee vliyanie na pravovuyu kul'turu obshchestva // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, YUrisprudenciya 2014. - № 4 (25). - S.155-157
6. Pohmelkina G. Mediaciya — iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvo s teoriej, metodami i professional'nymi tekhnologiyami. — M.: Izd-vo «Verte», 2017. — 215 s.
7. Vavilin E.V., Chekmareva A. V. Sovremennyy vektor razvitiya civilisticheskogo processa // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2018. № 1 (41). S. 35-40
8. Zakon Respubliki Kazahstan ot 28.01.2011 № 401-IV «O mediacii» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376#pos=74;-53 (data obrashcheniya 08.02.2019).
9. SHamanova R.A. Nekotorye problemy realizacii mediacii v Rossii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2014. № 8 - 9. S. 59 – 69
10. Isaenkova O. V. Civilisticheskij process v Rossii - osnovnye tendencii // Vestnik TGU, vypusk 1 (5), 2016. S. 5-10.

УДК 347

КОМПЕНСАЦИЯ ПРАВОМЕРНО НАНЕСЕННОГО УЩЕРБА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Бочаров А. Н.

ООО Юридическая консалтинговая компания «Арбитр», г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена исследованию компенсации правомерно причиненного ущерба в системе гражданско-правовых обязательств. Юридическая природа данного вида компенсации изучается с позиции ее места в структуре действующего гражданского законодательства об обязательствах. Анализ проводится также с учетом цивилистической теории и классического взгляда на систему обязательственных правоотношений. Выявляются базовые для отечественной цивилистики подходы к рассмотрению юридической природы данного вида обязательств. Устанавливаются две основные тенденции в рассмотрении авторами вопроса о принадлежности компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, к известным российской юридической науке видам обязательств: отождествление компенсации либо с гражданско-правовой ответственностью, либо с публично-правовыми механизмами возмещения. Производится анализ указанных воззрений, по итогам которого формируется вывод о необходимости признания за данным видом компенсации самостоятельной правовой природы, с установлением точного места в системе гражданско-правовых обязательств: близкородственна деликтным правоотношениям по общности юридических фактов-оснований и целевой направленности, с одновременной дифференциацией от них по строго имущественному характеру компенсации, и противоположна по тем же параметрам кондикционным обязательствам.

Ключевые слова: вред, ущерб, компенсация, обязательство, гражданско-правовой, публичный, частный, система, кондикционные обязательства, деликтный, умаление.

Вопрос о дуалистичности природы права неоднократно освещался в научной литературе. Сочетание статического и динамического элементов в структуре правового регулирования характерно, в том числе, не исключительно для права в наиболее абстрактной теоретической модели, но и для конкретного внутриотраслевого нормативирования. Особое значение данный тезис приобретает в сфере цивилистики, так как именно гражданское право опосредует наиболее колоссальный массив общественных отношений, среди которых доминирующее положение по объему занимают имущественные правоотношения. И если для целостного понимания, прежде всего, аксиологических характеристик, как каждой разновидности, так и единичного материального блага, существует юридическая конструкция правового режима (среди прочего), то для упорядочивания динамических аспектов перераспределения имущества и его полезных свойств ключевое значение приобретает система гражданско-правовых обязательств. Однако гражданско-правовое регулирование также подвержено модификациям, необходимость которых диктует постоянно изменяющаяся ткань социальной реальности. В подобных условиях особое внимание требуется уделить вопросу соотносимости новых институциональных феноменов с действующей системой гражданско-правовых обязательств. В частности, одной из наиболее актуальных является проблема определения места

юридического механизма, описанного в ст. 16.1 ГК РФ «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления» в структуре обязательственного права и его доктринальное осмысление с точки зрения классической цивилистической теории.

Традиционно, отечественная гражданско-правовая наука выделяет две большие группы обязательств: договорные и внедоговорные. Вторая подразделяется на две подгруппы: деликтные и кондикционные. Об известной доле рамочности такого подхода в последние годы все чаще заявляют современные исследователи, например, В. Г. Голубцов [3, с. 396–419]. В то же время, указанная система не может быть названа в полной мере утратившей свое теоретическое и практическое значение, так как показательно стремление большинства авторов (в том числе и упомянутого выше) вписать свои доктринальные построения в парадигму существующей структуры взглядов на рассматриваемую проблематику, которая к тому же законодательно отражена на текущий момент на уровне кодифицированного акта – Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) Нет оснований и для утверждений, что само ядро данной системы взглядов устарело. Точнее было бы сказать, что кроме непосредственно базовых для нее правоотношений, сегодня появляются смежные разновидности юридически опосредованных коммуникаций различных субъектов гражданского оборота относительно перераспределения объектов гражданских прав, которые обладают высокой степенью дифференциации от классических институтов обязательственного права, сохраняя генетическую общность внутриотраслевого позиционирования с ними. Именно в подобном ключе наиболее адекватно рассматривать компенсацию ущерба от правомерной деятельности государственных органов и органов местного самоуправления с точки зрения ее юридической природы.

Следует отметить, что в отечественной доктрине при рассмотрении вопросов, касающихся как в общем законодательного закрепления последствий правомерно причиненных имущественных потерь, так и нормы, ст. 16.1 ГК РФ, существует распространенная методологическая aberrация, заключающаяся в диффузном понимании исследователями понятий ущерба, вреда, компенсации и возмещения. Такая точка зрения является атрибутом научной линии, восходящей к советской классике цивилистики и которая вплоть до настоящего времени, имеет достаточное количество сторонников. Однако проблемы терминологии в данной области ранее уже рассматривались автором в других работах и здесь имеет смысл только резюмировать итог научного поиска, который в настоящем исследовании задает общие интенциональные рамки для правильного осмысления места концепции компенсации ущерба от правомерных действий в системе гражданско-правовых обязательств: компенсация ущерба и возмещение вреда являются разными по своей правовой природе юридическими конструкциями, синонимичность терминологии которых недопустима.

Также имеет смысл изначально пояснить, почему при заявленной тематике компенсации ущерба от правомерных действий в наиболее общем ее виде автор уделяет столь пристальное внимание конкретной разновидности компенсации, закрепленной в ст. 16.1 ГК РФ. Причина этого кроется в том, что именно с 1 марта 2013 г., когда вступили в силу изменения Гражданского кодекса РФ, предусматривающие, среди прочего, и введение нормы ст.16.1 ГК РФ, имеет смысл говорить о

первой попытке системного установления на законодательном уровне соответствующего правила. Ранее в отечественное законодательство уже были инкорпорированы нормы об отдельных случаях возмещения собственнику негативных имущественных последствий реализации публично-правовых полномочий властных органов, например, возмещение в рамках изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 279 ГК РФ), однако, только с нормы ст. 16.1 ГК РФ можно говорить о наметившейся институциональности указанного феномена правовой реальности. Футурологический потенциал компенсации правомерно нанесенного ущерба положительно оценивается многими авторами, ведущими доктринальную разработку указанной проблематики, так Г. Н. Шевченко высказывает следующее мнение: «Количество обязательств по компенсации правомерно причиненного вреда с развитием общества будет возрастать, и это вполне закономерно, потому что в социально ориентированном государстве осуществление государственными органами действий, могущих повлечь для граждан и юридических лиц убытки, в ряде случаев просто необходимо. Главное, чтобы государство компенсировало такие убытки, не оставляло их без последствий» [6].

Г. Н. Шевченко в своих работах последовательно излагает теоретическую позицию, согласно которой обязательства по возмещению имущественных потерь от правомерной деятельности необходимо рассматривать в качестве обязательств особой юридической природы, однако входящих в институт гражданско-правовой ответственности, что очевидно из научной лексики в приведенном отрывке, а также более подробно описывается в другой работе [7]. Иными авторами высказываются и более радикальные идеи, в частности, В. Е. Карнушин при общем сохранении теоретической направленности на отождествление компенсации и гражданско-правовой ответственности высказывает мнение, согласно которому: «Причинение вреда гражданину или его имуществу, равным счетом, как и юридическому лицу, не может быть правомерным с позиции гражданского права... Таким же образом весьма странным выглядит постановка вопроса о возмещении убытков за правомерные действия» [4]. С подобной трактовкой нельзя согласиться ввиду того, что В. Е. Карнушин, как можно заключить из текстуального анализа работы, абсолютизирует традиционный подход, включая в доктринальное поле гражданско-правовой ответственности и меры защиты путем установления инверсивного структурного подчинения и критически усиленной диффузности юридических категорий (когда ответственность включает в себя способы защиты права, а не наоборот, категории же способов защиты и мер защиты фактически отождествлены), что не вполне согласуется с их юридической природой, так как последние не могут быть признаны подчиненной юридической категорией к институту гражданско-правовой ответственности хотя бы по причине сингулярного употребления на законодательном уровне, что отражено в названии и структуре главы II ГК РФ.

Другая распространенная точка зрения была особенно популярна на рубеже XX-XXI веков и составляла конкурентную плоскость концептуального осмысления рассматриваемой проблематики, суть ее состоит в признании за компенсацией ущерба от действий государства и муниципальных органов публично-правового характера. Например, И. А. Тактаевым в 2003 году это достаточно изобретательно обосновывалось (с учетом, что на тот момент главным доктринальным антагонистом его подхода выступала теория панотраслевого значения гражданско-правовой

ответственности): ответственность, согласно воззрениям И.А. Тактаева, провоцирует риск недофинансирования публично-правовыми образованиями социально значимых областей народного хозяйства в силу возложения обязанности по возмещению отрицательных имущественных последствий на спланированный бюджет, что является непредвиденной тратой, тогда как целевые государственные выплаты осуществляются из специально зарезервированных средств [5] (*Примечание:* в данном случае представлено резюмированное изложение позиции И. А. Тактаева, а не прямое цитирование, с оригиналом использованной цитаты можно ознакомиться по приведенной ссылке). Подобная точка зрения является следствием негативной тенденции публицизации частноправовых отношений и ведет к снижению уровня защищенности граждан, как субъектов имущественного оборота, в силу потери в рамках такой концепции решающего фактора для разрешения вопросов экономической безопасности субъектов гражданского оборота, который, что крайне важно отметить, способен предоставить исключительно частноправовое регулирование – неотвратимость восстановительных процедур. Однако публично-правовой подход по сей день достаточно распространен, что отражается, в том числе и на законодателе, так как текстуальный анализ нормы ст.16.1 ГК РФ позволяет заключить о попытке дефинитивного маневра последнего, целью которого, на момент введения нормы ст.16.1 ГК РФ, было удовлетворение актуального социального запроса общества путем самого факта принятия этой новеллы с одновременной минимизацией ее применимости путем отказа от установления легального механизма ее реализации [2, с. 80-82].

Таким образом, две вышеприведенные концепции формируют текущее преимущественное понимание в отечественной правовой парадигме института компенсации в аспекте его системной связи с правомерным умалением публично-правовыми образованиями субъективных гражданских прав участника оборота. Однако ни одна из них не дает ответа на фундаментальный вопрос: какое место компенсация ущерба от правомерных действий занимает в системе гражданско-правовых обязательств?

Представляется обоснованным разрешить подобное доктринальное затруднение только при условии признания у данной компенсации самостоятельной юридической природы без установления за ней производного или подчиненного характера как к мерам гражданско-правовой ответственности, так и к публично-правовым механизмам. Начать же установление ее структурного положения в системе обязательств необходимо с определения применимой сферы права. Доводы относительно однозначного признания частноправовой природы компенсации ущерба от правомерной деятельности ранее были изложены в специальном исследовании [1, с. 9-13]. Здесь имеет смысл лишь упомянуть, что частноправовое регулирование в основе данного правоотношения (которое, безусловно, обладает как собственной социальной нагрузкой, так и некоторой долей публицизации) устанавливает концептологическую ось законодательного строительства и правоприменения в заданной области общественных отношений, выражающуюся в реализуемых принципах нормативно-правового регулирования. И только частноправовой дискурс способен обеспечить жесткую модальность правоприменительной реакции на свершившийся юридический факт умаления субъективного гражданского права лица носителем публичной правоспособности, которая нашла бы свое отражение в принципе неот-

вратимости восполнения понесенных потерь частного лица. Однако использование юридических механизмов частного права определяет необходимость рассмотрения правоотношений по компенсации ущерба в соответствующей системе признанных нормативных ориентиров центральной отрасли сферы. Для частного права таковой является система гражданско-правовых обязательств. Она предусматривает два больших класса обязательственных правоотношений, договорные и внедоговорные, где последние разделяются на деликтные и кондикционные. И именно в данной нормативной матрице необходимо установить на основе полученного промежуточного вывода о самостоятельной юридической природе компенсации ущерба и существующих дифференциальных признаков место компенсации правомерно нанесенного ущерба.

Следовательно, далее необходимым шагом в теоретической разработке исследуемой проблематики является определение предмета правового регулирования указанной нормативной структуры. В ст.16.1 ГК РФ дается исчерпывающий феноменологический ряд фактов, влекущих применение данной компенсации: ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица. Очевидно, что наибольшая доля правоотношений, охватываемых действием этой нормы – имущественные. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении иных восстановительных механизмов восполнения правомерно нанесенного ущерба, например, возмещения стоимости изъятого для публичных нужд земельного участка, где прямо обозначен конкретный вид имущества, умаленное субъективное право на которое реанимируется. Самый опосредованный экономический интерес, защищаемый компенсационными обязательствами, можно усмотреть в норме экологического законодательства, а именно ст.77 ФЗ «Об охране окружающей среды». Но и здесь дается достаточно прозрачное указание на имущественный характер регулируемых правоотношений, поскольку данное установление толкуется в системной взаимосвязи с положениями ст.16 этого же нормативно-правового акта, в которой используется специфический юридический термин – «плата за негативное воздействие», который недвусмысленно раскрывает имущественный характер подобных правоотношений. Наиболее опосредованным же его следует признать в силу относительно скрытой экономической выгоды от реализации нормативного предписания: восстановления естественного баланса окружающей среды как одной из базовых предпосылок стабильности гражданского оборота. Возникает логичный вопрос: почему тогда в норме ст.16.1 ГК РФ в качестве охраняемого блага заявлена в том числе и личность гражданина, и нет ли здесь противоречия гипотезе об имущественном характере правоотношений, регулируемых рассматриваемой группой обязательств?

Ответ на данный вопрос кроется, опять же, в системно-кодификационном расположении указанной нормы, а именно в первой части Гражданского кодекса РФ, главе II. Таким образом, логика постепенной институализации компенсации правомерно причиненного ущерба диктует необходимость введения наиболее общей нормы, которая по своему предмету была бы ближе всего к основополагающим гражданско-правовым схемам определения круга регулируемых правоотношений. Самой же обобщенной и универсальной предметной структурой в таком случае следует признать предмет гражданского права, в котором смысловое ядро исторически образуют имущественные и личные неимущественные, но связанные с иму-

ществом правоотношения. Такая законодательная матрица и была применена при разработке нормы ст.16.1 ГК РФ дабы сохранить за последней качественную характеристику общей нормы, путем структурного отождествления предметного ряда нормы фундаментальной части предметного ряда отрасли. Именно поэтому гражданско-правовая ответственность, как более универсальный юридический механизм в сравнении с компенсацией по норме ст. 16.1 ГК РФ, в еще большей степени аналогична в решении предметного вопроса отраслевым установлениям.

Также достойно упоминания, что компенсация ущерба от правомерных действий упомянута после мер, составляющих гражданско-правовую ответственность. Это сигнализирует о меньшей социальной опасности на взгляд законодателя юридических фактов, которые порождают компенсацию в сравнении с вызывающими к реализации деликтные правоотношения, одновременно указывая на родовую общность целеполагания обоих институциональных феноменов – восстановления объема умаленных субъективных гражданских прав лица. На основании вышеизложенного можно, наконец, определить точную позицию компенсации правомерно причиненного ущерба в системе гражданско-правовых обязательств: она входит в класс внедоговорных обязательств, наиболее близкородственна деликтным правоотношениям по общности юридических фактов-оснований и целевой направленности (уменьшение имущественной сферы лица; восстановление путем ее приращения, но в случае каждого из институтов уже разными способами), с одновременной дифференциацией от них по строго имущественному характеру компенсации, и противоположна по тем же параметрам кондикционным обязательствам (увеличение имущественной сферы лица; восстановление путем ее сокращения).

Указанный вывод позволяет лучше понять правовую природу данной разновидности компенсации, что имеет значение для последующего развития представлений о компенсационных правоотношениях в рамках цивилистической доктрины, так как ни одна теоретическая разработка проблемы не может быть воплощена на достойном уровне при отсутствии должного осмысления базовых категорий. Тем не менее, это только первый шаг на пути к формированию целостного и сбалансированного подхода к регулированию правоотношений по компенсации правомерно нанесенного ущерба.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2019). СПС «КонсультантПлюс» <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=147917899604013725715834211&cacheid=0617C8E6BB58E00FAB188FFE9DE73824&mode=splus&base=LAW&n=300822&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FE6EAB345255#05647889334995349> (последнее посещение – 11.03.2019)
2. Голубцов В. Г. Реформа обязательственного права теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып 41. С. 396–419. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419
3. Шевченко Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. 2017, №3. СПС «КонсультантПлюс» <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=146350531805059093028065493&cacheid=114E93C989A2279D3B22329B543FC1C0&mode=splus&base=CJI&n=104607&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FE6EAB345255#08322027999809976> (последнее посещение – 11.03.2019)
4. Шевченко Г.Н. Обязанность публично-правовых образований по возмещению вреда//Современное право. 2013. №10. СПС «КонсультантПлюс» <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=778846656049655932984894346&cacheid=13>

[C638263ADE7C2229AE763DDC5E4C74&mode=splus&base=CJI&n=74565&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#042556067619795956](https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=C638263ADE7C2229AE763DDC5E4C74&mode=splus&base=CJI&n=74565&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#042556067619795956) (последнее посещение – 11.03.2019).

5. Карнушин В. Е. Теоретическое понятие гражданского правонарушения в свете новейших изменений гражданского законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. №7. СПС «КонсультантПлюс».

<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=A353E6DECD76A9E97A5A3CA68EB6A2&mode=splus&base=CJI&n=107957&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#06922413827947089> (последнее посещение – 11.03.2019).

6. Тактаев И. А. Кто в ответе за теракт? // ЭЖ-Юрист. 2003. №1. Цит. по "Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3" (под ред. П.В. Крашенинникова). СПС «КонсультантПлюс»

<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FEEAAD0E5F04E223FB96E767E705B2D&mode=splus&base=CMB&n=17357&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#09945125554052296> (последнее посещение – 11.03.2019).

7. Бочаров А. Н. Правовая категория ущерба в свете новелл главы II ГК РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. №1(68). С. 80-82

8. Бочаров А. Н. К вопросу о соотношении частных и публичных правовых начал в регулировании отношений по компенсации ущерба от правомерной деятельности государства // Юрист. 2017. №8. С.9-13

9. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) "Об охране окружающей среды". СПС «КонсультантПлюс»

<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=E48FAD04AE5A78DC68BE77280B749&mode=splus&base=LAW&n=301549&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#03329581382875546> (последнее посещение – 11.03.2019).

Bocharov A. N. Compensation of lawfully caused damage in the system of civil and legal obligations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 249–256.

The article is devoted to the study of compensation for lawfully caused damage in the system of civil and legal obligations. The legal nature of this type of compensation is studied from the position of its place in the structure of the current civil legislation on obligations. The analysis is also carried out taking into account the civil theory and the classical view of the system of obligations of legal relations. It identifies the basic approaches to domestic civil law to the consideration of the legal nature of this type of obligation. Two main trends are established by the authors regarding the issue of compensation for damage caused by lawful actions of state bodies and local self-government bodies to the types of obligations known to Russian law science: identification of compensation either with civil liability or with public-law mechanisms of compensation. The analysis of these views is made, the results of which form a conclusion about the need to recognize this type of compensation as an independent legal nature, with the establishment of the exact place in the system civil legal obligations: closely related to tort legal relations according to common legal facts-bases and target orientation, with simultaneous differentiation from them according to the strictly property nature of compensation, and opposite to the same parameters for conditional obligations.

Keywords: harm, damage, compensation, liability, civil, public, private, system, commitments, tort, derogation

Spisok literatury

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) " ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 03.08.2018) (s izm. i dop., vstupivshimi v silu s 01.01.2019). SPS «Konsul'tantPlyus»

<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=147917899604013725715834211&cacheid=0617C8E6BB58E00FAB188FFE9DE73824&mode=splus&base=LAW&n=300822&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#05647889334995349> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019)

2. Golubcov V. G. Reforma obyazatel'stvennogo prava teoreticheskij i prakticheskij ehffekt sostoyavshihya izmenenij //Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2018. Vyp 41. С. 396–419. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

3. Shevchenko G. N. Vina kak uslovie grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v rossijskom grazhdanskom prave // Sovremennoe pravo. 2017, №3. SPS «Konsul'tant-

- Plyus»<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=146350531805059093028065493&cacheid=114E93C989A2279D3B22329B543FC1C0&mode=splus&base=CJI&n=104607&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#08322027999809976> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019)
4. Shevchenko G.N. Obyazannost' publichno-pravovyh obrazovaniy po vozmeshcheniyu vreda//Sovremennoe pravo. 2013. №10. SPS «Konsul'tantPlyus»
<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=778846656049655932984894346&cacheid=13C638263ADE7C2229AE763DDC5E4C74&mode=splus&base=CJI&n=74565&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#042556067619795956> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019).
5. Karnushin V. E. Teoreticheskoe ponyatie grazhdanskogo pravonarusheniya v svete novejshih izmenenijgrazhdanskogo zakonodatel'stva//Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2017. №7. SPS «Konsul'tantPlyus».
<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=778846656049655932984894346&cacheid=2DA353E6DECD76A9E97A5A3CA68EB6A2&mode=splus&base=CJI&n=107957&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#06922413827947089> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019).
6. Taktaev I.A. Kto v otvete za terakt? //EHZH-YUrist. 2003. №1.Cit. po "Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Postatejnyj kommentarij k glavam 1, 2, 3" (pod red. P.V. Krashennnikova). SPS «Konsul'tantPlyus»
<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=220187210006107300739203314&cacheid=52FEAAD0E5F04E223FB96E767E705B2D&mode=splus&base=CMB&n=17357&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#09945125554052296> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019).
7. Bocharov A. N. Pravovaya kategoriya ushcherba v svete novell glavy II GK RF // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2016. №1(68). S. 80-82
8. Bocharov A. N. K voprosu o sootnoshenii chastnyh i publichnyh pravovyh nachal v regulirovanii otnoshenij po kompensacii ushcherba ot pravomernoj deyatel'nosti gosudarstva // YUrist. 2017. №8. S.9-13
9. Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 N 7-FZ (red. ot 29.07.2018) "Ob ohrane okruzhayushchej sredy". SPS «Konsul'tantPlyus»
<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=52889082709652504899968626&cacheid=32EE48FAD04AE5A78DC68BE77280B749&mode=splus&base=LAW&n=301549&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#03329581382875546> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019).

УДК 342.2

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дидигова Л. Р.

Юридический институт Российского университета дружбы народов

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся применения административных наказаний и мер административной ответственности за правонарушения, совершаемые на территории Таможенного союза Евразийского экономического союза. Автором приведены выдержки постановлений Верховного Суда о ситуациях, когда невозможно применении административных норм, регламентированных главой 16 КоАП РФ. Автор анализирует статьи вышеуказанной главы, вызывающие правовые коллизии при оспаривании таможенных решений в судах. Также рассматривается вопрос о шатком положении таможенного представителя: таможенным законодательством не урегулирован статус данного лица, его права, а также степень виновности при совершении им нарушения таможенных правил. В статье особое внимание уделяется ст. 16.1 КоАП РФ, в силу того, что на сегодняшний день ей необходима доработка и возможное внесение изменений в частях определения статуса субъектов и наложения штрафа. Автором отмечается, что в данной статье КоАП РФ отсутствует разграничение юридических лиц на участников внешнеэкономической деятельности и юридических лиц, не причастных к такой деятельности.

Ключевые слова: административная ответственность, нарушение таможенных правил, глава 16 КоАП РФ, административный штраф, перемещение товаров, ТК ЕАЭС.

По российскому законодательству институт административного наказания имеет весьма специфичную основу. Большое количество научных исследований посвящено изучению вопросов применения административного наказания и наступления административной ответственности. Прежде всего, необходимо обозначить, что означает термин «наступление административной ответственности» и как он применим к правонарушениям в таможенной сфере. В современном российском таможенном праве не до конца исследован вопрос о применении должностными лицами таможенных органов административных наказаний, т.к., зачастую, то, что по праву России относят к публичным правонарушениям в европейском таможенном праве отнесено к уголовным и таможенным санкциям. Назревает вопрос о том, что представляет собой в теоретическом смысле административное наказание и ответственность.

В кодексе об административных правонарушениях административной ответственности в таможенном деле посвящена 16 глава. Каждая статья имеет свою практическую специфику, т.к., правонарушения, совершаемые физическими (должностные лица и граждане) и юридическими лицами, осуществляющие перемещение товаров наземным, воздушным, водным и посредством международно-почтового отправления имеют значительные отличительные особенности.

Однако на сегодняшний день применение норм административного права за нарушение таможенных правил может вести к большим правовым спорам. Так ч.1 ст. 16.1 КоАП РФ гласит, что «нарушение порядка прибытия товаров и (или) транс-

портных средств международной перевозки на таможенную территорию Таможенного союза путем их ввоза помимо мест перемещения товаров через таможенную границу Таможенного союза либо иных установленных законодательством государств - членов Таможенного союза мест или вне времени работы таможенных органов либо совершение действий, непосредственно направленных на фактическое пересечение таможенной границы Таможенного союза товарами и (или) транспортными средствами международной перевозки при их убытии с таможенной территории Таможенного союза помимо мест перемещения товаров через таможенную границу Таможенного союза либо иных установленных законодательством государств - членов Таможенного союза мест или вне времени работы таможенных органов либо без разрешения таможенного органа, – влечет наложение административного штрафа на граждан и юридических лиц в размере от одной второй до трехкратного размера стоимости товаров и (или) транспортных средств, явившихся предметами административного правонарушения, с их конфискацией или без таковой либо конфискацию предметов административного правонарушения; на должностных лиц - от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей», – проводя анализ представленного фрагмента, мы, прежде всего, должны понять, что следует понимать под совершением действий лиц, перемещающих товары и вследствие чего, сотрудниками таможен к ним применяется административная ответственность?!

Прежде всего, часть 1 данной статьи отсылает к статьям Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а именно к 87 и 91 ТК ЕАЭС. Но одной отсылки к кодексу недостаточно для раскрытия информации, вследствие чего, необходимо обратиться к письму ФТС России от 28.06.2013 № 18-12/27777 «О методических рекомендациях» (далее – Письмо), в котором указано, что «за административные правонарушения, предусмотренные настоящей главой, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица». Далее, исходя из содержания данного Письма, в котором, говорится о том, что «Статья 16.1 КоАП России устанавливает административную ответственность за незаконное перемещение товаров и транспортных средств международной перевозки через таможенную границу Таможенного союза и объединяет четыре самостоятельных состава правонарушений, различающихся способами совершения». Профессор Кобзарь - Фролова отмечает, что административная ответственность за нарушения таможенного законодательства ТС ЕАЭС направлена на создание условий для предупреждения нарушений в сфере таможенного дела (нарушения таможенных правил); влияет на волю и сознание участников отношений, побуждая их действовать в рамках правовой нормы; имеет пресекающее воздействие; является карой, устанавливает для нарушителей законодательства ТС ЕАЭС некие лишения материального и иного характера; побуждает не допускать и не повторять виновные деяния, поскольку за правонарушение, совершенное повторно, следует более жесткая мера ответственности; несет профилактическую направленность и др.[1]. Однако таможенные союзы, начавшие свое существование раньше вышеуказанного, имеют отличную от российской специфику, в части применения мер ответственности. Например, по таможенному праву Европейского союза за аналогичные административные наказания лицам вменяется уголовная ответственность. В данном случае, невозможно не отметить различ-

ные правовые культуры и подходы к выработке мер воздействия на лиц, совершающих публичные нарушения.

В силу специфичных регламентированных таможенных правил и установок, одними из основных действий лиц на территории таможенного союза являются пересечение границы и перемещение товаров и транспортных средств международной перевозки (далее – ТСМП) через таможенную границу. При этом под ввозом товаров понимается совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых, товары прибыли на таможенную территорию Таможенного союза любым способом до их выпуска таможенными органами, а под вывозом - совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Таможенного союза любым способом до фактического пересечения таможенной границы (подпункты 3, 5, 7, 51 пункта 1 статьи 2, статьи 272 ТК ЕАЭС) [2].

При этом транспортные средства также являются товарами (подпункт 49 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС). Согласно подпункту 25 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС незаконным признается перемещение товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение.

Несмотря на некоторое сходство указанного термина с диспозицией рассматриваемой статьи, незаконным следует признавать только перемещение, сопряженное с совершением одного из указанных в статье 16.1 КоАП России деяний [3].

Как показывает практика, положения данной статьи относятся к составам контрабандного характера, следовательно, они общественно опасны. Иногда юридические лица, пренебрегая своими обязанностями, ссылаются на положения данной статьи, с целью опровергнуть доводы таможенного органа о недостоверной информации, указанной в документах. Например, если юридическое лицо (авиакомпания), занимающееся воздушным перемещением пассажиров, багажа, по договору делегирует полномочия по погрузке товаров агенту, который при пересчете количества товаров (а также весовых характеристик) указывает недостоверную информацию и передает такие документы таможенному органу, - ответственность за противоправные действия таможенный орган возложит на юридическое лицо. При этом в таких ситуациях, как правило, юридическое лицо ссылается на агента, указывая, что подсчет товара занималось не само юридическое лицо и оспаривает решение таможенного органа в арбитражном суде. И как показывает арбитражная судебная практика, вопросы возникают при определении субъекта административного правонарушения. Для определения статуса субъекта необходимо учитывать, что лицо, вступающее в таможенные правоотношения должно знать не только о существовании обязанностей, отдельно установленных для каждого вида правоотношений, но и обеспечить их выполнение. По мнению Сидорова Е. И., – субъектом административной ответственности в области таможенного дела юридическое лицо становится в случае нарушения норм административного, таможенного права и законодательства в области внешнеэкономической деятельности [4]. Также, говоря о юридических лицах под юридическим лицом как субъектом административной ответственности

ности за правонарушения в области таможенного дела следует понимать субъект административного права, обладающий общей и специальной правосубъектностью и деликтоспособностью, имеющий определенное статусное положение, позволяющее ему от собственного имени выступать субъектом гражданских, таможенных и административно – деликтных правоотношений [5].

То есть, в данной ситуации недостаточно только норм КоАП РФ и судебной практики, требуется применение норм международного права (ст. 8 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов 1956 г., Соглашение о пассажирских перевозках 1951 г.), – только таким образом, можно доказать, что лицо, условно занимающееся перевозками, обязано подавать достоверную информацию, независимо от количества агентов, выполняющих услуги по разгрузке, сопровождению товара на борту.

Статья 16.1 КоАП РФ, на сегодняшний день требует доработку и возможное внесение изменений в частях определения статуса субъектов и наложения штрафа. В статье отсутствует разграничение юридических лиц на участников внешнеэкономической деятельности и юридических лиц, не причастных к такой деятельности. Соответственно, назначать штраф за одно и то же правонарушение, на наш взгляд, участнику внешнеэкономического рынка и юридическому лицу (не участнику внешнеэкономической деятельности), совершившему правонарушение впервые, – наказание в виде штрафа, должно быть четко регламентировано и отличаться в размерах.

Таким образом, создается цепочка из обстоятельств, имеющих как позитивные, так и негативные последствия для лиц, перемещающих товары. При этом самое большое число дел в судах возбуждается за недекларирование либо за недостоверное декларирование товаров, предусмотренные статьей 16.2 КоАП РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» отмечено что, частью 1 статьи 16.2 КоАП РФ установлена ответственность за недекларирование товаров и (или) транспортных средств, когда лицом фактически не выполняются требования таможенного законодательства по декларированию и таможенному оформлению товара, то есть таможенному органу не заявляется весь товар либо его часть (не заявляется часть однородного товара либо при декларировании товарной партии, состоящей из нескольких товаров, в таможенной декларации сообщаются сведения только об одном товаре или к таможенному оформлению представляется товар, отличный от того, сведения о котором были заявлены в таможенной декларации).

Если же товар по количественным характеристикам задекларирован полностью, но декларантом либо таможенным брокером (представителем) в таможенной декларации заявлены не соответствующие действительности (недостоверные) сведения о качественных характеристиках товара, необходимых для таможенных целей, эти действия образуют состав административного правонарушения, предусмотренный частью 2 статьи 16.2 КоАП РФ, при условии, что такие сведения послужили основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера.

Таможенные представители привлекаются по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, в основном за указание недостоверных сведений о товаре при его декларировании или ука-

зании таможенной стоимости, или же иных сведений, послужившие основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или уменьшения их стоимости.

Законодательно установлено, что декларант передает все необходимые сведения представителю (суммы таможенных платежей, иные документы) и представитель передает документы в том объеме, который предоставил ему декларант. От имени перевозчика документы и сведения могут быть представлены таможенным представителем либо иными лицами, действующими по поручению перевозчика, если это допускается в соответствии с законодательством государств-членов [6].

Большое количество случаев зафиксировано о непредставлении сведений декларанта в полном объеме или же документы содержащие неверную информацию. Таким образом, при указании неверных сведений (заведомо неверных представленных декларантом), представитель рассчитал сумму таможенной стоимости, занижая ее общую стоимость, будучи неосведомленным о реальных данных. Соответственно, при обнаружении инспекторами таможенных органов подобных дел возбуждается дело об административном правонарушении.

И, как следствие, представитель должен отвечать по обстоятельствам, о которых он по умолчанию не мог знать. Данный вопрос является спорным еще и потому, что вполне возможен сговор декларанта и представителя и весьма непросто будет доказать, что декларация, поданная с неверной информацией, не является предметом беспечного отношения ее законного владельца (декларанта). Ответственность таможенного представителя также является открытым вопросом – в силу того, что законодательно не проработаны статус таможенного представителя, его права.

Административная ответственность наступает при игнорировании или нарушении одного, или более таможенных правил и влечет за собой административную ответственность. Чтобы нагляднее продемонстрировать различия по сути одинаковых положений в КоАП и ТК ЕАЭС, **нужно привести определение ВАС:** «Определяя порядок применения положений ч.2 ст.16.2 КоАП РФ Пленум ВАС РФ в п.9 рассматриваемого Постановления, определил, что судам необходимо иметь в виду, что под ее действие подпадают и случаи, когда освобождение от уплаты таможенных пошлин, налогов или занижение их размера явилось следствием неполного указания декларантом в таможенной декларации сведений о товаре.

Если до принятия рассматриваемого Постановления таможенные органы и суды определяли наличие в действиях участника внешнеэкономической деятельности состава указанного административного правонарушения только при условии доказывания заявления недостоверных сведений о товарах при таможенном декларировании, то теперь состав административного правонарушения будет образовывать и заявление неполных сведений о товарах». Данный факт, должен особо учитываться участниками внешнеэкономической деятельности, так как понятие «неполноты» является оценочным и будет определяться индивидуально по каждому конкретному рассматриваемому событию.

Кроме того, участникам внешнеэкономической деятельности необходимо учитывать тот факт, что при определении наличия состава административного правонарушения, предусмотренного частями 2 и 3 ст.16.2 КоАП РФ, суды будут исходить из того, что соответствующие административные правонарушения следует считать оконченными с момента регистрации таможенным органом таможенной деклара-

ции, при этом уплата декларантом или таможенным представителем таможенных пошлин, налогов в надлежащем размере, а также представление документов, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, до выпуска товаров или до составления протокола об административном правонарушении не может рассматриваться как основание для освобождения от административной ответственности, а может являться обстоятельством, смягчающим ее.

При рассмотрении дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 16.11 или частью 1 статьи 16.13 КоАП РФ, судам предписано учитывать, что субъектом таких правонарушений может являться не только лицо, фактически осуществившее действия, перечисленные в диспозициях приведенных норм, но и перевозчик, не исполнивший обязанностей, определенных пунктами 2 и 3 статьи 223 ТК ЕАЭС. Постановление Пленума ВС № 18 от 2006 г. гласит, что при наложении административного штрафа может быть применено дополнительное наказание в виде конфискации предметов административного правонарушения, в том числе и транспортных средств [7].

Существенным фактором является позиция Пленума ВАС РФ, обозначенная в п.14 рассматриваемого Постановления, касающаяся порядка исчисления размера административного штрафа, который санкциями статей 16.1, 16.2, 16.18 - 16.21 КоАП РФ ставится в зависимость от стоимости товаров, явившихся предметом административного правонарушения [8].

На сегодняшний день, административное законодательство о таможенных нарушениях не отражает правовую действительность, в силу того, что не до конца проработана санкционная система наказаний за административные правонарушения, таможенные нарушения и уголовные преступления. На наш взгляд, разработка концепции о таможенных санкциях займет не один десяток лет, т.к., подобного рода концепт требует полной модернизации действующих положений о применении публичного наказания за таможенные правонарушения.

Список литературы:

1. Кобзарь-Фролова М.Н. Проблемы теории и практики назначения административного наказания в виде предупреждения за нарушение таможенного законодательства Таможенного союза Евразийского экономического союза, Вестник Омской юридической академии", 2017, № 4 // СПС «Консультант-Плюс».
2. Письмо ФТС России от 28.06.2013 N 18-12/27777"О методических рекомендациях" – раздел ст. 16.1 КоАП РФ.
3. Письмо ФТС России от 28.06.2013 N 18-12/27777"О методических рекомендациях" – раздел «примечания».
4. Сидоров Е. И. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения в области таможенного дела, «Вестник Российской таможенной академии», 2016, № 1.
5. Евстратова Ю.А. Основания и условия административной ответственности юридических лиц за правонарушения в области таможенного дела: Автореф. дис. к. ю. н. М.: Российская таможенная академия, 2008.
6. Глава 14 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза от 01.01.2018 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Абзац 28, Постановление от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении особенностей части кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Обзор Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.11.2013 №79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» // «Провед.рф».

Didigova L.R. Issues under the application of administrative penalties for violation of Customs legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 257–263.

The article deals with the issues related to the application of administrative penalties and measures of administrative responsibility for offenses committed on the territory of the Customs Union of the Eurasian Economic Union. Author presents excerpts of the Supreme Court's rulings on situations when it is impossible to apply the administrative norms regulated by chapter 16 of the Administrative Code of the Russian Federation. Author analyzes articles of the aforementioned chapter, causing legal conflicts when challenging customs decisions in the courts. The question of the precarious position of the customs representative is also being considered: the customs legislation does not regulate the status of person, rights, as well as the degree of guilt when they commit a violation of customs regulations. The article focuses on art. 16.1 of the Code on Administrative Offenses of the Russian Federation, due to the fact that today it needs revision and possible amendments to the parts of the determination of the status of subjects and the imposition of a fine. Author notes that in this article of the Code on Administrative Offenses of the Russian Federation there is no distinction between legal entities and participants of foreign economic activities and legal entities not involved in such activities.

Keywords: administrative responsibility, violation of customs rules, chapter 16 of the Administrative Code of the Russian Federation, administrative fine, movement of goods, customs border, administrative acts, customs legislation.

Spisok literatury:

1. Kobzar'-Frolova M.N. Problemy teorii i praktiki naznacheniya administrativnogo nakazaniya v vide preduprezhdeniya za narushenie tamozhennogo zakonodatel'stva Tamozhennogo soyuza Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza, Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii", 2017, № 4 // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Pis'mo FTS Rossii ot 28.06.2013 N 18-12/27777"O metodicheskikh rekomendacijah" – razdel st. 16.1 KoAP RF.
3. Pis'mo FTS Rossii ot 28.06.2013 N 18-12/27777"O metodicheskikh rekomendacijah" – razdel «primechanija».
4. Sidorov E. I. Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic za pravonarusheniya v oblasti tamozhennogo dela, «Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii», 2016, № 1.
5. Evstratova YU.A. Osnovaniya i usloviya administrativnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic za pravonarusheniya v oblasti tamozhennogo dela: Avtoref. dis. k. yu. n. M.: Rossijskaya tamozhennaya akademiya, 2008.
6. Glava 14 Tamozhennogo kodeksa Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza ot 01.01.2018 // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Abzac 28, Postanovlenie ot 24 oktyabrya 2006 g. № 18 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih u sudov pri primenenii osobennostej chasti kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Obzor Postanovleniya Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.11.2013 №79 «O nekotoryh voprosah primeneniya tamozhennogo zakonodatel'stva» // «Proved.rf».

УДК 342.951: 336.221

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ФОНДА РАЗВИТИЯ КУРОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ И ВЗИМАНИЯ КУРОРТНОГО СБОРА

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

Статья посвящена исследованию правовой и экономической сущности категории «курортный сбор», который введен в рамках проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях, а также анализу отдельных положений Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае», регламентирующих вопросы организации и функционирования Фонда развития курортной инфраструктуры. Целью настоящей статьи является исследование и анализ нормативно-правовой базы субъектов Российской Федерации, участвующих в проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, регламентирующей вопросы организации и функционирования Фонда развития курортной инфраструктуры. На основе проведенного анализа автор вырабатывает рекомендации по усовершенствованию урегулирования правоотношений в сфере введения курортного сбора и организации его администрирования и распределения путем внесения соответствующих изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» и соответствующее законодательство субъектов РФ.

Ключевые слова. Курортный сбор; плата за пользование курортной инфраструктурой; эксперимент по развитию курортной инфраструктуры; Фонд развития курортной инфраструктуры.

Актуальность темы. Налоговая система Российской Федерации за последние 27 лет много раз претерпевала существенные изменения, направленные на ее оптимизацию и развитие и совершенствование, что обусловлено необходимостью дальнейшего усовершенствования концептуальной основы развития системы налогов и сборов в Российской Федерации [1].

Одним из проблемных и, одновременно, перспективных направлений государственно-правового реформирования в целом и элементов налоговой политики РФ в частности сегодня является проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры путем установления, введения и взимания курортного сбора на территориях муниципальных образований, входящих в территорию эксперимента, в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском крае, что подтверждает особую значимость и актуальность данной темы исследования.

Так, в июле 2017г. вступил в силу Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ "О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае" (далее – ФЗ № 214-ФЗ) [2], который предусматривает порядок проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Ставропольском крае и Краснодарском крае путем установления, введения и взимания курортного сбора, а также перечисления собранных средств в Фонд развития курортной инфраструктуры для дальнейшего строительства, ремонта, поддер-

жания, восстановления, благоустройства объектов санаторно-курортной инфраструктуры, в соответствии с которым, вопросы установления ответственности за нарушение положений нормативных правовых актов субъектов РФ, связанных с проведением эксперимента, в том числе ответственность операторов курортного сбора за нарушения порядка и сроков исчисления, взимания и перечисления курортного сбора в бюджет субъекта РФ регламентируются соответствующим законодательством субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ) [3].

Отметим, что в связи с принятием и вступлением в силу 02 августа 2017 г. ФЗ №214-ФЗ, который вызвал неоднозначную реакцию, как со стороны законодателей, так и стороны правоприменительных органов, юристов-практиков, представителей юридической и экономической науки [4, с. 193], перед нашим государством и его субъектами стоят новые задачи, в том числе, организация и функционирование соответствующих Фондов развития курортной инфраструктуры.

Следует отметить, что, несмотря на повышенный интерес к проблеме установления и взимания курортного сбора в Российской Федерации, комплексного исследования, посвященного проблемам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры путем установления и взимания курортного сбора в Российской Федерации и формирования Фонда развития курортной инфраструктуры, практически не проводилось, этим и обусловлен выбор обозначенной темы научного исследования.

В то же время, в научной среде до сих пор ведутся дискуссии относительно правовой природы курортного сбора (указывается на то, что «туристический налог следует отнести к местным налогам и сборам») [5, с.139], обоснованности и необходимости включения в «систему налогов и сборов РФ» всей совокупности имеющихся на сегодня сборов [6, с.54], а также относительно необходимости и обоснованности введения курортного сбора и его последствий для санаторно-курортной и туристической отрасли [7].

Так, Баранова А. Ю. считает курортный сбор своеобразной платой за пользование туристическими, рекреационными и природными ресурсами, которая по своей экономической сути является туристической рентой [8, с.324].

Сабитова Е. Ю. указывает, что по своей экономическо-правовой характеристике указанный платеж, хоть и именуется курортным сбором, однако относится к целевым налогам, поскольку он направлен на достижение определенных целей, а именно: развитие санаторно-курортной и туристической инфраструктуры тех регионов, где введен курортный сбор [9, с. 29].

Вместе с тем, анализ ст. ст. 13, 14, 15 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) показывает, что курортный сбор не входит в систему налогов и сборов РФ ни на федеральном, ни на региональном, ни на местном уровне [10, ст. ст. 13, 14, 15].

В свою очередь, ФЗ № 214-ФЗ относит курортный сбор одновременно и к местным сборам (ч. 2 ст. 1), и к региональным (ст. 5) [4, с. 193-195], однако, на сегодняшний день курортный сбор не входит в «систему налогов и сборов РФ» и НК РФ не предусмотрен.

В то же время, анализ соответствующих законов субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ) показывает, что даже на уровне субъектов РФ подход к нормативно-правовому определению данного платежа, а также порядку его исчис-

ления, уплаты и привлечения к ответственности за нарушение законодательства в сфере курортного сбора, весьма неоднозначен.

Васильева Н.В. справедливо отмечает, что «назрела насущная необходимость законодательного закрепления критериев отнесения тех или иных доходов к обязательным, а также их закрытого перечня [6, с. 47-56].

Таким образом, для начала на законодательном уровне нужно решить вопрос о правовой природе или сущности курортного сбора и его месте в системе налогов и сборов РФ путем внесения изменений, и дополнений в НК РФ и ФЗ № 214-ФЗ, законодательно закрепив, что курортный сбор входит в систему региональных либо местных налогов и сборов.

В то же время, вопрос о необходимости введения курортного сбора не вызывает сомнений, поскольку данный платеж поможет собрать дополнительные средства на поддержание, восстановление, модернизацию и развитие санаторно-курортной и туристической инфраструктуры. Так, одной из основных проблем российских курортов является именно недостаточно удовлетворительное состояние санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, многие средства размещения требуют обновлений, что можно решить только путем дополнительных средств и вложений [11, с. 93].

При этом, уровень конкурентоспособности регионального туризма во многом определяет успешность и перспективность развития туристической отрасли в целом; указывает на наличие определенных проблем в отрасли и позволяет выявлять пути их решения [12, с. 227].

Джанжугазова Е. А., исследуя проблемы введения курортного сбора в России, обоснованно, указывает на первоочередную необходимость правильной организации взимания и системы контроля за уплатой курортного сбора, а также, обеспечения целевого использования собранных средств [13, с.112].

Денисенко Т. А., Мамонова И. В. отмечают, что за целевое использование собранных средств от уплаты курортного сбора отвечают созданные на уровне субъектов РФ Фонды развития курортной инфраструктуры, а соответствующие направления использования ресурсов таких фондов будут определяться законодательством и включать в себя работы по проектированию, строительству, содержанию, реконструкции, благоустройству и ремонту объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры [15, с. 76].

Так, ФЗ № 214-ФЗ определяет Фонд развития курортной инфраструктуры (далее – Фонд) как часть средств бюджета субъектов РФ, которая подлежит использованию для целей развития курортной инфраструктуры [2, ч. 1 ст. 9].

Как указывают Червоная Ю. А. и Чернов Ю. И., Фонд должен будет взаимодействовать с объектами санаторно-курортной и туристической инфраструктуры регионов и решать проблемы их улучшения [15, с. 592-593].

Следует отметить, что бюджетные ассигнования Фонда направляются исключительно на финансирование проектирования, строительства, реконструкции, содержания, благоустройства объектов санаторно-курортной инфраструктуры на территории эксперимента. Объем бюджетных ассигнований Фонда утверждается законами субъектов РФ о бюджете на очередной финансовый год и плановый период в размере не менее прогнозируемого объема доходов бюджета субъекта РФ от уплаты сбора [2, ч. 2-3 ст. 9].

В то же время, бюджетные ассигнования Фонда направляются в форме межбюджетных трансфертов из бюджетов субъектов РФ бюджетам муниципальных образований, территории которых включены в территорию эксперимента, для финансирования проектирования, строительства, реконструкции, содержания, благоустройства объектов санаторно-курортной инфраструктуры, за исключением тех, которые находятся в федеральной собственности. Однако, не использованные в текущем финансовом году, бюджетные ассигнования Фонда, направляются на увеличение бюджетных ассигнований Фонда в очередном финансовом году [2, ч. 4 ст. 9].

Отметим, что во исполнение требований норм ФЗ № 214-ФЗ в соответствующих субъектах РФ, участвующих в проведении эксперимента, должны быть созданы данные Фонды, которые будут являться частью бюджета субъектов РФ (Республики Крым, Алтайского, Краснодарского и Ставропольского края).

Так, постановлением Губернатора Алтайского края, Председателя правительства Алтайского края от 20.04.2018г. №134 «Об утверждении порядка формирования и использования бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Алтайского края» (далее – Постановление №134) утвержден порядок формирования и использования бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Алтайского края, а также полномочиями по заключению от имени Алтайского края соглашений об организации работ по развитию курортной инфраструктуры с муниципальными образованиями наделено управление Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу [16].

В соответствии с Постановлением № 134, ассигнования Фонда формируются: за счет уплаты курортного сбора плательщиками данного сбора, а также за счет безвозмездных поступлений от физических и юридических лиц на финансирование мероприятий, направленных на развитие курортной инфраструктуры соответствующих муниципальных образований Алтайского края, на территории которых введен курортный сбор. Однако, объем бюджетных ассигнований Фонда в 2018 году должен составлять не менее 70% прогнозируемого объема доходов бюджета Алтайского края от уплаты курортного сбора на территории каждого муниципального образования, а в последующие годы эксперимента – не менее 100 %.

Кроме того, ассигнования Фонда предоставляются не менее чем один раз в полугодие, не позднее 10-го рабочего дня, следующего за днем представления в Уполномоченный орган документов, связанных с проведением конкурсных процедур по исполнению расходных обязательств муниципального образования, в пределах размера, установленного законом Алтайского края о краевом бюджете на очередной финансовый год и на плановый период, но не более суммы, поступившей в Фонд на дату перечисления иного межбюджетного трансферта.

Следует учитывать, что в случае нецелевого использования средств иных межбюджетных трансфертов Фонда и (или) нарушения муниципальными образованиями Алтайского края, входящими в территорию эксперимента, условий, целей и порядка их предоставления (расходования), к таким муниципальным образованиям применяются бюджетные меры принуждения, предусмотренные Бюджетным кодексом Российской Федерации.

В свою очередь, Ставропольский край урегулирован вопросы формирования и функционирования Фонда на законодательном уровне путем принятия соответствующего Закона Ставропольского края от 08.12.2017г. №131-кз «О фонде разви-

тия курортной инфраструктуры в Ставропольском крае» (далее – Закон Ставропольского края №131-кз) [17], который прямо предусматривает, что Фонд развития курортной инфраструктуры в Ставропольском крае – это часть средств бюджета Ставропольского края, подлежащая использованию в целях развития курортной инфраструктуры Ставропольского края.

Следует отметить, что объем бюджетных ассигнований Фонда утверждается законом Ставропольского края о бюджете Ставропольского края на очередной финансовый год и плановый период в размере не менее прогнозируемого объема доходов бюджета Ставропольского края от: 1) платы за пользование курортной инфраструктурой в Ставропольском крае на территории муниципальных образований Ставропольского края, на которых введен курортный сбор; 2) безвозмездных поступлений от физических и юридических лиц, на финансовое обеспечение мероприятий, направленных на развитие курортной инфраструктуры в Ставропольском крае, в том числе, добровольных пожертвований в отношении объектов курортной инфраструктуры в Ставропольском крае. При этом, перечисление в доход фонда безвозмездных поступлений от физических и юридических лиц направленных на финансовое обеспечение мероприятий на развитие курортной инфраструктуры в Ставропольском крае, в том числе, добровольных пожертвований, в отношении объектов курортной инфраструктуры в Ставропольском крае осуществляется после заключения договора пожертвования между указанными физическими или юридическими лицами, с одной стороны, и органом исполнительной власти Ставропольского края, ответственным за проведение эксперимента, – с другой.

В то же время, в Краснодарском крае и Республике Крым отсутствует специальное законодательство, регламентирующее порядок формирования и функционирования соответствующих Фондов. Согласно Закона Краснодарского края от 27.11.2017г. № 3690-КЗ «О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края «Об административных правонарушениях» (далее – Закон Краснодарского края № 3690-КЗ) [18], объем бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры утверждается законом Краснодарского края о краевом бюджете на очередной финансовый год и на плановый период в размере не менее прогнозируемого объема доходов краевого бюджета от уплаты курортного сбора. Бюджетные ассигнования Фонда направляются исключительно на финансовое обеспечение работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры на территории эксперимента.

Порядок формирования и использования бюджетных ассигнований Фонда устанавливается нормативным правовым актом высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации, ФЗ № 214-ФЗ и Законом Краснодарского края № 3690-К. При этом, перечень работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры, подлежащих финансированию за счет бюджетных ассигнований Фонда, определяется соглашением, заключенным между Краснодарским краем и муниципальным образованием об организации работ по развитию курортной инфраструктуры, с учетом предложений органов местного самоуправления в Краснодарском крае [18, ст. 10].

По нашему мнению, Краснодарскому краю и Республике Крым, в целях надлежащего и качественного урегулирования правоотношений по администрированию, распределению и использованию средств, поступивших от уплаты курортного сбора, следует на законодательном уровне решить вопрос о формировании и функционировании Фонда развития курортной инфраструктуры путем разработки и принятия соответствующих законов субъектов РФ «О Фонде развития курортной инфраструктуры», в которых предусмотреть порядок создания и формирования такого Фонда, его структуру, полномочия, порядок администрирования, распределения и использования средств, поступивших от уплаты курортного сбора, что позволит избежать ошибок, противоречий, правонарушений и преступлений данной сфере, а также обеспечить ее прозрачность, доступность и понятных для простых граждан.

Таким образом, проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях путем введения курортного сбора позволит собрать дополнительные средства для финансирования реконструкции, восстановления, развития, содержания, ремонта, благоустройства объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры на соответствующих территориях при условии грамотной, продуманной и прозрачной организации администрирования и распределения собранных средств с помощью соответствующих Фондов развития курортной инфраструктуры. Так, в настоящее время бюджетных средств не хватает для поддержания и развития санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, а, следовательно, для создания соответствующих надлежащих условий для качественного и полноценного отдыха на отечественных курортах, которые зачастую проигрывают зарубежным и в сервисной, и в ценовой политике. При этом, по предварительным подсчетам суммарный дополнительный объем поступлений в период с 2018 года по 2022 год в Ставропольском крае превысит 2,02 млрд. руб., в Краснодарском крае – 8,3 млрд. руб., в Республике Крым – 16,4 млрд. руб., (при ставке в 50 руб.) [19]. С этой позиции курортный сбор может стать существенной поддержкой развития российских курортов-участников территории эксперимента и основным источником средств финансирования их благоустройства, восстановления, реконструкции и развития. Необходимость введения курортного сбора также обосновывается ежегодным ростом объема туристических услуг, оказанных туристам и курортникам.

Список литературы

1. Евсикова Е. В. К вопросу о внесении изменений и дополнений в Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» в части установления ответственности за нарушение норм Закона Республики Крым «О введении курортного сбора»/ Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2018. № 8 (123). – С. 112-114.
2. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/>.
3. Евсикова Е. В. Некоторые вопросы внесения изменений и дополнений в налоговое и административно-деликтное законодательство Российской Федерации за правонарушения в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2018. № 8 (123). – С. 69-71.
4. Оголь В. Л., Евсикова Е. В. Проблемы и перспективы развития курортной инфраструктуры в Республике Крым в контексте введения и взимания курортного сбора / В. Л. Оголь, Е.В. Евсикова // Молодая наука Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Научный редактор Н.Г. Гончарова. – 2017. – С. 193-195.
5. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. К вопросу о введении туристического налога (сбора) в Российской Федерации / Е. В. Евсикова, В. В. Жигулина / Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 3 (94). - С. 137-139.

6. Васильева Н. В. Современное состояние системы налогов и сборов: правовой аспект / Н.В. Васильева // *Baikal Research Journal*. – Т. 7, № 2. – 2016. – С. 47-56.
7. Берлин С. И., Уберия А. Р. О целесообразности введения курортного сбора // С.И. Берлин, А.Р. Уберия // *Юридические науки*. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://cyberpedia.su/1x3fa8.html>.
8. Баранова А.Ю. Курортный сбор как государственная поддержка инфраструктурного обеспечения индустрии гостеприимства / Баранова А.Ю. // *Проблемы современной экономики*. – 2011. – № 1. – С. 324-328.
9. Сабитова, Е. Ю. Курортный сбор: перспективы его внедрения в Российской Федерации / Е. Ю. Сабитова // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Право. — 2017. — Т. 2, вып. 3. — С. 26—30.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) (31 июля 1998 г. № 146-ФЗ) [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.fsetan.ru/library/doc/nalogovuyj-kodeks-rossijskoj-federatsii-chast-pervj>.
11. Ржепка Э. А. О развитии туристско-гостиничного бизнеса в Иркутской области / Э. А. Ржепка // *Baikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8, №1. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).10
12. Ласси М. Ю. Анализ подходов к оценке конкурентоспособности регионального туризма в России / М. Ю. Ласси // *Baikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8, № 2. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).24.
13. Джанжугазова Е. А. Курортный сбор в фокусе общественной дискуссии // Е.А. Джанжугазова // *Российские регионы: взгляд в будущее. Экономика и экономические науки*. – 2018 Т. 5 № 1. – С. 99-113.
14. Денисенко Т.А., Мамонова И.В. Проблемы введения и администрирования курортного сбора / Денисенко Т.А., Мамонова И.В. // В сборнике: СБОРНИК СТАТЕЙ IV МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ НА ЮГЕ РОССИИ 2017. С. 76-79.
15. Червоная Ю. А., Чернов Ю.И. Административно-правовой статус органов, ответственных за взимание курортного сбора / Червоная Ю.А., Чернов Ю.И. // *Современные научные исследования и разработки*. 2017. - № 8 (16). - С. 592-593.
16. Постановление Губернатора Алтайского края, Председателя правительства Алтайского края от 20.04.2018г. № 134 «Об утверждении порядка формирования и использования бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Алтайского края». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw0162018-04-27.html>.
17. Закон Ставропольского края от 8 декабря 2017 года № 130-кз "О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://rg.ru/2017/12/12/stavropol-zakon130-reg-dok.html>.
18. Закон Краснодарского края от 27 ноября 2017 года № 3690-КЗ "О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края "Об административных правонарушениях". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://rg.ru/2017/11/29/krasnodar-zakon3690-reg-dok.html>.
19. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B3A6A341E82A843>.

Evsikova E.V. To the question of creation of fund of development of resort infrastructure in the context of establishment and collection of resort collecting // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university*. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 264–271.

Article is devoted to a research of a legal and economic entity of category "resort collection" which is entered within carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea, the Altai, Krasnodar and Stavropol regions and also to the analysis of the separate provisions of the Federal law "About Carrying Out an Experiment on Development of Resort Infrastructure in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region" regulating questions of the organization and functioning of Fund of development of resort infrastructure. The purpose of the present article is the research and the analysis of a normative and legal basis of the territorial subjects of the Russian Federation participating in carrying out an experiment on development of the resort infrastructure regulating questions of the organization and functioning of Fund of development of resort infrastructure. On the basis of the carried-out analysis the author works out recommendations about enhancement of settlement of legal relationship in the sphere of introduction of resort collection and the organization of its administration and distribution by entering of corresponding changes into the Tax Code of the Russian Federation, the Federal law "About Carrying Out an Experiment on Development of Resort Infrastructure in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region" and the relevant legislation of territorial subjects of the Russian Federation.

Keywords: Resort collecting; payment for use of resort infrastructure; an experiment on development of resort infrastructure; Fund of development of resort infrastructure.

Spisok literaturi

1. Evsikova E. V. К вопросу о внесении изменений и дополнений в Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» в части установления ответственности за нарушение норм Закона Республики Крым «О введении курортного сбора» / E.V. Evsikova // *Евразийский юридический журнал*. – 2018. № 8 (123). – С. 112-114.
2. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/>.

3. Evsikova E. V. Nekotorye voprosy vnesenija izmenenij i dopolnenij v nalogovoe i administrativno-deliktное zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii za pravonarushenija v sfere provedenija jeksperimenta po razvitiju kurortnoj infrastruktury / E.V. Evsikova // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. № 8 (123). – S. 69-71.
4. Ogol' V.L., Evsikova E. V. Problemy i perspektivy razvitija kurortnoj infrastruktury v Respublike Krym v kontekste vvedenija i vzimanija kurortnogo sbora / V.L. Ogol', E.V. Evsikova // Molodaja nauka Sbornik nauchnyh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii dlja studentov i molodyh uchenyh. Nauchnyj redaktor N.G. Goncharova. - 2017. - S. 193-195.
5. Evsikova E. V., Zhigulina V. V. K voprosu o vvedenii turisticeskogo naloga (sbora) v Rossijskoj Federacii / E.V. Evsikova, V.V. Zhigulina // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. - 2016. - № 3 (94). - S. 137-139.
6. Vasil'eva N.V. Sovremennoe sostojanie sistemy nalogov i sborov: pravovoj aspekt / N.V. Vasil'eva // Baikal Research Journal. – T. 7, № 2. – 2016. – S. 47-56.
7. Berlin S. I., Uberija A. R. O celesoobraznosti vvedenija kurortnogo sbora // S.I. Berlin, A.R. Uberija // Juridicheskie nauki. [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://cyberpedia.su/1x3fa8.html>.
8. Baranova A. Ju. Kurortnyj sbor kak gosudarstvennaja podderzhka infrastrukturного obespechenija industrii gostepriimstva / Baranova A. Ju. // Problemy sovremennoj jekonomiki. - 2011. - № 1. - S. 324-328.
9. Sabitova, E. Ju. Kurortnyj sbor : perspektivy ego vnedrenija v Rossijskoj Federacii / E. Ju. Sabitova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. — 2017. — T. 2, vyp. 3. — S. 26—30.
10. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) (31 ijulja 1998 g. № 146-FZ) [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.fsetan.ru/library/doc/nalogovyj-kodeks-rossijskoj-federatsii-chast-perv>.
11. Rzhepka Je. A. O razvitii turistsko-gostinichnogo biznisa v Irkutskoj oblasti / Je. A. Rzhepka // Baikal Research Journal. — 2017. — T. 8, №1. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).10
12. Lassi M. Ju. Analiz podhodov k ocenke konkurentosposobnosti regional'nogo turizma v Rossii / M. Ju. Lassi // Baikal Research Journal. — 2017. — T. 8, № 2. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8 (2).24.
13. Dzhanzhugazova E.A. Kurortnyj sbor v fokuse obshhestvennoj diskussii // E.A. Dzhanzhugazova // Rossijskie regiony: vzgljad v budushhee. Jekonomika i jekonomicheskie nauki. – 2018 T. 5 № 1. – S. 99-113.
14. Denisenko T. A., Mamonova I. V. Problemy vvedenija i administrirovanija kurortnogo sbora / Denisenko T.A., Mamonova I.V. // V sbornike: SBORNIK STATEJ IV MEZH DUNARODNOJ SHKOLY MOLODYH UCHENYH V OBLASTI JEKONOMIKI NA JuGE ROSSII 2017. S. 76-79.
15. Chervonaja Ju. A., Chernov Ju. I. Administrativno-pravovoj status organov, otvetstvennyh za vzimanie kurortnogo sbora / Chervonaja Ju. A., Chernov Ju.I. // Sovremennye nauchnye issledovanija i razrabotki. 2017. - № 8 (16). - S. 592-593.
16. Postanovlenie Gubernatora Altajskogo kraja, Predsedatelja pravitel'stva Altajskogo kraja ot 20.04.2018g. № 134 «Ob utverzhenii porjadka formirovanija i ispol'zovanija bjudzhetnyh assignovanij Fonda razvitija kurortnoj infrastruktury Altajskogo kraja». [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw0162018-04-27.html>.
17. Zakon Stavropol'skogo kraja ot 8 dekabrya 2017 goda № 130-kz "O nekotoryh voprosah provedenija jeksperimenta po razvitiju kurortnoj infrastruktury v Stavropol'skom krae". [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://rg.ru/2017/12/12/stavropol-zakon130-reg-dok.html>.
18. Zakon Krasnodarskogo kraja ot 27 nojabrya 2017 goda № 3690-KZ "O vvedenii kurortnogo sbora na territorii Krasnodarskogo kraja i vnesenii izmenenij v Zakon Krasnodarskogo kraja "Ob administrativnyh pravonarushenijah". [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://rg.ru/2017/11/29/krasnodar-zakon3690-reg-dok.html>.
19. Pojasnitel'naja zapiska k proektu Federal'nogo zakona «O provedenii jeksperimenta po razvitiju kurortnoj infrastruktury v Respublike Krym, Altajskom krae, Krasnodarskom krae i Stavropol'skom krae». [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B3A6A341E82A843>.

УДК 342.951: 336.221

**К ВОПРОСУ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ЧАСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО
РАЗВИТИЮ КУРОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

Евсикова Е. В., Тихомаева В. С.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье проводится исследование и анализ категории «курортный сбор», а также позиции разных представителей отечественной юридической науки, исследующих проблемы и последствия введения и взимания курортного сбора в Российской Федерации и ее субъектах – Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях. Целью статьи является изучение и анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым путем установления, взимания и перечисления платы за пользование курортной инфраструктурой – курортного сбора. Автор раскрывает основные положения Закона Республики Крым от 30 ноября 2017 г. № 435-ЗРК/2017 "О введении курортного сбора" и приходит к выводу о необходимости доработки и усовершенствования большинства положений указанной Закона. На основе проведенного анализа автор вырабатывает рекомендации по усовершенствованию урегулирования правоотношений в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым путем установления, взимания и перечисления курортного сбора путем внесения соответствующих изменений и дополнений в Закон Республики Крым от 30 ноября 2017 г. № 435-ЗРК/2017 "О введении курортного сбора" и Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым», что позволит обеспечить более качественное и эффективное проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым.

Ключевые слова: курортный сбор; плата за пользование курортной инфраструктурой; эксперимент по развитию курортной инфраструктуры; Республика Крым.

Актуальность темы. Налоги – это важный атрибут государства, который возникает и развивается вместе с ним. Согласно ст. 57 Конституции РФ, каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Таким образом закреплена конституционная обязанность лиц, получающих доход, принимать участие в формировании федерального, региональных и местных бюджетов [1].

Необходимость ориентации государства на реформирование и усовершенствование системы налогов и сборов РФ сегодня уже никого не вызывает сомнений, что обусловлено теми событиями, которые происходят в экономической жизни нашей страны.

Так, вопросы усовершенствования и реформирования системы налогов и сборов РФ активно обсуждаются в фоне общественной дискуссии [2], начиная от предложений установления и введения новых налогов и сборов в системе налогов и сборов РФ [3], до повышения уровня налоговой культуры населения в целом, что будет способствовать повышению уровня собираемости налогов в бюджет и сокращению количества налоговых правонарушений [4, с. 47], повышения качества и усовершенствования осуществления администрирования [5, с. 44-45], постоянного реформирования системы государственного (муниципального) контроля [6, с. 69], усовершенствования и качественной регламентации порядка привлечения к налоговой

ответственности [7, с. 59-63], до необходимости формирования новой экономической политики регионов в целом [8, с. 13-14] и институционального придания российской экономике качеств транзитивности [9, с. 35], а также учета и прогнозирования социально-экономических показателей развития региона [10, с. 62-63].

В силу того, что дискуссии относительно целесообразности установления, введения и взимания в Российской Федерации и ее субъектах (далее – субъектах РФ) курортного или туристического сбора или налога ведутся достаточно давно, однако, единой позиции относительного обоснованности введения курортного сбора ни среди законодателей, ни среди сотрудников практических органов, ни среди ученых представителей науки административного и финансового на сегодняшний день не выработано, целью данного исследования является проведение анализа нормативно-правового обеспечения установления курортного сбора в Республике Крым и выработка предложений по его усовершенствованию.

Актуальность темы исследования также обусловлена тем, что 02 августа 2017 г. вступил в силу ФЗ от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ "О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае" (далее – ФЗ № 214-ФЗ) [11], который вызвал неоднозначную реакцию, как со стороны общественности, так стороны правоприменительных органов, юристов-практиков и научного сообщества в целом.

Так, Берлин С. И. и Уберия А. Р. отмечают, что введение курортного сбора может привести к неоднозначным последствиям для туристско-рекреационной отрасли России, а именно:

- увеличению стоимости путевок и проживания во всех категориях средств размещения, что негативно скажется на возможностях отдыха граждан с более низким уровнем дохода, что, в конечном итоге, приведет к снижению конкурентоспособности российского санаторно-курортного и туристского комплексов как на отечественном, так и на международном рынках туристско-рекреационных услуг;

- риску возникновения и развития коррупционной составляющей вследствие желания плательщиков курортного сбора уклониться от его уплаты, а также, возникновения различных коррупционных схем при создании Фонда, в который будут направляться средства на развитие курортной инфраструктуры;

- неопределенности и неурегулированности методологической составляющей взимания курортного сбора, как на законодательном, так и на правоприменительном уровне;

- введение курортного сбора на территории РФ будет нецелесообразно и малоэффективно, поскольку принесет довольно малую сумму в бюджеты [12].

В свою очередь, Джанжугазова Е. А. указывает, что проблема курортного сбора не просто актуальна, она имеет серьезное общественное значение, так как курорты и туристские центры всегда будут нуждаться в дополнительном финансировании, позволяющем содержать и развивать курортную инфраструктуру, а, следовательно, туристы, пользующиеся этой инфраструктурой должны принимать в этом участие. В этой связи органы местного самоуправления территорий, на которых туристы уплачивают курортный сбор, должны сделать эту процедуру понятной и прозрачной для туристов, особенно если это касается информации о том, куда расходуются собранные средства, обеспечить целевое использование собранных средств [2].

Следует отметить, что ФЗ № 214-ФЗ предусматривает порядок проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Ставропольском крае и Краснодарском крае путем установления, введения и взимания курортного сбора, а также перечисления собранных средств в Фонд развития курортной инфраструктуры для дальнейшего строительства, ремонта, поддержания, восстановления, благоустройства объектов санаторно-курортной инфраструктуры, в соответствии с которым, вопросы установления ответственности за нарушение положений нормативных правовых актов субъектов РФ, связанных с проведением эксперимента, в том числе ответственность операторов курортного сбора за нарушения порядка и сроков исчисления, взимания и перечисления курортного сбора в бюджет субъекта РФ регламентируются соответствующим законодательством субъектов РФ [13].

Таким образом, в Республике Крым, Краснодарском, Алтайском и Ставропольском крае в рамках проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, а также с целью обеспечения сохранения, восстановления и развития курортов и туризма, создания благоприятных условий для стабильного и эффективного развития сферы туризма, формирования единого туристского пространства и оценки его эффективности, будет взиматься курортный сбор на соответствующих муниципальных образованиях, включенных в территорию эксперимента, что позволит использовать собранные средства на проектирование, строительство, реконструкцию, содержание, благоустройство и ремонт объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, а обоснованность и результативность его введения и уплаты покажет эксперимент по развитию курортной инфраструктуры, по итогам которого будет принято решение, вводить курортный сбор на всей территории Российской Федерации или нет.

В то же время, во исполнение основных положений и требований ФЗ № 214-ФЗ 29.11.2017г. Государственным Советом Республики Крым принят Закон Республики Крым от 30 ноября 2017 года № 435-ЗРК/2017 "О введении курортного сбора" (далее – ЗРК № 435-ЗРК/2017), который вступил в силу 13.12.2017 г. [14].

Анализ положений ЗРК № 435-ЗРК/2017 показывает, что:

1. Изначально предполагалось взимать курортный сбор будет исключительно на территориях следующих муниципальных образований, входящих в территорию эксперимента, а именно: городской округ Алушта; городской округ Евпатория; городской округ Саки; городской округ Судак; городской округ Феодосия; городской округ Ялта; Черноморский район.

Вместе с тем, возникает вопрос относительно установления и взимания курортного сбора в городском округе Саки, поскольку Саки (городской округ) является центром муниципального образования Сакский район, но в состав района не входит. Таким образом, при фактической уплате курортного сбора отпадает большая часть объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, которые также нуждаются в дополнительном финансировании на развитие санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, но относятся муниципальному образованию Сакский район, где курортный сбор не взимает, и это, несомненно, нужно учитывать при установлении и введении курортного сбора на территории муниципального образования – городской округ Саки.

С учетом того, что 3 муниципалитета отказались от участия в эксперименте, с 01 мая 2019 года курортный сбор будут взимать: городской округ Алушта; городской округ Судак; городской округ Ялта; городской округ Феодосия;

2. курортный сбор будет взиматься на территории эксперимента с 1 мая 2019 года по 31 декабря 2022 года в размере за одни сутки проживания плательщика курортного сбора в объекте размещения: с 1 мая до 30 сентября – 10 руб.; с 1 января до 30 апреля и с 1 октября до 31 декабря – 0 руб. Как видим, курортный сбор установлен в пределах минимальных и очень лояльных ставок, которые никаким образом не лягут серьезной финансовой нагрузкой на отдыхающих – плательщиков курортного сбора и не отпугнет туристов и курортников, отдыхающих в соответствующих субъектах РФ;

3. сумма курортного сбора, подлежащая уплате, исчисляется как произведение количества дней фактического проживания плательщика курортного сбора в объекте размещения, за исключением дня заезда, и установленного размера курортного сбора. При этом сумма курортного сбора, подлежащая уплате, не включается в стоимость проживания. Как видим, установление и введение курортного сбора не повлияет на стоимость путевки и отдыха, поскольку сумма курортного сбора уплачивается отдельно и в стоимость путевки не включается;

4. исчисление и взимание курортного сбора осуществляется не позднее момента выезда плательщика из объекта размещения оператором курортного сбора, который обязан выдать плательщику курортного сбора документ, подтверждающий факт уплаты;

5. при досрочном выбытии плательщика курортного сбора из объекта размещения оператор курортного сбора в день выезда осуществляет перерасчет суммы курортного сбора, а излишне уплаченная сумма возвращается плательщику курортного сбора не позднее момента выезда;

6. при невозможности удержания у плательщика курортного сбора исчисленной суммы курортного сбора оператор курортного сбора не позднее 30 календарных дней по истечении момента выезда плательщика курортного сбора уведомляет уполномоченный орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента о невозможности удержания курортного сбора у плательщика курортного сбора и сумме курортного сбора, подлежащей уплате;

7. от уплаты курортного сбора освобождаются: а) лица, указанные в части 1 статьи 7 ФЗ № 214-ФЗ (однако, этот перечень, по нашему мнению, является неполным и требует существенной доработки и расширения); б) лица, направляемые на лечение в рамках обязательного медицинского либо социального страхования; в) лица, имеющие место жительства (регистрацию) на территории Республики Крым (т.е. лица, имеющие место жительства (регистрацию) на территории Республики Крым освобождаются от уплаты курортного сбора на всей территории Республики Крым, а не только на территории своего муниципального образования, где это лицо зарегистрировано, в случае участия такого муниципального образования в проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры;

8. перечисление курортного сбора в бюджет Республики Крым осуществляется оператором курортного сбора не позднее 10 числа месяца, следующего за отчетным;

9. региональный государственный контроль за исполнением плательщиками курортного сбора и операторами курортного сбора требований ФЗ № 214-ФЗ и иных нормативно-правовых актов, связанных с проведением эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, осуществляется органом исполнительной власти Республики Крым, уполномоченным на осуществление государственного контроля за исполнением плательщиками курортного сбора и операторами курортного сбора требований ФЗ № 214-ФЗ и иных нормативно-правовых актов, связанных с проведением эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, в порядке, установленном законодательством Республики Крым, с учетом требований Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" [15], что, по нашему мнению, является не совсем верным и правильным в силу того, что контроль за полнотой и правильностью исчисления, перечисления и уплаты налогов и сборов в соответствующие бюджеты осуществляется специально уполномоченными сотрудниками налоговых органов, являющихся специалистами в сфере налоговых правоотношений, в сфере налогового законодательства, а сотрудники специально уполномоченного органа исполнительной власти Республики Крым на осуществление государственного контроля за исполнением требований ФЗ № 214-ФЗ и иных нормативно-правовых актов, т.е. Министерства курортов и туризма Республики Крым, никак не смогут обеспечить полноценный и качественный финансовый контроль в указанной сфере в силу недостаточной компетентности и квалификации в указанной сфере, которая сегодня уже вызывает достаточно много споров и противоречий, а при осуществлении мер регионального государственного контроля в указанной сфере просто повлечет к резкому увеличению споров и обжалований решений соответствующих органов, в том числе, и в судебном порядке;

10. Законодательством Республики Крым должна быть предусмотрена административная ответственность за нарушение положений ЗРК № 435-ЗРК/2017 и иных нормативных правовых актов Республики Крым, связанных с проведением эксперимента, в том числе ответственность операторов курортного сбора за нарушение порядка и сроков исчисления, взимания и перечисления курортного сбора в бюджет Республики Крым, однако, на сегодняшний день, административная ответственность плательщиков курортного сбора, операторов курортного сбора, должностных лиц специально уполномоченного органа исполнительной власти Республики Крым в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры административно-деликтным законодательством Республики Крым не предусмотрена.

По нашему мнению, ЗРК № 435-ЗРК/2017 требует доработки и усовершенствования в силу того, что размер курортного сбора, порядок и сроки его перечисления в бюджет субъекта РФ, порядок осуществления контроля за исполнением требований ФЗ № 214-ФЗ, иных нормативных правовых актов Российской Федерации и нормативных правовых актов субъектов РФ, связанных с проведением эксперимента, порядок предоставления сведений о ходе эксперимента законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта РФ, территория эксперимента – устанавливаются соответствующими законами субъектов РФ, однако, налог считается установленным лишь при определении и законодательном закреплении всех обязательных элементов налогообложения: налогоплательщики, объекты налогооб-

ложения, налоговая база, налоговый период, налоговые ставки (а не размера), порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога, а в необходимых случаях – налоговые льготы и основания их использования налогоплательщиками. Таким образом, в ЗРК № 435-ЗРК/2017 отсутствуют все необходимые для установления курортного сбора элементы, такие, как налоговые ставки, объекты налогообложения, налоговая база, налоговый период.

На основе проведенного исследования, считаем необходимым предложить следующие изменения в ЗРК № 435-ЗРК/2017, в целях его усовершенствования и обеспечения его эффективности:

1. Территорией эксперимента, на которой с 1 мая 2019 года по 31 декабря 2022 года уплачивается курортный сбор, являются территории следующих муниципальных образований Республики Крым: городской округ Ялта; городской округ Алушта; городской округ Феодосия; городской округ Судак. Территории вышеуказанных муниципальных образований могут быть исключены из территории эксперимента на основании заявки соответствующего муниципального образования об исключении его территории из территории эксперимента, которая подается в течение 30 дней после принятия соответствующего решения в орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента;

2. Ставка курортного сбора в 2019 году составит 10 рублей за одни сутки фактического проживания плательщика курортного сбора в объекте размещения. В 2020-2022 годах ставка курортного сбора составит 30-50 рублей за одни сутки фактического проживания плательщика курортного сбора в объекте. Конкретная ставка курортного сбора в 2020-2022 годах устанавливается соответствующим решением органа местного самоуправления на соответствующей территории в пределах от 30 до 50 рублей;

3. Объектом обложения курортным сбором являются услуги по временному проживанию (ночлегу) в санаторно-курортных, оздоровительных организациях, кемпингах, гостиницах, базах отдыха, общежитиях, домах (квартирах) принадлежащих физическим лицам на праве собственности или на праве пользования по договору найма и т.д.;

4. Налоговым периодом курортного сбора признается период с 01 января по 31 декабря текущего календарного года;

5. Отчетным периодом по курортному сбору признается календарный месяц;

6. Повторное взимание курортного сбора за один и тот же период проживания на территории эксперимента не допускается;

7. При невозможности удержания у плательщика курортного сбора исчисленной суммы курортного сбора оператор курортного сбора не позднее 3 рабочих дней со дня выезда плательщика курортного сбора уведомляет орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента, о невозможности удержания курортного сбора у плательщика курортного сбора и сумме курортного сбора, подлежащей уплате.

8. Курортный сбор подлежит зачислению в бюджет Республики Крым в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Крым. Перечисление курортного сбора в бюджет Республики Крым осуществляется оператором курортного сбора по истечении срока фактического проживания плательщика курортного сбора в объекте размещения, не позднее 25-го числа месяца, следующего за месяцем, по итогам которого производится исчисление курортного сбора, но не ранее истечения срока фактического проживания плательщика курортного сбора в объекте размещения;

9. Плательщиками курортного сбора признаются физические лица: граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, достигшие совершеннолетия, прибывающие на территорию эксперимента и проживающие в объектах размещения более 24 часов;

10. От уплаты курортным сбором освобождаются: лица, указанные в ч. 1 ст. 7 ФЗ № 214-ФЗ; лица, постоянно проживающие на территории Республики Крым; лица, временно пребывающие, временно проживающие или постоянно проживающие на территории Республики Крым, в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; лица в возрасте до 18-ти лет; дети-инвалиды и лица, которые сопровождают детей-инвалидов (не более одного сопровождающего); лица, которые прибыли в командировку на территорию эксперимента; лица, направляемые на лечение в рамках обязательного медицинского либо социального страхования; лица вольнонаемного состава Советской Армии, Военно-Морского Флота, органов внутренних дел и государственной безопасности, занимавшие штатные должности в воинских частях, штабах и учреждениях, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны, либо лица, находившиеся в этот период в городах, участие в обороне которых засчитывается этим лицам в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях, установленных для военнослужащих частей действующей армии; лица, имеющие право на получение социальной поддержки в соответствии с Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в соответствии с Федеральным законом от 26 ноября 1998 года № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» и Федеральным законом от 10 января 2002 года N 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне»; военнослужащие, а также граждане, уволенные с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, имеющие общую продолжительность военной службы 20 лет и более; лица, принимавшие непосредственное участие в составе подразделений особого риска в испытаниях ядерного и термоядерного оружия, ликвидации аварий ядерных установок на средствах вооружения и военных объектах; члены семей военнослужащих, потерявших кормильца; пенсионеры, получающие пенсии, назначаемые в порядке, установленном пенсионным законодательством, а также лица, достигшие возраста 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины), которым в соответствии с законодательством Российской Федерации выплачивается ежемесячное пожизненное содержание; граждане, уволенные с военной службы или призывавшиеся на военные сборы, выполнявшие интернациональный долг в Афганистане и других странах, в которых велись боевые действия; физические лица, получившие или перенесшие лучевую болезнь или ставшие инвалидами в результате испытаний, учений и иных работ, связанных с любыми видами ядерных установок, включая ядерное оружие и космическую технику; многодетные семьи, т.е. семьи, имеющие 3-х и более детей [16];

11. С целью подтверждения правомерности предоставления льготы оператор курортного сбора должен иметь копии соответствующих документов, подтверждающих принадлежность лица к льготной категории. Лица, которые не предоставили соответствующие документы, удостоверяющие их принадлежность к льготной категории, являются плательщиками курортного сбора на общих основаниях. Докумен-

тами, подтверждающими право на льготу, являются: паспорт гражданина Российской Федерации или иной документ, подтверждающий постоянное (временное) проживание (пребывание) в Российской Федерации; свидетельство о рождении; удостоверение соответствующей государственной награды; приказ (распоряжение) о направлении работника предприятия в командировку с указанием: пункта назначения, названия предприятия, куда командирован работник, срока и цели командировки (связь такой командировки с основной деятельностью предприятия подтверждают: приглашение принимающей стороны, деятельность которой совпадает с деятельностью предприятия, направляющего в командировку; заключенный договор или контракт; другие документы, устанавливающие или удостоверяющие желание установить гражданско-правовые отношения; документы, удостоверяющие участие командированного лица в переговорах, конференциях или симпозиумах, других мероприятиях, проводимых по тематике, совпадающей с деятельностью направляющего предприятия); пенсионное удостоверение, иное удостоверение, подтверждающее статус лица и его принадлежность к одной из категорий, дающих право на получение льготы по уплате курортного сбора; студенческий билет; иные документы, подтверждающие статус лица и его принадлежность к одной из категорий, дающих право на получение льготы по уплате курортного сбора. Лица, которые сопровождают инвалидов I группы или детей-инвалидов, для подтверждения права на льготу предоставляют документ, который удостоверяет это лицо. Операторам курортного сбора необходимо иметь копии соответствующих документов, подтверждающих принадлежность к льготной категории.

12. Ежегодно, не позднее 1 апреля, начиная с года, следующего за годом введения курортного сбора, Совет министров Республики Крым представляет в Государственный Совет Республики Крым сведения о ходе эксперимента в порядке, установленном Государственным Советом Республики Крым;

13. Ответственность за нарушение положений настоящего Закона и иных нормативных правовых актов Республики Крым, связанных с проведением эксперимента, в том числе ответственность операторов курортного сбора за нарушения порядка и сроков исчисления, взимания и перечисления курортного сбора в бюджет Республики Крым устанавливается в соответствии с Законом Республики Крым от 25 июня 2015г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» [17].

14. В связи с чем, предлагается внести изменения и дополнения в Закон Республики Крым от 25 июня 2015г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» в части установления административной ответственности за неисполнение действующего законодательства в сфере установления и введения курортного сбора в Республике Крым, как для граждан, пребывающих в объектах размещения на территориях Республики Крым, входящих в территорию эксперимента, в виде штрафа в размере от 500 до 2000 руб. в случае неуплаты курортного сбора; так и для операторов курортного сбора: в случае нарушения порядка и сроков исчисления, взимания и перечисления курортного сбора в виде штрафа – для ИП в размере от 2000 до 5000 руб., для юридических лиц в размере от 5 000 до 15 000 руб.

Таким образом, указанные изменения позволят более эффективно и качественно урегулировать правоотношения в сфере установления, введения, взимания и перечисления курортного сбора в Республике Крым, а также отношения по осуществлению регионального государственного контроля за соблюдением федерального и регионального законодательства в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, и привлечения к ответственности за нарушение требова-

ний и норм федерального и регионального законодательства в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры.

Список литературы

1. Евсикова Е. В. К вопросу о введении курортного сбора (общие методические рекомендации для плательщиков и операторов курортного сбора в Республике Крым) / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2018. № 6 (121). – С. 142-144.
2. Джанжугазова Е. А. Курортный сбор в фокусе общественной дискуссии // Е. А. Джанжугазова // Российские регионы: взгляд в будущее. Экономика и экономические науки. – 2018 Т. 5 № 1. – С. 99-113.
3. Алиев Б. Х. Правовые возможности и проблемы введения экологического налога в Российской Федерации / Б.Х. Алиев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2014. - Вып. 2. - С. 43-46.
4. Арсланбекова А. З., Амиров Н. З. Проблемы повышения налоговой культуры населения Дагестана / А. З. Арсланбекова, Н. З. Амиров // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2014. - Вып. 2. - С. 47-48.
5. Иванова М. Д. Отдельные аспекты необходимости и значимости налогового администрирования / М.Д. Иванова // Вестник БГУ. Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. - Улан-Удэ. - 2018. Выпуск 1. - С. 44-47.
6. Осипова Г. М. Нормативно-правовая база как важнейший фактор повышения эффективности финансового контроля / Г.М. Осипова // Вестник БГУ. Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. - Улан-Удэ. - 2017. Выпуск 4. - С. 63-70.
7. Алиева Э. Б. Анализ норм давности привлечения к налоговой ответственности / Э.Б. Алиева / Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2016. - Вып. 2. - С. 59-63.
8. Беломестнов В. Г., Цыденов О. Д. Формирование новой экономической политики регионов / В. Г. Беломестнов, О. Д. Цыденов // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. - Улан-Удэ. - Выпуск № 1. 2015. - С. 11-18.
9. Санковец А. А. Транзитивность российской экономики как важное условие в разработке региональной экономической политики / А.А. Санковец // Вестник БГУ. Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. - Улан-Удэ. - Выпуск № 3. 2015. - С. 32-39.
10. Мхитарян В. С., Ваңчикова Е.Н. Прогнозы в системе регионального управления: цели и задачи / В.С. Мхитарян, Е.Н. Ваңчикова // Вестник БГУ. Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. - Улан-Удэ. - Выпуск № 4. 2015. - С. 62-69.
11. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.garant.ru/1125891/>.
12. Берлин С. И., Уберия А. Р. О целесообразности введения курортного сбора // С.И. Берлин, А.Р. Уберия // Юридические науки. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://cyberpedia.su/1x3fa8.html>.
13. Евсикова Е. В. Некоторые вопросы внесения изменений и дополнений в налоговое и административно-деликтное законодательство Российской Федерации за правонарушение в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. – 2018. № 8 (123). – С. 69-71.
14. Закон Республики Крым от 30 ноября 2017 года № 435-ЗРК/2017 "О введении курортного сбора". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://rg.ru/2017/12/05/krim-zakon435-reg-dok.html>.
15. Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/.
16. Евсикова Е.В. Проблемы законодательного урегулирования введения курортного сбора в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 2 (69). С. 143-161.
17. Закон Республики Крым от 25 июня 2015г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://rk.gov.ru/file/pub/pub_256272.pdf.

Evsikova E.V., Tikhomaeva V.S. To the question of improvement of the legislation of the Republic of Crimea regarding carrying out the experiment on development of resort infrastructure // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 272–281.

In article the research and the analysis of category "resort collecting" and also a position of the different representatives of domestic jurisprudence investigating problems and consequences of introduction and collection of resort collecting in the Russian Federation and its subjects - the Republic of Crimea, the Altai, Krasnodar and Stavropol regions is conducted. The purpose of the present article is studying and the analysis of the standard and legal base regulating questions of carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea by establishment, collection and transfer of a payment for use of resort infrastructure – resort collecting. The author opens basic provisions of the Law of the Republic of Crimea of November 30, 2017 No. 435-ZRK/2017 "About introduction of resort collecting" and comes to a conclusion about need of the completion and improvement of the majority of provisions specified the Law. On the basis

of the carried-out analysis the author develops recommendations about improvement of settlement of legal relationship in the sphere of carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea by establishment, collection and transfer of resort collecting by entering of corresponding changes and additions into the Law of the Republic of Crimea of November 30, 2017 No. 435-ZRK/2017 "About introduction of resort collecting" and the Law of the Republic of Crimea of June 25, 2015 No. 117-ZRK/2015 "About administrative offenses in the Republic of Crimea" that will allow to provide better and effective carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea.

Keywords: Resort collecting; payment for use of resort infrastructure; an experiment on development of resort infrastructure; Republic of Crimea.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V. K voprosu o vvedenii kurortnogo sbora (obshhie metodicheskie rekomendacii dlja platel'shhikov i operatorov kurortnogo sbora v Respublike Krym) / E.V. Evsikova // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. № 6 (121). – S. 142-144.
2. Dzhanzhugazova E.A. Kurortnyj sbor v fokuse obshhestvennoj diskussii // E.A. Dzhanzhugazova // Rossijskie regiony: vzgljad v budushhee. Jekonomika i jekonomicheskie nauki. – 2018 T. 5 № 1. – S. 99-113.
3. Aliev B.H. Pravovye vozmozhnosti i problemy vvedenija jekologicheskogo naloga v Rossijskoj Federacii / B.H. Aliev // Juridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2014. - Vyp. 2. - S. 43-46.
4. Arslanbekova A.Z., Amirov N.Z. Problemy povyshenija nalogovoj kul'tury naselenija Dagestana / A.Z. Arslanbekova, N.Z. Amirov // Juridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2014. - Vyp. 2. - S. 47-48.
5. Ivanova M.D. Odel'nye aspekty neobhodimosti i znachimosti nalogovogo administrirovanija / M.D. Ivanova // Vestnik BGU. Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment. - Ulan-Udje. - 2018. Vypusk 1. - S. 44-47.
6. Osipova G.M. Normativno-pravovaja baza kak vazhnejshij faktor povyshenija jeffektivnosti finansovogo kontrolja / G.M. Osipova // Vestnik BGU. Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment. - Ulan-Udje. - 2017. Vypusk 4. - S. 63-70.
7. Alieva Je.B. Analiz norm davnosti privlechenija k nalogovoj otvetstvennosti / Je.B. Alieva / Juridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2016. - Vyp. 2. - S. 59-63.
8. Belomestnov V.G., Cydenov O.D. Formirovanie novoj jekonomicheskopolitiki regionov / V.G. Belomestnov, O.D. Cydenov // Vestnik BGU. Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment. - Ulan-Udje. - Vypusk № 1. 2015. - S. 11-18.
9. Sankovec A.A. Tranzitivnost' rossijskoj jekonomiki kak vazhnoe uslovie v razrabotke regional'noj jekonomicheskopolitiki / A.A. Sankovec // Vestnik BGU. Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment. - Ulan-Udje. - Vypusk № 3. 2015. - S. 32-39.
10. Mhitarjan V.S., Vanchikova E.N. Prognozy v sisteme regional'nogo upravlenija: celi i zadachi / V.S. Mhitarjan, E.N. Vanchikova // Vestnik BGU. Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment. - Ulan-Udje. - Vypusk № 4. 2015. - S. 62-69.
11. Federal'nyj zakon ot 29 ijulja 2017 goda № 214-FZ «O provedenii jeksperimenta po razvitiju kurortnoj infrastruktury v Respublike Krym, Altajskom krae, Krasnodarskom krae i Stavropol'skom krae». [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.garant.ru/1125891/>.
12. Berlin S.I., Uberija A.R. O celesoobraznosti vvedenija kurortnogo sbora // S.I. Berlin, A.R. Uberija // Juridicheskie nauki. [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://cyberpedia.su/1x3fa8.html>.
13. Evsikova E.V. Nekotorye voprosy vnesenija izmenenij i dopolnenij v nalogovoe i administrativno-deliktnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii za pravonarushenija v sfere provedenija jeksperimenta po razvitiju kurortnoj infrastruktury / E.V. Evsikova // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. № 8 (123). – S. 69-71.
14. Zakon Respubliki Krym ot 30 nojabrja 2017 goda № 435-ZRK/2017 "O vvedenii kurortnogo sbora". [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://rg.ru/2017/12/05/krim-zakon435-reg-dok.html>.
15. Federal'nyj zakon ot 26 dekabrja 2008 goda № 294-FZ "O zashhite prav juridicheskich lic i individual'nyh predprinimatelej pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolja (nadzora) i municipal'nogo kontrolja" (s izmenenijami i dopolnenijami). [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/.
16. Evsikova E.V. Problemy zakonodatel'nogo uregulirovanija vvedenija kurortnogo sbora v Respublike Krym, Altajskom, Krasnodarskom i Stavropol'skom krajah / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. 2017. T. 3. № 2 (69). S. 143-161.
17. Zakon Respubliki Krym ot 25 ijunja 2015g. № 117-ZRK/2015 «Ob administrativnyh pravonarushenijah v Respublike Krym» (s izmenenijami i dopolnenijami). [Jelektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://rk.gov.ru/file/pub/pub_256272.pdf.

УДК 342.97

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ, А ТАКЖЕ В
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ**

Мазур С. Ф.

Научно-исследовательский Центр Академии управления МВД России

Предметом исследования является российское административное законодательство о праве организаций, об организации высшего образования и организации работы высших учебных заведений, а также научная юридическая литература и правоприменительная практика по данным вопросам. Цель работы - совершенствование подготовки этих работников и обучения в бакалавриате, специалитете, магистратуре и аспирантуре. В научной статье освещаются меры по повышению качества нормативного обеспечения подготовки студентов и научно-педагогических работников, а также противодействия коррупции путем повышения объективности оценки их учебно-квалификационных, научно-квалификационных работ, научных статей и диссертаций, в том числе с помощью информационной системы «Антиплагиат». Предлагаются также пути развития российского законодательства по улучшению подготовки специалистов, а также редакционно-издательской деятельности высшей школы. В частности, предлагается полный либо частичный отказ от обучения студентов в бакалавриате с заменой его специалитетом. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию подготовки диссертаций (прежде всего магистерских), и иных научных и научно-квалификационных работ, а также запрет на прием в магистратуру лиц, ранее получивших непрофильное для данной специальности высшее образование (бакалавра либо специалиста).

Ключевые слова: бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура адъюнктура), повышение объективности оценки учебно-квалификационных, научно-квалификационных работ, научных статей и диссертаций, проверка оригинальности (идентичности) текстов научных работ, оценка качества подготовки студентов и научно-педагогических сотрудников, информационные системы «Антиплагиат».

Одной из важнейших и трудноразрешимых проблем российской высшей школы является противодействие коррупции во всех звеньях ее деятельности. По данным председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина, больше всего коррупции в таких сферах, как правоохранительная, образование и наука, здравоохранение [5]. Трудно рассчитывать на повышение качества работы высшей школы в случае непринятия достаточных и системных мер по наведению должного порядка в ее деятельности (в том числе и по противодействию коррупции, что является обязательным и неотъемлемым условием плодотворной учебной и научно-исследовательской работы). Бесспорна необходимость ужесточения требований при подготовке специалистов высшей квалификации и наведения порядка в процессе подготовки и защиты учебных и научно-квалификационных работ, а также защиты диссертаций всех уровней. В настоящее время все научные статьи и иные работы, подготовленные для

публикации, рефераты и курсовые работы, а также выпускные квалификационные работы и все виды диссертаций подвергаются предварительной проверке оригинальности их текста различными информационными системами «Антиплагиат». Кроме того, большинство диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук заранее публикуются в сети Интернет, там же – отзывы оппонентов, ведущей организации и развернутое заключение экспертов по результатам проверки работы через систему «Антиплагиат». Однако неупорядоченность этих проверок часто влекут грубые нарушения в объективности оценок самостоятельности проверяемых работ и, как следствие, к коррупции этого важного и необходимого процесса.

Общеизвестно, что одним из основных факторов подготовки научно-педагогических работников и магистрантов является организация их творческого труда. Одним из основных критериев творческого потенциала профессорско-преподавательского состава, а также научных работников и студентов, признаются опубликованные ими научные работы. Существенным условием этого предполагается правильная оценка качества произведенной ими научной работы. При этом подавляющее большинство их письменных работ (включая научные статьи, различные учебно- и научно-квалификационные работы, диссертации и т.п.) подвергается проверке на оригинальность (идентичность текста; то, что неточно называют антиплагиатом). Нисколько не подвергая сомнению принципиальную позицию законодателя и правоприменителей (научно-исследовательских учреждений, ВУЗов, а также редакций научных изданий) о необходимости самостоятельности работы автора любого творческого труда, хотелось бы поставить вопрос об объективности критериев оценки такой самостоятельности. Во-первых, очевидно то, что любой плагиат недопустим и в случае его установления в работе (даже в самых незначительных количествах) она должна получить общую негативную оценку. Бесспорна необходимость ужесточения требований при подготовке специалистов высшей квалификации и наведения порядка в процессе присвоения ученых степеней и званий. Но это не дает оснований для ломки самой системы подготовки данных специалистов (как общеизвестно, одной из лучших в мире). Вместе с тем необходимо сказать об ограниченных возможностях повышения качества научно-исследовательских работ посредством их проверки на идентичность текста (через так называемые информационные системы «Антиплагиат»). Во-первых, почему «так называемые». Дело в том, что их обобщающее наименование «Антиплагиат» неудачно и нелегитимно. Анализируемые системы помогают выявлять идентичность, оригинальность проверяемых текстов, самостоятельность работы автора, использование автором цитирования используемых им произведений (причем часто с применением всех норм о цитировании), но отнюдь не всегда плагиат [11, с. 497] – например потому, что эти информационные системы признают не идентичными и не оригинальными тексты, содержащие цитаты или изложение чужого научного материала (даже с соблюдением всех правил цитирования – а как же тогда анализировать иные мнения ученых и практиков и даже научные

школы?), а также текст нормативных правовых актов, актов применения права (изданных, в частности, высшими судебными инстанциями страны), или ранее изданные или защищенные собственные авторские работы (тексты диссертаций или научных публикаций самого автора, на которых часто основывается конечная авторская научная работа). Кстати, любая правовая научная работа предполагает изучение и анализ нормативных правовых актов и актов применения права (которые тоже иногда приходится цитировать, что, естественно, снижает процент идентичности рассматриваемой научной работы). Главным же недостатком анализируемых информационных систем является их несовершенство, выражающееся, в том числе, в их недостаточной системности, разобщенности, неузаконенности. Возникает обоснованный вопрос - какие именно из данных информационных систем возможно и необходимо использовать и каково их собственное качество? Но самым сложным представляется установление второго критерия недостаточной самостоятельности работы автора – уровня цитирования и заимствования в его печатном труде (включая самоцитирование, а также - какова нормативная база для этого?). Очень широкий круг правоприменителей (ВУЗы, НИИ, редакции научных изданий и др.) использует для проверки самостоятельности печатной работы автора различные, не сертифицированные информационные системы «Антиплагиат», по-разному определяющие степень оригинальности (идентичности) анализируемой научной работы. Главным же недостатком таких проверок представляется то, что на законодательном уровне не определено применение конкретных (и часто меняющихся) данных информационных систем, а также, самое главное – правила их применения. Причем уровень оригинальности (идентичности) текста научной либо учебно-квалификационной работы самостоятельно утверждается руководителем заинтересованного учреждения (обычно в границах между шестьдесятю и восьмидесяти пятью процентами). И здесь напрашивается простой вопрос – почему в качестве показателя самостоятельности труда автора устанавливается именно тот либо иной ее уровень? – Казалось бы, и ответ на этот вопрос такой же простой и также лежит на поверхности – побудить потенциальных авторов большую часть работы произвести самостоятельно, без излишних заимствований, цитирований и т.п. - Однако все не так просто; значительная часть научной работы по гуманитарной дисциплине (например, по юриспруденции) как раз и состоит в изучении, обобщении и творческом анализе огромного числа научных источников, российского и зарубежного законодательства, материалов опубликованной судебной и иной правоприменительной практики и т.д., а также может (а иногда и должна – в преддверии будущей защиты диссертации) использовать материалы собственных ранее опубликованных научных работ (тех, где отражены результаты ранее произведенного ими исследования) – апробация предлагаемого исследователем научного материала.

Думается, что в зависимости от направленности такой работы и того, носит ли она преимущественно теоретический либо практический характер, ее идентичность (оригинальность, исходя из современной терминологии

гии и, главное, критериев оценки) в отдельных случаях может составлять и менее 50%. Главное, чтобы выводы, предложения автора (и особенно их доказательная база!) были при этом авторскими, самостоятельными, творческими и обязательно несли в себе достаточный элемент научной новизны.

Может быть, существенным подспорьем при установлении достаточной самостоятельности представленных научных либо научно-квалификационных работ авторов могло бы стать избрание (для осуществления этой цели) в научно-исследовательских учреждениях, ВУЗах либо в научных издательствах численно небольших, но, что особенно важно, высококвалифицированных коллективов узких специалистов по тематике анализируемых работ (как это уже происходит при защите диссертаций в ВУЗах, получивших право самостоятельного присвоения ученых степеней), которые (вооружившись самыми современными технологиями) и определяли бы действительный уровень самостоятельности и оригинальности творческой работы автора?

Естественно, что механизм и процедура установления идентичности (оригинальности) таких работ должна быть законодательно закреплена, соответствовать Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» [2] (так же, как и информационные системы, определяющие оригинальность (идентичность) текста данных работ, должны быть сертифицированы в установленном законе порядке). А кроме того, использование таких информационных систем могло бы существенно помочь самим авторам при предварительной проверке идентичности подготовленных ими научных работ.

Нельзя сказать, что ничего (либо почти ничего) не делается по совершенствованию вышеуказанной деятельности учреждений высшей школы – наоборот, последние изменения в структуре федеральных органов исполнительной власти [3] говорят о важных преобразованиях в управлении наукой и высшей школой в нашей стране. Создание федерального Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, руководство деятельностью которого осуществляет Правительство РФ (и передача ему полномочий упраздненного Федерального агентства научных организаций – ФАНО) очевидно призваны повысить роль науки и высшей школы в развитии экономики. Нельзя не упомянуть также об осуществлении долгожданных изменений в оплате труда работников государственных ВУЗов, произошедшее недавно (в соответствии с майскими, 2012 года, указами Президента России). Хочется только отметить, что эти изменения пока затронули только государственные ВУЗы и практически не реализовались в многочисленных негосударственных высших учебных заведениях России.

Одним из приоритетов разрешения системных проблем экономики России ее Президент, В.В. Путин, в своем ежегодном послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. назвал подготовку кадров и создание мощной научно-технологической базы [10]. Правительству предлагается серьезно пересмотреть правовую базу контрольно-надзорной деятельности и с 1 января 2021 г. прекратить действие всех существующих в настоящее

время нормативных актов в сфере контроля, надзора и ведомственных региональных приказов, писем и инструкций. За оставшиеся два года при участии делового сообщества нужно обновить нормативную базу, сохранить только те документы, которые отвечают современным требованиям, остальные – сдать в архив [10].

Председатель правления Ассоциации юристов России В. С. Груздев сообщил подробности готовящейся реформы системы контроля и надзора. Программа реформ объединяет 12 контрольно-надзорных органов, включает более 25 видов контроля, сопровождает деятельность четырех федеральных органов исполнительной власти – Минэкономразвития, Минюста, Минкомсвязи и Минтруда, а также региональных органов власти [9]. Снижение нагрузки на предпринимателей и пересмотр требований к ним является одним из ключевых вызовов, стоящих перед страной, решение которого способно обеспечить экономический прорыв. По словам премьер-министра России Д. А. Медведева на проходившем 15 января 2019 г. Гайдаровском форуме, «на выходе мы должны получить современные нормы, которые будут понятны для как бизнеса, так и для контрольно-надзорных органов, а результатом является прозрачная система контроля, которая нацелена на решение задач безопасности потребителей, и на ускорение экономического роста» [7].

В России создается цифровая экономика и инструменты, ее обеспечивающие – правовые основы для регулирования отношений в ней. Однако на фоне технологизации и роботизации управленческих процессов многих управленцев (и, в частности, юристов) беспокоит судьба их собственной профессии и рабочих мест. Существует ряд прогнозов, от оптимистических до самых пессимистичных о том, что юристов заменят роботы. По словам директора Института законодательства и сравнительного правоведения, при Правительстве России Талии Ярулловны Хабриевой, информационные технологии не губят профессию, а открывают новые возможности. По мнению академика Хабриевой, компьютеры могут выполнять ряд типовых юридически значимых процедур, в том числе подготовку различного рода документов, и стать, следовательно, эффективным помощником юриста. Однако возможности использования роботов в юридической профессии все же ограничены серийными операциями [8].

Работники науки и высшей школы ждут и иных конкретных шагов, существенно меняющих как условия их труда, так и сам процесс подготовки научно-педагогических работников и студентов. Речь прежде всего идет о соответствии подготовки специалистов высшей квалификации в нашей стране принципам так называемой «Болонской системы образования», к которой Россия присоединилась. Прежде всего нужно сказать, что системы высшего образования, существующие в различных странах Западной и Восточной Европы, имеют значительные отличия в зависимости от потребностей и возможностей этих стран. Поэтому слепая экстраполяция принципов Болонской системы высшего образования вряд ли является разумной, а если еще учесть огромный положительный опыт, наработанный научными учреждениями и высшей школой нашей страны за советские и постсовет-

ские годы (который необходимо использовать как можно шире!), то и весьма сомнительной.

Действующая сейчас в нашей стране система подготовки специалистов высшей школой не раз подвергалась жесткой и справедливой критике. Так, прежнее руководство Минобрнауки РФ (О.Ю. Васильева) и нынешнее руководство ряда ведущих ВУЗов страны (например, ректор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий) неоднократно высказывались о необходимости продления сроков обучения в бакалавриате (говорили даже об ошибочности присоединения России к Болонской системе образования). На проходившем 7-8 декабря 2016 г. в Московском государственном университете конгрессе «Инновационная практика: наука плюс бизнес» ректор МГУ В.А. Садовничий заявил, что переход России на Болонскую систему образования (четыре года бакалавриата, плюс два – магистратура) был ошибкой. Образование в высшей школе должно составлять, по его мнению, пять, даже шесть лет [6].

По совершенно справедливому мнению ректора Финансового университета при правительстве РФ М. А. Эскиндарова, если мы хотим сохранить в стране единое образовательное пространство, новому министерству необходимо упорядочить работу с федеральными государственными образовательными стандартами. Именно стандартами, а не примерными образовательными программами. Сегодня каждый ВУЗ формирует учебные планы не на основе ФГОС и даже примерных программ, а по наличию кадров и собственных пожеланий... Министерству науки и высшего образования РФ следует заняться упорядочением устойчивого нормативного обеспечения – слишком устали ВУЗы от постоянных, иногда противоречивых в своем содержании, нормативных и методических изменений, непосредственно влияющих на образовательный процесс и его качество не в лучшую сторону [4].

Проанализировав вышесказанное можно сказать, что если мы даже не возвратимся к вполне (на мой взгляд) оправдавшему себя специалитету (который сохранился в ВУЗах России крайне недостаточно), то чем, по сути, пятилетнее получение образования в бакалавриате будет отличаться от такого же по продолжительности получения образования в специалитете? – Разве только более низкой престижностью и другими негативными последствиями для выпускников (не секрет, что именно такое отношение к бакалавриату как у самих выпускников и их близких, так и у потенциальных работодателей бакалавров, которые не хотят их брать на работу, требующую высокого уровня профессиональной подготовки). Мы очень мало продвинулись вперед в деле повышения роли подготовки специалистов в бакалавриате, в основном дальше разговоров об этом дело не пошло. Очень немногие ВУЗы фактически продлили срок обучения в бакалавриате (в конце концов редкий ВУЗ сам может продлить этот срок). Очевидно, что необходимо принять принципиальное и законодательное решение по данному очень важному для всей системы подготовки специалистов высшей квалификации в России вопросу, а именно – либо в принципе отказаться от такого по сути неполноценного способа получения высшего образования,

как бакалавриат (а его получает едва ли не три четверти выпускников средних школ страны!), заменив его специалитетом, либо фактически уравнивать бакалавриат со специалитетом (сохранив при этом их действующие наименования).

Кстати, если мы пойдем на эти очень непростые реформы системы образования в высшей школе (что само по себе потребует весьма значительных организационных и финансовых затрат, а также много времени!), то сможем частично решить проблему повышения качества магистерской подготовки в ВУЗах. В современных условиях большинство наших выпускников бакалавриата вынуждены рано или поздно идти в магистратуру, чтобы получить полноценный диплом о высшем образовании. А если мы сделаем так, что диплом бакалавра нового образца (со сроком обучения не менее пяти лет, хотя это и далеко не единственный показатель качества подготовки специалистов высшей школы) станет таким же полноправным, как и диплом специалитета, то многим выпускникам-бакалаврам и не понадобится обучение в магистратуре (по крайней мере в первые годы после выпуска). По моему мнению, магистратура призвана в первую очередь готовить либо научно-педагогических работников (как первая ее часть перед аспирантурой), либо будущих руководителей – управленцев высшего звена, а это штучный товар, их много не бывает. Таким образом, мы смогли бы не только реализовать одну из задач магистратуры – повышение качества подготовки специалистов в ней, но и снизить затраты на нее (так как тогда магистратура смогла бы значительно сократить число обучающихся в ней).

Все вышеназванные (и многие другие!) меры могли бы поспособствовать повышению качества нормативного обеспечения работы ВУЗов, объективности оценки учебно-квалификационных, научно-квалификационных работ, научных статей и диссертаций, оригинальности (идентичности) их текста и, в конечном счете, правильной оценке уровня и качества подготовки студентов, научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава ВУЗов, аспирантов (адъюнктов), докторантов и соискателей.

Вместе с тем не будем забывать и о том, что в нашей стране основным предназначением ВУЗов всегда рассматривалась именно подготовка специалистов, а не написание научных статей (которые международные рейтинги ВУЗов относят сейчас едва ли к основному показателю уровня и качества их научного труда). Безусловно, без серьезной научной работы невозможно обеспечить должное качество подготовки студентов, аспирантов (адъюнктов), докторантов, соискателей и магистрантов (да и самих научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава ВУЗов тоже). Таким образом, написание научных статей – важный (но далеко не единственный и даже не самый главный) способ такой подготовки (подготовка научных статей – только одна из составных частей проведения научного исследования, и мы знаем много других способов проведения такого исследования). Поэтому думается, что при оценке качества творческих достижений научно-педагогического работника либо студента, акцент дол-

жен быть смещен в сторону других, более значимых результатов произведенного ими исследования.

Теперь относительно конкретных шагов по повышению качества подготовки магистрантов и одного из важнейших показателей итогов произведенной ими работы - магистерской диссертации. Мы работаем в существующей ситуации по подготовке специалистов высшей квалификации и поэтому, помимо критики существующего порядка подготовки данных специалистов, должны в первую очередь прилагать максимум усилий для повышения качества подготовки магистрантов с любым базовым образованием. Так, помимо целого ряда юридических дисциплин юридического профиля, учебные программы подготовки магистрантов предусматривают такие учебные курсы, как научно-исследовательский семинар, научно-исследовательская практика и научно-педагогическая практика, на изучение которых отводится значительное число часов аудиторной нагрузки. Как известно, в настоящее время во многом утрачена разработанная советской школой юриспруденции идея неразрывности теории и практики при подготовке правоведов. В этой связи представляется необходимым, во-первых, значительно усилить практическую составляющую подготовки будущих магистров и магистерских диссертаций, а, во-вторых, – вспомнить хорошую практику преподавания выпускникам юридических ВУЗов таких специальных учебных курсов, как «Проблемы гражданского права», «Проблемы уголовного права», «Проблемы административного права» и др. учебных курсов соответствующей специализации. Очевидно, что программы этих научно-исследовательских учебных курсов должны содержать многие темы вышеназванных учебных дисциплин, тем более что преподавание данных курсов – важный способ повышения квалификации будущих магистров, не имеющих базового юридического образования. Таким образом, преподавание вышеназванных дисциплин – один из немногих резервов подготовки магистров, которые нам необходимо всесторонне задействовать.

Однако очевидно и то, что это только полумеры и преподаваемый студентам и слушателям в процессе их обучения в магистратуре ряд дисциплин юридического профиля ни в коей степени не заменит им полный курс подготовки специалистов высшей квалификации, который дается специалистам за весь курс обучения по системе «бакалавр (специалист) – магистр». Подготовка магистрантов, даже специалистов с высшим непрофильным образованием и работающих по специальности, преподаваемом в данном ВУЗе, в течение двух – двух с половиной лет (в зависимости от формы обучения), очевидно не способна заменить подготовку специалистов высшей квалификации в течение шести – семи лет (даже обучение бакалавров или специалистов на базе иного высшего образования требует минимум 3 – 3,5 лет). По моему глубокому убеждению, магистерская подготовка должна осуществляться только в отношении лиц, уже имеющих соответствующее профильное высшее образование (уровня бакалавра либо специалиста, как это уже осуществляется в высших медицинских учебных заведениях). Поэтому автором настоящей научной статьи предлагается за-

конодательно закрепить запрет на прием в магистратуру лиц, ранее получивших непрофильное для данной специальности высшее образование (бакалавра либо специалиста - ведь не должно быть более либо менее важных специальностей, при получении образования, по которым возможна профанация, так как это происходит сейчас при получении высшего образования). Такое принципиальное решение необходимо принять и внести соответствующие изменения в Федеральный закон России «Об образовании» (видимо, в его ст. 10 «Структура системы образования»). Принятие государством такого концептуального решения способно существенно повысить не только качество получаемого в нашей стране высшего образования, но и обеспечить противодействие коррупции как в механизме его получения, так и в дальнейшей работе специалистов с высшим образованием.

Как известно, магистерская диссертация является высшей формой исследовательской письменной работы, выполняемой магистрантом в процессе обучения в ВУЗе. Она завершает подготовку и показывает профессиональный уровень магистранта и способность грамотно решать теоретические и практические задачи. Основной целью магистерской диссертации по проблематике темы исследования является систематизация и углубление теоретических и практических знаний обучающегося в конкретной области знаний, анализ имеющихся в рамках исследуемой темы проблем и обоснование предложений по их разрешению. Важнейшими требованиями к автору магистерской диссертации являются: полнота освещения и глубина научного анализа исследуемой проблемы; умение выходить на теоретические обобщения, делать практические выводы, вносить аргументированные рекомендации и предложения; логически последовательное изложение материала; обоснованность предложений по совершенствованию правового регулирования исследуемых отношений и практики реализации правовых норм; использование достоверного практического материала и нормативных актов, действующих в последней редакции; владение современными приемами поиска, отбора, обработки и использования материалов информационных правовых баз данных; умелая аргументация своей позиции по дискуссионным проблемам темы магистерской диссертации. Очень важно нормативно закрепить основные требования, предъявляемые к магистерской диссертации и к ее оформлению (а для профессорско-преподавательского состава еще и ее основные отличия как от ранее защищаемых дипломных работ специалистов, так и от защищаемых в настоящее время диссертаций, представляемых на соискание ученой степени кандидата юридических наук). Важным является установление структуры магистерской диссертации (особенно ее введения и заключения), ее примерного объема и, главное, глубины произведенного исследования. Дискуссию часто вызывают требования, предъявляемые в самостоятельной научно-исследовательской деятельности магистранта, осуществляемой в рамках подготовки магистерской диссертации, и к тому, в чем должны выражаться ее результаты; необходимость публикаций магистранта в научных изданиях; его участия и выступлений на научно-практических семинарах, конференциях и др.; формулировании признаков научной новизны ис-

следования, произведенного магистрантом и основных положений исследования, выносимого на защиту (и даже порядок, процедура проведения такой защиты и критерии ее оценки).

В настоящее время в нашей стране только каждый третий-четвертый выпускник аспирантуры идет на защиту диссертации и ему присваивается в случае ее успеха ученая степень кандидата наук. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не закрепляет защиту диссертации (в случае успешного окончания обучения в аспирантуре - адъюнктуре) в качестве обязательного его (обучения в аспирантуре – адъюнктуре) элемента. Очевидно, что государство в первую очередь должно стимулировать ВУЗы и НИИ в сфере подготовки и защиты диссертаций, но и немалое значение имеет и стимулирование самих аспирантов (адъюнктов) приложить все усилия для достижения искомой цели – подготовки и защиты качественного научно-исследовательского труда. А для этого условия жизни и научной деятельности аспирантов (а также и требования к достигнутым ими научным результатам) должны быть значительно улучшены. Думается, гораздо рентабельнее было бы сокращение числа обучающихся в аспирантуре (адъюнктуре) при одновременном повышении ее научной результативности. А одним из важнейших показателей работы как ВУЗов и НИИ в целом, так и отдельных их подразделений, а также научных руководителей должны не на словах, а на деле стать данные о защищаемости диссертаций, подготовленных в них либо под их научным руководством. Причем эта заинтересованность должна быть, в том числе, и материальной (также, как и в случаях низкой научной результативности как самих научных подразделений, так и отдельных ученых). Очевидно, что научная результативность научного сотрудника либо профессорско-преподавательского состава должна существенно влиять на оплату труда данных работников.

Повышению качества научных исследований могло бы также послужить введение аналога принятых на Западе системы ученых званий DBA (доктор бизнес-администрирования) и DPA (доктор государственного управления). Это, наверное, помогло бы разгрузить научное сообщество от избыточного давления нынешних многочисленных соискателей ученых степеней из сферы как крупного предпринимательства, так и сферы государственного управления, на диссертационные советы (не секрет, что для представителей этих сфер присвоение ученых степеней является высоко престижным и введение вышеуказанных ученых званий помогло бы снизить данную нагрузку на научное сообщество).

Все вышеназванные (и многие другие!) меры могли бы поспособствовать повышению качества нормативного обеспечения работы ВУЗов и издательств, публикующих научные труды, объективности оценки учебно-квалификационных, научно-квалификационных работ, научных статей и диссертаций, оригинальности (идентичности) их текста и, в конечном счете, правильной оценке уровня и качества подготовки студентов, научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава ВУЗов, аспирантов (адъюнктов), докторантов и соискателей. При оценке качества всех названных научных и квалификационных работ часто возникает конфликт

интересов заинтересованных должностных лиц и лиц, исполняющих управленческие функции в ВУЗах и издательствах высшей школы. Под конфликтом интересов (согласно ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции») понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) обязанного лица влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное осуществление им своих полномочий [1].

Приходится констатировать значительный уровень коррупциогенности учебной, научно-исследовательской и издательской деятельности высшей школы нашей страны. Так, нынешний массовый выпуск магистрантов большинством ВУЗов страны представляется еще одним показателем несовершенства (а значит и потенциальной коррупциогенности) современной высшей школы России. Представляется, что названные выше меры по совершенствованию проверок самостоятельности результатов работ всех видов научной, учебной, научно-исследовательской и издательской деятельности (и другие вышеназванные законодательные и правоприменительные средства) помогут наведению должного порядка в работе высшей школы, но этого, думается, недостаточно – необходимо в первую очередь существенное улучшение морально-психологического климата среди как самих обучающихся, так и профессорско-преподавательского и редакторского состава. Участившиеся в последние месяцы сообщения о противодействии коррупции во всех социальных слоях общества (в том числе и самих высших) служит, как представляется, веским доказательством серьезности намерений общества и государства в наведении порядка в стране, предотвращении коррупции и других злоупотреблений во всех сферах нашей общественной жизни, и думается, что российская высшая школа не может и не должна оставаться в стороне от этого плодотворного очистительного процесса.

Список литературы:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ//Сборник законодательства РФ. 2008. №52. Ст. 6228, 2017. № 15. Ст. 2139.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ//Сборник законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
3. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 15 мая 2018 г. № 215//Российская газета. 2018. 17 мая.
4. Березина Е. ВУЗы должны опережать практику: интервью «Российской газете» ректора Финансового университета при правительстве РФ М. А. Эскиндарова // Российская газета. 2018. 8 июня.
5. Козлова Н. Что впоследствии (интервью с А. И. Бастрыкиным) // Российская газета. 2016. 13 декабря.
6. Колесникова К. Ректор МГУ назвал ошибкой переход вузов на четырехлетнее обучение // Российская газета. 2016. 8 декабря.
7. Кузьмин В. Надзор без нагрузки // Российская газета. 2019. 16 января.
8. Куликов В. Участники процессов смогут знакомиться с делами в режиме онлайн// Российская газета. 2018. 5 июля.
9. Куликов В. Пришел, увидел, наказал / Почему надо менять систему контроля и надзора за бизнесом (интервью с Председателем правления Ассоциации юристов России В. Груздевым) // Российская газета. 2019. 22 февраля.
10. Нацпроект – сильная, комфортная Россия: Ежегодное Послание Федеральному Собранию Президента РФ В.В. Путина 20 февраля 2019 г.//Российская газета. 2019. 21 февраля.

11. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (главный редактор) и Л.С. Шаумяна. – М., 1964.

Sergey Mazur. Certain issues in the fight against corruption in the training of specialists, as well as in publishing activities in higher education institutions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 282–293.

The subject of the research is the Russian administrative legislation on the law of organizations, on the organization of higher education and on the organization of work of higher educational institutions, as well as scientific legal literature and law enforcement practice on these issues. The purpose of the work is to improve the training of these workers and training in bachelor, specialty, master and postgraduate studies. The scientific article covers measures to improve the quality of regulatory support for the training of students and scientific and pedagogical workers, as well as countering corruption by increasing the objectivity of evaluating their educational, scientific, and qualifying works, scientific articles and dissertations, including using the "Antiplagiat". It also suggests ways of developing Russian legislation to improve the training of specialists, as well as editorial and publishing activities of higher education. In particular, it offers a full or partial refusal to train students in undergraduate with the replacement of his specialty. Concrete measures are proposed to improve the preparation of dissertations (primarily master's), and other scientific and scientific qualification works, as well as a ban on admission to the magistracy of persons who have previously received a non-core higher education (bachelor or specialist) for this specialty.

Keywords: bachelor degree, specialty, magistracy, postgraduate (adjunct), improving the objectivity of the evaluation of educational and research qualification works, scientific articles and dissertations, verification of originality (identity) of texts of scientific works, evaluation of the quality of training students and scientific-pedagogical staff, Antiplagiat information systems.

Spisok literatury:

1. O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj zakon RF ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ//Sbornik zakonodatel'stva RF. 2008. №52. St. 6228, 2017. № 15. St. 2139.
2. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ//Sbornik zakonodatel'stva RF. 2012. № 53 (chast' I). St. 7598.
3. O strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: ukaz Prezidenta RF ot 15 maya 2018 g. № 215//Rossijskaya gazeta. 2018. 17 maya.
4. Berezina E. VUZy dolzhny operezhat' praktiku: interv'yu «Rossijskoj gazete» rektora Finansovogo universiteta pri pravitel'stve RF M. A. Eskinjarova // Rossijskaya gazeta. 2018. 8 iyunya.
5. Kozlova N. CHto vposledstvii (interv'yu s A. I. Bastrykinym) // Rossijskaya gazeta. 2016. 13 dekabrya.
6. Kolesnikova K. Rektor MGU nazval oshibkoj perekhod vuzov na chetyrehkhetnee obuchenie // Rossijskaya gazeta. 2016. 8 dekabrya.
7. Kuz'min V. Nadzor bez nagruzki // Rossijskaya gazeta. 2019. 16 yanvarya.
8. Kulikov V. Uchastniki processov smogut znakomit'sya s delami v rezhime onlajn// Rossijskaya gazeta. 2018. 5 iyulya.
9. Kulikov V. Prishel, uvidel, nakazal/Pochemu nado menyat' sistemu kontrolya i nadzora za biznesom (interv'yu s Predsedatelem pravleniya Associacii yuristov Rossii V. Gruzdevym) // Rossijskaya gazeta. 2019. 22 fevralya.
10. Nacproekt – sil'naya, komfortnaya Rossiya: Ezhegodnoe Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Prezidenta RF V.V. Putina 20 fevralya 2019 g.//Rossijskaya gazeta. 2019. 21 fevralya.
11. Slovar' inostrannyh slov / Pod red. I.V. Lekhina, S.M. Lokshinoj, F.N. Petrova (glavnyj redaktor) i L.S. SHAumjana. – М., 1964.

УДК 347.63

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Некрасова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы. Анализируется семейное законодательство некоторых стран Европы в вопросах возникновения родительских прав и обязанностей, деятельность Комиссии по европейскому семейному праву, некоторые документы Совета Европейского Союза и решения Европейского Суда по правам человека. Следует отметить, что в европейских странах существуют различные подходы к основаниям и порядку приобретения родительских прав и обязанностей лицами, не состоящими в браке, способам их осуществления и прекращения. Охарактеризованы и проанализированы основные модели приобретения родительских прав отцами, не состоящими в браке. Следует заметить, что в некоторых европейских странах возможность получения родительских прав во внесудебном порядке зависит от одобрения матери ребенка. Разнообразие подходов к этим вопросам, обнаруживается в законодательстве различных европейских стран.

Ключевые слова: родительские права, родительские обязанности, семейное законодательство, отцовство, брак, законодательство европейских стран.

Юридическим фактом, на основании которого возникают правоотношения между родителями и детьми, является происхождение детей от родителей. Биологическая связь между родителем и ребенком является наиболее распространенной основой приобретения родительских прав и обязанностей, но не выступает решающим правовым фактором. Распространенной является концепция социального отцовства и материнства, в которой родительские правоотношения рассматриваются не только как биологические, но и как социальные. Важнейшим элементом родительского правоотношения является готовность родителей, принять своих детей и выполнять родительские обязанности. В европейских странах существуют различные подходы к основаниям и порядку приобретения родительских прав и обязанностей, способам их осуществления и прекращения. Разнообразие подходов к этим вопросам, обнаруживается в законодательстве различных европейских стран.

Родительские обязательства, в странах Европы, направлены на защиту прав и благополучие детей и охватывают, как правило: право на совместное проживание с ребенком и его воспитание, право на доступ к ребенку, управление имуществом ребенка и осуществление представительства ребенка. Подразумевается, что родительские обязательства должны осуществляться в наилучших интересах ребенка, уважая его и способствуя росту зрелости и самостоятельности. Такое понимание содержания родительских прав и обязанностей было одобрено и подкреплено международными нормативными актами. Наиболее значимыми из которых являются: Конвенция о защите прав человека и основных свобод [1],

Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мерах по защите детей, которая указывает, что «что первоочередное внимание должно уделяться наилучшим интересам ребенка» [2], Регламент № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000» [3], который определяет термин «родительские обязанности», как все права и обязанности в отношении лица или имущества ребенка, которыми физическое или юридическое лицо наделено судебным решением, указанием законодательного акта или имеющим юридическую силу соглашением, термин включает определение прав на совместное проживание с ребенком и воспитание, а также право на доступ к ребенку. Кроме этого, важное значение в понимании содержания родительских прав и обязанностей вносят прецеденты Европейского суда по правам человека. Большой вклад в развитие науки семейного права в Европе был внесен благодаря работе ученых в области семейного и сравнительного права, проводимой Комиссией по европейскому семейному праву. Основная цель Комиссии по европейскому семейному праву заключается в теоретической и практической работе в направлении гармонизации семейного права в Европе, анализе современного состояния сравнительных исследований по гармонизации семейного права в европейских странах, поиск, на общей основе, решений ряда правовых проблем семейного законодательства [4]. В 2007 г. Европейская комиссия по семейному праву разработала Принципы европейского семейного права, касающиеся родительских прав и обязанностей (Principles on Parental Responsibilities). Указанные принципы определяют родительские обязательства таким образом – это совокупность прав и обязанностей, направленных на поддержание и защиту благополучия ребенка. Они включают, в частности: уход, защиту и образование, поддержание личных отношений, определение места жительства ребенка, управление его имуществом и юридическое представительство [5].

Основной темой для юридических исследований родительских обязательств в Европе являются многочисленные трудности, связанные с разнообразием семейных моделей в современном европейском обществе и обязательством общества признавать права детей и улучшать их благосостояние. Эти обстоятельства влияют на принятие решений об установлении родительских обязательств, их разграничении на различные группы, наделение ими третьих лиц, способы их осуществления и прекращения [6, с. 286].

В настоящее время, принято считать, что обязательства по заботе о детях и их воспитанию возлагаются, в равной степени, на обоих родителей. Конвенция о правах ребенка закрепляет принцип общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка (статья 18) [7] и обязывает государства прилагать все усилия для обеспечения его признания. Однако, единодушное принятие этой идеи, не означает безоговорочного автоматического возложения родительских обязанностей на обоих родителей, во всех странах Европы, сразу после того, как отцовство и материнство были юридически установлены. В этом контексте, можно провести различие между двумя распространенными типами правовых конструкций:

Первый тип - законодательные конструкции, которые возлагают родительские права и обязанности на обоих родителей, на общей основе, вследствие установления происхождения ребенка от матери и отца. К таким странам относятся: Бельгия, Чехия, Франция, Хорватия, Испания, Италия, Венгрия, Польша, Дания. В России, также, применяется такой принцип установления родительских обязательств.

Второй тип - законодательные конструкции, в которых существует различие в правовом положении отцов детей, рожденных в браке и вне брака. К таким государствам относятся: Австрия, Финляндия, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария. В этих странах законодательство, практически, не предусматривает автоматического возложения родительских обязательств на отцов, которые не состоят в браке с матерями своих детей, связывая такой подход с тем, что в отсутствие брака, степень готовности отцов брать на себя ответственность и сотрудничать с матерями в воспитании детей может сильно отличаться, а в некоторых случаях может вообще отсутствовать. По этой причине, приобретение родительских прав и обязанностей со стороны отца, не состоящего в браке с матерью ребенка, обусловлено наличием своеобразного «разрешающего» показателя, которым, чаще всего, является согласие матери ребенка. Таким образом, закон, возлагает родительские обязательства на отца, если он вступит в брак с матерью ребенка, если родители достигли соглашения по вопросу об общих родительских правах и обязанностях, либо следуя из определенного поведения (например, имя отца записывается в свидетельстве о рождении ребенка). Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что такое строгое отношение к не состоящим в браке отцам, с целью выявления лиц, на которых могут быть возложены родительские права и обязанности, является дифференциацией, которая уважает принцип пропорциональности и, следовательно, не является запрещенной формой дискриминации [6, с. 292-293]. Например, по законодательству Финляндии не состоящий в браке отец, получает опеку над ребенком на основании соглашения с матерью. Предварительным условием для этого является установленное отцовство не состоящего в браке отца. Обычно, не состоящая в браке пара, заключает соглашение о совместной опеке вскоре после рождения ребенка. После утверждения соглашения о совместной опеке родителей, их положение ничем не отличается от положения родителей, состоящих в браке. В то же время, отец, не состоящий в браке, может получить родительские права и обязанности по решению суда, если он не может достичь соглашения с матерью ребенка. Оба родителя имеют право подать в суд заявление об опеке или праве на доступ к ребенку. Суд может передать опекунство обоим родителям совместно или одному из них, как он считает, в соответствии с наилучшими интересами ребенка [8].

Таким образом, если мать против общих родительских прав и обязанностей, национальные законы, обычно, предоставляют отцу альтернативный вариант получения родительских обязательств, посредством судебного решения. Однако, следует заметить, что правовые системы Германии и Австрии, ранее отвергали и эту альтернативу, основываясь на том, что присуждение совместных родительских прав и обязанностей против воли одного из родителей имеет больше недостатков, чем преимуществ, и может противоречить наилучшим интересам ребенка.

Этот подход, вызвавший большую критику, был окончательно отвергнут ЕСПЧ в делах Цаунеггер против Германии (*Zaunegger v. Germany*, 2009) [9] и Спорер против Австрии (*Sporer v. Austria*, 2011) [10]. В частности, в деле Цаунеггер против Германии, Европейский Суд отметил, что в отсутствие совместного заявления родителей ребенка, законно и правильно передавать родительские права, первоначально, матери с целью обеспечения с момента рождения ребенка, наличие лица, которое действует от имени ребенка. Возможны уважительные причины для отказа в признании за отцом родительских прав, если это угрожает благополучию ребенка. Однако, эти соображения не применялись в деле заявителя: его отцовство было удостоверено с самого начала, он проживал с ребенком более пяти лет и, впоследствии, осуществлял контакты и обеспечивал обычные потребности дочери. Несмотря на это, законодательство лишило его возможности требовать судебного решения по вопросу о том, отвечало ли интересам ребенка совместное осуществление родительских прав. В этой связи, Европейский Суд не согласен с тем, что совместное осуществление родительских прав и обязанностей вопреки желанию матери рассматривалось, как не соответствующее интересам ребенка. Хотя в Европе отсутствует согласие по вопросу о том, имеют ли не состоящие в браке с матерью ребенка отцы, право требовать совместных родительских прав и обязанностей в отсутствие согласия матери, общая позиция большинства государств, по-видимому, заключается в том, что решения о присуждении родительских обязательств должны отвечать интересам ребенка и подлежать судебному контролю в случае конфликта между родителями [9]. Следуя этим суждениям, Австрия и Германия изменили закон, что позволило отцам, не состоящим в браке с матерями обших детей, получить родительские права и обязанности, полностью или частично, посредством судебного решения.

Если говорить о предлагаемом Европейской комиссией по семейному праву направлении развития законодательства стран Европы о родительских правах и обязанностях, то Принципы европейского семейного права, касающиеся родительских прав и обязанностей, предлагают такой подход: родители, чье отцовство и материнство юридически установлено, должны иметь родительские права и обязанности по отношению к ребенку, без каких-либо ограничений. Это положение сочетается с полномочиями компетентных органов по отстранению от исполнения родительских обязанностей, если поведение родителя или пренебрежение этими обязанностями создает серьезную угрозу для личности или имущества ребенка и с возможностью установления единоличной опеки над ребенком по соглашению между родителями или по решению компетентного органа [5]. Безусловно, если интересы ребенка требуют установления ограничений в отношении статуса одного из родителей, то предпочтительнее ограничить или отменить его или её родительские правомочия, а не исключать его или её из сферы родительских обязательств с самого начала.

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.04.2019).
2. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Заклучена в г. Гааге 19.10.1996) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 32. Ст. 4297.

3. Регламент № 2201/2003 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) N 1347/2000» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.04.2019).
4. History. URL: <http://ceflonline.net/history> (дата обращения: 08.04.2019).
5. Principles of European Family Law regarding parental responsibilities. URL: <http://ceflonline.net/principles> (дата обращения: 08.04.2019).
6. European Family Law. Volume III. Family Law in European Perspective / Ed. by Jens M. Scherpe. Edward Elgar Publishing. 2016. P. 286.
7. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.04.2019).
8. National report: Finland. URL: <http://ceflonline.net/parental-responsibility-reports-by-jurisdiction/> (дата обращения: 08.04.2019).
9. Zaunegger v. Germany (№ 22028/04). URL: <http://base.garant.ru/12177733> (дата обращения: 08.04.2019).
10. Sporer v. Austria (№ 35637/03). URL: http://www.menschenrechte.ac.at/orig/11_1/Sporer.pdf (дата обращения: 08.04.2019).

Nekrasova E. V. Some features of the emergence of parental rights and duties in Europe // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 294–298.

The article is devoted to a comparative legal study of the emergence of parental responsibilities in Europe. The family legislation of some European countries is analyzed in questions of emergence of parental rights and obligations. Besides this, the activity of the Commission on European Family Law, some documents of the Council of the European Union and the decisions of the European Court of Human Rights are analyzed. It should be noted, that in European countries have a different approaches to the grounds and procedure of acquiring parental responsibilities for unmarried persons, for the methods of their implementation and termination. The main models of the acquisition of parental rights by unmarried fathers are characterized and analyzed in this article. It should be noted, that in some European countries, the possibility of obtaining parental rights in an extrajudicial manner depends on the approval of the mother of the child. A variety of approaches to these issues are found in the legislation of various European countries.

Keywords: parental rights, parental responsibilities, family law, paternity, marriage, legislation of European countries.

Spisok literaturey:

1. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 08.04.2019).
2. Konventsiya o yurisdiktsii, primenimom prave, priznanii, ispolnenii i sotrudnichestve v otnoshenii roditel'skoy otvetstvennosti i mer po zashchite detey (Zaklyuchena v g. Gaage 19.10.1996) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. - 2013. - № 32. - St. 4297.
3. Reglament № 2201/2003 Soveta Yevropeyskogo Soyuzа «O yurisdiktsii, priznanii i privedenii v ispolneniye sudebnykh resheniy po semeynym delam i delam ob obyazannostyakh roditeley, otmenyayushchiy Reglament (YES) N 1347/2000» // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 08.04.2019).
4. History. URL: <http://ceflonline.net/history> (data obrashcheniya: 08.04.2019).
5. Principles of European Family Law regarding parental responsibilities. URL: <http://ceflonline.net/principles> (data obrashcheniya: 08.04.2019).
6. European Family Law. Volume III. Family Law in European Perspective / Ed. by Jens M. Scherpe. Edward Elgar Publishing. 2016. P. 286.
7. Konventsiya o pravah rebenka (odobrena General'noy Assambleyey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 08.04.2019).
8. National report: Finland. URL: <http://ceflonline.net/parental-responsibility-reports-by-jurisdiction> (data obrashcheniya: 08.04.2019).
9. Zaunegger v. Germany (№ 22028/04). URL: <http://base.garant.ru/12177733> (data obrashcheniya: 08.04.2019).
10. Sporer v. Austria (№ 35637/03). URL: http://www.menschenrechte.ac.at/orig/11_1/Sporer.pdf (data obrashcheniya: 08.04.2019).

УДК: 332.7

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ

Орлова Т. А., Клименко К. В., Клименко М. Н.,

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматриваются институциональные и эколого-землеустроительные аспекты проблемы утилизации твердых коммунальных отходов. Проанализированы состояние проблемы и общие тенденции формирования системы обращения с отходами в Российской Федерации и Республики Крым на современном этапе.

Авторами внесены предложения о совершенствовании правовых, регуляторных, пространственно-территориальных составляющих рационального землепользования системы обращения с отходами.

Ключевые слова: правовое регулирование обращения с отходами, стратегия экологической безопасности, экологические правонарушения, система обращения с отходами, экологические и градостроительные ограничения, рациональное землепользование, территориальная схема обращения с отходами, экотехнопарки.

Одной из наиболее острых экологических проблем Российской Федерации является увеличение объема образования отходов производства и потребления. Отсутствие эффективной системы переработки отходов обуславливает их накопление на полигонах и несанкционированных свалках, что формирует неблагоприятную (часто опасную) экологическую обстановку с негативным воздействием на качество окружающей среды и деградацией возобновляемых природных ресурсов. В России по данным Росприроднадзора функционирует 2620 полигонов для захоронения муниципальных отходов, зафиксировано 11193 крупных стихийных свалок, которые характеризуются отсутствием требуемой технологии складирования отходов, природоохранных мероприятий и контроля за состоянием объекта. По состоянию на 2018 год в Республике Крым функционируют 28 полигонов твердых коммунальных отходов (далее ТКО), в Севастополе эксплуатируется 1 общегородской полигон, расположенный в Первомайской балке в районе города Инкерман [10].

Общественная Палата Российской Федерации приводит данные 2017 года, согласно которым «перерабатывается (обрабатывается, сортируется и утилизируется) в среднем от 4 до 7 % твердых коммунальных отходов от общего объема образованных твердых коммунальных отходов 56 – 65 млн. тонн» [9]. Согласно официальной статистике Минприроды Крыма в 2017 г. в Крыму из селитебных зон было вывезено 3532,2 тыс. м³ твердых бытовых отходов, из них на предприятия по переработке - 64,4 тыс. м³, оставшийся объем отходов был принят на полигоны. В г. Севастополь в 2017 году было образовано 16,3 тыс. т отходов производства и потребления. Степень использования данных отходов составила менее 1% от количества их образования, остальные поступили на городской полигон.

Опрос общественного мнения показал, что на сегодняшний день в сфере экологии проблема обращения с отходами является наиболее конфликтной, что побуждает население организовывать протестные акции, которые при провокационных манипуляциях приобретают политическую окраску. Наиболее масштабные «мусорные» конфликты развиваются в Московском регионе, Татарстане, Башкортостане, Республике Коми, Ставропольском крае, Владимирской, Воронежской, Ленинградской, Нижегородской, Новосибирской, Самарской, Тверской, Челябинской и Ярославской областях, Сочи, Владивостоке [9].

В Республике Крым не менее остро обозначена проблема обращения с отходами, которая в значительной мере связана с наличием в границах населенных пунктов закрытых, но высоконагружаемых в ретроспективе полигонов ТКО, легальных и стихийных свалок. Следует сделать акцент на том, что в каждом поселении Крыма имеется от 1 до 3 закрытых и не эксплуатируемых полигона/легитимной свалки, которые занимают площадь от 1 до 20 га в зависимости от объемов отходов и величины населенного пункта [8, 10].

Сфера обращения с отходами регулируется значительным количеством нормативных правовых актов, которые коррелируются с земельным, экологическим, градостроительным законодательством. Базовым законодательным актом является Федеральный закон №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 г. (с поправками от 31.12.2017 г.), определяющий основные понятия, принципы и приоритетные направления государственной политики в указанной области, полномочия в соответствии с иерархией государственной структуры, вопросы нормирования, учета, надзора и ответственности за нарушение законодательства [3]. Нормативное обеспечение безопасного обращения с отходами производства и потребления и охраны природных ресурсов содержится в Земельном кодексе Российской Федерации, Водном кодексе Российской Федерации, Градостроительном кодексе Российской Федерации, Законе Российской Федерации от 21.02.1992 №2395-1 «О недрах», в федеральных законах от 24.04.1995 №52-ФЗ «О животном мире» и от 04.05.1999 №96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [1, 2]. Дальнейшее развитие вопросы регулирования деятельности в сфере отходов получили в ряде подзаконных нормативных правовых актов, изданных Правительством Российской Федерации, а также уполномоченными федеральными органами исполнительной власти.

Органами прокуратуры Российской Федерации ежегодно выявляются более 280 тыс. правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, из которых около 40 % составляют нарушения законодательства об отходах [6]. Классификация наиболее распространенных нарушений позволяет выделить следующие их типичные виды в эколого-землеустроительном контексте:

- «нарушения установленных запретов на размещение отходов в границах населенных пунктов, в водоохраных зонах, на озелененных территориях;
- эксплуатация объектов захоронения отходов, не соответствующих экологическим и санитарно-эпидемиологическим требованиям;
- непринятие мер администрациями городских округов и сельских поселений по ликвидации несанкционированных свалок, ненадлежащее осуществление муниципального земельного контроля» [6].

Одним из распространенных на территории Республики Крым (РК) видом нарушений требований законодательства и рационального землепользования является загрязнение земель твердыми коммунальными отходами. Внимания заслуживает тот факт, что большинство мест захоронения отходов в Крыму расположено в недопустимой близости от жилой застройки, водных объектов, пригородных лесов, сельскохозяйственных земель. Так, городской полигон в Симферополе (выведен из эксплуатации в 2016 г.) находится на расстоянии 150–300 м. от дачной и усадебной застройки при требуемом законодательством санитарных разрывах в 500 м.

Выявление мест складирования отходов на определенной территории эффективно осуществлять путем распознавания этих объектов на спутниковых снимках. Процесс распознавания свалок на данных спутниковой съемки включает методы визуального и автоматизированного дешифрирования. Следует отметить, что анализ данных дистанционного зондирования (ДДЗ) дает возможность не только выявить месторасположения свалок, но и позволяет оперативно собрать необходимую базу данных для проведения мероприятий по их ликвидации.

По результатам скрининговой оценки территории Сакского района Республики Крым нами было выявлено 8 стихийных свалок (рис. 1). Общая площадь под свалками составила 17,19 га. Анализ полученной информации проводился путем дешифрирования объектов, расположенных вокруг них в радиусе защитной зоны 500 м. Распознавание объектов, осуществлялось визуально на основе прямых и косвенных дешифровочных признаков. В результате были выявлены свалки, плотно примыкающие к жилой застройке (рис. 2), водным объектам (рис. 3), открытым горным выработкам (рис. 4), сельскохозяйственным угодьям (рис. 5).

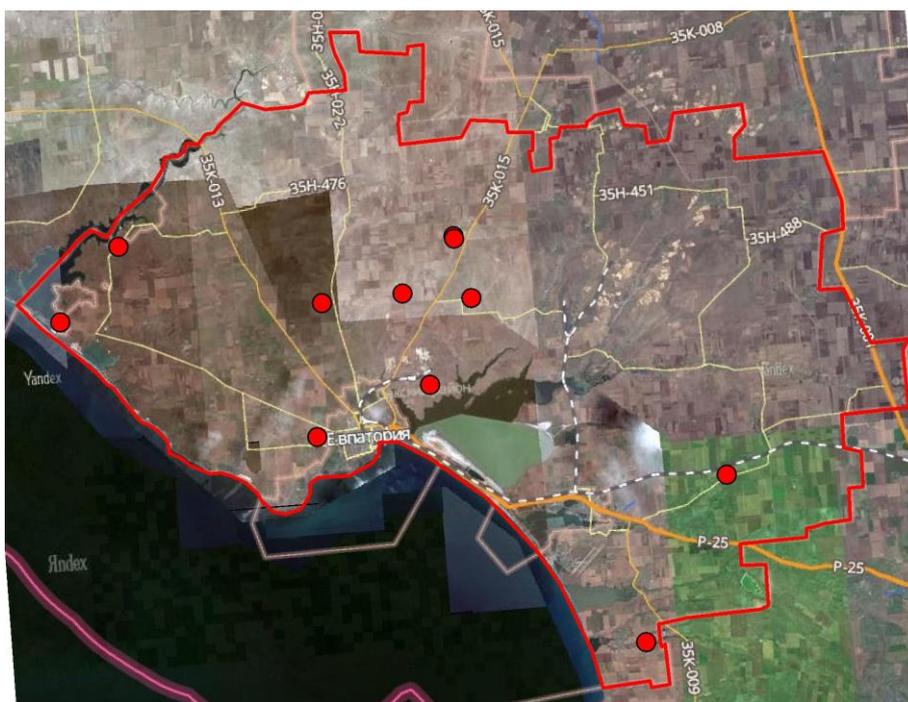

Рис. 1. Схема распространения свалок ТКО на территории Сакского района РК по результатам визуального дешифрирования космоснимков

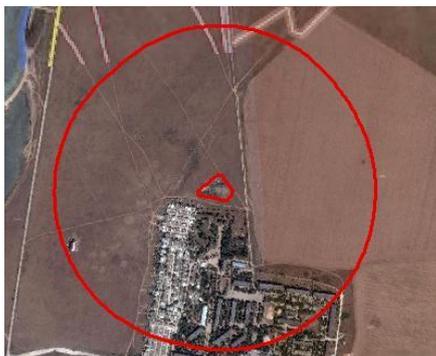

Рис. 2. Свалка на границе с жилой застройкой

Рис. 3. Свалка, примыкающая к водному объекту

Рис. 4. Свалка, расположенная вблизи карьера

Рис. 5. Свалки, примыкающие к сельскохозяйственным угодьям

На изображениях территорий, примыкающих к некоторым из выявленных свалок ТКО, были распознаны характерные признаки водной и ветровой эрозии.

Использование космических снимков в выявлении экологических правонарушений позволяет точно идентифицировать местоположение свалок ТКО, анализировать динамику их площади, осуществлять земельный и экологический контроль за проведением мероприятий по ликвидации объектов и последующей рекультивацией земельных участков.

«Стратегией экологической безопасности на период до 2025 года», «Стратегией развития промышленности обработки, утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления на период до 2030 года», Государственной программой «Охрана окружающей среды» установлены показатели-индикаторы стратегического развития Российской Федерации в сфере обращения с отходами. Так, уровень утилизации твердых коммунальных отходов – 80% к 2030 году, уровень захоронения – 10% к 2030 году [4]. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1589-р от 25.07.2017 г. [5] в соответствии со ст. 12 № ФЗ-89 от 24.06.1998 «Об отходах производства и потребления» с 1 января 2019 г. на полигонах ТКО запрещено захо-

ронение отходов бумаги картона и бумажной упаковки, шин и покрышек, полиэтилена и полиэтиленовой упаковки, стекла и стеклянной тары, а так же ряда других отходов, в состав которых входят полезные компоненты.

Межрегиональное Управление Росприроднадзора по Республике Крым и г. Севастополю официально вынесло предостережение администрациям полигонов ТКО в Республике Крым об обязательности соблюдения данных требований. Это означает, что существующие полигоны будут освобождены от значительной нагрузки на них, что потенциально продлевает срок их эксплуатации и позволяет использовать существующий земельный участок без расширения или предоставления новых площадей. В то же время, выполнение требований указанного норматива обуславливает строительство разветвленной сети мусоросортировочных и мусороперерабатывающих предприятий дифференцированной мощности, которые будут являться стержнем региональной переработки отходов, что требует поиска и выделения земельных участков требуемого качества и площади. Данные предприятия целесообразно сгенерировать в экотехнопарки и рассматривать их как multifunctional площадки глубокой переработки отходов и использования вторичных ресурсов.

Министерство промышленности и торговли РФ устанавливает следующую дефиницию: «экотехнопарк – это объединенный энергетическими и взаимозависимыми материально-сырьевыми балансами и связями комплекс объектов, включающий в себя здания и сооружения, технологическое и лабораторное оборудование, используемые в деятельности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления, и обеспечивающий непрерывную переработку отходов производства и потребления и производство на их основе промышленной продукции, а также возможность осуществления научной, исследовательской и/или образовательной деятельности» [4]. Ожидается, что внедрение технологий глубокой переработки отходов позволит увеличить отбор вторичных материальных ресурсов из ТКО с 10 % до 70–80 % [4].

При проектировании сети экотехнопарков и определении приоритетов в технологиях рециклинга в Республике Крым необходимо, на наш взгляд, принимать во внимание внутривладельческую специализацию территориально-планировочных районов Крыма (что обуславливает различия в морфологическом составе отходов и их объеме), различие природно-климатических, инженерно-геологических и гидрологических условий, поскольку неоднородность Крыма (Северный, Западный, Южный, Восточный) с выраженным многообразием локальных факторов требует не универсального, а уникального подхода к внедрению инновации.

Анализ документов территориального планирования Республики Крым (схема территориального планирования РК, схемы территориального планирования по муниципальным районам РК, генеральных планов округов и поселений) и Территориальной схемы по обращению с отходами показывает, что документы ориентированы на иные подходы к формированию отходоперерабатывающей отрасли в Республике Крым и опираются на кластерный подход с проектированием разрозненных предприятий по сортировке, переработке и сжиганию отходов. Значительное количество предприятий по обращению с отходами требует такого же количества земельных участков нормативного качества, что не может рассматриваться как оптимальное с

позиций рационального землепользования. Территориальная консолидация предприятий, связанных единым энергопроизводственным циклом, в рамках инновационных экотехнопарков более прогрессивна в контексте управления земельными ресурсами и выделении зон специального назначения для размещения экотехнопарков, в том числе при необходимой трансформации земель.

Необходимо отметить, что недостатки указанного планирования присущи многим территориальным схемам по обращению с отходами в субъектах Российской Федерации. Так, в Докладе Общественной палаты Российской Федерации [9] отмечается, что «у субъектов нет единого подхода к разработке территориальных схем. Субъекты подошли к разработке территориальных схем формально. Запланированы невысокотехнологичные объекты и полигоны». В связи с этим, необходимо выполнить корректировку схем до 1 января 2020 года, обсуждение территориальных схем должно проходить публично, а сами территориальные схемы должны проходить экологическую экспертизу.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации:

- необходимо формирование комплексной системы обращения с твёрдыми коммунальными отходами на основе отказа от захоронения отходов, имеющих ресурсную ценность, ликвидации свалок и рекультивации их земельных участков, внедрении рециклинга отходов и экономической мотивации отходоперерабатывающей деятельности;
- развитие сети экотехнопарков как территорий глубокой переработки отходов с выпуском новой товарной продукции, имеющей рыночную ценность;
- разработка отраслевых нормативных и технических документов по проектированию и созданию разноплановых предприятий и комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, в том числе экотехнопарков, с разработкой регламентации по выбору и предоставлению земельных участков требуемого качества и площади в зависимости от мощности и специфики предприятия;
- корректировка территориальных схем обращения с отходами, в том числе коммунальными, в соответствии с изменениями в законодательстве и опорой на инновационные технологии в сфере обращения с отходами;
- предусмотреть в документах территориального планирования муниципального уровня Республики Крым (схемы территориального планирования районов, генеральные планы округов и поселений) формирование земельных участков в зонах специального назначения для объектов обращения с отходами с соответствием с решениями территориальной схемы по обращению с отходами РК.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 03.02.2019).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 03.02.2019).
3. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления" (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 03.02.2019).
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 января 2018 г. № 84-р. Стратегия развития промышленности обработки, утилизации, обезвреживания отходов производства потребления на период до 2030 года.

5. Распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2017 г. № 1589-р. Перечень видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается.
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Методические рекомендации по организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об обращении с отходами производства и потребления. № 74/3-34-2018 от 28.12.2018 г.
7. Байнова М.С. Земельные конфликты в процессе градостроительной деятельности // Конфликтология: ежеквартальный научно-практический журнал. – СПб, 2015. – №1. – С. 161-181.
8. Клименко К.В. Мониторинг распространения стихийных свалок твердых коммунальных отходов в Республике Крым / К.В. Клименко, Т.А. Орлова // Вестник факультета землеустройства Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – СПб, 2017. – №3. – С.26-29.
9. Общественная палата Российской Федерации. Доклад «Анализ эффективности мер по обеспечению переработки твердых коммунальных отходов и предложения по обеспечению учета мнения граждан Российской Федерации при строительстве объектов, используемых для переработки указанных отходов», Москва, 2018 - 173с.
10. Orlova T. Reclamation of landfills and dumps of municipal solid waste in a energy efficient waste management system: methodology and practice / T. Orlova, A. Melnichuk, K. Klimenko, V. Vitvitskaya, etc // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science 90 (2017) 012110. IOP Publishing. doi :10.1088/1755-1315/90/1/012110.

Orlova T.A., Klimenko K.V., Klimenko M.N. The environmental and legal substantiation of rational land use in the waste management system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 299–305.

The institutional, environmental and land management aspects of the problem of disposing of municipal solid waste are considered in the article. The state of the problem and general trends in the formation of the waste management system in the Russian Federation and the Republic of Crimea are analyzed at the present stage.

Proposals on improving the legal, regulatory, spatial and territorial components of the rational land use of waste management system were made by the authors.

Keywords: legal regulation of waste management, the strategy of ecological safety, environmental offences, waste management system, environmental and urban constraints, rational land use, territorial scheme of waste management, ecotechnoparks.

Spisok literatury:

1. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>. (data obrashcheniya: 03.02.2019).
2. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 190-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>. (data obrashcheniya: 03.02.2019).
3. Federal'nyj zakon ot 24 iyunya 1998 g. № 89-FZ "Ob othodah proizvodstva i potrebleniya" (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>. (data obrashcheniya: 03.02.2019).
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25 yanvarya 2018 g. № 84-r. Strategiya razvitiya promyshlennosti obrabotki, utilizacii, obezvrezhivaniya othodov proizvodstva potrebleniya na period do 2030 goda.
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25 iyulya 2017 g. № 1589-r. Perechen' vidov othodov proizvodstva i potrebleniya, v sostav kotoryh vkhodyat poleznye komponenty, zahoronenie kotoryh zapreshchaetsya.
6. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. Metodicheskie rekomendacii po organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva ob obrashchenii s othodami proizvodstva i potrebleniya. № 74/3-34-2018 ot 28.12.2018 g.
7. Bajnova M.S. Zemel'nye konflikty v processe gradostroitel'noj deyatel'nosti // Konfliktologiya: ezhekvartal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – SPb, 2015. – №1. – S. 161-181.
8. Klimenko K.V. Monitoring rasprostraneniya stihijnyh svalok tverdyh kommunal'nyh othodov v Respublike Krym / K.V. Klimenko, T.A. Orlova // Vestnik fakul'teta zemleustrojstva Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – SPb, 2017. – №3. – S.26-29.
9. Obshchestvennaya palata Rossijskoj Federacii. Doklad «Analiz effektivnosti mer po obespecheniyu pererabotki tverdyh kommunal'nyh othodov i predlozheniya po obespecheniyu ucheta mneniya grazhdan Rossijskoj Federacii pri stroitel'stve ob"ektov, ispol'zuemyh dlya pererabotki ukazannyh othodov», Moskva, 2018 - 173s.
10. Orlova T. Reclamation of landfills and dumps of municipal solid waste in a energy efficient waste management system: methodology and practice / T. Orlova, A. Melnichuk, K. Klimenko, V. Vitvitskaya, etc // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science 90 (2017) 012110. IOP Publishing. doi :10.1088/1755-1315/90/1/012110..

УДК 347

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТА ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА С КОНСТРУКЦИЕЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА

Саркисян В. В.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена исследованию института переговоров о заключении договора и предварительного договора в системе гражданско-правовых обязательств. Юридическая природа данных правовых конструкций изучается с позиции их места в предмете гражданско-правового регулирования. Переговоры о заключении договора и предварительный договор рассматриваются как классические организационные отношения. Основное содержание исследования составляет анализ специфических особенностей предварительного договора и сравнение их с признаками, присущими переговорам о заключении договора. Данное направление дополняется изучением санкций за недобросовестное ведение или прерывание переговоров и нарушение условий предварительного договора, в том числе анализу подлежит категория убытков, а также возможность и способы установления неустойки. Анализируется возможность обеспечить исполнение обязательства по заключению основного договора задатком. Устанавливается допустимость заключения односторонне-обязывающего или возмездного предварительного договора. Выделяются и описываются характерные особенности предварительного договора и соглашения о порядке ведения переговоров, как двух самостоятельных разновидностей преддоговорных отношений. Автор приходит к выводу, что в законе отсутствуют препятствия для включения в предварительный договор условий, регулирующих порядок проведения переговоров.

Ключевые слова: переговоры о заключении договора, предварительный договор, основной договор, преддоговорные отношения, организационные отношения, свобода договора, соглашение о порядке ведения переговоров, задаток, убытки, неустойка.

Для всестороннего и комплексного изучения места и роли переговоров о заключении договора в системе гражданско-правовых отношений следует более детально изучить вопрос о соотношении рассматриваемого института со схожими правовыми конструкциями, при этом к последним могут быть отнесены так называемые организационные договоры, к которым непосредственно относится и предварительный договор.

Переговоры о заключении договора представляются специфическими, законодателем не поименованными, отношениями, которые по целому ряду причин сложно однозначно отнести к имущественным или личным неимущественным отношениям. Вместе с тем, в доктрине схожие с рассматриваемыми отношениями явления хорошо известны как организационные, которые еще в 1966 году впервые в своих работах выделил О. А. Красавчиков, определив их как отношения, складывающиеся из действий организационных (неимущественных), направленных на упорядочение отношений, связей, действий участников имущественного оборота [8, с. 163]. Интересным представляется взгляд А. В. Андрущенко, которая анализируя сущность рассматриваемых отношений приходит к выводу о необходимости внесения в статью 2 ГК РФ организационных отношений как самостоятельного элемента, так как рассматривая предмет гражданско-правового регулирования не находят в нем место такие договоры, как рамочный, предварительный и так далее, что приводит к оче-

видному несоответствию, так как раз эти договорные конструкции существуют в гражданском законодательстве, то они «не могут не входить в его предмет» [7].

Выделению организационных договоров в категоризации гражданско-правовых отношений по объекту способствовала трудность дифференциации их предмета в системе правового регулирования, соответственно, их нельзя однозначно отнести к имущественным или неимущественным, так как они играют роль координаторов и способствуют возникновению, исполнению, изменению или прекращению основных отношений и объектом организационных отношений является деятельность его субъектов, направленная не на прямой экономический результат, а на налаживание отношений для его скорейшего и эффективного достижения [10]. Организацию подобных правовых связей можно определить, как сочетание субъективных гражданских прав и обязанностей, которые являются мерой возможного или должного поведения для создания эффективного действующего механизма, в рамках которого будут возникать, развиваться и прекращаться имущественные отношения сторон [9, с. 24].

Поскольку выше было установлено, что переговоры о заключении договора относятся к организационным правоотношениям, постольку сравнивать их необходимо именно с теми институтами, которые также относятся к данному виду гражданских правоотношений, и направлены при этом на заключение договора. В доктрине среди так называемых организационных сделок традиционно выделяют предварительный договор, который также имеет общую с переговорами цель – заключение в будущем договора, однако имеются и существенные отличия между ними.

Так, предварительный договор предусматривает обязанности сторон заключить основной договор в будущем на условиях, установленных этим предварительным договором. Поэтому в таком договоре должны в обязательном порядке содержаться условия будущего основного договора, в частности, его предмет и иные условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Обязанность заключить основной договор обеспечивается возможностью для одной из сторон предварительного договора обратиться в суд с требованием о понуждении другой стороны к его заключению. В случае наличия разногласий сторон относительно условий основного договора такие условия определяются решением суда.

В отличие от этого участники переговоров не могут быть принуждены к вступлению в договорные отношения, так как в отсутствие предварительного договора или специального указания в законе обязанность заключить основной договор у них отсутствует, более того, правила о ведении переговоров применяются к ним независимо от заключения или не заключения договора.

Кроме того, предварительный договор имеет ряд других специфических особенностей, связанных с его организационным характером:

1. Предварительный договор должен быть заключен в той же форме, что и основной. Нарушение данного правила влечет ничтожность предварительного договора;

2. В предварительном договоре должен быть предусмотрен срок для заключения основного договора. Однако если стороны не определятся со сроком, действует установленное законом правило заключить основной договор в течение года с момента заключения предварительного;

3. Обязательства из предварительного договора прекращаются либо в случае не заключения основного договора в срок, установленный для его заключения, либо в случае, если одна из сторон не направит другой стороне предложение заключить основной договор до окончания указанного срока.

Ни один из вышеперечисленных признаков не присущ переговорам о заключении договора.

Во-первых, выбор формы ведения переговоров о заключении договора является прерогативой сторон, никаких жестких императивных правил на этот счет Гражданский кодекс РФ не предусматривает. Переговоры могут проводиться как на основе закона без заключения специального соглашения, так и с заключением в письменной форме соглашения о порядке их ведения. Другими словами, есть два вида формы ведения переговоров – внедоговорная и договорная, и то, какую из них выбрать, законодатель оставляет на усмотрение субъектов переговорных правоотношений.

Во-вторых, для возникновения, изменения и прекращения правоотношений, связанных с ведением переговоров о заключении договора, условие о сроке по общему правилу не имеет существенного значения. Конечно, участники переговоров могут заключить соглашение о ведении переговоров, в котором установят конкретные сроки проведения переговорных процедур и выполнения иных, в том числе, правоустанавливающих действий, например, срок для акцепта оферты. В целом же вопрос о сроках носит диспозитивный характер и зависит от воли участвующих в переговорах сторон.

В-третьих, как выше уже было сказано, переговорные правоотношения предается юридическое значение независимо от факта заключения договора в результате переговоров, поэтому в отличие от обязательств из предварительного договора обязательства из переговоров не прекращаются в случае, если стороны в итоге не придут к соглашению и не заключат договор.

Перечисленные отличия не меняют того, что в сущности рассматриваемые институты относятся к одному и тому же виду гражданских правоотношений, в связи с тем, что предварительный договор так же, как и переговоры принято относить к организационным правоотношениям, не порождающим непосредственных имущественных связей, а лишь опосредующим их. Суть его заключается не в установлении порядка перемещения хозяйственных ценностей (товаров, работ, услуг) между экономическими субъектами, но в определении и регламентации процедуры заключения такого договора, который бы отвечал указанным характеристикам и оформлял сложившиеся в гражданском обороте отношения. В доктрине отмечается, что предварительный договор имеет сугубо «юридическую» направленность, не обладая экономическим подтекстом до момента «превращения» его в основной.

Несмотря на неимущественный характер рассматриваемых отношений, в силу пункта 5 статьи 429, пункта 3 статьи 434.1 ГК РФ и нарушение прав стороны предварительного договора, и недобросовестное ведение или прерывание переговоров о заключении договора возлагают на нарушившее лицо обязанность по возмещению убытков той стороне, чьи права были нарушены [1.]. Правда, для участников переговоров убытки предусмотрены не в классическом виде, установленном статьей 15 ГК РФ, а в «усеченном» – поскольку упомянутый пункт 3 статьи 434.1 ГК РФ относит к убыткам лишь расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить

договор с третьим лицом. В предварительном договоре, напротив, никаких изъятий из общего правила о взыскании убытков нет, так как пункт 5 статьи 429, упомянут общий термин «убытки», как правило в таком смысле в контексте статей 15 и 393 ГК РФ, то есть убытки в полном объеме.

Кроме того, и участники переговоров, и стороны предварительного договора могут установить неустойку на случай нарушения обязательств, при этом в переговорах для этого требуется заключить соглашение о порядке их ведения. В отличие от статьи 434.1 ГК РФ норма о предварительном договоре, предусмотренная статьей 429 ГК РФ, напрямую не называет такую возможность для сторон. Тем не менее Президиум Высшего арбитражного суда РФ в постановлениях от 08.04.2014 № 16973/13 и от 12.02.2013 № 13585/12 неоднократно подтверждал, что такое право у сторон предварительного договора имеется [4, 5].

При анализе предварительного договора нельзя не отметить еще один, помимо неустойки, способ обеспечения исполнения обязательств сторон, который с 1 июня 2015 года стало возможно применять в рассматриваемых отношениях, а именно – задаток. С указанной даты вступила в силу норма, предусмотренная пунктом 4 статьи 380 ГК РФ, которая установила возможность обеспечить исполнение обязательства по заключению основного договора задатком на условиях, предусмотренных предварительным договором [1].

Указанная новелла была неоднозначно встречена в научных кругах, во многом по причине несоответствия ее неимущественному характеру отношений, складывающихся между сторонами предварительного договора. В частности, отмечалось, что поскольку организационные договоры направлены на упорядочение связей между участниками будущих, а не настоящих хозяйственных операций, и сами по себе не содержат имущественных обязательств, при этом задаток имеет своей целью обеспечивать именно имущественные обязательства, постольку предварительный договор обеспечить задатком нельзя. Ранее в практике Высшего арбитражного суда РФ сложилась аналогичная позиция, запрещавшая применение правил о задатке к отношениям из предварительного договора (постановление Президиума ВАС РФ от 19.01.2010 № 13331/09) [6]. Однако законодатель пошел по другому пути, и теперь обязанность заключить в будущем основной договор может быть обеспечена не только неустойкой, но и задатком. Данную позицию Верховный Суд РФ отразил в пункте 26 постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», подтвердив, что исполнение предварительного договора может обеспечиваться задатком и неустойкой [2].

Как говорилось выше, по своему характеру классический предварительный договор считается двусторонним организационным (неимущественным) и соответственно безвозмездным договором. У каждой из сторон возникают обязательства по заключению основного договора. Однако, как отмечается в литературе, в силу принципа свободы договора не исключена ситуация заключения одностороннего предварительного договора, согласно которому обязанность заключить основной договор имеется лишь у одного из контрагентов, а у другого, в свою очередь, появляется корреспондирующее этой обязанности право требования. В такой ситуации стороны вполне могут «превратить» предварительный договор в возмездный, включив в него условие о выплате вознаграждения управомоченной стороной обязанной стороне за

принятие на себя в одностороннем порядке обязательства. Конечно, подобный предварительный договор нельзя назвать в полной мере организационным ввиду его явных имущественных свойств, кроме того, согласно пункту 1 статьи 429 ГК РФ по предварительному договору заключить в будущем основной договор обязуются стороны, то есть, исходя из буквального прочтения текста нормы, возможность обязать заключить предварительный договор только одну сторону не предусмотрена. Однако указанная норма пункта 1 статьи 429 ГК РФ сформулирована как диспозитивная, поэтому стороны, руководствуясь принципом свободы договора, могут своим соглашением отойти от очерченных в ней границ и заключить договор на отличных условиях. Данный вывод вытекает из разъяснения, предусмотренного пунктом 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», согласно которому норма признается императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условий договора, отличных от предусмотренных этой нормой правил (например, в ней предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы) [3]. Рассматриваемая норма о предварительном договоре очевидно не соответствует перечисленным критериям, в связи с чем не может быть признана императивной.

Вышеописанная возможность заключать односторонне-обязывающий либо возмездный предварительный договор является очередным явным отличием рассматриваемой конструкции по сравнению с переговорами о заключении договора.

Некоторые авторы относят предварительный договор к одному из проявлений договорной формы проведения переговоров о заключении договора наряду с соглашением о порядке ведения переговоров, обосновывая это тем, что оба указанных вида соглашений предваряют заключение договора и упорядочивают преддоговорные отношения сторон, однако данная позиция, представляется ошибочной. Как видно из проведенного выше сравнительного анализа, предварительный договор – это самостоятельный вид договора, предусмотренный главой 27 ГК РФ, поэтому к нему, как и к любому другому договору, применимы правила о ведении переговоров о заключении договора, установленные законом (ст. 434.1 ГК РФ). То есть перед подписанием предварительного договора будущие контрагенты могут специальным соглашением урегулировать процесс переговоров о его заключении. Право хозяйствующих субъектов заключить соглашение о ведении переговоров о заключении предварительного договора демонстрирует, что соглашение о порядке ведения переговоров и предварительный договор – это не разновидности одного и того же института переговоров, но две разные организационные сделки, одна из которых может предварять другую, и которые, предполагается возможным совместить в соглашении смешанного характера. Действительно, отсутствуют установленные законом препятствия для сторон включить в предварительный договор условия, регулирующие порядок проведения переговоров. Именно возможность заключать подобные «смешанные соглашения» приводит к тому, что некоторые авторы относят предварительный договор к переговорному этапу. Однако, как показал вышеприведенный анализ, предварительный договор не относится к институту переговоров, а имеет самостоятельную правовую природу. Кроме того, ведение переговоров, в том числе

посредством заключения соответствующего соглашения об этом, возможно и на этапе исполнения предварительного договора перед заключением основной сделки. Это подтвердил Верховный Суд РФ в абзаце 2 пункта 27 уже упоминавшегося выше постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [2]. Таким образом, предварительный договор и соглашение о ведении переговоров следует считать двумя самостоятельными разновидностями преддоговорных отношений, в некоторых случаях пересекающимися, но не тождественными друг другу.

Список литературы:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2019). СПС «КонсультантПлюс» <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=147917899604013725715834211&cacheid=0617C8E6BB58E00FAB188FFE9DE73824&mode=splus&base=LAW&n=300822&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#05647889334995349> (последнее посещение – 11.03.2019).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора" // Российская газета. 2019. № 4.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. N 16 "О свободе договора и ее пределах" // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014, № 5.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. N 16973/13. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 февраля 2013 г. N 13585/12// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 января 2010 г. N 13331/09// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 4.
7. Андрющенко А. В. Место организационных отношений в предмете гражданско-правового регулирования // Вестн. Том. Гос. Ун-та. Право. 2014. №2 (12). С. 111–116.
8. Красавчиков О.А. Организационные гражданско-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925 - 1989: Сб. Статей. М.: Статут, 2001. - С. 156-165
9. Маилян Г. Э. Организационные отношения в предмете корпоративного права. // Предпринимательство и право, информационно-аналитический портал. 2014. С.24.
URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?Id=4507> (последнее посещение – 10.03.2019).
10. Егорова М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. - М.: Изд. Дом "Буквевед", 2011, № 5. С. 10-21.

Sarkisyan V. V. Ratio of institute of negotiations on signing of the contract and the construction of preliminary contract // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 306–312.

This article is devoted to researching of institute of negotiations on signing of the contract and the preliminary contract in the system of civil obligations. The legal nature of the mentioned constructions is studied from the position of their place in a subject of civil law regulation. Negotiations on signing of the contract and the preliminary contract are considered as the classical organizational relations. The main content of the research is the analysis of specific features of the preliminary contract and their comparison with the signs belonging to negotiations on signing of the contract. This direction is complemented with studying of sanctions for unfair conducting or termination of negotiations and breach of conditions of the preliminary contract, including the category of losses and also an ability and methods of establishment of a penalty. An opportunity to provide obligation fulfillment according to the conclusion of the basic agreement with a deposit is analyzed. The ability of the conclusion of the unilateral-binding or paid preliminary contract is established. Characteristics of the preliminary contract and agreement on a negotiating order as two independent kinds of pre-

contractual relations are allocated and described. The author comes to conclusion that there are no obstacles for inclusion in the preliminary contract the conditions of regulating a negotiation order in the law.

Keywords: negotiation, preliminary contract, basic agreement, pre-contractual attitudes, organizational relations, freedom of contract, agreement on a negotiating order, deposit, losses, penalty.

Spisok literatury:

1. "Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya)" ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 03.08.2018) (s izm. i dop., vstupivshimi v silu s 01.01.2019). SPS «Konsul'tantPlyus»
<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=147917899604013725715834211&cacheid=0617C8E6BB58E00FAB188FFE9DE73824&mode=plus&base=LAW&n=300822&rnd=55BF29BA48F8A087EFB6FEBEAB345255#05647889334995349> (poslednee poseshchenie – 11.03.2019).
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25 dekabrya 2018 g. N 49 "O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora" // Rossijskaya gazeta. 2019. № 4.
3. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 14 marta 2014 g. N 16 "O svobode dogovora i ee predelah" // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2014, № 5.
4. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 8 aprelya 2014 g. N 16973/13. // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2014. № 8.
5. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 12 fevralya 2013 g. N 13585/12 // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2013. № 6.
6. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 19 yanvarya 2010 g. N 13331/09 // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2010. № 4.
7. Andryushchenko A. V. Mesto organizacionnyh otnoshenij v predmete grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Vestn. Tom. Gos. Un-ta. Pravo. 2014. №2 (12). С. 111–116.
8. Krasavchikov O.A. Organizacionnye grazhdansko-pravovye otnosheniya // Antologiya ural'skoj civilistiki. 1925 - 1989: Sb. Statej. M.: Statut, 2001. - S. 156-165
9. Mailyan G. E. Organizacionnye otnosheniya v predmete korporativnogo prava. // Predprinimatel'stvo i pravo, informacionno-analiticheskij portal. 2014. S.24.
URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?Id=4507> (poslednee poseshchenie – 10.03.2019).
10. Egorova M. A. Organizacionnoe otnoshenie i organizacionnye sdelki v grazhdansko-pravovom regulirovanii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. - M.: Izd. Dom "Bukvoed", 2011, № 5. S. 10-21.

УДК 347.214.2

ОТКАЗ ОТ ПРАВА КАК СПОСОБ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЧУЖУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ

Семенова Е. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье отказ от вещного права на чужое недвижимое имущество анализируется как правовая возможность лица, которая вытекает из данного субъективного права и обеспечивается его абсолютностью. Учитывая такое основание установления вещных прав на чужое недвижимое имущество, как договор, проводится анализ категорий «отказ от права» и «отказ от договора» и возможностей их применения при прекращении вещных отношений. Рассматриваются границы реализации отказа от вещных прав, а также значение воли и волеизъявления носителя права для наступления соответствующих юридических последствий. Установлено, что в случае отказа от вещных прав на чужую недвижимость следует говорить о фактическом составе прекращения вещных правоотношений. Наступление правовых последствий прекращения вещного права на чужую недвижимость путем отказа возможно лишь при совокупности таких юридических фактов, как: объективная невозможность дальнейшего существования вещного права; уведомление собственника вещи об отказе от вещного права; регистрация прекращения вещного права.

Ключевые слова: отказ от права, вещное право, недвижимое имущество, сервитут, право застройки, право постоянного землевладения.

Отказ от субъективного гражданского права в вещных правоотношениях является одним из оснований прекращения правовой связи лица с вещью. Соответствующая конструкция отказа нашла свое закрепление в ст. 236 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), которая предусматривает возможность гражданина или юридического лица отказаться от права собственности на принадлежащее имущество. В то же время отказ от иных вещных прав, которые наряду с правом собственности закреплены в ст. 216 ГК РФ, не получил соответствующего правового регулирования в гражданском законодательстве.

В значении отказа от прав на земельный участок, отказ от таких вещных прав как пожизненное наследуемое владение, постоянное (бессрочное) пользование предусматривается в земельном законодательстве (ст. 53 Земельного кодекса РФ). Определяется, что вещные права на недвижимое имущество, от которых обладатели таких прав отказались, прекращаются с момента государственной регистрации прекращения права.

Наряду с этим, законодательными положениями не установлена возможность отказа от иных вещных прав на чужую недвижимость, например, собственником земельного участка, в пользу которого установлен сервитут. Буквальное толкование нормы ст. 276 ГК РФ приводит к выводу, что обладатель сервитута бессрочно связан соглашением с собственником земельного участка и не имеет возможности отказаться от сервитута. Так как иные способы защиты его права законом не предусмотрены, данный вопрос разрешается правоприменительной практикой, которая, к сожалению, не отличается единообразием [11].

В доктрине, несмотря на отсутствие прямого законодательного указания, упоминается о возможности отказа от сервитута [2, с. 503; 4, с. 109; 13, с. 291-303]. Однако порядок и последствия отказа от сервитута практически не исследуются.

Следует отметить, что в целом существующие в современной отечественной цивилистике представления о вещных правах на чужую недвижимость как абсолютные права обуславливают их рассмотрение с позиции направленности на удовлетворение интересов, связанных с владением и пользованием чужой вещью. Однако без надлежащего внимания остается возможность обладателя прав на чужое имущество, в том числе недвижимое, прекратить существующие отношения путем отказа от права.

Отказ от вещных прав на чужое недвижимое имущество имеет свои особенности, связанные, прежде всего, с производностью данных прав от права собственности на имущество, что обуславливает согласование воли и волеизъявления носителя вещного права с собственником такого имущества.

В литературе отмечается, что в случае отказа от права путем совершения односторонней сделки такой отказ может быть направлен как в пользу конкретно-определенного лица (адресный отказ), так и в пользу неопределенного круга лиц (безадресный отказ) [5, с. 432].

Отказ от права собственности в соответствии со ст. 236 ГК РФ обращен к неопределенному кругу лиц. В отношении недвижимости, в частности, земельного участка, отказ от права собственности осуществляется посредством подачи собственником земельного участка заявления о таком отказе в орган регистрации прав. Право собственности на этот земельный участок прекращается с даты государственной регистрации прекращения указанного права (п. 2 ст. 53 ЗК РФ).

В то же время законодателем предусмотрена обязательность обращения отказа от вещного права на недвижимость к конкретному субъекту. Так, в соответствии со ст. 53 ЗК РФ отказ от права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком или права пожизненного наследуемого владения земельным участком оформляется заявлением в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления (т.е. собственнику земельного участка) для принятия решения о прекращении соответствующего права.

Анализ правового регулирования вещных прав на чужую недвижимость позволяет сделать вывод, что в основе механизма возникновения таких прав лежит соглашение между лицами (п. 3 ст. 274 ГК РФ), что, в свою очередь, предопределяет определенные границы реализации таких прав, в том числе в части отказа от них.

Сложность правового регулирования в части возникновения вещных прав на чужое недвижимое имущество на основании договора заключается в том, что в законодательстве данный юридический факт рассматривается, в основном, как основание производного приобретения вещного права, основанного на правопреемстве (п. 2 ст. 218 ГК РФ), в результате которого у сторон возникают соответствующие обязательства.

Подобная обязательственно-правовая природа основания возникновения вещного права предопределяет попытки исследователей связывать отказ от вещного права на чужую недвижимость с отказом от основания его возникновения (договором) [7; 9, с. 76]. В связи с этим отказ от вещного права на чужие недвижимые вещи, кото-

рое должно рассматриваться как способ его прекращения, по сути, приравнивается к прекращению обязательств, что требует применения конструкции взаимосогласования воли участников обязательства (ст. 407, 450 ГК РФ) и возможности одностороннего отказа только в случае, предусмотренном законом (п. 2 ст. 450 ГК РФ).

Данное положение находит свое развитие в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Проект ГК РФ), в частности при закреплении права лица, имеющего право застройки и постоянного землеуладения, требовать его прекращения по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 451 ГК РФ (п. 5 ст. 299.6, п. 3 ст. 300.6 Проекта ГК РФ).

Принципиальным отличием категорий «отказ от права» и «отказ от договора» является то, что отказ от вещного права осуществляется свободно, а отказ от договора - при определенных обстоятельствах. А именно п. 2 ст. 450 ГК РФ предоставляет субъекту права, возникшего из обязательства, отказаться от него в одностороннем порядке только при существенном нарушении договора другой стороной и при условии, что такой отказ предусмотрен законом или договором. Поэтому право на отказ от договора является одним из способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ).

Сказанное определяется тем, что в обязательственных отношениях, предметом которых является использование вещи, помимо права владения и пользования вещью у стороны возникают соответствующие обязанности, от которых она не может отказаться. Это отвечает требованиям справедливости, поскольку отказ от договора сделает невозможным существование обязательства в одностороннем порядке и лишит другую сторону того, на что она рассчитывала при заключении соответствующего договора. Подобные последствия оказывают влияние и на стабильность гражданского оборота в целом.

В то же время договоры об установлении вещных прав на чужое недвижимое имущество не опосредуют переход прав от одного лица к другому, на их основе не возникают обязательственные отношения. Контрагентами субъектов таких прав, защита которых обеспечивается государством, выступают неопределенный круг лиц (п. 4 ст. 216 ГК РФ). Одновременно обладатели вещных прав на чужое недвижимое имущество находятся в отношениях с собственниками такого имущества. Однако в отличие от обязательственного отношения собственник в таких отношениях не может требовать от обладателя вещного права осуществлять определенные действия, он может требовать только придерживаться порядка совершения действий.

По своему содержанию вещные права производны из права собственности, однако это еще не означает, что они существуют только в неразрывной связи с правом собственности и им полностью обусловлены. Обладатель вещного права на чужое недвижимое имущество самостоятельно (без участия иных лиц) осуществляет свое право, осуществляя в разной степени фактическое господство над ним в порядке и пределах, установленных законом.

Таким образом, отказ от вещного права на чужое недвижимое имущество является правовой возможностью лица, которая вытекает из данного субъективного права и обеспечивается его абсолютностью.

Исходя из ст. 9 ГК РФ осуществление субъективных гражданских прав возможно только по усмотрению правообладателя, что предопределяет свободу субъектов гражданского оборота в распоряжении принадлежащими им правами. Порядок осуществления прав на отказ от вещного права на чужое недвижимое имущество также зависит от распорядительных возможностей субъекта, и не должен ограничиваться интересами собственника этого имущества.

Нами уже отмечалось, что в современный период развития отечественного гражданского права установление различных вещных прав на чужую недвижимость обусловлено нежеланием самого собственника этой недвижимости, а стремлением законодателя ограничить в его правах для того, чтобы управомоченное лицо имело возможность беспрепятственно использовать эту недвижимость [8]. Особенно это проявляется, когда основанием установления вещного права является, как в случае с сервитутом, не договор, а решение суда (п. 3 ст. 274 ГК РФ).

Поэтому, независимо от основания установления вещного права на чужую недвижимость, отказ носителя такого вещного права не связан с негативными последствиями для собственника недвижимости, чьи интересы были в определенной мере ограничены. В случае отказа от права для обладателя вещного права на чужую недвижимость прекращается данное право, а для собственника этого имущества прекращается обременение [10, с. 16].

Таким образом, при установлении вещных прав на чужое недвижимое имущество как абсолютных прав, пользователь получает не только возможность длительного использования имущества в собственных интересах, он также получает специальные гарантии осуществления его вещных прав, которые должны закреплять основания их добровольного прекращения. Такие основания должны быть определены законом исчерпывающим образом и не могут, в отличие от закрепленного в гражданском законодательстве диспозитивного метода регулирования обязательственных отношений, быть расширены по соглашению сторон.

Возможность отказа от вещного права на чужие вещи была закреплена еще в римском праве. В частности, сервитуарий мог отказаться от сервитутного права, причем в древние времена для такого отказа было необходимо применение строгих форм *remancipatio* [1]. С согласия собственника мог отказаться от своего права и эмпитевт, прекращая таким образом эмпитевзис [1], хотя в источниках римского права есть и нормы, запрещающие отказ от эмпитевтичного права [12, с. 323].

Относительно возможности одностороннего отказа от суперфиция в римском праве у ученых не было единого мнения [3, с. 135; 6, с. 256]. Считалось, что поскольку суперфициарное право включает в своем содержании не только право на пользование землей со зданием, но и обязанность уплачивать собственнику земли оброк, то суперфициарий не мог односторонним волеизъявлением освободить себя от обязанностей, возложенных на него договором. Напротив, господствующее мнение считало такой отказ вполне допустимым способом прекращения суперфициарного права, полагая, что нельзя считать суперфициария обязанным против его воли осуществлять суперфициарное право вечно на том основании, что в договоре о его установлении не указан срок его действия [6, с. 256].

В настоящее время отказ выступает традиционным основанием прекращения ограниченных вещных прав в иностранных законодательствах (ст. 546 ГК Испании, ст. 1191 ГК Квебека, ст. 406, 416 ГК Украины и др.).

В законодательстве России право на отказ от вещного права на чужую вещь было предусмотрено Законом о праве застройки 23 июня 1912 года, допускающим право застройщика отказаться от права застройки в случае объективной невозможности использовать земельный участок по назначению вследствие принудительного отчуждения части участка для государственной или общественной цели, или стихийных явлений (ст. 20 Закона о праве застройки).

В действующем ГК РФ, как и в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» активные действия обладателя вещного права на чужую недвижимую вещь, направленные на прекращения отношений, в виде отказа от права не получили прямого закрепления. В то же время в Проекте ГК РФ предполагается возможность требования прекращения вещного права: 1) любым из собственников вещей, связанных сервитутом, при отпадении обстоятельств, вызвавших необходимость установления сервитута (ст. 301.5 Проекта ГК РФ); 2) лицом, имеющим право постоянного землевладения, в случае такого изменения природных свойств и качеств значительной части земельного участка, которое привело к невозможности ее использования в соответствии с целевым назначением (ст. 299.6 Проекта ГК РФ). Относительно права застройки в Проекте ГК РФ односторонний порядок отказа от вещного права не предусмотрен.

Субъективное право представляет собой средство удовлетворения интересов лиц. Так, например, сервитут, являясь важным элементом существующей структуры вещных прав на недвижимость, обеспечивает возможность удовлетворения различных потребностей лица за счет чужого земельного участка, которые не могут быть удовлетворены иным способом (ст. 274 ГК РФ). В связи с этим действие сервитута подлежит прекращению не во всех случаях отказа от него, а когда такой отказ вызван объективным отсутствием необходимости в его дальнейшем существовании.

Согласно п. 6.4 Концепции развития гражданского законодательства эфитевзис может устанавливаться в отношении земельных участков, которые способны удовлетворять сельскохозяйственные потребности. Соответственно, основанием для отказа от права постоянного землевладения может быть только изменение природных свойств и качеств земельного участка, которое привело к невозможности его использования в соответствии с целевым назначением.

Именно потребности лиц обуславливают установление вещных прав на объекты недвижимости, соответственно и изменение этих потребностей влечет их прекращение. Поэтому нецелесообразно закреплять возможность одностороннего прекращения вещного права на чужую недвижимость уполномоченным лицом во всех случаях. Реализация такого права должна осуществляться только в связи с объективным отсутствием необходимости удовлетворения потребностей лица.

Относительно механизма отказа от вещного права на чужую недвижимость, учитывая характер складывающихся отношений, следует признать необходимость установления адресного отказа. Отказ от права должен осуществляться активными действиями лица, свидетельствующими об отсутствии потребности в использовании чужого недвижимого имущества, которые воплощаются в уведомлении собственника вещи об отказе лица от таких прав. В таком случае, с одной стороны, уведомле-

ние информирует собственника вещи об отказе лица от вещных прав на нее, а с другой стороны фиксирует волеизъявление носителя, а, следовательно, факт отказа.

В соответствии с действующим законодательством прекращение вещных прав на недвижимые вещи подлежат государственной регистрации (ст. 131 ГК РФ), и именно данный юридический факт знаменует прекращение таких прав для всех участников имущественного оборота с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ). В рамках механизма прекращения вещных прав на чужое недвижимое имущество государственная регистрация играет роль конечного юридического факта.

Таким образом, в случае отказа от вещных прав на чужую недвижимость следует говорить о фактическом составе прекращения вещных правоотношений. Следовательно, наступление определенных правовых последствий прекращения вещного права на чужую недвижимость путем отказа возможно лишь при совокупности таких юридических фактов, как: объективная невозможность дальнейшего существования вещного права; уведомление собственника вещи об отказе от вещного права; регистрация прекращения вещного права. Указанные основания использования права на отказ по волеизъявлению лица, требующего установления вещного права на чужую недвижимость, должны быть четко закреплены на законодательном уровне как исключительные, что позволит обеспечить стабильность абсолютным отношениям по использованию чужой недвижимой вещи.

Список литературы

1. Азаревич Д. Система римского права. Университетский курс. - СПб, 1887. - Т. 1. - 484 с.
2. Анненков К. В. Система русского гражданского права. Том 2. Права вещные. - СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1900. - 697 с.
3. Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, дореволюционном и современном российском гражданском праве. - М., 2000. - 255 с.
4. Малейна М. Н. Обременение частным и публичным сервитутом зданий и сооружений // Хозяйство и право. - 2006. - № 7. - С. 105-115.
5. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в двух частях. Ч. 2. - 1997. - 455 с.
6. Митилино М. И. Право застройки. Опыт цивилистического исследования института. - Киев: Тип. насл. Т. Г. Мейнандера, 1914. - 323 с.
7. Остапенко А. Г. Основания прекращения сервитутных правоотношений // Инновационные тенденции развития российской науки. Материалы IV Международной (заочной) научно-практической конференции молодых ученых. Отв. за выпуск Ю. В. Платонова. 2011. С. 367-368.
8. Семенова Е. Г. Природа правоотношений пользования чужим земельным участком // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2018. - №7. - С. 145-149.
9. Слепенко Ю. Н. Сервитутное право: основания возникновения и проблемы защиты: дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. - 248 с.
10. Суханова Ю. В. Отказ от субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2009. - 24 с.
11. Федорященко А. С. Прекращение права ограниченного пользования чужим земельным участком: правоприменительный аспект // Юридическая техника. - 2018. - С. 631-634.
12. Хвостов В. М. Система римского права: учебник. - М.: Изд-во "Спарк", 1996. - 522 с.
13. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. - Тула: Автограф, 2001. - 720 с.

Semenova E.G. The waiver of the right as a method of termination of real rights on another real estate // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. - 2019. - Т. 4 (72). № 3. - P. 313-319.

In article waiver of the real right to another real estate is analyzed as a legal possibility of the person which follows from this subjective right and is provided by its absoluteness. Taking into account such basis of establishment of real rights to another's real estate as a contract, the analysis of the categories of "waiver of the

right" and "waiver of the contract" and the possibilities of their application upon termination of real relations is carried out. The article considers the boundaries of the realization of the waiver of real rights, as well as the importance of the will and the will of the bearer of the right for the occurrence of the relevant legal consequences. It is established that in the case of waiver of real rights to someone else's property should talk about the actual composition of the termination of real relations. The occurrence of legal consequences of the termination of the proprietary right to another's real estate by refusal is possible only if the totality of such legal facts as: the objective impossibility of the further existence of the proprietary right; notification of the owner of the thing about the waiver of the proprietary right; registration of the termination of the proprietary right.

Keywords: waiver of the right, proprietary right, real estate, easement, right of building, right of permanent land ownership.

Spisok literatury

1. Azarevich D. Sistema rimskogo prava. Universitetskij kurs. - SPb, 1887. - T. 1. - 484 s.
2. Annenkov K. V. Sistema russkogo grazhdanskogo prava. Tom 2. Prava veshchnye. - Spb., Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1900. - 697 s.
3. Kopylov A. V. Veshchnye prava na zemlyu v rimskom, dorevolucionnom i sovremennom rossijskom grazhdanskom prave. - M., 2000. - 255 s.
4. Maleina M. N. Obremenenie chastnym i publicnym servitutom zdaniy i sooruzhenij // Hozyajstvo i pravo. - 2006. - № 7. - S. 105-115.
5. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v dvuh chastyah. CH. 2. - 1997. - 455 s.
6. Mitalino M. I. Pravo zastrojki. Opyt civilisticheskogo issledovaniya instituta. - Kiev: Tip. nasl. T. G. Mejnandera, 1914. - 323 s.
7. Ostapenko A. G. Osnovaniya prekrashcheniya servitutnyh pravootnoshenij // Innovacionnye tendencii razvitiya rossijskoj nauki. Materialy IV Mezhdunarodnoj (zaочноj) nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh. Otv. za vypusk YU. V. Platonova. 2011. S. 367-368.
8. Semenova E. G. Priroda pravootnoshenij pol'zovaniya chuzhim zemel'nym uchastkom // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. - 2018. - №7. - S. 145-149.
9. Slepencok YU. N. Servitutnoe pravo: osnovaniya vznikoveniya i problemy zashchity: diss. ... kand. jurid. nauk. - M., 2015. - 248 s.
10. Suhanova YU. V. Otkaz ot sub"ektivnyh grazhdanskih prav: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. - Kazan'. 2009. - 24 s.
11. Fedoryashchenko A. S. Prekrashchenie prava ogranichenogo pol'zovaniya chuzhim zemel'nym uchastkom: pravoprimeritel'nyj aspekt // YUridicheskaya tekhnika. - 2018. - S. 631-634.
12. Hvostov V. M. Sistema rimskogo prava: uchebnik. - M.: Izd-vo "Spark", 1996. - 522 s.
13. SHershenevich G. F. Kurs grazhdanskogo prava. - Tula: Avtograf, 2001. - 720 s.

УДК 342.95

**БАЛЬНАЯ СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ
(ВЗЫСКАНИЙ):
АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА**

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализирована потребность в изучении зарубежного опыта внедрения бальной системы, как разновидности административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения. Установлено, что выявление зарубежного опыта бальных систем предусматривает: анализ общих для различных стран закономерностей их закрепления и оснований применения; выявление особенностей их применения в отдельных странах; определение целесообразности его использования для совершенствования российского административно-деликтного законодательства.

С учетом предложенного алгоритма, рассмотрен опыт внедрения штрафных баллов (очков) в Азербайджане, Арабских Эмиратах, Великобритании, Германии, Грузии, Израиле, Испании, Италии, Китае, Молдове, США, Украине, Франции, Чехии, Японии; установлены общие закономерности и специфика законодательного закрепления и практики их применения; детализирована специфика применения штрафных баллов в странах, правовая действительность которых, наиболее соответствует российским реалиям: Азербайджан, Грузия, Украина, Молдова.

Определены позитивные составляющие зарубежного опыта, названы основные условия для внедрения бальной системы назначения административных наказаний в России.

Ключевые слова: бальная система, штрафные баллы (очки), административное наказание (взыскание), зарубежный опыт, административно-деликтное законодательство.

Совершенствование российского административно-деликтного законодательства выступает одной из важнейших задач, стоящих перед современной административно-правовой наукой. Её решение непосредственно связано с проводимыми в нашей стране экономическими, социальными и правовыми реформами, целями которых является обеспечение реализации прав и свобод личности, защита интересов общества и государства, преодоление негативного влияния кризисных и других деструктивных явлений, замедляющих развитие России как мирового лидера.

По нашему мнению, к факторам, негативно влияющих на прогресс российского общества необходимо относить и: рост уровня административной деликтности, характеризующийся значительным ростом отдельных видов административных правонарушений, в том числе и совершаемых неоднократно, а также использование административной деликтации деяний, как наиболее оперативного средства правовой защиты общественных отношений.

Так, только количество правонарушений в области безопасности дорожного движения за 2013-2018 гг. выросло на более чем 20 млн. случаев, а в Особенную часть КоАП РФ введено более 340 норм, устанавливающих административную ответственность (около 63% от общего числа, начиная с момента принятия этого Кодекса) [1].

Свидетельством недостаточной эффективности воздействия мер административной ответственности на поведение правонарушителей может считаться и расшире-

ние административной преюдиции в качестве основания для уголовной ответственности. В 2011–2018 гг. такая преюдиция была введена для 14 составов преступлений, при этом с 2016 г. – для 7 (50%) [2].

Считаем, что в контексте очередного этапа реформирования административно-деликтного законодательства, актуальным следует признать и дальнейшее изучение предупредительного и воспитательного потенциала административных наказаний (взысканий), в том числе и закрепленных в законодательстве зарубежных стран.

Целесообразность проведения такого исследования обусловлена возможностью внедрения позитивного опыта применения административных наказаний, сформировавшегося в государствах, имеющих сходные с Россией закономерности развития института административной ответственности (например, государства-члены СНГ), а также стран, создавших административно-правовые средства, эффективно влияющие на определенные группы правонарушений (например, в области безопасности дорожного движения).

Кроме этого, изучение зарубежного опыта является неотъемлемой частью современных административно-правовых исследований. Его выявление позволяет повысить оперативность поиска и принятия решений по разработке предложений для совершенствования отечественного административно-деликтного законодательства, устранить существующие недостатки в нормативном закреплении и практике применения отдельных видов административных наказаний, расширить горизонты изучения административно-деликтного воздействия на поведение участников общественных отношений.

В проведенном нами в 2018 г. исследовании административных наказаний в законодательстве стран-членов СНГ, дан общий анализ такого взыскания, как штрафные баллы, закрепленного в ст. 24 Кодекса Украины об административных правонарушениях [3, с.193-198].

В связи с высоким предупредительным потенциалом этого наказания, имеющимся в России опытом применения бальной системы (в РСФСР советского периода и 1993-1997 гг. в Российской Федерации (ст.118.1 КоАП РСФСР), тенденциями дальнейшего совершенствования норм административно-наказательного права, его дальнейшее внедрение в отечественное законодательство требует дополнительного обоснования.

Целью данной публикации является изучение законодательства и практики применения бальной системы, используемой при назначении административных наказаний (взысканий) за рубежом. Достижение этой цели предусматривает: выбор государств, законодательство которых содержит бальную систему начисления административных наказаний (взысканий), выделение способов закрепления такой системы, групп правонарушений, за которые устанавливаются «бальные» санкции, оценка возможности внедрения таких наказаний в КоАП РФ.

Рассматривая состояние научной разработки очерченной нами проблемы, следует отметить, что Э. И. оглы Абдуллаевым, А. В. Банчуком, А. И. Бутковым, Э. Е. Гензюком, В. В. Денисенком, А. Н. Дерюгой, Е. В. Додины, А. С. Дугенцом, И. Ш. Киясхановым, А. В. Кириным, С. Н. Клепиковым, О. С. Клепиковой, В. К. Колпаковым, Л. В. Ковалем, Д. Н. Мышляевым, Д. М. Лукьянцем, А. В. Лыткиным, И. В. Максимовым, М. И. Никулиным, А. И. Остапенком, В. А. Поникаровым, В. Е. Севрюгиным, П. П. Серковым, А. П. Солдатовым, Ю. П. Соловьём,

Ю. Н. Стариловым, А. С. Родионовой, О. С. Рогачовой, А. П. Шергиным, А. Ю. Якимовым сформированы основы исследования мер административной ответственности, в том числе и возможности использования зарубежного опыта для их совершенствования.

Непосредственно вопросы применения бальной системы как административного наказания изложены в публикациях: С. Н. Антонова, С. И. Бертуша, А. И. Быкова, С. Н. Дмитриева, С. А. Романьковой, Е. П. Калугина, О. В. Ковалёвой, В. В. Кузина, В. И. Майорова, Р. Ю. Молчанова, П. А. Поцелуева, Н. А. Седовой, В. В. Юносова и др. [4]. В этих работах фрагментарно изложены исторические аспекты, современное состояние и особенности применения бальной системы в некоторых странах.

В тоже время, самостоятельные комплексные исследования зарубежных систем административных наказаний и отдельных их видов в последние 10-15 лет не проводилось. Таким образом, данная публикация может расцениваться и как попытка построения алгоритма характеристики зарубежного опыта закрепления административных наказаний (взысканий) на примере отдельной его разновидности.

Изучение научных публикаций позволило к предмету анализа отнести опыт следующих государств, в которых эффективно и длительно функционирует бальная система административных наказаний (взысканий): 1) образованные на постсоветском пространстве (Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина); 2) европейские страны (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Чехия); 3) США; 4) другие (Арабские Эмираты, Израиль, Китай, Япония).

Выявление зарубежного опыта бальных систем предусматривает: анализ общих для различных стран закономерностей их закрепления и оснований применения; выявление особенностей их применения в отдельных странах; определение целесообразности использования позитивного опыта для совершенствования российского административно-деликтного законодательства.

Изучение значительного массива нормативного и теоретического материала позволило сделать вывод, что общими закономерностями являются:

1) сфера общественных отношений, для защиты которых применяется данный вид наказания – безопасность дорожного движения, характеризующаяся значительным числом неоднократных правонарушений, в том числе и ставящих под угрозу причинение вреда здоровью или жизни человека;

2) цели введения бальной системы – предупреждение недисциплинированного поведения участников дорожного движения, преимущественно лиц, управляющих транспортными средствами; минимизация рисков совершения более серьезных (грубых, тяжких) нарушений правил дорожного движения; позитивное стимулирование поведения добросовестных участников дорожного движения; информирование нарушителя о возможном лишении права управления транспортным средством или применения более серьезных мер ответственности;

3) основания для применения штрафных баллов – систематическое (неоднократное) нарушение лицом грубых или наиболее распространенных правил дорожного движения;

4) использование градации правонарушений в области безопасности дорожного движения в зависимости от систематичности, грубости нарушения соответствующих норм правил дорожного движения (например, превышения определенных ли-

митов скорости дорожного движения, содержания алкоголя в крови (выдыхаемом воздухе);

5) каталогизация штрафных баллов путем формирования таблиц их соотношения с категорией нарушения правил дорожного движения;

6) аккумуляирование штрафных баллов в пределах интервала, определяемого для конкретного вида административного наказания, в большинстве случаев – лишения права управления транспортным средством, вплоть до пожизненного его аннулирования;

7) широкое использование технических средств и информационных технологий для фиксации нарушений правил дорожного движения, в том числе и работающих в автоматическом режиме, учета и проверки штрафных баллов;

8) применение системы штрафных баллов вместе с иными видами административных наказаний.

Несмотря на некоторое подобие построения систем штрафных баллов в рассматриваемых нами странах, отдельные из них применяют бальную систему с учетом сложившейся деликтной политики и правоохранительной практики. Например, это касается:

- применения штрафных баллов не только к лицам, непосредственно управляющим транспортными средствами, но и другим участникам дорожного движения, например, пешеходам (Германия, Грузия) и велосипедистам (Германия), лицам, управляющим двухколесным моторным средством (Япония);

- использования различных подходов к определению максимального размера штрафных баллов (12 – Чехия, Германия, Франция, Великобритания, 15 – Чехия, 20 – Азербайджан, Италия, 24 – Арабские Эмираты, 100 – Грузия, 150 – Украина) и, соответственно, – применение различных видов наказаний;

- использования различных критериев для определения соотношения размеров штрафных баллов и нарушений правил дорожного движения (1 – за незначительные правонарушения, с последующим увеличением – для более грубых, преимущественно в соотношении с размерами штрафов);

- повышением размеров страховых взносов при достижении определённых диапазонов сумм штрафных баллов (так, в США при наличии более 11 баллов ежегодная страховка увеличивается на \$1000) [5];

- установлением различных сроков действия штрафных баллов (т.н. оценочного периода) (от 1 года до 4 лет), также их хранения в базах данных (10 лет – Германия, 7 лет – США);

- способов фиксации таких баллов (использование специальных вкладышей в водительское удостоверение или записей непосредственно в них (Ирландия), в электронной форме);

- зависимости размера штрафных баллов от места совершения правонарушения: населенный пункт или вне его пределов (Германия);

- использования вместе со штрафными баллами и иных способов воздействия на поведение нарушителя, в том числе и основанных на монетизации (оплатности): временного приостановления права гражданина на управление транспортным средством, повторное прохождение теоретического или практического экзамена по проверке знаний правил дорожного движения, прослушивание платных лекций (в том числе и онлайн-курсов), направленных на дополнительное изучение правил дорож-

ного движения (как правило, в выходные дни или иное свободное для лица время) (Израиль), прохождение психологического тестирования для установления уровня раскаяния в совершённом правонарушении, требующего дополнительной платной подготовки и консультирования у специалиста (Германия)[6].

- снижение возраста, с которого могут начисляться штрафные баллы (например, с 12 лет в Германии);
- включение штрафных баллов как в перечень основных административных взысканий (ст. 25 КоАП РФ), так и основных, и дополнительных (ч. 3 ст. 32 Кодекса Республики Молдова «Об административных правонарушениях»).

Приведем примеры, правовой регламентации бальной системы в законодательстве государств, созданных на постсоветском пространстве.

Например, введение в 2015 году в Украине штрафных баллов (ст. 27-1 КУоАП) [7] обусловлено необходимостью усиления административно-деликтного воздействия на лиц, допускающих отдельные нарушения в области безопасности дорожного движения, использования опыта Франции и некоторых других стран Европы, а также внедрение средств их фиксации в автоматическом режиме.

В ходе рассмотрения законопроекта о ведении данного вида взыскания в Украине, специалистами Главного Научно-экспертного управления Верховного Совета Украины, высказывались следующие замечания, не устраненные в законе: отсутствие обоснования суммы баллов (150), обязанности уведомления о фиксации правонарушения и списания баллов приведет к нарушению таких целей административного наказания как воспитание лица в духе соблюдения законов и предупреждения совершения новых правонарушений; возможность махинаций с определением лица, непосредственно управляющего транспортным средством, в связи с внедрением «презумпции вины собственника» и некоторые другие [8].

Штрафные баллы являются взысканием, которое накладывается на граждан за правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме. Такие баллы автоматически устанавливаются для лица, имеющего право управления транспортным средством, ежегодно с начала года (со дня получения права управления транспортным средством) и до конца года начисляется 150 баллов. В случае фиксации такого правонарушения от общего числа баллов гражданина, который его совершил, отнимается количество баллов, предусмотренных соответствующей статьей КУоАП.

Если же размер взыскания в виде штрафных баллов превышает остаток, они накладываются соразмерно этому остатку независимо от размера штрафных баллов, определенных в соответствующей статье особенной части этого Кодекса. Например, превышение установленных ограничений скорости движения транспортных средств более чем на 20 км/ч влечет за собой наложение 50 штрафных баллов (ч. 1 ст. 122 КУоАП).

К сожалению, ни порядок исполнения постановлений о наложении штрафных баллов, ни последствия их израсходования, ни другие особенности их применения КоАП Украины не регулирует.

Обеспечение учета, начисления, исчисления штрафных баллов лицам, имеющим право управления транспортным средством, предусмотренных за правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме с помощью технических средств (приборов контроля) устанавли-

вается Постановлением Кабинета Министров Украины; от 10.11.2017 № 833 «О функционировании системы фиксации административных правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в автоматическом режиме» [9].

Более того, только с ноября 2018 г. в Украине введен «Порядок безвозмездного предоставления (в том числе через Интернет) информации об административном правонарушении в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированное в автоматическом режиме...», которым инициатива получения такой информации возлагается на гражданина [10]. Обращение, в котором указывает желаемый способ получения информации и абонентский номер средства подвижной (мобильной) связи и / или адрес электронной почты, подается в территориальные органы по предоставлению сервисных услуг МВД независимо от регистрации места жительства или регистрации транспортного средства.

В ноябре 2016 года штрафные очки были введены в качестве дополнительного наказания в Республике Молдова. Так, ч. 1 ст. 37 Кодекса Республики Молдова «О правонарушениях» № 218 от 24.10.2008 устанавливает, что в случаях и в размере, предусмотренном санкциями норм о правонарушениях в главе XIII «Правонарушения в области дорожного движения» книги первой, водителю транспортного средства, признанному виновным в совершении правонарушения, помимо назначения основного наказания начисляется определенное количество штрафных очков в качестве дополнительного наказания. Ч. 2 указывает, что назначение наказания в порядке, предусмотренном частью 1, обуславливает накопление 15 штрафных очков, констатирующий субъект передает дело о правонарушении на рассмотрение компетентной судебной инстанции, которая помимо применения основного наказания и начисления штрафных очков назначает в качестве дополнительного наказания лишение права управления транспортным средством на срок от 6 месяцев до 1 года. Ч. 3 говорит, что штрафные очки аннулируются по истечении шестимесячного срока со дня установления правонарушения, за совершение которого они были начислены, или со дня лишения судебным решением права управления транспортным средством.

Порядок учета штрафных очков и порядок обеспечения доступа владельца водительского удостоверения к информации о штрафных очках устанавливаются Правительством. Так, владелец водительского удостоверения, по заявлению, имеет право получить в 10-дневный срок лично или через своего законного представителя в территориальном органе дорожной полиции, в радиусе обслуживания которого проживает, информацию о количестве начисленных ему штрафных очков, а также о привлечении к ответственности за правонарушения [11, 12].

С развитием информационных технологий в Молдове граждане могут получить информацию о наличии или отсутствии штрафных очков путем: 1) SMS-информирования (о наличии или отсутствии штрафных баллов; наличии или отсутствии неоплаченных штрафов, а так же их список; временном лишении водительских прав; передаче в суд материалов о произошедшем нарушении); 2) бесплатного мобильного приложения e-Trafic (о нарушениях, а также номер внутреннего документа полиции, статью Кодекса об административных правонарушениях, которая была нарушена, описание нарушения, количества начисленных штрафных баллов, минимального и максимального размера штрафа); 3) обращения на сайт Инспектората Патрульной Службы, предоставив свой IDNP и номер водительского удостове-

рения или номер любого из протоколов, составленных ранее); 4) получения информации от дорожного полицейского [13].

С 1 июля 2017 года бальная система введена и в Грузии. Ежегодно на водительское удостоверение начисляется 100 баллов, которые сокращаются в соответствии с видом нарушения. Минимальное количество баллов – 5, максимальное – 40 (за повторные грубые нарушения правил дорожного движения). Если водитель совершит нарушения на 100 баллов, его лишат прав. Для пешеходов максимальный балл составляет 10 баллов [14]. Водители могут проверить свои баллы с помощью мобильного приложения SAGENCY, а также на сайте Агентства услуг МВД Грузии [15].

В Республике Азербайджан штрафные баллы не являются административным наказанием и применяются как основание для ограничения права управления транспортным средством. Так, ст. 27.4 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках устанавливает, что ограничение права управления транспортными средствами без наложения административного штрафа производится в тех случаях, когда водитель в течение года набрал 20 и более баллов за совершенные проступки, которые оцениваются в баллах и предусмотрены статьей 327.7 Кодекса (от 1-го до 5-ти баллов). Балл, назначенный за совершение административного проступка, находится в силе в течение 1-го года со времени вступления в силу постановления о наложении административного взыскания (п. 6 примечания к ст. 327.7 КАРoАП) [16]. Граждане могут получить информацию о штрафах, штрафных баллах и способах их оплаты, размещенную на сайте МВД Азербайджанской Республики [17].

В Армении, Белоруссии, как и в России, более 10 лет активно ведется научная и общественная дискуссия по вопросу внедрения рассматриваемой системы в законодательство и практику. При этом, результатом этого обсуждения является комплекс предложений, представленных в законодательные структуры этих государств.

С учетом изложенного, считаем целесообразным: обратить внимание на то, что бальная система успешно функционирует в тех государствах, где традиционно высокий уровень уважения граждан к закону, дисциплинированности и исполнительности населения; сформированы государственные органы, заслужившие доверие граждан и участников дорожного движения; имеются развитые информационно-телекоммуникационные системы, а также навык их использования гражданами; повсеместно применяются технические средства фиксации правонарушений; учитывать, что снижение вреда от нарушений правил дорожного движения за рубежом связано не только с введением штрафных баллов (очков), но и с систематической информационно-разъяснительной работой, интегрированием соответствующих знаний в учебные курсы подготовки водителей, применением различных способов доступа граждан к информации о начислении штрафных баллов (через порталы предоставления публичных услуг, официальные сайты органов власти), предупреждения о возможности наступления более серьезной ответственности (путем электронных сообщений, СМС-информирования).

Внедрению (возобновлению) бальной системы в российское законодательство и практику должно предшествовать широкое общественное обсуждение этой новации, а также проблем, которые могут сопутствовать её применению, подготовка научно-обоснованной концепции, определяющей место и порядок реализации штрафных баллов, как разновидности административного наказания или специфиче-

ческого профилактического средства воздействия на поведение выделителей и других участников дорожного движения, проведение эксперимента по её применению в ряде населенных пунктов различной категории.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. // Сборник законодательства Российской Федерации, 2002, № 1, Ч. 1, Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (дата обращения: 25.01.2019).
3. Цындра В. Н. Особые виды административных наказаний в законодательстве стран-членов СНГ // Сборник выступлений по итогам проведения Первого Севастопольского юридического форума, прошедшего 27-28 сентября 2018 года на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / отв. ред. С.А. Васильева. — М.: Центркаталог, 2019, 384 с.
4. Антонов С. Н., Кузин В. В. Ответственность за систематическое совершение административных правонарушений в области дорожного движения: история, проблемы, перспективы. - URL: <http://center-bereg.ru/m837.html>. (дата обращения: 25.01.2019).
5. Богуновский В. Система работы штрафных баллов за нарушение ПДД. - URL: <http://auto.vesti-ukr.com/docs/108338-sistema-raboty-shtrafnyh-ballov-za-narushenie-pdd>.
6. «Идиотентест» или почему в Германии водители ездят строго по правилам // <https://cont.ws/@master-t/850658>. (дата обращения: 25.01.2019).
7. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 г. // Ведомости Верховного Совета, 1984, приложение до № 51, ст.1123.
8. Заключение на проект Закона Украины № 2562 від 13.05.2015 р. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно совершенствования регулирования отношений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения». - URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54673. (дата обращения: 25.01.2019).
9. Постановление Кабинета Министров Украины от 10.11.2017 № 833 «О функционировании системы фиксации административных правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в автоматическом режиме». - URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/833-2017-%D0%BF>. (дата обращения: 25.01.2019).
10. Постановление Кабинета Министров Украины от 14 ноября 2018 № 984 «Порядок безвозмездного предоставления (в том числе через Интернет) информации об административном правонарушении в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированное в автоматическом режиме, и о нарушении правил остановки, стоянки, парковки транспортных средств, зафиксированное в режиме фотосъемки (видеозаписи), лицам, за которыми зарегистрированы транспортные средства, и / или непосредственным пользователям таких транспортных средств». - URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/984-2018-%D0%BF/print>. (дата обращения: 25.01.2019).
11. Постановление Правительства Республики Молдова от 14.08.2009 № 493 «Об утверждении Положения об учете правонарушений в области дорожного движения и обеспечении доступа владельца водительского удостоверения к информации о штрафных очках». - URL: <http://lex.justice.md/ru/332077/>. (дата обращения: 25.01.2019).
12. Приказ МВД Республики Молдова № 60 от 03.03.2014 «Об утверждении Инструкций о порядке выдачи разрешительных документов, справок об отсутствии судимости, справок о привлечении к ответственности за правонарушения и других справок службой информационных технологий Министерства внутренних дел». - URL: <http://lex.justice.md/ru/352552/> (дата обращения: 25.01.2019).
13. Откуда берутся штрафы и как узнать, сколько у вас баллов. И есть ли еще права... - URL: <http://www.kp.md/daily/26407/3282724/> (дата обращения: 25.01.2019).
14. 100-балльная система оценки водителей — как это будет работать? - URL: <http://www.apsny.ge/2017/soc/1492889614.php>. (дата обращения: 25.01.2019).
15. 100-балльная система оценки водителей в силе — как это будет работать? - URL: <http://www.newsgeorgia.ge/100-balnaya-sistema-otsenki-voditelej-v-sile-kak-eto-budet-rabotat/> (дата обращения: 25.01.2019).
16. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках: Закон Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 года № 96-VQ. - URL: http://online.zakon.az/Document/?doc_id=36865427
17. Информация о суммах штрафов и о штрафных баллах. - URL: <http://mia.gov.az/?/ru/driverlicense/> (дата обращения: 25.01.2019).

Tsyndrya V. N. Ballroot system of administrative punishments (recovery): analysis of foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 320–328.

The article actualizes the need to study foreign experience in the implementation of the ball system, as a form of administrative penalties for offenses in the field of road traffic. It was established that the identification of foreign experience of ball systems provides for: an analysis of the general for different countries patterns of their consolidation and the bases of application; identifying features of their use in individual countries; determining the feasibility of using it to improve Russian administrative-tort legislation.

Taking into account the proposed algorithm, the experience of introducing penalty points (points) in Azerbaijan, United Arab Emirates, Great Britain, Germany, Georgia, Israel, Spain, Italy, China, Moldova, USA, Ukraine, France, Czech Republic, Japan was considered: established general laws and specifics of legislative consolidation and practice of their application; detailed specificity of the use of penalty points in countries whose legal reality most closely matches the Russian realities: Azerbaijan, Georgia, Ukraine, Moldova.

The positive components of foreign experience are identified, the main conditions for the implementation of the point system of administrative punishment in Russia are named.

Keywords: point system, penalty points (points), administrative punishment (recovery), foreign experience, administrative and tort legislation

Spisok literatury

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 g. // Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2002, № 1, CH. 1, St. 1.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
3. Cyndrya V. N. Osobyje vidy administrativnyh nakazaniy v zakonodatel'stve stran-chlenov SNG // Sbornik vystuplenij po itogam provedeniya Pervogo Sevastopol'skogo yuridicheskogo foruma, proshedshogo 27-28 sentyabrya 2018 goda na baze YUridicheskogo instituta Sevastopol'skogo gosudarstvennogo universiteta / otv. red. S.A. Vasil'eva. — M.: Centrkatolog, 2019, 384 s.
4. Antonov S. N., Kuzin V. V. Otvetstvennost' za sistematicheskoe sovershenie administrativnyh pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya: istoriya, problemy, perspektivy. - URL: <http://centerbereg.ru/m837.html>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
5. Bogunovskij V. Sistema raboty shtrafnyh ballov za narushenie PDD. - URL: <http://auto.vesti-ukr.com/docs/108338-sistema-raboty-shtrafnyh-ballov-za-narushenie-pdd>.
6. «Idiotentest» ili pochemu v Germanii voditeli ezdyat strogo po pravilam // <https://cont.ws/@master-t/850658>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
7. Kodeks Ukrainy ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 07.12.1984 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta, 1984, prilozhenie do № 51, st.1123.
8. Zaklyuchenie na proekt Zakona Ukrainy № 2562 vid 13.05.2015 r. «O vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Ukrainy odnositel'no sovershenstvovaniya regulirovaniya otnoshenij v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya». - URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54673. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
9. Postanovlenie Kabineta Ministrov Ukrainy ot 10.11.2017 № 833 «O funkcionirovanii sistemy fiksacii administrativnyh pravonarushenij v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v avtomaticheskom rezhime». - URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/833-2017-%D0%BF>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
10. Postanovlenie Kabineta Ministrov Ukrainy ot 14 noyabrya 2018 № 984 «Poryadok bezvozmezdno predostavleniya (v tom chisle cherez Internet) informacii ob administrativnom pravonarushenii v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya, zafiksirovannoe v avtomaticheskom rezhime, i o narushenii pravil ostanovki, stoyanki, parkovki transportnyh sredstv, zafiksirovannoe v rezhime fotos'emki (videozapisi), licam, za kotorymi zaregistriruvany transportnye sredstva, i / ili neposredstvennym pol'zovatelyam takih transportnyh sredstv». - URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/984-2018-%D0%BF/print>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
11. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Moldova ot 14.08.2009 Nr. 493 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob uchete pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya i obespechenii dostupa vladel'ca voditel'skogo udostovereniya k informacii o shtrafnyh ochkah». - URL: <http://lex.justice.md/ru/332077/>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
12. Prikaz MVD Respubliki Moldova Nr. 60 ot 03.03.2014 «Ob utverzhdenii Instrukcij o poryadke vydachi razreshitel'nyh dokumentov, spravok ob otsutstvii sudimosti, spravok o privilechenii k otvetstvennosti za pravonarusheniya i drugih spravok sluzhboj informacionnyh tekhnologij Ministerstva vnutrennih del». - URL: <http://lex.justice.md/ru/352552/>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
13. Otkuda berutsya shtrafy i kak uznat', skol'ko u vas ballov. I est' li eshche prava... - URL: <http://www.kp.md/daily/26407/3282724/>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
14. 100-bal'naya sistema ocenki voditelej — kak ehto budet rabotat? - URL: <http://www.apsny.ge/2017/soc/1492889614.php>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
15. 100-bal'naya sistema ocenki voditelej v sile — kak ehto budet rabotat? - URL: <http://www.newsgeorgia.ge/100-balnaya-sistema-otsenki-voditelej-v-sile-kak-eto-budet-rabotat/>. (data obrashcheniya: 25.01.2019).
16. Kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki ob administrativnyh postupkah: Zakon Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 29 dekabrya 2015 goda № 96-VQ. - URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427
17. Informaciya o summah shtrafov i o shtrafnyh ballah. - URL: <http://mia.gov.az/?ru/driverlicense/> (data obrashcheniya: 25.01.2019).

УДК 347

**АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА В СТРАНАХ
РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ**

Юнусова А. Н.

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»*

В статье представлен историко-правовой анализ правового регулирования института опционного договора в романо-германской правовой семье.

Проведен анализ ряда нормативных правовых документов Франции, Германии и Италии, демонстрирующий, что в ходе исторического развития законодательство различных европейских государств напрямую закрепляло возможность использования опционного договора в гражданском и торговом оборотах.

Установлено, что в целом в романо-германской правовой семье под опционным договором понимается такой основной договор, по условиям которого он не может вступить в силу, пока одной из сторон не будет заявлено о реализации своего права на опцион. При заключении опционного договора, законодательно запрещено применение потестативных условий, зависящих лишь от воли должника. Вместе с этим, автором сделаны выводы, что в континентальном праве под опционным договором, в основном, понимается безотзывная оферта, ожидающая своего акцепта. Срок исполнения обязательств по опционным договорам континентального права может быть исполнен только в день истечения договора.

Кроме этого, в статье представлены две правовые модели оформления отношения сторон опционного соглашения, которые могут считаться основными в романо-германской правовой семье – это модель сделки об оферте и модель востребования исполнения.

Ключевые слова: опцион, опционный договор, договорная конструкция, романо-германская правовая семья, оферта, акцепт, одностороннее обещание.

К романо-германской правовой семье принято относить те правовые системы, которые возникли в континентальной Европе на платформе древнеримского права с учетом как канонических, так и местных правовых обычаев.

Сходство правовых систем европейских стран, в частности, по правовой доктрине, юридической технике, во многом объясняются рецепцией римского права еще при феодализме. Унифицирующим оказалось и влияние канонического права.

В ходе осуществления колонизаторской политики европейских стран романо-германская правовая семья распространилась на всю Латинскую Америку, значительную часть Африки, страны Востока и Японию. Этому способствовал и высокий уровень кодификации в странах континентальной Европы в XIX веке, что было применено в качестве образца для создания собственного права.

Природа права была в корне изменена буржуазными революциями. Оказались отмененными феодальные юридические институты, основным источником романо-германского права стал закон. Он представлялся наиболее подходящим инструментом, чтобы была создана единая национальная правовая система, обеспечивающая законность в качестве альтернативы феодальному деспотизму и кулачному праву. Те же обстоятельства, которые определили важную роль закона, обусловили также

возможность и необходимость кодифицировать законодательство. Кодификация приводит право в систему, пронизанную едиными принципами [9, с.59].

Формирование романо-германской правовой семьи в качестве целостного явления завершилось кодификацией. Собственные гражданские кодексы были приняты во Франции (1804 г.), Германии (1896 г.), Швейцарии (1881-1907 гг.). До конца XIX века были приняты гражданские и иные кодексы в большинстве европейских стран. Наиболее значительную роль сыграла французская кодификация, особенно гражданского кодекса, так называемого кодекса Наполеона, ее влияние заметно в утверждении правовых принципов во многих странах Европы и не только ее [11, с.134].

Опционные договоры признаются во многих правовых системах: англосаксонских, где принято название *option contract*, и континентально-европейских, они нередко отделяются от предварительных договоров (Франция, Германия, Италия, Румыния и др.).

Моментом заключения договора в странах континентального права считается система получения акцепта оферентом.

В принципе, имеются две правовые модели оформления отношения сторон опционного соглашения, которые могут считаться основными. Первая, так называемая модель сделки об оферте, состоит в заключении сторонами особого вида договора, в соответствии с предметом которого одна сторона предоставляет другой стороне безотзывную оферту на заключение в дальнейшем основного договора (купли-продажи, аренды и т.п.), причем другая сторона получает секундарное право акцептовать ее в течение оговоренного срока, «запустив» тем самым правоотношения в рамках основного договора. Учитывая возмездность конструкции, сторонами предусматривается внесение опционной премии за получение секундарного права на акцепт. Иными словами, применение подобной модели дает двухступенчатую схему, когда первоначально заключенное опционное соглашение трансформируется в основной договор, относящийся к тому или иному типу, в момент акцепта.

Вторая модель, известная как модель востребования исполнения, состоит в том, что сторонами сразу заключается основной договор соответствующего типа (купли-продажи, аренды и т.п.), тогда как исполнение основных обязательств по нему откладывают до того момента, когда будет востребовано исполнение одной из сторон. Востребование исполнения, таким образом, оказывается чисто потестативным, зависящим от одного лишь волеизъявления условием, его наступление приводит к появлению обязательств у сторон по заключенному договору. То есть, по первой модели опционное соглашение направляется на предоставление секундарного права на акцепт, а по второй секундарное право содержит право востребования исполнения по договору, который уже был заключен. При использовании условия возмездности конструкции опционной сделки за получение секундарного права на востребование исполнения должна быть внесена опционная премия. При одинаковости экономической функции обоих вариантов между ними имеются чисто догматические различия, оба они применяются в международном деловом обороте [18, с. 166].

Проанализировать процесс формирования и применения института опционного договора можно на примере Франции и Германии.

Первым правовым документом европейской буржуазной эпохи стал Французский гражданский кодекс, который был принят 21 марта 1804 года и вошел в исто-

рию под названием Кодекса Наполеона [7]. При его разработке особое внимание уделялось чёткости и непротиворечивости формулировок. Кодекс содержал фундаментальные положения о праве частной собственности, возмещении ущерба, договорном праве и т.д. За последующие два столетия многие из этих статей не подвергались ни единой поправке. Для адаптации кодекса к произошедшим изменениям, во Франции принято четыреста законов, при этом количество статей в нем увеличилось всего на две, их стало 2283.

Нет ничего удивительного в процессе рецепции французского Кодекса по всему свету непосредственно после его принятия в самой Франции. Прежде всего, рецепция произошла в тех странах и территориях Европы, которые были завоеваны Наполеоном, после чего она распространилась на большей части Европы и далее охватила другие страны мира, в том числе на многие тысячи километров удаленные от Франции.

В Бельгии Кодекс Наполеона ввели уже в 1804 году, затем в Люксембурге (там он не менялся весь XIX век), в Пьемонте, на части Швейцарии. Затем последовали Бавария, Лукка, Вестфалия, Нидерланды, Сицилия, Польша (здесь Кодекс действовал с некоторыми изменениями до начала второй мировой войны). Затем его действие было распространено на многие другие страны и территории земного шара. Как свидетельствует научно-правовой анализ рецепции Кодекса и его последствий, почти все страны Европы испытали на себе влияние Кодекса Наполеона [18, с. 153].

Отдельного внимания заслуживают положения Кодекса, посвященные договорному праву. Так, в соответствии с Кодексом Наполеона «договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются перед другим лицом или перед несколькими другими лицами дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо» [7]. Понятие предмета договора совпадает с понятием предмета обязательства. Принципы, на которых строятся договорные отношения, таковы: принцип неизблемости договора: «Соглашения, законно заключенные, занимают место закона для тех, кто их заключил. Они могут быть отменены лишь по взаимному согласию сторон или по причинам, в силу которых закон разрешает отмену. Они должны быть выполнены добросовестно» [7]. В кодексе рассматриваются различные виды договоров: дарения, мены, купли-продажи, найма. Договор считается заключенным, когда достигается соглашение по поводу вещи и цены. Одновременно происходит переход права собственности на покупателя. Цена вещи определяется по усмотрению сторон. Помимо договора к основаниям возникновения обязательств кодекс относит причинение вреда.

Согласно французской доктрине и практике, следует исходить из того, что оферент не связан офертой. Но из этого принципа сделано исключение в случае заключения опционного договора, когда оферент обязуется не отзываться оферту, например, путем назначения срока для акцепта за определенную плату (премию). В последнем случае он не может отозвать оферту, пока не истечет оговоренный срок, который может быть либо указан напрямую, либо вытекать из обстоятельств дела (деловых обыкновений). В судебной практике принимается, что применение срока для акцепта презюмируется в торговых сделках, а, следовательно, презюмируется и безотзывность оферты. В настоящее время в деловом обороте в особенности, большее значение отводится исключениям, чем общему правилу [17, с. 79].

В книге третьей Кодекса Наполеона «О различных способах, которыми приобретается собственность»: регулировались способы приобретения права собственности (наследование, дарение, завещание, обязательства, средства обеспечения, давность, договора, продажа, мена, заем).

Вместе с этим, кодекс не содержал понятия опцион либо опционный договор, Французскому праву известен такой институт, как одностороннее обещание (*promesse unilatérale*).

Статья 1589 Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) предусматривает схожее с опционным договором положение, в рамках которого одна сторона обязуется продать имущество другой стороне, если та пожелает его купить: «Статья 1589. Обещание продать равносильно продаже, если имеется взаимное соглашение обеих сторон о вещи и о цене.

Если это обещание касается земли, разделенной на участки или подлежащей разделу на участки, то принятие предложения и соглашение, которое будет из этого вытекать, устанавливаются в силу платежа в счет цены, какое бы название ни было дано этому платежу, и в силу передачи владения участком.

Датой соглашения, даже оформленного позднее, является дата первого платежа» [7].

Под односторонним обещанием понимается соглашение, согласно которому лицо обязуется перед другой стороной заключить в будущем договор на определенных условиях, в случае, если вторая сторона (бенефициар) выразит необходимость заключения такого договора в течение определенного срока. Сторона, дающая обещание, должна обладать соответствующей правоспособностью на дату реализации опциона.

В соответствии со статьей 1589-2 Кодекса Наполеона является ничтожным любое одностороннее обязательство, касающееся продажи недвижимого имущества, права на него, коммерческого комплекса, права на аренду всего или части недвижимого имущества или акций, предусмотренных статьями 728 и 1655 Общего налогового кодекса Франции, если оно не подтверждено документом в удостоверенной форме или документом в простой письменной форме, зарегистрированным в течение 10 дней с момента принятия обязательства получателем.

Согласно практике 2006 г. односторонние обещания признавались ничтожными в связи с отсутствием регистрации [17, с. 80]. Несмотря на то, что обещание именуется односторонним, по мнению цивилистов, в нем прослеживается синолагматическая связь.

В том случае, когда, лицо, давшее обещание (*promettant*) отказалось его выполнять в течение срока действия опциона, бенефициар не имеет права на затребование принудительного исполнения этого обещания, у него есть только право на возмещение убытков.

Решение, принятое Кассационным судом Франции 15 декабря 1993 г., когда высшая судебная инстанция отказала в подтверждении возможности принудительного исполнения проекта договора, по отношению к которому заключен опцион на продажу, при отказе от обещания *promettant*'а в течение срока действия опциона, признается классическим по данному вопросу. Приведенная позиция подтверждается и практикой палаты по коммерческим спорам (от 11 мая 2011 г. № 10-12.875 и 13 сентября 2011 г. № 10-19.526). Следует отметить, что в источниках встречаются та-

кие высказывания, которые, тем не менее, дают основание сделать вывод об отсутствии границ между предварительным договором и односторонним обещанием [17, с. 82].

Заметно превалирование во французской правовой доктрине точки зрения, что при отсутствии заданного периода времени, который оговорен сторонами, сторона опционного договора может воспользоваться имеющимся у нее правом лишь в течение некоего разумного времени, иначе признается негласное отступление от соглашения сторон.

По мнению профессора А. Корбина, «договор не является недействительным только в силу того, что в нем не конкретизировано возможное время исполнения» [13]. Правила толкования договоров требуют конструирования договорных обязательств, логичных для достижения разумного результата, поэтому можно предположить намерение сторон скорее ограничить возможность исполнения договора разумным сроком, нежели оставить такую возможность без ограничения.

Основываясь на изложенном, можно сказать, что одностороннее обещание рассматривается в качестве одного из элементов процесса, предваряющего заключение договора, для которого необходима отдельно выраженная согласованная воля обеих сторон.

На протяжении многих лет во Франции велись работы по реформированию Гражданского кодекса в области договорного права, в рамках которых разными группами юристов были подготовлены три проекта соответствующих изменений:

- проект, разработанный группой, возглавляемой проф. П. Катала, и наиболее широко известный в России;
- проект, подготовленный под руководством проф. Ф. Терре;
- проект Министерства юстиции Франции.

Однако в начале 2015 г. произошли события, очевидно свидетельствующие о проявлении политической воли в кратчайшие сроки осуществить реформу французского договорного права [17, с.85].

12 февраля 2015 г. Конституционный совет Франции решением N 2015-710 DC признал не противоречащим Конституции Французской Республики внесение изменений в ряд законов, включая Гражданский кодекс, постановлениями Правительства.

Во Франции было принято Постановление № 2016 131 «О праве договоров, об общих положениях и доказывании обязательств» (название на французском языке – *Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations*) [8]. Данным Постановлением были существенно изменены многие положения Кодекс Наполеона, касающиеся договорного права. Так, 1 октября 2016 в силу вступили новые положения Гражданского кодекса Франции (далее - ФГК).

Центральное место среди норм раздела III ФГК «Об источниках обязательств» занимают положения о договорах. Статья 1101 ФГК предусматривает, что «договор - это добровольное соглашение между двумя или несколькими лицами, направленное на создание, изменение, передачу или прекращение обязательств». При этом «любой свободен заключать или не заключать договор, выбирать, с кем заключать договор и определять содержание и форму договора в пределах, установленных законом» (абз. 1 ст. 1102 ФГК). Однако свобода договора не позволяет выходить из

под действия правил, затрагивающих публичный порядок (абз. 2 ст. 1102 ФГК). Тем самым ФГК формализует принципы свободы договора и автономии воли стороны договора, закрепляя их в нормах закона.

Эти нормы идут существенно дальше прежнего положения ст. 1101 Гражданского кодекса Франции, в соответствии с которым «договор - это соглашение, по которому одно или несколько лиц обязуются в отношении одного либо нескольких лиц дать, сделать что-либо или воздержаться от свершения определенного действия».

Реформа обязательственного права не обошла вниманием и такой институт, как одностороннее обещание, посвятив ему статью 1124. Статья 1124 предусматривает «одностороннее обещание заключить договор», то есть опцион на заключение договора: «Статья 1124. Одностороннее обещание-это договор, посредством которого одна сторона, обещая, предоставляет другому бенефициару (выгодополучателю) право выбора в отношении заключения договора, основные элементы которого определены, и в отношении образования, в котором отсутствует только согласие бенефициара [17, с. 88]. Аннулирование обещания в течение времени, оставшегося бенефициару для выбора, не препятствует заключению обещанного контракта. Договор, заключенный в нарушение одностороннего обещания с третьей стороной, которая знала о его существовании, является недействительным».

В случае если бенефициар не воспользовался своим правом на основании одностороннего обещания должника в течение срока действия опциона, он теряет выгоду от такого опциона.

Также новые положения ФГК предусматривает возможность заключения договора, по которому лицо обязуется предоставить некоторую вещь другому лицу, отдав ему предпочтение в случае решения продать эту вещь по ранее или впоследствии определенной цене (*acte de préférence*, статья 1125). Такой договор не должен содержать существенных условий будущего договора. В этой связи данная конструкция гораздо в меньшей степени связывает стороны применительно к заключению будущего договора, чем одностороннее обещание. В случае нарушения *acte de préférence* одной из сторон, контрагент вправе воспользоваться возможностью возместить понесенные убытки [18, с.167].

Вместе с этим, следует отметить, что во Франции, так же как в странах общего права, акцент делается на условном характере того или иного обязательства, а не на сделке в целом.

Условное обязательство (ст. ст. 1304 - 1304-7) является таковым, «если оно зависит от будущего и неизвестного события». При этом ФГК, как и прежде, различает отменительное и отлагательное условия (ст. 1304).

Весьма важно уточнение, которое ст. 1304-2 ФГК вносит в положение прежней ст. 1170 Кодекса, ранее регулировавшей потестативные условия. Согласно ст. 1304-2 ФГК «обязательство, установленное сторонами под условием, осуществление которого зависит исключительно от воли должника, является недействительным. Не допускается ссылка на такую недействительность, если лицо исполнило обязательство, зная об этом» [7].

Для французского права (а в дальнейшем данная терминология стала общепринятой) характерно выделение условий случайных, смешанных и потестативных. Случайные условия – те, которые зависят от случайности и никак не находятся в пределах контроля той или другой стороны договора (ст. 1169 ФГК). Смешанные

условия отчасти зависят от воли одной из сторон и воли других лиц либо объективных событий, не контролируемых контрагентами. Потестативными называются условия договора, наступление которых или воспрепятствование этому наступлению находятся во власти одной из сторон (ст. 1170 ФГК).

Законодательно запрещено, согласно ст. 1174 ФГК, только потестативное условие, которое зависит только лишь от воли должника. Иные виды условий не запрещаются, включая такие, когда условие зависит отчасти от действий должника, отчасти от действий третьих лиц, а также зависящие исключительно от воли кредитора или третьих лиц.

Здесь следует заметить, что при заключении опционного контракта с потестативным условием на стороне кредитора во французском законодательстве не возникает. Изначальный проект ФГК предлагал запрет любых потестативных условий, но Кассационный трибунал настоял на сужении запрета до тех случаев, когда должник имеет полный контроль над наступлением условия. Известен пример допустимого потестативного условия, которое зависит от воли кредитора: условие опционного договора купли-продажи, по которому продавец обязуется к продаже дома, если покупатель в течение определенного соглашения времени решит реализовать свой опцион и заявит о своем намерении покупки дома [20, с.95].

Следом за Францией запрещать потестативные условия на стороне должника в различных модификациях стали представители других правовых порядков романской правовой группы: Испания (ст. 1115 ГК), Италия (ст. 1355 ГК), Луизиана (ст. 1170 ГК), Квебек (ст. 1500 ГК). Но возможность согласовать потестативное условие, зависящее от кредитора, и во Франции, и в перечисленных странах, не ставится под сомнение. А в гражданских кодификациях стран германской группы, в отличие от романской правовой семьи, запрет на потестативные условия не был воспринят [17, с.87]. Как бы то ни было, в современной правовой литературе встречаются указания на то, что у потестативного условия, зависящего исключительно от усмотрения должника, отсутствует юридическая сила.

Гражданское право представляет собой один из самых интересных и социально значимых юридических феноменов. Его состояние отражает развитость правовой и экономической культуры общества. Это полностью относится к Германии, в которой проблемы пре одоления «цивилистической раздробленности» и становления единого (хотя и не единственного) гражданского законодательства всегда привлекали внимание самых различных социальных групп.

Германское гражданское уложение (нем. Bürgerliches Gesetzbuch, BGB; более точный перевод - Гражданский кодекс, ГК), вступившее в силу с 1 января 1900 года, является крупнейшим и основополагающим законом Германии, который регулирует гражданские правоотношения. Он был разработан и принят в кайзеровские времена, на излете «юридического столетия», и действует, с некоторыми изменениями и дополнениями, вплоть до нашего времени. Отвечая принципам пандектной системы, он состоит из пяти книг, в которых содержатся общая часть, обязательственное право, вещное право, семейное право и наследственное право. Вводный закон к ГК уже в своей первоначальной редакции содержал нормы международного частного права.

В кодекс включено более двух тысяч статей, которые именуются параграфами. Документ отличается высокой степенью точности, разработанности и исчерпывающей полнотой правовых норм, а также сложным и в определенной степени абстрактным языком.

Гражданский кодекс демонстрирует самую масштабную кодификацию гражданского права, относящуюся к концу XIX века. Создание кодекса находилось в числе требований немецкого национального движения. Исходным пунктом для начала его разработки послужило стремление к унифицированию и упрощению действующего гражданского права, с возможностью устранить раздробленность действовавших в германских государствах правовых систем, которая тормозила развитие оборота.

До конца XIX века единого гражданского законодательства в стране не было. В Германии, раздробленной на отдельные государства, насчитывалось более трех десятков местных правовых систем. К основным источникам права, регулировавшим гражданские правоотношения в отдельных немецких государствах, относились Прусское земское право, Кодекс Наполеона, Саксонский гражданский кодекс и пандектное право.

В Германском гражданском кодексе были отражены новые тенденции в развитии буржуазного гражданского права. В I книге – общая часть, во II – обязательственное право, в III – вещное, брачно-семейное и наследственное право. Всего уложение включало 2385 параграфов. Оно содержит сложные термины и юридические конструкции, тяжеловесный язык, но юридически является более точным и совершенным, чем Гражданский Кодекс Наполеона.

В ГГУ отсутствует понятие «опционный договор», при том, что германское право также, как и право многих других стран, признает опционный контракт – Optionsvertrag, но рассматривает его, несмотря на подписи обеих сторон договора, скорее, как безотзывную оферту с длительным связывающим эффектом, которую одна из сторон (или любая сторона) имеет право акцептовать в пределах установленного в опционном договоре срока [11, с.38].

У оферента есть возможность отдельно оговорить, что он не считает себя связанным офертой (§ 145 ГГУ; абз. 1 ст. 7 ШОЗ). При назначенном в оферте сроке для ее принятия, оферент связан в течение этого срока (§ 148 ГГУ; абз. 1 ст. 3 ШОЗ). Причем, назначенный срок действует при заключении договора и между отсутствующими, и между присутствующими. Когда в оферте срок не указан, до акцепта оферент связан ею только в отношениях между отсутствующими в течение того срока, в который следует ожидать ответа при условии нормального, обычного хода дел (абз. 2 § 147 ГГУ; абз. 2 ст. 5 ШОЗ).

Немецкая правовая литература выделяет две теории, связанные с опционным договором: теорию единого договора, или теорию единства, и теорию разделения договоров [19, с.46].

1. Теория разделения договоров (Trennungstheorie).

Теория, разработанная немецкими учеными Ларенцем и Георгиадисом, на сегодняшний день является преобладающей в немецкой литературе. Согласно этой теории, опционный договор – это самостоятельный и независимый договор, носящий подготовительный характер, дающий обладателю опционного права возможность введения в действие основного соглашения путем одностороннего заявления как формирующего, так и изменяющего характера. В связи с опционным договором

стороны создают отдельное, независимое (вторичное) право по формированию и изменению правоотношения (*Gestaltungsrecht*). Das *Gestaltungsrecht* представляет собой субъективное право, осуществляют которое в одностороннем порядке с непосредственным влиянием на имеющееся правовое положение, изменяя его. Это право на создание, изменение или прекращение субъективных прав, которое должно быть предоставлено управомоченному лицу [19, с.46].

Опционное право служит как проявлением, так и основой данной теории. Профессором Ларенцом оно определялось, как право на установление договорных отношений или продление уже существующих на основании одностороннего волеизъявления, причем его содержание стороны могут предварительно согласовать в договорном или ином порядке. Отсюда следует, что для возникновения правоотношения достаточно волеизъявления, а также оно может быть сформировано на основании решения суда.

Иначе говоря, содержание опционного права таково: управомоченное лицо может заключить договор с учетом предварительно согласованного содержания посредством одностороннего правоформирующего и правообразующего заявления (*Gestaltungsrecht*). Возможно предоставление права на соответствующее заявление на основе договора, который целесообразно будет обозначить в качестве опционного.

Опционный договор и основной договор – это два самостоятельных договора, при том, что в опционный договор включается признак состава основного договора, что позволяет сохранить взаимосвязь основного и опционного договоров. В опционном договоре должны содержаться существенные условия основного договора.

2. Теория единого договора (*Einheitstheorie*). В основе данной теории лежит существование опционного права (или права на реализацию опционного соглашения) и основного договора. Приверженцы этой теории, такие, как Эссер, не склонны разделять основной и опционный договоры, они принимают во внимание главный договор с опционной оговоркой.

Как только владелец (держатель) опционного договора получает опционное право, у него появляется вторичное правомочие в его рамках, которое в дальнейшем поглощается основным договором. Как раз применение одной стороной (держателем опциона) своего опционного права и приводит к заключению основного соглашения [19, с. 47].

Немецкими юристами признается, что создание теории единого договора потребовалось, в основном, для того, чтобы обойти правило о недопустимости воли под условием. Основное отличие указанной теории от теории воли под условием следует признать терминологическим, так как оговорка о признании основного договора заключенным, если управомоченная сторона реализует опционное право, является одним из отлагательных условий, которые зависят только от воли управомоченной стороны [12, с. 103].

В судах на данный момент принят принцип, что при решении вопроса о соотношении между опционным и основным договором следует их рассматривать в качестве единого (унифицированного) договора.

Как пишет профессор К Ларенц, в 1986 году Федеральным Судом Германии был квалифицирован договор, являющийся в сущности опционным, как отлагательно обусловленный договор купли-продажи с учетом предоставления права на предва-

рительную или обратную покупку. Как отметил суд, условием действительности договора купли-продажи может служить заявление управомоченного лица, которым в данном случае осуществляется право выбора (option) [15, с. 155].

Принимая решение, Федеральный финансовый суд Германии обсуждал значение и происхождение опционного права для сотрудника, производил оценку акционерных опционных прав для работников. Данный работник был коммерческим директором компании, ему было предоставлено право на выкуп акций по цене 65 центов за штуку. Он мог воспользоваться этим правом с 1 января 2004 по 5 января 2005 года, договором также предусматривалось предоставление права переуступки этого права фирме. Перед судом стоял вопрос, касающийся налогообложения опционной премии в последнем случае.

Судом было постановлено, что работник получает преимущество в том случае, если использует свое право на опцион непосредственно в собственных интересах или иным образом, передавая такое право третьему лицу. Тогда выгода, получаемая работником, приравнивается к стоимости права на момент распоряжения им [15, с.158].

До 2005 года немецкая судебная практика не изменилась. Судебная палата по гражданским делам Федерального суда Германии в тех решениях, которые связаны с правом на приобретение земельных участков, имеет в виду, что в подобных договорах выражен опционный договор, как договор, обуславливающий волю одного из контрагентов заключить основной договор. В так называемых «земельных» делах опционное право выражается правом покупки. Тогда опционный договор понимается в виде потестативно обусловленного основного договора, поскольку он становится действительным только в момент, когда реализуется опционное право, а сама реализация зависит от воли лишь одной из сторон соглашения.

Квалифицируя срочные биржевые сделки, Федеральный финансовый суд применяет аналогичные правила.

Наличие двух противоположных друг другу теорий, таких как теория единого договора и теория разделения договоров, не помешало появлению в юридической литературе Германии исследований, позволивших примирить между собой оба подхода. Например, Г. Райнер считает, что в конкретном случае сами стороны вольны выбирать, какой из принципов будет применен при заключении соглашения, так как важным является не само множество теорий, а возможность обоснования опционного права, возникающего в результате заключения договора. Теории служат лишь формами такого обоснования, давая сторонам возможность определения и квалификации своих правовых взаимоотношений. Какая из представленных возможностей окажется самой подходящей, определяют стороны договора, а «ведущаяся дискуссия сопровождается стремлением найти универсальный подход» [19, с. 49].

При этом необходимо учесть соображение уже не теоретического, а практического характера. От выбора сторонами теории (имеют они дело с единым договором или с двумя разными), зависит возникновение тех или иных последствий, в частности, по переуступке опционного права или невыполнению сторонами условий опционного договора, а еще в порядке применения способов защиты контрагентов.

Срок исполнения обязательств по опционным контрактам континентального права может быть исполнен только в день истечения контракта.

В современной судебной практике к этому вопросу принято подходить следующим образом: offerent вправе отозвать свою offerту, пока не истек предусмотренный в ней срок, в любое время, причем это порождает для него обязанность возмещения убытков противоположной стороне – получателю offerты. Германским правом offerта признается, по общему правилу, безотзывной, поэтому отзыв offerентом своего предложения заключить договор не имеет никаких юридических последствий [11, с.102].

Опционы могут быть разделены на два вида:

а) опцион на покупку (опцион call в англоязычной терминологии), дающий держателю опциона право на покупку актива;

б) опцион на продажу (опцион put), дающий право на продажу актива держателю опциона.

Опцион call дает возможность для держателя опциона купить актив, который лежит в основе договора, либо отказаться от его покупки. По опцион put у держателя есть право продать актив или отказаться его продавать. Так, инвестор приобретает опцион call, когда рассчитывает на превышение курса актива, и опцион put, ожидая его понижения.

Европейский опцион call подлежит исполнению, если к моменту истечения срока договора курс спот актива выше цены исполнения, то же самое для европейского опцион put, если ниже цены исполнения [20, с. 95].

В романо-германской правовой семье существует и такая классификация опционов: опционы с выигрышем; опционы без выигрыша; опционы с проигрышем.

Опцион с выигрышем означает опцион, приносящий инвестору прибыль в случае его немедленного исполнения. Опцион без выигрыша при немедленном его исполнении выражается в нулевом притоке средств к его держателю. Опцион с проигрышем в случае его немедленного исполнения приводит инвестора к убыли.

Такие немецкие цивилисты, как М. Каспер [12, с. 515], Х. Брокс [9, с. 94], Д. Медикус [16, с. 80], выделяют три основные задачи, преследуемые опционным договором.

Первая состоит в определении содержания будущего основного соглашения. Сторонами определяется его содержание с включением права в одностороннем порядке «запустить» исполнение (§ 315-317 ГГУ).

Вторая заключается в возможности для сторон оговорить дополнительные обязанности, предшествующие реализации права на опцион, примером может служить установление опционной премии. В возможности установления опционной премии и других дополнительных условий между сторонами и заключается преимущество согласования опционного договора с предположением основного.

Третья задача опционного договора – создать опционное право у одной стороны и права ожидания у противоположной стороны предполагаемого основного договора. Здесь кроется связь опционного договора и основного. Несмотря на то, что исполнение опционного договора обязательным не является, сама возможность заключить основной договор соответствует интересам контрагентов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в ходе исторического развития законодательство различных европейских государств напрямую закрепляло возможность использования опционного договора в гражданском и торговом оборотах.

В целом в романо-германской правовой семье под опционным договором понимается такой основной договор, по условиям которого он не может вступить в силу, пока одной из сторон не будет заявлено о реализации своего права на опцион. Срок исполнения обязательств по опционным контрактам континентального права может быть исполнен только в день истечения контракта. Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в континентальном праве под опционным договором, в основном, понимается безотзывная оферта, ожидающая своего акцепта.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 21.10.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
4. Постановление ФАС Уральского округа от 19.05.2009 № Ф09-3047/09- С5 по делу №А60-26371/2008-С2 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.10.2010 по делу № А53-31220/2009 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление ФАС Поволжского округа от 24.02.2012 по делу №А55- 3544/2011 // СПС КонсультантПлюс.
7. Гражданский кодекс Франции (кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (ред. от 01.10.2016) // СПС КонсультантПлюс.
8. Имекова М.П., Велекжанина А.А. Опционный договор в российском и зарубежном праве // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 4. С. 59.
9. Кокорина М. Опционный договор в немецком праве и англо-американском праве [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.m-logos.ru/img/Spravka_opcionnii_dogovor_Kokorina_M_9042015.pdf.
10. Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. М.: Социум, 2014. С. 134.
11. Маковская А.А. Реформа гражданского права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестник экономического правосудия. 2016. № 8. С. 79.
12. Огурцова О.А. Правовая природа опционного договора по зарубежному праву // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 166.
13. Райнер Г. Деривативы и право / пер. с нем. Ю.М. Алексеев, О.М. Иванов. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 46.
14. Хатхоху Р.М. Опцион и опционный договор в российском и зарубежном праве: тождество или различие понятий // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: сборник трудов научной конференции. Краснодар: НИИ актуальных проблем современного права, 2016. С. 95.
15. Brox H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. Köln, Berlin, Bonn, München: Carl Heymanns Verlag KG, 1988. P. 94-95.
16. Casper M. Der Optionsvertrag. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. 515 p.
17. Corbin A. Option Contracts (1914). Faculty Scholarship Series. Paper 2902. // http://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3899&context=fss_papers.
18. Larenz K. Lehrbuch des Schulrechts, Besonder Teil. München: C.H. C.H. Beckshe verlagsbuchhandlung, 1986. P. 155-158.
19. Markesinis B., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract. A Comparative Treatise. 2-d ed. Entirely Revised and Updated. Oxford, 2006. 1034 p.
20. Medicus D. Juristische Kurz-Lehrbücher Schuldrecht II, Besonderer Teil. München: C.H. Beckshe verlagsbuchhandlung, 1995. P. 80-81.

Yunusova A. N. Analysis of legal regulation of the optional agreement in the countries of the roman-german legal family // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 329–341

The article presents a historical and legal analysis of the legal regulation of the option contract institution in the Romano-German legal family. The analysis of a number of normative legal documents of France, Germany and Italy, demonstrating that in the course of historical development the legislation of various European States directly fixed the possibility of using the option contract in civil and commercial turnover.

It is established that in the Romano-German legal family as a whole, an option contract is understood to be such a basic contract under the terms of which it cannot enter into force until one of the parties declares the exercise of its right to an option. At the conclusion of the option contract, the use of potestative conditions that

depend only on the will of the debtor is prohibited by law. Along with this, the author concluded that in the continental law under the optional contract mainly refers to the irrevocable offer, pending your acceptance. The term of performance of obligations under option contracts of continental law may be performed only on the date of expiry of the contract.

In addition, the article presents two legal models of registration of the relationship of the parties to the option agreement, which can be considered basic in the Romano-German legal family – a model of the transaction of the offer and the model of demand for execution.

Key words: option contract, contractual construction, Romano-German legal family, offer, acceptance, unilateral promise.

Bibliography

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 21.10.1994 No. 51-FZ (Edited on July 26, 2017) // SZ RF. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (Edited on July 26, 2017) // SZ RF. 1996. № 5. Art. 410.
3. Federal Law of 08.03.2015 No. 42-FZ "On Amending Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // SZ RF. 2015. № 10. Art. 1412.
4. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the Urals District No. F09-3047 / 09- C5 of 19.05.2009 on the case NA60-26371 / 2008-C2 // SPS ConsultantPlus.
5. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasus District of 15.10.2010 in case No. A53-31220 / 2009 // ATP ConsultantPlus.
6. Decree of the Federal Arbitration Court of the Volga Region from 24.02.2012 on case No.A55- 3544/2011 // ATP ConsultantPlus.
7. The civil code of France (Napoleon's code) of 21.03.1804 (ed. from 01.10.2011) // ATP Consultant.
8. Himekawa M. P., A. A. Velikzhanin option contract in Russian and foreign law // Legal science and practice. 2018. Vol. 14. No. 4. P. 59.
9. Kokorina M. Option contract in German law and Anglo-American law [Electronic resource] access Mode: http://www.m-logos.ru/img/Spravka_opcionnii_dogovor_Kokorina_M_9042015.pdf.
10. Kulisher I. M. History of economic life in Western Europe. M.: Society, 2014. P. 134.
11. Makovsky A. A. Reform of civil law in France. New provisions of the French Civil code // journal of economic justice. 2016. No. 8. P. 79.
12. Ogurtsova O. A. the Legal nature of the option contract under foreign law // Public service and personnel. 2018. No. 3. P. 166.
13. Rainer, Derivatives and the law]. Yu. M. Alekseev, O. M. Ivanov. M.: Volters Kluver, 2005. P. 46.
14. Hathohu R. M. Option and option contract in Russian and foreign law: identity or difference of concepts // Actual problems of civil and business law: proceedings of the scientific conference. Krasnodar: research Institute of actual problems of modern law, 2016. P. 95.
15. Brox H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. Köln, Berlin, Bonn, München: Carl Heymanns Verlag KG, 1988. P. 94-95.
16. Casper M. Der Optionsvertrag. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. 515 p.
17. A. Corbin, Option Contracts (1914). Faculty Scholarship Series. Paper 2902. // http://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3899&context=fss_papers.
18. Larenz K. Lehrbuch des Schulrechts, Besonder Teil. München: C. H. C. H. Beckshe verlagsbuchhandlung, 1986. P. 155-158.
19. Markesinis B., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract. A Comparative Treatment. 2-d ed. Entirely Revised and Updated. Oxford, 2006. 1034 p.
20. Medicus D. Juristische Kurz-Lehrbücher Schuldrecht II, Besonderer Teil. München: C. H. Beckshe verlagsbuchhandlung, 1995. P. 80-81.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК: 343.9

**ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Игнатов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена установлению факторов детерминации отдельного вида преступлений – коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел. Отличаясь специфическим «набором» негативных социальных явлений и противоречий, на уровне социальных групп, видовой уровень детерминации отличается значительно большим разнообразием и численностью образующих его факторов, позволяет наиболее полно раскрыть специфику детерминации исследуемого вида преступлений. Рассмотренный комплекс объективных (политических, идеологических, социально-экономических, информационных, правовых, организационно-управленческих и психологических) и субъективных факторов позволяет иметь понимание особенностей детерминации коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел как специфического вида преступлений. Детерминация данного вида преступлений связана как со спецификой деятельности органов внутренних дел, так и со спецификой коррупции и криминальных форм ее проявления. Указанные факторы общего (видового) порядка позволяют комплексно исследовать весь спектр криминогенных факторов совершения рассматриваемого вида преступлений и глубже изучать детерминацию конкретных видов коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел и иных правоохранительных органов.

Ключевые слова: детерминация, фактор, объективные факторы, субъективные факторы, коррупция, преступность, органы внутренних дел,

Коррупция проявляется в самых разнообразных сферах властно-публичных отношений, а субъектами коррупционных проявлений, в частности коррупционных преступлений, как наиболее опасной формы проявления коррупции, являются практически все носители властных (в широком понимании) полномочий. К сожалению, коррупция не чужда и правоохранительным органам, в том числе органам внутренних дел (здесь и далее – ОВД) – наиболее многочисленному и многофункциональному в правоохранительной сфере органу.

Учитывая общественную опасность и масштабность криминальных форм проявления коррупции, противодействие ее проявлениям правоохранительных органах, является сегодня одной из первостепенных задач. Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками ОВД, представляют собой широкий круг деяний, имеющих как непосредственно коррупционный характер, так и направленных на реализацию и обеспечение преступной коррупционной деятельности.

Коррупционная преступность сотрудников правоохранительных органов не только увеличивает общее количество преступлений совершенных в стране, подрывает основы демократического правового государства, препятствует построению гражданского общества, наносит ущерб авторитету государственной власти, препятствует нормальному функционированию органов власти и управления, ухудшает

имидж правоохранительных органов, содействует деформации правосознания граждан, морально развращает общество, приучая его к мысли, что несправедливость и злоупотребления со стороны власти допустимы и естественны, выступает весомым катализатором правового нигилизма в обществе, что крайне отрицательно сказывается на эффективности деятельности по минимизации уровня преступности и детерминирует совершение преступлений другими лицами [9, с. 3].

Необходимой предпосылкой разработки эффективных мер противодействия коррупционной преступности в органах внутренних дел и правоохранительных органах в целом является, прежде всего, изучение детерминации коррупционных преступлений сотрудников ОВД как первостепенного объекта превентивного воздействия.

Философия выделяет много видов связей между явлениями и процессами. Наиболее наглядный из них – причинно-следственная связь, которая представляет собой объективно существующую связь, зависимость между двумя или несколькими явлениями, одно из которых (причина) порождает другие (следствие). Причинность при этом понимается как генетическая обусловленность явлений. Именно поэтому одной из наиболее применяемых в отечественной криминологии категорий является именно причина, порождающая преступность при наличии конкретных условий. Другой наиболее типичный вид связи – обуславливающий. Условия сами по себе следствия не порождают, а выполняют роль катализатора, способствуют, создавая возможность возникновения и проявления причины. Их воздействие на следствие является опосредованным. Причина – это то, что передает свою силовую потенцию, то есть вещество, энергию и информацию, а условие – это совокупность обстоятельств события, которые сами не будучи прямой причиной и не участвуя в передаче вещества, энергии и информации, способствуют порождению причиной следствия [16, с. 116]. Следует учитывать, что причина и условие образуют диалектическое противоречие – то, что в одном отношении, в одной связи явлений выступает как причина, в другом будет условием, и наоборот. Этот смысл вкладывают в слова о том, что «причина обусловлена, а условие причинно» [11, с. 96; 13, с. 123; 29, с. 230].

Кроме причин и условий также существует такой вид связи, как корреляционный, представляющий собой многофакторную детерминацию в системах, при которой изменения в одном ряду факторов вызывают соответствующие изменения в другом. В корреляционной связи, в отличие от причинно-следственной, синтезируются необходимость и случайность, возможность и действительность, причины и следствия, определенность и неопределенность, однозначность и неоднозначность [14, с. 14].

В целом же, в философской и юридической литературе сегодня называется до 32 видов причинной и не причинные детерминации [5, с. 147; 6, с. 42; 14, с. 11; 29, с. 19-36].

Указанное делает очевидным вывод о невозможности сведения детерминации преступности только к категориям причин и условий, игнорируя другие виды криминогенной детерминации. Детерминацию преступности следует представлять шире, включая в ее понятие все связи, опосредования и взаимодействие преступности с другими социальными явлениями и процессами. Именно поэтому совокупность всех видов криминогенной детерминации криминологи определяют как «факторы», или «криминогенные факторы» [11, с. 96; 12, с. 57].

Фактор (от лат. *factor* – делающий, производящий) означает движущую, действующую силу какого-либо процесса, явления, определяющую его характер или отдельные черты. Фактором можно считать и причину, и условие (необходимое и сопутствующее), и явление, находящееся в функциональной связи и тому подобное [4, с. 24]. Под факторами преступности следует понимать все те социальные явления и процессы, с которыми она связана и взаимодействует, которые имеют любое детерминистическое, в том числе и казуальное (причинно-условное), значение для объяснения того, что же ее порождает, определяет, обуславливает [12, с. 57].

Изучение детерминации преступности предполагает, прежде всего, системный подход, то есть необходимость исследования всей совокупности факторов, детерминирующих преступность [17, с. 221; 22, с. 321]. Соответственно в процессе рефлексии феномена преступности, как массового, системного преступного (уголовно наказуемого) поведения части членов общества [7, с. 6-7] должны учитываться все внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, определяющие его и влияющие на его содержание и динамику [8, с. 130-131].

При этом соотношение отдельных преступлений, видов преступлений и преступности рассматривается как соотношение единичного, отдельного (особенного) и общего. В связи с этим, методологически взвешенной, верной представляется классификация всей совокупности криминогенных факторов в зависимости от уровня их влияния на: 1) факторы всей преступности; 2) факторы отдельных видов преступлений; 3) факторы конкретных преступлений. Конечно, такое деление имеет определенную условность, поскольку в факторах определенных видов преступлений находят свое отражение основные факторы преступности как таковой, а факторы конкретного преступления являются частной вариацией факторов общего (преступности) и видового (отдельных видов преступлений) уровней.

Преступность сотрудников ОВД является частью преступности как негативного социального явления с присущей ему определенной стабильностью. Сравнительный анализ тенденций развития общей преступности и преступности сотрудников ОВД позволяет сделать вывод, что между уровнем общей преступности и состоянием законности в органах внутренних дел существует корреляционная зависимость (динамика изменения их количественных показателей имеет характер системной взаимосвязи как части и целого), т. е. преступления сотрудников ОВД являются производными от общей преступности и не противоречат основным тенденциям ее развития, что объясняется единством общих факторов детерминации и взаимообусловленностью [3, с. 35; 15, с. 211; 10, с. 31-36; 20, с. 53-54].

В рамках данной работы остановимся на установлении факторов, занимающих второй уровень в иерархии криминогенных детерминант – факторах отдельных видов преступлений. Отличаясь специфическим «набором» негативных социальных явлений и противоречий, на уровне социальных групп, видовой уровень детерминации отличается значительно большим разнообразием и численностью образующих его факторов, позволяет наиболее полно раскрыть специфику детерминации исследуемого вида преступлений – коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД – вида преступлений, специфика детерминация которой связана как со спецификой деятельности ОВД, так и со спецификой коррупции и криминальных форм ее проявления.

Анализ современных криминологических исследований [1, с. 14-15; 19, с. 17-18; 23, с. 11-12; 25, с. 15-18; 27, с. 15-16] показал, что детерминационный комплекс криминальных проявлений коррупции в ОВД составляют следующие основные группы криминогенных факторов.

1. Политические факторы:

- непоследовательность государственной антикоррупционной политики;
- отсутствие долгосрочных антикоррупционных программ, как на федеральном, региональном, так и муниципальном уровнях;
- проявления коррупции в высших эшелонах власти, что в свою очередь мотивирует коррупцию на более низких уровнях власти, включая правоохранительные органы и пр.

2. Идеологические факторы:

- отсутствие на общенациональном уровне идеологии нетерпимости к коррупции;
- правовая безграмотность и правовой нигилизм значительной части населения,
- междевые потери ОВД в глазах населения,
- недостаточный уровень доверия и партнерства населения и правоохранительных органов и пр.

3. Социально-экономические факторы:

- недостаточное финансирование и материально-техническое обеспечение ОВД;
- низкие заработные платы, не соответствующие объему и сложности выполняемой работы;
- проблемы с обеспечением жильем и обеспеченностью дошкольными учреждениями детей сотрудников;
- отсутствие системы дифференцированного денежного вознаграждения и уравнительный подход к оплате труда сотрудников, провоцирующий их на поиск дополнительных источников доходов;
- перегруженность сотрудника, ненормированный рабочий день и проблема оплаты переработки при отсутствии адекватной компенсации за сверхурочную службу и пр.

Следует отметить, что именно социально-экономические факторы являются основной причиной высокого, а порой критического уровня тревожности и отчужденности сотрудников, их социальной и служебной апатии на фоне растущей перегрузки ОВД и общей нехватки квалифицированных кадров

4. Информационные факторы:

- пропаганда в средствах массовой информации и средствах массовой коммуникации культа потребления, наживы, жестокости, насилия, морального релятивизма, который, как известно, легко перерождается в принцип «все разрешено» и достижения собственного благополучия любыми средствами, в том числе незаконными;
- постоянная не конструктивная критика деятельности ОВД и романтизация криминалитета;
- подрыв в глазах населения авторитета власти и органов внутренних дел посредством тиражирования в погоне за рейтингами примеров коррупционного злоупотребления должностным положением и властными полномочиями их представителями;

– стигматизация отдельных подразделений и служб ОВД средствами массовой информации и пр.

5. Правовые факторы:

– объективное отставание правовой базы от реального развития преступности, обуславливающее недостатки правового обеспечения правоохранительной деятельности, которые при возникновении нетипичных служебных ситуаций (не урегулированных законом на должном уровне) вынуждают сотрудников ОВД идти на превышение/злоупотребление должностными полномочиями или позволяют использовать ситуацию в личных корыстных целях;

– криминогенность несовершенства правовых актов, содержащих коррупционные риски и создающих возможности для различного рода дискреционных злоупотреблений;

– противоречивость и пробелы в законодательстве по противодействию коррупции, длительное отсутствие законодательного определения коррупционного преступления;

– несовершенство законодательства и актов ведомственного нормотворчества, регулирующего антикоррупционную деятельность ОВД, в частности в части отбора и ротации кадров, приемки, регистрации и разрешения сообщений о коррупционных деяниях сотрудников, проверки сотрудников на причастность к фактам такого рода и т.д.;

– отсутствие в законодательстве прямого запрета на перевод на другое место работы в ОВД и на работу в иных правоохранительных и прочих государственных органах, а также прямого указания в законе на неизбежное увольнение сотрудника, совершившего коррупционное правонарушение или подозреваемого в совершении коррупционного преступления и пр.

6. Организационно-управленческие факторы:

– недостатки в подборе и расстановке кадров;

– отсутствие надлежащего конкурса на замещение вакантных должностей;

– отсутствие системной ротации руководящего состава на всех уровнях;

– неэффективный контроль над работой личного состава;

– недостатки психологического обеспечения служебной деятельности и воспитательной работы с личным составом;

– формализм при проведении профессиональной подготовки сотрудников;

– попустительство в отношении некоторых сотрудников полиции, подозреваемых в коррупционных деяниях;

– несовершенство системы контроля за соблюдением законности сотрудниками ОВД; недостаточная эффективная деятельность подразделений собственной безопасности;

– отсутствие эффективной системы профилактики, предупреждения и пресечения коррупционных проявлений в ОВД;

– несовершенство существующей системы критериев оценки эффективности деятельности ОВД;

– отсутствие действенного общественного контроля за деятельностью ОВД и пр.

7. Психологические факторы:

– неприятие «духа» антикоррупционного закона и традиционно низкий уровень солидарности населения с нормами об ответственности за подкуп и получение «вознаграждения»;

– восприятие значительной частью населения коррупции как средства достижения личных целей, психологическая и моральная готовность к участию в коррупционных отношениях;

– ощущение, вследствие крайне высокого уровня латентности и системности коррупции, неуязвимости и безнаказанности коррупционеров;

– экстремальность условий деятельности, обусловленная спецификой служебных функций, способствующая нежелательным изменениям психического и физического состояния, психологической дезадаптации сотрудника, как реакцией организма на характер и условия деятельности (конфликтно-содержательный характер служебной деятельности; прямое или косвенное негативное влияние на сотрудника со стороны правонарушителей и криминалитета; хронические стрессы и т.п.) и пр.

Что касается субъективных факторов детерминации совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД, то к ним необходимо отнести следующие:

1) попадание (в силу дефицита кадров, недостатков отбора кандидатов и пр.) на службу лиц, лишь формально соответствующих необходимым требованиям (служба в армии, отсутствие судимости и т.п.), либо лиц, относящихся к так называемой «группе риска»;

2) недостаточная развитость морально-деловых и волевых качеств; растерянность, психологическая неподготовленность к работе, неумение рационально организовывать рабочее время, пониженная самокритичность, переоценка своего профессионального опыта, чувство собственной исключительности и т.п.);

3) недостаточная профессиональная культура сотрудника (недостатки уровня профессиональных знаний, умений и навыков, недостатки уровня правовой культуры, недостатки деонтологического правосознания (готовности выполнять свой служебный долг и действовать правомерно в любой ситуации);

4) дефицит профессионального самосознания, восприятие своей профессии как не престижной, неверие в законность, справедливость; восприятие места службы как инструмента получения статусных преимуществ, повышения собственного благосостояния;

5) психологическая несостоятельность принятия и исполнения решений, исходя из норм закона, морали и социальной справедливости; неумение отделять интересы дела от карьеры;

6) отсутствие жизненных навыков по преодолению сложных служебных и личных проблем, отсутствие навыков и умений контролировать свое поведение, снимать физические и психологические стрессы;

7) неготовность сотрудника противостоять криминальной субкультуре и иным негативным проявлениям криминальной среды, отсутствие принципиального неприятия коррупции в любых ее проявлениях;

8) профессиональная деформация сотрудника (в различных ее проявлениях: адаптационная, депривационная, должностная, служебная [2, с. 66-88; 18, с. 21-23; 24, с. 10-11; 26, с. 82-90]), т.е. изменение его индивидуально-психологических качеств и поведения под влиянием негативных факторов внешней среды и условий служебной деятельности;

9) излишний конформизм во взаимоотношениях с непосредственным руководством, особенно при негативных особенностях личности руководителя и стиля управления коллективом;

10) ложное представление о служебной солидарности и гипертрафированная склонность к корпоративности, лояльное отношение или скрытое одобрение фактов противоправного поведения коллег;

11) наличие у сотрудника психических аномалий (акцентуаций характера и пр.) и прочие [1, с. 8-9; 21, с. 28; 25, с. 12-14; 27, с. 15-16; 28, с. 10-11].

Рассмотренный комплекс объективных и субъективных факторов позволяет иметь понимание особенностей детерминации коррупционных преступлений сотрудников ОВД как специфического вида преступлений, детерминация которого связана как со спецификой деятельности ОВД, так и со спецификой коррупции и криминальных форм ее проявления. Указанные факторы общего порядка позволяют комплексно исследовать весь спектр криминогенных факторов совершения рассматриваемого вида преступлений и глубже изучать детерминацию конкретных видов коррупционных преступлений сотрудников ОВД и иных правоохранительных органов.

Специфические особенности детерминации, в свою очередь обуславливают соответствующую специфику и дифференциацию мер превенции коррупционных преступлений сотрудников ОВД. Конечной же целью исследования коррупционной преступности сотрудников ОВД и нарушения ими законности в целом является недопущение нарушения прав и свобод человека и гражданина в деятельности правоохранительных органов и противодействие дальнейшей криминализации нашего общества.

Список литературы:

1. Багмет М. А. Противодействие коррупции в полиции: криминологическое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Багмет Михаил Анатольевич. – Москва, 2014. – 22 с.
2. Борисова С. Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты: дис. канд. юрид. наук: 19.00.06 / Борисова Светлана Евгеньевна. – М., 1998. – 204 с.
3. Варьгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее; под ред. Б. Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 221 с.
4. Горяинов К. К. Криминологическая обстановка: Методологические аспекты. – М., 1991. – 98 с.
5. Долгова А. И. Криминология. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 352 с.
6. Зелинский А. Ф. Криминология: курс лекций. – Х.: Прапор, 1996. – 260 с.
7. Игнатов А. Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 1 (39). – С. 6-10.
8. Игнатов А. Н., Ильинович Е. Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129-133.
9. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного насилия в органах внутренних дел: научно-практическое пособие. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – 152 с.
10. Игнатов А. Н. Насильственные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел Украины: криминологическая характеристика, детерминация и предупреждение: монография. – Х.: ТОВ «Изд-во «Формат Плюс», 2008. – 296 с.
11. Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В. Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 576 с.
12. Криминология: Общая и Особенная части: Учебник для студентов юрид. спец. высш. учеб. заведений / И. М. Даньшин, В. В. Голина, А. Г. Кальман, А. В. Лысодед / Под ред. проф. И. М. Даньшина. – Х.: Право, 2003. – 352 с.

13. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М.: Юристъ, 2004. – 734 с.
14. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В. Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 208 с.
15. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные, российские тенденции. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
16. Музыка А., Багиров С. Дифференциация ответственности за неосторожные преступления с учетом разновидностей детерминационных связей // Право Украины. – 2004. – № 7. – С. 114-118.
17. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. – 222 с.
18. Предупреждение деструктивных форм поведения сотрудников УИС. Методические рекомендации. – М.: ОПС ГУИН МЮ РФ, НИИ УИС МЮ РФ, 2005. – 96 с.
19. Рясов Д. А. Преступность сотрудников органов внутренних дел: криминологический аспект: по материалам Ставропольского края: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Рясов Дмитрий Алексеевич. – Ростов-на-Дону, 2008. – 24 с.
20. Сердюк Л. В. О субъективных и объективных детерминантах насильственной преступности в системе правоохранительных органов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 26. – С. 31–36;
21. Смирнов А. Ю. Корыстные должностные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел : уголовно-правовая и криминологическая характеристики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Смирнов Андрей Юрьевич. – Томск, 2010. – 32с.
22. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербурга. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербурга. гос. ун-та, 2005. – 592 с.
23. Сторчилова Н. В. Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Сторчилова Наталья Владимировна. – Москва, 2010. – 33 с.
24. Стригуненко Ю. В. Профессиональная деформация личности сотрудника милиции как угроза правому порядку в современном российском обществе: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Стригуненко Юлия Владимировна. – Краснодар, 2010. – 26 с.
25. Сухов Д. С. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД : по материалам Восточной Сибири: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Сухов Дмитрий Сергеевич. – Иркутск, 2009. – 24 с.
26. Тамазов Э. И. Профессиональная деформация как фактор детерминации коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка // В сборнике: Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 82-90.
27. Тирских А. А. Региональная криминологическая характеристика коррупции в органах внутренних дел : по материалам Восточно-Сибирского региона: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Тирских Анатолий Афанасьевич. – Иркутск, 2006. – 23 с.
28. Фесунов В. А. Криминологическое изучение личности сотрудника правоохранительных органов, совершившего преступление. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2003. – 192 с.
29. Ярмыш Н. Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ). – Х.: Право, 2003. – 512 с.

Ignatov A. N. Factors of determination of corruption crimes of employees of the internal affairs officers // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. –342-351.

The article is devoted to establishing the factors of determination of a separate crime view – corruption crimes of employees of the internal affairs officers. Distinguished by a specific set of negative social phenomena and contradictions, at the level of social groups, the species level of determination is distinguished by a much greater variety and number of factors that form it, which makes it possible to most fully reveal the specifics of the determination of the investigated type of crime. The considered complex of objective (political, ideological, socio-economic, informational, legal, organizational, managerial and psychological) and subjective factors makes it possible to have an understanding of the specific features of the determination of corruption crimes of internal affairs officers as a specific type of crime. Determination of this type of crime is associ-

ated both with the specifics of the activities of the internal affairs, and with the specifics of corruption and criminal forms of its manifestation. These factors of general (specific) order allow a comprehensive study of the entire spectrum of criminogenic factors of the crime of the type in question and a deeper study of the determination of specific types of corruption crimes by employees of the internal affairs officers and other law enforcement agencies.

Keywords: determination, factor, objective factors, subjective factors, corruption, crime, internal affairs officers.

Spisok literatury:

1. Bagmet M. A. Protivodejstvie korrupcii v policii: kriminologicheskoe issledovanie: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Bagmet Mihail Anatol'evich. – Moskva, 2014. – 22 s.
2. Borisova S. E. Professional'naya deformatsiya sotrudnikov militsii i ee lichnostnye determinanty: dis. kand. yurid. nauk: 19.00.06 / Borisova Svetlana Evgen'evna. – M., 1998. – 204 s
3. Varygin A. N. Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennih del i vozdejstvie na nee; pod red. B. T. Razgil'dieva. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2003. – 221 s.
4. Goryainov K. K. Kriminologicheskaya obstanovka: Metodologicheskie aspekty. – M., 1991. – 98 s.
5. Dolgova A. I. Kriminologiya. – 2-e izd., izm. i dop. – M.: Norma, 2005. – 352 s.
6. Zelinskij A. F. Kriminologiya: kurs lekcij. – H.: Prapor, 1996. – 260 s.
7. Ignatov A. N. Ponyatie obshcheugolovnoj prestupnosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 1 (39). – S. 6-10.
8. Ignatov A. N., Il'yanovich E. B. Metodologicheskie osnovy issledovaniya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 2 (52). – S. 129-133.
9. Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Kriminologicheskaya karakteristika i preduprezhdenie nezakonnogo nasiliya v organah vnutrennih del: nauchno-prakticheskoe posobie. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2017. – 152 s.
10. Ignatov A. N. Nasil'stvennye prestupleniya, sovershaemye sotrudnikami organov vnutrennih del Ukrainy: kriminologicheskaya karakteristika, determinatsiya i preduprezhdenie: monografiya. – H.: TOV «Izd-vo «Format Plyus», 2008. – 296 s.
11. Kriminologiya. Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / Pod red. prof. V. N. Burlakova, prof., akademika V.P. Sal'nikova. – SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1998. – 576 s.
12. Kriminologiya: Obshchaya i Osobennaya chasti: Uchebnik dlya studentov yurid. spec. vyssh. ucheb. zavedenij / I. M. Dan'shin, V. V. Golina, A. G. Kal'man, A. V. Lysoded / Pod red. prof. I. M. Dan'shina. – H.: Pravo, 2003. – 352 s.
13. Kriminologiya: Uchebnik / Pod red. V. N. Kudryavceva, V. E. Eminova. – M.: YUrist", 2004. – 734 s.
14. Kuznecova N. F. Problemy kriminologicheskoy determinatsii / Pod red. V. N. Kudryavceva. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. – 208 s.
15. Lunev V. V. Prestupnost' HKH veka: mirovye, regional'nye, rossijskie tendencii. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2005. – 912 s.
16. Muzyka A., Bagirov S. Differentsiatsiya otvetstvennosti za neostorozhnye prestupleniya s uchetom raznoobraznostej determinatsionnykh svyazey // Pravo Ukrainy. – 2004. – № 7. – S. 114-118.
17. Noj I. S. Metodologicheskie problemy sovetskoj kriminologii. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1975. – 222 s.
18. Preduprezhdenie destruktivnykh form povedeniya sotrudnikov UIS. Metodicheskie rekomendatsii. – M.: OPS GUIN MYU RF, NII UIS MYU RF, 2005. – 96 s.
19. Ryasov D. A. Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennih del: kriminologicheskij aspekt: po materialam Stavropol'skogo kraja: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.08 / Ryasov Dmitriy Alekseevich. – Rostov-na-Donu, 2008. – 24 s.
20. Serdyuk L. V. O sub"ektivnykh i ob"ektivnykh determinantah nasil'stvennoj prestupnosti v sisteme pravoohranitel'nykh organov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2012. – № 26. – S. 31-36;
21. Smirnov A. YU. Korystnye dolzhnostnye prestupleniya, sovershaemye sotrudnikami organov vnutrennih del : ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya karakteristiki: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Smirnov Andrej YU'evich. – Tomsk, 2010. – 32s.
22. Sovremennye problemy i strategiya bor'by s prestupnost'yu / Nauch. red. V.N. Burlakov, B.V. Volzhenkin. – SPb.: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. – 592 s.

23. Storchilova N. V. Korruptsiya v organah vnutrennih del i ee preduprezhdenie: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Storchilova Natal'ya Vladimirovna. – Moskva, 2010. – 33 s.
24. Strigunenکو YU. V. Professional'naya deformaciya lichnosti sotrudnika milicii kak ugroza pravovomu poryadku v sovremennom rossijskom obshchestve: avtoreferat dis. ... kandidata sociologicheskikh nauk: 22.00.04 / Strigunenکو YUliya Vladimirovna. – Krasnodar, 2010. – 26 s.
25. Suhov D. S. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie korruptsiyonnyh prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami GIBDD : po materialam Vostochnoj Sibiri: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Suhov Dmitrij Sergeevich. – Irkutsk, 2009. – 24 s.
26. Tamazov E.I. Professional'naya deformaciya kak faktor determinacii korruptsiyonnyh prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami organov vnutrennih del v sfere ohrany obshchestvennogo poryadka // V sbornike: Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. – S. 82-90.
27. Tirskih A. A. Regional'naya kriminologicheskaya harakteristika korruptcii v organah vnutrennih del : po materialam Vostochno-Sibirskogo regiona: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Tirskih Anatolij Afanas'evich. – Irkutsk, 2006. – 23 s.
28. Fesunov V. A. Kriminologicheskoe izuchenie lichnosti sotrudnika pravoohranitel'nyh organov, sovershivshego prestuplenie. Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. – Moskva, 2003. – 192 s.
19. 29. YArmysh N. N. Teoreticheskie problemy prichinno-sledstvennoj svyazi v ugolovnom prave (filosofsko-pravovovoj analiz). – H.: Pravo, 2003. – 512 s.

УДК: 343.9

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ИНОЙ
ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ
«ИНТЕРНЕТ»**

Кашикаров А. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматривается ряд актуальных вопросов связанных с предупреждением распространения экстремистской информации и иной информации деструктивной направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет», отмечается, что такого рода деятельность должна носить системный и наступательный характер, требующая тесного взаимодействия различных субъектов предупреждения преступлений экстремистской и иной деструктивной направленности. В публикации раскрыты некоторые проблемы, с которыми сталкиваются субъекты предупредительной деятельности в процессе предупреждения распространения экстремистской информации и иной информации деструктивной направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет».

Ключевые слова: предупреждение преступлений, экстремистская информация, деструктивная информация, информационно-телекоммуникационная сеть, Интернет.

Предупредительная деятельность в сфере минимизации социально-негативных последствий является одной из главных задач криминологической теории, преступность экстремистской направленности не является исключением. Распространение экстремистских, деструктивных идей всегда представляли определённого рода проблему для деятельности органов государственной власти, органов, обеспечивающих государственную безопасность, однако в последнее время в возникновении и популяризации информационно-телекоммуникационных технологий эта проблема приобрела большие масштабы и угрожающий вид.

Прав Е. О. Кубякин, который указывает, «что ранее, до существования Интернет-технологий, социальных сетей распространение экстремистских и деструктивных идей ограничивалось географией района, города, населённого пункта, в лучшем случае области, то в настоящее время, прежде всего благодаря информационно-телекоммуникационным сетям экстремистская деятельность набирает масштабы в размерах страны, Сотовая связь, мультимедиа, компьютерные технологии трансформировали межличностную и групповую коммуникацию до масштабов массовой (форумы, чаты, блоги и прочие стали достоянием широких слоёв интернет-аудитории). В итоге члены экстремистских движений и групп получили возможность распространять свою идеологию, убеждения в Интернет-ресурсах, где численность аудитории может колебаться от нескольких десятков до сотен тысяч человек, экстремизм на сегодняшний день в редких случаях носит открытый характер, он глубоко законспирирован и адаптируется к современным условиям, в частности, через Интернет» [4, с. 3-4].

Схожее суждение высказывает И. М. Кунов, который отмечает, что «Прокатившаяся волна «цветных революций» продемонстрировала все ужасающие последствия неудачи силовых структур отдельных государств в этом направлении: возникновение новых очагов вооружённых конфликтов, связанных с многочисленными жертвами среди мирного населения, эскалация терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма, неконтролируемое распространение оружия, разрушение экономики, повсеместное нарушение основополагающих прав и свобод человека и др.» [5, с. 3].

Кроме того, продолжая указанный тезис отметим, что существование информационно-телекоммуникационных систем представляет возможность дистанционного управления различного рода контентом, в том числе и экстремистского содержания, а количественные и качественные показатели вовлечения аудитории могут иметь мультипликативный эффект. Эффективность использования интернет-технологий в процессе организации радикальных, экстремистских протестных движений подтверждается множеством фактов во время противоправных действий в Киеве в ноябре 2013 года – феврале 2014 года (майдан), во Франции ноябре 2018 года – апрель 2019 года (жёлтые жилеты), в Венесуэле ноябре 2018 года – апрель 2019 года (акции сторонников лжепрезидента страны Гуайдо), с целью активизации незаконных протестных движений использовались и используются различные социальные сети, в социальных сетях информация распространяется особенно быстро, социальные сети во многом в приведённых выше примерах играли организующую роль.

Отметим, что предупреждение распространения экстремистской и иной деструктивной идеологии в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» не должно быть основано на уголовно-правовой репрессии, такого рода деятельность должна основываться на конституционных принципах, основным из которых является принцип «соблюдение свободы слова», «свободного выражения идей, мыслей и суждений». Отметим, что Основной закон – Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации), однако согласно ч. 3 ст. 55 Конституции России допускает возможность ограничения свободы слова в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Относительно данного конституционного положения Президент Российской Федерации В. В. Путин указал, что «свобода — это одна из фундаментальных ценностей. Но свобода заканчивается там, где мы сталкиваемся со свободой другого человека. То же самое касается свободы в Интернете. Там должно быть разрешено все, что не запрещено законом» [7].

Предупреждение преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» должно иметь комплексный характер такого рода деятельность не должна основываться исключительно на блокировке интернет-сайтов и страниц в социальных сетях. Комплексность такого рода деятельности проявляется в том, что органы государственной власти, представители институтов гражданского общества должны наладить взаимодействие между собой, с целью проведения агитационной и пропагандистской работы направлению предупреждения экстремистских проявлений в сети, распространения правовой информации об ответственности за распространение такого ро-

да информации, особенно в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Осуществляя деятельность пропагандистского характера по недопущению распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях экстремистского содержания следует исходить также из того, что такого рода деятельность должна быть объективно-ориентированной на конкретную социальную группу потребителей информации. Схожую позицию занимает Г.И. Узембаева, которая в своём исследовании отмечает, что «противодействию преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, приоритетным направлением является профилактическая деятельность, в которой ведущую роль должна играть разъяснительная работа, связанная с формированием основ толерантности в обществе, уважительного отношения к основам конституционного строя государства, в том числе его территориальной целостности, достоинству каждого человека и социальных групп, вне зависимости от расовой или национальной принадлежности, происхождения, языка, отношения к религии, идеологических или политических предпочтений, а равно иных существенных признаков. При этом основными средствами профилактической разъяснительной деятельности целесообразно избрать именно средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего, сеть «Интернет». В предупреждении преступлений экстремистской направленности ведущую роль целесообразно отвести не только и даже не столько блокированию нежелательного, сколько распространению профилактического информационного воздействия на население, особенно на молодежь. Приоритет профилактической деятельности отметили более 69% опрошенных сотрудников правоохранительных органов и свыше 93% научно-педагогических работников» [8, с. 19-20].

Исследователи вопросов предупреждения распространения экстремистской идеологии отмечают, что условно мероприятия проводимые с целью предупреждения распространения экстремистской идеологии можно разделить на три группы: постоянно проводимые, связанные с профайлингом социальных сетей, мониторингом Интернет-ресурсов; приуроченные конкретным датам и событиям, религиозного, политического, социального характера; третья группа мероприятий – адресные, которые проводятся в отношении конкретных лиц, групп [3, с. 50-54].

Предупреждение распространению экстремистских и иных деструктивных идей должно осуществляться на всех уровнях, а также различными субъектами превентивной деятельности, так в качестве примера можно привести деятельность Духовного управления мусульман Крыма и города Севастополь. Представители указанной религиозной организации разъясняют догмы Ислама, способствуют укреплению национального единства между гражданами Крыма и России в целом, так в качестве примера можно привести обращение Муфтията Крыма к соотечественникам, размещённое на официальном сайте организации, в котором отмечается, что «мусульманское духовенство встревожено вовлечением молодежи в деструктивные группы, а именно в участие в деятельности экстремистской партии «Хизб-ут тахрир», Муфтият Крыма призывает всех мусульман, особенно людей старшего поколения, быть внимательными и бдительными к своим детям. Интересоваться их делами, жизнью, настроением, планами и целями. Пресекать любые попытки влияния на их умы со стороны деструктивных групп. Отмечается, что если у вас в доме уже случилась

неприятность, если ваши сын, дочь, внуки, братья и сестры попали под влияние чуждой для нас идеологии, сделайте все возможное, чтобы они отказались от участия в деструктивных сектах. Если возникают вопросы, непонимание, конфликты, вы всегда можете найти помощь в Духовном управлении мусульман Крыма.» [6] Информационным поводом для такого рода обращения послужило проведение массовых оперативно-следственных действий ФСБ России по Республике Крым и городу Севастополь совместно с подразделениями МВД по Республики Крым и Росгвардии, отметим, что данное обращение нашло положительный отклик среди представителей различных национальностей, о чем свидетельствует широкое распространение данного обращения в социальных сетях.

Отметим, что после введения в действие в 2013 году ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» правоохранительные органы получили действенный механизм, позволяющий эффективно осуществлять ограничение доступа к информационным ресурсам, распространяющим экстремистскую либо иную деструктивную информацию, посредством обращения Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. Указанный правовой механизм позволил в 2017 году обеспечить блокирование свыше 2 тыс. сайтов, содержащих и распространявших информацию экстремистской направленности, с 60 тыс. Интернет-ресурсов удалена противоправная информация [1].

Проведение системного мониторинга Интернет-ресурсов на содержание контента экстремистской либо иной деструктивной информации сложная деятельность, по этой причине следует принять во внимание предложение, высказанное в публикации «Использование потенциала высших учебных заведений системы МВД России в информационном противодействии экстремизму и терроризму», относительно привлечения для мониторинга обучающихся старших курсов образовательных организаций системы МВД России [2, с. 80-82]. Кроме того, отмечая высокую трудоёмкость процесса, связанного с выявлением экстремистского контента в информационно-телекоммуникационных сетях, с том числе сети «Интернет» правоохранительным органам следует активно внедрять системы интеллектуального поиска, активизировать работу с компаниями информационно-поисковых систем, особенно в русскоязычном сегменте «Интернета».

Отметим, что Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ведёт системную работу по разъяснению порядка направления обращений в органы внутренних дел и органы прокуратуры относительно сведений о распространении материалов с признаками экстремизма на сайтах в сети «Интернет».

Отмечая высокую эффективность деятельности специальных субъектов предупреждения преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» в «открытом» «белом» сегменте сети «Интернет», к сожалению, остаётся не разрешённой проблемой распространение и соответственно блокирование (пресечение) распространение информации в так называемой сети «DarkNet». В данном сегменте сети «Интернет» функционируют собственные социальные сети, его функциональные возможности ис-

пользуются для противоправных и запрещённых действий. Наличие правового механизма, но отсутствие объективных технических возможностей правоохранительных органов по блокированию и ограничению доступа к Интернет-ресурсам, содержащим экстремистскую либо иную деструктивную информацию, находящимся в зоне «DarkNet» представляет возможность представителям экстремистских и иных преступных организаций распространять её в указанном сегменте информационно-телекоммуникационной сети, вовлекать новых участников в экстремистские и деструктивные сообщества.

Подводя итог данной публикации, следует указать, что предупреждение проявлений экстремистской и иной деструктивной идеологии в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» является частью более глобальной предупредительной деятельности, которая преследует своей целью минимизацию и устранение причин и условий экстремизма в обществе, ликвидацию деструктивной идеологии в социуме.

Список литературы:

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820/> (дата обращения: 30.03.2019).
2. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Использование потенциала высших учебных заведений системы МВД России в информационном противодействии экстремизму и терроризму // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел на современном этапе (300-летию российской полиции посвящается) материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 80-82.
3. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А., Новиков Д. В. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А. Н. Игнатов, А. А. Кашкаров, Д. В. Новиков. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – 209 с.
4. Кубякин. Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. дис. ... докт. соц. наук: 22.00.04. Краснодар, 2012. С. 53.
5. Кунов И. М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминальной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кубанский аграрный университет им. И. Т. Трубилина. Краснодар, 2017. С. 26.
6. Обращение Муфтията Крыма к соотечественникам! // URL: <http://qmdi.org/obrashhenie-muftiyata-kryma-k-sootchestvennikam/> (дата обращения: 30.03.2019).
7. Путин заявил, что в Интернете нет цензуры. URL: https://tvrzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201707211813-x1mz.htm (дата обращения: 30.03.2019).
8. Узембаева Г. И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Международный юридический институт. М., 2016. С. 25.

Kashkarov A.A. About some features of the prevention of dissemination of information extremist and other destructive orientation in information and telecommunication networks, including the Internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 352–357.

The article discusses a number of topical issues related to the prevention of the spread of extremist information and other destructive information in information and telecommunication networks, including the Internet, it is noted that this kind of activity should be systematic and offensive, requiring close interaction of various subjects of the prevention of crimes of extremist and other destructive orientation. The publication reveals some of the problems faced by the subjects of preventive activities in the process of preventing the spread of

extremist information and other destructive information in information and telecommunication networks, including the Internet.

Keywords: crime prevention, extremist information, destructive information, information and telecommunications network, the Internet.

Spisok literatury:

1. Doklad General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii YU. YA. CHajki na zasedanii Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820/> (data obrashcheniya: 30.03.2019).
2. Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Ispol'zovanie potentsiala vysshih uchebnyh zavedenij sistemy MVD Rossii v informacionnom protivodejstvii ekstremizmu i terrorizmu // Aktual'nye problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del na sovremennom etape (300-letiyu rossijskoj policii posvyashchaetsya) materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 80-82.
3. Ignatov A. N., Kashkarov A. A., Novikov D. V. Kriminologicheskii analiz ugroz ekstremistskogo haraktera v Krymskom federal'nom okruge: monografiya / A. N. Ignatov, A. A. Kashkarov, D. V. Novikov. – Simferopol': Krymskii filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2016. – 209 s.
4. Kubyakin. E. O. Molodezhnyj ekstremizm v usloviyah globalizacii informacionno-kommunikacionnoj sredy obshchestvennoj zhizni: avtoref. dis. ... dokt. soc. nauk: 22.00.04. Krasnodar, 2012. S. 53.
5. Kunov I. M. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie rasprostraneniyu kriminogennoj informacii: avtoref. dis. ... kand. jurid.nauk. Kubanskij agrarnyj universitet im. I. T. Trubilina. Krasnodar, 2017. S. 26.
6. Obrashchenie Muftiyata Kryma k sootchestvennikam! // URL: <http://qmdi.org/obrashhenie-muftiyata-kryma-k-sootchestvennikam/> (data obrashcheniya: 30.03.2019).
7. Putin zayavil, chto v Internete net cenzury. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201707211813-x1mz.htm (data obrashcheniya: 30.03.2019).
8. Uzembaeva G. I. Prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemye s ispol'zovaniem sredstv massovoj informacii libo informacionno-telekommunikacionnyh setej: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya karakteristika avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Mezhdunarodnyj yuridicheskij institut. M., 2016. S. 25.

УДК: 343.9

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПОСОБНИЧЕСТВА

Гаджималикова З. Х.

Краснодарский университет МВД России

В статье раскрываются основные понятия и соотношение вовлечения в террористическую деятельность и института пособничества. Раскрыта природа вовлечения в террористическую деятельность и пособничества в совершении преступления. Проанализированы составные части институтов «вовлечение в террористическую деятельность» и «пособничество в совершении преступления». Автором раскрыты внутренние процессы вовлечения в террористическую деятельность и пособничества, а также их схожие и дифференцирующие признаки. Предложен вывод о признании вовлечения в террористическую деятельность специальным видом пособничества.

Ключевые слова: вовлечение в террористическую деятельность, детерминанты вовлечения, пособничество террористической деятельности, физическое вовлечение и интеллектуальное вовлечение, соучастие, пособничество.

Изменения, происходящие в современном мире в целом и в Российской Федерации в частности, обуславливают интенсивное развитие такого явления как терроризм. Развитие терроризма представляет особую опасность, потому что это связано с недостаточной социальной адаптацией и развитием асоциальных установок в сознании людей, что влияет на ценности, предпочитаемые образцы поведения, оценки социального взаимодействия, то есть в широком смысле связано с социальной и политической культурой российского общества.

Вовлечение в террористические организации в России за последние годы стало одной из актуальных проблем. Болезненно проявляются проблемы экстремистского поведения в Северокавказском федеральном округе. Сложная этнополитическая ситуация, неконтролируемая миграция и, главное, экономический кризис сказываются на обществе, в наибольшей степени на молодежи. Молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях социального кризиса является почвой для агрессивности. Внешние и внутренние деструктивные силы, пользуясь данной ситуацией, стремятся манипулировать молодежью, вовлекая ее в террористическую деятельность.

По сведениям МВД России, число преступлений террористической направленности только за первые пять месяцев текущего года выросло в полтора раза по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. В общей сложности правоохранительные органы зафиксировали 2227 преступлений террористического характера за 2016 год. При сравнительном анализе, этот показатель стал максимальным за последние годы и значительно превышает данные, которые получали по итогам предыдущих лет.

Так, по сведениям информационного центра МВД России, за 2012 год подобных преступлений было выявлено 622, в 2013-м – 637, в 2014-м – 661, в 2015-м – 1531, в 2017-м – 1871. За 2018 год было выявлено 1679 преступлений террористического характера [12]. Эти статистические данные указывают на сохранение крайней акту-

альности террористической угрозы в стране и необходимость применения более действенных мер для достижения существенных результатов в борьбе с терроризмом.

Наряду с другими государствами в России начала формироваться система государственного противодействия терроризму как подсистема национальной безопасности Российской Федерации.

Конечно же, надо признать, что принимаемые меры по уголовно-правовому противодействию террористической деятельности требуют совершенствования. Так в 2006 году Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма [6 с. 1], которая обязывает государств участников принять правотворческие меры по признанию вовлечения в террористическую деятельность уголовно-наказуемым деянием в рамках внутреннего законодательства государства.

В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была введена ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», которая предусматривает ответственность, в частности, за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1–3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ), а также за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ (ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ) [10].

Данная норма стала предметом дискуссий в юридической и научной литературе и приобрела много сторонников и противников, что усложнило понимание данной нормы и применение ее в практической деятельности правоохранительных и судебных органов [4, с. 98].

В юридической литературе, посвященной исследованию вовлечения в террористическую деятельность, не выработана четкая позиция по проблеме его понимания, отсутствует единство в формулировании самого термина, не раскрыты его существенные характеристики. Объяснение этому видится в том, что террористическая деятельность как социально-правовое явление отличается особой сложностью, в связи, с чем ученые в трактовке его правовой и социальной природы используют различные методологические подходы.

Основанием разобщенности мнений ученых послужила небезупречность данной нормы с точки зрения законодательной техники.

Так Е.П. Коровин пишет «Анализ лишь некоторых вопросов соотношения норм об ответственности за содействие террористической деятельности и положений института соучастия позволяет сделать вывод, что относительно недавно принятая статья 205.1 УК РФ породила немало дискуссионных вопросов. Более того, последовавшие значительные изменения, внесенные в содержание рассматриваемой нормы, не способствовали существенному повышению эффективности ее применения, а наоборот создали правоприменительным органам множество трудноразрешимых проблем при определении приоритетности уголовно-правовых средств» [7, с. 104].

По мнению многих специалистов, она продублировала положения статьи 33 УК РФ и вызвала дискуссии о ее схожести с институтом соучастия. Но, в то же время результаты специальных исследований свидетельствуют о том, что фактическое

осуществление террористической деятельности невозможно без предварительного вовлечения исполнителей. Для того чтобы обоснованно прийти к выводу о схожести и дифференциальности институтов содействия террористической деятельности и соучастия в преступлении, в данной статье мы предлагаем проанализировать, составные части указанных институтов «вовлечение в террористическую деятельность» и «пособничество в совершении преступления».

Согласно словарю С.И. Ожегова слово «влечь», значит тащить, тянуть, увлекая, манить, притягивать к себе [9, с. 199].

С.А. Кузнецов в современном толковом словаре русского языка раскрывает понятие «вовлечь» как склонить к чему-либо, привлечь, увести, унести с собой подхватив своим движением. Например: «Толпа вовлекла меня в свой поток» [8, с. 84]. Этимологический анализ слова «вовлечение» указывает на корень «влечь», что означает побудить, привлечь к участию в чем-нибудь.

В словаре В.И. Даля слово «вовлекать» имеет значения втягивать, втаскивать, вводить силой, принуждать ко входу [2, с. 199].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» «под склонением, вербовкой или иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений» [11].

На наш взгляд, вовлечь в террористическую деятельность можно любыми способами, традиционными из которых, наряду с банальными наймом, подкупом и шантажом, являются: призывы к религиозным чувствам, чувству национального единства и ее защиты от мнимых угроз, приобщение к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, удержание молодых девушек в сексуальном рабстве с последующим психологическим насилием и доведением их до самоубийства путем самоподрыва, ненависти к представителям других вероисповеданий и религий, к госслужащим и правоохранительным органам, убеждению в необходимости мести и пр. [1, с. 143]. Во всех перечисленных выше альтернативных действиях выслеживается одна цель – возбуждение желания у другого лица совершить противоправные действия.

Соучастием, в соответствии со статьей 32 УК РФ признается «умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления» [10, с. 8]. Данный институт охватывает всевозможные способы взаимодействия преступников между собой при совершении ими умышленного преступления.

До введения в уголовное законодательство нормы статьи 205.1 УК РФ все преступления террористического характера, совершаемые в группе лиц, квалифицировались со ссылкой на ст. 33 УК РФ, однако, нарастающая опасность такого явления

как вовлечение в террористическую деятельность требовала принятия новых законодательных мер.

Как верно указывают А. Н. Игнатов и А. Г. Сапрунов, «в случаях содействия террористической деятельности в виде соучастия в совершении конкретных преступлений террористической направленности указание при квалификации содеянного на ст. 33 УК РФ и конкретную норму Особенной части УК РФ не требуется, а применяется ч. 1 ст. 205 УК РФ как специальная по отношению к ним норма. В случаях осуществления содействия террористической деятельности как таковой, т.е. осуществления самостоятельного вида криминальной практики – организации, подстрекательства, пособничества террористической деятельности как специфического вида преступной деятельности (без конкретизации умысла непосредственно на совершение того или иного преступления, а с умыслом на содействие террористической деятельности в целом), ст. 205.1 УК РФ является единственным адекватным уголовно-правовым инструментом противодействия ей и превенции совершения конкретных преступлений террористической направленности» [5, с. 39].

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством ответственность за вовлечение в террористическую деятельность, предусмотрена статьей 205.1 УК РФ, а часть 5 статьи 33 УК РФ предусматривает ответственность за содействие в совершении конкретного преступления, которое охватывается умыслом пособника. В соответствии с частью 5 статьи 33 УК РФ пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства либо орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. Пособник содействует реализации преступного умысла.

Основное отличие этих двух статей заключается в том, что для применения ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1 не нужен конкретизированный умысел на совершение того или иного преступления, который с необходимостью характерен для пособничества.

Также следует учитывать, что установление ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ, является превентивной мерой, так как в отличие от пособничества, ответственность может наступать как при оконченном, так и не оконченном, с точки зрения достижения преступного результата, вовлечении лица в совершение преступлений террористической направленности. Этот отличительный функциональный признак ст. 205.1 УК РФ свидетельствует о характеристике данной нормы как средства реализации превентивной стратегии уголовно-правового противодействия террористической деятельности.

Выделяя особую специфику террористической деятельности, необходимо рассмотреть случаи, когда пособничество террористической деятельности реализуется посредством вовлечения лица в совершение преступления террористического характера, зачастую не формируя у него умысла на совершение конкретного преступления, а используя его для достижения преступного умысла иных лиц. Например: когда лицо, причастное к террористической деятельности, привлек путем обмана, уговоров или подкупа лесника, для проведения членов незаконного вооружения формирования через лесной массив, при выходе из которого они совершили посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов, несущих службу на

прилегающем к лесу блок посту. Тем самым он вовлек в террористическую деятельность лесника, при этом оказывая пособничество в совершении преступления.

В научной и юридической литературе террористическая деятельность рассматривается, как самостоятельное преступное явление и способы вовлечения в него не ограничены законодательством. Также, как и пособничество в совершении преступлений, пособничество, посредством вовлечения в террористическую деятельность может быть и физическим, и интеллектуальным. При этом основной задачей является уголовно-правовая оценка действий лица, которое не только привлекает к соучастию в преступлении террористического характера другое лицо, но и тем самым оказывает пособничество террористической деятельности. На наш взгляд, конечной целью «вовлекателя» является не столько вовлечение другого лица в совершение конкретного преступления, а сколько оказание содействия террористической деятельности и пособничество в совершении преступлений террористического характера.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что вовлечение в террористическую деятельность может выступать специальным видом пособничества. Применение ч. 5 ст. 33 УК РФ не может заменить более широкую, в плане ответственности за пособничества террористической деятельности как таковой, нормы, предусмотренные ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Список литературы:

1. Гаджималикова З. Х. Применение понятия «вовлечение» в террористическую деятельность // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного законодательства». – 2017. – С. 139-146.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. – 699 с.
3. Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. – 2015. – № 7 (51). – С. 63-68.
4. Игнатов А. Н. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления террористического характера // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 6. – С. 98-101.
5. Игнатов А. Н., Сапрунов А. Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. – 2018. – № 2 (64). – С. 39-45.
6. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 196 (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2393.
7. Коровин Е. П. Содействие террористической деятельности и институт соучастия: вопросы соотношения // Материалы VI Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 104-108.
8. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. – М., 2008. – 959 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1990. – 921 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Электронный ресурс. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957 Электронный ресурс. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/
12. Официальный сайт МВД России. Электронный ресурс mvd.pf/reports/item/7087734/

Gadzhimalikova Z.Kh. Involvement in terrorist activities as a special kind of aiding // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 358-363.

The article reveals the basic concepts and significance of involvement in terrorist activities and complicity reveals the nature of involvement in terrorist activities and complicity in the commission of a crime. The component of institutions «involved in terrorist activities» and «aiding in the commission of a crime» are ana-

lyzed. The author disclosed the internal processes of involvement in terrorist activities and complicity, as well as their similar and differentiating signs. A conclusion is proposed on recognition of involvement in terrorist activities by a special type of aiding.

Key words: involvement in terrorist activities, determinants of involvement, complicity in terrorist activities, physical involvement and intellectual involvement, complicity, aiding.

Spisok literatury:

1. Gadzhimalikova Z. H. *Primenenie ponyatiya «vovlechenie» v terroristicheskuyu deyatel'nost'* // Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy ugolovnoho zakonodatel'stva. – 2017. – S. 139-146.
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka.* – M., 1978. – 699 s.
3. Ignatov A. N. *Strast' kak fundamental'naya sostavlyayushchaya motiva prestupnogo povedeniya* // *Obshchestvo i pravo.* – 2015. – № 7 (51). – S. 63-68.
4. Ignatov A. N. *Problemy zakonodatel'noj reglamentacii ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskogo haraktera* // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2017. – № 6. – S. 98-101.
5. Ignatov A. N., Saprunov A. G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za sodejstvie terroristicheskoy deyatel'nosti: sovershenstvovanie zakonodatel'noj reglamentacii* // *Obshchestvo i pravo.* – 2018. – № 2 (64). – S. 39-45.
6. *Konvenciya Soveta Evropy o preduprezhdenii terrorizma ETS № 196 (Varshava, 16 maya 2005 g.)* // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2009. – № 20. – St. 2393.
7. Korovin E. P. *Sodejstvie terroristicheskoy deyatel'nosti i institut souchastiya: voprosy sootnosheniya* // *Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii.* – 2015. – S. 104-108.
8. Kuznecov S. A. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka.* – M., 2008. – 959 s.
9. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka.* – M., 1990. – 921 s.
10. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ* // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 1996. – № 25. – St. 2954.
11. *Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 fevralya 2012 goda №1 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoy napravlennosti».* Elektronnyj resurs. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957 Elektronnyj resurs. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315//
12. *Oficial'nyj sayt MVD Rossii.* Elektronnyj resurs mvd.rf/reports/item/7087734/

УДК 343

«БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ», ИЛИ КАК НЕ СТАТЬ ЖЕРТВОЙ АВТОМОШЕННИКА

Рудик М. В., Юшина Ю. В., Деревянская Т. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье представлены наиболее распространенные способы мошеннических действий предметом которых является автомобиль. Так же делается акцент на виктимологической профилактике автомошеничества среди населения. С развитием автомобильной индустрии стали появляться случаи совершения мошеннических действий как в отношении непосредственно самого транспортного средства, так и в сфере предоставления услуг по обслуживанию автотранспорта. В представленной работе исследуются те причины и условия, на которые возможно оказать воздействие рядовому обывателю. С этой целью рассматривается ключевой способ совершения общественно-опасных действий, которым в данном случае выступает обман. Так же в статье делается акцент на виктимологической профилактики автомошеничества. Для этого по мнению авторов необходима криминологическая информированность населения о состоянии мошеннических действий в сфере автоуслуг в обществе, факторах его детерминации, особенностях личности преступника и его жертв, значении виктимного поведения при совершении подобного рода преступлений и т.д.

Ключевые слова: преступление, автомобиль, мошенничество, предупреждение преступлений, виктимность.

За всю свою историю существования автомобиль был не только средством передвижения, предметом роскоши, статуса, но зачастую довольно часто становился предметом преступных посягательств, а иногда выступал как средство или орудие совершения преступления. С развитием автомобильной индустрии стали появляться случаи совершения мошеннических действий как в отношении непосредственно самого транспортного средства, так и в сфере предоставления услуг по обслуживанию автотранспорта.

В качестве отдельного специфического, в тоже время важнейшего направлений противодействия мошенничеству в сфере автомобильного транспорта следует выделить виктимологическую профилактику преступлений и правонарушений [1]. Виктимность преимущественно обусловлена поведением (в самом широком смысле), образом жизни человека. При этом каждый человек в силу свободы воли сам определяет свой жизненный путь, линию и формы своего поведения. Свобода воли является источником активности человека и определяет его поведение в социально обусловленных формах. Практическим выражением (реальным проявлением) свободы воли человека является свобода выбора. Хотя конкретная ситуация выбора объективная, сам процесс выбора неизбежно субъективный, зависит от возможностей человека, его интеллекта, знаний, умений и навыков, моральных и нравственных качеств и пр. Проблема в том, что наша свобода поведения часто и на массовом уровне приводит к нашей виктимизации. На уровне общества, т. е. массовая, виктимность определяется степенью уязвимости населения, реализующейся в массе

разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений и причинение вреда [2].

Сегодняшние условия социализации, развития и реализации личностного потенциала можно охарактеризовать существенной дисфункцией системы обеспечения безопасности граждан в различных проявлениях и ситуациях жизнедеятельности. И это касается не только и не столько организационной компоненты в структуре общей и специальной превенции преступности, сколько несформированности прогностического (не говоря уже о криминологическом) типа мышления у большинства населения, а особенно молодежной его части [3, с. 79-85].

К наиболее распространенной и приемлемой системе детерминант следует отнести следующие виды:

- по содержанию: экономические, политические, социально-бытовые, духовно-нравственные, культурно-воспитательные;
- по сущности: социальные и биологические;
- по природе возникновения: объективные и субъективные.

К объективным детерминантам можно отнести постоянный спрос на автомобили, относительно высокая стоимость предмета преступления и как следствие возможность быстро и хорошо заработать. К субъективным же следует отнести наличие корыстных мотивов у виновного.

По мнению О. И. Ганченко главным фактором-причиной корыстного преступления выступают социально-психологические свойства и качества самого преступника [4, с. 22]. Следует так же отметить, и тот факт, что зачастую большинство преступлений предметом которых выступает автомобиль, совершают «профессиональные» преступники. Данное понятие имеет место в том случае, если лица специализируются на конкретных видах преступлений, в том числе и в сфере мошеннических действий с участием автотранспорта. Зачастую данные лица имеют несколько судимостей за плечами и постоянно совершенствуют свои преступные навыки, придумывая все новые и новые схемы обмана доверчивых граждан.

Однако, мы постараемся в статье исследовать те причины и условия, на которые возможно оказать воздействие рядовому обывателю. С этой целью рассмотрим ключевой способ совершения общественно-опасных действий, которым в данном случае выступает обман. Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. При этом сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям [5, с. 27-31]. Таким образом, мы видим, что причинами и основаниями, обуславливающими, вызывающими такое явление как обман - является доверчивость и недостаточная осведомленность жертвы по конкретному вопросу, рассеянность, невнимательность, жадность, корыстолюбие, трусость, а также значительная

латентность данного вида обманов. Условиями, способствующими совершению обмана, как правило являются: ограниченность во времени, в течение которого преступник вынуждает жертву принять нужное ему решение; отсутствие возможности у жертвы, находясь в определенном месте и определенное время, предпринять меры к получению дополнительной необходимой информации или проверке информации, полученной от преступника; желание жертвы приобрести, что-либо качественное и дорогостоящее значительно дешевле среднерыночной цены; страх жертвы перед «безвозвратной» потерей ранее переданных преступнику денежных средств в виде задатка или предоплаты; втягивание жертвы в участие в совершении действий, квалифицирующихся по закону как противоправные; создание преступниками ситуаций, отвлекающих внимание жертвы в момент совершения обмана. Рассмотрим наиболее распространенные виды мошенничества с участием автомобиля.

Подделка регистрационных документов на краденное транспортное средство с последующей его реализацией доверчивому покупателю. В данном случае в основу обмана положен поддельный документ, и как следствие этого – предупреждением обмана может служить квалифицированное изучение подлинности документа специалистом, а также проверка самого транспортного средства по учетам МРЭО ГИБДД.

Продажа транспортного средства одновременно нескольким лицам, при помощи дубликатов паспортов транспортного средства. При этом, обман строится на том, что сделку сможет оформить в МРЭО только тот покупатель, который первым обратится и оформит регистрацию приобретенного транспортного средства. Предупреждением такого обмана, по нашему мнению, может являться передача денежных средств за приобретаемое транспортное средство одновременно с его регистрацией.

Продажа бывших в употреблении автомобилей через автосалон с завышением цены, не указанной или не соответствующей ценнику, заранее выставленному в объявлении или в автосалоне. Механизмом совершения обмана является то, что покупатель, внося предоплату за транспортное средство подписывает, не читая полностью договор купли-продажи, а затем - ставится перед выбором: «безвозвратная» потеря оплаченного аванса за транспортное средство, согласно условий, прописанных в договоре либо приобретение транспортного средства по необоснованно высокой цене. Как видим, в данном случае предупреждением обмана является внимательное изучение текста договора и правильное понимание прописанных в нем условий.

Еще одним из распространенным на сегодняшний день можно считать следующий способ – на многочисленных интернет сайтах, в том числе и на «Авито» появилось много объявлений машин средней ценовой категории по явно заниженным ценам. Обман достаточно прост, человек говорит, что машина в 40-50 км от города в каком-нибудь Энке, что к нему уже едут много покупателей и если вы всерьез заинтересованы в приобретении, то переводите задаток и машина точно уйдет вам. В итоге ни автомобиля, ни задатка вы больше не увидите [6]. Кроме этого при покупке автомобиля у дилера или при оформлении его в кредит, существует риск заплатить значительно большую стоимость и повесить на себя бремя завышенных переплат [7]. Такой обман основывается на двух причинах одновременно – на доверчивости и жадности жертвы. Сохраняя здравомыслие и хладнокровие, покупатель может обезопасить себя и избежать негативных последствий.

Внимание заслуживают способы обмана владельцев, жаждущих приобрести новый автомобиль или доверившие официальному дилеру обслуживание своего транспортного средства. Наиболее распространенными способами можно считать следующие: проведение регулярного технического обслуживания у официальных дилеров с фиктивной заменой расходных горюче-смазочных материалов и фильтрующих элементов; диагностика систем автомобиля с последующим ложным выявлением поломок и неисправностей; разукomплектование новых, сошедших с конвейера транспортных средств в автосалонах и последующая продажа их новым владельцам оборудования, которое уже входит в комплектацию данной модели за дополнительные деньги. Так же набирает популярность навязывание клиентам, авто которых находятся на гарантии у того или иного официального дилера покупку дополнительных работ по обслуживанию транспортного средства. Примером можно назвать следующее, зачастую на совершенно новом и технически исправном транспортном средстве мастера станции технического обслуживания убеждают клиента в необходимости дополнительной антикоррозийной обработке кузова автомобиля при том, что завод производитель в большинстве случаев уже дает гарантию от сквозной коррозии сроком около 10 лет. Нередки случаи, когда при проведении так называемого «нулевого ТО» владельцам помимо замены масла в двигателе и масляного фильтра менялись свечи зажигания, срок замены которых составляет не менее 20 тысяч километров. Перечисленные примеры совершения мошеннических действий становятся возможными в силу отсутствия или недостаточности специальных технических знаний у владельца транспортного средства, а также его доверчивости. Консультации у нескольких независимых специалистов и осмотр ими транспортного средства, устранит причины и условия, используемые мошенниками для совершения обмана.

Сфера торговли автозапчастями также не лишена признаков мошенничества. В региональных и местных средствах массовой информации часто предаются огласке соответствующие случаи обмана. Пресс-служба МВД по Крыму рассказала о по крайней мере восьми симферопольских автолюбителях, которые стали жертвой 39-летнего мошенника, занимающегося продажей автозапчастей. Со ссылкой на РИА «Новый День», мужчина предлагал своим «клиентам» покупку и быструю доставку автозапчастей. За услуги симферополец брал стопроцентную предоплату. Однако, получив деньги, автомошенник переставал выходить на связь. Общая сумма ущерба составляет более 800 тысяч рублей. После задержания мужчина дал признательные показания. В отношении предприимчивого «продавца» возбуждены уголовные дела по части 2 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину). Максимальное наказание, которое может грозить мошеннику – пятилетний тюремный срок [8]. Как и в предыдущих примерах обман строится на доверчивости и желании сэкономить.

Что же могут противопоставить этому негативному явлению правоохранительные органы? Наиболее эффективными на наш взгляд следует считать комплексные меры организационно-управленческого и уголовно-правового характера, суть которых заключается в совершенствовании методик работы оперативного блока полиции, а также создание отдельных групп или отделов, специализирующихся на данном виде преступности. Отдельно хочется отметить на необходимости введения в

уголовный закон и его отдельные институты дополнительных, в том числе и отягчающих признаков, связанных со специализацией преступников.

В целях виктимологической профилактики автомошенничества необходима криминологическая информированность населения о состоянии мошеннических действий в сфере автоуслуг в обществе, факторах его детерминации, особенностях личности преступника и его жертв, значении виктимного поведения при совершении подобного рода преступлений и т.д. Такая информационная поддержка населения должна осуществляться правоохранительными и иными государственными органами как в масштабах страны, так и в масштабах отдельного региона, населенного пункта: необходимо информировать население об общей криминогенной обстановке, конкретных ее особенностях в конкретный момент на конкретной территории, необходимо систематическое проведение встреч полицейских с населением, проведение профилактических бесед в воспитательных и образовательных учреждениях, на предприятиях и в учреждениях, организациях [9, с. 232].

В качестве вывода хочется указать на то, что большинство указанных способов стали реальными по большому счету благодаря доверчивости, юридической и технической неграмотности и невнимательности граждан. Ведь порой, совершая покупку автомобиля многие спешат побыстрее стать владельцем заветной машины, зачастую не проявляя должного внимания к легальности документов у продавца. Любой факт передачи денежных средств следует подтверждать распиской. Деньги должны быть переданы лично в руки именно владельцу автомобиля после обязательной проверки паспортных данных. При этом не стоит занижать в договоре реальную стоимость авто, даже если продавец настаивает на этом условии. В таких случаях лучше отказаться от сделки. В любом случае следует помнить, что в случае малейших подозрений или сомнений, лучше сразу же отказаться от сделки. Ведь сегодня авторынок очень насыщен. Предостаточно как предлагаемых авто, так и покупателей на них.

Список литературы:

1. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: монография / под ред. С. Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010; Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе: монография. Краснодар, 2005; Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10; Вишневецкий К.В. Особенности виктимизации этнических меньшинств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4.
2. Вишневецкий К. В. Классификация виктимности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
3. Игнатов А. Н. Свобода виктимности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40). С. 79-85.
4. Ганченко О. И. Предупреждение мошенничества, совершаемого в сфере кредитования покупки транспортных средств/ О. И. Ганченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. – 64 с.
5. Евтушенко И.И. Отдельные вопросы теории и практики квалификации мошенничеств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 27-31.
6. Новый вид мошенничества на рынке авто с пробегом. Предупрежден - значит вооружен! [Электронный ресурс] Режим доступа: https://pikabu.ru/story/novyiy_vid_moshennichestva_na_ryinke_avto_s_probegom_preduprezhden_znachit_vooruzhen_3056374.html дата обращения 06.12.2019.

7. Схемы мошенничества при продаже и покупке авто [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ugolovnyi-expert.com/moshennichestvo-pri-prodazhe-avtomobilya/> html. дата обращения 10.01.2019.
8. Автомошенник выманил у доверчивых Крымчан 800 тысяч рублей. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://newdaynews.ru/crimea/622375.html>. дата обращения 06.01.2019.
9. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Учебник. Под ред. С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 639 с.

Rudik M.V., Yushina Yu.V., Derevyanskaya T.P. "Beware of the car", or how not to become a victim of an auto mote // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 5 (71). № 3. – P. 359-369.

In the article, the most common methods of fraudulent actions are the subject of a car. An emphasis is also placed on victimological prevention of auto-fraud among the population. With the development of the automotive industry, there are cases of fraudulent actions both with regard to the vehicle itself and in the provision of motor vehicle maintenance services. In the presented work, the reasons and conditions for which it is possible to influence the ordinary inhabitant are investigated. For this purpose, a key way of committing socially dangerous actions is considered, which in this case is fraud. Also, the article focuses on victimological prevention of auto-fraud. To this end, in the opinion of the authors, criminological awareness of the population about the state of fraudulent activities in the sphere of auto services in the society, the factors of its determination, the personality of the perpetrator and its victims, the significance of victim behavior in committing such crimes, etc. is needed.

Key words: crime, car, fraud, crime prevention, victimization.

Spisok literatury:

1. Vishneveckij K.V. Kriminogennaya viktimizaciya social'nyh grupp v sovremennom obshchestve: monografiya / pod red. S.YA. Lebedeva. M.: YUNITI-DANA, 2010; Vishneveckij K.V. Kriminogennaya viktimnost' social'nyh statusov v sovremennom obshchestve: monografiya. Krasnodar, 2005; Vishneveckij K.V. Mekhanizm viktimologicheskoy determinacii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 10; Vishneveckij K.V. Osobennosti viktimizacii etnicheskikh men'shinstv // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 4.
2. Vishneveckij K.V. Klassifikaciya viktimnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 2.
3. Ignatov A.N. Svoboda viktimnosti // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (40). S. 79-85.
4. Ganchenko O.I. Preduprezhdenie moshennichestva, sovershaemogo v sfere kreditovaniya pokupki transportnyh sredstv/ O.I. Ganchenko. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rosii, 2010. – 64 с.
5. Evtushenko I.I. Otdel'nye voprosy teorii i praktiki kvalifikacii moshennichestv // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (36). S. 27-31.
6. Novyj vid moshennichestva na rynke avto s probegom. Preduprezhden - znachit vooruzhen! [Elektronnyj resurs] Rezhim
dostupa: https://pikabu.ru/story/novyiy_vid_moshennichestva_na_ryinke_avto_s_probegom_preduprezhden__znachit_vooruzhen_3056374.html data obrashcheniya 06.12.2019.
7. Skhemy moshennichestva pri prodazhe i pokupke avto [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://ugolovnyi-expert.com/moshennichestvo-pri-prodazhe-avtomobilya/> html. data obrashcheniya 10.01.2019.
8. Avtomoshennik vymanil u doverchivyh Krymchan 800 tysyach rublej. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://newdaynews.ru/crimea/622375.html>. data obrashcheniya 06.01.2019.
20. 9. Preduprezhdenie prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij organami vnutrennih del. Uchebnik. Pod red. S.YA. Lebedeva. 3-e izd., pererab. i dop. M.: YUNITI-DANA, 2017. – 639 s.

УДК 34:656.073"20"

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАГАНРОГСКОЙ АРТЕЛИ ГРУЗЧИКОВ В НАЧАЛЕ XX В.

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено малоизученной теме, относящейся к нормативно-правовому обеспечению создания, функционирования и прекращения одной из артелей грузчиков, расположенной в г. Таганрог. В работе описываются первые попытки научного исследования проблемы артелей в нашей стране, а также указывается на первую законодательную регламентацию вопросов деятельности артелей. На основании метода сравнения автором показана качественная характеристика деятельности Таганрогской артели с артелью в Херсоне, Одессе и Новороссийске. Обозначены особенности приема и выхода из артели, установления мер дисциплинарной ответственности за нарушение трудовой дисциплины, управления делами артели и др.

Ключевые слова: артель, грузчики, погрузочно-разгрузочные работы, порт, Таганрог.

Актуальность исследования детерминирована отсутствием комплексного изучения вопросов образования и функционирования артелей грузчиков, их правового статуса, прав и обязанностей их членов, а также отличий артелей в разных портах в начале XX в.

Историография исследования представлена работами таких авторов как Н. В. Калачов, А. А. Исаев, Ф. А. Щербина, В. П. Воронцов, И. В. Гессен, И. М. Кулишнер, Е. Васьковский, М. Слобожанин, К. Пажитнов, А. М. Белоновская, И. А. Новиков, О. А. Зозуля, и др. [1 – 15].

Как указывает А. А. Исаев, честь первой попытки научного исследования артелей, попытки, не восходящей далее 1864 г., принадлежит Н. В. Калачову в работе «Артели в древней и нынешней России» [16, с. 61].

Начало исследования артелей было положено Комитетом о ссудосберегательных и промышленных товариществах; в 1872 г. комитет выработал подробную программу и дал ее в руководство для изучения артелей. Результаты ограничились выходом в свет трех выпусков сборника, из которых только первые две посвящены промышленным артелям [16, с. 62 – 63].

Точные указания на артели не восходят далее XIV столетия. Первые артели создавались для охоты за кречетами¹. Имеются даже сведения о соединении казаков в артели для охоты на белку. Рыболовные артели были распространены еще больше, чем охотничьи. Помимо этого, создавались артели для осуществления промысла на морских зверей, моржей и тюленей [16, с. 82 – 89].

До конца XVIII в. артели функционировали без законодательного обеспечения. Эти нормы были впервые установлены в 1799 г. Уставом о цехах. Свод же законов закрепил за этими союзами название «биржевых» [16, с. 98].

К этому же времени относится и возникновение дрягильской² компании. В 1724 г. при Санкт-Петербургской таможне был образован комплект дрягилей, т.е. артель

грузчиков. Упраздненная в 1737 г. вследствие жалобы купечества на вымогательства со стороны дрягилей, она была восстановлена в 1742 г. По представлению министра финансов гр. Канкрин, в 1827 г. было издано положение о дрягилях. Они получили наименование «дрягильской компании», состав которой был увеличен до 200 человек. Согласно этому положению артели дрягилей имеют своим назначением «производство биржевых работ при торговых портах, как то: нагрузку и разгрузку судов, а при важнейших таможнях при сухопутной границе – перекатку, переноску и установку в магазины и пакгаузы товарных мест, измерение и взвешивание товаров» [17].

В 1862 г. был разработан проект устава об организации единой артели грузчиков в порту Санкт-Петербурга, который, однако, так и не был применен на практике [18].

Первым удачным опытом разработки и внедрения единого документа артели грузчиков был Устава Одесской артели грузовщиков (стивадоров) в 1889 г. [19].

Однако типовое «Положение об артелях трудовых» было опубликовано лишь 1 июня 1902 г. [20, с. 417 – 418]. В тоже время, следует отметить, что его применение на местах не везде происходило в спокойной обстановке, многие отдельные должностные лица портов и грузовладельцы зачастую отказывались иметь дело с организованными в официальные артели рабочими. Так, к примеру, было в порту г. Ялты, где, как указывает Б. В. Змерзлый, несмотря на постоянные стычки между различными полулегальными артелями как между собой, так и с представителями порта и прочих заинтересованных сторон, которые происходили с 1902 по 1905 г., достаточно часто, власть не соглашаясь признавать организованные артели, активно использовала для погрузочно-разгрузочных работ более дешевую рабочую силу из Турции [21, с. 438 – 440].

Тем не менее, в более крупных портах, без комплексной организации рабочих в артели уже было не обойтись. Очередным шагом на этом пути стало принятие в 1903 г., на основе положения 1902 г. «Устава таганрогской артели грузовщиков». Данный документ был утвержден атаманом войсковым наказным Войска Донского 4 декабря 1902 г. генерал-лейтенантом Максимовичем и 13 июня 1903 г. его подписал, за войскового атамана, генерал-лейтенант Греков.

В уставе определялось, что таганрогская артель грузовщиков является постоянным товариществом, образовавшимся в г. Таганрог для производства работ по выгрузке и нагрузке пароходов и судов на Таганрогском рейде и в Таганрогском порту (п. 1).

Артель является уполномоченной в составе не менее 150 ее членов. Дальнейший прием в артель новых членов по рекомендации 3-х членов ее, производится собранием уполномоченных артели простым большинством голосов посредством баллотировки шарами. Вступающий в артель отвечает по тем ее обязательствам, которые возникли до вступления его в члены (п. 2) [22, с. 1 – 2].

Для сравнения укажем, что Херсонская артель грузчиков считалась состоявшейся, если в состав входило не менее 50 лиц (п. 2) [23, с. 3].

Членами Таганрогской артели могут быть лица не моложе 17 лет, которые могут принимать личное участие в работах по нагрузке и выгрузке пароходов и судов, по стивке, сепарации и укладке грузов в трюмы; причем лица в возрасте от 17 до 25 лет могут быть приняты в артель по постановлению общего собрания, но без права уча-

ствия в управлении делами артели. Каждый вступивший в артель обязан внести единовременный членский взнос в размере 5 руб. (п. 2) [22, с. 1 – 2].

В данном случае возраст понижен по сравнению с Херсонской артелью, членом которой можно было стать лишь с 20 лет. Кроме того, устав Херсонской артели предусматривал, что членами артели могут стать лица всех сословий, национальности и вероисповедания (п. 14) [23, с. 8]. Чего не скажешь об Одесской артели, в которую могли вступать только русские подданные, достигшие совершеннолетия (п. 14) [19, с. 5].

Заметим, что в уставе не указано, лица какого пола могут быть приняты в артель. В ст. 9 Положения об артелях трудовых 1902 г., указано, что членами артели могут быть лица обоего пола не моложе семнадцати лет. Число членов артели не ограничивается [20, с. 417].

Так, например, в Уставе Ново-российской биржевой артели в Москве 1913 г., подчеркнуто, что членами артели могут быть лица мужского пола, достигшие 21-го года (п. 14) [24, с. 5].

Каждый член Таганрогской артели обязан принимать личное участие в грузовых работах и также как и члены Одесской артели грузозаготовителей, при исполнении своих обязанностей должен иметь на верхнем платье, на груди металлический знак с буквами «Т.А.Г.» (Таганрогская Артель Грузозаготовителей) с обозначением номера, под которым он вписан в книгу членов артели (п. 4).

Члены артели обязаны подчиняться распоряжениям и указаниям старосты артели и его помощников, а во время работ распоряжениям командиров грузящихся судов и работодателей и указаниям десятников (п. 6) [22, с. 2 – 3].

Члены артели, не исключая десятников, должны являться для распределения и производства работ, в указанные старостой или его помощником место и время. Один из помощников старосты обязан делать переключку и отмечать не прибывших (п. 7).

Законными причинами неявки члена артели на работы признаются: 1) болезнь; 2) лишение свободы; 3) внезапное прекращение сообщений; 4) тяжкая болезнь или смерть жены, детей, или близких родственников. В других, кроме указанных случаев, которые могут воспрепятствовать члену артели явиться на работы, член артели обязан по возможности предупредить старосту, чтобы он мог заблаговременно принять меры к замещению отсутствующего (п. 8).

В случае, если член артели, неявившийся на работы по причинам, признанным собранием уполномоченных артели неуважительными, предусматривалась дисциплинарная ответственность в виде наложения штрафа по постановлению собрания уполномоченных от 1 до 5 рублей, а после трехкратного штрафования исключался из артели (п. 9) [22, с. 3].

Схожие правила устанавливались для членов Одесской артели грузозаготовителей. В случае неявки на работу без уважительных причин, артельщик лишается права на получение от артели, за время своего отсутствия, вознаграждения, но из артели не исключается, кроме случаев, когда неявка на работу соединяется с проступком, за который виновный может быть подвергнут исключению (п. 24) [19, с. 6].

Устав Херсонской артели не регламентировал вопрос о неявке работника на погрузку-выгрузку.

Член Таганрогской артели имеет право выйти по собственному желанию из артели во всякое время и получить причитающийся ему заработок, под условием вычета из его заработка всех сделанных начислений на выходящего из артели ее члена, причем начатая – до подачи заявления о желании его оставить артели – работа должна быть им непременно окончена (п. 10) [22, с. 3 – 4].

Устав Одесской артели по-иному регламентировал вопрос о выходе ее члена из состава. При добровольном выходе из состава артели, артельщик терял право на получение могущей причитаться ему по артели прибыли. Взнос в складочный капитал возвращался ему по окончании текущего года и по утверждении общим собранием отчета, за вычетом доли убытков, которая может значиться у выходящего (п. 26) [19, с. 7].

Для сравнения укажем, что устав Херсонской артели допускал выход из артели не ранее, как по истечении одного года со дня вступления в члены артели и не ранее месяца со дня заявления о желании выбыть. Сроки эти могут быть не обязательными, если правление артели признает уважительным повод к немедленному выбытию члена (п. 21) [23, с. 10].

Выбывшему или исключенному члену Таганрогской артели выдаются, по окончании навигационного года и по утверждении Общим собранием членов артели годового отчета, числящиеся на его счету суммы, за вычетом в подлежащих случаях, следующих из него взысканий и, соответственной доли убытков, понесенных артелью (п. 11).

В случае смерти члена артели его наследники, по закону или по духовному завещанию, после окончания навигационного отчетного года и утверждения Общим собранием членов артели отчета, имеют право на получение причитающейся на долю покойного прибыли, а равно и сделанного им членского взноса. Право же на получение доли покойного из капитала на выдачу пособий, за вычетом полученных ранее пособий, принадлежит лишь вдове и детям покойного, и лицам, находившимся на его содержании (п. 12) [22, с. 4 – 5].

Член артели, виновный в произвольном оставлении начатой работы, сопротивлении распоряжениям артели, или старосты ее, в нетрезвости, предосудительном поведении, нерадении при исполнении своих обязанностей и, вообще, в действиях, нарушающих благоустройство и установленный для артели внутренний порядок, сверх ответственности за причиненный убыток, подвергается, по усмотрению старосты артели, с внесением в штрафную книгу, выговору или денежному штрафу в пользу капитала для выдачи пособия членам артели и их семьям, до 5 рублей. А в наиболее важных случаях и временному устранению от участия в работах артели или же, по постановлению собрания уполномоченных, исключению из артели (п. 14) [22, с. 5 – 6].

В Одессе к исключению из артели также мог быть приговорен артельщик в случае совершения им преступлений или проступков, подлежащих рассмотрению общих судебных установлений, если такими его деяниями нарушается доверие к артели (п. 31) [19, с. 7].

Исключение члена артели за совершенное им преступление и проступки может последовать во всякое время года, по приговору собрания уполномоченных артели, с тем, чтобы в составлении приговора приняли участие не менее $\frac{2}{3}$ участвующих в собрании уполномоченных (п. 15).

По получении требования от работодателей о назначении членов артели к выгрузке или нагрузке пароходов и судов староста или один из его помощников немедленно наряжает требуемое работодателями число членов артели (п. 16).

Каждая партия членов артели, отправляемая на работы, поручается надзору десятника, который, участвуя лично в работе, вместе с тем и наблюдает, чтобы члены артели исполняли работы добросовестно, с должным прилежанием и усердием (п. 18) [22, с. 6 – 7].

За произведенные членами артели грузовые работы староста получает расчет от работодателей по особой таксе, заблаговременно составленной собранием уполномоченных артели на каждый навигационный год. Такса эта выставляется на видном месте в конторе артели и обязательна для членов артели (п. 19).

В случае недостатка рабочих для производства грузовых работ, староста артели имеет право нанимать за счет артели лиц, не состоящих членами ее, на условиях, выработанных собранием уполномоченных артели (п. 20) [22, с. 7].

Разработчики устава Херсонской артели грузчиков в этом вопросе были весьма категоричны. Они закрепили норму о том, что наемный труд в артельном производстве не допускается, за исключением случаев выполнения работ, требующих особых познаний и не составляющих предметы обычных занятий членов артели (п. 4) [7, с. 4].

Устав Одесской артели грузчиков регламентировал, что в случае надобности, артель может нанимать поденных или месячных рабочих за плату, по обоюдному с артелью соглашению, и в таком числе, какое необходимо для скорейшего и исправного исполнения взятых на себя артелью работ. Однако, на артель возлагалась обязанность отвечать за то, чтобы в числе нанимаемых ею рабочих не было беглых, бродяг, беспаспортных и вообще подозрительных людей (п. 15) [19, с. 5].

По принятым на себя обязательствам, а также за исправное исполнение членами артели своих обязанностей и, вообще, за всякий убыток, причиненный по артельным работам по вине или оплошности кого-либо из членов артели или нанятых ею лиц, отвечает вся артель все своим имуществом, при чем уплаченные ею суммы она может взыскать с тех лиц, по упущению или вине которых она понесла убыток.

В случае недостаточности артельного имущества на удовлетворение причитающихся артели сумм, отвечают все ее члены за круговой порукой всем личным имуществом движимым и недвижимым. При этом по круговой поруке ответственность распределяется между членами артели поровну; недополученное с одного или нескольких членов распределяется между всеми другими членами поровну; члены артели, уплатившие за других членов, имеют право обратного к ним требования (п. 22).

Таганрогская артель обладала всеми признаками юридического лица – могла приобретать имущество, вступать в договоры и обязательства, искать и отвечать на суде, а также иметь промышленные и торговые заведения (п. 23) [22, с. 7 – 8].

Артель имела следующие капиталы: складочный, запасный, страховой и для выдачи пособий.

Складочный капитал предназначен для устройства и обзаведения артели. Он аналогичен с современным уставным капиталом у юридического лица.

Запасный капитал служит обеспечением перед всеми пользующимися услугами артели лиц и учреждениями, на случай, который может произойти, по вине артели

или отдельных членов ее, убытков и ни на какие другие надобности не может быть расходован.

Страховой капитал предназначается для уплаты премий по застрахованию всех членов артели и нанятых ею лиц от несчастных случаев и при том с ответственностью страхового общества по суду, а также для уплаты премий по застрахованию всех членов артели и нанятых ею лиц на случай временной неспособности к труду и необходимости лечения.

Капитал для пособий служит для выдачи пособий нуждающимся членам артели и их семьям (п. 24) [22, с. 8 – 9].

Херсонская артель имела только три капитала – основной, запасный и вспомогательный (п. 8) [23, с. 5].

Складочный капитал артели составляется из единовременных взносов членов артели по 5 рублей с каждого. Запасный капитал составляется из отчислений 3% с заработка членов артели. Страховой капитал составляется из отчислений 2% с заработка членов артели. Капитал для выдачи пособий образуется: а) из отчислений 1% с заработка членов артели и б) из штрафов, налагаемых на членов артели старостой и собранием ее уполномоченных (п. 25) [22, с. 9].

Когда запасный капитал кого-либо из членов артели достигнет 200 руб., то отчисление 3% из заработка того члена артели в означенный капитал прекращается; удержание же из заработка членов артели двух процентов в страховой капитал и 1% в капитал для пособий продолжается во все время существования артели (п. 26) [22, с. 10].

Деньги поступают в кассу артели через ее старосту, если сумма их по производстве платежа членам артели вознаграждения за работы превысит 500 руб., то староста обязан внести их в кредитные учреждения. Получение из кредитных учреждений капиталов артели или части их производится не иначе, как по требованию, подписанному старостой и двумя членами артели, избранными для этой цели общим собранием членов артели (п. 28).

Следующие членам артели, заработанные ими деньги староста выдает каждой партии отдельно каждый раз по окончании порученной партии работы и выдачи эти записываются в расходные книжки членов артели, отчисляя при этом каждый раз: а) 3% в запасный, 2% в страховой капитал и б) 1% в капитал для выдачи пособий (п. 29).

Отдельного внимания заслуживает вопрос об управлении делами артели. Оно возлагается на 1) на общие собрания всех членов артели, 2) на собрания уполномоченных артели; 3) на старосту артели и его помощников (п. 30) [22, с. 11].

Для сравнения в Херсоне управление делами артели было упрощено. Оно составляло первое правление и общее собрание (п. 26) [23, с. 12]. В Одессе управление делами артели принадлежало: а) старосте артели и б) общему собранию артельщиков (п. 34) [19, с. 8].

Ведению общего собрания артели подлежат такие дела, как рассмотрение и утверждение годового отчета о деятельности артели, о приходе и расходе артельных капиталов как общих, так и специальных; избрание уполномоченных артели, пяти членов в состав ревизионной комиссии, а также старосты артели; заключение займов; прекращение и ликвидация дел артели и пр. (п. 31).

Общие собрания считаются состоявшимися, если участвующие в них члены представляют лично и по доверенности, не менее одной половины всего состава артели, причем дела решаются простым большинством голосов. В общем собрании каждый член имеет один голос. Право голоса может быть передаваемо членом только члену артели по письменному о том заявлению, при чем каждый член может пользоваться правом только двух голосов: одного за себя и другого по доверенности (п. 32) [22, с. 12 – 13].

Уполномоченные артели в составе не менее 10% всего числа членов артели избираются сроком на 1 год, из членов артели, обязательно грамотных и достигших 25-летнего возраста (п. 33).

Как общие собрания артели, так и собрания уполномоченных артели созываются старостой артели по мере надобности, одновременно посредством публикации в местных ведомостях, объявлений, вывешиваемых в конторе артели на видном месте и рассылкой всем остальным повесток (п. 34).

Собрания уполномоченных считаются состоявшимися, если в них принимают участие, лично не менее одной половины всего состава уполномоченных, при чем дела решаются простым большинством голосов. В собрании каждый уполномоченный имеет 1 голос без права его передачи (п. 35).

В общих собраниях артели, а равно и в собраниях уполномоченных ее председательствует лицо, избираемое на каждое собрание из грамотных членов артели простым большинством голосов, подаваемых закрытой баллотировкой шарами. Староста артели открывает собрание и руководит им при выборе председателя его, но избранным председателем его быть не может.

Ведению собрания уполномоченных артели относятся такие дела, как утверждение проекта инструкции должностным лицам артели, составленного старостой артели; прием новых лиц в члены артели; разрешение споров между членами артели и между артелью и ее членами и др. (п. 40).

Староста признается уполномоченным представителем артели по всем касающимся ее делам, он же и ходатайствует без особой доверенности по делам артели (п. 41).

Обязанностью старосты артели является точное соблюдение устава и постановлений общего собрания членов артели, наблюдение за целостью и сохранностью имущества артели; исполнение по первому требованию работодателей относительно выгрузки или загрузки товаров на пароходы и суда, и немедленное назначение с этой целью людей на работы и т.д. (п. 48) [22, с. 18 – 19].

В помощь старосте избираются общим собранием артели один или два помощника старосты (п. 42) [22, с. 16].

Из более опытных членов артели избираются старостой артели десятники, которые, подчиняясь старосте и его помощникам, обязаны во время наряда на работы, безотлучно наблюдают за успешным производством работ, давать в случае надобности, необходимые указания и советы членам артели, записывать количество нагруженных или выгруженных товаров и таковую запись представить в контору, извещая старосту или его помощников о требованиях работодателями (п. 44).

За всякое несвоевременное или несоответствующее успешности работ распоряжение старосты, или его помощников по выгрузке или загрузке товаров, если по-

следует на это жалоба от работодателя, староста и его помощники несут ответственность перед артелью (п. 49) [22, с. 18 – 19].

Для проверки правильности ведения дел артели общее собрание избирает из своей среды ревизионную комиссию, состоящую из пяти лиц. Комиссия эта должна, кроме проверки прихода и расхода сумм артели к докладу очередного собрания уполномоченных ее иметь и постоянное наблюдение за правильностью денежных оборотов артели и ведением кассовых книг ее. В состав Ревизионной комиссии не могут быть избираемы староста артели и его помощники (п. 50).

В свою очередь, отметим, что в состав Херсонской ревизионной комиссии входило не менее трех лиц. Не могли быть избраны члены правления, а равно и кандидаты к ним (п. 37) [23, с. 17]. Ревизионная комиссия в Одессе состояла из не менее пяти лиц, куда не избирались староста артели и его помощники (п. 64) [19, с. 14].

Один экземпляр отчета артели по утверждению его общим собранием членов артели, предоставляется войсковому атаману войска донского и другой в министерство финансов (п. 51).

Староста артели, его помощники и другие служащие артели, виновные в неправильном ведении отчетности и утрате сумм артели, отвечают перед артелью лично и всем своим имуществом (п. 52) [22, с. 20].

Согласно Уставу, таганрогская артель прекращается: 1) по постановлению общего собрания членов артели, 2) по требованию войскового наказного атамана войска Донского, когда действия артели окажутся не согласными с этим уставом, или противными существующим законам (п. 53).

В Херсоне артель прекращала свои действия и ликвидировала дела: а) по постановлению общего собрания артельщиков; б) вследствие признания артели не состоятельным должником по определению суда; в) по распоряжению губернатора в том случае, когда действия артели будут признаны им не согласными с уставом или противными действующим узаконениям (п. 52) [23, с. 23 – 24].

В случае прекращения действий артели, имущество и капиталы ее, за удовлетворением всех предъявленных к артели претензий и принятые ею на себя обязательства, разделяются между членами артели в порядке, определенном общим собранием артели. О ликвидации дел к артели и результатах ее публикуется в «Донских Областных ведомостях», в местной газете и не зависимо от этого доносится войсковому наказному атаману войска Донского и министру финансов (п. 54) [22, с. 20 – 21].

Таким образом, подводя итоги, следует сделать вывод о том, что правовое регулирование деятельности Таганрогской артели грузчиков осуществлялось посредством принятия «Положения об артелях трудовых» и разработанного на его основе «Устава таганрогской артели грузовщиков». Как видно из анализа содержания данного документа, он регулировал весьма узкий круг вопросов, во многом дублируя положения Устава Одесской артели грузовщиков 1889 г. Регулирование многих важных вопросов, как и прежде, осуществлялось посредством торгового обычая. Тем не менее, принятый Устав сыграл свою важную роль, ведь на основе и с учетом опыта разработки и применения данного документа в Таганроге, разрабатывались подобные в других портах, в том числе и «Устав первой артели грузчиков и снощиков в г. Херсоне».

Список литературы:

1. Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. – 93 с.
2. Исаев А. А. Артели в России. – Ярославль: Типография Губернского правления, 1881.
3. Исаев А. А. Новое кооперативное законодательство о кооперативных товариществах. – Пг., 1918.
4. Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. – Одесса: Типография г. Ульриха, Красный переулок, дом № 3, 1881. – 380 с.
5. Воронцов В. П. Мелкое производство в России. Артель в кустарном промысле. С.-Петербург: Типография В. Кишбаума, в д. М-ва фин., на Дворц. площ., 1895.
6. Гессен И. В. Артели. Закон 1 июня и действующие образцовые уставы. – СПб., 1902.
7. Кулишнер И. М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. – СПб., 1906.
8. Васьяковский Е. Артель (история артели и законодательство об артели) // Новый энциклопедический словарь под общей ред. почётн. акад. К.К. Арсеньева (издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон). – Т. 3. – СПб., 1911. – С. 749 – 764.
9. Слобожанин М. Историческое развитие идей артельного движения (2-е перераб. и доп. изд. кн. «Народоправство и трудовое начало в исторических формах бытовых артелей»). – Боровичи, 1919.
10. Слобожанин М. Артели. Общедоступный очерк. – Боровичи, 1920.
11. Пажитнов К. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. – Петроград, 1923. – С. 54 – 73.
12. Пажитнов К. Из истории рабочих артелей на Западе и в России. – Пг., 1924.
13. А. М. Белоновская. Артельная форма хозяйственной организации в исследованиях российских ученых конца XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2010. – С. 132 – 143.
14. Новиков И. А. Артели в России во второй половине XIX – начале XX в.: социально-экономическая сущность и её трансформация: дис. на соискание учен. степени к. и. н.: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / И. А. Новиков. – Томск, 2011. – 231 с.
15. О. А. Зозуля. Устав артели как форма правового регулирования традиционного кустарного производства в России в начале XX в. // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 4. – С. 24 – 30.
16. Русская артель // Составитель, автор предисловия, ответственный редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 672 с.
17. Дрягиль. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/38675/Дрягиль (дата обращения: 04.05.2019)
18. Проект устава С. Петербургской портовой артели. – Санкт-Петербург: Типография отдельного корпуса внутренней стражи, 1862. – 53 с.
19. Устав Одесской артели грузовщиков (стивадоров). – Одесса: типография «Пчелки», Пушкинская, № 19, 1889. – 15 с.
20. Положение об артелях трудовых от 1 июня 1902 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII (1902). – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1904. – 432 с.
21. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
22. Устав таганрогской артели грузовщиков (Составлен на основании высочайше утвержденного 1-го июня 1902 г. Положения об артелях трудовых). – Таганрог: типо-литография Н. Я. Рали, 1903. – 21 с.
23. Устав первой артели грузчиков и снощиков в г. Херсоне. – Херсон: Типография Ф. З. Эпштейна, 1906. – 24 с.
24. Устав Ново-российской биржевой артели в Москве. – Москва: Типография Поманского и Запольского, 1913. – 19 с.

Klimenko C. P. Legal regulation of the activities of the loader's artel of Taganrog in the early 20th c. // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. № . – P. 370-379.

The present study is devoted to a little-studied topic related to the legal support of the creation, operation and termination of one of the artels of loaders, located in Taganrog. The paper describes the first attempts of scientific research of the problem of artels in our country, as well as the first legislative regulation of the issues of activity of artels. Based on the method of comparison, the author shows the qualitative characteristics of the Taganrog artel with the artel in Kherson, Odessa and Novorossiysk. Designated features of the reception and output of the farm, establishing disciplinary measures for violation of labour discipline, of managing the Affairs of the artel.

Key words: artel, loaders, loading and unloading works, port, Taganrog.

Spisok literaturey:

1. Kalachov N. V. Arteli v drevnej i nyneshnej Rossii. SPb., 1864. – 93 s.
2. Isaev A. A. Arteli v Rossii. – Yaroslavl': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1881.
3. Isaev A. A. Novoe kooperativnoe zakonodatel'stvo o kooperativnykh tovarishchestvah. – Pg., 1918.
4. Scherbina F. A. Ocherki yuzhnorusskikh artelej i obshchinno-artel'nykh form. – Odessa: Tipografiya g.Ul'riha, Krasnyj pereulok, dom № 3, 1881. – 380 s.
5. Voroncov V. P. Melkoe proizvodstvo v Rossii. Artel' v kustarnom promysle. S.-Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma, v d. M-va fin., na Dvorc. ploshch., 1895.
6. Gessen I. V. Arteli. Zakon 1 iyunya i dejstvuyushchie obrazcovye ustavy. – SPb., 1902.
7. Kulishner I. M. Obzor russkogo i inostrannogo zakonodatel'stva o kooperativnykh tovarishchestvah. – SPb., 1906.
8. Vas'kovskij E. Artel' (istoriya arteli i zakonodatel'stvo ob arteli) // Novyj enciklopedicheskij slovar' pod obshchej red. pochyotn. akad. K.K. Arsen'eva (izdateli: F.A. Brokgauz, I.A. Efron). – T. 3. – SPb., 1911. – S. 749 – 764.
9. Slobozhanin M. Istoricheskoe razvitie idej artel'nogo dvizheniya (2-e pererab. i dop. izd. kn. «Narodopravstvo i trudovoe nachalo v istoricheskikh formah bytovykh artelej»). – Borovichi, 1919.
10. Slobozhanin M. Arteli. Obshchedostupnyj ocherk. – Borovichi, 1920.
11. Pazhitnov K. Rabochie arteli // Arhiv istorii truda v Rossii. Kn. 10. – Petrograd, 1923. – S. 54 – 73.
12. Pazhitnov K. Iz istorii rabochih artelej na Zapade i v Rossii. – Pg., 1924.
13. A. M. Belonovskaya. Artel'naya forma hozyajstvennoj organizacii v issledovaniyah rossijskikh uchenykh konca XIX – nachala XX v. // Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». – 2010. – S. 132 – 143.
14. Novikov I. A. Arteli v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: social'no-ekonomicheskaya sushchnost' i eyo transformaciya: dis. na soiskanie uchen. stepeni k. i. n.: spec. 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya» / I. A. Novikov. – Tomsk, 2011. – 231 s.
15. O. A. Zozulya. Ustav arteli kak forma pravovogo regulirovaniya tradicionnogo kustarnogo proizvodstva v Rossii v nachale XX v. // Vestnik RUDN, seriya Yuridicheskie nauki. – 2012. – № 4. – S. 24 – 30.
16. Russkaya artel' // Sostavitel', avtor predisloviya, otvetstvennyj redaktor O. A. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2013. – 672 s.
17. Dryagil'. Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Elektronnyj resurs]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/38675/Dryagil' (data obrashcheniya: 04.05.2019)
18. Proekt ustava S. Peterburgskoj portovoj arteli. – Sankt-peterburg: Tipografiya otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi, 1862. – 53 s.
19. Ustav Odesskoj arteli gruzovshchikov (stivadorov). – Odessa: tipografiya «Pchelki», Pushkinskaya, № 19, 1889. – 15 s.
20. Polozhenie ob artelyah trudovykh ot 1 iyunya 1902 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XXII (1902). – SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1904. – 432 s.
21. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale XX v. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatие Feniks», 2014. – 512 s.
22. Ustav taganrogskoj arteli gruzovshchikov (Sostavlen na osnovanii vysochajshe utverzhdenogo 1-go iyunya 1902 g. Polozheniyah ob artelyah trudovykh). – Taganrog: tipo-litografiya N. YA. Rali, 1903. – 21 s.
23. Ustav pervoj arteli gruzchikov i snoshchikov v g. Herson. – Herson: Tipografiya F. Z. Epshtejna, 1906. – 24 s.
24. Ustav Novo-rossijskoj birzhevoj arteli v Moskve. – Moskva: Tipografiya Pomanskogo i Zapol'skogo, 1913. – 19 s.
23. Ustav pervoj arteli gruzchikov i snoshchikov v g. Herson. – Herson: Tipografiya F. Z. Epshtejna, 1906. – 24 s.
24. Ustav Novo-rossijskoj birzhevoj arteli v Moskve. – Moskva: Tipografiya Pomanskogo i Zapol'skogo, 1913. – 19 s.

УДК 347.2/3

ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ПО ДОГОВОРУ ФРАХТОВАНИЯ МОРСКОГО СУДНА

Никитина А.П., Михайлова А. Д.

Юридического института СевГУ. Севастополь, Россия

В статье автора раскрывают один из традиционных и основных договоров морской перевозки грузов – договора фрахтования. Затронули вопрос генезиса договора фрахтования морского судна в Российской Федерации. Авторы обращают внимание на то, что недостаточность именно современных научных разработок по данной проблематике, отсутствие надлежащего правового регулирования отношений, возникающих из договора фрахтования морского судна на национальном уровне с учетом изменившихся тенденций является факторами, препятствующими развитию морского транспорта как во внутренних, так и в международных перевозках. Анализируются специфические черты заключения и исполнения договора фрахтования, а также ответственности сторон за неисполнения или ненадлежащее исполнения обязанностей.

Ключевые слова: договор фрахтования, морское судно, перевозка грузов, логистическая деятельность, Кодекса торгового мореплавания.

Экономику любого государства трудно представить без транспортных услуг. При этом важным является транспортирование грузов, багажа и пассажиров. С развитием научно-технических достижений возрастает роль морских, воздушных, а также автомобильных перевозок, которые позволяют в максимально удобный и быстрый способ осуществить внутренние и международные перевозки.

При этом, следует учитывать, что в настоящий момент в вопросах обеспечения качества логистики Россия переживает не лучшие времена. По уровню эффективности развития логистики Россия оказалась лишь на 85-м месте в мировом рейтинге Logistics Performance Index 2018 (LPI), подготовленном Всемирным банком [7]. Как считают эксперты Всемирного банка, по уровню эффективности своего внутреннего логистического комплекса Россия уступает таким странам, как Эстония, Литва и Казахстан. В первую десятку рейтинга LPI, по данным Всемирного банка, входят логистические комплексы Германии, Швеции, Бельгии, Австрии, Японии, Нидерландов, Сингапура, Дании, Великобритании и Финляндии.

Наименее эффективной логистическая деятельность на территории России признана по таким показателям, как «забюрократизированность» таможенных процедур (141-е место в рейтинге), эффективность логистической и транспортной инфраструктур (94-е место в рейтинге), потеря времени в международных перевозках (87-е место в рейтинге) [7].

Совершенствование системы предоставления транспортных услуг позволит повысить инвестиционную привлекательность России для иностранных партнеров, что даст позитивный социально-экономический эффект, а потому необходимым представляется разрабатывать новые направления повышения эффективности транспортного обеспечения не только во внутреннем, но и во внешнем формате. В

этой связи, высокую актуальность приобретает и вопрос совершенствования нормативно-правового и организационного обеспечения в морских перевозках, находящийся на четвертом месте в рейтинге видов транспорта в России по грузообороту с показателем 106 млрд. т*км грузооборота в год [5].

Для того, чтобы повысить эффективность предоставляемых морских транспортных услуг внутри России, а в особенности – в сфере международных перевозок грузов, важно в первую очередь упростить условия перевозок грузов морским транспортом, унифицировав законодательные нормы, в том числе – путем совершенствования законодательства, регламентирующего договоры фрахтования, которые занимают особую роль среди морских перевозок.

Популярность морских перевозок, регулирующихся договорами фрахтования, объясняется несколькими факторами, в частности, актуализацией международных экономических связей, удобством и финансовой привлекательностью морского транспорта, развитием туризма, а в отношении чартерных перевозок – также появлением пользователей, для которых важна стоимость, качество, комфорт перевозки, поскольку чартерные перевозки на сегодня позволяют осуществить перемещение грузов, багажа и пассажиров, которое невозможно запланировать и осуществить регулярными рейсами. Популярность чартерных перевозок обуславливает интерес к исследованию юридических аспектов их осуществления, прежде всего это касается договора, на основании которого выполняется чартерной перевозки - договора фрахтования (чартера).

Перевозки в режиме фрахтования морским транспортом имеет свою специфику. Она проявляется в общеобязательных правилах для данного вида перевозки, о которых не должны забывать ни фрахтовщики, ни их клиенты. Несоблюдение этих правил может обернуться дополнительными проблемами и непредвиденными расходами для обеих сторон договора.

В настоящее время проблематика правовой природы договора фрахтования в определенной степени раскрыта авторами исследований, посвященных различным аспектам чартерных перевозок. Бесспорно, такие труды имеют большую научную ценность для раскрытия понятия и содержания договора фрахтования морского судна, однако существует ряд специфических вопросов, связанных с разграничением договора фрахтования и смежных правовых институтов; с регулированием специфического предмета договора фрахтования; с регулированием ответственности по договору фрахтования, которые недостаточно раскрыты.

Недостаточность именно современных научных разработок по данной проблематике, отсутствие надлежащего правового регулирования отношений, возникающих из договора фрахтования морского судна на национальном уровне с учетом изменившихся тенденций является факторами, препятствующими развитию морского транспорта как во внутренних, так и в международных перевозках. Этими факторами обусловлена актуальность исследования договора фрахтования морского судна.

Следует, однако же, учитывать, что в рамках научной статьи невозможно раскрыть специфику, обозначить все существующие проблемы и определить перспективы совершенствования нормативно-правового и организационного регулирования договора фрахтования морского судна, поэтому в рамках данной работы будет дана обзорная характеристика правовой природы договора фрахтования морского судна,

а также исследованы основные проблемные аспекты указанного договора с обозначением приоритетов совершенствования исследуемого правового института.

Обращаясь к сущности обозначенного вопроса, следует отметить, что гражданский оборот современной России достаточно интенсивно развивается, порождая много новых видов правоотношений, которые до сих пор были неизвестны, или известны не в таком виде. В частности, значительное развитие получили отношения по перемещению различных вещей из одного места в другое – грузовые перевозки.

Договор фрахтования получил закрепление и в законодательстве Российской Федерации. Так, согласно п. 1 ст. 787 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), по договору фрахтования (чартер) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа.

Нормы, регулирующие отношения, связанные с заключением и исполнением указанного договора, закреплены как в Гражданском кодексе РФ, так и в специальных кодексах, законах и подзаконных актах. В частности, п. 2 ст. 787 ГК РФ указывает, что порядок заключения договора фрахтования, а также форма указанного договора устанавливаются транспортными уставами и кодексами.

Более детально договор фрахтования морского судна регламентирован нормами Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [2] (далее - КТМ РФ) в п. 2 ст. 115, а также нормами Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации, в частности п. 3 ст. 97 [3] (далее – КВВТ РФ).

При этом, под договором фрахтования морского судна необходимо понимать договор, по которому одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких морских транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа.

При осуществлении нерегулярного морского сообщения грузы (как правило, их крупные партии) и пассажиры перевозятся по чартеру, или договору фрахтования, по которому одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких морских транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа.

Объектом договорных отношений в области применения договора фрахтования морского судна, как правило, служит груз, который по определенным причинам не может быть передан для доставки публичному перевозчику - транспортному предприятию общей перевозки. Этими причинами могут быть большой объем партии груза, специфическая регулярность отгрузок и прочее.

Договор фрахтования морского судна зачастую подразумевает перевозку грузов на большое расстояние. К примеру, когда речь идет о больших (десятки и даже сотни тысяч тонн) партий сырья, металлов, сельскохозяйственной продукции, публичные перевозчики не представляют для грузовладельцев какого-либо интереса.

Ст. 787 ГК РФ предусматривает, что одна сторона в договоре фрахтования представлена фрахтовщиком, а вторая - фрахтователем. При этом фрахтовщиком является владелец транспортного средства, которому транспортное средство принадлежит на праве собственности или ином, предусмотренном законом, основании. Фрахтова-

телем же выступает юридическое или физическое лицо, которое заинтересовано в перемещении крупной партии груза либо в перевозке пассажиров по маршруту, закрепленному в договоре фрахтования, зачастую не совпадающему со стандартными маршрутами либо направлениями перевозки.

Стоит отметить, что в договоре фрахтования морского судна фрахтователь может выступать в качестве отправителя груза, но может и не являться таковым, к примеру, в случаях фрахтования транспортного средства продавцом товара при условии, что отправку груза осуществит товаризготовитель.

Перевозчиком является лицо, которое заключило договор фрахтования морского судна с грузоотправителем или фрахтователем, либо лицо, от имени которого заключен договор. Таким образом, договор фрахтования может быть заключен как самим перевозчиком, так и его представителем, но от его (перевозчика) имени.

При определении субъектного состава договора фрахтования морского судна важно отметить, что для целей, связанных с применением такого вида договора не применим термин «владелец транспортного средства». Также и в понятие «перевозчик» не всегда включено наличие права собственности в отношении транспортного средства, поскольку его использование возможно и при ином законном основании, включающим право пользования и владения. Обозначенное обстоятельство позволяет принимать в отношениях по перевозке не только лиц, профессионально выполняющих работу перевозчика, но и операторов, распорядителей морских судов, которые выполняют некоторые функции перевозчика (например, экспедиторы, фрахтователи судов).

Помимо того, что договор фрахтования (чартер) является двусторонним, он еще и обладает качеством возмездности. Возмездность выражается в праве фрахтователя зарезервировать под свои нужды все обусловленное договором морское судно (или его часть) для перевозки именно за плату на протяжении одного рейса либо серии рейсов. Фрахтовщик же наделен правом получить за предоставленное транспортное средство (или часть его вместимости) плату, которая именуется фрахтом.

Публичные перевозчики в основном осуществляют деятельность на основных маршрутах транспортировки товаров международной торговли, завышают цены за свои услуги, а также приспособливают морские суда для перевозок генеральных грузов, как правило, контейнеров. К несомненным преимуществам чартерной перевозки можно отнести ее индивидуальность по маршруту, не совпадающему с маршрутами линейных перевозок.

К.В. Холоповым отмечается еще одна положительная для грузоотправителя особенность чартера – перевозка грузов по чартеру предусматривает фрахтование специализированного подвижного состава, необходимого для соблюдения особых условий перевозки конкретного рода груза [6].

Однако договор чартера морского судна отвечает и интересам владельца данного вида транспортного средства, поскольку его заключение гарантирует ему прибыль вне зависимости от степени использования судна.

Для грузовладельца отношения по чартеру представляют собой обеспечение надежной перевозки, как правило, больших партий груза на длительный срок в направлениях, не обеспеченных публичными маршрутами. Более того, ставки фрахта, при их перерасчете на метрическую единицу, к примеру, в трамповом судоходстве ниже ставок линейных перевозчиков [6].

Поскольку, согласно чартеру, фрахтователю предоставляется все транспортное средство или его часть, то можно сделать вывод о том, что чартеру характерны как элементы договора перевозки, так и элементы договора аренды.

Так, Т.Е. Абова перечисляет следующие признаки чартерной перевозки:

- а) отсутствие связи с постоянными регионами транспортирования;
- б) отсутствие определенных тарифов и зависимость от конъюнктуры фрахтового рынка;
- в) как правило, отсутствие связи с определенными грузом;
- г) наличие чартера - разового договора перевозки, причем фактор ее протяженности во времени не имеет значения;
- д) отсутствие унифицирующих договоров и наличие в качестве основного регулятора правоотношений чартера как договора перевозки, регулируемого в основном нормами национального права и проформ, т.е. норм негосударственного характера;
- е) наличием как реального (собственник), так и фактического (фрахтователь или субфрахтователь) перевозчика;
- ж) обязательная подача нотисов: первоначального - о времени прихода судна в порт, и позднего – о готовности судна к погрузке [4].

Законодательство некоторых зарубежных стран под договором фрахтования понимает договор, по которому фрахтовщик за вознаграждение предоставляет все транспортное средство (судно, авиасудно) или его часть в распоряжение фрахтователя для совершения одного или нескольких рейсов с целью перевозки грузов или пассажиров.

Договор фрахтования морского судна, а в особенности – в рамках международного сообщения, в некоторых странах принято относить к договорам перевозки груза, в иных странах – к отдельным видам договоров.

Договор фрахтования в целом, в том числе – и договор фрахтования морского судна, закреплен как обособленный договор в праве стран англо-американской системы права, например, в Англии, США, Италии, Нидерландов, Швейцарии, Либерии и отдельных африканских странах. Другие страны при правовой регламентации договора фрахтования исходят из того, что перевозка груза на трамповом судне может регулироваться как договорами фрахтования, так и договорами, связанными с перевозкой груза. Причем отношения фрахтователя и фрахтовщика регулирует договор фрахтования (чартер), а перевозчика с получателем груза - условия договора перевозки, предусмотренные коносаментом.

В отношении самостоятельной правовой природы договора фрахтования и отсутствием аналогии в содержании этого договора и договора аренды наиболее показательным является именно морское законодательство.

Так, несмотря на то, что отечественное законодательство не признает самостоятельного существования договора фрахтования на рейс, а устанавливает лишь два вида договора морской перевозки груза - договор перевозки грузов (п.2 ст. 785 ГК РФ), договор фрахтования (п. 2 ст. 787 ГК РФ), договор морской перевозки груза (п. 1 ст. 115 КТМ РФ), все же договор морской перевозки грузов может быть заключен и с условием предоставления всего судна, его части, или определенных судовых помещений (чартер), и без такого условия.

Представляется, что подобная законодательная формулировка упрощает правоотношения, связанные с различными видами перевозки грузов, поскольку договор перевозки и договор фрахтования в силу указанной нормы смешиваются.

Исходя из презумпции соответствия положений КТМ РФ и ст. 787 ГК РФ, можно прийти к выводу о том, что при использовании любых видов транспорта фрахтование и перевозка являются неразрывными понятиями. Кроме того, практика показывает, что данные договора имеют хоть и сходную, но все же не однородную правовую природу, поэтому необходимым видится более четкое законодательное разделение указанных понятий.

С позиции разграничения договора фрахтования и договора аренды рассматривается еще одно существенное обстоятельство. Так, в одном правоотношении, связанном с фрахтованием транспортного средства, фрахтовщиком и отправителе могут выступать различные субъекты. Фрахтователем может выступать покупатель товара, и в таком случае продавец примет на себя обязательство доставить и загрузить товар на борт зафрахтованного покупателем судна, выступив тем самым в роли отправителя и выдав перевозчику коносамент для перевозки судна.

При этом сам же продавец выступит ответственным перед перевозчиком за убытки, причиненные несвоевременным предъявлением груза, а также за любые другие недостатки, которые могли бы причинить ущерб грузу. Соглашение, заключенное покупателем товара с судовладельцем, в таком случае будет представлять собой договор фрахтования.

Таким образом, договор фрахтования и по своему субъектному составу, а также распределению прав и обязанностей в отношении груза имеет существенные различия с договором аренды и договором перевозки.

Договор фрахтования имеет также свои особенности заключения, связанные с предметом самого договора. Так, при перевозке грузов, багажа и/или пассажиров на морских судах существует сложная процедура заключения договора фрахтования, зачастую связанная с привлечением к заключению договора сторонних лиц, поскольку деятельность на фрахтовом рынке направлена на обеспечение отфрахтования судов и обеспечение международной торговли морским тоннажем.

Фрахтовая деятельность в рамках договоров фрахтования на морских судах обычно осуществляется брокерскими и агентскими фирмами, представляющими интересы судо- и грузовладельцев, притом заключению договора фрахтования морского судна обычно предшествует длительный и детализированный процесс обмена предложениями и контрпредложениями, что обусловлено сложностью взаимоотношений в рамках анализируемого вида договоров. Кроме того, и непосредственному заключению договора фрахтования морского судна предшествует ряд необходимых к выполнению операций, связанных с подбором груза либо судна брокером (агентом) по поручению заказчика с учетом критериев и условий, необходимых для выполнения перевозки. Однако же, при всей своей сложности и многоаспектности, заключение договора фрахтования морского судна благодаря использованию чартерных проформ становится значительно более легким и унифицированным.

Таким образом, договор фрахтования морского судна заключается при условии предоставления для перевозки всего судна, его части или определенных судовых помещений, и направлено на обеспечение эффективной доставки пассажиров, багажа или грузов в направлениях, не обеспеченных либо недостаточно качественно

обеспеченных линейными маршрутами. Из указанного вытекает наиболее, как представляется, значимая характеристика договора фрахтования морского судна – возможность качественно и эффективно осуществить доставку пассажира, багажа или груза в направлении, в котором линейный регулярный перевозчик не может предоставить соответствующую по качеству и эффективности перевозку. Указанное предопределяет необходимость дальнейших исследований договора фрахтования морского судна как средства обеспечения эффективного и качественного выполнения транспортных услуг морем.

Список использованных источников и литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996. № 5. ст. 410.
2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999. № 18. ст. 2207.
3. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 12.03.2001. № 11. ст. 1001.
4. Абова Т.Е. Обязательство перевозки груза. Основные проблемы частного права. – М.: Статут, 2017. – С. 144.
5. Транспорт и связь в России. 2016: Стат.сб./Росстат. - М., 2016. – С. 31.
6. Холопов К.В. Международное частное транспортное право. Анализ норм международного и российского транспортного права: Учебное пособие. - М.: Статут, 2016. – С. 93
7. Logistics Performance Index 2018 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://www.worldbank.org/et/tews/itographic/2018/07/24/logistics-performance-index-2018>

Nikitina A. P., Mikhailova A. D. Organization of sea transportation under agreement of maritime ship // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 380-386.

In the article, the author discloses one of the traditional and basic contracts for the carriage of goods by sea – the chartering agreement. The question of the genesis of the contract of chartering a ship in the Russian Federation was raised. The authors draw attention to the fact that the lack of modern scientific research on this issue, the lack of proper legal regulation of relations arising from the chartering agreement of a ship at the national level, taking into account the changed trends, are factors that hinder the development of maritime transport in both domestic and international carriage. The specific features of the conclusion and execution of the chartering contract, as well as the responsibility of the parties for non-performance or improper performance of duties, are analyzed.

Key words: chartering agreement, sea vessel, cargo transportation, logistic activity, Merchant Shipping Code.

Spisok literaturey:

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 29.07.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2018) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.01.1996. № 5. st. 410.
2. Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossijskoj Federacii ot 30.04.1999 № 81-FZ (red. ot 29.12.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 03.05.1999. № 18. st. 2207.
3. Kodeks vnutrennego vodnogo transporta Rossijskoj Federacii ot 07.03.2001 № 24-FZ (red. ot 29.12.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 12.03.2001. № 11. st. 1001.
4. Abova T.E. Obyazatel'stvo perevozki gruzha. Osnovnye problemy chastnogo prava. – M.: Statut, 2017. – S. 144.
5. Transport i svyaz' v Rossii. 2016: Stat.sb./Rosstat. - M., 2016. – S. 31.
6. Holopov K.V. Mezhdunarodnoe chastnoe transportnoe pravo. Analiz norm mezhdunarodnogo i rossijskogo transportnogo prava: Uchebnoe posobie. - M.: Statut, 2016. – S. 93
7. Logistics Performance Index 2018 [Elektronnyj resurs]. // Rezhim dostupa: <https://www.worldbank.org/et/tews/itographic/2018/07/24/logistics-performance-index-2018>.

УДК 340.1

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Пирогов Е. Ю.

Краснодарский университет МВД России

В статье правотворчество рассмотрено как элемент правового регулирования, роль которого определяется тем, что в результате правотворчества создаются инструменты правового регулирования и осуществляется (через механизм правового регулирования) воздействие (с обратной связью) на жизнь социума. Дано определение локального правотворчества и локального правового акта. Локальное правотворчество занимает в системе правотворчества низший по иерархичности властно-волевым и полномочностным характеристикам субъектов правотворчества, соответственно, по юридической силе и значимости вырабатываемых правовых актов, но при этом не менее значимый уровень. При этом значение локального правотворчества в системе правового регулирования определяется такими его свойствами, как: большая по сравнению с другими видами правотворчества оперативность, гибкость и меньшая формальность; компетентность субъектов локального правотворчества в части решения внутриорганизационных и управленческих задач в пределах конкретного предприятия, учреждения или организации; способность обеспечить прямую и обратную связь правообразования с социальной средой, а также баланс централизма и децентрализации в правообразовании.

Ключевые слова: право, правообразование, правотворчество, нормотворчество, законотворчество, локальное правотворчество, правовой акт, правовое регулирование.

Как известно, жизнь социума нуждается в нормативном регулировании. Одной из разновидностей нормативного регулирования выступает правовое регулирование. Главным средством правового регулирования выступает право. Механизм правового регулирования социальной жизни и его эффективность во многом определяются состоянием правотворчества, направленного на формирование правовой нормативной системы регулирования общественных отношений и, соответственно, обеспечивающего данный механизм необходимым инструментарием (правовыми актами – являющимися содержательным и формальным выражением права).

Правотворчество как выражение воли народа необходимо для адекватного использования объективных закономерностей общественного бытия в интересах всего общества и выработки на этой основе оптимального (с точки зрения соотношения интересов человека, общества и государства) варианта регулирования, юридической регламентации общественных отношений. Как отмечают М. А. Матвеева и Р. В. Шагиева, «в современном обществе, где государственная власть осуществляется правовыми способами, где законность является принципом деятельности всего государственного аппарата, управление выражается в первую очередь в целенаправленном властном воздействии на поведение людей при помощи общих и индивидуальных правовых актов. ... Правовое регулирование может осуществляться различными субъектами, в разных сферах, неодинаковыми способами и при помощи отличающихся друг от друга средств – нормативных и индивидуальных правовых актов. Как справедливо писали теоретики права, оно пронизывает две области правовой

действительности – полностью правотворчество и частично правореализацию» [3, с. 6].

Главное предназначение правотворческой деятельности состоит в том, чтобы «способствовать преобразованию, развитию средств и способов правового регулирования общественных отношений» [4, с. 50-51]. Следовательно, как верно указывают праведы, «правотворчество органично «встроено» в современные процессы правового регулирования, является целенаправленным обеспечительным правовым процессом по созданию позитивного права как одного из необходимых элементов механизма правового регулирования» [3, с. 11]. Рассматривая механизм правового регулирования в контексте системных взаимосвязей и взаимодействия составляющих его элементов, также следует учитывать то, что само правотворчество является объектом правового регулирования [5, с. 38]. Таким образом, роль правотворчества в правовом регулировании определяется тем, что в результате правотворчества создаются инструменты правового регулирования и осуществляется (через механизм правового регулирования) воздействие (с обратной связью) на жизнь социума.

Правотворчество является частью правообразования, как формы возникновения и бытия (развития и изменения) права. Под «правообразованием» следует понимать «совокупность всех процессов, направленных на формирование права в данном обществе. Итогом правообразования является право, выраженное в форме какого-либо официально признаваемого в данном обществе источника: нормативного правового акта, юридического прецедента, правового обычая, нормативного договора и др.» [2, с. 11]. Как указывал А.В. Мицкевич, формирование права носит объективно обусловленный, исторически необходимый характер [6, с. 5]. По своему содержанию правообразование как форма существования права охватывает как его институциональные, так и неинституциональные формы (правовые принципы, правосознание граждан, конкретные правоотношения и пр.), возникновение различных юридических моделей поведения и их фактическую реализацию, а также внешнее выражение в юридически формализованных документах (правовых актах, договорах, соглашениях, судебных прецедентах и пр.).

Правотворческий механизм является центральным институтом процесса правообразования в современных обществах и оказывает существенное влияние на проведение правовой политики, его структура и функции отражают объективные закономерности правообразования [8, с. 8]. Правотворчество, как отмечает О.Ф. Скакун, «является самостоятельной и решающей стадией (высшим уровнем) правообразования. Правообразование происходит и вне правотворчества государства, в рамках гражданского общества – в правосознании, конкретных правоотношениях, правомерном поведении, в правовых теориях, судебных прецедентах и т.д. Правообразование питает правотворчество новыми правовыми идеями, правилами поведения, конкретными решениями, соглашениями, которые исследуются, обобщаются, систематизируются государством, а затем формулируются в нормах права, внешне выраженных в нормативно-правовых актах. Правотворчество начинается тогда, когда принято государственное решение о подготовке проекта нормативно-правового акта, например, закона. Инициативу, предложение о необходимости принятия того или иного закона нельзя считать правотворчеством, хотя с инициативы может начаться правотворчество» [9, с. 319-320]. Начальный этап правообразования непосредственно связан с наличием и актуализацией «объективно обусловленной соци-

ально-политической потребности в юридическом регулировании соответствующих отношений» [1, с. 307].

Таким образом, правотворчество как составляющая правообразования охватывает процесс и результат внешнего юридически формализованного выражения права в форме правовых актов. Формальное закрепление актуализации потребности в юридическом регулировании тех или иных отношений, выраженное в юридически оформленном решении уполномоченного субъекта о необходимости принятия соответствующего правового акта является начальным этапом правотворчества, т.е. началом правотворческого процесса.

С точки зрения деятельностного подхода правотворчество представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (органов государственной власти, а также гражданского общества) по созданию (в широком смысле, включая разработку, принятие (санкционирование), изменение и отмену) правовых актов.

Практическим результатом правотворчества является создание системы различных (по субъекту правотворчества, уровню, юридической силе и пр.) правовых актов: 1) политико-правовых актов программного характера (акты-декларации); 2) актов, содержащих нормативные положения (нормативно-правовые акты); 3) интерпретационных актов, дающих толкования норм права; 4) индивидуальных актов; 5) технических актов (ГОСТы, СНиПы, тарифно-квалификационные справочники, формы статистического наблюдения и т.п.); 6) актов, направленных на организацию исполнения решений вышестоящих органов или собственных решений органов исполнительной власти; 7) актов рекомендательного характера и пр.

Более узким понятием по отношению к правотворчеству, является понятие нормотворчества, под которым следует понимать деятельность уполномоченных субъектов (органов государственной власти, а также гражданского общества) по созданию (в широком смысле, включая разработку, принятие (санкционирование), изменение, отмену) нормативно-правовых актов.

Нормотворчество является формой государственно-правовой деятельности в сфере осуществления государственной власти и управления. Создаваемые в результате нормотворчества правовые акты, вводят, изменяют или отменяют правовые нормы, формируя правовую систему государства.

Еще более узким понятием по отношению к правотворчеству и нормотворчеству является понятие законотворчества, охватывающего соответствующую деятельность по созданию нормативно-правовых актов высшей юридической силы – законов.

Локальное правотворчество занимает в системе правотворчества низший по иерархичности властно-волевым и полномочностным характеристикам субъектов правотворчества, соответственно, по юридической силе и значимости вырабатываемых правовых актов, но при этом не менее значимый уровень.

В общем понимании, в зависимости от механизма юридического волеизъявления народа, локальное правотворчество, как все иные, кроме законотворчества и прямого волеизъявления народа (путем референдума), виды правотворчества, является делегированным. Это определяется тем, что народ осуществляет свою власть либо непосредственно, либо через свои представительные органы посредством законотворчества. Все иные государственные органы, в том числе органы исполнительной

власти, осуществляют правотворчество на основе делегирования им правотворческих полномочий от представительных органов [10, с. 56].

Для законного оформления юридической институционализации предприятия, учреждения, организации создают различные правовые акты: приказы, издаваемые руководителем организации, уставы и положения, на основе которых осуществляют свою деятельность. Подобные акты составляют нижнее звено подзаконных правовых актов и в большинстве случаев, для того чтобы приобрести юридическую силу, должны быть зарегистрированы в соответствующем муниципальном органе власти. Например, устав общества с ограниченной ответственностью (либо иной аналогичной организации) приобретает юридическую силу только после регистрации в государственных органах власти [11, с. 303-304].

Таким образом, локальное правотворчество представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (органов управления (руководителя, администрации) предприятия, учреждения, организации, а также субъектов гражданского общества (профсоюза и пр.) по созданию (в широком смысле, включая разработку, принятие, изменение, отмену) локальных нормативно-правовых и иных правовых актов.

Основная цель локального правотворчества состоит в регуляции и саморегуляции отношений внутри предприятия, учреждения, организации посредством инициативной (в рамках закона) конкретизации предписаний нормативно-правовых актов, созданных законодателем, а также вышестоящими правотворческими органами, с которыми он находится в отношениях служебной подчиненности или которыми ему санкционированы правотворческие полномочия.

Основной функцией локального правотворчества, как разновидности правотворчества, является правообразовательная. Специфика локального правотворчества обуславливается его двойственной природой, выражающейся в том, что оно выступает одновременно и вспомогательной, и самостоятельной формой правообразования.

Как верно указывает Э.А. Рубайло, «в локальных правовых актах происходит конкретизация централизованных юридических установлений. При этом конкретизация осуществляется посредством дополнения содержания централизованных предписаний уточняющими положениями. Таким образом, локальные нормы обеспечивают действие механизма локального правового регулирования и направлены, с одной стороны, на «преломление» общегосударственных (централизованных) норм к условиям конкретной организации, а с другой стороны – представляют собой самостоятельный канал правообразования, направленный на создание собственных правил саморегулирования» [7, с. 9].

Наряду с правообразовательной функцией, локальное правотворчество, воздействуя на социальную реальность (в том числе ее правовую составляющую), а именно, создавая, изменяя и прекращая посредством принятия локальных правовых актов конкретные правоотношения, реализует также свойственную ему функцию – регулятивную.

Одной из основных функций локального правотворчества наряду с указанными является управленческая функция. Являясь составляющей механизма правового регулирования, локальное правотворчество обеспечивает возможность реализации и легальность управленческой деятельности государственных и иных субъектов. Локальные правовые акты, принимаемые в соответствии с объективно обусловленной

социальной потребностью и обусловленных ею социальных задач, обеспечивают эффективную работу механизма социального управления на местах, т.е. на уровне отдельных предприятий, учреждений, организаций.

Таким образом, локальные правовые акты (в том числе нормативно-правовые акты) можно определить как правовые акты, которые создаются органом управления предприятия, учреждения, организации и направлены на урегулирование отношений внутри данной структуры, т.е. отношения, непосредственно связанные с внутриорганизационной деятельностью той или иной структуры как таковой.

Иными словами локальный правовой акт – это внутриорганизационный правовой акт, принимаемый уполномоченным субъектом организации, предприятия, учреждения в пределах своей компетенции для регулирования уставной деятельности и отношений между ее участниками.

С учетом полифункциональности локального правотворчества локальный правовой акт следует рассматривать, с одной стороны, как волевое, властное действие органа управления, осуществляемое в установленной правовой форме, а с другой стороны, как внешняя форма выражения управленческих актов.

Локальное правотворчество отличается большей оперативностью, гибкостью, меньшей формальностью. Общество в лице отдельных предприятий, учреждений, организаций и органов их управления на местах наиболее оперативно реагируют на изменения условий социальной жизни, новые требования и возникающие в связи с социальными процессами проблемы жизнедеятельности. Отличаясь от законотворчества меньшей формальностью, локальное правотворчество, конкретизируя централизованные юридические установления посредством дополнения их содержания уточняющими положениями, позволяет с максимальной гибкостью «точечно» решать проблемы правовой регламентации тех или иных общественных отношений.

Также следует учитывать компетентность субъектов локального правотворчества в части решения внутриорганизационных и управленческих задач в пределах конкретного предприятия, учреждения или организации. Позитивная специфика субъектного состава локального правотворчества – органов управления (руководителя, администрации) предприятия, учреждения, организации, а также субъектов гражданского общества (профсоюза и пр.) – обладающих (с должной необходимостью) соответствующей нормотворческой компетенцией и знанием локальных условий и проблем, потребностей и характера взаимоотношений адресатов правового предписания, т.е. знанием требующего урегулирования вопроса «изнутри», существенным образом может способствовать эффективности принимаемых правовых актов.

Локальное правотворчество позволяет наиболее полно обеспечить связь правообразования, как прямую, так и обратную с социальной средой и существенно повысить эффективность правового регулирования. Напрямую реализуя на уровне отдельных предприятий, учреждений, организаций правотворческую инициативу, граждане участвуют в процессе правообразования и правореализации, воздействуя таким образом (через механизм правового регулирования) на жизнь общества в целом.

Правотворческие методы сохранения единого правового пространства основываются на балансе централизма и децентрализации в правообразовании [8, с. 10]. Локальное правотворчество способствует обеспечению данного баланса, т.е. явля-

ется эффективным средством реализации политики децентрализации в правообразовании, причем, не только, и не столько в непосредственно территориальном плане, сколько в плане внутренней структуры государственного управления.

Таким образом, на основании изложенного выше, можем сформулировать следующие выводы.

Правотворчество как составляющая правообразования охватывает процесс и результат внешнего юридически формализованного выражения права в форме правовых актов. В результате правотворчества создаются инструменты правового регулирования и осуществляется (через механизм правового регулирования) воздействие (с обратной связью) на жизнь социума.

Локальное правотворчество представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (органов управления (руководителя, администрации) предприятия, учреждения, организации, а также субъектов гражданского общества (профсоюза и пр.) по созданию (в широком смысле, включая разработку, принятие, изменение, отмену) локальных нормативно-правовых и иных правовых актов.

Основными функциями локального правотворчества являются: правообразовательная (реализуя которую, оно выступает одновременно и вспомогательной, и самостоятельной формой правообразования), регулятивная и управленческая. Основная цель локального правотворчества состоит в регуляции и саморегуляции отношений внутри предприятия, учреждения, организации посредством инициативной (в рамках закона) конкретизации предписаний нормативно-правовых актов, созданных законодателем, а также вышестоящими правотворческими органами, с которыми он находится в отношениях служебной подчиненности или которыми ему санкционированы правотворческие полномочия.

Локальный правовой акт – это внутриорганизационный правовой акт, принимаемый уполномоченным субъектом организации, предприятия, учреждения в пределах своей компетенции для регулирования уставной деятельности и отношений между ее участниками.

Локальное правотворчество отличается большей оперативностью, гибкостью и меньшей формальностью. Также следует учитывать компетентность субъектов локального правотворчества в части решения внутриорганизационных и управленческих задач в пределах конкретного предприятия, учреждения или организации. Локальное правотворчество позволяет наиболее полно обеспечить связь правообразования, как прямую, так и обратную с социальной средой и существенно повысить эффективность правового регулирования. Локальное правотворчество способствует обеспечению баланса централизма и децентрализации в правообразовании.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.
2. Калинин А. Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав : историко-теоретическое исследование : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Калинин Алексей Юрьевич; [Место защиты: Юрид. ин-т МВД РФ]. – Санкт-Петербург, 2010. – 63 с.
3. Матвеева М. А., Шагиева Р. В. Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения // Государство и право. – 2014. – № 12. – С. 5-13.
4. Монахова Ю. В. Правотворческая деятельность в современном российском обществе (Теоретический анализ). – М., 2005. – 202 с.

5. Осипов М. Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества. – М., 2010. – 220 с.
6. Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. – М., Юрид. лит., 1974. – 319 с.
7. Рубайло Э. А. Юридическая техника локальных актов: понятие и виды : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Рубайло Эдуард Александрович; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. – Москва, 2013. – 24 с.
8. Синюков С. В. Механизм правотворчества : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Синюков Сергей Владимирович; [Место защиты: Саратов. гос. юрид. акад.]. – Саратов, 2013. – 26 с.
9. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник. – Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
10. Советское правовое государство и юридическая наука. Круглый стол // Сов. государство и право. – 1989. – № 3. – С. 53-62.
11. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – 570 с.

Pirogov E. Yu. Concept and meaning of local law-making in the system of legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 387-393.

In the article, law-making is considered as an element of legal regulation, whose role is determined by the fact that as a result of law-making, legal regulation tools are created and (through a legal regulation mechanism) influence is exerted (with feedback) on the life of a society. The definition of local law-making and local legal act is given. Local law-making in the law-making system is lower in the hierarchy of power-willed and authoritative characteristics of the subjects of law-making, respectively, in terms of the legal force and significance of the developed legal acts, but at the same time not less significant level. At the same time, the value of local law-making in the system of legal regulation is determined by such properties as: greater efficiency, flexibility and less formality compared to other types of law-making; competence of local law-making entities in terms of solving internal organizational and managerial tasks within a particular enterprise, institution or organization; the ability to provide direct and feedback legal education with the social environment, as well as a balance of centralism and decentralization in legal education.

Keywords: law, law-making, rule-making, local law-making, legal act, legal regulation.

Spisok literatury:

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: V 2-h t. – М.: YUrid. lit., 1981. – Т. 1. – 360 с.
2. Kalinin A. YU. Pravoobrazovanie v Rossii: ponyatijno-kategorial'nyj i strukturno-funkcional'nyj sostav : istoriko-teoreticheskoe issledovanie : avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskikh nauk : 12.00.01 / Kalinin Aleksey YU'evich; [Mesto zashchity: YUrid. in-t MVD RF]. – Sankt-Peterburg, 2010. – 63 с.
3. Matveeva M. A., SHagieva R. V. Pravovoe regulirovanie i pravotvorchestvo v pravovoj sisteme obshchestva: teoretiko-metodologicheskie osnovy sootnosheniya // Gosudarstvo i pravo. – 2014. – № 12. – S. 5-13.
4. Monahova YU. V. Pravotvorcheskaya deyatel'nost' v sovremennom rossijskom obshchestve (Teoreticheskij analiz). – М., 2005. – 202 с.
5. Osipov M. YU. Ponyatie i sootnoshenie pravovogo regulirovaniya i pravotvorchestva. – М., 2010. – 220 с.
6. Pravotvorchestvo v SSSR / Pod red. A. V. Mickevicha. – М., YUrid. lit., 1974. – 319 с.
7. Rubajlo E. A. YUridicheskaya tekhnika lokal'nyh aktov: ponyatie i vidy : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.01 / Rubajlo Eduard Aleksandrovich; [Mesto zashchity: In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve RF]. – Moskva, 2013. – 24 с.
8. Sinyukov S. V. Mekhanizm pravotvorchestva : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.01 / Sinyukov Sergej Vladimirovich; [Mesto zashchity: Sarat. gos. yurid. akad.]. – Saratov, 2013. – 26 с.
9. Skakun O. F. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. – Har'kov: Konsum; Un-t vnutr. del, 2000. – 704 с.
10. Sovetskoe pravovoe gosudarstvo i yuridicheskaya nauka. Kruglyj stol // Sov. gosudarstvo i pravo. - 1989. - № 3. – S. 53-62.
11. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov. Pod red. V. M. Korel'skogo i V. D. Perevalova. – М.: Izdatel'skaya gruppa INFRA-М–NORMA, 1997. – 570 с.

УДК 347.1

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОРТОВЫХ СБОРОВ В МОРСКИХ
ПОРТАХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПОЛУОСТРОВА КРЫМ
(ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)**

Грейдин О. И.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена анализу изменений в правовом регулировании портовых сборов, взимаемых с судов в морских портах, расположенных на территории Крымского полуострова. Автором использован системный подход. Определены и проанализированы элементы, составляющие систему портовых сборов на территории Крымского полуострова в переходный период. Проведен анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие правоотношения.

Ключевые слова: морские порты, портовые сборы, система портовых сборов, виды портовых сборов.

18 марта 2014 года Республика Крым, включая город с особым статусом Севастополь, была принята в состав Российской Федерации на основании договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов.

Впоследствии данный факт был нормативно закреплён с принятием Федеральным Собранием голосами депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – ФКЗ от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ) [1] с последующими изменениями ст. 65 Конституции РФ (ч. 1) [2].

Указанное событие коренным образом повлияло на правовое регулирование всех без исключения сфер общественной жизни, в том числе и на правоотношения в сфере установления и взимания портовых сборов в морских портах на вновь присоединённых территориях.

Научные исследования в области установления и взимания портовых сборов в морских портах Российской Федерации немногочисленны и по большей части посвящаются решению экономических проблем в данной сфере, таких как развитие системы портовых сборов, повышение конкурентоспособности российских портов, вопросов ценообразования на транспорте (см., например, труды Ахполова И. К., Бабкина Е. В., Бодровцевой Н. Ю., Буяновой Л. Н., Ветренко Л. Д., Грязева Р. Н., Ефшюва А. Н., Забелина В. Г., Коровченко А. Е., Королевой Е. А., Краева В. И., Кузьминой О. А., Носова Б. А., Пантиной Т. А., Персианова В. А., Попова В. В. Соколова А. И. и др.)

В юридическом аспекте большинство исследователей рассматривает портовые сборы как категорию финансового права, фискального или парафискального плате-

жа (см., например, труды А. В. Брызгалина, Д. В. Винницкого, М. Ф. Владимирского-Буданова, Г. А. Гаджиева, И. Я. Горлова, А. В. Демина, В. И. Еременко, С. И. Иловайского, А. Н. Козырина, И. М. Кулишера, И. И. Кучерова, В. А. Лебедева, Г. Л. Марьяхина, И. Х. Озерова, М. Ю. Орлова, Г. В. Петровой, С. Г. Пепеляева, К. Г. Рау, Е. А. Ровинского, И. Т. Тарасова, Н. И. Химичевой, И. И. Янжула).

Проблемы портовых сборов как гражданско-правовой категории в той или иной степени рассматриваются такими российскими юристами как В. К. Андреев, Т. Е. Абова, Н. Ю. Бодровцева, М. И. Брагинский, О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, Н. С. Малейн, О. Н. Садиков, В. Л. Слесарев, Е. А. Суханов, Ю. В. Романец, В. С. Толстой.

Об актуальности исследования системы портовых сборов в Российской Федерации свидетельствует, в частности, принятие транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р [3], в которой определяется одним из основных направлений развития научного обеспечения на морском транспорте в Российской Федерации – подготовка предложений в области ценообразования, в частности разработка системы тарифов и портовых сборов.

На сегодняшний день нет ни одного исследования, посвященного изучению специфики формирования системы портовых сборов в морских портах, расположенных на побережье полуострова Крым, в современный период времени, что обуславливает актуальность и новизну нашей статьи.

Портовые сборы являются основным источником финансирования определенных затрат портов, а различия в экономических и географических условиях, структуре и уровне расходов портов обуславливают разнообразие портовых сборов не только по наименованию, назначению и количеству в конкретном порту, но и по правилам установления и взимания размера ставок и предоставляемым льготам (абз. 5 п. 2.2. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013г. № 37-О [4]).

Следует согласиться с позицией авторов, использующих системный подход при исследовании портовых сборов как совокупности элементов взаимообуславливающих друг друга [5; 6].

Так, Кузьмина О. А. выделяет в качестве элементов современной системы портовых сборов Российской Федерации перечень регулируемых государством портовых сборов; расчетную единицу для начисления сбора; параметры дифференциации ставок сборов; базовые ставки сборов; денежную единицу для оплаты сбора; перечень скидок и надбавок к базовым ставкам сборов; правила применения сборов [5, с. 17].

Бодровцева Н. Ю. выделяет следующие структурные элементы: 1) понятие портовых сборов; 2) виды портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации, и перечень морских портов, в которых установлена обязанность по уплате портовых сборов; 3) получатель портовых сборов; 4) плательщик портовых сборов; 5) объект обложения портовыми сборами и основания возникновения обязанности по уплате портовых сборов; 6) ставки портовых сборов; 7) расчетная база для начисления портовых сборов и порядок расчета портовых сборов; 8) льготы и преференции по уплате портовых сборов; 9) денежная единица, в которой осу-

ществляется оплата портовых сборов; 10) порядок исполнения и контроль исполнения обязанности по уплате портовых сборов [6, с. 153].

Не углубляясь в дискуссию об определении исчерпывающего перечня структурных элементов системы портовых сборов, проведем анализ изменений, произошедших при переходе из украинской системы права в российскую с учетом крымского переходного периода в части правового регулирования понятия, видов портовых сборов, взимаемых в морских портах побережья Крымского полуострова, содержания обязательств по их уплате.

До принятия Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации перечень и порядок взимания портовых сборов устанавливался Законом Украины «О морских портах» от 17.05.2012 г. № 4709-VI [7] и Кодексом торгового мореплавания [8]. В Законах, а также принятых в продолжение их реализации приказах «О портовых сборах» от 27.05.2013 г. № 316 [9], «О внесении изменений и дополнений к Сборам и платам за услуги, которые предоставляются в морских портах Украины» от 15.12.2000г. № 711 [10] отсутствовало легальное определение портового сбора. Содержание портовых сборов раскрывалось через их перечень, закрепленный в ч. 1 ст. 22 Закона, к которым относились: корабельный, причальный, якорный, канальный, маячный, административный и санитарный, а также лоцманский сбор (ст. 106 КТМ) и сбор за услуги службы регулирования движения судов (СРДС) (ст. 115 КТМ).

Плательщиками сборов выступали владельцы судов, входящих в акваторию порта, через морских агентов.

Получателями корабельного, причального, якорного, канального, административного и санитарного портовых сборов выступали соответствующие порты, действующие в организационной форме государственных предприятий, маячного сбора – Государственное учреждение «Госгидрография», лоцманского сбора и сбора за услуги СРДС – ГП «Дельта-Лоцман».

Особенностью правоотношений по оплате соответствующих сборов являлось то, что все расчеты происходили в долларах США. Ставки портовых сборов определялись в соответствующих приказах [9; 10] в иностранной валюте.

С принятием Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации правовое регулирование уплаты портовых сборов, а также их перечень изменился.

В ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации» от 08.11.2007г. № 261-ФЗ [11] (далее – ФЗ № 261-ФЗ) дается легальное определение портового сбора, под которым понимается плата, взимаемая в морском порту и на подходах к нему, за оказание услуг по использованию отдельных объектов инфраструктуры морского порта, обеспечению безопасности мореплавания и сбор на строительство и реконструкцию объектов инфраструктуры морского порта, относящихся к объектам федеральной собственности.

Закон содержит исчерпывающий перечень портовых сборов, к которым относит: корабельный, канальный, ледокольный, лоцманский, маячный, навигационный, причальный, экологический, транспортной безопасности акватории морского порта и инвестиционный (ч. 3 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ).

В развитие положений ФЗ № 261-ФЗ Постановлением «Об утверждении размеров ставок портовых сборов в акватории порта города Севастополя» от 10.07.2014 г.

№ 124 [12] (вступило в законную силу 16.02.2015 г.), перечень портовых сборов, установленный пунктами 21, 22 Постановления в части, за исключением ледокольного, транспортной безопасности акватории морского порта и инвестиционного, соответствовал закрытому перечню, установленному ч. 3 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ.

Согласно Постановлению субъектом, взимающим каналный, лоцманский, маячный, навигационный (в т.ч. СУДС), экологический сборы являлось ГУП «Севастопольский морской порт». Субъектами взимания корабельного сбора в Севастопольском порту являлось ГУП «Севастопольский морской порт» и Федеральное государственное бюджетное учреждение «Администрация морских портов Черного моря» с равным распределением между ними сумм портового сбора (п.22).

Ставки портовых сборов устанавливались и уплачивались в рублях.

В Республике Крым в соответствии с переходными положениями ФКЗ от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ было принято Постановление Государственного Совета Республики Крым от 28.05.2014 г. № 2178-6/14 [13], которым были утверждены Ставки и порядок взимания портовых сборов в Республике Крым. В постановлении определялся перечень портовых сборов, к которому относились: корабельный, причальный, якорный, каналный, маячный, лоцманский, за услуги по регулированию движением судов, административный и санитарный (п.2). Субъектом, уполномоченным начислять и взимать портовые сборы в Республике Крым, устанавливалось ГУП «Крымские морские порты».

Таким образом, в Республике Крым перечень портовых сборов в переходном периоде был реципирован из ст. 22 Закона Украины «О морских портах», статей 106, 115 КТМ.

Ставки портовых сборов были также установлены и оплачивались в долларах США.

Одновременно с этим действовало Постановление Государственного Совета Республики Крым от 26.03.2014 г. № 1867-6/14 «О Государственном предприятии «Лоцман-Крым» [14] в пункте 6.1 которого было указано, что управление в области лоцманской проводки судов и систем управления движением судов Республики Крым осуществляется Государственным предприятием «Лоцман-Крым» в соответствии с действующими законодательными и иными нормативно-правовыми актами в области морского транспорта.

Несоответствие нормативных актов в части определения субъекта, уполномоченного получать навигационный сбор (включающий себя услуги по использованию системы управления движением судов), привело к многочисленным судебным спорам.

В Российской Федерации вопросы регулирования портовых сборов, в том числе, их видов, ставок отнесены к компетенции федерального законодательства. Перечень портовых сборов, взимаемых непосредственно в каждом морском порту, устанавливается федеральным органом исполнительной власти в области транспорта (ч. 4 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ), а ставки портовых сборов и правила их применения - в соответствии с законодательством Российской Федерации о естественных монополиях (ч. 5 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ).

Во исполнение предписания ч. 4 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ Министерством транспорта Российской Федерации, являющимся согласно п.1 Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства

Российской Федерации от 30 июля 2004 года N 395 [15], уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области транспорта, утвержден Перечень портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации [16] (далее – Перечень).

Пунктом 2 приказа Минтранса РФ от 31.10.2012 г. № 387 [16] установлено, что администрациями морских портов взимается корабельный сбор; ФГУП "Росморпорт" взимаются канальный, навигационный, маячный, ледакольный, транспортной безопасности акватории морского порта (кроме канального, навигационного, маячного сборов в морских портах Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта и Севастополь) сборы; ФГУП "Росморпорт" и хозяйствующими субъектами, оказывающими услуги по обеспечению лоцманской проводки судов и обеспечению экологической безопасности в порту, взимаются лоцманский и экологический сборы.

В соответствии с приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 06.11.2014 г. № 306 «О внесении изменений в приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 октября 2012 года N 387 «Об утверждении Перечня портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации» [17] обязанность по взиманию канального, навигационного, маячного сборов в морских портах Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта возложена на ГУП РК «Крымские морские порты», в морском порту Севастополь – на ГУП «Севастопольский морской порт».

Всего в морских портах Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта, Севастополь может взиматься корабельный, канальный, лоцманский, маячный, навигационный, экологический, транспортной безопасности акватории морского порта сборы (пункты 20.1, 26.1, 51.2, 59.1, 64 Перечня). Фактически взимаются корабельный, канальный, лоцманский, маячный и навигационный. Отсутствуют такие сборы как административный и якорный.

В порядке реализации ч. 5 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ, среди прочего, Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2008 года N 293 «О государственном регулировании и контроле цен (тарифов, сборов) на услуги субъектов естественных монополий в транспортных терминалах, портах, аэропортах и услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей» было утверждено Положение о государственном регулировании и контроле цен (тарифов, сборов) на услуги субъектов естественных монополий в транспортных терминалах, портах, аэропортах и услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей, а также перечень услуг субъектов естественных монополий в морских портах, цены (тарифы, сборы) на которые регулируются государством [18].

В соответствии с п. 2 названного Положения с 10.09.2015 г. (дата опубликования Постановления Правительства РФ от 4 сентября 2015 г. N 941 «О внесении изменений, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с упразднением Федеральной службы по тарифам и об утверждении Правил принятия Федеральной антимонопольной службой решений об определении (установлении) цен (тарифов) и (или) их предельных уровней в сфере деятельности субъектов естественных монополий и иных регулируемых организаций» [19]) органом регулирования является Федеральная антимонопольная служба и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное регулирование тарифов в порядке, установленном законодательством Рос-

сийской Федерации. Указанные полномочия Федеральной антимонопольной службы детализированы Положением о Федеральной антимонопольной службе (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 года N 331 [20]).

В порядке реализации указанных полномочий приказом Федеральной антимонопольной службы от 10 марта 2016 года N 223/16 утверждены Правила применения ставок портовых сборов в морских портах Российской Федерации [21], согласно которым ставки сборов с судов установлены для российских судов в заграничном плавании и иностранных судов, а также для российских судов в каботажном плавании и дифференцируются по типам судов (пункт 1.3), что обусловлено особенностями их функционального назначения и фактического использования, а именно особыми условиями их обслуживания в морском порту (в том числе на специально оборудованных причалах); тип судна и его флаг определяются судовыми документами (пункт 1.4), основной перечень которых определен статьей 25 Кодекса торгового мореплавания.

Приказами Федеральной антимонопольной службы от 10 марта 2016 года N 222/16 «Об утверждении ставок портовых сборов за услуги, оказываемые государственным унитарным предприятием Республики Крым «Крымские морские порты» в морском порту Керчь» [22], от 26.12.2016 года № 1874/16 «Об утверждении ставок портовых сборов за услуги, оказываемые государственным унитарным предприятием Республики Крым «Крымские морские порты» в морских портах Феодосия, Евпатория, Ялта» были утверждены ставки портовых сборов в морском порту Керчь, Феодосия, Евпатория, Ялта.

Многочисленные подзаконные акты, несогласованность регионального и федерального законодательства свидетельствуют о недостатках, сопутствующих современному этапу формирования системы портовых сборов на территории Крымского полуострова, порождающие конфликты в сфере участников соответствующих правоотношений. Такие действия субъектов нормотворчества не учитывают перспективу системного развития права.

Список литературы:

1. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Текст] : Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.03.2014. – N 12. – ст. 1201.
2. Конституция Российской Федерации [Текст]: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – N 31. – ст. 4398.
3. О транспортной стратегии Российской Федерации [Текст] : Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р. // «Собрание законодательства РФ». – 15.12.2008. – N 50. – ст. 5977 // «Собрание законодательства РФ». – 29.12.2008. – N 52 (ч. 2) (поправка).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «ФИННЛАЙНС ДОЙЧЛАНД ГМБХ» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19 Федерального Закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013г. № 37-О // Режим доступа : <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-37-o-ob/>. – Заголовок с экрана.

5. Кузьмина, О.А. Формирование системы портовых сборов в конкурентной среде [Текст] : автореф. ... канд. эконом. наук : 08.00.05 / Кузьмина Олеся Александровна ; Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций. – С.-Пб., 2006. – 24 с.
6. Бодровцева Н. Ю. Анализ современной системы портовых сборов в морских портах Российской Федерации [Текст] // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). — СПб.: Свое издательство, 2016. — С. 153-157.
7. О морских портах [Текст] : Закон Украины от 17.05.2012 г. № 4709-VI // Відом. Верхов. Ради України. – 2013. – № 7. – Ст. 65.
8. Кодекс торгового мореплавания [Текст] : Закон Украины от 23.05.1995 г. № 176/95-ВР // Відом. Верхов. Ради України. – 1995. – № 47. – Ст. 349
9. О портовых сборах [Текст] : приказ Министерства инфраструктуры Украины от 27.05.2013 г. № 316 // Урядовий кур'єр. – 15.06.2013. – № 107.
10. О внесении изменений и дополнений к Сборам и платам за услуги, которые предоставляются в морских торговых портах Украины [Текст] : приказ Министерства транспорта Украины от 15.12.2000г. № 711 // Офіційний вісник України. – 2001. – № 4. – Ст. 145.
11. О морских портах в Российской Федерации [Текст] : Федеральный закон Российской Федерации от 08.11.2007г. № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 12.11.2007. – № 46. – ст. 5557.
12. Об утверждении размеров ставок портовых сборов в акватории порта города Севастополя» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства города Севастополя от 10.07.2014 г. № 124 // Режим доступа : <https://sev.gov.ru/docs/253/2719/>. – Заголовок с экрана.
13. О ставках портовых сборов (сборов за услуги с судов) в морских портах Республики Крым [Электронный ресурс] : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 28.05.2014 г. № 2178-6/14 // Режим доступа : <http://crimea.gov.ru/act/12217>. – Заголовок с экрана.
14. О Государственном предприятии «Лоцман-Крым» [Текст] : Постановление Государственного Совета Республики Крым от 26.03.2014 г. № 1867-6/14 // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым. – 2014 г. – № 3. – ч. 2. – ст. 380.
15. Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации [Текст] : Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 года N 395 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.08.2004г. – № 32. – Ст. 3342.
16. Об утверждении Перечня портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации [Текст] : приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 октября 2012 года N 387 // Российская газета. – 21.12.2012г. – № 295.
17. О внесении изменений в приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 октября 2012 года N 387 «Об утверждении Перечня портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации [Текст] : приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 06.11.2014 г. № 306 // Российская газета. – 05.12.2014. – № 278
18. О государственном регулировании и контроле цен (тарифов, сборов) на услуги субъектов естественных монополий в транспортных терминалах, портах, аэропортах и услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей [Текст] : Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2008 года N 293 // Собрание законодательства РФ. – 28.04.2008. – № 17. – Ст. 1887.
19. О внесении изменений, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с упразднением Федеральной службы по тарифам и об утверждении Правил принятия Федеральной антимонопольной службой решений об определении (установлении) цен (тарифов) и (или) их предельных уровней в сфере деятельности субъектов естественных монополий и иных регулируемых организаций [Текст] : Постановление Правительства РФ от 4 сентября 2015 г. N 941 // Собрание законодательства РФ. – 14.09.2015. – № 37. – Ст. 5153.
20. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе [Текст] : Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 года N 331 // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2004. – № 31. – Ст. 3259.
21. Об утверждении правил применения ставок портовых сборов в морских портах Российской Федерации [Электронный ресурс] : Приказ Федеральной антимонопольной службы от 10 марта 2016 года N 223/16 // Режим доступа : http://rulaws.ru/acts/Prikaz-FAS-Rossii-ot-10.03.2016-N-223_16/. – Заголовок с экрана.
22. Об утверждении ставок портовых сборов за услуги, оказываемые государственным унитарным предприятием Республики Крым «Крымские морские порты» в морском порту Керчь [Электронный ресурс] : Приказ Федеральной антимонопольной службы от 10 марта 2016 года N 222/16 // Режим до-

ступня : <https://crimeaports.ru/assets/images/13-08-2018/ej1oy7-prikaz-fas-222-ustanovlenie-stavok-portovyh-sborov-v-portu-kerch.pdf>. – Заголовок с екрана.

Greidin O. I. The formation of a system of port charges in seaports located on the coast of the Crimea (Review of sources of legal regulation) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 394-402.

The article is devoted to the analysis of changes in legal regulations of port charges levied on vessels in the Crimean seaports. The author has used a systematic approach. Based on the analysis results the author proposes measures to improve state regulation of the separate elements consisting the port charges system.

Keywords: seaports, port charges, the system of port charges, kinds of port charges.

Spisok literatury:

1. O prinyatii v Rossijskuyu Federaciyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya [Tekst] : Federal'nyj konstitucionnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 21 marta 2014 g. № 6-FKZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 24.03.2014. – N 12. – st. 1201.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Tekst]: Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonomi RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 04.08.2014. – N 31. – st. 4398.
3. O transportnoj strategii Rossijskoj Federacii [Tekst] : Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.11.2008 g. № 1734-r. // «Sobranie zakonodatel'stva RF». – 15.12.2008. – N 50. – st. 5977 // «Sobranie zakonodatel'stva RF». – 29.12.2008. – N 52 (ch. 2) (popravka).
4. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby kompanii «FINNLAJNS DOJCHLAND GMBH» na narushenie konstitucionnyh prav i svobod stat'ej 19 Federal'nogo Zakona «O morskikh portah v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] : Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.01.2013g. № 37-O // Rezhim dostupa : <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-37-o-ob/>. – Zagolovok s ekrana.
5. Kuz'mina, O.A. Formirovanie sistemy portovyh sborov v konkurentnoj srede [Tekst] : avtoref. ... kand. ekonom. nauk : 08.00.05 / Kuz'mina Olesya Aleksandrovna ; Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet vodnyh kommunikacij. – S.-Pb., 2006. – 24 s.
6. Bodrovceva N. YU. Analiz sovremennoj sistemy portovyh sborov v morskikh portah Rossijskoj Federacii [Tekst] // Problemy i perspektivy ekonomiki i upravleniya: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2016 g.). — SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2016. — S. 153-157.
7. O morskikh portah [Tekst] : Zakon Ukrainy ot 17.05.2012 g. № 4709-VI // Vidom. Verhov. Radi Ukraïni. – 2013. – № 7. – St. 65.
8. Kodeks torgovogo moreplavaniya [Tekst] : Zakon Ukrainy ot 23.05.1995 g. № 176/95-VR // Vidom. Verhov. Radi Ukraïni. – 1995. – № 47. – St. 349
9. O portovyh sborah [Tekst] : prikaz Ministerstva infrastruktury Ukrainy ot 27.05.2013 g. № 316 // Uryadovij kur'er. – 15.06.2013. – № 107.
10. O vnesenii izmenenij i dopolnenij k Sboram i platam za uslugi, kotorye predostavlyayutsya v morskikh torgovyh portah Ukrainy [Tekst] : prikaz Ministerstva transporta Ukrainy ot 15.12.2000g. № 711 // Oficijnij visnik Ukraïni. – 2001. – № 4. – St. 145.
11. O morskikh portah v Rossijskoj Federacii [Tekst] : Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 08.11.2007g. № 261-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 12.11.2007. – № 46. – st. 5557.
12. Ob utverzhenii razmerov stavok portovyh sborov v akvatorii porta goroda Sevastopolya» [Elektronnyj resurs] : Postanovlenie Pravitel'stva goroda Sevastopolya ot 10.07.2014 g. № 124 // Rezhim dostupa : <https://sev.gov.ru/docs/253/2719/>. – Zagolovok s ekrana.
13. O stavkah portovyh sborov (sborov za uslugi s sudov) v morskikh portah Respubliki Krym [Elektronnyj resurs] : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 28.05.2014 g. № 2178-6/14 // Rezhim dostupa : <http://crimea.gov.ru/act/12217>. – Zagolovok s ekrana.
14. O Gosudarstvennom predpriyatii «Locman-Krym» [Tekst] : Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 26.03.2014 g. № 1867-6/14 // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym. – 2014 g. – № 3. – ch. 2. – st. 380.

15. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve transporta Rossijskoj Federacii [Tekst] : Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 iyulya 2004 goda N 395 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 09.08.2004g. – № 32. – St. 3342.
16. Ob utverzhdenii Perechnya portovyh sborov, vziataemyh v morskikh portah Rossijskoj Federacii [Tekst] : prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii ot 31 oktyabrya 2012 goda N 387 // Ros-sijskaya gazeta. – 21.12.2012g. – № 295.
17. O vnesenii izmenenij v prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii ot 31 oktyabrya 2012 goda N 387 «Ob utverzhdenii Perechnya portovyh sborov, vziataemyh v morskikh portah Rossijskoj Federacii [Tekst] : prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii ot 06.11.2014 g. № 306 // Ros-sijskaya gazeta. – 05.12.2014. – № 278
18. O gosudarstvennom regulirovanii i kontrole cen (tarifov, sborov) na usluzhi sub"ektov estestvennyh monopolij v transportnyh terminalah, portah, aeroportah i usluzhi po ispol'zovaniyu infrastruktury vnutrennih vodnyh putej [Tekst] : Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2008 goda N 293 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 28.04.2008. – № 17. – St. 1887.
19. O vnesenii izmenenij, priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii v svyazi s uprazhdeniem Federal'noj sluzhby po tarifam i ob utverzhdenii Pravil prinyatiya Federal'noj antimonopol'noj sluzhboj reshenij ob opredelenii (ustanovlenii) cen (tarifov) i (ili) ih predel'nyh urovnej v sfere deyatel'nosti sub"ektov estestvennyh monopolij i inyh reguliruemyh organizacij [Tekst] : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 4 sentyabrya 2015 g. N 941 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 14.09.2015. – № 37. – St. 5153.
20. Ob utverzhdenii Polozheniya o Federal'noj antimonopol'noj sluzhbe [Tekst] : Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 iyunya 2004 goda N 331 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 02.08.2004. – № 31. – St. 3259.
21. Ob utverzhdenii pravil primeneniya stavok portovyh sborov v morskikh portah Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] : Prikaz Federal'noj antimonopol'noj sluzhby ot 10 marta 2016 goda N 223/16 // Rezhim dostupa : http://rulaws.ru/acts/Prikaz-FAS-Rossii-ot-10.03.2016-N-223_16/. – Zagolovok s ekrana.
22. Ob utverzhdenii stavok portovyh sborov za usluzhi, okazyvaemye gosudarstvennym unitarnym predpriyatiem Respubliki Krym «Krymskie morskije porty» v morskome portu Kerch' [Elektronnyj resurs] : Prikaz Federal'noj antimonopol'noj sluzhby ot 10 marta 2016 goda N 222/16 // Rezhim dostupa : <https://crimeaports.ru/assets/images/13-08-2018/ej1oy7-prikaz-fas-222-ustanovlenie-stavok-portovyh-sborov-v-portu-kerch.pdf>. – Zagolovok s ekrana.

УДК 347.23

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ
СОБСТВЕННОСТИ НА ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА БЮДЖЕТОВ И
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ**

Очкуренко С.В.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Статья посвящена проблеме определения отраслевой принадлежности абсолютных вещных правоотношений, возникающих по поводу денежных средств бюджетов и государственных внебюджетных фондов. Автор обосновывает позицию, согласно которой отношения собственности на такие денежные средства регулируются исключительно нормами гражданского права. При этом право собственности находится за пределами финансового права, а отношения собственности на денежные средства бюджетов не включают в свой состав какие-либо налоговые и бюджетные правоотношения и являются гражданско-правовыми отношениями, несмотря на их тесную взаимосвязь с финансовым правом и частичное регулирование актами финансового законодательства. В связи с этим автор критически оценивает доводы некоторых ученых о регулировании отношений собственности финансовым правом, в частности, о прямом ограничении права собственности налогоплательщика нормами налогового права. Разграничение абсолютных вещных гражданско-правовых отношений и относительных финансово-правовых отношений по поводу денежных средств бюджетов предлагается осуществлять на основе разграничения правового регулирования и других способов правового воздействия.

Ключевые слова: право собственности, вещные права, относительные правоотношения, гражданское право, финансовое право.

Взаимосвязь между абсолютными вещными отношениями и финансовыми бюджетными и налоговыми отношениями является очевидной. Однако юридические механизмы взаимодействия соответствующих гражданско-правовых и финансово-правовых отношений остаются недостаточно исследованными. В результате этого возникает множество теоретических проблем, а также проблем в сфере правотворчества и правоприменения. Даже гражданско-правовая природа отношений собственности все чаще ставится под сомнение в тех случаях, когда речь идет о праве собственности на особые объекты, к числу которых относятся денежные средства бюджетов и других публичных фондов денежных средств. Для надлежащего решения этих проблем первоначально должно быть осуществлено правильное разграничение отраслевой принадлежности различных отношений, возникающих в процессе мобилизации, распределения и использования бюджетных средств, и выделение гражданско-правовых отношений, возникающих в этой преимущественно публично-правовой сфере общественных отношений. Последующими необходимыми этапами научного исследования являются установление существенных особенностей указанных гражданско-правовых отношений и выявление механизмов их взаимодействия с финансово-правовыми отношениями.

Вопросы соотношения финансового права и права собственности привлекали преимущественное внимание ученых, проводивших финансово-правовые исследования. К этой проблеме в той или иной мере обращались Е.А. Ровинский,

М. В. Карасева (Сенцова), А. Е. Самсонова, Л. Л. Бобкова, А. Г. Пауль, С. В. Запольский, Н. П. Кучерявенко и другие ученые. В науке гражданского права особое внимание уделяется особенностям имущественных прав на безналичные денежные средства и проблеме обоснования или опровержения существования права собственности на такие объекты (Л.А. Лунц, А.Ю. Бабаскин, Л.А. Новоселова и др.). Однако особого интереса к проблемам, которые находятся на стыке наук гражданского и финансового права, ученые-цивилисты не проявляют. При таких условиях законодательные положения формулируются без необходимой опоры на научные исследования, что существенно снижает их обоснованность. Сказанное дает основания утверждать об актуальности темы, указанной в заголовке этой статьи.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, которые могли бы служить методологической основой для конструктивных исследований проблем выделения гражданско-правовых отношений, возникающих по поводу бюджетных денежных средств, установления их существенных особенностей и механизмов взаимосвязи с сопутствующими финансово-правовыми отношениями.

Сложность проблемы соотношения финансового права и права собственности требует использования терминов строго в соответствии с их содержанием. Но в последнее время стремления к такой точности не проявляется, что усложняет научную дискуссию. С. В. Запольский описывает влияние уплаты налога на имущественную сферу налогоплательщика (она уменьшается) и получателя налога – государства, территориального образования (она увеличивается). При финансировании бюджетных расходов имеет место противоположное явление. Эта констатация не вызывает каких-либо возражений. Но заканчивается она фразой, в которой термины используются как-то неупорядоченно: «Нет необходимости продолжать этот анализ, потому что перемещение денежных средств от одного собственника к другому или от одного владельца к другому может и должно рассматриваться как гражданское правоотношение по его конечным результатам» [1, с. 66]. Опытный ученый называет перемещение гражданским правоотношением. «Перемещение осуществляется в форме правоотношения» – это можно понять. Однако же «перемещение является правоотношением» – это, по нашему мнению, чрезмерно свободное использование научной терминологии, что может препятствовать поиску истины. А «перемещение... как гражданское правоотношение по его конечным результатам» – это переход на какой-то собственный авторский язык, поскольку перемещение осуществляется в форме правоотношения, а конечный результат перемещения – это прекращение названного правоотношения. Поэтому налоговые правоотношения должны описываться от их возникновения до прекращения. Допустим, что речь идет и о последствиях реализации налоговых правоотношений, однако же при этом надо осознавать, что указанные последствия находятся за пределами правового регулирования соответствующих налоговых отношений по перемещению денежных средств. Финансовое (налоговое) право эти последствия, а точнее – отношения собственности, возникающие в результате реализации налоговых отношений, не регулирует, а может лишь осуществлять на них правовое воздействие. Возможно, С.В. Запольский это и имел в виду, но фактически объединил разные по своей природе налоговые отношения и гражданские отношения собственности в единое целое.

Следует указать, что позицию о разной правовой природе отношений собственности и финансовых бюджетных и налоговых отношений в современной юридиче-

ской науке стали также часто подвергать сомнению. Прежде всего, требуется решить вопрос о существовании такого явления как финансовое право собственности или о вещном характере финансовых правоотношений. Х. В. Пешкова ссылаясь на статью Е. А. Ровинского, которая была опубликована в 1940 году [2, с. 45], пишет что «вещный характер финансового правоотношения, его связь с реализацией государственного права собственности были замечены учеными уже давно» [3, с. 15]. Сама Х. В. Пешкова идею вещного характера некоторых финансовых правоотношений безоговорочно поддерживает. Она пишет о сложившемся делении имущественных правоотношений на вещные и обязательственные и далее отмечает, что «среди финансовых правоотношений... можно выделить обе группы общественных отношений» [3, с. 15]. Идею права собственности в финансовом праве поддерживает Л. Л. Бобкова, которая пишет, что «в финансовом праве такие правомочия собственника как пользование и распоряжение совпадают» [4, с. 9]. Тщательно обосновывает концепцию финансово-правового регулирования отношений собственности М. В. Карасева: «... Финансовое право регулирует прежде всего отношения собственности государства и муниципальных образований на имущество в виде денежных средств, которые составляют казну Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [5, с. 12]. Разграничение между отраслями права при этом проводится весьма своеобразным образом: «Нормами гражданского законодательства закрепляется право государственной и муниципальной собственности на названные финансовые ресурсы, а непосредственное регулирование владения, пользования и распоряжения государственной казной осуществляется в соответствии с нормами финансового права» [5, с. 12]. Материя, о которой идет речь, требует четкого разграничения законодательства и права. Вместо этого автор пишет, что одни отношения регулируются «нормами гражданского законодательства», а другие, – «нормами финансового права». При этом создается впечатление, будто бы термины «законодательство» и «право» являются тождественными. Это впечатление усиливается следующей фразой: «отношения собственности на государственные внебюджетные средства... также урегулированы нормами финансового и, в частности, бюджетного законодательства. Так, в п. 3 ст. 143 Бюджетного кодекса Российской Федерации установлено, что средства государственных внебюджетных фондов находятся в федеральной собственности» [5, с. 13]. Такое положение действительно было сформулировано в действующей на то время редакции статьи 143 Бюджетного кодекса РФ. Но суть проблемы заключается в том, что пунктом 3 статьи 143 Бюджетного кодекса Российской Федерации, которая в настоящее время из указанного кодекса исключена, устанавливалась норма гражданского права, а какого-либо финансово-правового содержания в указанном законодательном положении не было, хотя оно и содержалось в Бюджетном кодексе РФ.

Изложенная позиция о регулировании финансовым правом отношений собственности обусловлена, на наш взгляд, весьма абстрактным подходом к исследованию правовых явлений. Когда мы говорим о праве, которое принадлежит лицу, всегда целесообразно выявить то лицо (тех лиц), обязанность которого (обязанности которых) корреспондирует (корреспондируют) указанному праву. Право собственности, в том числе правомочия владения, пользования и распоряжения объектом права собственности, являются вещными (абсолютными). Оно существует в вещных (абсолютных) правоотношениях, в которых собственнику как управомоченному ли-

цу противостоят все другие лица, обязанные не препятствовать собственнику осуществлять право собственности (как в целом, так и в части отдельных правомочий, входящих в содержание этого права). Если в процессе осуществления своих правомочий собственник осуществляет переход в относительные правоотношения, то с момента появления возможности зафиксировать этот переход осуществляется выход за границы вещных (абсолютных) правоотношений. За пределами этой сферы не существует отношений собственности, а следовательно, и сферы их правового регулирования. Подобно этому в случае, если определенное лицо в силу закона получило право давать собственнику указания относительно способов или границ осуществления права собственности, то это лицо в части полученных полномочий уже не принадлежит к другим лицам, обязанным не препятствовать собственнику в реализации его права. Это лицо вступает с собственником в относительные правоотношения. Последние связаны с абсолютными правоотношениями собственности. Однако же эта связанность не исключает необходимости разграничения указанных относительных правоотношений и отношений собственности, являющихся абсолютными.

Что касается финансовых правоотношений, то они могут существовать только как относительные. Возьмем для примера правовые нормы, закрепленные частями 4 и 6 статьи 215 Бюджетного кодекса Российской Федерации:

«Кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется Федеральным казначейством....»

Для кассового обслуживания исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации Федеральное казначейство открывает в Центральном банке Российской Федерации с учетом положений статей 38.2 и 156 настоящего Кодекса счета, через которые все кассовые операции по исполнению бюджетов осуществляются Федеральным казначейством либо органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с соглашением, предусмотренным частью пятой настоящей статьи».

Согласно этим правовым нормам на собственников бюджетных средств возлагаются обязанности при осуществлении своих полномочий собственника пользоваться услугами Федерального казначейства. В свою очередь на Федеральное казначейство возлагаются обязанности открыть для кассового обслуживания исполнения бюджетов счета в Центральном банке Российской Федерации и осуществлять через эти счета все кассовые операции по исполнению бюджетов за исключением кассовых операций, которые могут осуществляться органами государственной власти субъекта Российской Федерации в случаях и в порядке, предусмотренных законом. Эти правовые нормы косвенно влияют на право собственности. Но они регулируют относительные, а не абсолютные отношения по поводу бюджетных средств. Поэтому эти нормы не могут быть основанием для утверждения о существовании финансового права собственности.

Сущность правомочия распоряжения, которое входит в состав субъективного права собственности, состоит не только в возможности самого распоряжения, а и в возможности отстранить любое третье лицо от распоряжения объектом права собственности. Однако распоряжение бюджетными средствами в относительном финансовом правоотношении является распространенным явлением. Оно не является свидетельством наличия финансового права собственности.

А. Е. Самсонова при осуществлении попыток доказать, что финансовое право регулирует отношения собственности на бюджетные средства [6, с. 7], опирается на высказывание одного из наиболее авторитетных специалистов в области гражданского права В. Ф. Яковлева. Он сформулировал неосторожный для специалиста, который хорошо разбирается в проблеме соотношения законодательства и права, тезис о том, что гражданское право специально регулирует отношения собственности в их статике, а другие отрасли развивают гражданско-правовое регулирование или охраняют право собственности [7, с. 45]. Этот тезис вызывает следующие возражения: 1) термин «собственность» фиксирует общественные отношения в период их стабильности, а потому представляется, что отношений собственности в динамике не существует; 2) нормы любой другой отрасли права, кроме гражданского права, регулировать отношения собственности не могут, а потому не могут и «развивать гражданско-правовое регулирование»; 3) охрана права собственности другими отраслями права как правовое явление нуждается в своей теоретической интерпретации; согласно общепризнанным представлениям о правовом регулировании такая охрана выходит за пределы категории правового регулирования отношений собственности. Не исключается, что в науке получит признание концепция, согласно которой в положениях актов законодательства, являющихся кодифицированными собраниями уголовно-правовых и административно-правовых санкций, одновременно закрепляются не только охранительные, а и регулятивные нормы. При этом последние нормы не могут интерпретироваться как регулирующие абсолютные отношения, потому что они регулируют относительные отношения.

Наше внимание, однако, больше привлекает та интерпретация, которая дается высказыванию В. Ф. Яковлева в науке финансового права. А. Е. Самсонова утверждает, что «финансовое право на современном этапе регламентирует имущественные отношения статики» [6, с. 8], и в подтверждение этой мысли она ссылается на статьи 13, 14, 15 Бюджетного кодекса РФ. Обратимся к этим статьям и мы, чтобы выяснить, действительно ли они устанавливают нормы финансового права, которые регулируют имущественные отношения статики, то есть отношения собственности. Согласно статьям 14 и 15 Бюджетного кодекса РФ каждый субъект Российской Федерации и каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет, а каждый субъект РФ, кроме того, имеет «бюджет территориального государственного внебюджетного фонда». В этих законодательных положениях, безусловно, есть содержание, которое направлено на регулирование отношений собственности на средства бюджетов и внебюджетных фондов, то есть в этих законодательных положениях формулируются, в частности, нормы гражданского права. Одновременно в них текстуально закрепляются и нормы финансового права, которыми на соответствующих участников бюджетного процесса возлагается обязанность обеспечить формирование бюджетов, собственниками средств которых будут субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Итак, приведенные положения Бюджетного кодекса РФ регулируют и «имущественные отношения статики», и финансовые отношения. Но это не должно быть основанием для смешивания норм гражданского права с нормами финансового права, потому что нормы гражданского права регулируют гражданские отношения («имущественные отношения статики»), а нормы финансового права – отношения, которые возникают в бюджетном процессе. А то обстоятельство, что в положениях Бюджетного кодекса могут одновременно, в

одном и том же тексте, закрепляться нормы финансового и гражданского права, является реальностью и изменить его очень тяжело, а практически – невозможно и нецелесообразно.

Далее в статьях 13, 14, 15 Бюджетного кодекса Российской Федерации устанавливается, что государственный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, местные бюджеты и бюджеты внебюджетных фондов предназначены для исполнения расходных обязательств Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также формулируется запрет на использование других форм образования и расходования денежных средств для исполнения расходных обязательств Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Ограничение назначения бюджетов и внебюджетных фондов возможностью их исключительного использования для исполнения расходных обязательств соответствующего собственника – это типичные нормы гражданского права, которые ограничивают право собственности. Аналогично нормами гражданского права являются и нормы, запрещающие использование других форм образования и расходования денежных средств Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями для выполнения соответствующих расходных обязательств. В этих же законодательных положениях также текстуально закрепляются и нормы финансового права, которые определяют права и обязанности участников бюджетного процесса в относительных финансовых отношениях. Что касается положений о консолидированных бюджетах, которые формулируются в ст. 13, 14, 15 Бюджетного кодекса Российской Федерации, то они устанавливают исключительно нормы финансового права. Следовательно, указанные законодательные положения свидетельствуют не о регулировании финансовым правом «имущественных отношений статички», а о том, что в Бюджетном кодексе Российской Федерации устанавливаются наряду с финансово-правовыми нормами многочисленные нормы гражданского права. Такие нормы могут устанавливаться как отдельными положениями бюджетного законодательства, в которых закрепляются исключительно нормы гражданского права, так и законодательными положениями, в которых одновременно текстуально закрепляются нормы гражданского и финансового права.

Однако А. Е. Самсонова не является единственным ученым, которые на основе смешивания категорий законодательства и права признают возможность регулирования отношений собственности не только гражданским правом, а и другими отраслями права, в частности финансовым. Так, А. Г. Пауль пишет: «Нормы, которые посвящены регламентации отношений собственности, содержатся в нормативных актах разной отраслевой принадлежности. Наиболее четко они выделяются в гражданском законодательстве... Однако отдельные положения содержатся и в актах другой отраслевой принадлежности» [8, с. 73]. Автор начал с норм права, а закончил положениями законодательства. Поэтому осталось неясным, какие же нормы содержатся в актах разной отраслевой принадлежности – нормы гражданского права или также и нормы другой отраслевой принадлежности, которые регулируют отношения собственности.

Конструирование финансового или бюджетного права собственности не исключалось бы в том случае, если бы ученые, которые его конструируют, раскрыли бы его особое содержание, а не факт частичного регулирования отношений соб-

ственности нормами, сформулированными в актах финансового законодательства. По нашему мнению, основания для признания финансового права регулятором отношений собственности и признания существования « финансового права собственности» отсутствуют. В то же время следует признать связь финансового права с гражданско-правовым институтом права собственности. Мнение С. В. Запольского о том, что вопросы собственности не имеют отношения к финансовому праву [1, с. 135], не учитывает наличия интенсивных связей между финансовым и гражданским правом, в частности, связи финансового права с институтом права собственности.

Предметом дискуссии в науке стал и вопрос о том, может ли финансовое (налоговое) право ограничивать право собственности налогоплательщиков. Одни ученые склоняются к мнению о том, что уплата налогов «не имеет ничего общего с ограничениями, поскольку они устанавливаются не с целью ограничить собственника в осуществлении права собственности, а с целью обеспечить доходную часть соответствующего бюджета» [9, с. 148]. Однако же от того, что законодатель имел целью обеспечить государство средствами, ограничение собственника в осуществлении права собственности фактически не перестают быть таковыми.

М. В. Карасева пишет, что нормы налогового права ограничивают право собственности плательщика на свободное и беспрепятственное распоряжение своим имуществом» [5, с. 15]. А. Г. Пауль формулирует по этому поводу более развернутые положения и пишет, что налоговое право не только ограничивает свободу осуществления права собственности, а и устанавливает одно из оснований прекращения права собственности. В связи с этим он предлагает закрепить такое основание прекращения права собственности и в Гражданском кодексе [8, с. 75]. Это предложение следует оценить критически, поскольку при добровольной уплате налога право собственности прекращается на основании п. 1 ст. 235 Гражданского кодекса РФ (отчуждение собственником своего имущества другим лицам). А при принудительном взыскании налогов в исполнительном производстве путем обращения взыскания на имущество налогоплательщика право собственности прекращается на основании ст. 237 Гражданского кодекса РФ (прекращение права собственности на имущество при обращении взыскания на него).

И М. В. Карасева, и А. Г. Пауль в целях подтверждения тезиса об ограничении налоговым правом права собственности налогоплательщиков ссылаются на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П "По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции", в котором отмечалось, что « налогоплательщик не вправе распоряжаться на свое усмотрение той частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит внесению в казну, и обязан регулярно перечислять эту сумму в пользу государства». Это утверждение Конституционного Суда РФ является весьма дискуссионным, поскольку если «налогоплательщик не вправе распоряжаться на свое усмотрение» определенной частью своего имущества», то соответствующие действия относительно распоряжения являются незаконными. В случае, когда у налогоплательщика нет другого имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме квартиры, отчуждение квартиры при наличии налогового долга должно влечь недействительность сделки по ее отчуждению (ст. 168 Гражданского кодекса РФ). Однако же судебная практика не идет таким путем.

Идею об ограничении налоговым правом права собственности развивает М. П. Кучерявенко: «Основой для лишения собственности налогоплательщика является его императивная, безусловная конституционная публично-правовая обязанность платить законно установленные налоги. Налогоплательщик не вправе на свое усмотрение распоряжаться частью имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит внесению в бюджет или внебюджетный целевой фонд» [10, с. 11].

По нашему мнению, более конструктивной представляется позиция С. Г. Пепеляева, который, с одной стороны, признает, что налогообложение всегда является ограничением права собственности, а с другой стороны утверждает, что отношения собственности не являются объектом регулирования налогового права [11, с. 142]. М. В. Карасева считает, что С. Г. Пепеляев противоречит в этом сам себе [5, с. 15]. По нашему мнению, в позиции С. Г. Пепеляева нет никакого противоречия. Налоговое право действительно направлено на фактическое ограничение права собственности налогоплательщиков, поскольку выполнение налоговых обязанностей влечет за собой уменьшение их имущественной сферы. При этом выполнение налоговых обязанностей выходит за пределы правового регулирования отношений собственности и оказывает на них лишь существенное воздействие.

В условиях, когда отсутствует четкое понимание границы между правовым регулированием и правовым воздействием, в научной литературе осуществляются попытки ввести в научный оборот понятие финансового права собственности или понятие права бюджетной собственности. М. В. Карасева пишет: «Несмотря на то, что право бюджетной собственности как явление все активнее воспринимается практикой, современная теория бюджетного права ... почти не уделяет внимания праву собственности государства на средства бюджета. Соответственно, ни в одной статье Бюджетного кодекса РФ не установлено, что средства бюджета – это имущество, которое находится в собственности Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований. Отсутствуют и другие нормы, которые давали бы возможность охарактеризовать право собственности государства на бюджет в объективном смысле» [12, с. 43]. По нашему мнению, отсутствует необходимость перегружать Бюджетный кодекс Российской Федерации нормами гражданского права. Этот кодекс и без того ими перегружен. Однако следует согласиться с тем, что право собственности на бюджетные средства необходимо регламентировать более четко. При этом такую регламентацию предпочтительнее осуществлять в гражданском законодательстве.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод о том, что отношения собственности регулируются исключительно гражданским правом. При этом право собственности находится за пределами финансового права, а отношения собственности на денежные средства бюджетов не включают в свой состав какие-либо налоговые и бюджетные правоотношения и являются гражданско-правовыми отношениями, несмотря на их особенности и тесную взаимосвязь с финансовыми отношениями. В частности, финансовое право непосредственно не ограничивает права собственности. Оно может только воздействовать на отношения собственности. Например, финансовое право устанавливает обязанности налогоплательщиков осуществлять действия по уплате налогов, что приводит к количественному уменьшению их имуще-

ства. Однако в таких случаях финансовое право оказывает воздействие на гражданско-правовые отношения собственности, а не регулирует их.

Следует также констатировать необходимость уделения большего внимания отраслевыми науками гражданского и финансового права проблемам взаимодействия отношений собственности и налогово-бюджетных отношений. Перспективы дальнейших исследований в этом направлении заключаются в изучении конкретных способов воздействия абсолютных вещных гражданских правоотношений на финансовые правоотношения, возникающие при мобилизации, распределении и использовании публичных фондов денежных средств, а также в изучении обратного воздействия финансовых правоотношений на указанные гражданские правоотношения. На основе результатов научных дискуссий следует отработать оптимальные для практики правотворчества и правоприменения предложения по усовершенствованию положений гражданского и финансового законодательства.

Список литературы

1. Запольский В. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права / В. В. Запольский. – М. : Эксма, 2008. – 160 с.
2. Ровинский Е. А. Предмет советского финансового права / Е. А. Ровинский // Советское государство и право. – 1940. – № 3. – С. 40-46.
3. Пешкова Х. В. Обязательственный характер правоотношений осуществления расходов бюджета / Х. В. Пешкова // Финансовое право. – 2007. – № 11. – С. 14-16.
4. Бобкова Л. Л. Государство как особый субъект финансового права / Л. Л. Бобкова // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития. – Воронеж, 2003. – С. 7-10.
5. Карасева М. В. Бюджетное и налоговое право / М. В. Карасева. – М. : Юрист, 2003. – 173 с.
6. Самсонова А. Е. К вопросу об имущественных отношениях как предмете финансового права / А. Е. Самсонова // Финансовое право. – 2010. – № 10. – С. 5-9.
7. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – М. : Статут, 2006. – 240 с.
8. Пауль А. Г. Налоговое право и право собственности / А. Г. Пауль // Современные проблемы налогового права : Материалы международной научной конференции (Воронеж, 4-6 сентября 2007 г.) / Под ред. М. В. Карасевой. – Воронеж : Изд. Воронежского ун-та, 2007. – С. 73-77.
9. Камышанский В. П. Право собственности : пределы и ограничения / В. П. Камышанский. – М. : Закон и право, ЮНИТИ-Дана, 2000. – 303 с.
10. Кучерявенко Н. П. К вопросу о согласовании норм, регулирующих финансовую деятельность / Н. П. Кучерявенко // Финансовое право. – 2004. – № 1. – С. 10-13.
11. Основы налогового права : Учебно-методическое пособие. – М. : Инвест – Фонд, 2000. – 496 с.
12. Карасева М. В. Новое в бюджетном законодательстве и бюджетно-правовая теория / М. В. Карасева // Законодательство и экономика. – 2007. – № 9. – С. 41-45.

Ochkurenko S.V. Civil regulation of property relations on funds of budgets and state extra-budgetary funds // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 403-412.

This paper article focuses on differentiation of the relation in personam and absolute proprietary relations concerning budgetary money funds and also on questions of field definition of these legal relationship.

Operation of budget funds is mainly regulated by financial law as a branch of public law. However, the author critically evaluates arguments of some scientists on direct regulation of the relations of property on the budgetary money by norms of financial law. The article substantiates the position that the rights in rem on the budget shall be determined exclusively by civil law. The rights in personam in the sphere of budget mobilization and allocation mainly included in the subject of financial law. At the same time, essential actual ownership limitations (for example, the restrictions connected with a duty to pay taxes) are result of legal influence of a financial law on the civil relations, but these restrictions do not mean that the public financial law directly

governs the civil relations of property. Therefore, the normative civil construct of an ownership right is applicable to budget finances and there are no objective reasons for creation instead of it any special new construct of "a financial law of property"

Prospects of further research on a subject of article consist in scientific development of the standard provisions considering features of rights in rem and rights in personam on the budget finances.

Keywords: law of property, rights in rem, rights in personam, civil law, financial law

Spisok literatury

1. Zapol'skij V. V. Diskussionny`e voprosy` teorii finansovogo prava / V. V. Zapol'skij. – M. : E`ksma, 2008. – 160 s.
2. Rovinskij E. A. Predmet sovetskogo finansovogo prava / E. A. Rovinskij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1940. – № 3. – S. 40-46.
3. Peshkova X. V. Obyazatel`stvenny`j karakter pravootnoshenij osushhestvleniya raschodov byudzheta / X. V. Peshkova // Finansovoe pravo. – 2007. – № 11. – S. 14-16.
4. Bobkova L. L. Gosudarstvo kak osoby`j sub`ekt finansovogo prava / L. L. Bobkova // Rossijskoe pravovoe gosudarstvo: itogi formirovaniya i perspektivy` razvitiya. – Voronezh, 2003. – S. 7-10.
5. Karaseva M. V. Byudzhetnoe i nalogovoe pravo / M. V. Karaseva. – M. : Yurist`, 2003. – 173 s.
6. Samsonova A. E. K voprosu ob imushhestvenny`x otnosheniyax kak predmete finansovogo prava / A. E. Samsonova // Finansovoe pravo. – 2010. – № 10. – S. 5-9.
7. Yakovlev V. F. Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij / V. F. Yakovlev. – M. : Statut, 2006. – 240 s.
8. Paul` A. G. Nalogovoe pravo i pravo sobstvennosti / A. G. Paul` // Sovremennye problemy` nalogovogo prava : Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Voronezh, 4-6 sentyabrya 2007 g.) / Pod red. M. V. Karasevoj. – Voronezh : Izd. Voronezhskogo un-ta, 2007. – S. 73-77.
9. Kamy`shanskij V. P. Pravo sobstvennosti : predely` i ogranicheniya / V. P. Kamy`shanskij. – M. : Zakon i pravo, YuNITI–Dana, 2000. – 303 s.
10. Kucheryavenko N. P. K voprosu o soglasovanii norm, reguliruyushhix finansovuyu deyatel`nost` / N. P. Kucheryavenko // Finansovoe pravo. – 2004. – № 1. – S. 10-13.
11. Osnovy` nalogovogo prava : Uchebno-metodichskoe posobie. – M. : Invest – Fond, 2000. – 496 s.
12. Karaseva M.V. Novoe v byudzhetnom zakonodatel`stve i byudzhetno-pravovaya teoriya / M.V. Karaseva // Zakonodatel`stvo i e`konomika. – 2007. - № 9. – S. 41-45.

НАШИ АВТОРЫ

Абисова К. С.	<i>слушатель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Аблятипова Н. А.	<i>к.ю.н., доц. доцент к-ры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Бармашов В. И.	<i>соискатель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)</i>
Бармашов И. Н.	<i>к.э.н., доц., доцент Института Академии ФСИН России по кафедре экономической теории, географии и экологии</i>
Басова Ю. Ю.	<i>к.ю.н., доц. к-ры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала Университета прокуратуры Российской Федерации)</i>
Басов А. В.	<i>доктор юридических наук, доцент. Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Бахриева З. Р.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Бодаевский В. П.	<i>к.ю.н., доц., зав. к-рой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия</i>
Бондаренко В. Е.	<i>к.ю.н., доц. кафедры уголовного права; Институт Дружбы Народов Кавказа</i>
Борецкая Л. Р.	<i>старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ</i>
Бочаров А. Н.	<i>ООО Юридическая консалтинговая компания «Арбитр», юристконсульт</i>
Буткевич С. А.	<i>к.ю.н., доц., заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной и научной работе)</i>
Волошин А. И.	<i>к.э.н., доцент кафедры экономической теории Института экономики и управления. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского</i>
Гаджималикова З. Х.	<i>адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России</i>

Грейдин О. И.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин крымского филиала Российского государственного университета правосудия</i>
Губанова Е. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».</i>
Губков С. И.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры конституционного и муниципального права Феодосийской финансово-экономической академии</i>
Деревянкина С. А.	<i>студент 2 курса 2 группы Института прокуратуры. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)</i>
Деревянская Т. П.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Дидигова Л. Р.	<i>аспирант кафедры административного и финансового права юридического института Российского университета дружбы народов</i>
Долгополов В. Е.	<i>к.ю.н, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХ и ГС</i>
Евсикова Е. В.	<i>к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"</i>
Еремин В. Ю.	<i>депутат Государственного Совета Республики Крым, старший преподаватель кафедры социального и гуманитарного образования, ГБОУДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования» г. Симферополь</i>
Жинкин С. А.	<i>д.ю.н., проф. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного университета</i>
Заброда Д. Г.	<i>к.ю.н., доцент; проф. кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Задерейчук А. А.	<i>к.и.н., доц. кафедры исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им В.И. Вернадского, кандидат исторических наук, доцент</i>
Задерейчук И. П.	<i>к.и.н., доц. кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент</i>
Зитулаева Д.	<i>студентка 3-го курса юридического факультета Таврической академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>

Змерзлый Б. В.	<i>д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Игнатов А. Н.	<i>д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Казарян К. В.	<i>к.ю.н., доцент; начальник отдела по организации научной редакционно-издательской деятельности, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Кашкаров А. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»</i>
Колосовский В. В.	<i>к. ю. н., доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета</i>
Колюка Н. Н.	<i>к.ю.н., доцент. Директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Клименко Е. П.	<i>К.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского</i>
Клименко К. В.	<i>к.т.н., старший преподаватель к-ры землеустройства и кадастра Академии биоресурсов и природопользования Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Клименко М. Н.	<i>к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и экологического права Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского</i>
Коноплев В. В.	<i>д.ю.н., проф., профессор кафедры предпринимательского и экологического права Юридического факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского</i>
Костюченко Н. И.	<i>д.ю.н., доц., проф. к-ры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Кутало Я. Д.	<i>магистрант 1 курса ИМТМЭиП ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова»</i>
Мазур С. Ф.	<i>д.ю.н., главный научный сотрудник Научно-исследовательского Центра Академии управления МВД России, проф. кафедры гражданского права и гражданского процесса Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова</i>

Маслов В. А.	к.ю.н., доц. к-ры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России (УрЮИИ МВД России)
Ланцева В. Ю.	к.ю.н., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова»
Логинов А. В.	аспирант, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)
Некрасова Е. В.	к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Никитина А. П.	к.ю.н., доц., зав. к-ры «Морское и таможенное право» Юридического института СевГУ. Севастополь, Россия
Михайлова А. Д.	студентка 2-го курса Юридического института СевГУ
Патрош И. Ф.	старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
Пирогов Е. Ю.	адъюнкт кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции
Пикина Т. В.	майор внутренней службы, преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета ВЮИ ФСИН России
Орлова Т. А.	к.т.н., доц. к-ры землеустройства и кадастра Академии биоресурсов и природопользования Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Очкуренко С. В.	д.ю.н., доц. заведующий кафедрой «Финансовое и налоговое право» Юридического института Севастопольского государственного университета
Робак В. А.	к.ю.н., доц. заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Рудик М. В.	к.ю.н., доц., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Саркисян В. В.	преподаватель кафедры гражданского права Юридического факультета. ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» г. Ростов-на-Дону
Семенова Е. Г.	к.ю.н., доц., доцент к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Скворцова О. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Тихомаева В. С.	<i>студентка 3 курса Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"</i>
Торопов С. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Хацев М. Р.	<i>аспирант кафедры уголовного права юридического факультета КБГУ</i>
Хаяли Р. И.	<i>д. и. н., доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Цындра В. Н.	<i>к.ю.н., заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Шадрин И. А.	<i>доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Шатохин С. А.	<i>аспирант 2 курса очной формы обучения юридического факультета Кемеровского Государственного Университета</i>
Щербаков М. Г.	<i>аспирант кафедры предпринимательского и энергетического права юридического факультета ФГАОУ ВО КФУ, ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет"</i>
Шкляр Т. А.	<i>заместитель Председателя Верховного Суда Республики Крым, к.ю.н.</i>
Юнусова А. И.	<i>преподаватель кафедры менеджмента и государственного управления ГБОУВО РК КИПУ</i>
Юшина Ю. В.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Ланцева В. Ю., Кутало Я. Д. Концептуальные основы управления развитием транспортной инфраструктуры Российской Федерации.....	3
Жинкин С. А. Вопросы влияния этнических и культурных факторов на реализацию идеологической функции права в современной России.....	10
Задерейчук И. П., Задерейчук А. А. Организация работы прокуратуры Крыма по работе с обращениями граждан в 1991 – 2014 гг.....	14
Змерзлый Б. В. Правовые основы деятельности Добровольного флота в 1878-1924 гг.....	22
Казарян К. В. Правовое регулирование миграционной деятельности в Древнерусском государстве.....	29
Костюченко Н. И. Проблемы государственного управления, связанные с соотношением понятий «муниципальное» и «государственное» управление.....	36
Маслов В. А. К вопросу о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения.....	43
Логинов А. В. Судебная система владетельного Абхазского Княжества.....	54
Хаяли Р. И. Организация прокурорского надзора за органами дознания, следствия, судами, местами предварительного заключения и содержания задержанных лиц: опыт прокуратуры Крымской АССР (1920-1930-е годы)...	59
Шкляр Т. А., Коноплев В. В. Развитие научных взглядов в сфере осуществления административного судопроизводства в Российской Федерации.....	67
Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы.....	73

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бармашов В. И., Бармашов И. Н. Совершенствование авторского сопровождения внедрения в деятельность центров трудовой адаптации осужденных исправительных колоний научной продукции, подготовленной научно-исследовательскими и образовательными организациями уголовно-исполнительной системы.....	82
Бодаевский В. П. Общественная опасность деяний как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих.....	88

Бондаренко В. Е., Долгополов К. А.	
Некоторые аспекты измерения уголовно-правовой охраны: начало действия и момент прекращения.....	96
Буткевич С. А.	
Портрет крымского экстремиста и террориста (криминологические аспекты).....	102
Волошин А. И., Деревянкина С. А.	
Ответственность за оставление места ДТП: административная или уголовная?.....	110
Губанова Е. В.	
Анализ законопроекта о внесении изменений в антикоррупционное законодательство в части закрепления обстоятельств освобождения от ответственности.....	116
Губков С. И.	
Методологические подходы к организации и содержанию деятельности специалистов правоохранительных органов в сфере предотвращения криминальных взрывов.....	123
Заброда Д. Г.	
Проблемы реализации полицией полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных Законом Республики Крым от 25.06.2015 № 117-ЗРК/2016 «Об административных правонарушениях в Республике Крым».....	130
Игнатов А. Н., Абисова К. С.	
Религиозная радикализация мест принудительного содержания как фактор экстремизма и терроризма.....	136
Колосовский В. В.	
О правовом нигилизме субъекта применения уголовно-правовых норм.....	145
Колюка Н. Н., Басов А. В.	
Некоторые аспекты участия прокурора в рассмотрении административных дел судами о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке.....	151
Патраш И. Ф.	
Задача следственного осмотра по уголовным делам об убийствах.....	158
Пикина Т. В.	
Некоторые аспекты формирования ограничений правового статуса личности в процессе реализации иных мер государственного принуждения.....	163
Робак В. А.	
Контрабанда оружия.....	168
Рудик М. В., Торопов С. А.	
Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления.....	175
Скворцова О. В., Зитулаева Д. А.	
Сравнительно-правовой анализ уголовной охраны семьи и несовершеннолетних в РФ и зарубежных странах.....	181
Хациев М. Р.	
Проблемы систематизации составообразующих и квалифицирующих признаков фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств по уголовному делу.....	192
Шадрин И. А.	
Некоторые особенности осуществления прокуратурой надзорных полномочий в сфере исполнения законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.....	200

Шатохин С. А.

Меры государственного противодействия распространения информации экстремистского характера в сети «Интернет» на примере блокировки интернет-мессенджера «telegram».....210

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Аблятинова Н. А., Еремин В. Ю.

Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве).....217

Басова Ю. Ю.

Научные подходы к усовершенствованию нормативно-правовой базы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.....226

Бахриева З. Р.

К проблеме толкования и применения правовой нормы ст. 333 Гражданского Кодекса Российской Федерации об уменьшении неустойки судом.....232

Борецкая Л. Р.

Институт медиации: современное состояние и практика применения сторонами в цивилистическом процессе 243

Бочаров А. Н.

Компенсация правомерно нанесенного ущерба в системе гражданско-правовых обязательств.....249

Дидигова Л. Р.

О некоторых вопросах применения административных наказаний за нарушение таможенного законодательства.....257

Евсикова Е. В.

К вопросу о создании фонда развития курортной инфраструктуры в контексте установления и взимания курортного сбора 264

Евсикова Е. В., Тихомаева В. С.

К вопросу об усовершенствовании законодательства Республики Крым в части проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры.....272

Мазур С. Ф.

Отдельные вопросы противодействия коррупции при подготовке специалистов, а также в редакторско-издательской деятельности в высших учебных заведениях.....282

Некрасова Е. В.

Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы.....294

Орлова Т. А., Клименко К. В., Клименко М. Н.

Эколого-правовое обоснование рационального землепользования в системе обращения с отходами.....299

Саркисян В. В.

Соотношение института переговоров о заключении договора с конструкцией предварительного договора.....306

Семенова Е. Г.

Отказ от права как способ прекращения вещных прав на чужую недвижимость.....313

Цындра В. Н.	Балльная система административных наказаний (взысканий): анализ зарубежного опыта.....	320
Юнусова А. Н.	Анализ правового регулирования опционного договора в странах романо-германской правовой семьи.....	329

СРОЧНО В НОМЕР

Игнатов А. Н.	Факторы детерминации коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел.....	342
Кашикаров А. А.	О некоторых особенностях предупреждения распространения экстремистской и иной деструктивной информации экстремистской и иной деструктивной направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет».....	352
Гаджималикова З. Х.	Вовлечение в террористическую деятельность как особый вид пособничества.....	353
Рудик М. В., Юшина Ю. В., Дервянская Т. П.	«Берегись автомобиля», или как не стать жертвой автомошенника.....	359
Клименко Е. П.	Правовое регулирование деятельности таганрогской артели грузчиков в начале XX в.....	370
Никитина А. П., Михайлова А. Д.	Организация морских перевозок по договору фрахтования морского судна...	380
Пирогов Е. Ю.	Понятие и значение локального правотворчества в системе правового регулирования.....	387
Грейдин О. И.	Формирование системы портовых сборов в морских портах, расположенных на побережье полуострова Крым (обзор источников правового регулирования).....	394
Очкуренко С. В.	Гражданско-правовое регулирование отношений собственности на денежные средства бюджетов и государственных внебюджетных фондов.....	403

